

Библиотека Checheninfo - <https://www.checheninfo.ru/bibliotekainfo>

ББК 63.3(2)

УДК 94/47

Т 47

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *С.А. Арутюнов*,
доктор исторических наук *Ж.Ж. Гакаев*

Тишков В.А.

Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – 000 с., ил.

ISBN 5-02-008755-6

Монография посвящена анализу социально-культурной динамики чеченского общества в условиях вооруженного конфликта. В ее основу положены более 100 интервью с участниками событий (политическими деятелями, полевыми командирами, беженцами, представителями всех слоев чеченского общества). В книге нашли отражение семейно-родственные отношения чеченцев, формирование идеологии национализма и сепаратизма, анатомия заложничества и торговли людьми, эскалация насилия, характер политического режима в этом регионе.

Для историков, политологов, социологов и всех интересующихся современной политической ситуацией на Кавказе.

ТП-2001-II-№ 35

ISBN 5-02-008755-6

© В.А. Тишков, 2001

© Издательство “Наука, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	
Глава I	
Этнография и политика исследовательского проекта.....	
Моральная дилемма	
После битвы как этнографическое поле	
Метод делегированного разговора	
“не те чеченцы”	
Глава II	
Объяснительные модели и теория исследования.....	
Глобальные теории и метапроекты	
Чечня и концепция самоопределения	
Цивилизационно-этнографический романтизм	
Частные объяснительные модели	
Демодернизация как антропологическое явление	
Глава III	
Политика репрессий и политика престижа.....	
О пользе и вреде истории и этнографии	
XX век и чеченские версии истории	
Политика коренизации	
Последствия коллективизации и индустриализации	
Повседневность ссылки	
“Так это было”: поиск ответа	
Глава IV	
Противоречивая модернизация	
Возвращение на родину	
Политический статус и чеченские “верхи”	
Раскол местного сообщества	
Социально-культурная ситуация накануне конфликта	
Новое поколение и его культура	
О языке и истории	
Глава V	
Чеченцы: внутренние образы	
Подходы к пониманию идентичности	
Разновременные низовые версии	
Элитные версии	
Комплекс народа-изгоя	
Какофония чеченской попсы	

Внутричеченские диспозиции	
Новая архаика тейпов и “новые чеченцы”	

Глава VI

Чеченцы: внешние версии	
Кто они чеченцы? Сомнения по поводу общих истин	
Российские восприятия: личный опыт	
Масс-медийные образы и динамика античеченских фобий	
Академические версии	
Бремя внешних предписаний	
Ближний внешний круг	
Симпатии и соперничество	
Дальняя внешняя версия	

Глава VII.

Амбиции лидеров и надменность силы	
“Национальная революция” Джохара Дудаева	
Три года чеченской свободы	
Ответ центра	
Фактор Хасбулатова	
Чечня и российское общество	
Диаспора и международное сообщество	
Оценка чеченского кризиса	

Глава VIII

Джохар: миф о герое и дьяволе	
Постсоветские харизматические лидеры	
Журналистские версии лидера	
Личная версия лидера	
Лидер как народная версия	
Война как игра лидера	
Послевоенная апологетика	

Глава IX

Боевики: доблесть и мародерство	
Идеологический образ и литературная версия	
Как становились боевиками	
Начало мобилизации	
Страх и отвага	
Калашниковская культура	
Нравилось воевать	
Отщепенцы, бездельники, дармоеды	
Мародерство	
“Не на что жить, когда стало так много воевавших”	

Глава X

Семья и конфликт	
О чеченской семье и о тейпах	
Социология чеченской семьи	
Супружеские отношения и статус женщины	
Заботы и жертвы родителей	

Дети войны	
Потери близких	
“Чистый ислам” как новый порядок	
Глава XI	
Религия и конфликт	
Уход ислама	
“Новые мусульмане”	
Приход ваххабизма	
После войны	
Новый раскол	
Глава XII	
Война как тотальное насилие	
Теория и этнография насилия	
Образ врага как введение в войну	
Неверие и шок начала войны	
Жестокость федералов и чеченцев	
Преодоление цикла насилия	
Мечь как аргумент против мира	
Война как заговор	
Война как болото и как преисподня	
Война как всеобщее безумие	
Глава XIII	
Этнография заложничества	
Как появилась эта глава?	
Сложности анализа: политический аспект	
Мифологический и психологический аспекты анализа	
Мотивы похищения	
Кого и как похищают	
Евреи как жертвы	
Организаторы торговли и обращение с заложниками	
Домашние тюрьмы	
Похищение людей и чеченская политика	
Глава XIV	
Во имя “великого народа” к новому насилию	
Самообман “великой победы”	
Постконфликтная экономика	
Социальная жизнь	
Мжегрупповые противоречия	
Шариат для Чечни?	
Глава XV	
Чеченский дискурс как идеология крайностей	
Чеченская пресса	
Судьба чеченского обществознания	
Чеченская антропология	
Враги Чечни	
Миссия освобождения Кавказа	
Ислам и нация	
Чеченский антисемитизм и теории заговора	

Глава XVI

Чечня как сцена и как роль	
Истина и мораль в конфликте	
Тексты и образы возлюбивших войну	
“Либеральные интервенционизм”	
Конструирование чеченцев из этнографического мусора	
Приложение документов.....	
Карта Чечни.....	
Библиография.....	
Указатель имен.....	

ВВЕДЕНИЕ

“Если говорить по отдельности об этой войне, о разных там операциях, вроде бы все понятно. А вот все собрать вместе, связать, чтобы всякое лыко в строку – это уж, видно, ваше дело, ученых. Одно только хочу сказать, не хотел я воевать, да вот и после войны героем себя не чувствую, хоть и наградами осыпан. Так что беспутное это дело – война

Таус А.

“Сегодня Россия вступила в клуб примерно 30–40 государств с внутренними вооруженными конфликтами и с не контролируемыми центральным правительством территориями. Выйти из членов этого клуба будет очень и очень трудно”

Из интервью автора книги корреспонденту “Радио России”, 12 декабря 1994 г.

Эта книга о социально-культурной динамике общества, свергнутого в вооруженный конфликт. В ней анализируется ситуация в Чеченской республике в период так называемого чеченского кризиса или чеченской войны. По своей изначальной форме и политико-правовой сути конфликт в Чечне является вооруженным мятежом против федеральной власти Российской Федерации со стороны одного из этнотерриториальных автономных образований, провозгласившего в 1991 г. в одностороннем порядке выход из состава России и создание независимого государства. Подобные вооруженные конфликты в форме “войн за самоопределение” возникли в конце 1980-х – начале 1990-х годов в ряде регионов бывшего СССР (Нагорный Карабах в Азербайджане, Южная Осетия и Абхазия в Грузии, Приднестровье в Молдове). Почти все они закончились своего рода военной победой сепаратистов, но ни один из конфликтов не достиг цели создания отдельного государства и до сих пор не нашел политического решения.

Попытка федеральных властей покончить с сепаратистским режимом в Чечне вооруженным путем вылилась в затяжную и разрушительную военную кампанию 1994–1996 гг., закончившуюся выводом войск из Чечни и подписанием соглашений о мире в августе 1996 г. и в мае 1997 г. По официальным данным, в первую чечен-

скую кампанию только федеральные вооруженные силы и милиция потеряли убитыми около 4 тыс. человек. Вооруженный конфликт 1994–1996 гг. в Чечне привел к огромным человеческим и материальным потерям: около 35 тыс. человек погибло, более трети населения этой территории (почти 450 тыс. человек, включая выехавших перед войной) оказались вынужденными переселенцами и беженцами, были сильно разрушены г. Грозный и многие другие поселения. Война стала трагедией для народа Чечни и самым большим кризисом в истории новой России.

Конфликт между российскими федеральными властями и сторонниками вооруженной сецессии в Чечне не был разрешен, а последствия войны не ликвидированы. В 1997–1999 гг. внутри Чечни существовал социальный хаос и режим соперничающих вооруженных групп. Последние пытались обрести легитимность через обращение к радикальному исламу, а материальные средства найти через торговлю людьми и внешние заказы на террористическую деятельность. Крах основ общественного порядка в самопровозглашенном и непризнанном образовании, дестабилизация на сопредельных территориях Северного Кавказа, кризисное состояние российской государственности в период трансформаций, внешние манипуляции, включая западные симпатии к чеченскому сепаратизму и его прямую поддержку со стороны исламского радикализма в конечном итоге привели к новому циклу масштабного насилия.

С целью расширить район вооруженного сепаратизма под лозунгом распространения истинного ислама и войны против неверных (*джихада*) в августе 1999 г. с территории Чечни были осуществлены вооруженные вторжения в западном Дагестане и террористические акты (взрывы жилых домов) в Махачкале и Москве. В ответ последовали массивные военные действия и разгром радикальных исламистов на территории Дагестана федеральными вооруженными силами и местными дагестанской милицией и вооруженным ополчением осенью 2000 г. Из-за вынужденного перемещения населения в зоне боевых действий серьезный ущерб был нанесен уникальной этнокультурной мозаике западной части Дагестана. Но в целом Дагестан вышел из серьезного кризиса более консолидированным на платформе общероссийской лояльности и смог достаточно быстро устранить последствия вооруженных действий, за исключением разрушений в так называемой Кадарской зоне (селения Кармахи и Чабанмахи).

В отличие от председателя правительства РФ С.В. Степашина, который дарил именные пистолеты лидерам сепаратистского режима в Чечне, хвалил деятельность религиозных экстремистов, взявших под вооруженный контроль ряд сел Дагестана, и, наконец публично произнес растерянную фразу: “Дагестан можем потерять!”, возглавивший в сентябре 1999 г. правительство, а затем избранный президентом Российской Федерации В.В. Путин занял жесткую по-

зицию в отношении сепаратистского режима в Чечне. Осенью 1999 г. была начата масштабная военная кампания по разгрому вооруженных формирований в Чечне и по восстановлению контроля федеральной власти на этой территории, которая получила официальное обозначение как антитеррористическая операция.

Страна пережила новый вооруженный конфликт с тысячами убитых и раненых из числа федеральных военнослужащих, чеченских боевиков и мирных жителей. К июню 2001 г. вторая война уже унесла жизни около 3 тысяч военнослужащих и около 8 тыс. было ранено. Еще больше погибло российских граждан в Чечне из числа мирных жителей и чеченских боевиков. Еще 150–200 тыс. человек покинули территорию Чечни, и только часть вернулась после прекращения интенсивных боев.

Утратив контроль над основной территорией и понеся большие потери, сепаратистские вооруженные группы перешли к методам партизанской борьбы и к тактике террористических действий против федеральных вооруженных сил, а также лояльно настроенного мирного населения. Масштабное присутствие армии и других федеральных сил Чечне сопровождается попытками создать эффективную и легитимную местную администрацию, восстановить основы жизнедеятельности населения и осуществить постконфликтную реконструкцию чеченского общества.

Чеченская война была и остается одной из важнейших проблем российского общества. По разным причинам к ней проявляют внимание другие государства, международные организации и мировая общественность. Она является предметом многих журналистских описаний и академических исследований. Последние представляют собой преимущественно политологический анализ. Мною предлагается версия чеченской войны, выполненная преимущественно в дисциплинарных рамках социально-культурной антропологии. Это не описание войны, а скорее ее этнография – этнография чеченского конфликта, которую до этого никто не изучал, хотя она того, безусловно, заслуживает.

Я вряд ли могу сказать, что наказ одного из чеченцев “собрать все вместе и связать”, чтобы получилась цельная картина войны, выполнен. Скорее, наоборот, моя версия столь радикально отличается от всего написанного до сих пор о Чечне, что она лишь увеличивает интеллектуальный разброд и продолжающиеся дебаты. Один из моих российских коллег готовил, как он объявил приглашенным авторам, “первую книгу о чеченской войне без ангажированности и политических предпочтений”. Однако заявленное, а затем и опубликованное ее название – “Чечня и Россия: общества и государства” выдавало столь высокую степень идеологической заданности, что с трудом верилось в осуществимость данного проекта.

Для меня, не приемлющего клише “Россия и Чечня” и сомневающегося, что в условиях войны в последней есть государство, пре-

тензии на объективность и идеологически стерильную версию маловероятны. Такая задача мною и не ставилась. Цель книги – донести прямые голоса участников драмы, их собственные версии пережитого и дать свое понимание рассказанных историй скорее как комментарии на страницах полевого дневника. Это не означает, что у меня нет позиции, в том числе и политической, моя позиция будет заявлена. Но все же главная цель – выполнить, базируясь на этнографическом методе, научный анализ феномена общества, оказавшегося вовлеченным в глубокий насильственный конфликт, и на основе нового знания сделать теоретические выводы, имеющие значение для науки и общества.

Прилагаемая работа была начата не для того, чтобы написать историю одного из многих насильственных конфликтов конца XX в. Мне, как историку и этнологу, понятна необходимость временной дистанции, и отсутствие ее было серьезным препятствием, особенно из-за ежедневного эмоционального воздействия происходящих событий и при оценке действий отдельных персоналий, многие из которых знакомы мне лично. Препятствием стало также наличие пространственной дистанции между традиционно понимаемым этнографическим полем и местонахождением исследователя: война сделала для меня фактически невозможной работу на территории Чечни. Оба обстоятельства идут вразрез с моими профессиональными стандартами как историка и этнолога (первому нужна временная дистанция, второму необходим прямой доступ к изучаемому объекту). О преодолении возникшей методологической трудности речь пойдет в первой главе. Замечу только, что я не первый и не последний из историков и этнологов, кто оказывался в подобных ситуациях.

Вполне естественно, что мне трудно рассчитывать на однозначно позитивную реакцию предлагаемой версии конфликта как со стороны коллег, авторов, писавших на эту тему, тексты которых в той или иной степени подверглись моей критике, так непосредственных участников конфликта – чеченцев, особенно тех, кто посвятил себя обоснованию “войны за самоопределение”. Главный идеолог чеченской сецессии Мовлади Удугов уже давно поместил на свой интернетовский сайт (www.kavkaz.org) текст моих предложений по мирному урегулированию чеченского конфликта, которые были представлены председателю правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину весной 1995 г. (см. Приложение. Док. 1), снабдив их таким комментарием:

“Следующий текст российского специалиста по этнографии Тишкова – один из многих свидетелей того, что практически все российские политики, общественные деятели и ученые вместо поддержки естественного права каждого народа на свободу и независимость и на свою собственную государственность пропагандируют наукообразные рецепты как сохранить боющийся за свободу народ в имперской клетке России”.

Каким образом к Удугову попал этот конфиденциальный документ, остается загадкой как и многое другое в сложной драме чеченской войны. Тем более интригующей выглядит задача написать этнографию одного из наиболее жестких внутрисоциальных конфликтов нашего времени.

Многие организации и конкретные люди оказали содействие и поддержку данному исследованию и его изданию. Прежде всего моя признательность Фонду Гарри Фрэнка Гуггенхайма (The Harry Frank Guggenheim Foundation), который предоставил грант для этой работы. Благодаря Фонду Рокфеллера я имел возможность в течение месяца находиться в Центре для конференций и исследований в Белладжии (Италия), где в феврале 1998 г. написал первые главы книги, параллельно работая с профессором Мартой Олкотт над другим проектом. Особую признательность выражаю профессору Робу Брофски, которого в нашей переписке по электронной почте я прозвал “кнутом” (термин, используемый в США для боссов партийных коалиций), ибо его настойчивость получить мною рукопись в срок заставила меня закончить ее с задержкой всего лишь на два года. Он предложил написание англоязычного варианта книги для начатой им серии “Антропология для общества”, которую выпускает Издательство Калифорнийского университета, и взял на себя труд по редактированию перевода. Англоязычный вариант выйдет в свет после русского издания и в несколько сокращенном виде.

Из моих коллег по Институту этнологии и антропологии Российской академии наук я признателен члену-корреспонденту РАН С.А. Арутюнову, который высказал ценные замечания по рукописи, продемонстрировав в очередной раз свои фундаментальные познания и интеллектуальную терпимость. Выражаю благодарность доктору исторических наук М.Ю. Мартыновой за внимательное прочтение рукописи, правку и замечания.

Глубоко благодарен моим партнерам по исследованию (интервьюерам, информантам, кросс-рецензентам) из числа чеченских ученых – докторам исторических наук Джабраилу Гакаеву и Андарбеку Яндарову, кандидаткам наук Галине Заурбековой, Вахиту Акаеву, Хеде Абдулаевой, Мусе Юсупову и Исмаилу Мунаеву, кросс-рецензенту Рустаму Калиеву. И, конечно, огромная признательность всем участникам и свидетелям конфликта, которые поделились своими рассказами, размышлениями и оценками.

Некоторые из информантов погибли в новой войне, а Юсуп Сосламбеков был убит летом 2000 г. недалеко от своей московской квартиры. Здесь уже более уместно выражать скорбь и соболезнования. Война как пожиратель человеческих жизней и здоровья настигает далеко за пределами зоны вооруженной борьбы. Этого не может не чувствовать исследователь, на какой бы пространственной и морально-психологической дистанции он ни находился, изучая

конфликт. Мне в равной мере стали сопереживаемыми гибель и страдания моих сограждан независимо от их этнической принадлежности. Будь это федеральные военнослужащие и их близкие, мирные жители Чечни и даже воюющие чеченцы, многие из которых стали жертвами идеологических и политических манипуляторов и заложниками кровавой спирали насилия. Как сказал в 1996 г. тяжело раненный и неоднократно награжденный 30-летний “чеченский генерал” Таус А., *“от Дудаева мне тошно, хоть реви. А от злодейств российской армии душа разрывается”*.

Глава I

ЭТНОГРАФИЯ И ПОЛИТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕМА

Помимо исследовательского смятения перед автором встала моральная дилемма, которую хотя и непросто, но необходимо объяснить. В течение восьми лет тема Чечни в разных вариациях была частью моей жизни: проблема мятежной республики и ее жесткого конфликта с российской федеральной властью в период когда я был министром по делам национальностей Российской Федерации в 1992 г., участие в составе федеральной делегации в переговорах с делегацией мятежного руководства Чеченской республики в декабре 1994 г. во Владикавказе, работа в правительственной комиссии по мирному урегулированию конфликта в 1995–1996 гг., встречи и беседы с людьми, выступления на конференциях, газетные публикации и комментарии в СМИ, размышления и беседы в институтском кабинете и дома, наконец, замечания жены: “опять формулируешь про Чечню?”. Она первой и определила моральную проблему исследования войны, насилия и людских страданий как форму интеллектуального цинизма профессионалов, для которых конфликт – это всего лишь “тема” и источник карьерного вознаграждения.

Возможно, это слишком категоричное суждение, но ясно, что как бы ни декларировались сострадание и симпатизирующая позиция в отношении объекта исследования, ученые и другие авторы, пишущие об обществе, ввергнутом в войну, находятся *вне событий*. Даже если они были и остаются его “включенными наблюдателями” или идеологическими бойцами за “справедливое дело”. Даже если они сами прошли через страдания и опасности, как это происходит часто с журналистами и реже с учеными. Все равно – это не их война и не их конфликт; они находятся на войне, но не *в войне*. Они находятся в зоне конфликта, но не *в конфликте*.

Это ощущение узурпации конфликта аутсайдерами в целях его анализа или урегулирования, но всегда для внешней презентации (“на продажу”) не покидало меня во время работы над книгой. Каж-

дый раз, когда мой московский кабинет посещали чеченцы или другие, выражаясь традиционным языком этнографа, “мой информаторы”*, я испытывал чувство неловкости за свое отстраненное благополучие. Ибо я знал, что большинство из них пребывает в состоянии психологической травмы и непоправимых жизненных потерь. Партнеры по исследованию, как я предпочитаю их называть, уходили после наших встреч, но часто, к сожалению, не домой. В ходе конфликта почти все они потеряли прежнее жилье и накопленное имущество, а многие из них и близких.

После короткого пребывания в Москве в надежде получить денежную компенсацию и подлечить подорванное здоровье Малика Сальгириева возвращалась в пригород Грозного, в дом своего брата, где она живет после смерти мужа в апреле 1996 г. (мужний родительский дом теперь стал домом ее свекрови и сестры мужа). Ахъяд Д. со своим другом Лом-Али снимал номер в гостиничном комплексе “Измайлово” после годовой отсидки в тюрьме “Лефортово” (правда, у него есть “военный трофей” – квартира в Грозном, где живет жена с тремя детьми). Вахит Акаев после встречи со мной шел пешком от здания института к общежитию МГУ на Воробьевых горах, где посещал курсы повышения квалификации. Он строил планы, как перевезти семью и даже ближайших коллег-ученых из Грозного (по его словам, “ученым там места нет”). Хеда Абдуллаева жила с младшей сестрой в оплаченной дядей до следующего месяца однокомнатной квартире в Москве, а дальше ситуация была неясной. Джабраил Гакаев, потеряв две квартиры в Грозном и лучшую в Чечне гуманитарную библиотеку, купил в долг трехкомнатную квартиру в добротном московском доме, где разместился с пятью взрослыми детьми. Андарбек Яндаров за время нашей работы сменил несколько мест в Москве и, наконец, договорился о комнате в общежитии Сельскохозяйственной академии, где живет с женой и двумя малыми детьми.

Чеченские профессора, мои ровесники по возрасту, Джабраил и Андарбек были последними, с кем я разговаривал в феврале 1999 г.

* Понятие “мой информатор” я стал избегать за его спекулятивный смысл особенно после того, как прочел раздел с анализом чеченского конфликта из труда одного известного антрополога. В нем имелась одна единственная ссылка такого содержания: “как мой информатор ... сказал...”. Это было сделано явно для того, чтобы получить право на описание конфликта в соответствии с дисциплинарным стандартом. То, что отсылка “мой информаторы” – довольно часто служит ритуальным усилителем исследовательской презентации, достаточно хорошо известно. Через подобное клише мы узурпируем не только право на сам рассказ, но и на его источники, или выдаем эти источники за “свои”. В нашем случае расхожее понятие оказалось неприемлемым и по чисто лингвистическому признаку. В русском языке, а тем более в Чечне в период конфликта, слово “информатор” однозначно воспринималось и воспринимается как “агент спецслужбы”. Поэтому в книге употребляется несколько менее нагруженное понятие “информанты” для авторов личных историй и понятие “партнеры по исследованию” в отношении моих чеченских коллег-обществоведов. Некоторые из них выступают в той и другой роли одновременно.

Карта

накануне отлета в Италию на виллу Сербеллони в Белладжио, чтобы приступить к написанию текста книги в одном из самых красивых и комфортных для ученых мест в мире – рокфеллеровском Центре конференций и научных занятий. Здесь я испытал ощущение противоположных жизненных траекторий тех, кто по моде современной антропологии составляет единую диалогичную пару “антрополог – информатор”, каждый раз, когда переводил взгляд от разложенных на столе текстов жизненных историй-интервью на красоты озера Комо и Итальянских Альп. Острота этой моральной проблемы несколько уменьшилась, когда я получил от администрации Центра дополнительное денежное довольствие как “представитель страны с низким жизненным уровнем”.

По сравнению с западными коллегами мое московское благополучие выглядело скромным, и сама благополучность стала понятием относительным. Глядя на норковые манто итальянских дам, я вспомнил, что и чеченки, с кем я беседовал в зимнее время, почти все были одеты в меховые шубы, а чеченские мужчины носили дорогие костюмы и безупречно чистую обувь. Позднее я побывал в гостях у Джабраила и порадовался не только за его новую квартиру, но и еще раз подивился способности многих вынужденных переселенцев-чеченцев преодолевать трудные жизненные ситуации.

Еще одна моральная дилемма присутствовала в факте моей принадлежности к доминирующей в России русской этничности и моего местонахождения в Москве. Как известно, оба адресата (культурный и политико-географический) далеко не нейтральны по отношению к чеченской войне. Именно на них (“Россия”, “Москва”, “русские”) направлена распространенная проекция как на одну из конфликтующих сторон и как на главного виновника случившейся трагедии. Эти слова – самые частые категории в объяснительных моделях причин войны и ее виновников, включая язык многих чеченцев. Как призналась моя помощница, Хеда Абдуллаева, ее коллега по прежней работе в представительстве Чечни в Москве как-то задала ей вопрос: “А ему не стыдно еще и писать об этом после всего, что русские натворили в Чечне?”

Мне удалось заметить, что “Россия, Москва, русские” как собирательные понятия виновника войны больше присутствуют среди тех чеченцев, которые проживают в Чечне. Но и в этом случае под “русскими” понимаются или непосредственные исполнители вооруженного насилия, или русские как “пассивные виновники”. По словам моего чеченского кросс-рецензента Рустама Калиева, “виновность видится только в том, что русские не так активно протестовали и тем самым не смогли предотвратить войну”. Чеченская исследовательница Залпа Берсанова провела серьезное социологическое обследование во время войны. На заданный в 1995 г. вопрос “Считаете ли Вы русский народ виновником трагедии, происходящей с чеченцами?” она получила следующие ответы: среди людей старшего

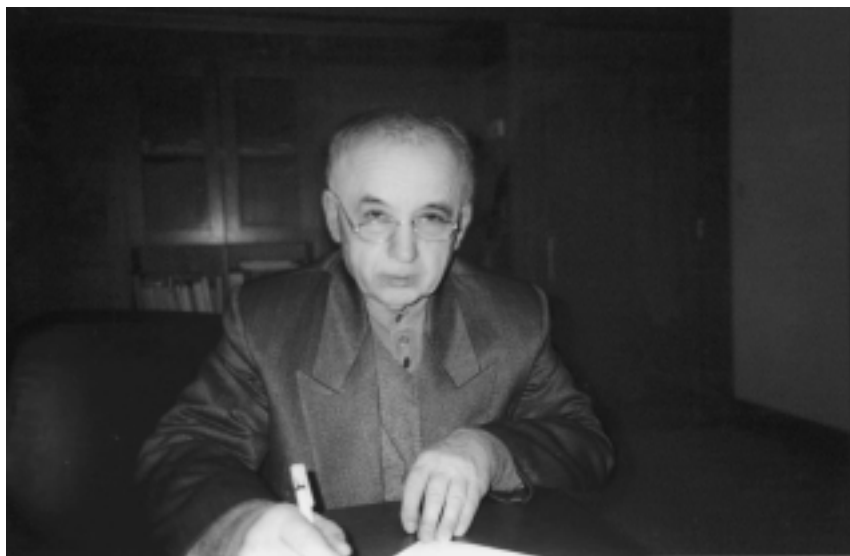
возраста (60–80 лет) 15% сказали “да” и 67% – “нет” (18% не смогли ответить); среди молодых людей (17–30 лет) 32% сказали “да” и 46% – “нет” (22% не смогли ответить). Полученные результаты позволили ей сделать такое заключение: “чеченцы все же резко отличаются Россию, ее власть и русских, и то, что, несмотря на все пережитое, большинство из них все же русский народ не винит, говорит о потенциале чеченской терпимости”¹.

Было только два случая, когда я почувствовал фактор “аутсайдера” при сборе материала для книги. Один из бывших активных бойцов Дудаева остерегся встречи и разговора с “русским”, когда ему было сделано такое предложение. Сотрудница аппарата Министерства образования Чечни, находясь в Москве в 1998 г., не захотела разговаривать со мной из-за возможных негативных последствий или, вероятно, просто по причине застенчивого характера. В остальных случаях я находил в чеченцах хороших партнеров, интересных собеседников и добрых друзей. Мне не нужно было скрывать собственную позицию, в том числе и то, что мною уже было написано о чеченском кризисе. Многие знали об этом, а также об участии в переговорах с представителями правительства Дудаева в декабре 1994 г., когда начались военные действия федеральных войск в Чечне.

В период работы над книгой я старался не участвовать в экспертных работах, выступать с комментариями по российскому телевидению и публиковаться в периодических изданиях на чеченскую тему. Однако в полной мере сделать этого не удалось. После нового цикла войны и встречи с Президентом В.В. Путиным 8 февраля 2000 г. мною были опубликованы в популярных российских газетах статьи “Как предотвратить третью чеченскую?” (“Труд-7”, 2000. 6 апр.), “Слова и образы в чеченской войне” (“НГ – Сценарий”. 2000. 11. 10 дек.).

Возможная реакция на газетные публикации или на телевизионные выступления могла повредить прежде всего тем, кто работал со мной по сбору полевого материала. Эта проблема остается и на будущее, когда книга увидит свет и к ней появится отношение, причем, вполне вероятно, негативное со стороны части чеченских интеллектуалов и политиков (не думаю, что книгу будут читать простые чеченцы, хотя последнее совсем не исключено*). Джабраил Гакаев заверил, что *“очень многие чеченцы в Чечне и за ее пределами будут разбирать по строчкам Ваш текст, потому что это им важно и интересно”*.

* Одним из поразительных моментов была просьба чеченца Ахьяда, который с трудом в свое время закончил сельскую среднюю школу, дать ему “еще что-нибудь прочитать про Чечню”, так как взятые у меня ранее сборник исторических документов о русско-чеченских отношениях и мои публикации он уже прочитал и ему это было очень интересно. Я снял с полки несколько исторических книг по Чечне и отдал ему.



А.Д. Яндаров. Январь 1998 г. (Фото В.А. Тишкова)



Х.Р. Абдулаева с автором книги. Ноябрь 1997 г. (Фото В.А. Тишкова)

Учитывая жесткий характер длительно существовавшего политического режима в Чечне, готовность и способность вооруженной части общества практиковать насилие против “врагов чеченской государственности” и “предателей нации”, а также сильную эмоциональную вовлеченность чеченской элиты в объяснительную сторону конфликта, я был вынужден принять некоторые меры безопасности в отношении интервьюируемых. Почти все они представлены в книге без указания фамилий (только имена). Это не касается основных партнеров по сбору интервью: профессора Андарбека Яндарова вместе с женой Галиной Заурбековой, защитившей кандидатскую диссертацию в Институте этнографии РАН, и филолога Хеды Абдуллаевой, также защитившей кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы РАН. Под полными именами идут и мои чеченские кросс-рецензенты Вахит Акаев и Рустам Калиев, перекрестные комментарии которых приводятся в ряде глав.

Следует сказать, что анонимность в данном случае носит довольно условный характер и не всегда необходима или возможна. Мой партнер по исследованию, информант и кросс-рецензент Джабраил Гакаев не нуждается в конспирации, ибо открыто выступает с позиции осуждения курса на вооруженную сецессию, политики Дудаева и Масхадова. Среди чеченских боевиков он давно находится в списке “предателей нации”. Уже в период восстановления в Чечне федерального контроля летом 2000 г. некоторые известные чеченские лидеры называли его имя вместе с именами Саламбека Хаджиева и Лечи Магомадова как возможных руководителей республики в период постконфликтной реконструкции после нового цикла войны. В частности, один из руководителей временной администрации Беслан Гантамиров высказался так: “Я сделаю все возможное, чтобы наладить мирную жизнь. Нашей республике был бы полезен также Саламбек Хаджиев, но есть и другие лидеры. Это Джабраил Гакаев, Леча Магомадов”. (“Время новостей”. 2000. 6 мая. С.2)

ПОЛЕ БИТВЫ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Условия войны и послевоенная ситуация не позволили выполнить главное правило антропологического исследования – провести полевую работу в самой Чечне. Я осознаю эту слабость моей книги: в ней нет автора на поле сражения и даже в опасной ситуации – волнующий момент в книгах западных журналистов и антропологов, “прошедших войну”². Но ситуация недоступности стимулировала переосмысление самого понятия “этнографическое поле”, чему способствовала также последняя работа об антропологических местоположениях, изданная под редакцией Акхила Гупты и Джеймса Фергюссона³. В ней ставится фундаментальная проблема цеховой основы социально-культурной антропологии и этнологии: что есть поня-

тие “поля” в современной исследовательской стратегии, когда погружение аутсайдера в локальную общину “другой культуры”, долгое время считавшееся торговой маркой антропологического исследования, во многих случаях превращается в авторитарную эпитимию, не позволяющую реализовать исследовательскую задачу. Не локальность, а создаваемое самим антропологом поле с его особыми границами (ментальными и пространственными), то, что Гупта и Фергюссон называют местоположением (*локацией*), является более свободным и обещающим подходом к профессиональному методу. Мы разделяем следующие суждения этих авторов:

“Включенное наблюдение продолжает оставаться основной частью стационарной антропологической методологии, но оно все меньше фетишизируется. Разговоры и жизнь среди членов общины продолжают сохранять свою значимость наряду с чтением газет, анализом правительственных документов, наблюдением за действиями правящих элит и выявлением внутренней логики транснациональных институтов развития и международных корпораций. Вместо вымощенной дороги к цельному знанию “другого общества” этнография все больше признается в качестве гибкой и оппортунистичной стратегии для более разнообразного и более сложного понимания различных мест, людей и существующих преград познания через внимание к разным формам знания, которое имеется в разных социальных и политических местоположениях”⁴.

Мною разделяется также и тезис о более свободном понимании этнографического метода, который в современных условиях не может не включать анализ общественно-политического дискурса, журналистики, литературных текстов, статистики, интервью и массовых опросов. Некритическая лояльность идеальному представлению об этнографическом поле и полевой работе на самом деле представляет собой продолжение научной традиции, которая сложилась во времена жесткого пространственного деления мира на “дом”, где живет антрополог (естественно, “белый” европеец), и “поле”, где находятся “аборигены в их естественном состоянии” и откуда этот антрополог сообщает о “другой” культуре⁵.

Ментальная (хотя и не пространственная) дистанцированность и одновременно экзотизация традиционного этнографического поля все меньше подходят для анализа нетерриториальных культурных систем и более широких взаимодействий, тем более для анализа обществ, где локальная целостность и культурная отличительность взорваны внешними воздействиями или, наоборот, являются результатом и продолжением этих внешних воздействий. Изучаемый нами объект под названием “чеченское общество”, – безусловно, в большей степени феномен, созданный самим конфликтом, ибо в таком социально-культурном и особенно в пространственном (более половины чеченцев находятся за пределами территории Чечни) облике чеченское общество никогда до этого не существовало.

В моей работе встал также важный вопрос о связи политики и этнологического исследования, что немаловажно для анализа феномена насилия, где невозможны научная стерильность и идеологическая отстраненность. Последних никогда не было и в прошлой антропологии, начиная от Н.Н.Миклухо-Маклая и Б.Малиновского. Принцип идеального поля и полевой работы (их обычное определение – это “детальное исследование ограниченного пространства”) только внешне призывался в главные критерии достижения научной истины и политической нейтральности, но сам этот призыв почти всегда скрывал конкретную политику и идеологию ученого или его спонсора. В этой связи Гупта и Фергюссон справедливо пишут:

«Традиционная приверженность “полю” привела к своего рода особой форме политической заангажированности в смысле как производимого знания, так и характера создаваемого дисциплинарного субъекта. Наша установка больше на меняющиеся местоположения, чем на четко обозначенные поля, связана с другим политически видением, – тем, которое рассматривает антропологическое знание как форму ситуативной интервенции. Вместо того, чтобы рассматривать этнографическую интервенцию как беспристрастный поиск истины на службе универсального гуманитарного знания, мы рассматриваем ее как средство отправления особых политических целей одновременно с поиском линий общего политического целеполагания среди единомышленников-союзников, которые могут быть повсюду... Прикладная антропология и особенно антропология действия уже давно связывали этнографическую практику с особыми и откровенно политическими проектами. Отчасти по этой причине такого рода проекты подвергались сомнению в сфере академической антропологии. И все же мы бы отметили, что связь того или иного исследования с политической позицией сама по себе не ставит под сомнение местоположение антрополога как общественного активиста. Поскольку даже самые политически заангажированные “эксперты” могут рассматривать самих себя как занимающих внешнюю и эпистемологически безупречную позицию.

Вместо того, чтобы смотреть на антропологов как на носителей уникального знания и научных проникновений, которыми они могут поделиться или которые могут задействовать к пользе “простых людей”, наш подход придерживается того, что антропологическое знание сосуществует с другими формами знания. Мы видим политическую задачу не столько в дележе определенного знания с теми, кто им не обладает, сколько в создании связей между *разными* знаниями, которые возможны из разных местоположений, и в установлении между ними линий возможного альянса и общего целеполагания. В этом смысле мы рассматриваем исследовательскую область в меньшей степени как “поле” для собирания данных, а скорее как место для стратегических интервенций»⁶.

Ясно, что современные культуры и “антропологические события” уже не так жестко привязаны к географическому месту: они путешествуют столь же интенсивно, как и профессиональный этнограф, а часто опережают его. Во время пребывания в Женеве на конференции неправительственных организаций в июне 1999 г., за два вечера в гостиничном номере чеченец Умар Джавтаев рассказал

мне больше о дагестанских чеченцах-аккинцах и об их отношении к войне в Чечне, чем если бы я поехал к нему на родину в пограничный с Чечней Хасавюртовский район Дагестана. Хотя для себя я сохраняю его предложение⁷

“Я же приглашаю Вас к себе! Это значит, что я лично несу за Вас полную ответственность, никто и ничего не может Вам сделать. Здесь уже действует наш закон и моя личная честь, которую я не могу потерять, если моему гостю будет нанесен вред, а я его не смог защитить. Это у нас чеченцев и дагестанцев самый святой закон”.

Кстати, именно тогда, в июне, Умар убежденно говорил мне: *“Вы что не понимаете, что скоро, максимум в сентябре, в Дагестане начнется большая война. Это абсолютно точно”.* Умар ошибся всего на пару месяцев: военные действия в Дагестане начались в конце июля.

В ситуации с Чечней обнаружился феномен, который вообще заставил меня усомниться в незыблемости постулата “полевой работы на месте”. Разорванное войной и насилием общество и пребывающий в нем исследователь мистически теряют способность к осмыслению и даже к адекватному описанию. Информация “фонит” разного рода манифестными проявлениями и эмоциональными отношениями, которые в спокойной обстановке обычно отсутствуют. Этот фон становится основным смыслом, за которым больше ничего нет и в принципе быть не может, ибо сам рассказ становится посланием или лозунгом.

Один из ведущих специалистов по этнографии чеченцев, Я.В. Чеснов, совершал отважные поездки в Чечню и проводил там полевые исследования до и в период разрушительных военных действий. В опубликованных им текстах⁷ есть много историко-этнографических наблюдений и культурно-цивилизационных конструкций, но только нет самих чеченцев и самого конфликта. В данном случае чеченцы нужны исследователю скорее как современная отсылка к некому древнему субстрату, к некому идеальному (нормативному) образу жизни, утраченному в современной жизни.

Скорее всего в этом виновата советская этнографическая школа с ее третирующим современности и с ее неумением антропологически исследовать человека, кроме как этнофора, “сколка с этноса”, или как материал для выявления “родового обособленного тела этноса” или, наконец, в нашем случае – уникальной чеченской цивилизации. “Ну, вот, скажи, Исмаил, ведь есть же где-то и существовала чеченская цивилизация, и я все равно ее отыщу!”, – говорил Ян Чеснов, когда мы сидели в столовой Дома правительства в разбитом Грозном в октябре 1995 г. Исмаил Мунаев, бывший тогда заместителем министра информации и печати в правительстве Саламбека Хаджиева, и другие чеченцы согласно кивали головами: “Наверное, должна быть. Это хорошо, что ты нас так любишь, но ты, Ян, наивный и романтик”.

Изучая общество в состоянии конфликта, я допускаю, что само поле (прежде всего информанты) может пребывать в столь возмущенном и ментально узурпированном состоянии, что фиксировать возможно только лишь сам этот фон и навязанную реальность, которая иногда бесосновательно называется *ирреальностью*. Интересно, что аудиозаписи, которые Ян Чеснов привез мне после своего очередного посещения Чечни в 1996 г., оказалось невозможным использовать: почти все вопросы были мимо; ответы на них чеченцев были стандартны и поверхностны или в них явно сквозили кураж и ирония. Это был такой же заданный и пустой разговор, как в российских и зарубежных телерепортажах из Чечни или на видео, снятых журналистами или любителями в ходе войны.

“*За что воюете?*”, “*Зачем пришли в Чечню?*”, “*Как с Вами обращаются?*”, “*Кто во всем виноват и что происходит в Чечне?*” – эти много раз публично заданные вопросы создали выгученный набор ответов, превратив массовое мышление в вариант мифомедийного образа.

“*Воюем неизвестно за что*”, – говорят военнослужащие федеральной армии в зоне вооруженного мятежа. “*Чечня – это не наша земля*”, – заявляют в микрофон российские граждане про свою страну.

“*Кормили и обращались нормально, сильно не били*”, – сообщают униженные и истощенные пленники чеченцев.

“*Мы воюем, чтобы защищать своих матерей и свои дома*”, “*У нас право на самоопределение*”, “*За что нас бомбит Россия?*”, – отвечают воюющие чеченцы.

Спустя три года те же федеральные военнослужащие, от генерала до солдата, произносят: “*Мы здесь навсегда. Это наша земля и это часть России. Мы покончим здесь с бандитами*”.

Что касается заявлений чеченцев перед микрофонами и камерами в условиях изменившихся настроений и более жесткой полевой цензуры, то они примерно следующие:

“*Устали жить при бандитах и под бомбежками. Уж если советская(!) власть вернулась, тогда хотя бы не уходила. Мы против России не воевали и не воюем, но если в дом свои боевики попросятся, выдавать не станем. Этих бандитов сами уничтожим: такое горе от них*”.

Этнографическое поле во время разрушительного конфликта оказывается не более чем газетной страницей, упрощенной до полуживой и пропагандисткой тривиальности. Информант видит и показывает только на руины и жертвы, его слова – это не рассказ, а обращение с жалобой или с гневным посланием, это просьба-мольба или слова мести. Он демонстрирует оружие борьбы и насилия как знак самоутверждения, говорит лозунгом, написанным на стене дома или сказанным по телевизору. Он мало что понимает в происходящем. Слухи и верхушечные версии – вот что фор-

мирует и содержит сознание информанта в обществе, ввергнутом в конфликт.

Ситуация становится еще хуже, если спрашивает внешний обозреватель, который почти всегда получает ожидаемую версию, чтобы встроить ее в собственное сочинение о войне. Две обстоятельные книги⁸, написанные западными авторами (журналисты Шарлотта Галл и Томас де Ваал и журналист-антрополог Анатолий Ливен) и пользующиеся успехом, имеют одну слабость: все “прямые голоса” в этих текстах политически декларативны и часто лживы, подобным свидетельствам невозможно верить, а тем более принимать их как позицию “народа”, “чеченцев”, “Чечни” и т.п. Эти книги не о конфликте, а в большей степени о словах по поводу конфликта, что, конечно, не отменяет профессионализм авторов и то обстоятельство, что в книгах содержится богатый и разнообразный материал.

Если основной источник информации и предмет описания – военный штаб или дом Шамиля Басаева, то это одна версия конфликта. Если источник – госслужащий грозненской администрации в период правительств Саламбека Хаджиева и Доку Завгаева, то это совсем другая версия. Московский чеченец из числа интеллектуалов или предпринимателей – третья версия. Одни по-журналистски хлестко пишут в академическом сочинении о “кровавой бане”, устроенной российскими военными в чеченском селе Самашки, и воспринимают как рутинную корректность истребление такого же числа людей при нападении на военную колонну федеральных войск (подспудная логика такова: так им и надо: не надо вторгаться на “чужую” территорию)⁹. Ничего подобного в оценке действий американских военных против гражданского населения Ирака или Югославии, а также действий парамилитарных групп против американских военных в Сомали встречать не приходилось. Здесь как бы есть или общий консенсус “международного сообщества” или какая-либо ссылка на международно-правовую норму.

С противоположных, но равно поверхностных позиций другие авторы описывают недоказанные зверства чеченцев и “криминального режима” Дудаева¹⁰. Эта абсурдность происходящего, включая сферу восприятия и объяснения, была отмечено мною в октябре 1995 г. Свои впечатления о Грозном я тогда записал в своем дневнике:

«До этого я знал Грозный как привлекательный и мирный город. Сейчас, после года войны, город лежал в руинах. Чеченские мужчины в черных кожаных куртках снуют вокруг, держа в руках автомат или папку с бумагами. Чеченские и русские женщины кладут кирпичи и красят постройки, пытаясь восстановить места для жилья. Федеральные военные и местные милиционеры – все с напряженными лицами, прошло всего пару дней после взрыва автомобиля, в котором ехал командующий войсками генерал Анатолий Романов... Саламбек Хаджиев, тогдашний глава временного правительства в Грозном, зажатый множеством проблем и групповых противо-

борств, обращается к участникам круглого стола “Россия и Чечня: испытание государственности” с просьбой о “конструктивных идеях и конкретных рекомендациях по преодолению кризиса”. Табличка на его кабинете гласит “Академик Хаджиев”, чтобы напоминать каждому о подлинной мудрости этого человека. В коридоре правительственного здания я встретил Беслана Гантамирова, мэра города Грозный, который в декабре 1994 г. во время нашей первой встречи на переговорах во Владикавказе представился как “бевик”. Сейчас он был окружен охранниками, которые сопровождали его даже до двери туалета.

Здесь же, во дворе здания федеральной администрации я встретил еще одного хорошо охраняемого человека, заместителя секретаря Совета безопасности РФ Владимира Рубанова, который высказал мрачную, но крайне пронизательную реплику: “Научный анализ – это хорошая вещь, но некоторые решения могут приниматься по причине или накануне лишку выпил, или утром рассола не хватило”. Вахит Акаев, директор Чеченского института общественных наук, показывает мне разбитое здание института и сгоревшие архив и библиотеку. Он же передает через меня заявку в Российский гуманитарный научный фонд на исследовательский проект “Национально-освободительные движения в Чечне в XIX веке”.

Что-то происходит явно не то с политикой и с наукой в обществах, ввергнутых в конфликт. Та и другая начинают выглядеть основательно глупыми и аморальными во многих аспектах. Ни политики, ни ученые еще не готовы сделать признание “Мы были не правы”, как это сделал Роберт Макнамара в отношении Вьетнамской войны спустя только 20 лет. Возможен ли объективный и самокритичный анализ, когда столько много вещей поставлено на карту, в том числе и десятки тысяч погибших? Или мы также обречены ждать 20 лет, чтобы извлечь все политические уроки и выполнить исследовательскую миссию? Неужели этот пожар в умах мешает нам делать выводы и заключения до тех пор, пока общество само не остынет от конфликта? И все же я полагаю, что некоторые заключения возможны и даже крайне необходимы. Даже если они будут не более пронизательны, чем ремарка одного грузинского интеллигента-политика, который сопровождал меня на встречу с Эдуардом Шеварднадзе в 1992 г. через разрушенный проспект Шота Руставели в Тбилиси: “Посмотри, как вдруг все грузины разом сошли с ума!”».

Тогда, в 1995 г. из всех зафиксированных разговоров я не смог выстроить даже фрагментов анализа: все рассыпалось от политизированности сообщений, их полумифического содержания и чрезмерной драматизации публичного дискурса, в который было вовлечено как обычное, так и элитное сознание. Необходим был момент хотя бы частичного успокоения политических эмоций. Это время пришло спустя три года, хотя данное заключение оспорил мой кросс-рецензент Рустам Калиев:

«Мне было всего 17 лет в 1995 г., когда я начал вести свой дневник, проживая в пригороде Грозного, Ермоловке, и вел записи в последующие годы. Я уже тогда решил стать журналистом. Потом, при попытках что-либо “собрать” на основе этих записей, я столкнулся с той же проблемой: полумифические истории, чрезмерная драматизация, эмоции по

поводу всего и не только личных моментов жизни. Фактов почти нет. Зато ни одного момента и даже намек на озлобленность или упрек в адрес русских, хотя в моих записях слова “российские власти” пестрели в весьма отрицательных смыслах. Но снова без фактов, а на основе эмоционального состояния, общих заключений и слухов.

Я уверен, что “момент частичного успокоения”, который “пришел спустя три года”, едва ли изменил основное правило, о котором Вы пишете выше: одни политические эмоции улеглись, но на смену пришли другие и они не менее сложные и острые. По-прежнему, вольно или невольно, наблюдатель чеченской реальности рискует увязнуть в тех же проблемах политизированности и эмоциональности, но только в отношении других обсуждаемых сюжетов».

Рустам, пожалуй, более точен в своем анализе. Успокоение политических эмоций после окончания войны едва ли наступило. Доказательство тому – сама послевоенная ситуация, когда поездка в Чечню для обозревателей уже стала невозможной по причине личной безопасности. Бесспорно, это касалось и автора, который смог побывать в зоне конфликта только однажды, в октябре 1995 г. Необходимо была какая-то методологическая новация для сбора материала и для доступа к “другой истории”.

МЕТОД ДЕЛЕГИРОВАННОГО РАЗГОВОРА

Приступая в начале 1998 г. к работе над книгой, я применил *метод делегированного разговора*, поставив на место московского антрополога-визитера выбранных мною партнеров из числа чеченцев, обладающих достаточными образованием и наблюдательностью, чтобы вести разговор на чеченском или на русском языках вокруг вопросов, которые меня интересовали. Это были простые вопросы, а вернее, темы для бесед: где находился тот или человек во время войны, что делал и как обеспечивал свою жизнь, как оценивает то, что произошло с ним и с его семьей, что думает о правителях и их целях, что изменилось в Чечне и чего ожидает от будущего? Вопросы также были о довоенной жизни, об истории семьи и обо всем другом, что хотел рассказать собеседник в ходе разговора. Я особо просил побеседовать с теми, кто воевал, и спросить, что означала для них эта война. Мне очень хотелось получить записи бесед не только с воевавшими мужчинами, но и старыми людьми, женщинами, подростками, чтобы полнее представить то, что называют “чеченским народом”.

Мои партнеры выполнили эту работу самым лучшим образом и, безусловно, удачнее, чем если бы я сделал ее сам. Привезенные из Чечни тексты интервью поразили меня своей искренностью и проницательностью, образным и точным мышлением, великолепным простым языком, на котором уже разучились говорить сами ученые. Собранные материалы дополнили записи бесед, которые я сделал в

Москве и в других местах, особенно с политическими деятелями и интеллектуальными лидерами. Все тексты, вместе взятые, казались мне сами по себе гораздо более значимыми, чем то, о чем я собирался писать по их поводу. И все-таки мне, как автору, пришлось подчиниться закону жанра и создавать собственную версию.

Мой анализ строится на свидетельствах 55 человек, из которых 50 – чеченцы, один – ингуш, один – еврей и двое – русские, долго жившие и работавшие в Чечне, в том числе и во время конфликта. Мне не удалось выполнить часть задуманного плана и включить в исследование свидетельства российских военнослужащих, а также солдатских родителей. Это было бы нетрудной задачей, но уже полученный материал оказался вполне достаточен. Анализ так называемых федералов – фактически новая тема, которая еще ждет своего исследователя.

Что касается моих собственных бесед, то мне бы не хотелось их недооценивать. Большинство из них для меня были не менее значимы, чем любое интервью “в поле”, сделанное делегированными партнерами. На протяжении почти двух лет не было недели, чтобы в моем институтском кабинете не побывал кто-то из чеченцев и не состоялся бы тот или иной разговор. Эти встречи и беседы начались еще задолго до войны, когда в 1993 г. ко мне пришел ныне покойный Юсуп Сослаббеков – один из авторов чеченской “национальной революции”, лидер полумифической, но громко заявленной Конфедерации народов Кавказа. Колоритный Юсуп, постоянно носивший высокую каракулеву папаху, дал мне тогда достаточно пронизательный ответ на вопрос о том, что происходит в Чечне: “Если говорить кратко, то в Чечне выросла новая элита – в основном активная и образованная молодежь – и ей нужно место под солнцем”.

Годом ранее, в этом же кабинете я получил не менее примечательный ответ от Артура Галстяна, аспиранта нашего института и тогдашнего мэра Еревана, когда спросил, в чем суть Карабахской войны для Армении. “Мы всегда были нацией побежденных и терзируемых, а сейчас впервые в истории армяне стали нацией победителей”, – сказал Галстян. Обоих молодых харизматических лидеров сегодня нет в живых. Оба стали жертвами заказных убийств.

Это были не только разговоры на тему книги. Отношения с некоторыми чеченцами переросли в дружеские и беседы касались житейских проблем. Ахьяду нужно было помочь найти врача для консультации по поводу извлечения осколка из головы (“голова болит, и иногда становится совсем плохо, а без медицинской страховки нигде не принимают”). Андарбек Яндаров получил исследовательский грант РГНФ на изучение конфликта в Чечне и нуждался в консультации по поводу зарубежной литературы на сходную тему. Исмаилу Мунаеву нужно было место в общежитии, чтобы как-то закрепиться в Москве и решать проблемы семьи, которую пришлось всю вывезти из Чечни.

Д.Д. Гакаев (справа) со своим родственником. Январь 1998 г. (Фото Г. Финклера)



Горная Чечня (Фото В. Бышовца)

Я глубоко пережил личную трагедию, постигшую моего друга Джабраила. 7 июля 1999 г. его старший сын Мед погиб в автомобильной аварии всего в нескольких сотнях метров от их дома на Ленинском проспекте. Вывезти из-под бомбежек и спасти от ужасов войны всю семью, пристроить в хорошие вузы детей, радоваться диплому престижного вуза и первой зарплате сына на перспективной работе и... нелепо потерять его в Москве! Это большая беда.

Рассказ Джабраила после смертельно опасной для него поездки в Грозный, чтобы похоронить сына в родном селе, заслуживает особого места в книге, но мне хотелось бы привести его в первой главе, чтобы читатель мог почувствовать с самого начала всю степень драматизма, переживаемую чеченцами в ситуации личного горя во время продолжающегося конфликта. Ибо даже горечь утраты сына становится политикой и актом личного мужества.

«Я не мог не похоронить его по нашим обычаям и у себя дома. Все произошло в ночь на субботу, и в госпитальном морге даже получить документы было невозможно, а ждать два дня мы не могли. Не мог я позволить и делать вскрытие: это совсем против нашего обычая. Но справки без вскрытия давать не положено. Чудом удалось договориться и забрать сына. С цинковым гробом сразу в аэропорт. До этого позвонил племяннику в Чечню, чтобы подготовили встречу. Мне ехать туда было опасно: я у них первый стою в черном списке "врагов народа". Но и не ехать нельзя. Я бы тогда перестал себя уважать. Считал бы, что я их испугался. Ведь многие не смогли в таких ситуациях поехать. Саламбек Хаджиев в прошлом году не смог поехать, чтобы похоронить свою мать. А некоторых они возвращали прямо из аэропорта.

Вышел из самолета, а весь аэропорт полон моих людей. Человек семьдесят, и все с оружием. Сели в машины и в родное село Гехни-чу. Это примерно километров 50 от Грозного. Там наш родной дом и кладбище, где похоронены родственники и два наших умерших младенцами ребенка. Могила уже была выкопана. Такое место хорошее. Рядом дерево красивое и вид на долину. Завернули в ковер и положили в землю. А когда только засыпали, подул такой свежий ветер, и стало как-то всем легче. Как будто кто-то сверху дал команду. Пошел дождь. Спала многодневная жара.

Село наше большое и все пришли выразить соболезнование. Уже до этого резали корову в жертву и мясо раздали сельчанам. Потом еще две коровы и несколько баранов резали для угощения. А поминки сделали в доме у брата. В нашем доме надо было наводить порядок, приносить посуду. У брата все есть. Он бы мог обидеться. Народу было за эти дни тысяча пять. Вся плоскостная Чечня собралась. Это была своеобразная демонстрация поддержки моей политической позиции.

Как только так быстро узнали. Некоторые приехали, потому что не верили, что Джабраил Гакаев в Чечне. Им было важно самим в этом убедиться. Все выражали соболезнования и руку пожимали даже те, кто еще некоторое время назад считал меня за "предателя". Настроение сильно изменилось за последнее время. О чем я говорил и предупреждал, то и получилось. Война ничего, кроме беды и лишения, нашему народу не дала.

Я все три дня стоял и всех встречал у дома. Очень трудно было. Спал всего часа два. Все дни на похоронах присутствовал мой тесть – дед Меда, а при нем я садиться не могу, хотя он мне и предлагал. Потом жена, сын Заурбек и племянники остались, а я поехал назад. Опять со мною родственники и по отцовской, и по материнской линии. Некоторые воевали на стороне Дудаева, но здесь они меня были готовы защищать до последнего. Я даже себе попросил автомат. Уж если что, то я буду первым. Не смог бы пережить, чтобы из-за меня опять кто-то погибал...

Сын меня подвел: столько было вложено. Надежда была, что станет опорой, и на него другие ребята будут равняться. Но, видимо, не судьба. Хотя я ему столько раз говорил быть осторожнее, но разве все предусмотреть. Но вот смертью своей мне помог. Я теперь спокоен. Правда не на стороне этих бандитов. Им скоро с их автоматами как бы из Чечни драпать ни пришлось. Многим они опостытели. Я несколько дней назад об этом написал в газете “Труд”, которую и в Чечне получают. Но все равно поехал, чтобы выполнить свой долг перед мертвыми и живыми родственниками и доказать этим подлецам, что я выше их.

Все было сделано, как положено. Когда в Москву вернулся, столько людей пришло за эти дни. Народ наш такой: разойдутся – друг друга только ругают, а когда горе – все стараются быть вместе и поддерживать. У нас водку на похоронах не пьют, но давайте по-русскому обычаем выпьем и помянем. Только я себе коньяку немного налью, чтобы не пахло. Иначе будет неудобно».

“НЕ ТЕ ЧЕЧЕНЦЫ”

На одной из конференций, организованных Международным институтом исследований мира в Осло и Норвежским комитетом защиты прав человека, я услышал удивленную реплику по поводу выступлений двух представителей Чечни: “Да это же не те чеченцы?!” Такая реакция была вызвана тем, что выступавшие чеченцы осуждали режим Дудаева и излагали не ту версию, которую большинство присутствовавших имело в своей голове и хотело еще раз услышать. Сразу же внимание всех, включая и журналистов, переключилось на третьего участника конференции из Чечни, который находился на Западе в качестве “представителя Дудаева” и уже хорошо выучил роль, которую от него ожидала аудитория.

“Те” или “не те” чеченские голоса звучат в моем повествовании? Вопрос этот не такой простой. Мои личные беседы и беседы партнеров по исследованию строились без строгой выборки и политических предпочтений. Безусловно, на мою долю больше пришлось тех, кто не воевал на стороне Дудаева и далеко не симпатизировал курсу на чеченскую независимость. В самой Чечне выбор был широким, и, к моему удовлетворению, “дудаевцев” в списке интервьюируемых оказалось достаточно. В книге есть разные чеченцы, хотя, может быть, и не все являются таковыми, если иметь в виду некую социологическую совокупность.

Коллективный портрет информантов получился следующим: мужчин – 40, женщин – 15; старшего возраста (старше 50 лет) – 14, среднего возраста (30–49 лет) – 21, молодого возраста (до 29 лет) – 20 человек. География информаторов достаточно широкая – 18 человек из Грозного, остальные из других населенных пунктов, в том числе из горных сел. Их социальный статус можно считать примерным срезом социального состава чеченского общества. Среди них есть государственные и партийные работники, профессора-преподаватели вузов, школьные учителя, журналисты и архитекторы, врачи и медицинские сестры, коммерсанты и мелкие торговцы, рабочие и технический персонал, сельские работники (водители, механизаторы, пастухи), студенты и домохозяйки. В этом списке нет представителей дудаевского-масхадовского руководства, мулл-священнослужителей и главных военных (полевых) командиров.

Почти вся мужская молодежная группа – это активно воевавшие на чеченской стороне так называемые боевики (как и когда утвердился этот термин, мне не удалось выяснить). Из двадцати молодых человек только двое не участвовали в боевых действиях. Из группы среднего возраста семь мужчин – активные участники и пять – оказывавшие вспомогательные действия (“разведка”, обслуживание транспортом, другая помощь). В старшей группе воевавших нет, хотя нам известны случаи, когда воевали чеченцы и старше 60 лет. Среди боевиков есть лица, получившие звание “генерал”, т.е. командиры, члены дудаевской президентской гвардии, но большинство – рядовые бойцы. Многие имеют ранения и контузии. Женская группа – это в основном матери-домохозяйки без постоянной работы, некоторые без семьи по причине смерти супруга или не вышедшие замуж. Есть молодые, незамужние женщины.

Политические предпочтения информантов самые различные: от последовательных дудаевцев и сторонников независимости до пророссийски настроенных противников радикального сепаратизма или просто не имеющие определенных политических ориентаций. А чаще всего – это противоречивая смесь представлений и убеждений с преобладанием общего осуждения войны и ее инициаторов.

Возможно, строгая социология требует так называемой выборки, но для этнологического анализа она не столь необходима, а в условиях вооруженного конфликта просто невозможна. Встречающиеся попытки социологических опросов в Чечне, сделанные московскими и местными специалистами в период войны и после¹¹, производят слабое впечатление и их достоверность очень низкая.

Наша последняя новация состоит в построении трехуровневого текста. Помимо авторского описания и анализав книге приводятся многочисленные и порою пространственные свидетельства информантов и жизненные истории* (своего рода антропология “прямых голо-

* В тексте выделены курсивом.

сов”, в пользу сохранения которых решительно высказался мой рецензент С.А. Арутюнов).

Уже после того как был написан основной текст, он был передан нескольким чеченцам, в том числе и партнерам по исследованию – Д. Гакаеву, В. Акаеву, А. Яндарову, Х. Абдуллаеву, а также Р. Калиеву, чтобы они могли не только сверить свои свидетельства и дать согласна их публикацию, но и высказать замечания. Эти замечания обрели самостоятельный характер своим уточняющим или дискутирующим смыслом. Они были включены в книгу, составив тем самым еще один уровень изложения в форме постраничных примечаний. Тем самым текст стал сложнее по конструкции, но, на мой взгляд, интереснее с точки зрения презентации сложности проблемы и совершенствования этнографического метода.

¹ Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С.247.

² Напр. см.: *Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power.* New Haven; L., 1998.

³ *Gupta A., Ferguson J., eds. Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science.* Berkeley, 1997.

⁴ *Ibid.* P. 37.

⁵ Ортодоксальный взгляд на понятия “этнографическое поле” и “полевая работа” см.: *Чеснов Я.В. Историческая этнология.* М., 1998.

⁶ *Gupta A., Ferguson J. Op. cit.* P. 38–39.

⁷ *Чеснов Я.В. Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народов / Чечня и Россия: Общества и государства.* С. 63–101 и др. (см. библиографию).

⁸ *Gall C., Th. de Waal. Chechnya: Calamity in the Caucasus.* N.Y., 1998; *Lieven A. Op. cit.* Есть скороспелые издания западных авторов, построенные только на газетных источниках и опросах общественного мнения. См.: *John B. Dunlop. Russia Confronts Chechnya. Roots of a Separatist Conflict.* Cambridge, 1998.

⁹ См.: *Khazanov F. After the USSR Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Jendependent States.* Michigan, 1996. P. 222.

¹⁰ См. пропагандистское издание МВД РФ: *Криминальный режим. Чечня, 1991–1995 гг. Факты, документы, свидетельства.* М., 1995.

¹¹ См.: *Скакунов Э.И. Чеченский конфликт.* М., 1996; Ойла. Журнал социальных наук и публицистики. 1998 1. С.86–89.

Глава II

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной литературе существует большое число работ, в которых с разных дисциплинарных позиций рассматриваются ситуации вооруженных сепаратистских конфликтов в тех или иных государствах и регионах мира, а также обзоры литературы по этническим и сепаратистским конфликтам¹. Ряд интересных монографий и коллективных трудов, не говоря о многочисленных статьях, опубликован по войне в бывшей Югославии². Неправительственная организация “Европейская платформа по предотвращению конфликтов” готовит обзоры по конфликтам в основных регионах мира и издала обстоятельный том по 31 конфликту в африканских странах³, а в настоящий момент завершает том по Европейскому региону. “Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения” (EAWARN) с 1998 г. публикует ежегодные доклады о состоянии межэтнических отношений и конфликтов в постсоветских государствах. Еще одна экспертная сеть “Инициатива по разрешению конфликтов и проблемам этничности” (INCORE) с 1998 г. издает регулярный журнал “Этничность и конфликт. Дайджест исследований” (“Ethnic Conflict. Research Digest”), публикующий рецензии на выходящие в данной области книги и доклады.

В 1995–1999 гг. Исследовательским институтом по социальному развитию при ООН (United Nations Research Institute for Social Development – UNRISD) осуществлялся масштабный проект по изучению обществ в состоянии вооруженных конфликтов. Эта работа была ближе всего к моим исследовательским интересам, но она, к сожалению, дала скромные результаты по причине слабого академического обеспечения⁴. Проект по проблемам постконфликтной реконструкции разрабатывается Женевским Центром прикладных исследований в области международных переговоров (CASIN), который провел специальный симпозиум в ноябре 2000 г. в рамках Женевского форума по безопасности и опубликовал мой доклад “Понимание насилия для постконфликтной реконструкции в Чечне”⁵.

В отечественной российской литературе имеются серьезные работы по отдельным конфликтам, а также издания обзорного

характера, выполненные главным образом политологами и социологами, которые в последние годы избрали данную тему приоритетным направлением и даже сконструировали новую дисциплину – так называемую *конфликтологию*, т.е. науку о конфликтах и их разрешении⁶. Что касается анализа чеченского конфликта, то наиболее обстоятельный историко-политологический анализ был дан Джабраилом Гакаевым⁷. Изданы многочисленные хроники и публицистические произведения, но научная ценность их невелика.

Несмотря на серьезное продвижение в понимании данной проблематики, есть два аспекта, которые вызывают неудовлетворенность. Прежде всего это, недостаточное участие социально-культурных антропологов в изучении феномена вооруженных конфликтов (особенно по региону бывшего СССР). Многие десятилетия мировая антропология продолжала быть вовлеченной преимущественно в историко-археолого-этнографические реконструкции форм военной деятельности и современной практики насилия в так называемых племенных сообществах⁸. Только в самые последние годы вышли замечательные исследования по антропологии насилия, современных конфликтов и культурно-антропологическим аспектам проблем международной безопасности⁹.

В целом, нынешняя ситуация радикально отличается от первой половины 1980-х годов, когда по инициативе Мэри Фостер и Роберта Рубинштейна на Всемирном конгрессе антропологов и этнологов в Ванкувере в 1983 г. была учреждена специальная Международная комиссия по изучению проблем мира, одним из сопредседателей которой я стал с момента ее создания. Это еще были времена генсека К.У. Черненко. Мой плохой доклад в Ванкувере с цитатами из партийных документов не был опубликован, но другие и последующие материалы комиссии вышли в свет в очень достойной форме¹⁰. И все же некоторые фундаментальные проблемы теории насилия и конфликтов еще ждут своего разрешения на основе этнографического метода и с позиций социально-культурной антропологии¹¹.

Второй аспект – отсутствие убедительных теоретических концептов или вообще игнорирование социальной теории, как это имело место с проектом UNRISD, где упор делался не науку, а на “участие”. Таким образом, современная обществоведческая мысль остается в рамках схоластичных метатеорий и популярных методологий, которые доминируют в исследованиях по проблемам мира и конфликтов. Почти все они слабо работают на уровне конкретного анализа и скорее служат политическим целям и амбициям глобальной теоретической схоластики¹². Рассмотрим некоторые из них.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ И МЕТАПРОЕКТЫ

То, что мы часто называем *теориями*, таковыми на самом деле не являются. Порой это слово выступает лишь как дополнительный усилитель той или иной научной презентации. Такое явление распространено как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Например, прекрасные американские ученые Ион Ластик и Дэвид Лэйтин, работы которых я часто использую, определяют свои научные изыскания и выводы как “теории” (в первом случае речь идет об идентичности как о легитимной основе государства с оспариваемыми границами¹³, во втором – о трансформации идентичностей среди русскоязычного населения ближнего зарубежья¹⁴). Зато другие не менее глубокие теоретики в сходной по тематике области, как, например, Роджер Брубейкер и Рональд Суни, данной категоризацией собственных академических презентаций фактически не пользуются¹⁵.

Известный российский социолог А.Г. Здравомыслов назвал свою книгу “Релятивистская теория нации”¹⁶, содержание которой до теории не дотягивает даже в смысле изложения стандартных релятивистских подходов. В то же время, если придерживаться минимальных требований в отношении понятия *теория* и трактовать его как обоснование научных положений, выдвигаемых для объяснения фактов, событий и явлений, тогда проблема с данным словоупотреблением отчасти снимается, что не освобождает от необходимости критического анализа того, что называется подходом или теорией. Рассмотрим некоторые из теоретических концептов в области анализа конфликтов.

Теория базовых человеческих потребностей (basic human needs theory) является одной из наиболее популярных. Она носит скорее мифопоэтический характер, ибо исходит из постулата, что глубоко укоренившийся социальный конфликт возникает как следствие неудовлетворенных основных (базовых) потребностей и задачей разрешения конфликта является развитие методов их понимания и удовлетворения. В начале 1990-х годов эту теорию активно продвигал американский ученый Джон Бертон и его последователи¹⁷, а сейчас ее разделяют многие российские специалисты. Фундаментальная слабость такого подхода, на мой взгляд, заключается в том, что он исходит из факта безусловного существования групп (прежде всего этнических) как коллективных тел, которые обладают некими природными потребностями, как-то стремление к сохранению своей целостности, к политическому самоопределению и прочее. Отсюда следует провоцирующий вывод, что “люди будут стремиться удовлетворить свои потребности тем или иным путем, даже не останавливаясь перед тем, что другие будут относиться к ним как к “преступникам” (или “террористам”)»¹⁸.

Онтологизация этнической группы, а тем паче наличия у нее коллективной воли “по поводу потребностей” и даже самих потреб-

ностей игнорирует более современный взгляд на конструктивистскую природу этничности и социальной коллективности, не говоря уже о самих потребностях, как на результат ощущения, объяснения и даже внешнего предписания, что есть “потребность”. Этот подход не объясняет, почему инициаторами насилия, а также в ситуации разрушительного конфликта оказываются чаще представители группы с относительно высоким уровнем обеспечения “базовых потребностей”, тогда как лишенные многих возможностей и имеющие явно низкий статус, могут не воспринимать его таковым и не выступать за изменение статус-кво; почему относительно благополучные сообщества бывших Нагорно-Карабахской, Абхазской, Юго-Осетинской, Чечено-Ингушской автономных республик оказались в глубоком конфликте и почему абхазы, карабахские армяне, южные осетины, чеченцы, состояние “потребностей” которых было сходным с положением представителей десятков других этнических меньшинств бывшего СССР, выступили инициаторами бескомпромиссной вооруженной сецессии*.

Но самое уязвимое в данном подходе то, что его последователи видят путь к разрешению конфликта только в полном удовлетворении “базовых человеческих потребностей”, что, по их мнению, способно согласовать интересы и привести к разрешению противоречия, спорных вопросов и установить новые отношения между противниками. При всем желании нам не удалось выявить какие-либо единые базовые потребности у узкой группы чеченской элиты, расставшей свои деньги и родных по дальним странам; у боевиков, фанатично сражающихся за несколько сот долларов и под влиянием смутных идей, и у значительной части населения, лишившегося элементарных источников жизни. Тем более наивными и надуманными выглядят некогда элегантно изложенные сначала Роджером Фишером¹⁹, а затем многими его последователями “одинадцать человеческих характеристик, являющихся универсальными и независящими от специфики определенной культуры, общества или политической системы, представляющие существенные составляющие общечеловеческого опыта”²⁰.

Это как бы и должен быть реестр “базовых потребностей”, но только его явная книжность разбивается об одно единственное замечание моего коллеги Веналия Амелина, который уже целый ряд лет отвечает в Администрации Оренбургской области за политику в об-

* Мой кросс-рецензент Джабраил Гакаев заметил, что благополучие советской Чечено-Ингушетии было внешним, а контрасты социальной жизни в Чечне более глубокими, чем в других регионах страны, и именно это обстоятельство было одной из причин конфликта. Данное замечание я намерен обсудить ниже, но сама ссылка на приниженное положение чеченцев и их дискриминацию является почти всеобщей в литературе о чеченском кризисе. Разница лишь в степени оценок: от “этноцида” и “народоубийства” до трудовой дискриминации и аккультурации.

ласти межэтнических отношений и очень много сделал для развития и поддержки культурного многообразия и политического представительства меньшинств в данном регионе: “Понимаете, Валерий Александрович, чем больше мы делаем и чем больше даем, тем больше требуют. До этого не знали национально-культурной автономии и все было тихо, а сейчас дай все – от зданий до компьютеров”. Таким образом, “потребности” нужно не только объявить (например, через закон) и объяснить (через собрания и печатные тексты), но и нужна поволятельная среда (прежде всего политические условия), чтобы о потребностях заявить.

В подтверждение приведу еще один пример из своего опыта министерской работы. Моя инициатива реабилитации национально-культурной автономии (наряду с этнотерриториальной автономией) в 1992 г. встретила ожесточенное сопротивление как со стороны ортодоксов “национального вопроса” (тогдашний председатель Палаты национальностей Верховного Совета РФ Рамазан Абдулатипов), так и радикальных демократов (советник президента РФ Г.В. Старовойтова), которые как раз в этом вопросе занимали также ортодоксальную позицию полного “национального самоопределения”. Так, в итоге “базовая потребность” в национально-культурной автономии “отложилаcь” на несколько лет, пока не пришло время принятия соответствующего федерального закона в 1996 г.

В равной мере неубедительно объяснение и не менее популярной *Теория групп меньшинств в состоянии риска*, на основе которой определяются “меньшинства в состоянии риска” (minorities at risk) как источник нестабильности, конфликта и международной или национальной озабоченности. Естественно, когда группой американских исследователей под руководством Теда Гурра составлялась мировая номенклатура таких меньшинств (233 групп), да еще по впечатляющему количеству “объективных параметров” (96 показателей)²¹, ее авторы даже не ведали о существовании таких групп, как чеченцы, абхазы или карабахские армяне. Но даже если бы им было известно о них, едва ли они попали бы в этот список, ибо политическая повестка до 1991 г. диктовала включить в него грузин, украинцев, эстонцев – группы на самом деле с благополучным культурным статусом и с далеко не худшим социальным положением как по меркам СССР, так и по мировым стандартам, а также других, более политически корректных клиентов на международную защиту и, возможно, на сецессию.

Эта так называемая теория слаба тем, что “группа риска” в конечном итоге отбирается не беспристрастным компьютерным анализом, а заложенными в машину предпочтениями исследователя, зависящими от горизонта его знаний и политических взглядов. Не прошло и пяти лет, как весь мировой список меньшинств в состоянии риска оказался курьезом. Кстати, при желании в этот список можно было включить любую этническую единицу на территории бывше-

го СССР, начиная с русских, не говоря уже о сотнях этнических групп в странах Азии, Африки и Америки.

Дело в том, что при всем разнообразии статусов групп и наличии среди значительной их части серьезных социально-политических и историко-культурных проблем конфликт происходит по другим причинам. Дебаты о ситуации риска – это не более чем предписания и аргументы для постфактических рационализаций, объясняющих уже произошедший конфликт. Самое несостоятельное в теории “группового” риска то, что она не признает право на риск за группами большинства, отдавая безраздельно это право меньшинствам, в то время как последние тоже могут и выступают инициаторами насилия и дестабилизации.

Кстати, и теория базовых потребностей фактически не признает таковые потребности за группами большинства, тем самым обнажая свою ограниченную политизированную сущность. Априори, как бы имеется в виду, что “базовые человеческие потребности” у украинцев, татар, чеченцев и других меньшинств в России есть, а у русских их быть не должно, ибо они изначально как доминирующая группа занимаются только тем, что отбирают или присваивают “потребности” других. В равной мере, озабоченность и страхи по поводу базовых потребностей у косовских албанцев есть, а у сербов (про цыган вообще забыли!) их быть не должно. Но тогда почему считают оправданным беспокойство турок в отношении курдского сепаратизма или протестантской части населения Северной Ирландии?

Амбициозные исследовательские проекты с глобальными выводами, особенно в сфере анализа международных отношений и конфликтов, достаточно легко “продать” потенциальным донорам и потребителям, многие из которых также имеют обширные (но только экономические или политические) интересы. Именно по этой причине, на наш взгляд, произошла эволюция методологии риска, отвечающая потребностям глобальных дебатов прошлого десятилетия о правах меньшинств, в проект *государственного коллапса* (state failure project), т.е. всеохватывающей инвентаризации государств на предмет их возможного краха или распада. Это был ответ западного (точнее американского) исследовательского сообщества на распространявшуюся среди бюрократии и экспертов эйфорию либеральной победы и геополитической спешки “переделать” или “досамоопределить” посткоммунистический мир. В неофициальном разговоре после распада СССР одна из руководительниц Госдепартамента США, в то время профессор Стэнфордского университета хвастливо заметила: “Мы это задумали, и мы это осуществили”. Сейчас этот эксперт-политик в еще более высоком ранге получила возможность для попыток нового геополитического дизайна, о котором можно прочесть в одной из ее предшествовавших новому назначению статей²².

После распада СССР для многих политиков и экспертов появилась интригующая возможность высказаться по поводу “нового порядка”. “Пришло время изменить Америку и всю остальную человеческую расу”, – заявил в 1994 г. в победной речи после выборов в Конгресс США лидер республиканцев Нют Гиндрич. Именно тогда по заказу вице-президента Эль Гора и на средства ЦРУ США был выполнен крупный исследовательский проект, когда 2 млн. единиц информации о 113 случаях “государственного коллапса” по 75 переменным и за 40-летний период (1955–1994) были подвергнуты анализу, чтобы в итоге составить список государств с высокой, средней или низкой “степенью риска распада”²³.

Этот проект, особенно окончательный список государств, носил закрытый характер, хотя некоторые его результаты все-таки были опубликованы. Интерес представляет выделение четырех важнейших факторов, которые чаще всего оказываются связанными с крахом государственного режима или сигнализируют о возможности его тотальной дестабилизации и даже распада. К ним относятся: отсутствие демократии, крупная внешняя задолженность, большая детская смертность, значительный процент молодежи и среди населения. По некоторым сведениям, Россия была зачислена в список государств с высоким риском распада, добавив тем самым энтузиазма тем, кто видел в событиях типа кризиса в Чечне как бы подтверждение академических предсказаний.

Именно в этом предписывающем характере подобных научных проектов видится их политическая заангажированность и даже несостоятельность. Совсем неважно, что подобные прогнозы распада государств могут не реализоваться. Важно другое – вложение в эти проекты влиятельными ведомствами определенных интеллектуальных и материальных ресурсов. Привлеченные специалисты, а также клиенты на потребление результатов исследований (последние определены как “разведывательное сообщество, правительство, политики, ученые”) становятся невольными заложниками сделанных прогнозов и готовы трудиться в пользу их осуществления, а не наоборот.

Именно с этих стартовых моментов и именно таким образом война в Чечне с самого начала приобрела мощных внешних акторов (под этим термином имеются в виду действующие в социальном пространстве лица или коллективные силы). Не случайно в кабинетах некоторых чиновников Госдепартамента США и еврочиновников появились портреты Джохара Дудаева, а не Абдуллы Оджалана или Усама Бен Ладена.

ЧЕЧНЯ И КОНЦЕПЦИЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В контексте моего исследования наиболее сложной для оценки является концепция самоопределения, которая преимущественно находится в сфере политической теории и права, особенно международного. Ее суть и исторический генезис достаточно хорошо известны, они вытекают из вильсоновского понимания самоопределения как управления с согласия большинства народа²⁴. Эта доктрина с момента возникновения служила формой воленавязывания победителями своих целей в военных и политико-идеологических глобальных противостояниях XX в. Она никогда не применялась ее духовными отцами и политическими инициаторами в отношении собственных реалий и всегда была ориентирована на внешнее потребление. Новый всплеск интереса к доктрине возник в связи с радикальным переустройством посткоммунистического мира и прежде всего в связи с распадом таких государств, как СССР, Югославия и Чехословакия.

Риторика самоопределения была и остается основным эмоциональным и правовым аргументом процессов дезинтеграции и всех насильственных конфликтов. Посткоммунистическая инженерия, особенно со стороны победителя – либерального Запада, с энтузиазмом обратилась к теме самоопределения. Многие специалисты, прежде всего бывшие советологи, призвали к пересмотру и модернизации принципа самоопределения в контексте новой геополитической ситуации. Причем в силу явной идеологической заангажированности борцов против последней империи (имеется в виду СССР) и “мини-империи” (имеется в виду Россия) коррекция и пересмотр пошли не в сторону снятия прошлых фундаментальных противоречий в доктрине, а в сторону их еще большей легитимации. Активное участие в этом приняли и российские эксперты, также в подавляющем своем большинстве мыслящие в пределах ущербного советского варианта доктрины самоопределения как огосударствления этнических общностей (этнонаций)²⁵.

Тем не менее, наиболее обстоятельные исследования так называемой коллизии между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности государства, а также соотношения самоопределения и прав меньшинств не привели к каким-либо серьезным переоценкам в последнее десятилетие. Автор одной из самых последних работ по проблеме самоопределения и национальных меньшинств, признавая разные смыслы и интерпретации, которые вкладываются в данное понятие в странах Запада, бывшего советского блока и в странах так называемого третьего мира, все же делает следующий итоговый вывод:

“Насколько самоопределение представляет собою законное право до сих пор точно не установлено, поскольку содержание термина “народ” никогда не было точно определено и поскольку сама международная практи-

ка в отношении самоопределения является во многом непоследовательной. Хотя деколонизация была всеобщее признана в качестве составляющей части законного самоопределения, правовой статус других аспектов самоопределения остается неясным. Теория, что самоопределение влечет за собой представительное правление, широко признается западными государствами и большинством стран бывшего советского блока. Однако такое понимание самоопределения не принимается в качестве элемента международного права многими государствами третьего мира. Еще более неясным является статус этнического самоопределения. Хотя многие этнические группы в мире считают его для себя законным правом, этого не признает большинство государств. Этническое самоопределение не вписывается в систему международного права... Примат государства в международном праве означает, что все население государства рассматривается как основной атрибут этого государства. Традиционный примат государства в международном праве находится поэтому в фундаментальном противоречии с требованиями выступающих за самоопределение этнических групп, потому что по сути такие группы стремятся подчинить позицию государства позиции группы»²⁶.

У меня всегда вызывало удивление, как однозначно и жестко советский и постсоветский менталитет связывал право на «национальное самоопределение народов» с этническим смыслом. Хотя это удивление мне не к лицу, ибо под моей редакцией вышли фундаментальные энциклопедии «Народы России» (1994) и «Народы и религии мира» (1998), дополнительно под утверждая тем самым этнический смысл понятия «народ». Научно точнее было бы использовать термин «этнические группы», а не «народы», но такова отечественная традиция академического и общественно-политического языка. Мне же хорошо запомнились еще со времен моих занятий Канадой в 1970–1980 гг. слова Пьера Трюдо: «Государство, которое определяет свою деятельность преимущественно в понятиях этнических и религиозных характеристик, неизбежно становится шовинистическим и нетерпимым. Националисты... политические реакционеры, поскольку они руководствуются при определении общего блага интересом этнической группы или религиозного идеала, а не понятием «всего народа» независимо от индивидуальных характеристик»²⁷.

Абсолютно точно сказал в своем программном документе бывший генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали: «Мир не может позволить себе роскоши, чтобы каждая культурно отличительная группа имела свое собственное государство и это в принципе неосуществимо»²⁸.

В случае с Чечней риторика самоопределения пронизывает все ментальное пространство: от главного аргумента лидеров чеченского сопротивления до языка простого чеченца. Но, как показывает наш материал, смысл этого слова и его использование чаще находятся в конфликте с непоследовательными интерпретациями политиков и ученых, тем не менее с ними связанными. Интерпретация чеченского кризиса как проявление национально-освободительного

движения чеченского народа и как попытка его подавления имперскими силами была и остается крайне популярной среди российских и подавляющего большинства зарубежных экспертов.

За незначительным исключением, все работы по истории “чеченской революции” и войны в Чечне построены на основе холистских категорий “народ”, “свобода”, “суверенитет”, “государство”, “религия” и т.п., а также на выяснении фундаментальных “исторических закономерностей”. Л.С. Перепелкин одним из первых пришел к выводу, “что своеобразный ход современного политического развития Чеченской Республики предопределен уникальной комбинацией исторических, социально-экономических, этнических, демографических, психологических и иных факторов, в силу исторической случайности сконцентрированных на территории именно этой небольшой республики”²⁹. Н.В. Петров вместе с соавторами, анализируя ход войны в Чечне, так же в сугубо геополитических категориях, выносят безоговорочное суждение, что “выход Чечни из России теперь уже неизбежен при любом развитии событий”, ибо “чеченский народ кровью заплатил за свою свободу”³⁰.

Эмоциональную и политическую заангажированность при оценке событий в Чечне продемонстрировали западные эксперты, в среде которых прочеченская позиция соединилась с неожиданно сильным рецидивом антирусских и антироссийских (кстати, в англоязычной литературе различие этих двух понятий вообще отсутствует) позиций. Комплиментарность в оценке сепаратизма в России была и остается свойственной бывшим воинам холодной войны, которые продолжают по инерции бороться с “империей зла”. Об этом свидетельствует, например, доклад, подготовленный по итогам миссии, направленной в Чечню неправительственной организацией “Международная тревога” осенью 1992 г., его основным автором был давний сотрудник Корпорации РЭНД (США) Пол Хенце.

Главное содержание доклада – история чеченского и в целом северокавказского “освободительного движения против российской колонизации” и демонстрация радикальной культурной отличительности чеченцев и их исключительной внутренней солидарности в вопросе достижения государственной независимости. Многое в этой интерпретации идет от западной историографической традиции исламоведения в России, которая была заложена историком российского происхождения Александром Бенигсенем³¹. Основной вывод доклада – предостережение против попыток решить конфликт силовыми методами, но его общий тон был безоговорочно в пользу чеченской независимости как состоявшегося факта. Для таких западных экспертов, как Пол Хенце, не говоря о многочисленных версиях журналистов, не было никаких сомнений, что в 1991 г. в Чечне под руководством Дудаева произошла народная демократическая революция против имперского центра и местной номенклатуры. Война 1994–1995 гг. – ответ неоимперской России.

Для авторов доклада Чечня и даже весь Северный Кавказ – это не Россия и даже не территория Российской Федерации. Приведем итоговое заключение документа, который для чеченских радикалов стал своего рода моральным благословением сессии:

«Чеченская республика совершила впечатляющие начальные шаги по созданию государственных и правительственных структур. Чеченское общество характеризуется примечательной степенью политической открытости и свободы выражения. Все партии несут ответственность за сохранение этой благоприятной ситуации. В некоторых отношениях по причине временной краткости своей эволюции политическая система не всегда работает гладко. Ответственные граждане постоянно поднимают оправданные вопросы о правомочности выборов, открытости правительства, отношениях Чечни с соседями. Руководству необходимо найти пути как реагировать на эти озабоченности.

Чечня не может решить проблему своего статуса и отношений с Россией и другими частями бывшего Советского Союза путем силы. Россия не может “решить” свою чеченскую проблему или связанные с ней более широкие проблемы стабилизации и конструктивной политической эволюции на Кавказе путем политической интриги или подрывных действий, или экономическими санкциями. Российское правительство несет ответственность за информированность своего народа о подлинной природе кавказских проблем и тех реалистических выборах, которые перед ней стоят в этой связи. Чтобы приостановить дальнейшее ухудшение ситуации и избежать больших человеческих страданий, необходимы для всех сторон терпение и желание вести переговоры»³².

Случаи переоценочной рефлексии крайне редки среди сторонников радикально-демократических или антиимперских интерпретаций. Наиболее очевидно такую критическую переоценку продемонстрировал автор обзора в газете “Известия”, задавшей вопросом о причине утверждения Дудаева в Чечне главным образом силами московских политиков:

“Думается, дело тут не в личности самой по себе, а в той идее, которую олицетворял мятежный генерал и в соответствии с которой и лепился его героический образ. Речь идет об идее “национально-освободительного” (т.е. сепаратистского) движения нерусских народов как якобы естественной и неизбежной форме реализации их демократических устремлений. С момента зарождения первых “национальных фронтов” в республиках СССР идея эта оказалась столь популярна среди российских демократов, что как-то само собой повелось не замечать больших и малых грешков националистов, прощать им сперва тихое беззаконие, а потом и открытое насилие.

Несомненно, в “перестроечную” эпоху борьбы с еще живым советским коммунизмом демократические движения действительно нередко развивались в оболочке этнонациональных. Но после падения коммунизма и распада СССР, когда бывшие союзные республики сами оказались в роли метрополий и эстафета “национально-освободительной борьбы” перешла от них к их же автономиям, сущность сепаратизма предстала в своей первозданной наготе. И надо было быть слепым или политически очень ангажированным человеком, чтобы за призывами к “борьбе за самоопределение коренных

народов” не увидеть элементарного стремления освободившихся от московской длани местных вождей “оседлать” комплекс национальной ущемленности этнических меньшинств в своих целях, далеких от интересов демократии и национального возрождения. Примерами подобной политической слепоты пестрит вся история постсоветского либерализма”³³.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ

Мною выделен еще один вариант подхода к объяснению природы конфликта в Чечне, который можно назвать цивилизационно-этнографическим романтизмом. Его заимствуют некоторые ученые, многие публицисты и часто политики. Изначальная суть этого подхода или в “конфликте цивилизаций”, исламской и христианской (с подзаказки уязвимой конструкции Сэмюэля Хантингтона), или в несовместимости этнических систем и непонимаемости российскими политиками глубинной специфики чеченского общества. Как объясняет ситуацию один из ведущих специалистов-востоковедов, Алексей Малащенко, “у чеченцев свой образ жизни и мыслей, свои представления о нормах поведения, своя вера. Там сложилась специфическая система общественного устройства, названная этнологом Я. Чесновым “вайнахской демократией”... В плане историко-философском противостояние двух социокультурных систем, их взаимное и постоянное отторжение неизбежно. Не было мира в Чечне ни при одной из политических систем... Чечня, похоже, всегда будет разительно отличаться от Смоленской области или Приморского края. И поэтому когда-нибудь она обретет свою независимость, и, дай Бог, чтобы на границах у России было одним дружественным государством больше”³⁴.

Что же касается этнолога Я. Чеснова, то его версия современно-го чеченского общества, как основанного на глубоко традиционных социальных структурах представляет собой распространенный в этнографии пример конструирования культурного комплекса профессионалом-аутсайдером, для которого полевое исследование – это главным образом сочиняемый с отсылками на информаторов исторический экскурс³⁵.

Определенный элемент абсолютизации традиции вайнахской военной демократии при объяснении высокой степени мобилизации чеченцев в конфликте присутствует и в оценках ведущего специалиста по проблемам Кавказа Сергея Арутюнова. “Процессы, с которыми мы сталкиваемся, на самом деле носят куда более глубинный характер. В регионе полным ходом идет возрождение дремавших до времени форм раннефеодального и предфеодального бытия”³⁶, – пишет ученый. Однако, безусловно, вышеназванные авторы внесли серьезный вклад в интеллектуальные усилия ученых по объяснению чеченского кризиса.

То, что я называю этнографическим романтизмом, имеет гораздо более глубокую природу и степень воздействия, чем это может казаться. Чеченский кризис породил или актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и современном облике народа, который из академических и литературно-публицистических текстов перешел в массовое сознание, в том числе и самих чеченцев. Один из таких доминирующих мифов – миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве народа, которые он демонстрирует на протяжении всей своей истории, особенно двухвековым сопротивлением русскому колониализму.

Природа этого мифа носит во многом литературный характер, и среди его главных авторов – всемирно известного писателя Лев Толстой, для которого повесть “Хаджи Мурат” была своего рода личным икупительным актом и реализацией творческой темы обличения самодержавного деспотизма. Создавая “образ другого” в лице полного благородства и доблестей чеченца Хаджи-Мурата, писатель фактически писал о проблемах российского общества и о постоянном поиске человеческого идеала среди “мерзостей обыденной жизни”. Но своим мощным пером Толстой подарил “образ народа” современному читающему поколению чеченцев, который в какой-то степени со временем стал частью его массового сознания.

В сочинениях академических романтиков постоянно присутствуют рассуждения о “невозможности горца быть без оружия”, о “национальной чеченской культуре военных действий”, об отсутствии традиции подчинения властям и писаному закону, о решающей роли старейшин и т.п.

Другой усиленно насаждаемый миф – это миф об исключительной древности чеченского народа, который черпает свои аргументы из историко-лингвистических изысканий московских и петербургских (а за ними и местных) ученых о родстве с современными вайнахскими языками хурритоурартских языков, распространенных во 2–1 тысячелетиях до н.э. в Закавказье, восточной Малой Азии и северной Месопотамии³⁷. Именно ссылаясь на этот чисто академический постулат, президент Джохар Дудаев сформулировал политический лозунг, который гласит: чеченцы как “старейший народ Кавказа” должны по праву играть роль общекавказского лидера.

Если абстрагироваться от политико-идеологической мотивации, во всех этих интерпретациях присутствует ограниченность объективистской методологии, предпочитающей доискиваться в социальном процессе (или в событийном ряде) до неких глубинных причин и исторических закономерностей. Такой подход игнорирует объяснение, основанное на современной частной стратегии и личностной мотивации, на роли постоянно меняющихся диспозиций участников социального пространства, в том числе в сфере властных взаимоотношений, и, наконец, на роли случайных, эмоционально субъективных и моральных побуждений и действий. Крупное социальное со-

бытие, а тем более масштабный военный конфликт представляются слишком серьезным явлением, чтобы объяснять его происхождение казалось бы поверхностными обстоятельствами, как, например, личностные амбиции лидеров или моральные установки на реванш после пережитой коллективной травмы.

Сегодня уже неприлично заниматься критикой хантингтоновской теории столкновения цивилизаций по причине изначальной неясности, что есть цивилизация, и ее политической заданности. Суть теории состоит в том, что после одной “большой битвы” должна обязательно следовать другая и ныне наступила эпоха защищать Запад от “враждебных цивилизаций” (прежде всего от исламской и, возможно, православной). Казалось бы, в случае с Чечней цивилизационный разлом налицо: православные русские против чеченцев-мусульман.

Мой анализ не позволяет принять данную схему даже в ее самом слабом варианте. Схожесть чеченцев с остальным населением страны, прежде всего с русскими, гораздо больше, чем их отличительность. Эта в ценностных ориентациях, в личных стратегиях людей и даже в культурном поведении существовала как до конфликта, так и после него.

Конечно, война обозначила для чеченцев гораздо более жесткую дистанцию по отношению к представителям других групп и укрепила ощущение чеченской отличительности не только на уровне самосознания. Однако невозможно согласиться с тезисом, что мои партнеры и герои интервью принадлежат к иной цивилизации. Полевые материалы не дают оснований для этого. Радикальная разница жизненных ситуаций – бесспорна. Ряд важных культурно-отличительных характеристик – также налицо. Но мною обнаружено, что между московским русским профессором и профессором-чеченцем из Грозного больше близости, чем между профессором-чеченцем и чеченским боевиком из горного села, откуда родом, кстати, и сам профессор. Культурный разлом происходит в результате конфликта внутри социума, и этот разлом имеет место как между теми, кто пребывает в “разорванном обществе”, так и теми, кто вне его или на его периферии.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

В литературе о войне в Чечне имеет место, позиция в духе теории заговора. Другими словами, разные внешние заявления, как с федеральной, так и с чеченской стороны, рассматриваются не более чем как камуфляж скрытых мотивов и интересов, за которыми стоят или более мощные силы, манипулирующие политиками и генералами, или вообще война видится как заговор и геополитический сценарий внешних сил.

Один из доминирующих вариантов сводится к поиску у событий некой мощной экономической подоплеки или “истинных причин” войны в Чечне. Такими причинами эксперты называют чаще всего нефть и деньги.

«Если взять оценку беспристрастную и непредвзятую, без оглядки на лица, то при видимой сложности все предельно просто. Сегодня существуют всего две линии вывоза стратегических товаров из России: балтийская и кавказская, проходящая в первую очередь через Чечню. За контроль над этими линиями, а точнее над самим вывозом, и происходит вся борьба. А потому какие-то смены руководителей, кадровые перестановки, конфликтные ситуации – не более чем отражение этой борьбы..., – считает Эдвард Ожиганов, один из бывших экспертов Аналитического центра Государственной думы. – ...Корни конфликта находятся не в Грозном, а в Москве. На балтийском направлении российская государственная мафия уже нащупала каналы вывоза товаров и сырья, и там больших проблем не возникает. В Чечне же ситуация принципиально иная. Режим Дудаева не согласился на роль “клиента”: ему куда больше импонировала роль патрона. Тем более что речь шла о деньгах поистине фантастических. “Бизнес” развивался по трем направлениям: торговля оружием, нефтепродуктами и краденными машинами. Плюс присутствовала возможность неконтролируемого вывоза из республики валюты и ее последующего размещения на счетах в иностранных банках. Поэтому в определенный момент команда Дудаева просто заявила о своем исключительном праве на все эти доходы и перекрыла “чеченский канал” для России. Этот отказ и обусловил кризис»³⁸.

Безусловно, экономический фактор, в том числе в его криминальном аспекте, играл важную роль в эволюции чеченского конфликта, и это невозможно игнорировать. Хорошо известным стало выражение заместителя Председателя Правительства РФ Сергея Шахрая о Чечне как “свободной криминальной зоне”. Из Аналитического центра при Президенте вышла версия-сравнение Чечни и режима Дудаева с Медельинским картелем в Колумбии и режимом генерала Норьеги в Панаме. Ее изложили Эмиль Паин и Аркадий Попов³⁹. В ежегодном президентском послании Федеральному собранию “криминальная” природа событий в Чечне стала уже официальной версией федеральной власти, а вернее президента и его окружения. В выступлении Б.Н. Ельцина перед Федеральным Собранием сказано, что “на территории Чеченской республики в результате вооруженного мятежа был установлен самый настоящий диктаторский режим. Сращивание криминального мира и власти – то, о чем непрестанно говорили и политики, и журналисты как о главной опасности для России, – в Чечне стало реальностью. Это был полигон для подготовки и распространения криминальной власти на другие российские регионы”⁴⁰.

Почти аналогичная оценка чеченского кризиса дается представителями крайне правых националистических сил в России. 14 декабря 1994 года Центральный совет Русского национального единства

(баркашовцы) принял заявление по событиям в Чечне, в котором содержится следующая характеристика:

“Не является секретом и то, что в результате деятельности режима Дудаева практически прекратилась любая экономическая и хозяйственная деятельность в Чечне. Следствием этого стала экспансия чеченских криминальных групп на территорию всей России, что поощряется нынешней чеченской администрацией как практически единственный приносящий доход промысел. Нынешняя администрация превратила Чечню в паразитарно-грабительский конгломерат и тем самым опустила свой народ на уровень раннего средневековья”⁴¹.

Другой подход объясняет конфликт как неудавшийся вариант блицкрига против самопровозглашенной независимой Чечни. Война была затеяна Центром, прежде всего президентом и его окружением, чтобы решить ряд политических задач, связанных с укреплением и сохранением власти в условиях углубляющегося экономического и политического кризиса в стране. Этот взгляд на чеченский кризис сложился главным образом среди политической и интеллектуальной оппозиции, причем независимо от политического спектра. Для политиков и экспертов радикально-демократического направления Чечня – это заговор “силовиков”, ближайших помощников и даже “охранников” президента с целью покончить с демократическими преобразованиями и установить авторитарный режим, основанный на “державности” и национал-патриотической идеологии. Как заявил Е.Т. Гайдар, силовое решение чеченской проблемы представляет собою практический шаг к формированию полицейского государства в России⁴².

“Руки прочь от Чечни!” был и остается лозунгом радикальной демократии, хотя аргументы последней несколько меняются: сначала на первом плане были симпатии в пользу “национального самоопределения” чеченцев, после начала войны и в период ее нового цикла с осени 1999 г. – озабоченность массовыми нарушениями прав человека, прежде всего со стороны российской армии.

Помимо историко-культурного и социально-политического планов чеченский конфликт, на наш взгляд, включает в себе решающие по значимости элементы личностного, эмоционального и морального воздействия, которые не могут быть объяснены в привычных категориях позитивистской казуальности. В качестве примера приведу лишь один пример крайне персонифицированного характера, который обрел конфликт, особенно в его решающий момент: это личное отношение президента Ельцина к Дудаеву. В одном из интервью президент Татарстана Ментимир Шаймиев сделал, казалось бы, мелкое, но, на наш взгляд, крайне важное замечание: “Ельцин был почти готов к переговорам с Дудаевым по татарстанской модели, но тут ему передали, что Дудаев негативно о нем отозвался”. Видимо, с какого-то момента Ельцин (под безусловным влиянием помощников и некоторых членов Правительства, пестующих

президентское “эго”) вычеркнул Дудаева их числа тех, с кем ему возможно как-либо общаться, и возвел его в ранг главного врага после того, как остальные были сокрушены или умиротворены. Лучшее подтверждение тому – свидетельство еще одного контактирующего с президентом политика. Обозреватель “Известий” Валерий Выжutowич спросил директора ФСБ Сергея Степашина, с каким вопросом президент обращается к вам чаще всего в последнее время? Ответ: – «Чаще всего с одним и тем же: “Когда поймаете Дудаева?”»⁴³.

Именно данный аспект конфликтологического анализа был нами избран в качестве доминирующей линии при рассмотрении событийного ряда и социально-культурного контекста конфликта⁴⁴. Кроме того, войну в Чечне, особенно ее внутреннюю логику, интенсивность и драматичность, невозможно понять без рассмотрения фактора воздействия современных средств массовой информации на конфликт, ибо это была первая “телевизионная война” на территории бывшего Советского Союза. Нас интересует не столько проблема освещения конфликта в СМИ, а проблема СМИ как участников конфликта, ибо профессионалы электронных образов и газетных текстов создают версию (или версии) конфликта в рыночно-драматических формах и возвращают эти версии самим участникам, оказывая на последних не просто воздействие, но и подчиняя своим оценкам поведение участников порою сильнее воинских приказов. В моем интервью с командиром “афганского батальона” Чечни Балауди Мосаевым, взятым 23 февраля 1995 г. на территории Ингушетии, полевой командир многократно упоминал радио и телевидение (“хотя его у нас на передовой нет”), как бы косвенно подтверждая роль СМИ в качестве активного участника происходящей драмы. Вот некоторые из наиболее характерных заявлений:

“Даже когда Дудаев объявлял по телевизору о всеобщей воинской мобилизации, то люди сидели дома и смеялись” (это сказано в связи с тезисом федеральных властей о создании регулярной армии в Чечне);

“По телевизору показывают, что бомбежки прекращены, а мы сами объезжали город и смотрели как эти точечные удары наносились по мирным людям” (в связи с недоверием сообщениям СМИ);

“Вот если мне скажут политики, объявят по радио..., что остановили войну, что мне нужно сдать оружие... тогда я пойду и сдам это оружие” (а это уже пример полного доверия СМИ).

В современных конфликтах электронные средства массовой информации представляют собою огромную мобилизующую и сражающую силу. Это такой же боевой ресурс, как танки и артиллерия, ибо с помощью телевидения и прессы достигаются такие важнейшие цели, как рекрутирование и боевой дух рядовых воинов и общественная, в том числе международная, поддержка конфликтующих сторон. В период нового цикла войны, особенно после удачной съемки подбитого вертолета российского генерала в Дагестане, че-

ченские командиры, по некоторым сведениям, вообще не выходили на крупные операции без телекамеры, чтобы срочно передавать в эфир кадры очередных своих побед. После неудачного применения примитивной практики (времен второй мировой войны) разбрасывания листовок с воздуха глава российского ФСБ сделал характерное признание: «Да, информационная война российской властью проиграна. Как блистательно работает министр информации Чечни Мовлади Удугов, как искусно и ловко он запускает в прессу всякую ложь, искажения, передержки!.. А мы оттолкнули журналистов: “Никуда не пускать, ничего не давать!” Да и сам я долгое время не хотел высказываться»⁴⁵.

Специалисты уже отмечали огромную воздействующую роль СМИ в конфликтах. Особенно это было очевидным на примере Боснии, когда там начала вести репортажи для СНН одна их телезвезд горячих точек, Кристиана Аманпур, открыто солидаризовавшаяся с боснийцами-мусульманами. Ее воспламеняющие репортажи повернули в пользу Боснии не только мировое общественное мнение, но и придали мощный стимул к войне замелькавшим на собственных и на мировых экранах мусульманам Боснии.

Чем объясняется особая роль СМИ в постсоветских конфликтах? Во-первых, в бывшем СССР граждане привыкли и продолжают верить освященным авторитетом телеэкрана или газетного листа версиям событий и оценкам гораздо в большей степени, чем в граждански зрелых обществах. Во-вторых, постсоветские граждане составляют поголовно грамотное и активно читающее население и тем самым подвергаются воздействию внешних версий гораздо сильнее, чем жители таких стран, как Сомали, Мексика или Индия, где также имеют место открытые конфликты и внутренние войны. В этом отношении с бывшим СССР могут сравниться только другие бывшие социалистические страны, в том числе и Югославия, где уровень читающей и просвещенной публики высок. Наконец, в России в годы перестройки в СМИ пришло фактически новое поколение молодой и амбициозной журналистики, утверждающее себя в этой опасной и ответственной профессии, в том числе и через мотив “я и конфликт”. Общеразделяемого этического кодекса профессии применительно к освещению конфликтов и войн российская журналистика пока не имеет. Некоторые уроки и правила можно было наблюдать в период новой военной кампании, но и они давала серьезные сбои, как, например, с журналистом “Радио Свобода” Андреем Бабицким.

Рассматривая историографический и теоретический контекст нашего исследования, мы хотели бы выделить и объяснить одну из основных концептуальных новаций данной работы, а именно идею демодернизации общества, переживающего глубокий насильственный конфликт.

ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Известные теории модернизации и постмодернизма при всем их стилевом различии исходят из общей эпистемологии поступательно-го развития общества и знания о нем. Рассматриваемая нами ситуация не вписывается в этот контекст. Она более напоминает состояние определяемое в антропологии как аномия, но только это скорее внешнее сходство. *В Чечне имеют место не быстрые перемены, с которыми общество не может справиться и впадает в состояние аномии, а перемены в жанре хаоса, при которых само понятие общества исчезает.* Анализ показывает, что в период вооруженного конфликта чеченского “народа” и даже чеченского “общества” как агента социального действия не существует. Есть навязанные объяснительные версии, большинство из которых редуцировано до упрощенных лозунгов и мифов, в свою очередь создаваемых преимущественно активистами среднего уровня. Эти разные и даже несовместимые редукции подчиняют сознание населения, мотивируя личные стратегии и действия и порой уживаясь вместе в одной и той же голове.

Начиная с 1990 г. Чечня живет в противоречиях и терзаниях, в условиях глубокого разброда и деконсолидации, хотя доминирующий взгляд на Чечню строится на постулате невиданной групповой солидарности и целеустремленности, которые, якобы, продемонстрировал чеченский народ в ходе войны. Достаточно прочитать пространную книгу одного из главных идеологов чеченской сепаратистской Зелимхана Яндарбиева, чтобы понять, что упоминаемый на каждой странице “чеченский народ”, который “только и способен вершить крупные события и определять свой выбор”⁴⁶, это в данном случае что-то мифологическое и неопределяемое. Ибо если вычесть из “народа” всех, кого автор называет как “комбюрократия”, “гнилая галстучно-пиджачная интеллигенция”, “подголоски Завгаева”, служители Москвы и имперские прислужники, трусливые элементы, растерявшиеся трусы, ненадежные попутчики, провокаторы и прочее, кто не относится к вершащему историческое действие “чеченскому народу”, то остается крайне узкая группа людей, очерчиваемая понятием “мы”. Впоследствии – это просто вооруженная часть населения, которая на протяжении всей войны не превышала пяти тысяч человек и которая значительно выросла после ее окончания.

В ходе и в результате войны в Чечне произошло масштабное распропагандирование бытового сознания до уровня почти всеобщих мотиваций, которые в свою очередь возводились на упрощенных мифах, доставшихся от советской идеологии и частично заимствованных из арсенала “национально-освободительной” риторики внешнего мира. Поразительно оскудевший и без того небогатый багаж представлений о политической жизни и об управлении общест-

вом, о государстве и его предназначении, о сути преобразований в конечном счете свелся к одному безальтернативному варианту вооруженной борьбы. Как писал тот же Яндарбиев, “исход борьбы за независимость предreshен. Народ знает, что делает... Народ, желающий быть свободным и строить независимое государство, должен уметь действовать решительно и быть готовым к жертвам. Каждый отец, каждая мать должна быть готова, как говорится в наших эпических песнях, отдать своего сына для дела народа...”⁴⁷

При анализе конкретных жизненных историй мы не встретили ни одного случая следования этому рецепту со стороны отца или матери чеченского боевика, но безусловно сам по себе столь мощный постулат радикально сузил информационное поле и набор вариантов действий чеченцев в пользу варианта “жертвы во имя нации”. Явление, “когда люди умирают за нацию”, психолог Пол Стерн объяснил именно ограниченной информацией о доступных вариантах действий, а не неким “базовым” инстинктом или человеческой потребностью⁴⁸. Вырваться из этого состояния отдельному индивиду крайне трудно. Здесь действует не просто логика коллективного поведения, когда следование за другими сулит каждому часть общего дивиденда. В ситуации вооруженного конфликта и войны действуют предписания гораздо более мощные, в том числе и насильственное принуждение. Таким образом, важнейшим признаком состояния демодернизации возможно назвать *узурпацию ментального мира упрощенными и ограниченными версиями происходящего, как в прошлом, так и в настоящем.*

Другим проявлением состояния демодернизации мы можем назвать *исход из общества альтернативных сил*, способных составить необходимую повестку дня для современной жизни этого общества и обеспечить в этой повестке такие ключевые моменты, как хозяйственное и политическое управление, образование и культурное производство, социальная забота. Такой исход имеет разные причины и разные формы, но в целом он наш характер неприятия или протеста. Из Чечни сначала была вынуждена уехать подавляющая часть представителей нечеченского населения, а также некоторые наиболее просвещенные и социально удачливые чеченцы. Затем вооруженный конфликт вытолкнул многих пострадавших от разрушений жителей городов и ряда сел. Но в то же время Чечню покидали и те, кто не хотел оставаться, а тем более оставлять своих детей в обществе, которое оказалось ввергнутым в разрушительный конфликт. Наконец, после войны из Чечни уехали и те, кто не мог или не хотел связывать свою жизненную стратегию с призывом строить новое чеченское государство. В итоге свыше половины населения Чечни, причем его социально продвинутая часть (прежде всего в образовательно-профессиональном смысле) покинули полуразрушенную войной республику.

В данном случае число и качество совершивших исход по отношению к общей численности населения республики обретает принципиальный характер, ибо меняет социально-культурное содержание самой группы. Вместо достаточно отчетливо осознающего и воспроизводящего свою культуру и идентичность чеченского народа, находившегося в многоэтничном окружении, мы имеем этнически гомогенное население Чечни, власть над которым узурпировала вооруженная его часть. Подобные ситуации многократно случались в истории и имеют место в ряде современных глубоких конфликтов, но только они никогда не рассматривались в контексте идеи демодернизации.

Демодернизация означает такое радикальное изменение социальных связей и институтов, при котором утрачивается казалось бы всеобщая способность человеческих коллективов к самоорганизации. Это, конечно, не означает полный социальный хаос, ибо общество сохраняет такие основополагающие институты, как, например, семья и даже управление на уровне местных общин. Хотя последние также подвергаются мощной эрозии. Семьи и семейные связи оказываются нарушенными, сложившиеся нормы отношений меняются, мораль и психологический климат диктуются переживаемыми травмами и непереживаемыми до этого жизненными проблемами. В управление на уровне малых территориальных сообществ, помимо избранных авторитетов или назначаемых лидеров, вторгаются самозванцы, диктующие волю остальным с помощью автомата Калашникова. Власть на более высоком уровне также базируется не на политическом процессе отбора и легитимации лидеров, а на вооруженной силе.

Особенно характерно появление лжекоалиций и мифических социальных структур как возможное спасение от хаоса или как средство нового контроля и социальной стратегии в ситуации глубокого конфликта. Такими лжекоалициями (т.е. вызванными войной и только ей) в Чечне стали не только объединения по принципу “зон командования” и “военных фронтов”, или партии ветеранов-комбатантов, но даже и те, что камуфлируются под традиционную форму клановых (тейповых) коалиций. Наш анализ показал, что вооруженные группировки – это крайне эфемерные коалиции, а солидарность боевиков не распространяется дальше преданности членам микрогрупп – обычно выходцев из одного села, над которыми может быть “городской” командир. Что касается тейпов, то за этой метафорой в каждом конкретном случае легче и определеннее вычлняются или расширенные родственные связи, или солидарность по местности происхождения и проживания, или же комбинация первого и второго.

Чеченское общество в период конфликта отличает еще одна черта – уход в прошлое для обоснования (аргументации) современной жизни и действий, а также пародирование (копирование) заим-

ствованных (чужих) проектов. Фактически вся аргументация чеченского сопротивления (или чеченской революции) была построена на драматической презентации прошлого, а именно, Кавказской войны XIX в. и коллективной травмы сталинской депортации. Поиск в прошлом якобы утраченной нормы (своего рода идеального, несуществовавшего чеченского общества) сохраняется как главная тема элитных дебатов и в послевоенной Чечне. Местные газеты в 1996–1999 гг. были заполнены на 70–80% статьями историков, фольклористов, археологов или журналистско-публицистическими очерками на эту тему.

Что касается внешних заимствований, то они также сопровождали чеченское общество до, во время и после войны. Сначала переписывались тексты документов литовского Сайюдиса и эстонского Народного фронта для составления собственных политических платформ. Затем копировались действия и атрибутика вооруженных комбатантов из других исламских регионов мира и не только из них. Наконец, был заимствован Суданский кодекс шариатского права для утверждения сходной модели в самой Чечне.

Подобные явления характеризуют недостаток собственной компетенции общества, пожелавшего выйти из существующей системы, что само по себе распространено в период радикальных трансформаций. *Демодернизацией можно назвать ту часть заимствований, которая явно не соответствует принятым в данном обществе и разделяемым его населением на протяжении длительного периода нормам и ценностям.* Таковыми для Чечни являются европейские нормы, даже при том, что они утвердились в деформированных советским режимом формах и сосуществовали с так называемыми традиционными институтами и ценностями. Хотя, как отметили Джабраил Гакаев и Сергей Арутюнов, чеченское общество заключало в себе и изрядную долю “ценностей”, условно называемых “азиатскими”, если к таковым относить прежде всего нормы и обычаи, связанные с исламом.

Но главная проблема обращения к прошлым нормам и к заимствованиям – это отказ обществу в собственном творчестве и в тех инновациях, которые порождены прежде всего местной спецификой. Состояние постконфликтной демодернизации – *следствие того, что хотя общество и может преодолеть кризис, но оно неспособно это сделать без внешнего содействия.* Это, например, касается системы жизнеобеспечения, поскольку в результате войны формальная экономика оказывается разрушенной, и люди из нее уходят ради обеспечения личного выживания. Такой вариант наблюдается почти во всех вооруженных конфликтах⁴⁹, и Чечня не является исключением.

Еще одна черта демодернизации – *состояние апатии и пренебрежения к человеческой жизни и к общеразделяемым жизненным нормам.* Безысходность как доминирующий мотив настроений

встречается достаточно широко в постконфликтных ситуациях. Весной 1992 г. вочию наблюдал ее Цхинвали (Южная Осетия, Грузия), а в октябре 1995 г. особенно отчетливо в Чечне. Приводимые в книге свидетельства показывают среди кого и в каких формах проявляется это состояние.

Социальные психологи выделяют явления постконфликтной травмы или посттравматического стресса, что является скорее медико-биологической категорией и концептом психоанализа. Мы же обращаем внимание на более широкий социальный контекст того же самого явления. Апатия особенно фиксируется в годы, которые следуют сразу за разрушительной войной. Она обрела в Чечне массовый характер и выражается в отказе от собственной политики, в готовности следовать любому варианту “порядка”, даже самому фантастическому в виде дальних внешних спасителей. Апатии подвергаются все группы населения, но особенно мужчины, хотя женщины могут чаще выражать подобные чувства.

Прекрасный пример – свидетельство жительницы Грозного Марины, которое относится к 1997 г. Здесь весь набор феномена постконфликтной апатии, но привлекает внимание одно важное обстоятельство: в отличие от большинства мужчин, в том числе и в собственной семье, Марина продолжает заниматься делом. Она торгует на рынке.

“Сейчас по-прежнему торгуем на рынке. Сегодня только чувство безысходности, нет перспективы, денег нет, жизнь дорожает. Хуже, наверное, не будет... Ваххабизм – это тоже игра, это политический спектакль. Во время войны говорили, что нас передали Англии. Мы радовались, что наведут порядок. Но пока что-то ничего не видно. От Москвы нам ждать нечего. Масхадов ездит в Америку, Турцию, но народу легче не становится. Масхадов свою роль сыграл. Люди очень верили ему, но он разочаровал их. Теперь должен придти новый человек, незапятнанный. Они все связаны: нет разницы что Масхадов, что Басаев. У ваххабистов есть и хорошие черты – сплоченность, прежде всего, уважение друг к другу, и у них есть деньги. Люди уже говорят, пусть даже они придут. Может хоть тогда жизнь наладится, дети будут учиться. Мы бы хотели достаток в среднем 100 долл. в месяц на семью на самое необходимое. Это уже превратилось в мечту. О роскоши мечтать не приходится. О себе даже не думать, никакого самообразования, мы все оупели. У нас регресс, народ откинут на 50 лет. Сложно сказать, чем все закончится”.

Наконец, возможно выделить особое состояние симбиоза нетерпимости и конформизма. В период войны особо эффектными выглядели массмедийные демонстрации храбрости и щедрости чеченцев, когда они выпускали из плена офицеров и солдат федеральной армии. Особенно театрально-драматично выглядело это действие, когда совершалось в присутствии солдатских матерей. Собственно само движение возникло по причине установки на демонстрационный эффект освобождения. Последующие события в Чечне показа-

ли сохранившуюся поведенческую модель жестокого отношения к человеку, особенно к вооруженному противнику и даже не противнику (например, убийство дагестанских и ставропольских милиционеров, расстрел пленников, калечение заложников), и показательно-демонстрационную (вполне может быть искреннюю) установку на прощение противника в наиболее унижительной форме.

Все вместе перечисленные факторы позволяют определить состояние общества, которое мы предлагаем назвать состоянием *де-модернизации* или *демодекна*. *Это ситуация разрушенных вооруженным конфликтом социальных институтов и связей, а также радикального ослабления ресурсов общества, которые не позволяют ему восстановить свой статус-кво, тем более обеспечить развитие, и порождают стратегию обращения к давно забытой норме или к неадекватному внешнему заимствованию.*

Собственно говоря, никакое общество не гарантировано от возврата к прошлым нормам, но *ситуация де-модернизации – это необходимо возврат или движение вспять*. Это может быть также избобрение или заимствование неприемлемых проектов и правил, которые в данный момент существуют в других обществах. *Социальный де-модерн может вполне существовать в контексте самых современных человеческих технологий и пользоваться их услугами, например, средствами электронной коммуникации и масс медиа, включая аудиовизуальные записи как часть технологии современной торговли людьми (пленники-заложники за выкуп).*

Выход из ситуации де-модернизации крайне труден и необязательно возможен. Никто и никогда не доказал, что общественная эволюция всегда имеет некую “прогрессивную” направленность. К тому же война и политическое насилие в эту категорию никогда и не попадали, если только позднее не переосмысливались как “освободительные”, “революционные”, “справедливые”, чтобы обрести историческую легитимность.

Какие возможны внешние рекомендации со стороны изучающего феномен войны и конфликта? Во имя чего и для кого выполняется исследование, жанр которого объявлен как “публичная антропология”, т.е. антропология срочной общественной значимости и задачей которого является стремление с научных и гражданских позиций найти пути и союзников преодоления глубокого кризиса? Эту “нормативную” часть исследования я сохранил для заключительной главы книги и для помещенных в приложении авторских документов.

¹ См. ряд общих работ и обзоры зарубежной литературы: *Gurr T.R., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. Boulder; San Francisco, 1994; Horowitz D. The Deadly Ethnic Riot. Berkeley, 2001; Stavanhagen R. Ethnic Conflicts in the Nation-state. Nationalism and Ethnic conflict; an International Security Reader / Ed. M. Brown. Massachusetts, 1997.*

² См., например: Балканы: Между прошлым и будущим. М., 1995; *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; *Романенко С.А.* Югославия: Кризис, распад, война: Образование независимых государств. М., 2000; Косовский кризис. Международный аспект / Под ред. Д. Тренина, Е. Степановой. М., 2000; *The Yugoslav War, Europe and the Balkans. How to Achieve Security?* Ravenna, 1995; *Woodward S.* Balkan Tragedy. Wash., 1996; *Why Bosnia? Writings on the Balkan War* / Ed. R. Ali. Connecticut, 1993; *Malcolm N.* Bosnia. A Short History. L., 1994.

³ *Searching for Peace in Africa. An Overview of Conflict Prevention and Management Activities*. Ed. M. Mekenkamp, P. van Tongeren, H. van de Veen. Utrecht, 1999.

⁴ См.: *Stiefel M.* Rebuilding after War: A summary report of the war-torn societies project. Geneva, 1998; *Carbonnier G.* Conflict, Postwar Rebuilding and the Economy. A Critical Review of the Literature / The War-torn societies project occasional paper, 1998. N 2. *Sorensen B.* Women and Post-conflict Reconstructions. Issues and Sources. The War-torn societies project occasional paper Geneva. 1998. N 3.

⁵ *Tishkov V.A.* Understanding Violence for Post-Conflict Reconstruction in Chechnya. Centre for applied studies in International Negotiations Report. Geneva, Jan. 2001.

⁶ См. обобщающую работу: Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е.И.Степанова. М., 1999.

⁷ *Гакаев Дж.* Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: Политический аспект. М., 1999.

⁸ Фундаментальную библиографию по проблемам антропологического изучения войны и мира см.: *Ferguson B.* with *A. Farragher.* The Anthropology of War: A Bibliography. N.Y., 1988. В 1988 г. вышел первый скромный указатель антропологов, занимающихся проблемами мира, международной безопасности и разрешения конфликтов: Directory of anthropologists working on topics of peace, international security and conflict resolution / Ed. R.A. Rubinstein and M. LeCron Foster. / Commission on the Study of Peace International Union of Anthropological and Ethnological Sciences. 1988.

⁹ См., напр.: *Premdas R.* Ethnic Conflict and Development: The Case of Fiji. Aldershot, 1995; *Idem.* Ethnic Conflict and Development: The Case of Jnyana. Aldershot, 1995; *Nnoli O.* Ethnicity and Development in Nigeria. Aursot, 1995.

¹⁰ Peace and War: Cross-Cultural Perspectives / Ed. M.L. Foster, R.A. Rubinstein. New Brunswick, 1986; *R.A. Rubinstein, M.L. Foster.* The Social Dynamics of peace and Conflict: Culture in International Security / Ed. Boulder, 1988.

¹¹ См. соответствующую оценку этого направления современного антропологического знания: Rubinstein R.A. Collective Violence and Common Security // Companion Encyclopedia of Anthropology Ed. *Ingold T. L.*, N.Y. 1994, P.983–1009.

¹² Подробнее см.: *Tishkov V.* Ethnic Conflicts in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36, N 5, P. 1–21.

¹³ *Lustick I.*, Unsettled States, Disputed Lands: Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza. Ithaca; L. 1993.

¹⁴ *David D.* Laitin. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca; L. 1998.

¹⁵ *Brubaker, R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996; *Suny R.G.* The Revenge of the Past. Nationalism Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

¹⁶ Релятивистская теория нации / Под ред. *А.Г. Здравомыслова*. М.,

¹⁷ Conflict: Human Needs Theory / Ed. J. Burton. L., 1990; *Burton J.* Conflict: Resolution and Prevention. L., 1990.

¹⁸ *Sandole D.*, Conflict Resolution in the Post-Cold War Era: Dealing With Ethnic Violence in the New Europe. Working Paper N 6. Institute for Conflict Analysis and Resolution: George Mason University, Fairfax, 1992. P. 12.

¹⁹ *Fisher R.* Needs Theory, Social Identity and an Alectetic Model of Conflict // Conflict: Human Needs Theory. J. Butron. A., P. 92–93.

²⁰ Конфликты в современной России. С.324 (перечень этих “потребностей” см.: Там же. С.324–325).

²¹ *Gurr, T.R.* Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Wash. 1993; *Gurr T.R, Harff B.* Op. cit.

²² *Païc K.* Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2000. Весна. Т. 5. № 2. С. 103–120.

²³ Об этом проекте см.: Working Papers State Failure Task Force Reportю 1995. 30 Nov.; Inventory of Security Projects. Projects on World Security Rockefeller Brothers Fund. N.Y., 1997.

²⁴ О самоопределении см.: *Hannum H.* Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. Philadelphia, 1990; *Thomas D. Musgrave.* Self-Determination and National Minorities. Oxford, 1997; *Starovoitova G.* National Self-Determination: Approaches and Case Studies. *Thomas J. Watson Jr.* Institute for International Studies. Occasional Paper. Providence, 1997. N 27.

²⁵ О правах и свободах народов см.: “Права и свободы народов в современных источниках права: Сб. документов / Отв. ред. Р.А. Тузмухамедов. Казань; 1995; *Абашидзе А.Х.* Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., 1996. Специально вопросы самоопределения в контексте прав меньшинств см.: *Соколовский С.В.* Права меньшинств: Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997; *Старовойтовой Г.В.* Op. cit.

²⁶ *Musgrave T.D.* Self-Determination and National Minorities. Oxford; 1997. P. 256–257.

²⁷ *Trudeau P.* Against Nationalism // New Perspectives Quarterly. 1990. Vol. . P. 60.

²⁸ *Бутрос-Гали Б.* Повестка для мира. Нью-Йорк, 1992.

²⁹ *Перепелкин Л.С.* Чеченская Республика: Современная социально-политическая ситуация // ЭО. 1992. N 1. С. 5.

³⁰ *Петров Н.В.* и др. Чеченский конфликт в этно- и политико-географическом измерении Изд. 2-е, перераб. и доп. // Политический ландшафт России. Бюллетень. 1995. Янв. С. 21.

³¹ *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. L.

³² Chechnia Report. International Alert. L., 1992. P. 56.

³³ Известия. 1995.7 февр. Статья И. Клямкина.

³⁴ Независимая газета. 31.12.1994. 31 дек. Статья А. Мальшенко.

³⁵ Независимая газета., 22.09.1994. 22 сент. Статья Я. Чеснова.

³⁶ Арутюнов С.А. Законы гор вне законов равнин // Итоги. 1999. 19 янв. С. 14–16.

³⁷ См., например: Нунуев С.-Х. Нахи и священная история. Ярославль, 1998.

³⁸ Общая газета. 1995. 9–15 февр.

³⁹ Известия. 1995. № 23–26. 7, 8, 9, 10 февр.

⁴⁰ Независимая газета. 1995. 17 февр.

⁴¹ Русский порядок. 1995. № 1–2. С. 8.

⁴² Московские новости. 1995. 25 дек.

⁴³ Известия. 1995. 2 марта.

⁴⁴ Тишков В.А. Чеченский кризис: (Социально-культурный анализ) // Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С.405–477.

⁴⁵ Известия. 1995. 2 марта.

⁴⁶ Яндарбиев З. Чечения – битва за свободу. Львов, 1997.

⁴⁷ Там же. С. 15, 43.

⁴⁸ Stern P. Why do People Sactifice for Their National? // Political Phychology. 1995. Vol. 16. N 2. P. 217–235.

⁴⁹ Об экономических проблемах реконструкции постконфликтных обществ см. Carbonnier G. Conflict, Postwar Rebuilding and the Economy. A Critical review of the Literature. The War-torn societies project occasional Paper. Jeneva, N 2. 1998.

Глава III

ПОЛИТИКА РЕПРЕССИЙ И ПОЛИТИКА ПРЕСТИЖА

У меня возник вопрос, если предали они свою землю, свою родину, то почему же тогда они ее так любят. Все плачут. Все страдают. Все мечтают.

О том, что предал, страдать не будешь

Хажбикар Боков

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ

Одна из устойчивых отечественных традиций обществоведческого (в том числе этнографического) анализа – поиск ответов на современные проблемы в истории, причем, чем глубже этот экскурс, тем убедительнее представляется объяснение проблем. На академическом языке такой подход называется *историзмом*. Как писал выдающийся советский этнограф С.А.Токарев, “основной принцип этнографической науки в понимании советских ученых, как и основной принцип всего марксистского мировоззрения, исторического материализма, – это принцип *историзма*”¹. Другими словами, каждое явление, особенно культурное, можно понять только в его развитии и с учетом “этногенетических” факторов.

Не является исключением чеченская “национальная революция” и война в Чечне, породившие массу интерпретаций с тотальным использованием в дебатах всей известной (и выдуманной) истории чеченцев, Чечни и отношений этого региона с остальной Россией. Совсем неслучайно родилась после подписания договора с Асланом Масхадовым в Кремле в мае 1997 г. фраза Бориса Ельцина: “Мы покончили с 400-летней враждой”. Конфликт и его объявленное разрешение казались двум лидерам и их идеологам результатом прежде всего давней истории. Эта фраза – блестящая иллюстрация воздействия на политиков плотного исторического дискурса, в котором видится современное социальное действие.

На десятках конференций и дискуссий, посвященных чеченской войне, в которых мне довелось участвовать за последние годы, шли преимущественно дебаты об истории Чечни и России или истории непосредственно самого конфликта. Даже на конференции, названной “Чечня: что дальше и где ключи решения проблемы?”. Организована и проведена Московским центром Карнеги 20 января 2000 г.) докладчики Шамиль Бено и Эмиль Паин и участники дискуссии говорили фактически только о том, что произошло в прошлом.

Моя методологическая позиция исходит из того, что исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионе бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ². Это прежде всего современные конфликты современных участников (акторов) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений. К подобному заключению приходит также ряд исследователей, изучающих эту проблему в странах бывшего СССР и в других регионах мира³. Тем не менее, мы отдаем должное истории как мощному объяснительному и мобилизационному ресурсу, а также как одному из жанров академического нарратива.

И все же насколько глубоко необходимо заглянуть в прошлое, чтобы не просто рассказать о сегодняшней Чечне и о чеченцах, но и взять из этого прошлого аргументы, объясняющие происходящее. Вообще, возможен ли в рамках отечественной обществоведческой традиции взгляд на современность с полезным привлечением материалов истории или мы обречены полагать, что современность – это не более чем плохо осознаваемая нами реализация прошлого или же своего рода кара за его игнорирование или незнание? Наконец, сколько и какого прошлого требуется, чтобы понять суть и динамику конфликта в Чечне или же обеспечить ложную версию как одну из его составляющих?

Сразу же отмечу, что знание, а точнее, сведения о Чечне и о чеченцах и понимание насильственного конфликта – это разные вещи. Как справедливо заметил один из писателей, кто был на войне, может чувствовать войну и не понимать ее; кто не был на войне может понимать, но не чувствовать войну. Тем не менее знание и понимание тесно связаны между собой. Имеют прямое отношение к пониманию конфликта в Чечне имеют и историко-этнографические сведения. Это только внешний мир как бы впервые услышал слова и “открыл” для себя Чечню и чеченцев в начале 1990-х годов. В какой-то мере то же самое можно сказать и о новом поколении россиян, включая журналистов и ученых. Но в целом багаж гуманитарного знания в области отечественного кавказоведения достаточно обширен и представлен многими выдающимися именами ученых и их трудами⁴. Хотя этот багаж, а тем более обращение к нему тоже требуют критической оценки с точки зрения избранных мною темы и метода анализа.

В самом начале XX в. известный российский ученый, академик Лев Штернберг написал краткую статью “Чеченцы” для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1903. Т. 76. С.785–786). Этот текст отразил как имевшийся этнографический материал и теоретический уровень науки, так и некоторые стереотипы европоцентристской и колониалистской по духу российской этнографии. Другой этнографии, кроме как взгляда “европейцев” на “дикие народы” или на “инородцев” в ту пору в мире и не существовало. Пре-

жде чем привести извлечения из статьи Штернберга, сделаем несколько предварительных замечаний.

До рождения профессиональной дисциплины в конце прошлого века за “этнографию” часто выдаются описания, дневники и отчеты о разных местах и населяющих их народах, которые были составлены путешественниками, миссионерами, писателями, охотниками и очень редко – учеными-исследователями. Территория нынешней Чечни не была полем активной деятельности ранней российской науки. Одними из самых первых могут быть названы труды профессора Петра Палласа, который совершил в 1773 г. путешествие по Кавказу и положил начало этнографическому описанию народов северо-восточной части региона. В самом начале XIX в. территорию проживания чеченцев и ингушей обследовал Генрих Клапрот, которого интересовали языки, быт, устройства горских поселений. В 1959 г. историк А.П.Берже написал первую книгу о Чечне и чеченцах⁵. Во второй половине XIX в. были выполнены труды по археологии Кавказа Всеволода Миллера, который открыл миру уникальную каменную архитектуру Чечни и Ингушетии. Появились этнографические описания ученых и просветителей из числа самих кавказских народов, и среди них работы ингуша Чаха Ахриева и чеченца Умалата Лаудаева⁶.

Из ранних сведений некоторые принадлежат иностранным авторам и содержат помимо интересных деталей довольно упрощенные взгляды как на культурную мозаику региона, так и на оценки политической ситуации внутри и вокруг Северного Кавказа. А.И.Мусукаев и Й.Маттис недавно издали русские переводы некоторых из таких источников. Составленная в Лондоне в 1788 г. “Записка к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с перечислением кавказских народов и словарей их языков” никаких особых сведений, кроме уже известных из работ Палласа, не содержит (обычное грубое деление на “черкесов” и “татар”). Другой источник – “Отчет Эдинбургского миссионерского общества за 1817 год с приложением географического и исторического описания миссионерских пунктов в азиатской России” выделяет народ кисты из черкесов, поскольку они “говорят на отличном от других племен языке”: “Кисты – очень сильный и многочисленный народ и делятся на три племени: чеченцев, карабулаков и ингушей. Все племена говорят на одном и том же языке, но диалекты немного отличаются друг от друга. Чеченцы являются одним из самых воинственных и беспокойных племен, живущих вдоль русских укрепленных линий. Они заселяют высокие неприступные горы и непроходимые теснины, и любая попытка вытеснить их из этих созданных природой крепостей обречена на неудачу”⁷.

Однако вернемся к статье Штернберга, в которой чеченцы определялись как “кавказская народность восточно-горской группы, занимавшая до войны (имеется в виду Кавказская война XIX в. – В.Т.)



Чечня, жители с. Мелхисты. 1939 г. (Архив ГМЭ)

территорию между реками Аксаем, Сунжей и Большим Кавказским хребтом, а ныне живущая смешанно с русскими и кумыками в Терской области, между Терекком и южной границей области”. Всех чеченцев, не считая ингушей, числилось на 1887 г. 195 тыс. Свое название они ведут от названия аула Большой Чечен, “служившего некогда центральным пунктом для всех собраний, на которых обсуждались военные планы против России” (?). О древнейших судьбах чеченского племени не имеется никаких данных, кроме фантастических легенд о чужеземцах (арабах), основателях этого народа. До 1840 г. отношение чеченцев к России было более или менее мирное, “но в этом году они изменили своему нейтралитету и, озлобленные требованием со стороны русских о выдаче оружия, перешли на сторону известного Шамиля, под предводительством которого в течение почти 20 лет вели отчаянную борьбу против России, стоившую последней огромных жертв. После войны часть чеченцев эмигрировала в Турцию, а часть переселилась с гор на плоскость”.

Далее автор написал несколько десятков строк, в которых перемешались фантазия и более точные данные и которые со временем превратились в этнографический стереотип. «Чеченцы высокого роста и хорошо сложены. Женщины отличаются красотой. В антропологическом отношении чеченцы представляют тип смешанный... (далее идут антропометрические данные). Чеченцы считаются людьми веселыми, остроумными (“французы Кавказа”), впечатлительными, но пользуются меньшими симпатиями, чем черкесы,



Чеченец с. Саярсана Ножай-Юртовского района. 1970 г. (Фото Б.А. Калоева)

вследствие их подозрительности, склонности к коварству и суровости, выработавшихся, вероятно, во время вековой борьбы (?). Неукротимость, храбрость, ловкость, выносливость, спокойствие в борьбе – черты чеченцев, давно признанные всеми, даже их врагами. В обыкновенное время идеал чеченцев – грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при этом рисковать своей жизнью – любимое дело чеченца....Во время своей независимости (?) чеченцы, в противоположность черкесам, не знали феодального устройства и сословных разделений. В их самостоятельных общинах, управлявшихся народными собраниями (?), все были абсолютно равны (?). Мы все “уздени” (т.е. свободные, равные), говорят теперь чеченцы. У немногих только племен были ханы, наследственная власть которых ведет свое на-

чало от эпохи магометанского нашествия. Этой социальной организацией (отсутствие аристократии и равенство) объясняется та беспримерная стойкость чеченцев в долголетней борьбе с русскими, которая прославила их геройскую гибель (?). Единственным неравноправным элементом среди чеченцев были военнопленные, бывшие на положении личных рабов...».

Этот канонический текст фактически не подвергался сомнению почти сто лет. Более того, он стал отправным для многих кавказоведов и специалистов по Чечне, которые работали в последующем. В 1920–1930-е годы были созданы новые искусствоведческие, лингвистические, археологические и этнографические работы, а также написаны историко-краеведческие очерки чеченского писателя Халида Ошаева⁸. С 1935 г. в Чечено-Ингушетии начала работать Северокавказская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством известного археолога Е.И. Крупнова, который не только опубликовал солидные труды по древней истории Северного Кавказа⁹, но и позднее сыграл важную роль в воспитании молодых ученых из числа чеченцев и ингушей после возвращения их из депортации.

Р.М. Мунчаев, нынешний директор этого института и участник Северокавказской экспедиции в 1950–1960-е годы, так оценивает этот момент в истории изучения истории и культуры региона:

«С Евгением Игнатьевичем Крупновым связано становление гуманитарной науки Чечено-Ингушетии. Он начал вести археологические раскопки в центральной части Ингушетии с середины 1920-х гг. и сделал там несколько открытий древних могильников и средневековых курганов. Все работы организовывались с активным участием местных специалистов и рядовых жителей из числа молодых людей. У него там было много друзей, и он любил этот край и ценил культурные традиции местного населения. Затем он ушел на фронт, а потом рассказывал, что он плакал, когда из рядов его фронтовых товарищей “выдергивали” ингушей и чеченцев и отправляли их в ссылку. После окончания войны Крупнов возобновил раскопки и перенес исследования в Чечню. Он тогда говорил нам, что мы все в долгу перед этим народом и нужно срочно ликвидировать отставание в изучении его прошлого и культуры. Это было не просто, когда даже упоминания чеченцев и ингушей стали редкими. В рамках Северокавказской экспедиции с 1956 г. высоко в горах Чечни начал работать отряд В.И. Марковина. Я с отрядом начал раскопки у Сержень-Юрта, где с 1955 по 1967 г. проводил ежегодные работы. В Чечне Крупнов работал еще почти двадцать лет главным образом в районе села Бамут, где были найдены два могильника и поселение эпохи бронзового века. Это очень интересные памятники, и мы издали вместе с Крупновым две монографии.



Северо-Кавказская археологическая экспедиция, 1961 г., село Бамут. Среди студентов Грозненского университета начальник отряда Р.М. Мунчаев (в центре), слева от него В.Б. Виноградов.

В 1957 г. был создан при нашем содействии Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы во главе с А.А. Саламовым, а его заместителем был прекрасный чеченский ученый и писатель Халид Дудаевич Ошаев, который кроме научных трудов¹⁰ написал талантливую книгу “Конец вендетты”. Тогда не было никакого серьезного учебного пособия по истории Чечено-Ингушетии, и Крупнов поставил такую задачу. Он даже пригласил на раскопки Василия Прокопьевича Любина, который нашел памятники времен палеолита. Тогда был подготовлен первый проспект древнейшей истории региона»¹¹.

В своей обобщающей работе по археологии Кавказа в эпоху ранней бронзы Р.М.Мунчаев приходит к следующему выводу о культурно-историческом развитии Северного Кавказа, Закавказья и Дагестана, Кавказского Причерноморья: “Развиваясь во взаимовлиянии между собой и с культурами смежных территорий, племена раннебронзового века Закавказья и Северного Кавказа создали оригинальные культуры, отличные по своему материальному облику друг от друга, а в еще большей степени от культур сопредельных с юга и севера областей... Возникают, естественно вопросы: кто же носители этих самобытных и оригинальных культур Кавказа изучаемой эпохи, на каком языке или на каких языках они говорили и, наконец, можно ли считать их хоть в какой-то степени отдаленными предками современных коренных народов Кавказа?”¹². Как настоя-



Северо-Кавказская археологическая экспедиция, 1962 г., село Сержень-Юрт. В центре сидят В.И. Козенкова и Е.И. Крупнов. Сзади стоит третий слева М.Б. Пиотровский, будущий директор Эрмитажа.

щий профессионал, ученый осторожен в своих заключениях о так называемых “этногенетических связях”, его смущают слишком прямолинейные и малообоснованные культурно-языковые параллели, особенно с древнейшими очагами человеческой цивилизации в Вавилонии и Месопотамии, где в последующем проводил свои исследования Р.М. Мунчаев. Тем не менее именно вокруг этих сюжетов потом расцветут паранаучные построения чеченских радикальных националистов и идеологов “чеченской уникальности”, о которых пойдет речь в последующих главах книги.

За последние десять лет число пишущих и количество написанного превзошло все, что было сочинено до этого о Чечне и чеченцах. Незыблемым и расцвеченным современными фантазиями остался только образ “французов Кавказа” – своего рода новое издание колониальной этнографии, но уже направленное против “мини-империи” – Российской Федерации.

В задачу книги не входит обстоятельный исторический анализ. Однако XX век, в том числе и последние десятилетия, оказали столь сильное воздействие на Чечню и на чеченцев, что обращение к истории и ее новое прочтение необходимы, чтобы показать уязвимость некоторых устоявшихся историко-этнографических версий и найти новые ракурсы для объяснения произошедшего конфликта. В этой и последующей главе меня прежде всего интересует социально-культурная эволюция чеченцев как этнической

общности, а также как части населения Чечено-Ингушетии, затем Чеченской республики и остальной страны (СССР, затем Российской Федерации).

Самым слабым, хотя и наиболее привлекательным, представляется подход, который якобы реконструирует глубокое прошлое чеченцев как специфическое по своей социальной структуре и системе ценностей общество, неведомым для всех остальных образом дожившее до наших дней. Именно социальная структура (прежде всего тейпы и исламские вирды) вместе с традиционным правом, “в котором большую роль играло право (и обязанность, и институт) кровной мести”, породили общество, которое “культивирует (и предполагает), с одной стороны, сильнейшие ценности свободы и равенства, нежелание и, можно сказать, неспособность подчиниться какой-либо внешней и принудительной власти, с другой – развитие стремление к соперничеству (в рамках своего мира, своей социальной среды) и чувство чести”. Строя эти заключения на основе статей ряда авторов, редактор-составитель книги о Чечне Д.Е.Фурман делает вывод “о самом глубоком факторе”, определившем современный путь Чечни: “Эта система ценностей, в значительной мере сохранившаяся до сих пор, чеченское свободолобие и своеобразная динамика “анархической” разобщенности и сплоченности – важнейший источник того, что политическое развитие Чечни пошло по совершенно иному пути, чем у других народов и общая позднесоветская–постсоветская модель была здесь модифицирована “до неузнаваемости”¹³.

В чем уязвимость данной интерпретации, в плену которой оказались как искушенные специалисты, так и неофиты в области этнических проблем и “конфликтологии”? Во-первых, мировой социально-культурной антропологии неизвестны подобные общества “свободы и равенства”, “чести и достоинства”, кроме как в колониалистской традиции конструирования образа или общества “гордого дикаря” (*noble savage*). Этой традиции отдали дань не только Фенимор Купер и Лев Толстой, но и многие известные ученые, как, например, Л.Г. Морган и Н.Н. Миклухо-Маклай.

Современных поборников “гордой архаики” из числа активистов – защитников “меньшинств” и “аборигенов” огромное количество. В последнее время к ним добавились неуывающие воины “холодной войны”, борцы против коммунизма, переквалифицировавшиеся на борьбу против “имперских наций” (преимущественно русских, сербов и отчасти китайцев). Подобные открытия “самодостаточного общества”, в котором “в спокойной обстановке чеченцев, очевидно, еще долго жили бы своими тейпами”¹⁴, сейчас делаются довольно часто именно в тех ситуациях, когда нужно осудить “страшную внешнюю угрозу – русское завоевание” (опять же слова Д.Е. Фурмана) или объяснить, почему не получается эффективного политического управления или государственного принуждения в тех или иных ситуациях.

Один из наших чеченских информантов (бывший школьный учитель) сказал фразу в ее казалось бы обыденном смысле: “видимо, история ничему не учит”. Однако в данном случае есть основание говорить не столько о пользе, сколько о вреде истории, когда дальние исторические экскурсы и культурные параллели (чеченцы сравниваются с древними эллинами, Энеями с гранито-метами¹⁵) освобождают от более жесткого и, возможно, политически некорректного анализа. Не может же захват чужой собственности или денежное вознаграждение за исполнение насилия сравниться с литературной красотой толстовского Хаджи Мурата или с высказыванием Солженицына о чеченцах в депортации как представителе единственной нации, никому не подчинявшейся в условиях ГУЛАГА!

В практике использования антропологом исторических аргументов, вероятно, самый оптимальный подход – это прежде всего взгляд на жизнь современных поколений, т.е. на непосредственную, лично пережитую историю (конкретный опыт или практика). Все остальное передается через устную традицию, печатные тексты и пропаганду тех, кто специально этим занимается или возложил на себя добровольную миссию “сохранить (открыть, восстановить) историческую правду”. Никакой “генетики” в ее буквальном смысле слова здесь нет и быть не может, а поэтому и использование самого понятия типа “генетическая память” научно несостоятельно.

Еще более значим период исторического времени, который прожило поколение идеологов и лидеров вооруженной борьбы. Что, скажем, означает “их” история Чечни для Джохара Дудаева, Зелимхана Яндарбиева и Алана Масхадова, и как она соотносится с их личным жизненным опытом? Наконец, если можно это считать историей, каков прожитый личный опыт молодых чеченских боевиков: имеет ли он собственный смысл или же он полностью подчинен версии истории, предложенной старшими поколениями, а также непрожитой, вычитанной версии “древней истории”?

XX ВЕК И ЧЕЧЕНСКИЕ ВЕРСИИ ИСТОРИИ

Что мы обнаружили в чеченской версии истории, так это огромное значение исторического мифа о происхождении народа и периода сталинской депортации 1944 г., особенно для взрослого населения. Депортация – это начало истории современного поколения. Об этом свидетельствует тот простой факт, что у большинства взрослых чеченцев место рождения – это районы Казахстана и Киргизии. Период до депортации представляется довольно скупо: это в основ-

ном воспоминания дедушек и бабушек или пересказываемые семейные истории предков. Их глубина невелика, и редко какая из них составляет семь и более поколений, которые, как считается, должен знать каждый чеченец*. Но дореволюционный и ранний советский периоды в семейной памяти чеченцев присутствуют. Это время обычно связывается с государственной службой или с контактами, которые имели чеченцы с русскими и с другими соседями. Некоторые мои собеседники и друзья-коллеги из числа чеченцев были поздними детьми и имели престарелых родителей (отцов), которые прожили значительную часть жизни до и сразу после революции 1917 г. В их рассказах есть ряд важных моментов об истории чеченцев в этом столетии.

Один из сообщников, Хажбикар Боков родился в 1935 г., когда его отцу уже было 69 лет. Его мать была на 23 года моложе отца (см. фото родителей Х. Бокова на с.). Она родила 14 детей и, как сказал Хажбикар “была матерью и домохозяйкой-работницей”.

«От матери осталось только рассказов, что мне хватило сюжетов на всю жизнь. Отец хорошо говорил по-русски. Он служил в Польше и Финляндии. Был участником гражданской войны на стороне красных. А в 1933 г. его посадили за что-то на несколько лет. Только в 1978 году получил на него реабилитацию**. Отец был без средств и не мог мне обеспечить обучение, но никогда не мешал мне учиться, хотя было очень трудно. Я даже в школе прерывался на два года, чтобы работать. А писать я начал еще в школьные годы, и первые мои публикации были в “Павлодарской правде”. В 1955 году я встретил Валентину, она приехала из Орла в Павлодар работать инженером (см. фото Хажбикара и Валентины на с.). Когда я решил жениться на Ва-

* Здесь Джабраил Гакаев оспорил этот тезис, указав, что не только лично он, но и многие, кого он знает, хорошо осведомлены о своих родословных: “Я помню 14 поколений. Дудаев называл семь по матери, но не по отцу. Есть записи родословных, а я выучил от отца. Среди чеченцев есть самородки с прекрасной памятью. У меня был родственник по имени Мед. Он прожил сто лет. Служил еще в царской Дикой дивизии, нес службу в Зимнем дворце. Потом он даже преподавал историю в казахском селе в “совхозе имени Сталина” Чаяновского района Южно-Казахстанской области (любопытное соединение в советской топонимике имен палача Сталина и его жертвы Чаянова, сохранившееся в послевоенный период! – В.Т.). Он не только учил истории, но и многим рассказывал их родословные. У чеченцев есть элитные роды, и мой кейский род - это элитный род, среди членов которого устная история была очень сильной. Я назвал своего старшего сына в честь Меда. А сын самого Меда, Исмаил, тоже наследовал этот дар, и он был замечательный рассказчик”.

* Вот текст этого документа, написанный на бланке Верховного суда Чечено-Ингушской АССР (бланк на трех языках: чеченском, ингушском и русском): “Алихановой Х.Б., гор. Малгобек, ул. Горданова, 118. Справка. Постановлением Президиума Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР от 27 апреля 1978 года в отношении постановления Тройки при ПП ОГПУ СКК и ДССР от 10 июня 1933 года в отношении БОКОВА Хакяша Дасхоевича, 1866 года рождения, ингуша, беспартийного, ранее не судимого, отменено и делопроизводство прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения. Председатель Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР К.Д.Бурмистров”.

лентине, родственники отговаривали брать “чужую”, а отец на это сказал: “Вот несчастные. Они думают, что Аллах только их и создал”. Он, бывало, любил попросить сварить ему борщ. Валентина проработала 25 лет деканом географического факультета и заведующей кафедрой экономической географии ЧИГУ. У нее у самой отец был расстрелян в 1937 году».

В воспоминаниях многих чеченцев о дедушках и прадедушках красной нитью проходит тема служения революции и необоснованных репрессий, которые обрушились на чеченцев без всяких причин и без разбора. Кто-то на кого-то писал, вернее, как вспоминает Жовзан Зайналабдиева, “поставил свои пальцы” под бумагами-доносами, ибо многие были неграмотны.

«Мой дедушка по отцу тоже был репрессирован. Его отец был знатным человеком (шейхом), так как на его могиле был домик*. Мой дед был за красных, он был первым председателем Энгинойского сельсовета, но ему поставили в вину, что он говорил: “пока все не наладилось, нужно сохранить обучение в школах на арабском алфавите, а с коллективизацией тоже не торопиться”. На это завели дело, и двое чеченцев поставили свои пальцы, что он так говорил.

Мой отец не помнил отца, помнил только, как уходил человек и погладил ему голову и сказал, что пока не вернется, голову ему пусть не бреют**. Ему так ни разу и не побрили голову, а только стригли волосы. Хотя у чеченцев есть обычай мальчикам и девочкам один раз брить голову. Для этого даже ищут хорошего (доброго) человека, чтобы был похож на него, когда вырастет. А вот отца потом стригли, но так и ни разу в жизни не побрили. Мой отец первый раз увидел фото своего отца уже в следственном деле. Это было маленькое фото, на котором мой дед в национальной рубашке и его глаза как бы спрашивают “За что?”».

В целом для современных чеченцев политика “глубоких воспоминаний” строится на тезисе о том, что их дедушки и прадедушки были верноподданными российского государства, несли разные службы, вплоть до воинской в императорской гвардии, а когда пришла революция 1917 г., то они приняли сторону большевиков и даже вступили в Красную Армию или исполняли различные гражданские должности вплоть до руководства местными органами совет-

* Жовзан, видимо, имеет в виду один из типов родовых святынь – *сиелинг* – каменные столбы особой формы, воздвигавшиеся в честь умерших, предков рода. Около них относившие себя к этому роду устраивали моления.

** Это распространенный обычай, заимствованный у тюркских народов. Чтобы ребенок рос здоровым и удачливым в раннем возрасте (3–5 лет) совершали обряд «первого бритья головы». При этом резали обычно жертвенного барана и звали родственников на угощение. Жабраил так рассказал мне про свой случай: “Отец побрил меня года в четыре, оставив на макушке клочок волос. Это было в году 1947–1948, во время ссылки. Я так с хохолком ходил пока волосы не отрасли. Но все равно детей брили и до, и после “первого бритья”. Обычно делали это пару раз в году. Иногда родители или кто-то из родственников сами стригли детей и друг друга. Парикмахерских в селах не было. Ездить в город было дорого».

ской власти. Однако многие из них были несправедливо репрессированы сталинским режимом.

Только с момента “национальной революции” начинают выстраиваться “новые генеалогии”, которые восходят к тем немногим чеченским “абрекам”, которые оказывали сопротивление как царской, так и советской власти на территории Чечни или за ее пределами в эмиграции. Два портрета из этой новой героической линии (известный абрек Зелимхан Харачоевский и бандит Хасу Шатоевский) Муса Гешаев включил в составленную им книгу “Знаменитые чеченцы”, изданную в Бельгии в 1999 г., но арестованную российской таможней. Новоявленные герои должны были доказывать тезис чеченцы никогда никакой власти, в том числе и советской, не подчинялись, а то, что они “способствовали победе большевиков”, так это они просто “попали в ловушку”¹⁶. Именно по причине радикального пересмотра чеченской истории в условиях и под влиянием конфликта, а также в целом постсоветских идеологических ревизий, было бы полезным изложить менее политизированный взгляд на историю чеченцев в XX в.

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ

В советский период в культурной эволюции чеченцев, равно как и других этнических меньшинств СССР, произошли сложные и глубокие перемены. Советская политика коренизации¹⁷ 1920-1930-х годов, наряду с созданием этнотерриториальной автономии для чеченцев и ингушей, способствовала быстрому распространению у них грамотности и появлению интеллигенции. В борьбе за ликвидацию отсталости “национальных окраин” ранние установки большевиков предусматривали перевод образования на родной язык, что, в свою очередь, означало необходимость наличия письменности.

В 1914 г. в Чечне было 154 школы, имелся первый чеченский букварь на основе арабской графики. Школы действовали не только в Грозном – растущем центре российской нефтепромышленности, но и в некоторых горных селах. Однако среди чеченцев грамотных было менее 1%. Как отмечает исследовательница этого вопроса Зулай Хамидова, поскольку в XVIII–XIX вв. в их общественной жизни господствовал ислам, арабская письменность использовалась не только для религии, но и в делопроизводстве, официальной и частной переписке. В чеченском языке этого периода появляется значительное количество арабских слов. “Развитие чеченского языка в этот период происходило и за счет внутренних ресурсов при все более тесном взаимодействии носителей разных диалектов и говоров, что способствовало их сближению, стиранию различий между ними и выработке общих норм речевого поведения. Открытие школ, гимназий, появление новых букварей и учебников на чеченском языке способст-

вовало зарождению учебно-педагогической терминологии, употреблению языка в новой для него сфере деятельности. В этот период появляется чеченская интеллигенция”¹⁸.

Необходимо было избрать основу литературного языка, т.е. осуществить определенный выбор из довольно большого числа разных вариантов чеченского языка (так называемых “диалектов”). Небольшой круг образованной интеллигенции принял в этой работе активное участие. Был выбран диалект населения равнинных районов, прежде всего жителей Грозного и прилегающих к нему сел. Первоначально письменность была создана на арабской графике, и в 1921 г. появляется новый чеченский букварь. К обучению грамоте привлекались учителя мусульманских школ. Уже в 1923 г. 50 человек, начали работу по ликвидации неграмотности в селах. За период с 1924 по 1932 г. в “ликпунктах” были обучены грамоте 69 333 человека взрослого населения, в том числе 2120 женщин-чеченок¹⁹.

Очень скоро ориентации советской власти поменялись в пользу латинской графики, чтобы, как выразился один из тогдашних лидеров, А.И. Микоян, “разбить стену между европейской и мусульманской культурой”, “сблизить Запад и Восток”. В 1925 г. принимается решение о переходе на латинскую графику и в Чечне, несмотря на сильное сопротивление мусульманского духовенства. В 1926 г. в Ленинграде был изготовлен латинский шрифт для чеченской письменности, с 1927 г. первая чеченская газета “Серло” (“Свет”) стала выходить на латинской графике. В 1928 г. начала работать радиостанция на чеченском языке, а в 1929 г. создан Союз писателей Чечни. С 1930 г. в СССР вводится обязательное всеобщее начальное образование. Кампания по его внедрению развертывается и в Чечне, несмотря на такие трудности, как отдаленность и труднодоступность горных сел, глубокая религиозность населения, недостаток учителей и учебных материалов. В 1931 г. открылся первый национальный театр.

Это были годы бурного развития чеченской культуры и языкового строительства. Вышли первые учебники с использованием латинской графики: арифметика, чеченский язык, природоведение, книга для чтения, словари, сборники фольклора. В Грозном начал работать Институт национальной культуры, действовали два педагогических, два нефтяных, два сельскохозяйственных, один медицинский техникумы, нефтяной и педагогический институты. На национальном языке выходят первые произведения местных писателей. После объединения в 1934 г. Чечни и Ингушетии в Чечено-Ингушскую автономную область был принят единый алфавит на основе латиницы.

Местные власти энергично осуществляли политику “коренизации”, и в феврале 1936 г. Областной совет принял постановление о подготовке национальных кадров, вовлечении чеченцев и ингушей в производство, распространение среди них родных языков. Документ



Чечня, жители с. Урус-Мартан. 1939 г. (Архив ГМЭ)

гласил: “Игнорирование и противодействие мероприятиям по созданию национального пролетариата, коренизации госаппарата и переводу делопроизводства на родной язык будут рассматриваться как контрреволюционная вылазка классового врага”. Этим же постановлением советы всех уровней должны были “довести к концу 1936 г. удельный вес чеченцев и ингушей в аппарате до 60%, разработать вопрос преподавания в сельских школах на родном языке, ввести родной язык во все школы, средние, профессиональные и высшие учебные заведения в городе; организовать курсы по подготовке работников для советского аппарата – секретарей, машинисток, бухгалтеров, счетоводов, инструкторов и т.д., организовать спецкурсы по изучению коренного языка для других национальностей, постоянно работающих в области и не владеющих чеченским и ингушским языками; утвердить организацию 70 школ в районах для малограмотных и неграмотных работников чеченцев и ингушей на родном языке и 22 школ по изучению коренных языков для работников других национальностей; выделить на все мероприятия деньги”²⁰.

К началу 1937 г. “коренизация” аппарата была произведена на 70%! Работу и престижные назначения получили, как пишет Зулай Хамидова, “все, кто имел хоть какое-то образование и авторитет среди населения”²¹. Они еще только приступили к своей работе, а в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. по составленным НКВД спискам была проведена по всем селам и районам “генеральная операция по изъятию антисоветских элементов”. В результате 14 тыс. человек были арестованы, часть из них расстреляна, многие сосланы в концлагеря. Аресты продолжались до ноября 1938 г. Только в аппарате власти было арестовано 137 человек – почти все чеченцы и ингуши. По некоторым данным, в репрессиях 1930-х годов в Чечено-Ингушетии пострадало около 200 тыс. человек²².

Насколько эти данные являются точными, судить довольно трудно, но хорошо известно, что среди арестованных было много чеченцев, которые занимали престижные должности, начиная с главы правительства и кончая простыми чиновниками сельских советов. При этом происходило характерное для советского общества того времени довольно быстрое замещение репрессированных кадров (своего рода эффект стандартизированного по своим функциям советского активиста, которому был предписан четкий набор функций, позволявший осуществлять массовые социальные эксперименты²³) и сам процесс развития чеченской культуры не был остановлен.

В 1938 г., помимо уже действовавших вузов и культурных учреждений, начали работать Национальный театр песни, музыки и пляски, музыкальная школа и музыкальный техникум. Были организованы профессиональные союзы писателей, художников, архитекторов и композиторов. Открылись Музей изобразительных искусств, Дом народного творчества. Всего перед второй мировой войной в Чечено-Ингушетии издавалось 16 газет, действовало 408 школ, 5 те-

атров, 248 библиотек и 212 изб-читален. Неграмотность была ликвидирована среди 75 % населения²⁴. Как справедливо замечает Зулай Хамидова, “успехи культурной революции, таким образом, несмотря на террор, были грандиозны. Но, пребывая в СССР и РСФСР, Чечено-Ингушетия полностью зависела в своем развитии от изменений в идеологии и политики России, Москвы, причем зависела не только в таких вопросах, как административное устройство, но и в том, что значительно глубже, что непосредственно связано с самой национальной идентичностью – в языке. Чеченский язык становился жертвой российских перемен”²⁵.

Действительно, уже в 1938 г. в СССР принимается решение перевести все новописанные языки на русскую графическую основу. Это решение затронуло около 70 этнических групп, включая и все народы Северного Кавказа. Переход был связан с большими трудностями. Нужно было учить новый алфавит, переиздавать все учебники, менять шрифт, упорядочивать орфографию и терминологию, осуществлять новые переводы общественно-политической, сельскохозяйственной, медицинской и технической литературы. Встала проблема издания новых учебников для чеченских и ингушских сельских школ. После этой реформы чеченский и ингушский языки и литература сохранились в школе только как предметы, а все остальные дисциплины стали преподаваться на русском языке. С этого момента начался процесс интенсивной языковой ассимиляции чеченцев в пользу русского языка. Одновременно в эти же годы были заложены основы научного изучения чеченского языка, фольклора, литературоведения, которое продолжилось уже после второй мировой войны²⁶.

ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ИНДУСТИАЛИЗАЦИИ

За многие века освоения долин и предгорий как чеченцами и ингушами, так и русскими жителями в Чечено-Ингушетии образовался обширный фонд пахотных земель (около 400 тыс. га в 1937 г.), не считая огромное число мелких частных участков в горных селениях и индивидуальных огородов в долинных районах. Были еще фруктовые сады и даже семейные (родовые) рощи дикоросов (орехи, ягода, черемша). Малика Сальгириева рассказывала, что до сих пор хорошо знает, и знает все окружающие соседи, где в родном горном селе проходят границы ее родовых участков: *“Никто ни одной груши не сорвет. Все знают, кому принадлежат эти деревья”*.

Проект осуществления всеобщей коллективизации в Чечено-Ингушетии оказался менее успешным по сравнению с “культурной революцией”. Против коллективизации сначала выступали местные казачьи общины, но казаков как “контрреволюционный элемент”



Чечня, группа живогноводов с. Игум-Кале на пастбище. 1970 г. (Фото Б.А. Калоев)

большевики подвергли жестоким репрессиям и значительную часть их выселили с Северного Кавказа, в том числе и с территории Чечено-Ингушетии, еще в 1920-е годы. Одновременно коллективизация вызвала не только протест, но даже открытые выступления со стороны чеченцев. В конечном итоге созданные колхозы и совхозы существовали здесь как навязанная структура, в рамках которой или за ее пределами чеченцы находили много вариантов жизнеобеспечения. И все же на первое января 1937 г. в республике было (или числилось) 480 колхозов, в которые входило 84% всех крестьянских хозяйств. Колхозы располагали 300 тыс. га земли и собирали богатые урожаи кукурузы и неплохие урожаи других культур. Поголовье скота в колхозах республики в 1939 г. составило 121 тыс. голов²⁷.

Но по другим сведениям, колхозов было меньше и уровень коллективизации пастбищ и скота был ниже. К моменту депортации в 1944 г. в ЧИАССР насчитывалось 146 сел (не считая мелких населенных пунктов, особенно горных аулов), 137 колхозов, 14 совхозов, 24 МТС, 439 промышленных предприятия. В сельской экономике преобладало единоличное хозяйство (кстати, это положение сохранилось и в последепортационный период). Например, в Итумкалинском районе в 1943 г. крупного рогатого скота было 15 тыс. голов, из них в колхозах 800 голов (13%), в Шатойском – 7600, из них в колхозах 332 (4%), в Итумкалинском – 28 тыс. голов овец, из них в колхозах 1800 (6%), в Галанчожском – всего 13 700 овец, из них в колхозах 2637 (19%)²⁸. Видимо, речь в данном случае следует вести о большом различии в характере аграрной экономики между равнинной и горной частями республики.

Что касается промышленности, то ее основу еще с дореволюционных времен составляла добыча нефти (второе место в России после бакинских промыслов). Нефтепромыслами владел частный капитал, как зарубежный, так и российский, включая и нескольких крупных чеченских промышленников (Тапа Чермоев). После революции и гражданской войны грозненская нефтепромышленность была восстановлена очень быстро, а с 1924 г. началась реконструкция и строительство новых заводов. К 1940 г. Чечено-Ингушетия уже не просто добывала, но и перерабатывала нефть. В период советской индустриализации в Чечне были созданы новые отрасли: машиностроение, электроэнергетическая, газовая, химическая, лесная и деревообрабатывающая. В республике с ее многочисленным коренным населением стала быстро развиваться легкая промышленность, где активно использовался местный женский труд: обувная, швейная, консервная.

Предвоенная Чечено-Ингушетия жила по правилам, которые можно назвать своеобразным симбиозом советских норм и законов с народными правовыми нормами *адата* при сохранении некоторых исламских традиций и ценностей. Подавляющее большинство простых людей не вступали в ряды большевиков и не были открытыми врагами ре-

жима. Они пробивались по жизни точно так же, как это делают люди в любом другом обществе. С началом в 1941 г. войны с гитлеровской Германией 29 тыс. чеченцев ушли на фронт защищать свою страну – Советский Союз. Хотя некоторые чеченские авторы теперь и берут слово “свою” в кавычки²⁹, тогдашнее поколение чеченцев было настроено патриотично и воспринимало СССР как родину.

Вот одна из драматических историй того времени. Она была изложена в письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова жителем Магадана В.А. Алиевым уже после войны. Автор письма “отбыл свой срок, досрочно освобожден”.

«Я родился в селе Чечен-аул Атагинского района бывшей Чечено-Ингушской АССР в 1924 г. Мой отец Алиев Аметхаджи – рабочий-сапожник, активный участник гражданской войны, получил увечье и инвалидность в боях (100-дневные бои в гор. Грозном) с белоказаками. Мать – крестьянка, домашняя хозяйка. Оба они были неграмотными. С первого класса я обучался в русской школе. Благодаря Коммунистической партии СС я получил образование, сын неграмотных родителей – я учился в институте; будучи чеченцем по национальности – самой отсталой национальности – благодаря Советскому правительству я получил вместе с образованием и широкий кругозор. Я начал свою сознательную жизнь октябренок, а перед арестом в 1944 г. был кандидатом в члены ВКП(б).

Меня воспитала пионерская организация, комсомол и партия. Я работал председателем Совета пионерской дружины, секретарем первичной комсомольской организации и с сентября по 25 декабря 1942 г., до ухода добровольцем в ряды РККА, секретарем Атагинского РК ВЛКСМ по пропаганде и агитации.

В 1943 г. на плацдарме у р. Днепр под г. Канев я был принят в кандидаты ВКП(б), как отличившийся в боях. За эти же бои я два раза был представлен к правительственным наградам: ордену Отечественной войны и ордену Красной Звезды. В мае месяце 1944 г. после тяжелой болезни в госпитале гор. Тула врачебной комиссией я был признан ограниченно годным 2 степени с переводом в глубокий тыл, но я знал, что Родине нужен каждый человек на передовой, и остался в строю. Ведь в армию я уходил добровольцем, о нашей инициативной группе по набору добровольцев-активистов в ряды РККА широко писала чечено-ингушская республиканская пресса (газета “Ленинский путь” за вторую половину декабря 1942 г.)...»

Далее следует жуткий рассказ об аресте, ложных признаниях вины под угрозой расстрела и осуждение... Но что в этой истории явно не укладывается в доминирующий стереотип о чеченцах, так это отсутствие тех самых черт тотального диссидентства, отказа служить кому-либо, а тем более советской власти. Не только начавшаяся языковая ассимиляция, но и глубокая советизация, включая советский патриотизм и лояльность власти, были характерны для большинства чеченцев и ингушей. Возможно, не все шли добровольцами, но отказывались служить в армии или дезертировали единицы.

Такова была общая картина по всей стране с некоторыми отличиями только в аннексированных в 1940 г. регионах – западная Украина и Белоруссия, Прибалтика и, возможно, Крым. Из данных довоенного времени образ чеченского “гордого дикаря” или “вечного бунтаря” никак не складывается, и этот патерналистски-шовинистический (по сути, неоколониальный) стереотип должен быть отвергнут. Тем более такой образ не подходит для чеченцев второй половины XX в.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ССЫЛКИ

Восприятие чеченцами сталинской депортации отчетливо распадается на два периода: до либерализации конца 1980-х годов и после нее. В советское время наиболее характерным было замалчивание депортации. Люди старались не говорить об этом, ибо как бы существовала некая коллективная вина, пусть даже и несправедливо наложенная на народ и за нее ему приходится расплачиваться. Степень замалчивания у тех или иных народов была разной. Среди калмыков, например, существовал почти всеобщий “заговор молчания”, особенно взрослых по отношению к молодым. Эльза Гучинова рассказала мне, что в детстве и ранней молодости вообще ничего не слышала о депортации калмыков в Сибирь ни от своих родителей, ни от других людей.

Довольно важные моменты обнаружены мною в чеченских историях. Вот как объясняет восприятие депортации в своей семье Хеда Абдуллаева:

«О депортации говорили мало и в каком-то отвлеченном виде: это было до “ардаар” (что на чеченском языке буквально “вывели из дома”). Когда мама что-нибудь рассказывала, то она часто говорила, вот когда нас “ардаале”, или когда нас “уза даькича” (буквально “вернули”). У меня в голове все никак не укладывалось: куда вывели и куда привели? Я очень долго всего этого не понимала. Это было неправильно и надо было все-таки рассказать.

Я помню, это было в классе пятом. У нас был урок истории, и учительница была русская. Я ее спросила: а что это такое? Она на меня посмотрела и спросила: а где ты это вычитала? Я говорю, что просто слышала. Прочитать об этом было невозможно.

Она сказала:

Спроси об этом у отца.

Я стала спрашивать маму:

– Вот вы в Казахстане жили, почему вы там жили, вы не хотели дома жить?

Она говорит:

Нам пришлось.

– Что значит “пришлось”? Вы сами туда уехали?

– Нет, говорит, – нас просто попросили. Нам сказали, чтоб мы ушли.

Только в классе восьмом до меня дошло, что нас выслали, всех выслали!»

Интересный момент обнаруживается в ментальности части чеченцев более старшего поколения, особенно среди тех, кто занимал элитные должности и(или) вполне лояльно относился к советскому строю (последних было подавляющее большинство в Чечено-Ингушетии). Период пребывания в ссылке в Казахстане назывался некоторыми как период пребывания “на целине”, т.е. чеченцы как бы причисляли себя к участникам одной из наиболее громких пропагандистских и народнохозяйственных эпопей советского времени. Вот как высказался Хажбикар Боков, когда описывал одну из страниц своей прошлой жизни:

«Я прошел школу целины, где не было, чтобы руки по швам. Каждый имел свое мнение. Там же прошел и комсомольскую школу. Это была настоящая школа патриотического труда и бескорыстия ради Родины. Меня там уважал первый секретарь обкома Прокопий Иванович Черняк. Классический тип партработника. Одевался просто, ходил в телогрейке и в сапогах. Это было в Железненском районе Павлодарской области. Черняк пытался сделать меня первым секретарем райкома: у меня, говорил, нет лучше комсомольского работника. Он пытался это сделать через обком, мне не говоря ничего.

Я действительно вырос в труде. В 8 лет вывезли, был пахарем, сеяльщиком, пастухом, завклубом. Вырос можно сказать в борозде. Он мне говорил, подожди, я пошлю тебя в высшую партшколу. Зачем был нужен закон о реабилитации репрессированных народов, когда это уже было в прошлом?»

За последние десять лет история депортации чеченцев и ингушей стала предметом большого числа драматических описаний, документальных публикаций и литературно-поэтических интерпретаций. Упрощенная и политкорректная версия однозначна: депортация была “народоубийством”, самым страшным преступлением сталинизма, который исковеркал жизнь нескольких поколений и судьбу чеченского народа в целом. Именно такую ссылку я слышал неоднократно в высказываниях почти каждого чеченца – члена делегации, с которой были переговоры во Владикавказе 11–13 декабря 1994 г., а также когда началась чеченская война. Какой бы вопрос ни обсуждался, все чеченцы напоминали членам делегации из Москвы о том, что их народ был подвергнут всеобщей депортации.³⁰ Детство большинства их ровесников прошло в Казахстане или в Киргизии, но молодые годы они провели в крупных российских городах, где обучались в советских вузах (Московский университет, Юридический институт в Свердловске, Танковое училище в Туле и другие). “Свердловск – это лучшее время в моей жизни и этот город я никогда не забуду”, – сказал мне во Владикавказе заместитель министра юстиции прокурора Чеченской республики Абу Алиев.

Безусловно, сам акт депортации чеченцев и ингушей, как и других народов, был чудовищным насилием и огромной травмой, память о которой стала одним из главных моментов чеченской версии

прошлого. Однако в литературных и исторических текстах, а также в политической и повседневной риторике преобладают рассказы о самом акте выселения и о тяжелом переезде в забитых людьми вагонах для скота, когда многие погибли от холода, голода, болезней и от рук охранников. Этнография жизни в ссылке почти не рассматривается, кроме упоминаний спецкомендатуры, ограничений на передвижение, жестоких наказаний каторгой за отлучки с местожительства.

Д.Д. Гакаев в своей обстоятельной книге, посвященной политической истории Чечни в XX в., так описывает этот период:

“После прибытия к местам ссылки началось колхозно-совхозное распределение депортированных. Непосредственной властью над народом была спецкомендатура во главе с комендантом – офицером НКВД. Комендант был полноправным хозяином жизни сотен тысяч бесправных и незащищенных людей. Всюду в местах расселения депортантов было объявлено, что спецпереселенцы обязаны беспрекословно выполнять распоряжения властей, соблюдать режим, регламентирующий их жизнь. Все работоспособное население использовалось в качестве рабсилы за вознаграждение в виде продовольственной карточки. Категорически запрещалось всякое передвижение или уход на расстояние более трех километров от места проживания. Два раза в месяц спецпереселенец должен был отмечаться в комендатуре, подтверждая, что он на месте. За нарушение правил и режима проживания необратимо следовало наказание – каторга сроком на 20 лет без суда и следствия. По существу, спецпереселенцы были лишены гражданских прав и находились вне закона. Голод, мор, жесточайшие репрессии поставили чеченцев и ингушей на грань гибели”³¹.

Вопрос о воздействии периода депортации на чеченцев и на их культуру в литературе неизбежно рассматривается в эмоционально-политизированном тоне: исключительно с точки зрения морально-правовой несправедливости совершенного акта выселения целого народа и с точки зрения физических лишений и утрат, в том числе демографических³². Эти утраты действительно были велики, даже по умеренным оценкам чеченцы и ингуши в период депортации потеряли более одной трети своей численности³³. Однако история депортации имеет ряд аспектов, которые представляют особый интерес в контексте антропологического анализа.

Прежде всего доказательством моего тезиса о том, что чеченцы уже к периоду второй мировой войны представляли собою один из средне-модернизированных советских народов с развитой материальной и духовной культурой, является то, что в Средней Азии и Казахстане они, вместе с другими депортированными народами, зачастую выполняли своего рода цивилизаторскую миссию по отношению к аборигенному населению, особенно к местным казахам и киргизам, проживавшим в степной сельской местности. Отец Джабраила Джокала рассказывал сыну, что когда чеченцы прибыли в Среднюю Азию, то обнаружили, что многие там еще живут в земляных

жилищах или ведут полукочевой образ жизни. Чеченцы научили казахов и киргизов строить дома, печь хлеб в каменных печах, выращивать овощи и еще многим полезным вещам, о которых местное население до этого не знало. Как говорил Джокала, *“даже с лошадьми и со скотом пришлось учить обращаться, хотя казалось бы местные были в прошлом кочевниками”*.

Многочисленные истории чеченской депортации концентрируются также на лишениях и унижениях, которые пришлось пережить чеченцам и другим депортированным в ссылке³⁴. Однако меня интересовал еще ряд других важных сюжетов. Во-первых, какова была стратегия выживания депортированных и этнография их повседневности на протяжении 13 лет пребывания за пределами Чечни? Во-вторых, в какой мере депортация способствовала не только сохранению, но и консолидации чеченской идентичности, т.е. как депортация через негативное предписание быть *спецпоселением* послужила сохранению чеченской отличительности. Наконец, в результате чего в этот период у чеченцев появилось устойчивое желание осуществлять двойное отрицание, при котором негативно оценивается не только сам факт депортации, но и часть прожитой собственной жизни.

Как мы уже отмечали, наиболее страшные воспоминания относятся к моменту выселения и к первым годам жизни в депортации. Приведем несколько историй, причем, почти все они – это рассказы старших, о которых помнит нынешнее поколение. В них депортация перемешивается с более ранними репрессиями 1920–1930-х годов от которых пострадало много чеченцев и ингушей вместе с другими жителями края, особенно казачьим населением.

«Я, Жовзан (по-русски меня чаще зовут Жанна) родилась в Киргизии, в селе Новопавловка (рядом с Фрунзе) в 1954 г. Отец – Саид, мама – Куку, бабушка по отцу – Аманат, брат младший – Умар и старшая сестра – Зулай (Зоя). В мае 1957 г. уехали всей семьей в Чечню и поселились в? Мама – из известного (“прогрессивного”) рода Сайхановых (ее деда, именем которого названа улица в Грозном, убили белогвардейцы в гражданскую войну). Ее отец, мой дед ... был репрессирован. В момент выселения ее 8-летнюю мама (моя бабушка Маршан) послала в деревню посмотреть обмолоти или нет муку. Поэтому увезли бабушку с двумя другими детьми без нее (в Киргизию), а Куку забрали с собою другие односельчане, которых отправили в Казахстан.

Куку жила в чеченской семье, где было много детей, и было очень трудно всех прокормить. Ее даже хотела удочерить одна местная русская семья, но чеченская семья, в которой жила мама, этого не хотела и была готова даже отдать ее в детдом. А бабушка Маршан стала ее разыскивать и всех распрашивать. Она говорила по-русски, так как жила в крепости Ведено вместе с военными (там работал ее отец до того, как его убили).

Бабушка искала мою маму в Казахстане и Киргизии. Она рассказывала, что киргизы прикрывали от нее ладонью текст, так как думали, что она грамотная. Когда она нашла маму (ей уже было тогда лет 13–14), то

она ее остригла под мальчика, чтобы спокойнее было перевозить по дорогам к месту поселения.

...Когда мы вернулись, в нашем доме жили аварцы. Мы несколько лет жили вместе, так как аварцы сразу не смогли уехать (им было тоже некуда ехать). Потом они еще долго навещали нас в этой деревне, потому что там были похоронены их родственники (рядом с нашим родовым кладбищем рода Энгиной). У бабушки была швейная машинка “Зингер”, она обнаружилась у аварцев и выкупила назад. Наш дом был небольшой, жили порознь, но ссор не было. Говорили с ними по-русски, а между собою на чеченском. Потом уже мой отец построил отдельный дом» (Жовзан Зайна-лабдиева).

Особенно трудными были первые годы жизни в Средней Азии. Многие семьи оказались разорванными, их соединению помогал хабар – чеченский “устный телеграф”, который работал безупречно, пересекая все кордоны.

«Были специальные люди, которые ходили по всему Казахстану и Киргизии, от одного села к другому, чтобы собирать и сообщать сведения, кто где живет и кто кого разыскивает. Таких людей было много. Это были какие-то добровольцы, которых просто кормили в пути и давали переночевать. А делать это, между прочим, было довольно опасно. Депортированным нельзя было выезжать за пределы своих поселений. Если что, могли арестовать и дать тюремный срок. Люди очень боялись даже сходить в соседнее село в гости, чтобы случайно из-за погоды или по какой другой причине не задержаться. И вот можно себе представить, что через несколько лет чеченцы и ингуши почти все нашли друг друга, узнали, кто жив и кто умер, стали писать письма друг другу, передавать разную информацию, помогать друг другу.

А первые годы были очень тяжелыми из-за отсутствия жилья (многих прямо в степь высадили) и голода (местные казахи и те голодали). У моего отца на попечении оказалось около 40 человек: своих собственных детей и разных близких родственников. Он был очень сильным и смелым мужчиной. Его авторитет был огромным. Джокалу знали все в горной Чечне, и в Средней Азии к нему люди тоже потянулись под защиту. Положение было таким, что приходилось воровать у местных скот, в основном совхозных овец.

Он как-то рассказал, что казахи верхом на лошадях однажды его догнали с овцами. А он достал огромный нож, очертил им линию и сказал: “Не подходите! У меня голодные сироты, и я буду биться на смерть”. Они постояли, лошадей повернули и ускакали от него. Испугались или поняли, что человек в отчаянии. Так отец никому не дал умереть с голоду» (Джабраил Гакае).

Шамсуддин Умаров помнит свои детские впечатления о том, что в казахском селе, где они жили, чеченцы часто собирались по вечерам у кого-нибудь в доме.

“Первые годы и электричества не было, и жгли лучину или свечку. Собирались поиграть на балалайке и пели. Был смех и были шутки. Почти в полной темноте. Поесть почти ничего не было, поджаривали картошку на печке. Помню, что только в году 1948 мама смогла повесить ка-

кую-то тряпочку на окна. Так появились первые занавески как признак лучшей жизни”.

Пребывание в Казахстане и в Киргизии было временем не только разрушения семейно-родственных связей, но сильной аккультурации чеченцев, особенно в пользу русского языка. Некоторые представители старшего поколения, как, например, Джокала Гакаев научился говорить по-русски только в Казахстане.

“Когда отец трудоустроился, а потом и стал бригадиром, то сразу же стал охранять тех же самых совхозных овец. Он потом всю свою оставшуюся жизнь замаливал на коврике этот 1944 год, когда пришлось пару раз пойти на воровство. Некоторые нынешние старики так и не показались” (Джабраил Гакаев).

Это была ситуация вынужденных, но очень активных межэтнических взаимодействий и контактов. Районы, куда были сосланы депортированные, представляли собой настоящие этнические конгломераты. Хажбикар Боков так своеобразно осмыслил судьбу чеченцев в период депортации:

«Я русский язык выучил вместе с материнским языком. Дома мать с отцом говорили по-ингушски. В школе в Казахстане все по-русски. В нашем селе было четыре класса. Поэтому пятый, шестой и седьмой классы я учился в другом селе. Километров семь от нашего села. Русские, украинцы и немного спецпоселенцев и казахов. Это был прием для разложения нации, но видимо чеченская нация была только в процессе своего сложения и в этой стадии нацию разрушить нельзя. Сотни километров шли по селам чеченцы и ингуши и составляли списки. Это величайшая сила национального единства в начальный период. А когда эта нация проходит его, исполнив свою историческую функцию, она потом уже готова раствориться. Нация – это промежуточная стадия. Мечта общества – это единство. Если движение идет по спирали, то общество было изначально без наций и к этому снова должно прийти. Я преподаю сейчас в одном институте предмет национальные отношения и говорю студентам, что поставлю пятерку тому, кто скажет какой национальности Адам и Ева. Один парнишка сдает мне экзамен и тоже в шутку говорит: “они были евреями”».

Почти все взрослые чеченцы, и даже женщины, нашли себе разную работу, их труд способствовал развитию сельского хозяйства, особенно овощеводства и животноводства. Люди, пережившие депортацию, вспоминают, что на рынках Казахстана, до тех пор скудных с точки зрения ассортимента, появились в изобилии овощи, фрукты, мясо-молочные продукты³⁵. В целом чеченцы успешно трудились и в городах на предприятиях, особенно в легкой промышленности, в различных артелях. История этой жизни фактически не написана. Мы имеем несколько фотографий из семейных альбомов чеченцев времени депортации, которые дают дополнительное представление о них, но отнюдь не такое, которое зафиксировано литературной метафорой писателя Солженицына: “Из всех спецпересе-



Коллектив швейной фабрики в Павлодаре. 1951 г.

ленцев единственные чеченцы проявили себя зэками по духу. После того, как их однажды предательски сдернули с места, они уже больше ни во что не верили...”³⁶.

На фотографиях того времени мы видим хорошо одетых мужчин в типичной послевоенной одежде: обязательно в хромовых сапогах и френчах шерстяного сукна. Одна из фотографий изображает группу работниц пошивочного ателье, на котором трудилась мама аспирантки Института этнологии и антропологии РАН Зинаиды Дзариевой. На этой фотографии, помеченной 20 марта 1951 г., в основном женщины (только двое мужчин!) самых разных национальностей. Только одна из них покрыла голову шалью и именно эта женщина - мама Зинаиды, ингушка, ныне проживающая в Назрани.

Некоторые традиционные нормы поведения, в том числе и религиозные обряды, чеченцы продолжали соблюдать и в депортации, как это делали и местные жители – казахи и киргизы, а также другие “спецпоселенцы”. В семьях и между собой говорили на чеченском языке. Однако в “публичном мире” царили советские нормы фактически принудительного труда и жесткой трудовой дисциплины, коммунистической идеологии и воинствующего атеизма.

В этих условиях чеченцы упорнейшим трудом обеспечивали свое существование, и солженицынский образ непокорных и гордых, открыто враждебных, не соблюдавших законов людей, которые “принесли в дремавший Казахстан понятия “украли” и “обчистили”, расходится с реальностью. Как ни покажется странным, но в датированной сентябрем 1957 г. докладной начальника 4-го спецотдела МВД СССР некоего полковника В. Новикова на имя министра внутренних дел СССР Н.П. Дудурова, возможно, содержится не меньше исторической правды, чем в последующих интерпретациях: “Подавляющее большинство спецпереселенцев к труду относятся добросовестно, систематически выполняют и перевыполняют производственные задания, за что многие из них награждены почетными грамотами, занесены на заводские и районные Доски Почета, награждены ценными подарками, а часть из них – правительственными наградами. Спецпоселенцы, работники колхозов и совхозов, стремятся проявить себя в проводимых сельскохозяйственных кампаниях по выращиванию и уборке урожая, увеличению производства сельхозпродукции и развитию животноводства”³⁷.

Казенный советский канцелярит! Но за ним повседневность, которую хорошо помнит старшее поколение россиян. В моей личной памяти сохранилась радость отца – школьного учителя в маленьком уральском городке, когда он принес в дом почетную грамоту. Как и чеченцам, ему в послевоенные годы приходилось регулярно являться в местную милицию для отметки, поскольку он был освобожден в 1945 г. из немецкого плена американцами и это была ситуация, при которой почти всем грозил новый лагерь.

Некоторое представление о социально-демографическом облике чеченцев и ингушей периода депортации дают архивные документы времени восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. 8 апреля 1957 г. председатель Госплана Чечено-Ингушской АССР А. Платонов сообщал в Москву следующие данные: всего в Казахской и Киргизской ССР проживает чеченцев и ингушей 415 тыс. человек, которые составляют 90 тыс. семей. Людей в возрасте до 16 лет и старше среди чеченцев и ингушей 244 тыс. человек. Из чеченцев и ингушей, проживающих в Казахской и Узбекской ССР, занято в промышленности 38 500 человек, в сельском хозяйстве – 91 500, в различных учреждениях и организациях – 25 тыс., а всего 155 тыс. человек³⁸.

Эти скучные цифры позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, среди чеченцев и ингушей было очень много молодежи, а это означает, что в депортации среди них сохранялась высокая рождаемость. В 1957 г. дети до 16 лет составляли 171 тыс. Следовательно за 13 лет депортации из общего числа чеченцев примерно 150 тыс. родились в Казахстане и Киргизии. Во-вторых, чеченцы и ингуши имели фактически полную занятость, причем соотношение между занятостью на селе и в промышленности было примерно таким же, как и по всему СССР. Вполне возможно, что период депортации способствовал урбанизации вайнахов, ибо, несмотря на запреты, они стремились устроиться на работу и жить в городах, а не в селах, где жизнь была значительно беднее и менее культурно комфортной. Собственных компактных сельских поселений образовывать им не давали.

Бесспорен факт очень трудной судьбы чеченской культуры в условиях депортации. Чеченские язык и культура оказались под фактическим запретом, хотя группа вайнаховской интеллигенции старалась их поддерживать даже в тяжелых условиях изгнания. В столице Киргизии Фрунзе работал Кавказский ансамбль песни и пляски, который давал концерты среди спецпоселенцев, в том числе и в Казахстане. Именно во Фрунзе сформировался талант знаменитого чеченского танцора Махмуда Эсамбаева. “Каждый месяц пятого числа я должен был являться в комендатуру и расписываться в том, что я на месте, не сбежал, – вспоминал он. – Такая процедура мне казалась унижительной. И однажды я заявил об этом коменданту”³⁹. За этот протест Эсамбаев получил штамп в паспорте, что может проживать только во Фрунзе. А когда артист демонстративно вырвал эту страницу из паспорта, то получил наказание – его отправили в горы, где он славлял лес. “Лишь года через полтора друзьям из Фрунзе удалось вернуть меня обратно в оперный театр. Кстати, как только закончилась ссылка, в 1957 г. я сразу был удостоен звания народного артиста Киргизской ССР”.

После смерти Сталина во Фрунзе стали выходить газета и радиопередачи на чеченском и ингушском языках. Но в целом многим

чеченцам, в том числе и представителям старшего поколения, пришлось выучивать русский язык, чтобы общаться с местным населением. Джабраил Гакаев рассказал мне, что его отец Джокала впервые выучил русский язык в ссылке, но поначалу когда он работал бригадиром в местном колхозе, ему помогал в качестве переводчика один из его племянников - молодой мальчик, который уже хорошо говорил по-русски.

“ТАК ЭТО БЫЛО”: ПОИСК ОТВЕТА

Большинство чеченцев демонстрировали во время жизни в Казахстане не только удивительные черты выживания и солидарности, но и стремление приспособиться к системе, интегрироваться в нее, добиться жизненных успехов, не смотря на весь трагизм “народа-изгоя”. Тот же Хажбикар Боков рассказал о себе историю, как он совсем подростком задумался над вопросом о высылке чеченцев. Он страстно захотел найти на этот вопрос ответ через учебу в системе партийного просвещения, которая, казалось бы, должна быть наглухо закрытой для депортированных чеченцев. Но были и исключения, подтверждающие что “жизнь в ссылке” есть некая тотальная метафора, которая оставляет за своими пределами очень многое и очень важное.

«В моем детском сознании не возникал вопрос: виноват народ или не виноват. Но то, что я не виноват, – это я понимал. Когда я стал старше, задачей для меня стало желание выяснить и изучить, виноват ли народ. Это была безотчетная потребность. Одни люди говорили: нет, не виноват, а другие говорили: виноваты, предали и так далее. У меня возник вопрос, если предали они свою землю, свою родину, то почему же тогда они ее так любят. Все плачут. Все страдают. Все мечтают. О том, что предал, страдать не будешь. Все разговоры, когда вместе собираются (по случаю смерти, свадьбы), были посвящены только родине. Я тогда родину свою представлял как Чечено-Ингушетию. У меня еще не было более широкого кругозора. Когда я уже начал ходить отмечаться в комендатуру, тогда стал еще сильнее задумываться.

И вот мне, ученику 8 класса в библиотеке говорят: поступи в Университет марксизма-ленинизма. Наверное, библиотекарь была такая же политически грамотная, как и я. Она не знала, что туда принимают только с законченным средним образованием и только коммунистов. Но когда в “Павлодарской правде” появилось объявление, что УМЛ при горкоме партии набирает слушателей, и я поперся туда. Я тогда уже жил в Павлодаре, а родители в 30 километрах в селе, где средней школы не было. Я жил на квартире и по вечерам работал грузчиком, зарабатывая себе на жизнь, а за квартиру с меня не брали, так как это были мои родственники. Не очень близкие, но у ингушей преувеличенные чувства родственности как у малочисленной нации. Я питался вместе с ними, при этом давал деньги на еду и покупал себе одежду. Родители не могли мне помочь.

Так вот, 1 октября вечером пришел в УМЛ. Меня спрашивают:

Ты кто? – Я говорю:

Ученик восьмого класса павлодарской школы.

– Не положено, выходите.

– Не выйду!

Позвали завуча, и она говорит:

Выходите, иначе сорвете занятие.

– Не выйду! – и взялся за парту руками. Стали некоторые помогать меня вытасчить, а у меня руки, которые уже привыкли и кнут держать, и топор, были крепче, чем у некоторых интеллигентов. У них ничего не получилось. Пошли за ректором. Ректор посмотрел на меня, послушал и говорит:

– Не знаю что делать, первый раз такое встречаю. Пусть сегодня побудет, а к следующему занятию я этот вопрос обсужу с секретарем горкома партии.

Я пришел через неделю на следующее занятие. Мне говорят:

– Вас приглашает секретарь горкома партии. – Ого, думаю, честь какая. Захожу к нему. Он спрашивает:

Зачем тебе это нужно? Отвечаю, что хочу выяснить о судьбе своего народа.

– Ну, спрашивай, – говорит он. Я говорю:

Спрашивал многих, но никто мне ясного ответа не дал. Я должен все посмотреть в источниках.

Он взглянул на меня внимательно (русский был из Москвы) и спрашивает, а в чем твоя-то вина? – Он, видимо, сам тоже не вникал в этот вопрос. Я говорю:

– Ни в чем я не виноват: мне всего было восемь лет, а отец был старым и работал извозчиком, снаряды подвозил.

– Но ведь тебе не положено учиться в университете.

– А я все равно не уйду.

Он тогда позвал ректора и говорит ему:

– Ладно, не шумите. Пусть сидит.

– Но он начинает мешать! Начинает подсказывать.

А я тогда уже не выдерживал, и когда коммунисты не могли ответить, вмешивался. У меня до сих пор сохранились конспекты. Так красиво написаны. Это потом у меня испортился почерк, а тогда я так все любовно переписывал из источников.

Прихожу я за дипломом через три года. Получил уже школьный аттестат зрелости, но мне выдали только справку, что прослушал курс УМЛ.

Действительно, возникают в жизни иногда вопросы, что ответы на них ищешь обязательно, пока не получишь. Я же на свой вопрос искал ответ и позже. И когда уже взрослый был, и когда работал секретарем обкома партии. Я все искал ответ. И находил.

Строй такой был, где личность ничего не значила, ничего не значила и совокупность личностей тоже, где во имя общего бросалось все, жила бы страна родная, но забывали, что в стране живут люди, которые ее и составляют. Я обратил позже внимание: получаю письмо из-за границы, а там сначала первым стоит твоя фамилия, твое имя, а потом страна. У нас же сначала страна, район, улица, потом уже твое имя».

Итак, у чеченцев обнаруживается две стратегии при оценке исторического факта депортации: как замалчивание, так и поиск ответа. Именно во второй половине 1980-х годов произошел подлинный взрыв в советском и особенно в чеченском обществе в отношении к депортации. Важную роль в формировании современной травмы депортации сыграли исторические труды и публикации документов, особенно перевод книги немецкого политолога чеченского происхождения Абдурахмана Авторханова и 3-томное издание документов “Так это было” под редакцией российского филолога Светланы Алиевой⁴⁰.

Не менее значительным оказалось воздействие литературно-поэтических и музыкальных (песенных) версий. Муса Гешаев так рассказывает историю с песней Имама Алимсултанова на его слова. «Содержание ее произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сегодня с гордостью вспоминаю, что ударной в этой программе (местная телепрограмма) стала песня на мои слова “Черные дни”»:

О черных днях поведали мне горы,
Чернее повести для горцев в жизни нет,
И временем не вылечить той боли,
С какой глядели горы горцам вслед.
То было все по страшному велению,
Хоть приговор понять мы не могли.
Нас всех приказом выгнали с презрением
С родной вайнахской обжитой земли.
И, как животных, в скотские вагоны
Грузили в тот военный трудный год.
За что наказаны в то время были горцы,
В чем провинился перед Родиной народ?
Все ужасы судьбы мы испытали,
Косил нас голод смертною волной,
Мы Сталина в молитвах проклинали,
Но он молитв не слышал ни одной.
Он трон стерег с коварным безразличьем,
По трупам шел кровавою тропой
И в ореоле грозного величья
Вознесся над запуганной толпой.
Мы для него лишь винтиками были
Машины, что себе он изобрел.
Какое время бед мы пережили
В разлуке от родных Кавказских гор!
Однажды с чемоданом друга встретил:
Ну, что везешь? Успел богатым стать?
Останки матери я вырыл, – он ответил, –
Везу на родину, чтоб их земле предать.
Наш поезд возвращался на рассвете,
Встречал встревоженно заждавшийся вокзал.
Седой старик в поношенном бешмете.
Припав к перрону, землю целовал⁴¹.

Эта песня была исполнена молодым певцом, работником Грозненской филармонии, родом из чеченцев-аккинцев, из очень простой семьи. Алимсултанов стал сразу знаменитым, ибо слышать такие слова чеченцам публично давно хотелось, а здесь – зазвучала песня! Причем драматичным и красивым голосом певца под гитару. Самодельные кассеты в тысячах экземпляров мгновенно распространились по всей Чечне. Это был вариант популярности Владимира Высоцкого 1970-х годов или Виктора Хары в Чили. Популярность добавилась, когда власти попытались наложить запрет на песню и оказать давление на автора слов и исполнителя. Кстати, переказ беседы с работниками местного КГБ, который имел Гешаев по данному поводу, говорит сам за себя.

Вот какие аргументы были у работников КГБ: “Вы можете дестабилизировать обстановку в республике. Эти выступления толкают молодежь на крайние действия, возбуждают ненависть и могут обострить межнациональные отношения”. К сожалению, эта озабоченность оказалась оправданной, и КГБ было право в том, что депортация как поэтико-драматическая версия взорвала изнутри чеченское общество. А самое главное – привлекла к этой теме внимание молодого поколения. Здесь был важен не вариант достоверности, а призыв-лозунг всеобщего зла и возмездия за это зло. По свидетельствам многих очевидцев из числа русского населения Чечни (эта тема мною особо не рассматривается), давление и насилие, которым они начали подвергаться с приходом Дудаева к власти, чаще всего оправдывались аргументом: “Вы нас выслали, теперь пришла наша очередь восстановить справедливость”.

Версию “народоубийства”, но уже с новыми, антирусскими мотивами, я зафиксировал интервью после окончания войны 1994–1996 гг. Здесь обнаруживается интересный факт, характерный для массового сознания представителей почти всех депортированных народов: проекция на этнических русских вины за депортацию, хотя главные инициаторы акции – Сталин и Берия были грузинами, а советское руководство всегда было многоэтничным по составу. Видимо, в бытовом и даже в академическом менталитете СССР и Россия часто ассоциируются с численно доминирующей этнической группой – русскими, кто бы ни управлял страной: грузин, украинец или еврей. Этот антирусский мотив в восприятии депортации распространился главным образом среди молодого поколения в период войны, для более раннего периода он не был характерен. Один из молодых чеченских боевиков рассказал:

“Я, например, русских не любил, сколько себя помню. Потому что многие рассказывали, как издевались над чеченцами в 1944 г. и потом после возвращения из ссылки. Дед и отец мой прожили в ссылке. Отец еще мальчишкой был выслан, вырос в Казахстане. Но он помнил свое село, свой дом в горах. Когда мы вернулись, для нас ссылка не кончилась. Сначала разрешили вернуться в наше село. Кое-кто даже успел восстановить

дома. Потом был приказ: поскольку в горах могут появиться бандиты или мы можем завести неучтенную скотину, всех заставили переселиться на плоскость. И все родственники наши теперь разбросаны, кто в Самашках, кто в Ермоловке, кто еще где-то. Дед всю жизнь мечтал вернуться в родное село. Но попал он туда только мертвым. Его похоронили на родном кладбище” (Хизир И.).

Таким образом, репрессии, особенно депортация в 1944 г., нанесли огромный ущерб социальной структуре чеченского общества, демографическому облику и культурному воспроизводству этнической общности. Возможно, мы никогда не узнаем всей глубины психологической травмы, нанесенной чеченцам и ингушам депортацией, но абсолютно ясно, что эта еще живая для старшего поколения история могла стать мощным фактором эмоциональной и политической мобилизации для совершения коллективных действий. В то же время негативные явления в истории сочетались с политикой поддержки и развития чеченской культуры и в целом социально-экономического потенциала Чечено-Ингушской автономной республики в рамках СССР.

- 1 Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 8.
- 2 См.: Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. L., 1997; Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1999.
- 3 См.: Preventing Deadly Conflicts. David Hamburg’s commission report. N.Y., 1998; Horowitz D. The Deadly Ethnic Riot. Berkeley, 2001; Tambiah S.J. Leveling Crowds: Ethnonationalist Conflicts and Collective Violence in South Asia. Berkeley; Los Angeles, 1996; Gurr T.R., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. Boulder, 1994.
- 4 См. обзорную работу: Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г.Волкова. М., 1992.
- 5 Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
- 6 Ахриев Ч. Ингуши (их предания и верования): Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VIII. Тифлис, 1875; Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872.
- 7 Загадочный мир народов Кавказа. Записки из архивов Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII–XIX веков. Сост. А.И. Мусукаев и Й. Маттис. Нальчик, 2000. С. 98. Примечательно в своем роде и предисловие от составителей издания, в котором повторяется неизбывная установка отечественной этнографии, что “этнос” может быть только хорошим, а плохими могут быть только его отдельные представители. С энтузиазмом цитируя отзывы ранних путешественников о доблести, храбрости, благородстве горцев как пример ценных этнографических сведений, авторы сразу же делают оговорку по поводу неблагоприятных замечаний: “Суждения миссионеров о кавказских народах носят порой весьма субъективный характер. Они обвиняют осетин в том, что те коварны и небескорыстны в отношении путешественников и иностранцев, проезжающих по Военно-Грузинской дороге, кабардинцев, что

- они воинственны и дики, другие народы отстали и т.д. Безусловно, здесь присутствует оценка, основанная на поведении и поступках отдельных представителей того или иного этноса, но никак не народа в целом” (Там же. С. 7).
- ⁸ *Ошаев Х.Д.* В сердце Чечни. Грозный, 1928.
 - ⁹ *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *Он же.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
 - ¹⁰ *Ошаев Х.Д.* В сердце Чечни. Грозный, 1928; *Он же.* Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк (горная Чечня) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. Т. I.
 - ¹¹ Интервью с Р.М. Мунчаевым, 13 марта 2001 г., Москва // Архив автора.
 - ¹² *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975. С. 409.
 - ¹³ *Фурман Д.Е.* Самый трудный народ для России. Введение // Чечня и Россия: Общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 8–9.
 - ¹⁴ Там же. С. 9.
 - ¹⁵ *Ливен А.* Война в Чечне и упадок российского могущества // Там же; см. также статьи Я.В. Чеснова и Г. Дерлугьяна // Там же.
 - ¹⁶ *Фурман Д.Е.* Указ. соч. С. 10.
 - ¹⁷ См.: Национально-государственное строительство в СССР. В 2 т. / Под ред. Д.А. Чугаева. М., 1968–1970; Национальная политика в России: история и современность. Отв. ред. В.А. Михайлов. М., 1997 (гл. 3 и 4).
 - ¹⁸ *Хамидова З.* Борьба за язык: (Проблема становления и развития чеченского языка) // Чечня и Россия: общества и государства. С. 134.
 - ¹⁹ Там же. С. 135.
 - ²⁰ Цит. по: Там же. С. 138
 - ²¹ Там же. С. 138.
 - ²² *Абумуслимов С.* Геноцид продолжается. Киев, 1995.
 - ²³ Об этом феномене верхушечных метапроектов в истории см.: *Scott J.C.* Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven; L., 1998.
 - ²⁴ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 20–24.
 - ²⁵ *Хамидова З.* Указ. соч. С. 140.
 - ²⁶ См.: *Яковлев Н.* Морфология чеченского языка. М., 1939; *Он же.* Синтаксис чеченского языка. М., 1941; *Дешериев Ю.* Бацбийский язык. М., 1953; *Дешериев Ю.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; *Алироев И.* Чеченский язык. М., 1999.
 - ²⁷ Данные взяты из рукописи: *Насардинов С.М., Насардинов Д.С.* Технология функционирования власти. М., 2001. С. 115–116.
 - ²⁸ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии / Под ред. Н.Ф. Бугая. М., 1994. С. 213.
 - ²⁹ *Хамидова З.* Указ. соч. С. 141.
 - ³⁰ Участвовавший в составе делегации видный российский психолог А.Г. Асмолов описал ряд интересных наблюдений во время состоявшихся переговоров во Владикавказе, но, к сожалению, и инструменталистское отношение к депортационной травме осталось им незамеченным

- (см.: *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
- ³¹ *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 ч. М., 1997. С. 104.
- ³² История депортации в литературно-художественной форме была изложена Ахметом Хатаевым, который в начале 1990-х годов возглавлял КГБ Чечено-Ингушской республики. Им опубликованы две части из запланированной трилогии: “Эшелон бесправия” (М., 1997); “Враг народа” (М., 2000).
- ³³ *Гакаев Дж.* Указ. соч. С. 104.
- ³⁴ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994.
- ³⁵ Грозненский рабочий. 1999. № 28. 28 июля – 3 августа.
- ³⁶ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. С. 244.
- ³⁷ Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши. С. 217.
- ³⁸ Там же. С.212.
- ³⁹ Там же. С.247.
- ⁴⁰ *Авторханов А.* Народоубийство в СССР. Грозный, 1993; Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы: В 3 т. / Под ред. С. Алиевой. М., 1993.
- ⁴¹ *Гешаев М.* Знаменитые чеченцы: Кн. первая. Грозный, 1999. С. 503.

Глава IV. ПРОТИВОРЕЧИВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Я, видишь, уже на пенсии должен быть. Но мне этой пенсии не видать как своих ушей. Вся жизнь я работал зубником-самоучкой. Диплома у меня не было, и потому работал я украдкой и все больше на дому. Работал не хуже дипломированных. Народ никогда не жаловался на мою работу. Ребят вот выучил. И хотел, как богобоязненный мусульманин оставить после себя память. Сначала на мечеть откладывал, но потом понял, что я не вытяну. И решил я мост пешеходный через Аргун построить в аккурат напротив своей улицы. Потому как, ежели идти по большаку через большой мост, немалую петлю приходится делать. Я уже тросы стальные купил. А тут как раз война – разрази ее душу

Ваха Гостиков

В этой главе меня интересует прежде всего история той Чечни, которая возникла заново после 1957 г., включая ее географические границы, хозяйство, политический статус и культурный облик. Я просил многих своих собеседников из числа чеченских ученых дать мне какие-нибудь местные книги или брошюры, рассказывающие о Чечне до 1991 г. Ответ был почти один и тот же: “Все сгорело в Грозном”. Джабраил рассказал, что у него была самая крупная в Чечне личная библиотека по истории Чечни и в целом по общественным наукам:

“Собирал и покупал книги не только в Грозном, но и каждый раз, когда ехал в Москву. Много дарили сами авторы. Все погибло, даже собственные рукописи и книги. Может быть у кого-то что и осталось, но мало вероятно. Не до книг было, когда надо было спасать себя и детей. А нашу квартиру вообще разграбили, когда мы уезжали в первый раз после начала боевых действий в 1994 году”.

Для написания этой главы я сначала обратился к самым простым источникам: книжным изданиям советского периода. В тематическом каталоге Государственной национальной библиотеки имеется несколько каталожных ящиков под рубрикой “Чечено-Ингуш-

ская Автономная Советская Социалистическая Республика”, в которых указаны книжные и другие издания более чем за столетие. Безусловно, многое раскрыли и “скорректировали” устные истории наших информантов. Поскольку данная глава продолжает своего рода историко-этнографический анализ явлений и событий, предшествовавших 1991 г., важным подспорьем стали научные труды российских историков и этнографов, включая ученых Чечено-Ингушетии. По проблемам этнографии чеченцев успешно работали в 1960–1990-е годы мои коллеги по Институту этнологии и антропологии РАН Б.А. Калоев, Я.В. Чеснов, Я.С. Смирнова, Н.Д. Пчелинцева, Л.Т. Соловьева.

Поскольку за годы вооруженной чеченской сепаратистской войны произошло своего рода “одичание” как самой науки о Чечено-Ингушетии (наука и образование - одни из первых институциональных жертв насильственного конфликта), так и представлений о Чечне и чеченцах (мировое общественное мнение вообще предпочитает формировать эти представления с “чистого лица” как открытие неведомого мира), приходится в этой связи напоминать о самых простых вещах. Помимо многочисленных брошюр, статистических сборников и альбомов, издававшихся к юбилеям и партийным съездам¹, одним из примечательных изданий оказалась скромно изданная в Грозном тиражом 500 экземпляров учебное пособие для учащихся 9–10 классов средней школы “История Чечено-Ингушетии”, написанное группой преподавателей Чечено-Ингушского университета². В нем излагается история республики с конца XIX в. и заканчивается главой “Чечено-Ингушетия на пути перестройки”. Кое-что из этих текстов представляет интерес наряду с нашими этнографическими материалами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ “О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР”, которым “в целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов” признавалось необходимым восстановить “национальную автономию чеченского и ингушского народов” и которым отменялись указ от 7 марта 1944 г. о ликвидации республики и указ от 16 июня 1956 г. в части запрещения чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее местожительство.

В феврале 1957 г. на сессии Верховного Совета уже рассматривался вопрос о порядке переселения. В докладе по этому вопросу говорилось: “Практическое осуществление мероприятий по восстановлению национальных автономий этих народов потребует известного времени и проведения большой организаторской работы по подготовке в местах прежнего жительства необходимых производст-

венных, жилищных и других культурно-бытовых условий, потребуются также большие затраты материальных и денежных средств. Поэтому переезд граждан указанных национальностей, изъявивших желание возвратиться в районы прежнего местожительства, должен производиться организованно, небольшими группами, в определенные сроки и в порядке очередности”³. Эти сроки советские власти установили для чеченцев и ингушей как наиболее многочисленных групп в течение 1957–1960 гг. На 1957 г. было намечено возвратить в Чечено-Ингушскую АССР только 17 тыс. семей.

Однако подавляющее большинство депортированных пожелало вернуться как можно быстрее, и основная масса чеченцев и ингушей оказалась в республике в 1957 г. (57 тысяч семей!). Согласно справке Отдела переселений и оргнабора рабочих Организационного комитета по Чечено-Ингушетии, на 20 января 1958 г. по плану должны были переселиться 23 503 семьи, прибыло 52 037–20 1746 человек; трудоспособных – 85 367, трудоустроены – 58 959 человек, из них в промышленности – 4043, в совхозах – 18 433, в колхозах – 21 567 человек. Нетрудоустроенных оставалось 11 427 хозяйств. В отдельных домах проживали 37 960 человек, во вновь построенных – 15 608, на подселении – 14 077 человек. Приусадебные участки получили – 2648 человек. Детей школьного возраста было 26 683, обучающихся в школе – 20 918⁴.

Следует учесть, что после 1944 г. на освобожденные от чеченцев и ингушей земли переселилось (большинство по специальным разнарядкам властей) из разных регионов России около 77 тыс. новых поселенцев. Часть из них была из разоренных войной районов, часть из Осетии и Дагестана. К началу возвращения и к моменту восстановления республики в Грозненской области проживало 540 тыс. человек. Многие занимали дома и городские квартиры, в которых когда-то проживали депортированные. Все это не могло не создать острых коллизий и социальной напряженности, которая неизбежно обретала межэтническую форму.

В сельской местности происходили постоянные споры и стычки из-за земельных угодий, находившихся в ведении колхозных и совхозных хозяйств. Часть бывших земель оказалась недоступной для возвращенцев: несколько горных районов были закрыты для проживания и их бывшие жители были вынуждены селиться в равнинных аулах и казачьих станицах. Какова была причина этих ограничений, точно неизвестно: либо власти опасались, что горные села могут стать плохо контролируемыми зонами, либо сказалась общая установка, что горская экономика и жизнь в горах – это наследие отсталого прошлого и бремя для государства по обеспечению социальных и культурных условий жизни людей. Как известно, в послевоенные десятилетия активное переселение с гор на равнину имело место и в других республиках Северного Кавказа.

Вернувшиеся в Дагестан чеченцы-аккинцы не смогли осесть в

своих родных селениях, так как на эти земли были переселены жители горных аулов – лакцы. Здесь уже создали новый административный район – Новолакский, а существовавший до депортации национальный район аккинцев не был восстановлен. Часть территории (978 кв.км.), где главным образом проживали ингуши, осталась в составе Северной Осетии в границах увеличенного по размерам Пригородного района. Заселение этих земель ингушами всячески ограничивалось, в том числе специальными правительственными постановлениями. Приведем несколько прямых свидетельств о ситуации тех лет.

“В Казахстане отец получил только одно разрешение на возвращение, но ему удалось вписать в него аж десять семей! Ехали две недели в тех же товарниках. Дышать было нечем. С водой и едой тоже было плохо. Мы вернулись в Чечню 13 октября 1958 г. К этому времени вместо планировавшихся 50 тысяч приехало более 200 тысяч. Начались трагедии.

– Это мой дом! - говорят чеченцы.

– А я куда пойду с детьми? - отвечают русские.

Некоторые договаривались по-мирному, а некоторые возмущались, в том числе и обездоленный войной народ из Белгородской, Курской, Смоленской, Воронежской областей” (Джабраил Гакаев).

Б.А.Калоев, посвятивший многие годы изучению этнографии чеченцев и ингушей и автор статьи “Вайнахи” в томе “Народы Кавказа” (Т. I. М., 1960) известной серии “Народы мира” под редакцией С.П. Толстого, приводит чрезвычайно интересные сведения о своей этнографической работе среди чеченцев и ингушей начиная с 1957 г., когда он получил от Института этнографии АН СССР первую командировку в Грозный. Поразительно, но отечественный этнограф оказался непосредственным наблюдателем драматической страницы в этнической истории изучаемых им народов.

«На второй день пребывания в Грозном я встречал на вокзале, можно сказать, первые эшелоны с чеченцами и ингушами, видел радостные лица прибывших от счастья встречи с родной землей после долгой разлуки, шум детей, выходящих толпами из вагонов на платформу с родителями и семьями, ожидавшими здесь грузовые автомашины для отправки по местам их прежних поселений. Меня удивило и множество легковых автомашин на открытых платформах, обладателями которых являлись исключительно молодые чеченцы, жившие и работавшие в своей массе шахтерами и металлургами Караганды и других промышленных центров Казахской республики. Известно, что в те послевоенные годы легковые машины удавалось иметь лишь некоторым счастливым. Чеченцы в этом отношении составляли исключение. Во всяком случае, привезенные ими “волги” и “победы” в немалом количестве – показатель того, что в Казахстане они жили в достатке. Появление этих машин в Грозном и в селах стало весьма заметным явлением, играло важную роль в системе транспорта. Нередко можно было наблюдать за стремительно несущейся легковой машиной по узким горным дорогам, проходившим над головокружительными пропастями. Можно было подумать, что скачет всадник на резвом коне.

Однако, как бы то ни было, чеченцы и ингуши, вернувшись на родину, встретились со многими проблемами, связанными с устройством их на прежних местах расселения... Жителям высокогорья, какими являлись верхние районы Аргуна и Ассы, было запрещено возвращаться в их родные места, а приказано поселиться преимущественно в казачьих станицах, не учитывая того, что эти так называемые немирные чеченцы, т.е. горцы, веками воевавшие с казаками, не забыли старых обид, так же как и последние. Одним словом, чеченцы-горцы обычно селились на окраинах станиц, составляя компактные поселения, работая вместе с казаками в одних колхозах и совхозах. Через два года, когда я вновь, проводя полевые этнографические исследования, ездил по этим станицам, я почувствовал между ними недобрые отношения. Чеченцы утверждали, что казаки обижают их, отключают свет, воду, не дают им должностных мест в общественном производстве и т.д. Казаки же и особенно казачки жаловались, что нет им прохода от чеченцев. Старая казачка мне с обидой говорила, что ее внучка после семи часов не может выйти на улицу или посетить станичный Дом культуры без сопровождающего. И тем не менее со временем отношения между ними наладились. Тогда же я посетил чеберлоевцев, обосновавшихся хуторами на полях большого виноградарского совхоза. Эти горцы-чеченцы, бывшие овцеводы и скотоводы из высокогорья, теперь осваивают новую профессию - виноградарей и виноделов. В разговоре с ними я почувствовал недовольство по поводу пребывания в этих безводных степях в низовьях Терека, жалость, что навсегда расстались со своей горной страной, оставив ее безлюдной...»⁵.

Б.А.Калоев посетил тогда и горные районы Чечни, в частности Советский (ныне Шатойский) район. Автобус, на котором пять часов от Грозного добирался этнограф, часто останавливался “по просьбе пассажиров-чеченцев, выходявших для совершения намаза”.

«Прибыв вечером в Шатой, я встретил одних русских жителей, по их словам, выходцев из разных мест Центральной России... Здесь я застал нескольких работников райкома, одних русских, озабоченных происшедшими событиями, вызванными возвращением чеченцев в места их прежнего жительства. Они были заняты своими делами и мыслями о предстоящих переменах. Мое появление не вызвало особого восторга. Тем не менее я воспользовался их гостеприимством. Мне разрешили здесь переночевать. Утром я проснулся от грохота моторов приехавших вереницей чеченцев на грузовых машинах, нагруженных семьями и предметами домашнего обихода. Чеченцы заняли свои дома, покинутые их прежними жителями еще ночью. Вместе с последними ушли и районные руководители. Во всяком случае все мои знакомые райкомовцы куда-то исчезли. В общем паника при возвращении “злого чечена” сыграла свою роль. Разумеется, в такой обстановке не могло быть и речи о работе по сбору полевого материала среди усталых и озлобленных чеченцев. Поэтому встречи с ними я отложил на потом»⁶.

Следует отметить, что на почве отмеченных Б.А. Калоевым проблем и напряженности в августе 1958 г. в Грозном произошло массовое выступление русскоязычных граждан против возвращения чеченцев и ингушей в республику. Власти жестоко подавили эти беспорядки, фактически организованные шовинистически настроенной местной партийной верхушкой. В целом в республике сохра-

нялся своего рода моральный климат, который как бы “давал понять чеченцам и ингушам, что они помилованы, но политически не реабилитированы”⁷.

Конфликты имели место не только между чеченцами и русскими. Б.А.Калоев посетил также известное село Ведено Веденского района, где также остановился в райкоме партии, весь руководящий состав которого состоял из аварцев.

“Село было занято андийцами, выходцами из аварского высокогорья. Тогда же я узнал, что вернувшиеся чеченцы не могут занять свои дома, поскольку андийцы, ожидая получения новых мест поселений, не освободили еще это селение. Таким образом, обстановка между ними все больше накалялась, угрожая разрастанию неприязни и кровавыми столкновениями. Утром на базарной площади села я заметил две большие группы чеченцев и аварцев, разговаривавших между собой на повышенных тонах. Подойдя ближе к ним, я услышал как чеченцы обвиняли андийцев в разрушении их домов, превращении их в негодные для жилья и т.д. К счастью, в это время в село прибыла рота автоматчиков и все утихло”⁸.

Однако не везде и не всегда были только напряженность, несмотря на трудные времена.

«Когда мы приехали из Казахстана, нас в Галанчовский район не пустили. Мы поселились в Гехин-Чу, но это уже не горная часть Чечни. Тем не менее нас хорошо приняли, и моего отца очень уважали. Были, конечно, шутки по поводу “горцев”, но они были скорее из разряда всем известной притчи по поводу деления чеченцев на горных и равнинных. Это когда два брата с семьями переезжали с гор на равнину, и один из них, первым переехав пограничный мост и почувствовав себя равнинным чеченцем, кричит другому: “Эй, ламоро (горный, отсталый, дикий), как ты там?”» (Джабраил Гакаев).

Центральные власти попытались решить территориальные проблемы восстановленной республики передачей под ее контроль двух обширных районов Ставропольского края – Наурского и Шелковского (5200 кв. км.), где главным образом проживали русские, кумыки, ногайцы. Встречающееся в литературе мнение, что это было сделано, чтобы не допустить демографического преобладания чеченцев в новой республике⁹, никакими документами не подтверждается. Напротив, со стороны органов власти были осуществлены масштабные меры помощи депортированным: чеченцы и ингуши получили существенные кредиты и финансовую помощь, в том числе субсидии на строительство домов и приобретение скота, налоговые льготы, специальные поставки сельскохозяйственной техники и семенного материала, и т.п. Были осуществлены программы социальной поддержки пенсионеров, инвалидов, срочного строительства школ и больниц, учреждений культурно-просветительного характера¹⁰.

В декабре 1961 г. в партийных органах республики была составлена довольно впечатляющая справка о проделанной работе за 1957–1961 гг. и о положении в Чечено-Ингушетии. Из проживавших



Комсомольский актив Назрановского района Чечено-Ингушетии. 1959 г.

в Казахстане и Киргизии 524 тыс. человек (418 тыс. чеченцев и 106 тыс. ингушей) в Чечено-Ингушетию прибыло 432 тыс. (356 тыс. чеченцев и 76 тыс. ингушей), в Дагестан – 28 тыс. (в основном чеченцы) и в Северную Осетию – 8 тыс. ингушей. Таким образом, общее население республики составило 892,4 тыс. человек, из них 432 тыс. – чеченцы и ингуши. В Казахстане остались проживать 34 тыс. чеченцев и 22 тыс. ингушей (в этой же справке приводится и другая цифра: на 15 октября 1960 г. на территории Казахстана – около 100 тыс. и на территории Киргизии 6 тыс. чеченцев и ингушей).

Из всех прибывших 118 тыс. человек были трудоспособными и из них к 1961 г. было трудоустроено 112 223 человека, в том числе 19 тыс. – в промышленности (в 1944 г. в промышленности работали только 1077 чеченцев и ингушей). Всем вернувшимся в республику была выдана ссуда на общую сумму более 34 млн. руб. На 1961 г. 10 тыс. человек проживали в коммунальных квартирах, 73 тыс. построили или купили дома, 10 400 семей заканчивали строительство, 1600 семей снимали на частные квартиры.

За эти годы было построено 49 промышленных предприятий, химический завод, сахарный и молочный заводы, Новогрозненская ТЭЦ, завод железобетонных конструкций. Сильно выросли посевные площади в колхозах и совхозах. 57 121 хозяйство имело крупный рогатый скот.

Чеченцы и ингуши получили представительство в органах власти: из делегированных от республики 7222 депутатов Верховного

Совета ССР, РСФСР и местных советов 3997 человек (55,3%) составили чеченцы и ингуши; из 5982 коммунистов, избранных в составы обкомов, горкомов и райкомов КПСС, парткомов и бюро первичных организаций – 1182 (19,7%), среди 955 секретарей первичных парторганизаций – 122 человека. В 1961 г. было более 41 тыс. комсомольцев из числа чеченцев и ингушей.

За 1957–1961 гг. в республике подготовлено 1056 учителей, число школ возросло с 365 до 414 и учащихся с 80 до 150 тыс. Грамоте было обучено более 20 тыс. человек, в том числе 15 тысяч женщин-горянок. Женщины составили 42% всех депутатов советов. Издавалось 4 республиканских и 17 районных газет. Возобновил работу Научно-исследовательский институт истории¹¹.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЧЕЧЕНСКИЕ “ВЕРХИ”

Чечено-Ингушетия обрела свою территориальную автономию в рамках Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в 1934 г. как автономная область и в 1936 г. как автономная республика. Республика имела собственную конституцию, которая менялась по мере изменения общесоюзной конституции, но ее основы сохранялись до 1991 г. По этой конституции высшим органом государственной власти был однопалатный Верховный Совет, который избирался населением на 5 лет по норме 1 депутат от 6 тыс. жителей. Верховный Совет имел Президиум во главе с Председателем. Последние 17 лет до 1990 г. этот пост занимал Хажбикар Боков, ингуш по национальности, который переехал в Москву, когда, как он мне объяснил, в республике “начались митинги и нападки на власть, в том числе и на меня лично. Чеченцы захотели все забрать, и мне там места уже не оставалось”. Потом в Москве Боков стал заместителем министра по делам национальностей, в том числе и в 1992 г., когда я занимал должность министра. Хажбикар – интересный человек и фигура, далеко неоднозначная в республике. Его рассказы стали одним из источников для данной главы.

Верховный Совет республики образовывал правительство – Совет Министров. Это был орган исполнительной власти, но от него много зависело в республике, особенно управление экономикой и другими сферами повседневной жизни (социальные вопросы, правопорядок, образование, медицина, культура). Всего было около 15 министров. Чечено-Ингушетия имела представительство в Верховном Совете РСФСР и в Верховном Совете СССР. В 1970 гг. в Совете Национальностей последнего было 11 депутатов от ЧИАССР. В Чечено-Ингушетии действовали местные органы власти – городские, районные, поселковые и сельские Советы народных депутатов, которые избирались населением на 2,5 года. Верховный суд

республики состоял из двух судебных коллегий (по уголовным и гражданским делам). Судьи всех уровней также избирались населением вместе с судебными заседателями. Прокурор ЧИАССР назначался Генеральным прокурором СССР на пять лет. Он назначал городских и районных прокуроров.

Для нас фундаментальным является вопрос, что представляла собой власть в чеченском обществе и насколько именно советская власть была властью в ее истинном значении слова, т.е. институтом управления обществом. Безусловно, ответить на этот вопрос невозможно, если не учитывать два обстоятельства. Во-первых, общие основы советского режима в стране, опиравшегося на институт единственной правящей Коммунистической партии и на систему специальных служб, прежде всего КГБ. Во-вторых, – местную специфику, которая была повсюду, особенно в так называемых национальных автономиях. Другими словами, какова была советская власть в Чечне и какова была чеченская советская власть? И была ли она на самом деле, ибо, если верить современным пропагандистам, “чеченцы никогда и никому не подчинялись и при советской власти никогда не жили”, – так заявил Павел Лусканов в репортаже по НТВ из Чечни в феврале 1995 г. Это лишь одно из тысяч подобных заявлений.

Основным органом власти в Чечено-Ингушетии был местный обком КПСС. Его первый секретарь являлся “первым лицом” республики. Вторым считался Председатель Верховного Совета. Над ними была только Москва, начиная от генерального секретаря, политбюро и орготдела ЦК КПСС, который ведал назначением номенклатурных кадров. Первые лица страны редко лично посещали Чечено-Ингушетию, когда же такое случалось, то это было эпохальное событие для местной власти. Оно означало внимание, поддержку и сулило дополнительные финансы на местные проекты развития. Для Чечни после ее восстановления таким событием стало посещение Грозного Л.И. Брежневым, о котором очень ярко рассказал Хажбикар Боков:

/Три дня ждали, когда Брежнев сделает остановку в Грозном во время своей поездки в 1981 г. в Азербайджан. Не могли точно определить, где он будет останавливаться: или в Беслане (Северная Осетия) или у нас в Чечне. Из Москвы говорят: “Ждите, может быть и у вас, на вашей территории где-нибудь там в тушике. Если позволит его окружение, его охрана, вы можете встретиться с ним. Можете зайти в его спецвагон и на всякий случай можете иметь что-то с собою. Но точно сказать ничего не можем”.

Мы все три дня бегали со всеми этими делами и даже не спали: забьем выпьем и дальше. Так что состояние было дурным, когда поезд из Баку остановился. Это было часов в семь утра. На станцию Грозный подъехали руководители Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Из Дагестана никого не было: он там останавливался.

Брежнев еще не спустился, а уже от двери спрашивает: товарищи, как живете?



Встреча Л.И. Брежнева на вокзале в Грозном (третий справа – Х.Х. Боков)

- Как дела,
- Хорошо живем, Леонид Ильич!
- Ну, а мясо как? Мяса не хватает?
- Не хватает!
- Едят много?
- Едят, Леонид Ильич, едят мясо.

Потом на перроне под руку его взял Власов с одной стороны и Мольбахов, с другой. Во втором ряду идет Черненко. Тоже на правах хозяина я взял Черненко под руку. Мы идем. Брежнев рассказывает, как Алиев показывал ему Баку: “Я вижу, что третий раз на глаза попадает один и тот же памятник и говорю ему, что по кругу нас возишь?.. В общем поездка была сложная: туда ехали – работали, обратно – тоже. Да еще заставили играть в эти как их (показывает руками как двигают по доске шашки) ... игру (наверняка Брежнев хотел вспомнить слово нарды, но не смог. – В.Т.). Потом звонки идут ото всюду, от разных руководителей стран. Хусейн звонил - приглашал на охоту”.

Образовалась пауза, как мне показалось, нелегкая, и чтобы ее разрядить, я сказал: “Стоит туда поехать, меня он тоже приглашал. Очень хорошая у них охота”.

Черненко на меня посмотрел вопрошающе: кто это непредставленный ему так заявляет? А Власов оглянулся и я прочитал его взгляд: что, чокнулся Боков, что-ли? А я имел в виду не иорданского Хусейна, а кабардинского начальника охотинспекции Хусейна Залиханова, который был моим другом. Если бы голова была посветлее, я бы подумал как Залиханов мог добраться до Брежнева.

Я потом года два от Черненко взгляд свой прятал, когда в президиуме сидели с ним председатели всех верховных советов республик: все ему

аплодируют и на него смотрят, а я – в сторону, чтобы не опознал во мне того ненормального, которому, как и вождю, тоже короли позванивают по телефону.

Как только он уехал, тут же через три часа был проведен расширенный пленум обкома партии с обсуждением вопроса о мероприятиях по выполнению указаний генерального секретаря Л.И. Брежнева по росту экономики и благосостояния Чечено-Ингушетии. Доклад уже был готов заранее и продолжался полтора часа. Хотя ни слова Брежнев не спросил о Чечне».

В 1970–1980 гг. Чечено-Ингушетия не была объектом какого-то особого внимания Кремля и руководства РСФСР. Эта автономия числилась среди быстро развивающихся в экономическом и культурном отношении регионов с достаточно стабильной политической и межэтнической ситуацией. В стране было много других проблемных и беспокойных мест. В свою очередь, отношения с Москвой у чечено-ингушского начальства были не столь одномерными, как об этом информируют историко-политологические тексты. В них были свои драмы и юмор, свои коллизии и своя игра. Поездки местного начальства в Москву, особенно на партийные съезды, сессии Верховного Совета и разные совещания были довольно частыми и составляли важный момент не только формальных, но и неформальных связей. Именно в этих ситуациях республиканские лидеры, утратив статус местных вождей, вели себя человечнее, позволяли слабости и демонстрировали солидарность. Именно в эти моменты они, возможно, больше всего чувствовали себя “другими”, а не только частью одного общего института власти общей страны. Боков рассказал мне на эту тему несколько историй:

«Вызывает меня однажды “первый” по телефону: “Ты сегодня не уходи пока не позову”. Зовет в девятом часу вечера. Я тогда был заведующим идеологическим отделом обкома, и мне было всего 28 лет. Дает мне запечатанный конверт. Повезешь в Москву сегодня вечером. Это - представление тебя на секретаря обкома по идеологии. Жене скажи, что в срочную командировку, а зачем - не говори”.

– Но ведь до поезда всего полтора часа?

– А тебе что надо собираться? Возьми машину и поезжай.

Поехал я вместе с Магомедом Измаиловичем Аубакаровым, который был “божьим человеком” и замечательным работником. Он заведовал сельхозотделом и его представили на секретаря обкома по сельскому хозяйству. Он был прекрасный специалист, ветеринарный врач. Бывало при любых женщинах все про скрещивание мог рассказать в самых подробностях. А нашим женщинам слушать это было и неудобно, и интересно. Но он ничего не читал и политиком не был. Однажды захожу к нему в номер в гостинице. Тогда были уже такие телевизоры вместе с радио. У него по телевизору идет балет, а по радио траурная музыка: кого-то в те дни похоронили. Он сидит и смотрит. Я ему поставил звук с телевизора, а радио выключил. Он говорит: “Ну так им, конечно, веселее танцевать”. Магомед подумал, что это я нашел на каналах музыку для этого балета.

Как-то первый секретарь обкома Семен Опряткин решил выдвинуть одного из подчиненных Магомеда на престижную должность. На совещании, чтобы не обидеть Абубакарова, спрашивает, что он думает насчет нового назначения товарища Орешника: “Ослабления там не будет?” Магомед ответил: “Там ослабления не будет и там усиления не будет”.

Когда мы с ним тогда приехали в Москву, к нам в номер в гостинице “Москва” пришли наши ребята и стали уже праздновать. Тогда только водка “Старка” появилась. Были молодые. По бутылке выпили и ничего. Но тут звонок со Старой площади (ставший афористическим адрес, где располагалось здание ЦК КПСС. – В.А.) уже в 11 часу вечера: приезжайте к Капитонову (всемогущий секретарь ЦК КПСС по организационным вопросам. – В.А.). Не пойти было нельзя. Давай под краном холодной воды пошолов держать и по пачке в рот “холодка”. Машину не стали просить, а пошли пешком, чтобы проветриться. Был февраль, и мы еще снежком в рот и на лицо, но все равно пришли пьяные. Правда, спрашиваем перед кабинетом друг друга: “Ну как, от меня пахнет?”

Капитонов нас обоих пригласил сразу и стал беседовать.

– Как вас зовут? – обращается к Магомеду.

– Магомед Измаилович. А Вас?

– Иван Васильевич.

– А, Василий Иванович. Виноват, у вас и в а н о в много, как у нас м а г о м е д о в.

Пока Капитонов говорил по телефону, Магомед мне по-чеченски говорит: “Ну, надо идти домой в гостиницу, еще успею заказать в ресторане выпить, деньги у меня есть”.

А на 25 съезд партии делегация ехала поездом, чтобы не дай бог не разбиться самолетом: тогда бы столь большое событие могло быть омрачено. Мы сели в поезд и стали доставать кому что жены положили. У одного оказалась черемша и у другого – Председателя Совета Министров – тоже полная кастрюля черемши. Мы ехали всю дорогу и эту черемшу ели. Ее запах очень впитывается и долго держится, даже если кастрюлю хорошо помыть. В гостиницу поселились, запах везде пошел по коридорам. Нам иногда казалось, что и от нас самих пахнет черемшой, когда мы сидели в Кремле на заседаниях».*

В своем рассказе о встрече Брежнева Боков упомянул имя Власова, который шел в первом ряду с Брежневым по перрону грозненского вокзала. Это был Александр Владимирович Власов, первым секретарь обкома КПСС ЧИАССР в 1980-е годы, про которого я слышал

* Как мне представляется, черемша, или медвежий лук (*Allium ursinum*) является тем, что в антропологии пищи относится в продукту выживания, или кризисной пище. Прежде всего потому, что появление богатой витаминами черемши в конце зимы, когда многие продукты заканчиваются, имеется острый недостаток витаминов и люди начинают болеть, черемша многих спасала от истощения и смерти. Джабраил рассказал мне, что после возвращения в Чечню время было трудное и чеченцы спасались черемшей. Как только наступала середина февраля, люди выходили в горы, раскапывали снег и собирали молодые побеги черемши. Это было спасение от малярии и цинги. Приезжие не ели черемшу, а как только чеченцы вернулись, так сразу запахло в вагонах, в трамваях. Некоторые русские ворчали “Вот, приехали вонючие”. А потом сами стали покупать и есть с удовольствием.

много позитивных высказываний от всех чеченцев. До Власова должность первого секретаря в республике занимал Титов, о котором Боков рассказал следующее:

«Федор Егорович Титов был первым секретарем обкома в 1964–1967 гг., и это был партийный руководитель крепкой закалки, простой и твердый, справедливый и честный. Таких руководителей становилось со временем все меньше и меньше. Ему однажды начальник нашего КГБ генерал Жигулин подал информацию, что в одном из совхозов директор раздает совхозный скот, чтобы кормить мусульманскую секту и прочее. Титов вызывает и говорит: “Поезжай по этому письму”.

Я поехал и написал справку, что на самом деле этот директор совершил подвиг. В том селе погиб лучший тракторист в районе, человек высочайшей квалификации, но не удержал трактор на косогоре и перевернулся. А у него на дворе ничего нет, жена да пятеро детей и никакой скотины. Не было коровы или телки, чтобы принести жертву на похоронах и накормить людей. Директор отдал на похороны корову, и кто-то сообразил об этом, видимо из местных работников КГБ. Директора вызвали на заседание бюро обкома, а мне поручили доложить. Я начал все излагать, как было, и Титов вдруг объявил перерыв, видя, что дело идет не в ту сторону. После перерыва я снова о том же, а он: “Видимо Боков не разобрался до конца и надо еще раз посмотреть. Пусть поедет с ...”.

Я говорю, что я не поеду: “Мне все ясно, и я мнение не изменю”.

Титов: “Тогда пусть сам Жигулин и едет”.

Они там долго копали, но ничего не нашли, и мою оценку подтвердили. Так потом этому директору обвинули благодарность за чуткое отношение к людям, а мне Титов сказал: “Ты молодец, и спасибо тебе, что уберег нас от большой ошибки. Если бы наказали этого директора, то восстановили бы против себя население”».

Самое важное в рассказанной истории – это свидетельство существования в советской Чечне народной традиции, связанной с похоронным обрядом, а именно – обязательное щедрое угощение мясом специально забитой коровы или другого скота (овцы, быка, теленка), что одновременно представляет собою и символическую жертву в память об умершем. Не сделать этого считается большим позором для родственников; чем больше зарезано скота и больше людей побывало на похоронах, тем достойнее представляется исполнение обряда.

Конечно, для бедных чеченцев похороны были и остаются обременительными, а в старые, колхозные времена, когда “мясная проблема” была проблемой общенациональной, забой коров для похорон был чистым экономическим ущербом. Местные власти боролись против этого обычая скорее по экономическим, а не по религиозным соображениям, но трактовали это как “религиозный пережиток”. Не случайно, уже в новые времена распространения ваххабизма его сторонники первым делом занимаются тем, что стыдят многих людей (не только родственников и друзей!), которые обычно собираются на похороны, заставляя тем самым семью умершего идти на разорительные расходы.

“Он из-за вас последнюю корову зарезал, чтобы всех накормить, а завтра детям есть будет нечего. Убирайтесь отсюда, зачем понаехали?! А тем, кто хоронит, слышать все это страшно неловко, но все знают, что они правду говорят. Люди не могут вырваться из этого обычая”.

Об этих действиях ваххабитов в Дагестане мне рассказал Энвер Кисриев. Похожая ситуация была и в Чечне.

Однако вернемся к чечено-ингушскому “правящему классу”, из свидетельств которого предстает интересная этнография чеченской жизни позднебрежневской эпохи и начала горбачевской перестройки. Это было время, когда nepотизм и коррупция стали общими для центральной и особенно для периферийной элиты. Ситуация в Чечено-Ингушетии мало чем отличалась от ситуации в других автономиях. Интересно, что не все с ней могли согласиться и пробовали выступать против. 15 июля 1987 г. Хажбикар Боков написал письмо в политбюро ЦК КПСС. Трудно представить себе более важный шаг, который мог в те времена сделать партийный работник, государственный служащий или вообще простой гражданин. Это была высшая инстанция в стране, ее самый высший суд. Письма в политбюро направляли многие, но чтобы такое сделал глава Верховного Совета в обход первого секретаря республики – крайне редкий случай. Тем более, что в нем не содержалась личная жалобы или донос, а оно касалось деятельности прежде всего “первого лица”.

Приведем сокращенный текст письма Бокова в политбюро:

«...В конце мая т.г. Постоянные Комиссии обеих палат Верховного Совета СССР на своем совместном заседании под председательством секретаря ЦК КПСС депутата Разумовского Г.П. рассмотрели вопрос о практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР “Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов” в Чечено-Ингушской АССР... По возвращении из Москвы я обстоятельно доложил о характере обсуждения и принятом решении Президиуму Верховного Совета АССР с участием членов Правительства и председателей исполкомов районных и городских Советов народных депутатов республики. Было также доложено бюро обкома партии. При этом я считал себя обязанным, опираясь на конкретные примеры и факты, откровенно сказать, что среди населения республики с каждым годом все более четко вырисовывается имущественное неравенство, в основе которого не лежит честный труд и справедливое вознаграждение за него, что в республике сформировалась и продолжает почти беспрепятственно развиваться целая социальная прослойка, которая паразитирует на общественном, государственном богатстве, созданном руками честных тружеников...

Я не сгущал и не драматизировал, но и не упрощал, а говорил горькую правду, как она есть. Не думаю, чтобы руководители республики, будь то первый секретарь обкома или председатель Совмина, председатель Президиума Верховного Совета или второй секретарь обкома, бывая в селах, не обращали внимание на двухэтажные особняки с подземными гаражами и высокими металлическими или кирпичными заборами. Видели, конечно, может быть, и возмущались, отдавали соответствующие поручения: навес-

ти порядок в индивидуальном жилищном строительстве. Между тем количество особняков, не вмещающихся ни в какие архитектурные нормы, с каждым годом возрастает. Кому же принадлежат эти особняки? Механизаторам, животноводам, полеводам, агрономам, учителям, то есть тем, кто работает в поле, на ферме, учит детей или охраняет здоровье крестьян? Нет. К сожалению, самый честный и трудолюбивый тракторист или комбайнер на свои заработанные деньги не сумеет осилить подобного строительства хозяевами этих величавых домов в абсолютном большинстве являются или лица, работающие в заготовительных органах, в снабжении, торговле, партийные, ответственные, хозяйственные руководители или лица, не занятые в общественном производстве.

...Больше того, владельцами не одной сотни автомашин являются учащиеся, студенты, не сделавшие и шага в своей трудовой биографии. Необходимо заметить, что значительная часть автомобилей приобретается не в торговой сети, а у частных лиц и по спекулятивным ценам. Получается так, что, к примеру, монтажник годами собирает деньги, чтобы приобрести автомашину, а сын, скажем, заготовителя или директора торговой базы, не имеющий понятия о трудовых мозолях, подкатывает к институту на дорогом автомобиле, принадлежащем ему лично. И дочери таких родителей уже со школьной скамьи выделяются среди сверстниц украшениями, которые стоят не одну тысячу...

...А пока деревня в значительной степени живет по обычаям патриархальной старины: у кого деньги, у того и сила. Это может показаться невероятным, но это так. Конечно, в селе есть и Советы, и партийные, комсомольские организации. Здесь произносятся на собраниях и сходах горячие речи. Но все это почти не мешает материальному процветанию владельцам нетрудовых доходов. На их охране твердо стоит род со своими тайными и явными представителями в руководящих органах районов, республики, обязанными ему своим служебным положением.

Как могло случиться, что при существовавшем порядке строгого регулирования общественных процессов произошли такие социальные перекосы?... Об этом говорит то положение, что по сию пору в республике вольготно живет дельцам, спекулянтам, взяточникам. Они даже бравируют своей ловкостью и способностью “делать деньги”. А раз есть деньги, значит, по мысли этих рвачей, новоявленных баев, можно обойти и закон. И обходят разными путями и способами. Задабривают “нужных” людей, под видом кавказского или горского гостеприимства преподносят им дорогие подарки или крупные суммы денег; они стараются для своих потомков покупать все, начиная от школьной оценки, кончая студенческим билетом, вузовским дипломом и служебным креслом. И таких махинаций, проходящих безнаказанно, у нас полно.

...Иногда создается такое впечатление, что перестройка не вошла в сознание руководящих кадров и что пример высокой сознательности, принципиальности и честности в оценке положения дел не идет от многих партийных и советских работников республики...

Хотелось бы высказать некоторые свои соображения и по весьма тонкому и чувствительному вопросу внутринациональных и межнациональных отношений. Думается, что на местах к решению некоторых принципиальных вопросов, затрагивающих национальные чувства, допускается упрощенческий подход. Не учитываются глубинные перемены в экономиче-

ском, социальном, духовном развитии наций. У нас в республике кадровая политика не всегда основывается на принципах личных достоинств человека, а как правило кадры подбираются и расставляются по принципу национально-этнической раскладки: 5–4–1. И эта раскладка выдерживается как при выборах руководящих партийных, советских[органов, так и при назначении на руководящие должности. Расшифровка ее такова: пять чеченцев, четыре русских и один ингуш*... Думается, что при следовании такой раскладки в определенной степени ущемляется основополагающий принцип равенства наций, допускается отступление от партийного принципа подбора кадров не по национальным признакам, а по личным деловым и политическим качествам...».

После получения этого письма на Старой площади Разумовский прислал разобраться своего заместителя Анисимова. Фатеев решил собрать закрытое заседание бюро обкома КПСС. «Я им тогда сказал, что все творится с вашего ведома и на виду ЦК, а Анисимов ответил, что руки хочется вымыть после того как поздороваешься с этими людьми». Но едва ли ЦК что-то могло тогда изменить в республике. В марте 1990 г. Боков уехал в Москву «по переводу в Совет Министров РСФСР». Он явно испортил отношения не только с республиканской номенклатурой, но и, как иногда говорят на (пост)советском Кавказе, с «народом», который с конца 1980-х годов появился в новом облике «несистемных» активистов и митингующих.

«Незадолго перед этим в Назрани в 1989 г. “стоял митинг” 17 дней. Варили мясо и раздавали деньги, чтобы люди митинговали. Активисты спрашивали, почему ингуш Боков не едет к своему народу. Я приехал и ска-

* Джабраил Гакаев не подтвердил, что такой принцип действительно соблюдался, и объяснил эту версию Бокова скорее недовольством со стороны ингушей, которые ощущали себя на последнем месте в трехобщинном сообществе. Более того, он сказал следующее: «В разных сферах, несмотря на явное меньшинство ингушей по сравнению с чеченцами, реальное соотношение было скорее 1:2. У нас в университете был создан филологический факультет и планировалось набрать примерно 100 чеченцев и 25 ингушей, но реально получилось набрать одну студенческую группу ингушей и две группы чеченцев. Ингуши доминировали в некоторых областях и на некоторых позициях, и об их дискриминации в республике говорить будет неправильно». Что касается самого Бокова, то Джабраил сделал следующее признание: «Я ненавидел Хажбикара. Он был партийной звездой и карьеристом. Ради идей и указаний он был готов идти на все. В январе 1973 г. на областном партийном пленуме он сказал: “Вас не простили и партия может снова Вас выслать”. Он был единственный, кто такое посмел заявить. Боков сейчас сильно изменился. У него даже собственный сын стал ваххабитом. Но тогда он был самым рьяным партийным работником. Он был такой же взяточник, что и первый секретарь Фатеев, на которого он написал в политбюро. До сих пор есть много свидетелей его вредной деятельности, которая только усложнила ситуацию в Чечено-Ингушетии. Он не давал послаблений, когда они уже были нужны. Я, например, сам приходил к Завгаеву и советовал ему, что и как нужно сделать, чтобы выпустить пар. Например, говорил, что нужно издать работы Авторханова, иначе их издадут национал-радикалы и будут это использовать в свою пользу».

зал, что прежде всего я отвечаю за республику, а не за ингушей и у меня 20 районов и я мог приехать и на 20-й день.

Я им сказал тогда: “Где народ? Этот? Это не народ, а толпа. Народ работает в поле и на заводе”» (Хажбикар Боко).

В 1990 г. впервые “первым лицом” в Чечено-Ингушетии стал чеченец Доку Завгаев. О нем я услышал много разных высказываний. Жовзан, которая была секретарем и ближайшим помощником Завгаева даже в период его второго правления во время войны в Чечне, рассказала мне одну удивительную историю:

«Когда я училась в Академии госслужбы в Москве, он дал мне поручение найти в архивах документы на тех чеченцев, которые участвовали в Великой Отечественной войне, были награждены, но не получили по разным причинам свои награды. Завгаеву это было очень важно, особенно накануне 50-летнего юбилея окончания войны, который должны были праздновать в мае 1995 г. Я в московских архивах все перерыла, документы мне давали, и я нашла несколько человек. Часть из них еще были живы.

Получила эти награды и поехала в Грозный. Нашли этих людей, и Завгаев вручил награды. По грозненскому телевидению все это показали. Потом ко мне один незаметно подошел и говорит: “Тебе лучше уехать, боевики на тебя охоту объявили”. Я не очень этого испугалась. Домой поехала без всякой охраны. Мне тогда Завгаев дал двухкомнатную квартиру. Я ее с такой любовью устлавала. У меня были такие красивые обои и занавеси на окнах.

Ночью сплю с сестрой. Вдруг, даже сама не могла понять, что произошло: гром, стекла и штукатурка в лицо, с кровати сбросило. А это из гранатомета в окно выстрелили. Как получилось, что не убило, сама не знаю. Вся в крови поехала в Дом правительства. Говорят, ты же ранена, у тебя осколок за ухом торчит. Меня в аэропорт отвезли, там самолет вылетал в Москву. В Москве в больнице диагноз поставили ЧМТ (черепно-мозговая травма). Но скоро все зажило, хотя контузию чувствую. Вот так я наградила своих чеченцев советскими орденами».

Главный мотив рассказов о Завгаеве состоял в том, что он был крепким и волевым руководителем, но при нем многое стало меняться, чего простые чеченцы не одобряли. Это прежде всего кумовство, протекционизм и коррупция. Завгаев стал устраивать на престижные должности людей из круга своих близких и дальних родственников*. Он требовал беспрекословного подчинения и был мстительным. Некоторые его личностные конфликты потом сыграли роковую роль в жизни республики и в приходе к власти Дудаева. Одной из первых называют историю с Русланом Хасбулатовым, ко-

* Хеда Абдуллаева сделала здесь следующее замечание: “У нас, наоборот, многие считают, что если бы Завгаев поставил своих родственников и односельчан на ответственные посты, тогда все могло бы сложиться по-другому. Он же позволил, чтобы его окружение составили выходцы из горных сел, которые впоследствии его же и предали, как, например, министр внутренних дел Чечни Алсултанов”.

гда тот захотел стать ректором Чечено-Ингушского университета в Грозном, где уже работали его сестра и брат.

«У Хасбулатова был высокий авторитет в Чечне: окончил МГУ, стал профессором, заведовал кафедрой в Москве. И он рассчитывал, что это место должно достаться ему. Но Завгаев не послал его кандидатуру на утверждение в Москву, и это было большим оскорблением для Руслана Хасбулатова. Потом его избрали от Чечни в народные депутаты России, и он стал ближайшим соратником Ельцина во время августовского путча. А когда он встал во главе Верховного Совета России, то первым делом не простил Завгаеву старую обиду. Использовал сначала его прогорбачевскую позицию, а потом неясное поведение во время путча и решил с ним покончить».

Говорят, слышали, как он сказал: “Завгаева в Москву надо доставить в железной клетке”. А на одном из наших собраний, когда мы собрались в его квартире (бывшая брежневская квартира), он нам так и сказал: “Я – отец нации”. Нам, всем чеченцам, людям уже известным и со статусом, было это очень странно все слышать» (Джабраил Гакаев).

РАСКОЛ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

Распри и разногласия внутри чеченской элиты особенно усилились именно при Завгаеве. Этому могли способствовать горбачевские перемены, когда наступала политическая либерализация и более жесткая борьба за власть вне номенклатурной системы. Но нельзя исключать и тот факт, что именно сам момент, когда стал доступен пост “первого лица” для чеченцев, породил конкуренцию, ибо до этого она была просто бессмысленной. Все знали, что на должность “первого” Москва всегда назначала русского и чеченцам не доверяла этот пост. Теперь ситуация поменялась, но она дала неожиданные результаты. Один из чеченских стариков однажды сказал мне: “Не надо было менять Завгаева на Дудаева. Завгаева и его родственников мы уже накормили досыта. Они все имели. Теперь придет новый - его снова надо накармливать”.

Первоначально меня интересовал вопрос, каким образом была организована жизнь и власть в Чечне на уровне районных и местных сообществ, а также городских общин. На этот счет у меня оказалось мало свидетельств.

«У нас в селе Беной самой важной фигурой был председатель сельсовета, его звали Кати. Сколько я помню, он был на этой должности. Он был такой большой, толстый, ходил важно. Все вопросы решал сельсовет. Он жил только немного лучше других. Тогда не было ни у кого особых особняков. Все жили примерно одинаково. Была лишь семья Минцаевых (один из них был оперный певец), которая считалась богатой. Их отец работал на мельнице. Это тогда считалось престижным местом. Все называли ее “мельницей Тагира”, хотя она может быть и не была его собственностью. Никто не выделялся



Чечня, дом колхозника в с. Маиртуп. 1969 г. (Фото Б.А. Калоева)

особо. Те, кто работал в торговле, тоже ничем особо не выделялись» (Хеда Абдуллаева).

Интересные сведения привела в своем рассказе Лидия Дьяченко, работавшая несколько лет на комсомольской и партийной работе в одном из чеченских районов.

Гораздо больше материала удалось собрать в целом о новой (последепортационной) Чечено-Ингушетии. Действительно, в 1960–1980 гг. в республике сформировалось новое общество, в котором происходили сложные процессы. Изменился демографический баланс основных групп населения. После возвращения депортированных на территорию Чечено-Ингушской республики произошло увеличение населения на 46,3% за 11 лет. Некоторые специалисты объясняют это тем обстоятельством, что в период депортации самая старая и слабая часть населения вымерла и поэтому возвратившиеся представляли собой людей молодого и наиболее репродуктивного возраста¹². Этот аргумент вызывает сомнения, ибо в 1960–80 годы рожали те, кто сам родился в депортации, что означает прежде всего высокую рождаемость, а не вымирание среди чеченцев в период их пребывания в Средней Азии.

В 1970 г. в СССР проживало 612 674 чеченцев, в 1979 г. - 755 782, в 1989 г. – 958 309. Согласно последней советской переписи, 899 тыс. чеченцев проживали в РСФСР, включая 734,5 тыс. в Чечено-Ингушетии, около 58 тыс. в Дагестане, 15 тыс. в Ставропольском крае, 11,1 тыс. в Волгоградской области, 8,3 тыс. в Калмыкии, 7,9 тыс. в

Астраханской, 6 тыс. в Саратовской, 4,6 тыс. в Тюменской области, 2,6 тыс. в Северной Осетии и 2,1 тыс. в Москве. Последняя цифра сильно выросла за последние годы, и число постоянных и временных жителей Москвы, которое составляло около 30 тыс. после войны 1994–1996 гг., возможно, с тех пор удвоилось.

В результате высокой рождаемости чеченцы и ингуши из примерно половины населения республики превратились в явное большинство, а по общему количеству стали самым многочисленным народом на Северном Кавказе, если не считать суммарное русское население всех республик. На 1 января 1989 г. в ЧИАССР жило 718 тыс. чеченцев (64% всех жителей республики), более 280 тыс. русских (24%), 14,8 тыс. армян, 12,6 тыс. украинцев. При этом уровень урбанизации среди чеченцев был ниже, чем в целом по стране. По переписи 1989 г. доля горожан в Российской Федерации составляла 73%, на Северном Кавказе – 57%, в Чечено-Ингушетии – 41%. Среди чеченцев доля горожан в Чечено-Ингушетии составляла 25%.

Небольшая территория была достаточно плотно заселена и имела хотя и скромную (0,5% национального дохода Российской Федерации при 0,8 % населения в 1990–1992 гг.), но разнообразную экономику, причем более 90% получаемого дохода направлялось на личное и общественное потребление внутри республики. С этой точки зрения говорить о “колониальном статусе” Чечни по меньшей мере неверно.

Основным природным сырьем республики была и оставалась нефть, помимо небольших запасов природного газа и источников термальных вод. Последние не использовались, как и богатые запасы строительной глины и ценные породы древесины. Тем не менее, в эти годы в республике появилась высокоразвитая промышленность, особенно нефтепромышленный комплекс, а также энергетика и машиностроение. Добывавшиеся на территории республики нефть и газ почти полностью перерабатывались на грозненских заводах, способных перерабатывать до 20 млн т. нефти, не только северокавказской, но и поступающей из других регионов. В 1991 г. на трех заводах производственного объединения “Грознефтеоргсинтез” было переработано 15 млн т. нефти. Грозный стал основным поставщиком высококачественного моторного топлива, применявшегося в советской авиации, а также другой продукции (нефтеаппаратуры, насосов, тракторных прицепов, электрографических машин, разливающих линий, электро- и медицинских инструментов).

В Чечено-Ингушетии производилось до 90% всех авиационных масел страны. В городах Грозном и Назрани были построены или модернизированы предприятия легкой промышленности (трикотаж, обувь, швейное дело). Среди республик Северного Кавказа Чечено-Ингушетия стала своего рода “промышленным гигантом”, с которым могла сравниться только промышленность Северной Осетии, где был развит военно-промышленный комплекс. Промышленность

Чечено-Ингушетии на 95% была “союзного подчинения”, и значительная доля доходов от добычи и переработки нефти шла в союзный бюджет. Подобная ситуация была довольно типичной для многих регионов СССР, включая и автономные образования (особенно Башкирия, Татария, Якутия).

Однако процесс индустриализации в Чечено-Ингушетии имел один важный этнический аспект. В республике произошло разделение экономики на два сектора: “русский” (нефть, машиностроение, системы жизнеобеспечения населения, инфраструктура) и “национальный” (мелкотоварное сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы, криминальная сфера, пополняемая новыми контингентами населения, вступающими в трудоспособный возраст). Парадокс был в том, что промышленность и транспорт испытывали недостаток в квалифицированных кадрах и рабочей силе в целом. Но мало что делалось для вовлечения в эти сферы чеченцев и ингушей, в отношении которых сохранялась скрытая дискриминация. В конце 1980-х годов на крупнейших производственных объединениях Грознефть, Оргсинтез, где было занято 50 тыс. рабочих и инженеров всего несколько сот рабочих являлись чеченцами и ингушами. Джабраил рассказал мне, что уже будучи заведующим кафедрой Грозненского университета и известным в республике человеком, он с огромным трудом смог устроить одного из своих племянников на грозненский завод “Красный молот”, куда почти не брали чеченцев, особенно на руководящие должности.

В то же самое время сельское хозяйство было не в состоянии поглотить прирост трудовых ресурсов коренного населения. Многие молодые чеченцы, в том числе и с образованием, были вынуждены уезжать в другие регионы страны или уходили в криминальную среду. По некоторым оценкам, избыточное население составляло от 100 до 200 тыс. человек, или до 20–30% трудоспособного населения республики. Именно эта категория приняла активное участие в последующих политических событиях и составила основной резервуар для вооруженной борьбы. Джабраил Гакаев пишет в своей книге:

«Народу республики от деятельности нефтехимического комплекса досталась лишь самая загрязненная в экологическом отношении окружающая среда и хищнически разграбленные ресурсы. Социальная инфраструктура оставалась неразвитой, особенно в сельских районах Чечни. Чеченцы и ингуши на “шабашные” деньги строили большие красивые дома, но при этом многие села были без больниц, школ, газа, дорог, т.е. без индустрии услуг, которая делает жизнь качественно иной. Настоящим бичом чеченцев и ингушей была безработица, ее следствием стало массовое отходничество, спекуляция и рост преступности»¹³.

Число так называемых “шабашников”, выезжавших на сезонные работы из республики, доходило до 100 тыс. человек. На заработки вместе с родителями выезжали и дети школьного возраста. Многие из них не смогли из-за этого окончить школу и получить об-



Грозненский нефтехимический комплекс. 1985 г. (Фото В. Щеколдина)

разование. Д. Гакаев отмечает еще один важный аспект социальной ситуации:

«Если большинство отходников зарабатывала на хлеб насущный каторжным трудом, ценой здоровья обустроивая захолустья России и Казахстана, то слой дельцов от отходнического промысла наживался на приписках, воровстве (совершалось все это в сговоре с местной администрацией) и эксплуатации не только “бичей”, но и десятков тысяч своих соплеменников. Хуже того, шабашники этой категории везли домой не только большие деньги, обретенные несправедливым путем, наркотики, но и маргинальную культуру, которая разлагающе действовала на традиционные устои вайнахского общества»¹⁴.

Именно этими обстоятельствами следует объяснять высокий уровень правонарушений среди чеченцев по сравнению с представителями других групп населения. В ЧИАССР ежегодно осуждались на длительные сроки тюремного или лагерного заключения около 4–5 тыс. чеченцев и ингушей. Некоторые специалисты считают, что действовавшая в республике пенитенциарная система была этнически

избирательной и дискриминационной в отношении чеченцев. Кроме того, чеченцы и ингуши вплоть до самого последнего времени находились под плотной “опекой” КГБ, и в их среде постоянно велась агентурная работа и слежка. Рассмотрим этот вопрос особо, ибо он имеет прямое отношение к объяснительным версиям “чеченской революции”.

“В последепортационный период среди части чеченцев сохранялись настроения социального и политического недовольства, а также сравнительно более высокий уровень внеправового поведения, вызванные прежде всего последствиями депортации и социально-экономическими проблемами восстановленной республики. Чечня и чеченцы вместе с ингушами оставались предметом особого внимания со стороны партийных органов, а также КГБ и МВД СССР, продолжавших считать эту часть советских граждан недостаточно лояльной режиму и подверженной “националистическим предрассудкам”. Так, например, 30 апреля 1966 г. председатель КГБ В. Семичастный направил в ЦК КПСС документ по поводу “оживления националистических и шовинистических (!) проявлений” среди интеллигенции и молодежи Чечено-Ингушской АССР и увеличения случаев межнациональной розни, которые “нередко перерастают в групповые инциденты и эксцессы”.

Этот документ содержит ряд примеров “распространения антисоветской клеветы на коммунистическую партию и национальную политику Советского Союза”. В частности, цитируется высказывание члена КПСС, начальника управления магистрального нефтепровода А.Ведзижева в беседе с профессором Д.Мальсаговым: “Весь мир пробуждается, все говорят о независимости... остается только колониальный Восток большевизма, где никаких прав нет... Все те же методы: казахские земли отдали узбекам, туркменскую землю в районе Мангышлака отдали казахам, нашу землю (Ведзижев был ингуш. – В.А.) отдали осетинам, чеченскую землю отдали Дагестану. Армения и Азербайджан натравлены на Нахичевань, отдают туда-сюда. Разделяй и властвуй... Клянусь вам, что наступит время, когда вынуждены будут вырезать коммунистов. Люди недовольны данным состоянием”.

Руководитель КГБ сообщал о том, что “отдельные представители творческой интеллигенции в своих произведениях и частных беседах протаскивают политически вредные суждения”. В качестве примера приводится высказывание известного ингушского писателя Идриса Базоркина (тоже члена КПСС) в беседе со своей знакомой А.: “Россия делает вид, что национальные республики самостоятельны... За границей правильно говорят, что у нас система – государственный капитализм. Они считают, что это скрытая форма колониализма... Меня подмывает взять и написать весь перечень бед и несчастий, которые Россия принесла этому народу... Чтобы там не говорили о национальной самостоятельности и национальном суверени-

тете, но все национальные народы чувствуют духовный гнет со стороны русских”. По данным КГБ, в республике среди интеллигенции и молодежи распространяются суждения, что “Чечено-Ингушетия является колонией России, чеченцы и ингуши эксплуатируются, а их богатства, в ущерб народу, вывозятся из республики”.

Глава КГБ писал, что среди чеченцев и ингушей имело место “враждебное отношение к проживающим в республике лицам других национальностей, особенно русским, стремление к вытеснению с руководящих должностей работников не местных национальностей”. Опять же источниками информации становятся высказывания местных писателей М. Мамакаева, Н. Мурзаева и некоторых других о том, что русские “засели” в руководящих органах республики, ущемляют интересы чеченцев и ингушей, надо добиваться занятия их мест и, таким образом, сделать республику “своей”. «Писатели С. Чакхийев и А. Веджижев в повестях “Золотые столбы” и “Орден” завуалированно протаскивают чуждые советской идеологии взгляды и тем самым тоже возбуждают ненависть к русским». В этом же “черном списке” называются некоторые ученые из республиканского научно-исследовательского института языка и литературы.

КГБ отмечал тенденцию “националистически настроенных лиц” ориентироваться на молодежь, которая ими рассматривалась как сила, способная занять руководящее положение в республике и сделать ее “своей”. Одним из проявлений местного национализма уже тогда становится и вопрос о возвращении республике Пригородного района Северной Осетии. Представители интеллигенции и мусульманского духовенства, “используя пережитки прошлого, стремятся разжигать ненависть к осетинскому народу, подстрекают малосознательных граждан к вредным поступкам, заявляют о необходимости при удобном случае “пролить кровь за свою землю” и силой вытеснить оттуда осетин”¹⁵.

В республике происходили такие крайне редкие для других регионов страны проявления межэтнической напряженности, как групповые столкновения, сопровождавшиеся убийствами. По данным КГБ, только в 1965 г. произошло 16 групповых столкновений и значительное количество дерзких уголовных преступлений. Всего по республике в 1965 г. было совершено 50 убийств, нанесено 185 тяжелых телесных повреждений от огнестрельных и ножевых ран, из них 19 со смертельным исходом. За три с половиной месяца 1966 г. – 26 убийств и 60 тяжелых телесных повреждений.

Примечателен анализ причин этих явлений, который давался органами госбезопасности. Среди них названы: влияние “антисоветской пропаганды зарубежных радиостанций, ведущейся на чеченском и ингушском языках”, вредное воздействие “лиц старшего поколения, в том числе части творческой интеллигенции”. Наконец, отмечалось, что “националистические и другие враждебные прояв-

ления возникают и на основе религиозных и родовых пережитков”. «Отдельные авторитеты, используя догматику ислама, проповедуют ненависть к “неверным”, пророчат гибель советской власти, оказывают вредное влияние на верующих, разжигают фанатизм, стремятся сохранить и поддерживать отжившие традиции и нравы».

Примерно в те же годы и на ту же тему в ЦК КПСС направляло свою информацию и Министерство внутренних дел СССР. 7 мая 1971 г. министр Н.Щелоков сообщал, что “длительное время на территории Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Дагестана, Казахстана и Киргизии продолжали действовать преступники-нелегалы из числа чеченцев и ингушей. В ряде районов они совершали ограбления банков, касс, магазинов, терроризировали население, забирали скот”. В 1969–1971 гг. МВД СССР осуществил ряд мер, в том числе “оперативно-войсковую операцию” в декабре 1969 г. по “полной ликвидации преступников-нелегалов”. Как сообщал министр Щелоков, только за полтора года органами внутренних дел было разыскано 347 скрывавшихся преступников из числа чеченцев и ингушей. Сенсационной для тех “застойных” времен тоталитарного контроля над обществом представляется информация об изъятии огнестрельного оружия у населения в республиках Северного Кавказа, Казахстана и Киргизии: в 1968 г. изъято и добровольно сдано 6704 единиц, в 1969 г. – 7039 и в 1970 г. – 6787, в том числе 4 пулемета, 54 автомата, 2105 пистолетов и револьверов¹⁶.

В те годы вся подобная информация, как правило, была секретной и предназначалась для партийных органов и специальных служб. Анализ проблемы ограничивался идеологическими штампами или криминальными категориями и не был предметом обществоведческого анализа и гласного общественного обсуждения. Глубокие социальные и психологические причины “чеченской преступности” или “нелояльности” не исследовались. В пропаганде и обществоведческой литературе преобладала версия об успешно развивающейся “в братской семье народов СССР” Чечено-Ингушской республике. Такова была общая ситуация по всей стране, что и стало, отчасти, причиной “неожиданного” для политиков и экспертов этнического взрыва в годы перестройки. В то же время политика и наука “заздравных тостов” (по выражению М.С. Горбачева) имела и некоторый позитивный элемент: своим молчанием она как бы предохраняла от массовых этнических фобий, в том числе и от античеченских настроений среди советских граждан.

Кстати, мною были получены сведения и другого плана, которые отличаются от оценок МВД и КГБ. Они касаются сравнительно эффективного отправления правового порядка в Чечено-Ингушетии и о невысоком уровне криминалитета, особенно тяжких преступлений. Среди моих знакомых чеченцев есть сотрудник Миротворческой миссией Александра Лебеда на Северном Кавказе Шамсуддин Умаров, который долгое время (включая правительство Ду-



Город Грозный. 1985 г. (Фото В. Щеколдина)

даева) работал в системе внутренних дел Чечни, в том числе был заместителем министра внутренних дел и начальником ГУВД по Грозному. Шамсуддин рассказал мне, что в 1980-е годы в Грозном возбуждалось от 300 до 600 уголовных дел ежегодно:

“Абсолютно уверен, что все делалось по закону. Нам было все равно какой национальности правонарушитель. Кстати, не более 5% случаев можно было назвать конфликтами и преступлениями, вызванными национальными различиями. В большинстве это были драки, хулиганство, кражи, грабежи и убийства, в которых были замешаны самые разные люди. Единственное, что мы всегда старались соблюсти, это брать в свидетели русских как более нейтральных. Если возьмешь чеченца, то он потом или откажется, или изменит показания, но только чтобы против своих не выступить”.

Таким образом, излишняя подозрительность советских властей, особенно органов МВД и КГБ, по отношению к коренным жителям республики порождали тенденциозную установку об особой “нелояльности” чеченцев. В свою очередь, это привело к чрезвычайно “плотной” работе КГБ в республике, когда здесь оказалась самая высокая пропорциональная доля штатных и нештатных сотрудников главной спецслужбы страны, если исходить из численности населения. Вместо лояльности это порождало ответную настороженность и отчужденность среди многих чеченцев. Государство как бы само продолжало поощрять потенциальное чеченское диссидентство, которое только ждало своего момента для публичного заявления.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ КОНФЛИКТА

1960–1980-е годы были периодом интенсивного социально-культурного развития чеченцев и ингушей, которых годы депортации и политических ограничений заметно отбросили назад по сравнению с остальным населением страны. Произошла ускоренная урбанизация и значительная часть населения обрела промышленные профессии, главным образом в отраслях нефтедобычи и нефтепереработки, в лесной и текстильной промышленности. В то же время темпы прироста численности горожан были невелики, а доля горожан – одна из самых низких среди народов России. В столице республики Грозном, где было сосредоточено примерно 30% населения Чечено-Ингушетии, собственно чеченцы составляли 30,5% (121 350), ингуши – 5,4% (21 346 человек), а русские вместе с украинцами и белорусами – 55,8% (222086 человек), т.е. значительное большинство.

После 1991 г. из Грозного выехала примерно одна треть русских и в столице шел интенсивный процесс заселения освобожденного или захваченного жилья чеченцами из других городов и сел. Однако

Таблица 1.

**Этнические различия в структуре занятости населения
Чечено-Ингушетии (по переписи 1989 г.)**

Категории населения	Индексы занятости на 1000 человек (в % от среднего индекса по России)			
	Все население России	Русские	Чеченцы	Ингуши
Занятые физическим трудом, всего	100	99	122	112
в том числе:				
-в машиностроении	100	105	45	35
-в легкой промышленности	100	100	331	169
-в строительстве	100	93	244	190
-в сельском хозяйстве	100	83	331	317
-на транспорте	100	100	81	63
-в торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании	100	99	94	104
Занятые умственным трудом, всего	100	102	77	59
в том числе:				
-руководители производства	100	100	74	52
-специалисты в промышленности	100	106	50	32
-специалисты в сельском хозяйстве	100	100	180	140
-планирование и учет	100	104	74	58
-медицинские работники	100	100	78	59
-деятели науки, искусства и просвещения	100	100	100	84

основное разделение общества по социально-этническому принципу сохранилось. “Русский” сектор был представлен преимущественно горожанами, занятыми в нефтедобывающей промышленности, машиностроении, транспорте и управлении, “чеченский” - столичной интеллектуальной и управленческой элитой и сельскими жителями, занятыми малотоварным сельским хозяйством, отхожими промыслами, мелким предпринимательством (см. табл. 1).

До начала 1990-х годов среди чеченцев сохраняли высокий процент работающих в сельскохозяйственной сфере, и сравнительно низкой была доля занятых умственным трудом и имеющих высшее образование (см. табл. 2). В то же время чеченцы имели один из наиболее высоких показателей владения родным языком и высокую долю считающих родным язык своей национальности (см. табл. 3).

Еще в 70-е годы часть сельских чеченцев не знали русского языка, но в последние два десятилетия двуязычие стало почти повсеместным. Межнациональные браки среди чеченцев были распространены весьма незначительно. В случае смешанных браков в них чаще вступали чеченцы-мужчины и наиболее предпочтительными партнерами были русские женщины.

Таблица 2
Образовательный уровень чеченцев бывшего СССР, в %

	1979 г., %				
	Все	Мужчины	Женщины	Город	Село
Без образования	21,54	11,72	29,95	14,48	23,38
Начальное	21,07	18,99	22,14	14,94	22,61
Неполное среднее	30,93	33,42	27,22	30,08	30,30
Среднее	20,07	24,84	14,68	26,95	17,05
Среднее спец.	5,25	6,00	4,32	6,84	4,54
Неоконч. высшее	1,13	1,56	0,68	2,56	0,60
Высшее	2,26	3,47	1,00	4,15	1,52
1989 г.					
Без образования	14,40	6,87	20,24	9,14	15,56
Начальное	12,50	10,54	13,27	8,41	13,32
Неполное среднее	23,60	23,10	22,02	20,73	23,25
Среднее	36,23	39,21	30,29	35,85	34,14
Среднее спец.	11,58	11,90	10,26	14,57	9,68
Неоконч. высшее	1,70	2,09	1,18	3,26	0,98
Высшее	4,67	6,30	2,73	8,04	3,06

Таблица 3
Статус языка среди чеченцев, в %

Родной язык	Год			
	1959	1970	1979	1989
Свой	99,38	99,27	99,23	98,79
Русский	0,54	0,68	0,72	1,06
Другой	0,08	0,06	0,06	0,15

Владение языком (%)

Второй язык	Годы		
	1970	1979	1989
Свой	0,6	0,22	0,23
Русский	98,89	99,33	99,21
Другой	0,75	0,45	0,57

Разительный рывок в сфере социальной мобильности был основан на быстром росте образовательного уровня, на сравнительно недавно возникшей трудовой традиции доходного подрядного промысла за пределами республики, а в самые последние годы - на индивидуальной предпринимательской активности. Многие чеченцы и ингуши занялись крайне прибыльной торгово-посреднической дея-

тельностью, позволившей им составить семейные капиталы, чтобы купить квартиры в Москве и в других городах или построить простые и комфортабельные дома в родных местах. Эльберт Алеев, московский школьник, оказавшийся со мною рядом в самолете, летевшем 11 декабря 1995 г. в Назрань, рассказал мне историю своей семьи, которая выглядит довольно типичной для многих выходцев из Северного Кавказа. Он летел в станицу Серноводскую (Сунженский район Ингушетии, где примерно пополам проживают чеченцы и ингуши, а в верхнем курортном поселке главным образом русские), куда в их фамильный дом привезли его отца Шамиля Алеева, раненного (а может быть, убитого?) в Чечне. Но сначала мальчик задал мне простой и с пронзительной грустью вопрос: “А Вы не знаете, скоро война закончится?”

Отец Эльберта был известным бизнесменом и владел сетью кооперативов в Грозном, Гудермесе, Назрани. Несколько лет назад семья купила квартиру в Москве на Юго-Западе, где они жили с матерью и тремя младшими сестрами 12, 10 и 7 лет. Мать зовут Малика, сестер – Эльбика, Сабилла и Петимат. Эльберт ходил в 9-й класс колледжа, где обучение стоит 80 долл. в месяц. «Потом я буду учиться в Оксфорде», – сказал он мне. – В Москве мне хорошо, и в классе со всеми лажу: только вначале пришлось немного подраться”. Летит в Ингушетию по вызову родственников, которые сообщили, что “с отцом беда: не мог выехать из Гудермеса и в дом попала бомба. Красный Крест вывез его оттуда без руки, а дальше ничего не известно”. Если случится так, что этот красивый юноша (“на физкультуре в классе стою в строю первым”) потеряет в этой войне отца, то на его судьбу выпадут трудности и ранняя ответственность за семью, не меньшая, чем на поколение депортированных. С какими чувствами и установками вступит в жизнь этот российский гражданин – житель столичного города, ингуш по национальности, а по культуре и ингуш, и русский (“дома говорим по-ингушски, но с первого класса в школе учусь на русском”)? Этот послевоенный вопрос еще не раз придется задавать и государству, и обществу. И чем раньше на него будут найдены приемлемые и понятные для Эльберта Алеева ответы, тем лучше для этого государства. Иначе ответы будут искажаться или в устной памяти пострадавших, или в лекциях оксфордских русистов.

В целом в конце 1980-х годов ситуация в республике была внешне стабильной, что позволяло местным партийным и государственным лидерам выступать с оптимистическими докладами на различных общесоюзных форумах. Один из таких примечательных докладов сделал первый секретарь обкома Доку Завгаев на знаменитом горбачевском Пленуме ЦК КПСС, посвященном проблемам международных отношений. Однако чеченское общество и ситуация в республике были гораздо сложнее, чем это представлялось в официальных партийных рапортах. Так, например, сохранялись традиции

кровной мести, и при местном обкоме партии даже действовала общественная комиссия по примирению кровников. Наблюдались настроения межэтнической напряженности и недоверия на уровне местного населения в самой республике и в некоторых пограничных территориях, особенно в районах проживания чеченцев в Дагестане и в Северной Осетии. Несмотря на ограничения, значительное число ингушей смогло поселиться в Пригородном районе, и осетино-ингушские противоречия вылились в массовые беспорядки во Владикавказе, когда осетины выступили с требованиями выселения ингушей из республики. Эта демонстрация была подавлена властями с применением силы.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ЕГО КУЛЬТУРА

29 том Большой Советской Энциклопедии (1978 г.) содержит в очерке о Чечено-Ингушской республике обширные сведения о состоянии образования и культуры. Этот энциклопедический текст не так архаичен, как текст из энциклопедии Брокгауза, но только у него сегодня фактически нет читателя. А зря! Республика в 1960–1970-е годы явно переживала не только демографический, но и образовательный бум: 569 общеобразовательных школ с 288 тыс. учащихся, 29 профессионально-технических учебных заведений с 15 тыс. учащихся, 12 средних специальных учебных заведений с 15 тыс. учащихся, два высших учебных заведения (Чечено-Ингушский университет и Нефтяной институт) с 12 тыс. студентов. С 1957 по 1975 г. численность чеченцев с высшим образованием выросла в 70 раз, и в 1983 г. доля студентов на 10 тыс. жителей республики была выше, чем даже в таких развитых странах, как Великобритания и Франция¹⁷.

В 1980-е годы в республике сложилась развитая инфраструктура культурного производства. Помимо трех профессиональных театров, филармонии, краеведческого музея и музея изобразительных искусств действовало более 400 дворцов культуры и клубов, из них 371 в сельской местности. Работали 19 народных театров и более трех тысяч коллективов художественной самодеятельности. Имелось 484 публичные библиотеки с книжным и журнальным фондом около 10 млн экземпляров. Большой популярностью пользовался кинематограф: более 300 кинотеатров имели общую вместимость на 84 тыс. мест, и в 1981 г. число посещений киносеансов составило 12,2 млн человек. Активно работали дома пионеров, детские спортивные школы, станции юных техников¹⁸.

В Чечено-Ингушетии имелись развитые средства массовой информации: издавалось четыре республиканских, 14 районных и несколько сельских многотиражных газет, два литературно-художественных альманаха. Всего с центральными изданиями население рес-



Памятник и дом-музей Л.Н. Толстому в Толстой-Юрте (Фото В. Бышовца)

публики ежедневно получало около 1 млн экземпляров периодических изданий¹⁹. В республике было несколько профессиональных союзов (писателей, художников, композиторов журналистов и другие).

Однако за благополучными цифрами скрывались и серьезные проблемы. Джабраил Гакаев так оценивает ситуацию в области образования:

“В ЧИАССР школьное обучение в сельских районах, где проживало 70% коренного населения, десятилетиями велось на самом низком уровне. Не хватало средств, учителей, помещений, учебников. Многие дети вследствие нищеты и отходничества не имели возможности учиться. При поступлении в вузы выпускники сельских школ, в основном чеченцы и ингуши, не выдерживали конкуренции с русскоязычными выпускниками городских школ. В результате местные вузы (нефтяной и педагогический институты) не смогли должным образом решить задачу подготовки национальных кадров. Процент студентов-вайнахов (особенно в ГНИ) до последнего времени был невысок. К тому же многие из абитуриентов-вайнахов, имея слабую подготовку, вынуждены были платить деньги при поступлении. Такая же картина была и при внеконкурсном наборе в другие российские вузы. Эта система была создана первоначально для подготовки национальных кадров. Однако вскоре Чечено-Ингушский обком КПСС приравнял к кореным народам и русскоязычных жителей, и места, выделяемые республике по внеконкурсному набору, стали занимать более подготовленные выпускники городских школ – русские, армяне, евреи и т.д. В результате такой политики культурное отставание вайнахов, наметившееся в период их депортации, не было преодолено. Более того, разрыв в образовательном уровне по сравнению с сопредельными народами еще более увеличился.

Таким образом, в период с 1957 по 1985 г. чеченцев и ингушей не покидало чувство уязвленного национального достоинства. Они видели и не могли смириться с ограниченностью своих прав и возможностей по сравнению с русскоязычной частью населения, коренными народами соседних республик. Чеченцы и ингуши, при прочих равных условиях, должны были платить за поступление на службу, учебу, лечение, отсрочку от армии, то есть буквально за все. Причем их грабили, обирали по малейшему поводу, судили не только русские чиновники, но главным образом свои, еще более нечестные, продажные партийные, советские и судебные функционеры.

Москва спокойно взирала на существующее экономическое, политическое, правовое и культурное неравенство чеченцев и ингушей, время от времени меняя прорывавшихся секретарей обкома²⁰.

Для нас было важно сравнить эти оценки видного представителя чеченской элиты с оценками и ощущениями более низкого уровня. Прежде всего нас интересовала чеченская школа. Точнее школа в чеченском селе. Именно такой была средняя школа в крупном селе Бено-юрт, в которой училась Хеда Абдуллаева.

“Школа у нас была одна и большая. Учились вместе мальчики и девочки. Сидели на партах вместе с мальчиками. У нас была классная руководительница, русская, начиная с третьего и до десятого класса. Она была такая сильная и хороший организатор. Всегда нам что-то устраивала. Она обязательно сажала вместе. Даже одна девочка очень не хотела, но она ее заставила. Ее родители очень уважали за требовательность. Она нам всегда говорила, что мы одна семья. Но очень была против всяких романов. Когда какую-то девочку с мальчиком где-то увидели, что они целовались, так это был такой потом скандал, их так ругали.

У нас в классе было много мартовских, и мы как-то уже в девятом классе пошли все в лес встречать дни рождения. Я тогда не смогла пойти и еще одна девочка Настя - тоже. Она, кстати, похожа была на русскую - блондинка, и на нее все мальчики обращали внимание. Потом кто-то сказал, что там в лесу ребята курили и даже было шампанское, так руководительница провела собрание с родителями. Пришел мой папа (мама вообще была единственным раз в школе на выпускном вечере). Мы сидели, а она так всех ругала. Мальчиков била палкой по рукам. И они все это тогда сносили. Даже удивительно, как это так было. Она и на выпускной вечер не разрешила шампанское. Мальчики принесли тайком и в тархун его добавляли. Вообще настоящих любовных романов в школе не было, хотя сразу после школы многие девочки вышли замуж. У нас так получилось, что мало кто поступил в институты после окончания” (Хеда Абдуллаева).

Этот вопрос о поступлении в институты меня заинтересовал, и я спросил, как Хеда получила высшее образование и как она, девочка из чеченского села, в конечном итоге оказалась в аспирантуре престижного академического института в Москве? Эта история крайне поучительная и далеко не единичная, ибо московскую аспирантуру или стажировку прошли многие научные сотрудники и вузовские преподаватели Чечено-Ингушетии. Кстати, сам Джабраил Гакаев

защитил докторскую диссертацию под руководством крупного московского историка, затем академика Ю.А.Полякова. Он был первым доктором исторических наук среди чеченцев, специалистом по политической истории XX в. А вот история Хеды:

«Я поехала поступать в университет и не поступила. Я не хотела, чтобы за меня заплатили. Я все сдала, а потом не увидела себя в списке. Была бы одна, без отца, то мне кажется, я бы тогда бросилась в Сунжу. Я на них так обиделась, что вернулась в село и ничего не делала. Тогда пришла телеграмма, что кто не прошел на русское отделение, могут приехать, написать хотя бы диктант на чеченском языке и будут тогда зачислены на вайнахское отделение. Я сказала, что никакого мне вайнахского отделения не нужно и просто сидела три года дома. Работала в библиотеке и читала книги. Отец не знал, что со мною делать, но я решила, что в этот университет больше никогда своей ногою не ступлю.

Через три года поехала поступать в педагогический институт (в университет даже не хотела заходить) и поступила на заочный. Я потом встретила того человека, который принимал у меня экзамен в университет и сказала ему, что вот если бы он тогда мне поставил пять, у меня бы все сложилась по-другому.

А он ответил: “Ты как-то слишком вела себя независимо в свои 16 лет, выпендривалась. Я даже не мог понять, откуда у тебя все это было. Даже хотел поставить тройку, но это было бы неприлично”.

Я не выпендривалась. Это был устный экзамен по литературе, и я не могла сдать его на тройку. А рядом сидел преподаватель, который был на письменном экзамене. Это было сочинение. Я тогда опоздала минут на 15, забежала, а все места были заняты, и я села на первый ряд. Мне попал роман, который я очень любила - это “Как закалялась сталь” Островского, и я сразу стала писать. А он подходит и все спрашивает: “Левушка, вы ниоткуда не списываете?” А потом узнала, что поступила девочка, с которой я ходила на месячные курсы до этого. Так она делала по три ошибки в одном слове, но поступила. Там, конечно, были свои списки.

А то, что после пединститута поступила в московскую аспирантуру, то помогла прежде всего моя хорошая школьная подготовка. Это была заслуга нашего учителя по русскому языку и литературе Саидова Султана Саидовича. Я в школе знала больше, чем надо по программе. С пятого класса знала всего Есенина наизусть. До аспирантуры я поступила работать в Научно-исследовательский институт в Грозном. Это было престижно, и мне было интересно. Потом на полгода уехала на стажировку в Москву и поняла, что смогу учиться в аспирантуре.

В Москве в коллективе почувствовала себя хорошо. Это был отдел “Литература народов РФ”, который возглавляла Надъярных Нина Степановна. Она стала моим научным руководителем. Я ей многим обязана. Они меня подняли на высоту какую-то, что я даже чувствовала себя неловко. Юрий Барабаш отнесся ко мне замечательно. Как-то обо всем по-свойски спрашивал. А во время войны, если бы не они, я не знаю, как бы все вынесла. Барабаш карту Чечни где-то добыл. Каждый что-то предлагал, если у меня были проблемы. У кого-то есть дача или другая помощь. Каждый из них каждый день подходил ко мне и что-то ободряюще говорил. Я потом со многими сравнивала: ни у кого такого не было».

Коррупция и nepoтизм позднебрежневского периода, о которых сообщал в Москву Боков, действительно были причиной массового недовольства населения существующим политическим режимом. Этнические проекции этого недовольства существовали, но они не были на переднем плане общественно-политической жизни, а тем более в настроениях простых людей. Главным было недовольство партийно-номенклатурной системой и социальными условиями жизни. Было желание осуществить перемены, провозглашенные Михаилом Горбачевым, как гласность и демократизация. Чеченский этнонационализм только оформлялся как политическая платформа. В центре дебатов первоначально были экология, язык и история.

О ЯЗЫКЕ И ИСТОРИИ

Во время одного из наших бесед я попросил Хеду рассказать о своем “романе” с чеченским языком.

«Чеченский язык был со мною как бы рядом, поскольку я его знала и у меня была в школе пятерка по чеченскому. Но все это постольку-поскольку. Когда я уже закончив школу и даже институт, не услышала песню на стихи Бисултанова. Это очень философские стихи, я даже пыталась сделать перевод, но это очень тяжело. А музыку написал Бетилгириев. Это ближе всего к Окуджаве. У него схожие вариации. А когда я познакомилась с самим Бисултановым, я еще больше его и, наверное, себя поняла. При всей своей ярко выраженной национальной принадлежности, он, как мне кажется, один из гениев последнего столетия. Когда его пытаются переводить, то получается что-то жалкое. Он, конечно, самый крупный чеченский поэт, хотя я многих знаю. На всех девочек, с кем я училась и работаю, он оказал огромное влияние. Стоит с ним один раз поговорить и это остается надолго. Он не бьет себя в грудь: “Вот мы – чеченцы такие-то и такие”.

Мне попала однажды его книжка, я села и до утра не спала: прочитала ее всю. Это перевернуло всю мою жизнь.

В институте я училась на русском отделении, но там было и вайнахское. Считалось, что на русское отделение шли кто посильнее, а на вайнахское, кто недостаточно знал русский. Тогда было не модно изучать чеченский язык. Некоторые даже говорили, вот скоро в паспорте вообще не будет графы о национальности. Это казалось не актуальным. У нас вообще Надтеречный район считался как бы под очень большим влиянием русских, хотя русских в селе почти не было: только некоторые женщины, которые были замужем за чеченцами. Некоторые, кто к нам приезжал, часто говорили: “Какие вы чеченцы?”

У меня есть дядя, у него жена из Шалинского района. Там есть какое-то глухое село. Вот она всегда ругала мою маму, что она неправильно меня воспитывает. Насколько я помню, мне, например, никто никогда не говорил слово “нет”, и я не знала, что такое слово вообще существует в природе. Сказки русские на ночь читали. Отец все время возил меня в краеведческий музей в Грозном. Мы живем за сто километров от Грозного, и отец меня туда возил на автобусе каждое воскресенье. Я все-таки была

первым ребенком. Я знала каждый экспонат в этом музее. Отец меня водил и что-то всегда показывал. Историю города я знала очень хорошо.

А в семье моего двоюродного дяди, были девочки, самая младшая была на три года меня старше. Она хорошо знала чеченский язык, у нее была прекрасная дикция, и она знала целые поэмы наизусть. И вот я помню зимой (я училась, наверное, в классе втором–третьем, а она уже была где-то в пятом) старушки с нашей улицы у них всегда собирались, и она им читала поэму Мамакаева “В горах”. (Я ее потом прочитала.) Эта девочка была маленького роста, ей ставили стул, она на него вставала и начинала читать. А они сидели и плакали. Я на них смотрела и думала, что ничего не понимаю в этой жизни. Честное слово, она каждый день читала им одну и ту же поэму, и они все плакали.

Я ее ругала: “Зачем тебе это надо?”

А мой отец преподавал в школе чеченский язык и литературу и в ее классе тоже. Он мне сказал: “Ты зря так говоришь”.

У нас было два преподавателя. Вторая была такая молодая девушка и особой любви не испытывала к чеченскому языку и нам ее не прививала никаким образом.

В доме говорили на чеченском, но отец его никогда не навязывал. Он как бы подходил к этому как преподаватель и не больше. А вот эти родственники вели себя всегда как-то немножечко по-другому. У меня первый язык русский, но по-чеченски я все понимаю, но когда говорю, то использую часть русской лексики. Дома я вообще практически не разговаривала ни на каком языке. У меня было чувство своей исключительности. Я и на уроках молчала. Всех спросят в классе, а я сижу и молчу. Потом уже учитель меня спрашивает. Закончила я без медали, потому что у нас никто с медалью не заканчивал. Директор школы был против. Единственный, кто получил медаль за всю историю нашей школы, это был его собственный сын»

Эта трогательная история о плачущих старушках при декламации поэмы на чеченском языке говорит о многом. Чеченский язык уходил из городской жизни, и культурная граница проходила не столько между чеченцами и русскими, сколько между селом и городом. Значительная часть чеченцев не только перестала пользоваться родным языком, но и вообще утратила способность разговаривать на нем. Практически все остальные чеченцы стали двуязычными. Многие стали пользоваться в общении смешанным языком, который состоит из чеченских и русских слов.

Вайнахская интеллигенция обращалась с многократными петициями о введении в городских школах преподавания родного языка. Зулай Хамидова рассказывала, как она в течение 9 лет боролась за введение в расписание городских школ чеченского и ингушского языков. Только после долгих согласований эти языки стали преподаваться как предмет 1 час в неделю, тогда как на русский язык отводилось 5 часов в неделю. С 1989 г. Хамидова организовала курс по обучению чеченскому языку людей разных национальностей, проживавших в Грозном. В две смены обучались 200 человек, приходили даже семьями. Были подготовлены передачи по телевидению

“Изучаем чеченский язык” (раз в неделю по 30 минут) и “Спокойной ночи, малыши” на чеченском языке с показом озвученных на чеченский язык мультфильмов (раз в неделю по 15 минут), а также организована программа “Что ты знаешь о своем родном языке?” Впервые появились самоучители, разговорники.

Кроме языка особую актуальность обрел исторический дискурс, обсуждение версии чеченской истории. Пожалуй, нигде на территории бывшего СССР официальные трактовки добровольного вхождения (присоединения) народов (территорий) в состав России не нашли такого сильного отторжения, как в Грозном среди чечено-ингушской интеллигенции. Я не изучал этот вопрос специально, но склонен полагать, что столь сильная реакция и столь явная вовлеченность в исторические реинтерпретации (не только по вопросу вхождения) были спровоцированы конкретными лицами и вполне устанавливаемыми “событиями”. Особую роль сыграла напористость и безапелляционность шовинистически настроенного местного ученого В.Б.Виноградова - археолога, взявшегося при поддержке обкома за построение официальной версии Чечено-Ингушетии, когда среди самих чеченцев уже появились авторитетные исследователи и вышли серьезные научные труды. Особое отторжение вызывал тезис о “добровольном вхождении Чечни в состав России”.

Еще большее воздействие несколько позднее оказали работы западных авторов, писавших на тему о Шамиле и об исламе в Чечне и Дагестане (А. Бенигсен, У. Уимбуш). Самым большим интеллектуальным раздражителем стали работы чеченского эмигранта Абдурахмана Авторханова. В оценке его имени и его роли я расхожусь с общепризнанными высказываниями. Обычно приводится известное предостережение почтенного и уважаемого в научных кругах чеченского политолога, который написал Дудаеву некое наставление “не порывать с Россией”. Для меня здесь важнее не отдельное высказывание, которое можно трактовать и как банальное клише “вместе с Россией”. Именно с последнего заверения начинался каждый вариант старого и нового сепаратизма, Для меня важен эмоциональный и политический эффект драматически исполненного и крайне популярного в начале 1990-х годов произведения, одно название которого – “Империя Кремля” говорило само за себя.

Таким образом, в этой и предыдущей главах о социальной и культурной жизни в Чечне в предшествовавшие конфликту десятилетия факты и свидетельства жителей, прежде всего самих чеченцев, а также научные исследования раскрывают сложный характер социально-культурной модернизации чеченцев в советский период. До 1991 г., несмотря на советские деформации, Чечено-Ингушетия была динамичным и современным сообществом. Противоречивая этническая политика государства дала противоречивые результаты. Порожденные этой политикой проблемы стали частью причин кон-

фликта. Однако исторический и культурный факторы не лежат в его основе, равно как и гипотетическое радикальное отличие чеченцев от остального населения страны. Тем не менее интеллектуальный климат перестройки и наследованный доктринальный этнонационализм создали в Чечено-Ингушетии саморазрушительный хаос мыслей и поступков на базе отрицания прошлого и абсолютизации этнического. Заполнение этого вакуума обрело манифестные формы открытого выступления части населения против государств в начале 1990-х годов.

- ¹ См., например: Чечено-Ингушская АССР за 60 лет Советской власти. Статистический сборник. Грозный, 1977; Атлас ЧИАССР. М., 1978; *Рыжиков В.В., Зоев С.О., Гребенищikov П.А.* Чечено-Ингушская АССР. 2-е изд. Грозный, 1980; 60 лет ЧИАССР. Стат. сб. Грозный, 1982.
- ² *Автохаджиев М.Б.* и др. История Чечено-Ингушетии. Учебное пособие. Грозный, 1989.
- ³ Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии / Под ред. Н.Ф. Бугая. М., 1994. С. 211.
- ⁴ Там же. С. 219–220.
- ⁵ *Калоев Б.А.* Вайнахи. Рукопись.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. М., 1997. С. 107.
- ⁸ *Калоев Б.А.* Указ. соч.
- ⁹ Chechnia Report. L., 1992. P. 16.
- ¹⁰ Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши. С. 213–233.
- ¹¹ Там же. С. 234–235.
- ¹² Chechnia Report. P. 26.
- ¹³ *Гакаев Дж.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁴ Там же. С. 109–110.
- ¹⁵ Архив автора.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Атлас ЧИАССР.
- ¹⁸ 60 лет ЧИАССР. С. 108.
- ¹⁹ *Овахдов М.Р.* Чечено-русское двуязычие. Грозный, 1983. С. 26.
- ²⁰ *Гакаев Дж.* Указ. соч. С. 112.

Глава V. ЧЕЧЕНЦЫ: ВНУТРЕННИЕ ОБРАЗЫ

“Я прежде всего чеченец, но я и россиянин”

Багауди М.

Вроде бы я одной ногой среди чеченцев, а другой ногой не то в Дагестане, а, может быть, в России. Мне трудно было определить, кто я. Вся наша семья много натерпелась от того, что нас попрекали, что мы не чистые чеченцы

Шамиль А.

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ

Эта и следующая главы посвящены анализу как конструирования чеченской идентичности и влияния насильственного конфликта на формирование групповой этнической идентификации. Под последней я имею в виду чувство групповой принадлежности по культурным признакам. Это ни в коей мере не одно и то же, что этническое самосознание (или этническое сознание), как представляют некоторые мои коллеги-этнографы¹. Тем более попытки различения двух последних понятий (сознание – как групповое, а самосознание – личностное) представляются неубедительными.

Групповая (точнее, общеразделяемая) идентификация по культурным признакам может возникать только как индивидуальный акт и затем (или одновременно) как сумма индивидуальных актов, т.е. решений по поводу, что составляет данную группу и по поводу собственного соотношения с данной группой. Решение по поводу той или иной культурно отличительной общности, т.е. того, что становится этнической группой, необязательно основывается в оппозиции к таким же “другим”. Оппозиция “мы - они” далеко не всегда имеет “родовой” характер и вообще не является обязательной для акта существования группы. Я определяю этническую группу как отличительную общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях².

Однако сам по себе набор культурных черт, составляющих этническую общность, крайне неоднороден и исторически подвижен. А

фундаментальные связи для акта коллективной самоидентификации могут выстраиваться по отношению к таким общностям, как, например, государство. Основной вопрос заключается в том, как возникает идентичность: из доступных современного материала и аргументов, включая внешние воздействия; или из неких более глубоких структур и из передаваемой с раннего детства информации? Или быть может этническое самосознание заложено в “генетических кодах”, как полагают некоторые авторы, пишущие на эту тему?³

Если чеченские образы и “самосознание” основываются на жестком наборе культурных свойств, тогда что нового приносит война и в каком направлении она оказывает свое влияние: групповой консолидации или социально-культурной дезинтеграции? Ниже я рассматриваю также еще и такое проявление общества в состоянии конфликта, как возникновение фантазийных и некритичных самоощущений, которые отражают абсурдность насилия и которые невозможно объяснить рациональными аргументами. Они становятся своего рода посланием внешнему миру от попавшего в беду человеческого коллектива.

Имеющиеся исследования по проблемам идентичности крайне обширны, и в последние десятилетия они пережили примечательную эволюцию, особенно под влиянием конструктивистских и постмодернистских подходов⁴. В России сравнительно недавно наряду с доминирующей парадигмой изучения так называемого “национального (этнического) (само)сознания” появились труды социологов, философов и этнологов, в которых этническая идентификация стала рассматриваться не только с точки зрения “человека в этносе” (этнофора), но и с точки зрения этничности в человеке, включая инструменталистские (утилитарные) и конструктивистские (целенаправленные) моменты данного феномена⁵.

В отношении чеченцев использование такого подхода внешне кажется абсурдным: о какой социальной (тем более ментальной) конструкции чеченской общности можно вести речь, если эта общность есть реальность войны и десятков тысяч реальных жертв? Конфликт и его крайняя форма - война казалось бы, еще более утверждают примордиальное видение этнического, расцветивая это видение невиданными фантазиями. Однако теоретическая интрига состоит в том, что именно эти фантазии по поводу “примордиальной чеченской нации” (слова А. Ливена) и есть наиболее убедительное доказательство конструктивистской природы этнического. Независимо, кто автор данных фантазий - политики или политологи, этнографы или их информаторы. Конфликт создает плотный дискурс, где различительность акторов не имеет принципиального значения.

Применительно к чеченцам вопросами этнической идентификации на основе этнографического метода занимается, пожалуй, только Я.В. Чеснов, статья которого в книге под редакцией Д.Е. Фурмана представляет наиболее полное изложение его взглядов на эту тему⁶.

Отдавая должное эрудированности автора и глубине его историко-культурных реконструкций, нам трудно принять данный теоретико-методологический подход к проблеме чеченской идентичности по целому ряду соображений. Прежде всего, достаточно устаревшей выглядит некая смесь немецкого романтизма прошлого века и вызывающего отечественного примордиализма во взгляде на этничность, что нашло отражение в отправных констатациях о “родовом теле этноса” (“...Именно чеченский материал мне позволил говорить о “родовом теле” этноса, охватывающем предков, ныне живущих людей и еще не родившиеся поколения”) и об “этническом менталитете” (“Когда говорят об этническом менталитете, то имеют в виду более или менее однородные психические характеристики какого-либо народа”)⁷.

Этническая идентичность для Я.В. Чеснова – всего лишь “отношения человека к этому самому этническому менталитету своего народа”, т.е. это вопрос “типов и стилей мышления, мотиваций и выбора”, но по отношению к уже существующему и непонятно откуда взявшемуся “этническому менталитету”, который есть автономное от личности свойство “тела этноса” и к которому человек (в данном случае каждый отдельный чеченец) только определяет свое отношение. “Родовое тело – это народное восприятие биологической непрерывности этноса. В чеченской этногонии мужские предки дают начало этносу. В ней отчетливо формируются представления о родовой телесности, которая делает этнос аналогичным и соразмерным другим телам природы, которые наделены способностью менять и закреплять место в пространстве”⁸.

Далее следуют еще более сложные рассуждения о “накоплении этнических признаков как способе порождения целостности родового тела” и о “центростремительных факторах родового тела”, среди которых главной силой выступает этика жизни, “позволяющая иноплеменнику путем образования семьи входить в состав чеченского этноса”⁹. При всем воображении невозможно представить себе как подобные “тела” и “факторы родового тела” действуют в случае признания существования архетипических этнических общностей. Как, например, в состав русского, украинского, осетинского или татарского “родовых тел этносов” входят “путем образования семьи” “иноплеменники”? Какая этика жизни родового тела позволила, скажем, Яну Чеснову жениться на женщине-украинке и ей (или ему?) “войти в состав этноса” (какого из двух?), для чего, естественно, сначала нужно выйти из “тела” другого этноса, ибо “этнофор” (на жаргоне сторонников теории этноса) может быть только носителем одного этноса, иначе он уже не может быть “этнофором”? Или у украинцев, русских, белорусов, татар, чувашей, башкир и других нет “родового тела” и нет “этики жизни”, но тогда почему она есть у чеченцев? Едва ли миллионы людей, вступающих в межэтнические браки, в том числе и чеченцы, подвергаются воздействию “центростремительного фактора родового тела”, которое позволя-

ет им как “иноплеменникам” войти в состав другого этноса или, наоборот, вобрать в свой этнос.

Усложненные рассуждения об этнических коллективных телах приходят в противоречие с реальной этнографией и социологией множества изучаемых групп, в том числе и чеченцев. Сам же Я.В.Чеснов делает гораздо более понятные и самопроверяющие наблюдения буквально в последующем параграфе своего текста: “Имя чеченцев примелькалось в радио и прочих новостях, в газетной публицистике и даже в обыденной речи граждан России. Название этого народа соотносят с теми или иными положительными или отрицательными человеческими качествами, народ превращают в категорию социальных маргиналов, деляя их исконными врагами общественного порядка или других этносов. Но чеченцы ведь просто народ, такой же, как десятки и сотни других, населяющих нашу планету. Говоря научным языком, это – этническая общность. Ни хорошая, ни плохая, но имеющая внутренние механизмы своего устройства и способная отличать себя от других общностей. В этих механизмах нет таких оценочных категорий, как жестокость или доброта, которые суть сугубо личные качества и за проявление которых люди ответственны персонально”¹⁰.

Итак, чеченцы – это этническая общность как сотни других в стране и в остальном мире. Но только не сама эта общность (по Я.В. Чеснову, “тело этноса”), а отдельные индивиды осуществляют операции, как я называю, этнической процессуальности: а) формирование чеченской отличительности (создание образа общности или что означает “быть чеченцем”), б) идентификация себя с этой общностью и в) различение от других или друг от друга среди самих чеченцев. В этом принципиальном размежевании с органистическим видением этнического открывается гораздо больше существенного, ибо сама *чеченскость* представляется более сложной и подвижной материей без прищипывания за уши паранаучной метафоры *этногонии*, а тем более без жесткого деления на внутренние и внешние образы и без приписывания обязательного “механизма узнаваемости” других и включения этих “других” в свое тело почему-то обязательно через образование семьи.

После изложения своей методологической позиции по вопросу о нации¹¹ не вижу особого смысла обсуждать вопрос об использовании самого понятия “чеченская нация”, но опять же вынужден высказать критически по поводу романтического воспевания некоего “этнокультурного потенциала” чеченской нации, у которой существуют “этногенетическая открытость” как “этногенетическая константа”¹². В данном контексте рассуждения Я.В. Чеснова строятся на эклектическом видении исторического, где находится место любой цитате: от Пророка до Владимира Соловьева, который вдруг стал сторонником “идеи прогресса”, а время его творчества во второй половине XIX в. представляется временем, “когда каждый думающий европеец вставал утром и ложился вечером с мыслью о прогрессе”. Все написанное

Я.В. Чесновым о “потенциале” подчинено доказательству тезиса об уникальной значимости для чеченцев, помимо “вайнахского родства”, понятий свобода и родина (под последней имеется в виду “не Россия”). К потенциалу относится и чеченский тайп как “институт гражданского общества”, “национальная идея” и “молчаливый” чеченский патриотизм “без державности и мессианства”¹³.

РАЗНОВРЕМЕННЫЕ НИЗОВЫЕ ВЕРСИИ

Ни один из беседовавших со мною чеченцев не мог узнать другого присутствовавшего чеченца, если только они до этого не были знакомы, но именно со стереотипом “узнаваемости” я встретился сразу же, когда завел речь о том, что такое образ чеченца и каково их восприятие “других”.

Я спросил Хеду: “Что же отличает чеченцев, ведь ими не рождаются?”

Х.А.: “Это еще нужно доказать, что не рождаются. Я всегда безошибочно узнаю чеченца, какого бы цвета у него ни были глаза и волосы. Вот тысяча человек идет, и я из них узнаю одного единственного чеченца. Он или она еще за пять метров, а я уже чувствую. Почему это? Среди кавказских людей я даргинку еще не сразу отличу, но аварку, кабардинку, осетинку уже смогу. Они какие-то немножечко другие. Ингушки тоже отличаются. Они прежде всего более художавы. У меня первые в жизни представления о том, что есть другие люди, кроме чеченцев, были представления о кабардинцах. Я о них прочитала в какой-то книге что-то очень красивое, а потом даже расстроилась, что в жизни они были не такие, как я воображала”.

В.Т.: “А какие представления о красоте среди чеченцев?”

Х.А.: “Для женщин, как говорится, бровастость, обязательно длинные волосы. Мужчины должны быть высокого роста*”.

В.Т.: А когда вы стали обращать внимание на мужчин как на

* Комментарий чеченского мужчины-рецензента: «Между прочим, понятия о красоте очень сильно различаются среди чеченцев. Если честно, то длина волос уже давно (сто лет, наверное!) не является определяющим качеством для девушек. Я бы назвал такие, наиболее часто употребляемые (с восхищением) качества и образ в целом: стройность, подчеркнутые черты лица (некрашенные), умение вести себя в разных ситуациях, заметная и ненапуская застенчивость, улыбочность лица независимо от настроения. Многие качества определяются “скрытым” наблюдением. Это когда невинные вопросы задаются как самой женщине, так и ее знакомым, соседям и т.д. Подчеркну, что эти черты чаще всего наиболее обожаемых женщин, но есть много исключений. Понятие мужская красота скорее связано с содержанием английского слова handsome. Чаще всего определяющими словами являются: ум, скромность, дерзость, “опыт и знание жизни”, обаятельность и значимость в окружающем “его” и “ее” обществе. Без последнего сомнительно признание внешних данных мужчины, каковы бы они ни были. Важно отметить, что чаще всего из “мыльных” телегероев, а сериалы смотрят в Чечне с потрясающей обязательностью, в основном симпатии получают многие “антигерои”, влюбленные романтики же оцениваются часто как “ничтожества”! Рост, цвет глаз и прочие внешние данные чаще всего относят к категории “было бы неплохо”, но это несущественно» (Рустам Калиев).

возможного партнера, то здесь у Вас были какие-то предпочтения, скажем, Вы смотрели не только на чеченцев, но и на русских ребят?

Х.А.: Нет, у меня никогда не было в голове мысли о русском муже. Не знаю почему, но это так.

Аналогичный ответ дала и Малика Сальгириева:

“Те, кто из сильных родов, за русских выходят очень редко. Это только из бедных или одиноких родов или метисы (чеченцы с ингушами или с дагестанцами), те могут выходить и даже уезжали. Я же никогда в молодости даже и в голове не имела, чтобы смотреть на русских мужчин как на предмет возможного брака и совместной жизни”.

О том, что чеченки не выходят за “других”, заверяли меня многие эксперты. Рустам Калиев назвал недавний пример, когда семья отказалась от девушки, вышедшей замуж за иорданца. Все эти утверждения, на наш взгляд, требуют критического анализа и объяснения. Здесь речь идет о сюжетах, один из которых можно отнести к разряду трудно проверяемых субъективных представлений (представления о красоте и чеченской узнаваемости), второй (представления о брачных партнерах и брачные установки) – к суждениям, которые все-таки легко проверить данными конкретного брачного поведения, хотя последние могут расходиться с миром представлений.

В первом случае мною было выявлено, что в представлениях о красоте преобладает многообразие преимущественно в рамках “европейских” норм. Нет устоявшейся оценки того, что чеченцы считают красивым” хотя моя собственная супруга пыталась меня уверить, что чеченцы любят носить дорогую кожу. Перед зимним сезоном 2000 г. Хеда купила себе турецкую дубленку высокого качества, но такую вещь с удовольствием надели бы на себя многие женщины. Никто из информантов не привел убедительных данных и об особых предпочтениях среди сельских чеченцев, а тем более на уровне внутрорегиональных различий. Женские и мужские фотографии из семейных альбомов свидетельствуют, что и в прошлые десятилетия безоговорочно преобладала одежда в соответствии с существовавшей тогда модой (см. фото на с.). Даже столетние старики – родители Хажбикара Бокова, умершие два десятилетия назад, на старой непарадной фотографии одеты в “обычные одежды”, не говоря уже о современных жителях, как городских, так и сельских. Правда, С.А.Арутюнов обратил мое внимание, что для фотографирования часто люди могли одевать самые нарядные одежды и даже одалживать их у других: *“В юности, помню, только у одного нашего товарища был настоящий пиджак, в котором мы все и фотографировались”.*

В последние годы многие мужчины, претендующие на особый статус (старейшины, начальники или “национального” лидера), начали носить гораздо чаще высокие каракулевые шапки-папахи. Причем они не снимают их в помещении, ибо считается неприличным оголять голову. Покойный Юсуп Сосламбеков просидел в моем



Столетние родители Х.Х Бокова

кабинете за разговором более двух часов, но свою папаху не только не снял, но даже ни разу ее не поправил: так ладно и привычно она сидела на его голове. Неработающие мужчины в возрасте иногда и раньше носили папахи, а сейчас это делают почти всегда.

Но что означает ношение чеченцами папахи помимо того, что это действительно красивый и дорогой головной убор, украшающий и повышающий статус мужчины? Во-первых, папаха – это во многом общий для населения Северного Кавказа головной убор, включая и местное русское население. Во-вторых, в последние годы папаха обрела политическую нагрузку как свидетельство приверженности “традиционализму”, а не “интернационализму”. Не случайно самое большое количество папах наблюдалось при съездах так называемой Конфедерации народов Кавказа, последним председателем которой был Юсуп Сосламбеков*. В-третьих, ношение папах превратилось в сигнал внешнему миру, ибо исключительно по этой детали одежды не бывавшие на Кавказе и не видевшие в глаза “живых чеченцев” миллионы внешних наблюдателей узнавали объекты своих гуманитарных и политических симпатий: “Это – чеченцы”, – сказал один из иностранцев с Запада, увидев на моем рабочем столе фотографии мужчин в папахах. Все это убеждает нас в том, что даже такое, казалось бы, “заданное традицией” явление, как представление о красоте, может

* “Какое это было замечательное зрелище, когда столько мужчин в таких красивых меховых шапках собрались и заседали в зале”, – сказала мне одна западная коллега, побывавшая на съезде КНК. “О чем они вели речь?” – спросил я. “Сейчас мне трудно вспомнить”, – ответила коллега.

стать фактором, используемым для демонстрации или конструирования политически значимой культурной отличительности.

Что касается второго, заинтересовавшего меня типа субъективных представлений относительно брачных партнеров, то в этом случае данные статистики не подтверждают какую-либо особую степень эндогамности чеченцев, в том числе и для женщин. В 1960–1980 гг. брачные связи чеченцев определялось не “культурой”, а такими факторами, как характер расселения, возрастная структура группы, социальная и пространственная мобильность¹⁴. Знаток кавказской этнографии С.А. Арутюнов считает, что число этнически смешанных семей среди чеченцев довольно велико и, как он заметил в одном из своих выступлений, «почти в каждой родословной чеченца можно найти дедушку, прадедушку или прабабушку, которые были русскими, украинцами, другими словами, “из казаков”».

Чеченский образ и “чеченская реальность”, как это и должно быть, представляют собою разные вещи. Кроме того, существует не только разрыв между внешним и внутренним образами, но и огромное многообразие внутричеченских представлений. Наконец, за годы войны произошла явная эволюция не только в представлениях о красоте и в брачном поведении, но и во многом другом. Именно эта “трудная” чеченскость, а не реконструкция некоей традиционной нормы “чеченцем быть трудно”, представляющей собой чаще всего стереотип бытового академизма, интересует меня в первую очередь.

ЭЛИТНЫЕ ВЕРСИИ

Существуют академические описания чеченцев в собственно чеченской этнографии, которая была и остается частью российского обществоведения. В энциклопедии “Народы России” (1994) статья о чеченцах была написана авторами из Грозного и представляет собой более или менее общепризнанную академическую версию до момента начала “чеченской революции”. В этой энциклопедической справке имеется весь набор примордиалистской трактовки любой из этнических групп на территории бывшего СССР: расовый тип, происхождение (этногенез), этническая история, материальная и духовная культура, “подразделения” этноса и прочее. Никаких сомнений в умеренной древности, культурной уникальности и в неподвижности границ “чеченскости” как культурного комплекса данные тексты, изданные, кстати, под моей редакцией, не позволяли.

Уже с конца 1980-х годов местные обществоведы и пропагандисты стали вносить серьезные коррективы в исторический миф и в современную чеченскую идентичность. Свой внутренний образ конструируют в обновленном варианте и простые чеченцы. Причем публичная элитная версия сначала мало отличалась от общепризнанной, но она быстро становится подверженной политике и эмоциям. В конструировании новой чеченскости конкурируют две противополож-

ные установки. Одна – включить в число чеченцев как можно больше групп, чтобы расширить культурную мощь и географическое пространство этого народа. Другая рожденная современным соперничеством за приватизируемые ресурсы и властный контроль, заключается в активизации и изобретении новых групповых коалиций обычно на основе регионально-клановых (родственных) связей.

«С приходом к власти Дудаева в Чечне впервые заговорили о мелхистинцах, орстхоевцах или аккинцах как о самостоятельных народностях. При этом отдельные мелхистинцы даже умудрились записать себе в паспорта национальность “мелхистинец”. Если в прошлом эти группы и выделялись в качестве тейпа (или тухума), то на современную национальность они никак не тянули. Дело в том, что период 1988–1994 гг. – время особого усиления позиций представителей именно этих групп среди чеченцев. Началось с накопления капиталов за счет контроля за Грозненским нефтеперерабатывающим заводом (ГНПЗ). Позже появился и “их представитель” Джохар Дудаев, что поставило под полный контроль этой группировки всю нефтяную промышленность республики. Отсюда и желание суверенизации прежде всего для собственного тейпа!» (Рустам Калиев).*

* Джабраил Гакаев поставил под сомнение это утверждение Рустама Калиева: «Мелхистинцы еще до Дудаева претендовали на свою особость, а сам Джохар мелхистинцем не был, это его сестра замужем за мелхистинцем. Их позиции не усилились и они ничего особенного не получили. Это усилились ялхороевцы, такие, как Адам Албаков. В свою очередь, Ян Чеснов относит мялхистинцев к локальной группе орстхойцев, которые, по его мнению, составляли компонент в этногенезе чеченцев. Именно мялхистинцы считались в Чечне наиболее преданными сторонниками Джохара Дудаева, и “в правительственных органах Чеченской Республики при Дудаеве оказалось много мялхистинцев, что вызвало разговоры об их засилии в республике”. “Работа среди мялхистинцев убедила меня в том, что они, действительно, потомки наиболее сильного в военном отношении подразделения вайнахского этноса орстхойцев (карабулаков)... Культ воинственности, наряду с другими горскими ценностями вроде почитания женщины, гостеприимства, по мнению самих мялхистинцев отличает их от других чеченцев. Некоторые из них считают себя людьми княжеского достоинства. Другие чеченцы побаиваются решительного нрава мялхистинцев» (Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общество и государство / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 99). Относя мялхистинцев к орстхойцам, как и представителей тейпа Ялхорой (из него происходит фамилия Дудаева), тем не менее Я.В. Чеснов не считает эту группу тейпом и не дает ее тейповую принадлежность.

Кстати, не приводится и никаких доказательств воинственности. Я проверил это утверждение через Р.М.Мунчаева, который долгое время работал и подолгу жил среди мялхистинцев, ведя археологические раскопки в окрестностях села Бамут, где мялхистинцы составляют основное население. Никакой “воинственности” или “княжескости” среди жителей Бамута он не мог отметить. Другое дело, что в районе этого села в 1970-е годы была построена одна из ракетных площадок системы ПВО СССР. Именно эти бетонные укрепления стали мощной боевой позицией для дудаевских боевиков при сопротивлении федеральной армии в первую чеченскую войну. Может быть миф (или реальность) об особой воинственности мялхистинцев не предшествовали боям вокруг Бамута, а, наоборот, возник или окреп из обычных групповых версий героизма уже во время и после событий у села Бамут? А может быть, эта версия укреплялась по мере возведения мощных бетонных сооружений военного назначения, которые волновали кровь местных молодых мужчин? Все это есть смысл проверить, ибо традиционная историко-генетическая версия Я.В. Чеснова и других авторов достоверными данными не обеспечена.

Мы здесь не обсуждаем вопрос о мотивах *суверенизации*, но то, что *неотейпизм* стал не столько “возрождением” или повышением значимости традиционного социального института, сколько прежде всего современной мобилизацией и современным конструированием новых различий, нам представляется более вероятным. Как подтвердила Хеда, “вдруг все начали спрашивать друг друга, а какого ты тейпа? А я всегда отвечала – чеченского”.

Главными конструкторами выступила чеченская элита при участии активистов среднего уровня, что совсем не означает наличие какого-либо четкого проекта “возрождения тейпов”. Как и не было проекта “национального возрождения”, о чем с конца 1980-х годов очень активно заявляла чеченская гуманитарная элита и политические активисты. В этом плане интересны представления о чеченцах Джохара Дудаева, который, не живя в Чечне и плохо зная свой народ, оказался вдруг вершителем его судеб. В 1991 г., когда Чечено-Ингушетия была еще единой, но уже провозгласили чеченский суверенитет, его позиция была следующей:

“Вайнахский народ единый и неделимый, в составе которого свое достойное место занимает каждый (так в тексте. – *В.Т.*) из пяти народностей – чеченцы, ингуши, орстхоевцы, мелхинцы, аккинцы. Сегодня история преподнесла нам единственный шанс закрепить этот факт, создав единую Вайнахскую государственность”¹⁵.

В обращении к ингушскому народу на сходе старейшин Ингушетии в декабре 1991 г., откуда и взята цитата, Дудаев высказывал не столько свое понимание, что есть народ, сколько воинственную утопию “большой Чечни” (аккинцы живут в основном в Дагестане, мелхинцы * частично в Грузии). Однако в 1992 г. он написал (скорее подписал своим именем очерк “Раб, смирившийся со своим рабством, заслуживает двойного рабства”):

“Политика “разделяй и властвуй” сыграла, конечно, свою роль. Из чеченских племен образовались два этноса: чеченцы и ингуши. Все чеченские племена объединяются под названием “вайнах”, буквально наш народ, и мы, чеченцы и ингуши (в Чечено-Ингушетии), аккинцы или ауховцы (в Дагестане), кисты или кистинцы (в Грузии), никогда себя не разделяли. Не разделяли при геноциде нас и наши враги: вместе нас выселяли, вместе мы воевали за свою независимость”¹⁶.

Дудаев не скупился на героико-романтические характеристики чеченцев, которые многократно повторялись другими чеченскими лидерами и активистами. Например:

* Джохар, видимо, перепутал с проживающими в Грузии, в основном в Ахметовском районе на границе с Чечней, кистинцами. Но среди последних есть не только чеченцы из числа относящих себя к мелхистинцам, но и к выходцам из разных мест и ущелий.

“Трудно сыскать, наверно, на этой земле более терпеливого народа. При всей нашей иногда агрессивности и вспыльчивости...”¹⁷.

“Потому что ни один чеченец не возьмет на себя это убийство (речь идет об убийстве в 1991 г. проректора Грозненского университета Кан-Калика. – *В.Т.*) и никогда не пойдет на него без очень-очень серьезных причин. Потому что пойти на такое – значит обречь весь свой род на бесперспективность и смерть”¹⁸.

“Мы – чеченцы, и это нас ко многому обязывает. По законам гор и обычаям предков мы обязаны помочь людям, нуждающимся в крове и защите. Здесь даже закон кровной мести отступал на задний план” (это о готовности предоставить политическое убежище Эриху Хоннекеру и Звиаду Гамса-хурдиа. – *В.Т.*)¹⁹.

Чеченские лидеры и пропагандисты всячески развивали идеи особой древности чеченского народа и сами, по крайней мере президент Дудаев, глубоко в это верили. Таймаз Абубакаров рассказывает как во время визита в Ливан летом 1993 г. Дудаев посетил в г. Балъбек одну из достопримечательностей – древнее каменное сооружение, у которого гигантские каменные колонны напоминали кладку средневековых башен-бойниц в горах Чечни и Ингушетии.

“На этом основании он стал утверждать, что строителями тех и других могло быть одно и то же племя, а именно: вайнахское! Мне кажется, что верность этим убеждениям он сохранил до конца”²⁰.

Кто-то подсказал и Дудаев озвучил новую версию о происхождении ислама и о его носителях.

“Согласно Дудаеву такая великая религия, как ислам, могла возникнуть не в безжизненной аравийской пустыне в обществе кочевников, а в райском уголке земли, среди людей с высочайшей культурой общения и взаимного уважения. Таким уголком земли, своего рода Эдемским садом, Дудаев видел Чечню, а его обитателей (вайнахов) предположительно назвал основоположниками исламской веры. Услышав такое, муфтий Чечни М.-Х.Алсабеков пришел в явное замешательство, особенно когда получил рекомендацию взяться за разработку нового взгляда на этногеографический источник ислама. Спорить муфтий не стал, но и согласия не дал”²¹.

В другой раз, находясь с визитом во Франции, Дудаев удивил французов неожиданной версией о Ноевом ковчеге, утверждая, что ковчег находился на вершине чеченских гор, а восемь его обитателей, включая самого Ноя, были предками современных вайнахов. Тем самым своим спасением после всемирного потопа человечество обязано именно чеченцам.

“Не знаю, верил ли он в собственные версии о месте и роли вайнахов в истории, но говорил он об этом с уверенностью человека, знающего нечто большее, чем другие. И так во всем, что касается Чечни и чеченцев!”²².

Абубакаров как экономист и финансист при Дудаеве не всегда мог проследить как попадали к его боссу все эти версии, но их источники можно установить достаточно достоверно. Это

были многочисленные писания преимущественно местных авторов из числа историков, языковедов, этнографов, археологов, философов, которые буквально ринулись переписывать историю в мистико-фантастическую версию. Позднее Вахит Акаев рассказал мне, как его приглашал Дудаев и требовал прекратить заниматься старыми разработками истории, от которых “все равно нет никакой пользы”. В ход пошли типичные националистические мифы о древности и величии, которые обслуживают боевые позиции по всему миру, от Шри Ланки и Кашмира до Ольстера и Страны Басков.

Отголоски этой мифологии мы видим в солидных книгах, которые выходят ныне большими тиражами и в богатом оформлении. Их сопровождают предисловия российских спонсоров из числа чеченских нуворишей. Приведу выдержку из предисловия к подобного рода труду:

“Один из самых драматических периодов своей истории переживает ныне чеченский народ. Нам сейчас очень трудно. Сотни тысяч убитых, разрушенные города и села, подорванная основательно экономика. Искалечены души всех, кто пережил этот ад. В умах чеченцев созрели десятки вопросов, на которые чаще всего находят противоположные, взаимоисключающие ответы. Наше вайнахское единство и согласие поколеблено, оно переживает тяжелые испытания.

Что нас спасет? Откуда следует ждать истину?...

В контексте всего сказанного, а также в целях правильного (!) формирования нашего национального самосознания представляется весьма полезным и своевременным издание книги Сайд-Хамзата Нунуева “Нахи и священная история”. В своей новой работе Нунуев раскрывает многолетние исследования далекого прошлого вайнахов, поистине сенсационные находки, дакзывающие, что наши прапредки хурриты не только стояли в стороне от зарождения великой религии монотеизма (единобожия), а являются тем самым потерянном (или умышленно скрываемым) звеном, стоящим между шумерами и вавилонянами в процессе рождения подлинного Небесного писания – Ветхого Завета”²³.

Какого рода текст содержит эта книга можно себе представить, но главное даже не в этом. Главное – состоит в крайне слабой, абсолютно мифологичной профессиональной подготовке многих представителей современной чеченской гуманитарной интеллигенции. Многие из них, если не подавляющее большинство, верили и продолжают верить уже “после сотен тысяч убитых, разрушенных городов и сел”, что их соплеменников волнуют именно те самые вопросы о хурритах и шумерах как предках чеченцев и что, найдя на них ответы, они найдут и свое спасение. Уверен, что ни в одном чеченском доме, в том числе и в доме Нунуева, не говоря уже о палатках беженцев и обитаемых подвалах, эти вопросы “потерянного (или умышленно скрываемого) звена” не обсуждаются.

КОМПЛЕКС НАРОДА-ИЗГОЯ

Важнейший компонент современной чеченской идентичности составляет комплекс народа-изгоя, или синдром нации, пережившей геноцид. На этот счет имеется достаточно глубокое размышление Георгия Дерлугьяна:

“Синдром геноцида хорошо известен на примере израильтян и армян. Как правило, поколение, непосредственно перенесшее чудовищную травму, переживает ее внутренне и остается безмолвным. Лишь спустя некоторое время память о геноциде превращается в центральный комплекс национального сознания, и тогда будто прорывается плотина. Люди испытывают жгучую потребность сделать свои мысли и переживания публичными, создать символические и материальные механизмы защиты, и в этот момент никакие средства и планы не могут показаться чрезмерными для обеспечения выживания и безопасности национального коллектива. Должно пройти время и произойти какие-то события, приносящие символический катарсис, ритуально очищающие массовое сознание от преследующих его кошмаров, прежде чем произойдет нормализация национальной культуры. И в случае Армении и Израиля процесс переживания памяти о геноциде, увы, включил в себя фазу войны с имеющими лишь опосредованное отношение к геноциду соседями. Чечня сегодня проходит тот же путь, и это во многом вина властей брежневского периода, подавляющих попытки публичного переживания травм депортации”²⁴.

Эта красивая концепция из сферы социальной психологии довольно часто цитируется в контексте более широкой проблемы коллективной травмы, но у нее есть ряд уязвимых моментов. Трудно представить себе, что такое “кошмары, преследующие массовое сознание”, если в жизни каждого отдельного армянина или чеченца данные кошмары не фиксируются, разве что ими спекулируют отдельных пропагандисты-интеллектуалы, как, например, армянские литераторы Зорий Балаян или Сильвия Капутикян, для которых геноцид армян стал одной из основных тем творчества.

Поэтому здесь не менее важен механизм сакрализации травмы и трансляция историко-художественного образа геноцида как на массовый уровень, так и от одного поколения к другому. Трудно согласиться и с тем, что война в Карабахе и вокруг него произвела очищение массового сознания и тем более некую мифическую “нормализацию национальной культуры”. “Катарсис” – это столь же замысловатое для научного анализа понятие, как и справедливо критикуемое Дерлугьяном понятие чеченской “пассионарности”. И все же отрицать огромное мобилизующее влияние травмы депортации чеченцев на нынешнее поколение людей было бы неверно. Но все это скорее из арсенала политических и идеологических усилий (безусловно успешных), чем из арсенала некоего мифического “массового сознания”, где якобы пережитая травма всегда есть и обязательно должна вылиться в некий катарсис, спустя почти сто лет – среди ар-

мян, спустя 50 лет – среди чеченцев и (интересно, через сколько лет?) лет среди израильтян.

О чем свидетельствуют наши материалы?

Однажды в моем рабочем кабинете я беседовал с Юсупом Сосламбековым. Это был 1993 год, когда радикальный чеченский национализм уже полностью контролировал ситуацию, а в Москве было смятение по поводу происходящего в Чечне. Юсуп так объяснил ситуацию:

“У нас подросло новое поколение, которому нужна власть, а через нее престиж и деньги. Чеченцы не любят ходить в бедных и были готовы на все, чтобы забрать власть у номенклатуры. Отсюда и революция. А собирать разные документы мы быстро научились. Кое-кто помогал из-за границы. Прибалты всегда были готовы помочь”.

Период после 1991 г. сопровождался национально-освободительной риторикой от имени самоопределяющегося вайнахского народа, где ритуальное место занимала общедемократическая идеология перестройки и посткоммунистической суверенизации автономных образований. На этом этапе формировались постулаты радикального чеченского национализма, основанные прежде всего на отрицании существовавшего режима и на политической доктрине светского чеченского государства. Но уже в тексте Декларации о государственном суверенитете, принятой в ноябре 1990 г. при коммунистическом правлении Доку Завгаева, и в Декларации чеченского народа, принятой в июле 1991 г. проявились основные моменты новой чеченской идентичности. Она была основана на образе *народа-изгоя и народа-борца*.

На первом месте стояла “историческая несправедливость” в отношении чеченцев, которую пришлось время исправить. Причем современные чеченцы представлялись как дискриминируемые, переживающие “этноцид”. Члены делегации неправительственной организации Международная тревога, посетившие чеченское правительство в 1992 г., так изложили свои впечатления:

«Принявший нас высший должностной чин исполнительной власти был Арсланбек Акбулатов, глава Президентской администрации, который предоставил нам тщательно подготовленное изложение чеченской истории, заканчивающееся изложением каким образом чеченцы продолжали до 1987 года испытывать дискриминацию в сфере найма на работу, образовании и распоряжении ресурсами. “С нами обращались как с недочеловеками при нацистах!” – заявил он. У него были под рукой и нам позднее предоставлены копии большого количества статистических и других данных относительно демографической, финансовой и экономической ситуации среди чеченцев»²⁵.

Тема депортации и невероятных страданий стала главной в чеченской публицистике, литературных упражнениях местных писателей, а позднее и в молодежной попсе военного времени, о чем речь

пойдет ниже. Приведем текст только одной из песен, где война сравнивается с очередной депортацией (кстати, именно такое сравнение приводили чаще всего чеченцы в первые дни военной кампании федеральной армии в Чечне):

Земля отцов, с чего скажи начать.
Опять вскрываю рану,
Душа от боли устает кричать,
Но не могу молчать я и не стану.
Мой отчий край, уже в который раз,
(неразб.)... пути по огненному кругу,
Ты был подавлен, как и весь Кавказ,
Судьбою и оболган, и обруган.
44-й предпобедный год, и ждет
Фашистов суровая расплата,
А здесь в горах, детей и стариков
Поставили под дула автоматов,
Так родина, коварства не тая,
Их удивила. Жизнь и смерть в опале,
А братья их, отцы и сыновья
Сражались за нее и умирали.
13 долгих лет мы шли во тьму
По выжженным и вымершим дорогам
И выжили наперекор всему,
И обрели себя по воле бога.
Нас убивали день за днем в веках,
Огнем и сталью, голодом и пулей,
Надежду в детях, мудрость в стариках.
А мы из ада этого вернулись,
Вернулись, потому что проросли
Сквозь глыбы бед, как травы через камень.
И сохранили для родной земли
Любовь, мятежный дух и сердца пламень.
И пусть тяжел...(неразб.) свинец,
Над прахом тех, кто умер на чужбине,
Для них, из наших пламенных сердец
Зажжем костер бессмертия отныне,
И этой горькой памяти верны
Крепить отчизну будем год от года,
И помнить это мы всегда должны,
Уж слишком стоит дорого свобода.

Этот текст скорее всего был сочинен уже после августа 1996 г., когда чеченские боевики вошли в Грозный и когда появляется тема “крепить отчизну”, т.е. создавать независимое государство. Но и в более ранних литературных версиях насильственное изгнание чеченцев и пребывание в депортации служило отправным моментом современной чеченской идентичности. Не было более мощного стимула для чеченской солидарности и чувства общности, чем сравнительно недавняя коллективная травма и со-

хранявшаяся дискриминация, которая должна быть устранена через установление контроля чеченцев за “своей” республикой. Чеченскими активистами много говорилось о необходимости единства всех чеченцев, в том числе и о преодолении “разделенности нации”, когда почти четверть всех чеченцев живет за пределами Чечни, что было даже записано в Декларации о суверенитете чеченского народа. В этой связи интересно отметить, что не менее 50 тыс. чеченцев остались жить в местах депортации – Казахстане, Киргизии или переехали в другие районы, но не в Чечню, после того, как им было разрешено вернуться назад.

Таким образом, новая (перестроечная, но довоенная) чеченская идентичность почти не связывалась с религией. Ссылки на ислам носили ритуальный характер и нигде чеченцы не объявлялись исламским народом. Еще меньше было ссылок на культуру и язык. В целом это была политическая идентификация, связанная с трагическим прошлым, “неправильным” настоящим и со “своим” государством, которое все это исправит. Здесь мы полностью согласны с Георгием Дерлугьяном, что привлекать исламскую религию к объяснению “необыкновенно высокого и порою болезненного уровня национального самосознания среди чеченцев в последние годы совершенно излишне”²⁶. Тем более религиозный фактор не имеет отношения к так называемой национальной революции.

КАКАФОНΙΑ ЧЕЧЕНСКОЙ ПОПСЫ

Начало вооруженного сопротивления принесло новые моменты в формирование чеченского интраобраза. Участие в войне молодых бойцов и романтика сопротивления создали условия для появления военной поп-культуры (попсы), отразившейся в песнях чеченских бардов, которые были обязательным атрибутом вооруженных групп. Японские портативные магнитофоны и набор магнитофонных записей были почти в каждом доме и в каждой вооруженной группе. По Чечне гастролировали и сами певцы-артисты. Особую известность обрели Хусейн Бетелгириев и Имам Алимсултанов, погибший на Украине уже после войны. Алимсултанов обычно писал песни на слова других чеченских поэтов, еще во времена своего членства в Союзе писателей России сочинявших патриотические тексты, но которые обрели политический смысл только в форме военной бардовой песни. Эти песни зазвучали по всей Чечне и в каждом отряде. Как выразился Рустам Калиев, “эта какофония звучала везде и во всем”.

Именно в поэтической форме появляется однозначно позитивный образ чеченца, построенный на самовосхвалении и на жесткой оппозиции врагу в лице русской империи. В основе творчества Има-



Музыкальный ансамбль боевиков (Фото О. Климова)

ма Алимсултанова и других бардов лежала мифопоэтика, в которой чеченцы стали главными и единственными борцами за свободу Кавказа со времен имама Шамиля. Другим доминирующим мотивом стал образ Чечни как единственной матери-родины, отчизны, родной земли, чего до 1994 г. не наблюдалось. Тот же Муса Гешаев писал свои стихи о Родине, имея в виду Россию. Наконец, появилась тема исключительной солидарности и братства чеченцев.

Важным представляется переосмысление чеченскими бардами образа Кавказа. До этого Кавказ был общероссийским мифопоэтическим достоянием и у него бесспорно было общероссийское авторство. “Кавказ” и кавказкость конструировались любовно, многожанрово и массовыми усилиями как интеллектуалов, так и рядовых отдыхающих туристов, особенно любителей горных маршрутов. Джабраил вспоминал, что в юности обожал стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе, а лермонтовскую восточную повесть “Исмаил-Бей” считал гениальным произведением, но все это им не понималось в узкочеченском смысле, а как общее культурное достояние.

В ходе чеченского и других вооруженных конфликтов в регионе образ Кавказ обретает другой смысл. Если Толстой создавал литературный миф о Хаджи Мурате, чтобы обличать царский деспотизм в защиту “диких горцев” – отечественного варианта *noble savage*, то для нынешних мифотворцев Кавказ это прежде всего вершина цивилизации и единый мир (“общий дом”) без России. Чеченцы – прежде всего

кавказцы, горцы, сыны Кавказа. Вот одна из песен Имама Алимсултано-
нова:

Сегодня я воспеть хочу Кавказ, мою печаль,
Чтоб донести потомкам жестокость тех царей,
Кто шел с войной, штыком и горцев усмирлял.
В изгнании...(неразб.) чужбина тех суровых дней,
.....
В устах твоих Кавказ, тебе клянемся мы,
В объятиях вселенной красоты,
И в клятве мы тебе всегда верны,
Клянутся вновь тебе твои сыны.
Будь проклят тот, кто травит нас в веках.
Сегодня здесь, а завтра там война,
(неразб.) детей и матерей...(неразб.) земля,
Кавказ в огне безвинных жертв,
А чья вина: абхаз, грузин, армян, азербайджан?
Грешно делить, не вправе ль быть Кавказастан!
.....
Свобода нам нужна не для границ,
Скорее б нам очистить дух и облик лиц,
Достоинство вернуть и слово "честь",
Сказать, во вселенной есть мужчины, есть.

Почти во всех песенных вариантах Кавказ это место, где живут чеченцы (или вайнахи), самый древний и самый доблестный народ с массой достоинств. У этого народа есть "свой край", который есть самое прекрасное место на всем Кавказе. У того же барда Имама Алимсултано-
нова:

Кавказ, пусть горд, прекрасен ты и солнцем, и зарею,
Но край вайнахов мне при встрече лишь туманит взор,
Здесь есть народ, которому веками
Не смогли наложить свою печать бесчестья и позора.
Если чужеземец ты на Кавказские хребты
Пожелаешь вдруг взглянуть
К нам сюда направить путь,
Весь изборозди Кавказ,
Только знай, один лишь раз
Вскрикнешь ты, вот это рай,
Видя наш вайнахов край...

Кавказская тема – прежде всего тема истории войн против Рос-
сии, которая всегда пыталась покорить этот край и его жителей. Но-
выми героями новых песен стали исторические имена, по поводу ко-
торых предшествовавшая историография занимала сдержанную по-
зицию, а в отношении самого громкого имени имама Шамиля шли
дозированные и строго контролируемые советскими идеологами
споры. Но уже с 1991 г., когда в Грозном прошла научная конферен-
ция о шейхе Мансуре²⁷, началось время безграничной апологетики и
мифотворчества. Радикальная молодежь и авторы военной попсы

сделали Мансура и Шамиля главными героями героического прошлого Кавказа.

Ниже приводятся два сочинения молодых авторов бардовских песен.

Хусейн Бетелгириев

Уходит день, и в комнате потемки,
Пока еще в ней не горит свеча,
И за столом великий князь Потемкин
Сидит о чем-то в гневе там ворча
Проклятый шейх Мансур, все ты спутал,
Как в горле ком засел в душе моей,
Зловещей тенью он меня окутал
И изумляет дерзостью своей
Страх клич Мансура вселял
Умеет этот шейх Мансур неожиданно
Появляться там, где и не ждут,
И так теперь искусен как ни странно,
Но в Петербурге это ж не поймут.
Как князю этот шейх Мансур мешает,
Он дни и ночи в думах про него,
И много золота князь обещает,
Коль сможет кто принести главу его.
И племя князь Потемкин собирает
Из прославленных на Русь полков,
Отряды их, к ним пушки добавляет
И наставляет бравых молодцов...
И был аул Алды жжен нещадно,
И женщин, и детей, и стариков.
Рубили до едины нас беспощадно,
Так гласят предания веков.
И превратив аул в одни пожары,
К соседним селам двинулись войска,
Но тут им прямо в тыл Мансур ударил,
И слышалось Аллах издалека.
Столь яростной была его атака,
Что враг где небо и земля не знал,
И так теснил солдат, пока ватагой
И прямо в реку Сунжу их загнал,
И здесь, жалея пух для отщепенцев,
На них свалишь ты целый град камней,
И потопили в той реке чеченцы,
Гласит предание уже в Чечне.

Имам Алимсултанов:

Когда спустилась туча над Кавказом,
Услышали клич звериный: О, Аллах!
И поднял флаг он первым за свободу,
Бесстрашный шейх Мансур в горах.
Ермолов шел, и все с пути сметая,
Он не щадил ни женщин, ни детей,

Дотла сжигая мирные селенья,
И на Кавказе был он, как злодей.
Клинки звенели и свистели пули,
И в горы слал орлов двуглавых царь,
Но горы головы пред ним не гнули,
Из уст сливался клич: Аллах Акбар!
И на штыки бросались смело горцы,
Жестокой схваткой был неравный бой.
Всплывают вновь истории страницы,
Чечня и Дагестан одной судьбою
Бок о бок четверть века...(неразб.)
Стояли насмерть вместе мы стеною,
Достойными сынами из...(неразб.)
В изгнании путь для горца был суровым –
Чужбины рок, насилие, обман.
Нас ...(неразб.) народом непокорным,
Разбили нас по разным берегам.
И здесь и там, что пулями пробиты
В горах сверкают пламенным огнем.
Пусть кому-то быть из нас убитым,
Но никому из нас не быть рабом.

Во многих чеченских песнях и в политических декларациях Чечня и Дагестан рассматриваются как единое целое. Идеолог Мовлади Удугов и воин Шамиль Басаев неоднократно выстраивали историко-политические спекуляции по поводу слова Дагестан. Дело в том, что в чеченском и ингушском языках слово дегџастан переводится примерно как *отчизна*. Отсюда настойчивая спекуляция, что чеченцы и дагестанцы – это одно и то же, у них общая родина. “Чечня — неотъемлемая часть Дагестана”, – было заявлено Удуговым. Естественно, новая апологетическая версия истории дагестанского имама Шамиля – это часть история Чечни и чеченцев.

Позднее, по мере военных успехов чеченцев замечается интересная метаморфоза с образом Шамиля, биография которого закончилась сдачей в плен русскому царю и проживанием под царским покровительством в русском городе Калуге. В Чечне стало встречаться словообразование “шпион Шамиль” и все чаще вспоминаться, что Шамиль воевал против простых чеченцев, разоряя их села. Флаг Шамиля уже после войны продолжает нести только Шамиль Басаев, но это, по мнению самих чеченцев, связано с тем, что Басаев происходит из дагестанцев, хотя родился на территории Чечни.

Еще одна примечательная черта военного фольклора – это постепенная актуализация темы ислама и Аллаха.

Я увидел, как рушились горы,
Я услышал, как рыдал старик,
Заглушив пустые разговоры
Совести раздался дикий крик.
Тот тиран жестокий и холодный

Вышибить его слезу не смог,
В сердце том, железном он сегодня
Растопил слезящийся комок.
... (неразб.) седой старик не плачет,
К мудрости взывая тех и ... (неразб.),
Помните Аллаха, а иначе
Гнев его обрушится на всех.
Пусть исчезнут ложь, обман, притворство,
Краснобайство, раболепство, лесть,
Пусть всегда в душе горят у горца
Имя бога, родины и честь.
Дай нам вырваться из волчьей пасти,
Остуди холодною струей
Тех, кто вверх карабкается к власти,
Тех, кто уже катится с нее.
Это плачет не старик чеченец,
Сердце начинает понимать,
Плачет не родившийся младенец,
Сына не дождавшаяся мать.
А в гусарском небе тучи тают,
В звездопаде гаснут сотни звезд,
Кто не слышал как земля рыдает,
Кто не видел стариковских слез.
Обо всем Аллах предупреждает
В темноте предгрозовой ночи,
Для глухого молния сверкает,
Для слепого в небе гром гремит.

И наши руки не ослабли,

.....

И наши кованые сабли
Еще по-прежнему остры,
Над нами только власти мало,
А выше лишь один Аллах.
Он всегда, мы знаем, с нами,
Нам потому не ведом страх,
Он знает, что на самом деле
При встрече с нами...(неразб.)
Что мы бояться не умели,
Что мы умели умирать.
Мы в волны падали с врагами,
И был подобен горячке ад,
Была нам родина Мансура,
Горели люди, лес пылал.
Мы здесь, доверчивые, жили
У наших тихих очагов,
Когда пришло несметной силы
Большое скопище врагов.
И защищая реки, скалы,
Джигиты наши полегли.
Царям всегда, наверно, мало

Своей отеческой земли.
Честь свою, как и прежде,
До этих дней мы берегли,
Нет, не последняя надежда
Родной истерзанной земли.
Так знайте же, потомки наши
Сядясь в ... (неразб.) круг,
Что мы до дна испили чашу
Утрат и боли, горя, мук.

.....
Чеченцу лучше рай на небе,
Чем ад бесчестья на земле.

.....
Это уже песни времени боевых действий, когда в текстах появляются современные реалии: солдаты, танки, броня, “железные птицы” (самолеты), взрывы и т.п. И снова исторические реминисценции с “двуглавым орлом”, но уже в современной интерпретации, ибо впервые появляется тема “кровавых денег” и “мафиозных разборок” как причина войны.

И снова над Грозным раздались раскаты,
Под тяжестью танков дрожала земля.
Вы шли к нам с войною, России солдаты,
Вместо буйных цветов запылала броня.
Горящие танки (неразбор.),
Пришедшие к нам, растоптать нашу честь,
Нет, никогда не быть нам рабами,
Судьба за нами, свобода иль смерть.
Всевышним Кораном всем на планете,
И места под солнцем довольно для всех..
Опомнись, Россия, за все мы в ответе,
И ляжет позором на нас этот крест.
Кровавые деньги, кровавые ...(неразб.)
С двуглавым орлом идет к нам орда,
Разжигают везде раздоры и войны,
Всех вас осудят и бог вам судья.
И вот над Чечнею железные птицы
Несут в своих клювах жестокую смерть,
Народы Кавказа, скорее сплотитесь,
Нужна ль нам свобода, да или нет?

.....
Простерлась ты над целым миром
И Римом третьим назвалась.
Ты зарождалась из безродства
И расплзалась как чума,
Кляня проклятьем инородца,
Себя, и сына, и творца.
Орлом двуглавым и когтистым,
Мечом, картечью и(неразб.)

Ужель Россия, мать народов,
Еще не в силах ты понять,
Что от свободного порога
Не повернуть народы вспять.
И божий суд бесстрашно грозный
Блюдет деяния твои,
И покаянием лишь возможно
И нападения безбожность
Сегодня искупить пред ним.

Их было много, я был один,
Они пришли, а я здесь жил,
Здесь дед мой жил и прадед жил,
И сотни лет под этим небом
Здесь мой народ сынов растил.
Их было много, они смеялись,
Со всех концов сюда сбежавшись,
Чтоб дом мой жечь, и пепел тот развеять,
Чтоб по миру пустить несчастный мой народ.
С плачем матерей слезами горькими,
С гранатами для маленьких детей
Они пришли, сжигая города и села,
Как враг к врагу, не как сосед к соседу.
Их было много, я был один,
Они пришли, а я здесь жил,
Под этим солнцем, вот в этом доме,
В своей семье, в своей стране.
Они смеялись, а я стоял,
Не пал я на колени,
Не смог сломить их дух мое упорство,
И гибли сыновья за родину свою.
Один в лицо мне плюнул,
Другой ногой ударил,
А третий дуло автомата к груди моей приставил,
Вдруг кто-то выстрелил в меня,
И пыль с земли родной
Я кровью напоил.

Повелела судьба — на чеченцев идут,
Чтобы вновь испытать нашу стойкость,
Не по правилам нам объявили войну,
И задели чеченскую гордость.
Все вы чеченцы – мафиози и срам,
Вы житья никому не даете.
Сколько черных страниц и базарных реклам
Всему миру в эфир выдаете.
Что чеченцы хотят развалить всю страну,
Что они все бандюги и прочее.
И кричит президент: на Чечню, на войну,
Похмелиться кровинкою хочет.
Похмелишься ты кровью своею, вампир,

Очень скоро и не за горами,
Мы, конечно, отпразднуем, вот будет пир,
И Чечня водрузит свое знамя.

.....

Нависла туча над горами,
Затмила солнечные дни,
Восстань Чечня, кричала нани*,
Россия сорвалась с цепи.
Восстань из пепла,
Ты же можешь с гяуром находить язык,
Ты не одна, Аллах поможет, —
нани вайнахам говорит.
Поднялся мой народ с неравной,
С державной силой на войну.
Народ Чечни, народ мой славный,
Я песню о тебе пою.
Грозились вы с победой в Грозный
Явиться часа через два,
Но радость оказалась ложной,
Повязли русские войска.

Песня Хусейна Бетелгириева

Не плачь, о мать, что твой единственный сын не придет,
Что твои глаза не различат его красивые черты.

Верь, в Чечне Жамирзу не забудут,
Он будет в ряду павших на газавате.

Не плачь, о мать, что твой единственный сын не придет,
Что своими глубокими мыслями он не поделится.
В этой страшной войне Жамирзой подбитые танки
И сегодня горят, враги видят их дым.

Не плачь, о мать, что твой единственный сын не придет,
Что, не успев завести потомство, он ушел.

По зову отчизны вставшие героические парни
Будут в славе жить, пока живы чеченцы.

Не плачь героического сына родившая, героическая мать,
Золотыми буквами запишут завтра их имена.

Сегодня мы, как волки, яростно деремся с врагом.
Россия в истории всегда была не права.

Посмотри, мать, империя рушится,
Часть ее горит от зажженного в Чечне огня,

Справа и слева встают другие народы,
Мечь Аллаха покажет, как Россия падет.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой)

Песня Хусейна Бетелгириева

С разбросанными мыслями стояла мать,
В город входило черное войско,
От сердца сыновьям крикнула мать,

* Мать – чеч.

Вы примите газават, Аллах вам поможет.
Какими словами прославить тебя,
Временем закаленная моя чеченская мать,
В вере учила ты отчизну любить,
Драться с врагами учила доблестно.
С застывшим комом в горле утихла мать,
Отважные братья встали на войну,
Говорят, что душа сестры, расставшейся с братьями
Не может найти покоя, поэтому она и вышла.
Какими словами прославить тебя,
Временем закаленная моя чеченская мать,
В вере учила ты отчизну любить,
Драться с врагами учила доблестно.
Враг с оружием стремится в город,
Ноющими ранами пал один из братьев,
Но те, кто были живы, мстили
И шли на залпы невиданных орудий.
Какими словами прославить тебя,
Временем закаленная моя чеченская мать,
В вере учила ты отчизну любить,
Драться с врагами учила доблестно
Хотя и нелегко было расстаться с рожденным тобою,
Ты научена терпеть горе,
Аллах восхваляет тебя за творенье,
Как цветенье, в газавате пали твои сыновья.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой)

Много спето песен о друзьях своих,
О друзьях любимых, сердцу дорогих,
Здесь у нас ведется, если в путь идешь
Значит друга верного с собой берешь.
Если с другом ты, пройдешь и через ад,
Только друг в беде помочь всегда вам рад,
На Чечне, что если друг чеченец вам
Можешь ты рассечь скалы пополам.
Если ты грустишь и страстно ты влюблен,
Ты скажи, пусть это знает он,
Только молвишь, без нее жить не могу,
Как услышишь ты в ответ, я помогу.
Я горжусь, что я чеченец всей душой,
Что я вырос и живу в Чечне родной,
Для чеченцев – это настоящий друг
И чеченский друг – лучший в мире друг.
А теперь сидим мы за столом друзья,
Собрались мы здесь, как дружная семья,
За столом мы веселимся, посмотри,
Ведь сегодня Ибрагиму 23.
Плещется вино в бокалах звонких,
Гордо на тебя компания глядит,
Пусть таких друзей, как Ибрагим
Аллах сохраняет нам на вечные века.

Эта ночь прекрасна и светла, и ясна,
Звезды в ней мерцают в синей вышине,
А друзья все вместе, как поется в песне,
Весело пируют, аж душа в огне.
Вот сидит Майрбек – наш торжества виновник,
35 ступенек жизни он перешагнул,
Все мы поздравляем, всяких благ желаем,
Так живи и здравствуй, песни пой.
Сердца благородство не измерить просто,
Для друзей открыта и щедра душа,
Безупречно честен, рыцарь слова чести,
Пусть гордится мать, что родила тебя.
Видишь, здесь собрались все, кому ты дорог,
Должен быть доволен ты своей судьбой,
Коль друзей так много, знай, светла дорога,
Чистота сердец пусть нас роднит с тобой.
Так налей бокалы, да налей полнее
Коль душа от счастья в эту ночь цветет,
Пусть же в этом деле много будет хмеля,
За Майрбека выпью бочку я вина.
Эта ночь прекрасна и светла, и ясна,
Звезды в ней мерцают в синей вышине,
А друзья все вместе, как поется в песне,
Весело пируют, аж душа в огне.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой)

Песня группы “Зама”:

Не имея друга, не познав эту жизнь,
Не умрем, братья, не умрем.
Не сложив песню о природе родной,
Не умрем, братья, не умрем.
Не зная отцов своих, не имея могилы на родине,
Не умрем, братья, не умрем.
Расставшись, не забудем друг друга,
Не умрем, братья, не умрем.
Обласканные любовью вдали от родины,
Не умрем, братья, не умрем.
Не зная отцов своих, не имея могилы на родине,
Не умрем, братья, не умрем.
Не оказав помощи друг другу, не познав традиции,
Не умрем, братья, не умрем.
Не успев отблагодарить родной народ,
Не умрем, братья, не умрем.

(Пер. с чеч. Хеды Абдулаевой.)

Здесь приведена только малая часть богатого самодеятельного творчества времен чеченской войны. Количество песен и масштаб их тиражирования были впечатляющими. Кассеты с их записью долгое время имели постоянный спрос даже на московском рынке на знаменитой “Горбушке”, где продается разного рода аудиовизуальная продукция. По некоторым сведениям, эти кассеты были распространены даже среди военнослужащих фе-

деральных войск. Чеченская молодежь поголовно была увлечена творчеством группы “Зама”, Бетелгириева и Алимсултанова. Идеологическое воздействие этой формы молодежного самовыражения нельзя недооценить. Как сказал один из боевиков, *“без гитары и песен мы бы совсем озверели и могли друг друга поубивать, но общие песни спасали. Они были вместо военных приказов”*. В любом случае это культурное наследие войны способствовало распространению чеченского языка среди чеченской молодежи и останется надолго в ее духовном арсенале. Тем более, если дело не дойдет до сочинения более солидных литературных произведений о войне.

ВНУТРИЧЕЧЕНСКИЕ ДИСПОЗИЦИИ

Я.В.Чеснов в своем исследовании этнических идентификаций среди чеченцев делает решительное заключение: *“Часто постулируемые в нашей прессе исконность и якобы существенное этнополитическое значение деления чеченцев на равнинных и горных совершенно неправильно”*²⁸. Полученный мною материал отличается от этой версии, которой явно недостает современного этнографического материала. Мои данные отличаются и от чеченской элитной версии.

Конечно, влияние упрощенной категории “чеченцы” через маскультуру и массмедиа огромно в условиях ее ежедневного цитирования в момент войны. Эти версии-клише обладают мощной предписывающей силой (тиражные публикации, телеэкран в каждом доме, постоянные контакты с “другими”, аудио и видеозаписи). Они часто имеют более завершенную и более притягательную формы. Достаточно привести пример с неожиданной популярностью в Чечне Хункарпаши Исрапилова, после того как он “сыграл” самого себя в роли жестокого воина в фильме Александра Невзорова “Чистилище” и через эту трансляцию стал архетипом современного чеченского воина.

Современные чеченцы создают свой образ и его конкретное содержание из доступного внешнего материала. Однако особенность наших историй заключается в двух вещах. Низовое восприятие более образно и подвижно, т.е. оно открыто для любой версии и включает в себя все разнообразие характеристик, которые может приписывать себе группа. В нем явно меньше стигматизации и цельности. Эмные образы больше направлены на внутренние различия, которые почти не наблюдает или придает им мифологический характер внешний обозреватель. Этот тонкий уровень низовых идентификаций, бесспорно, носит культурный, т.е. этнический, и социально-политический характер.

В результате войны многие из внутренних (эмных) и внешних (этных) представлений оказались под большим вопросом, некоторые были отвергнуты. Так, например, на задний план отошла тема дискриминации чеченцев, некоторые исторические сюжеты. Наобо-

рот, возникла новая тема внутрочеченских различий и противоречий. Самой серьезной из новых диспозиций является разделение и даже усиленный войной раскол между “горными” и “плоскостными” (равнинными) чеченцами. Главное, что нам удалось зафиксировать, – это однонаправленный характер раскола чеченцев, ибо “горные” чеченцы больше осознают себя просто как чеченцы и меньше выражают какое-либо иное восприятие равнинных чеченцев.

Вот как формировалась эта новая внутригрупповая диспозиция *плоскостных* и *горных* чеченцев:

“После отъезда многих русских учителей мы чувствовали, что образовалась какая-то пустота. На улицах появилось большое количество небритых, слоняющихся без дела, нередко озлобленных людей. В любой момент могли перекрыть любую улицу, перегородить ее машинами, повозками. Я обратил внимание, что люди, распоряжавшиеся на таких мероприятиях, были из горных аулов и относились к своим распоряжениям с серьезностью, не терпящей возражения. Одновременно на лицах у них было выражение нескрываемого злорадства и даже сладострастия. Я долго не мог понять, кому они желали зла, говорили, что это шабашники, что после развала СССР они не могли уехать на заработки, и вымещали зло на всех. Может быть, так оно и было, но я чувствовал, что злоба эта накапливалась у них многими годами. Особое раздражение у них вызывало начальство...” (Али И.).

“Я в Чечне живу меньше, чем в Казахстане. У меня половина детей там, а половина – в Грозном. Я сравниваю жизнь там и здесь. Людей разных вижу. И вот что я тебе скажу, за того Дудаева почему-то все бывшие горные жители встали. В Казахстане войны-то нет, а вот, поди ж ты, люди разделились на два гурта. Которые горные, так все за Дудаева. А которые совестливые, с пониманием которые, так они помалкивают больше, но в душе-то они против. Потому как ничего хорошего Дудаев народу не дал. Один только срам и стыд, и народу погибель.

Я тебе о себе скажу. Горные, так те окаянные, все глоткой берут, да норовят нас поддеть. Мы-то сами по себе, все больше молчим, а они нас все подначивают. Вроде бы завидуют. А завидовать-то нечему. Я все своим трудом добывала с самого детства. Еще когда я девочкой была, до выселения, бывало, привезут они (горные) брынзу или курдючное сало на продажу в город – все волками смотрели, ненавидели всех. Я думаю, что прежняя власть плохо сделала, что выселяла их с гор на плоскость. Сидели бы себе при своих стадах и поныне, а то их больше числом, они и верх взяли. Тут они ненависть свою выказали. Знали же, что Дудаев много гор принес народу, но они говорят: пусть весь народ в тартарары, но только падцах пусть наши (горный) будет. А я так считаю – это бесчеловечно. Нет такого закона, чтобы народ изводить”. (Зура М.)

“Купил я оружие, опять же за свои кровные, и пошел воевать. В общем, гоняли, гоняли нас по плоскости, а потом загнали в горы. И скажу я тебе, значит, нас бомбили и расстреливали как крыс и толку от нас никакого. Вот-вот должны были добить, потому, как уничтожали нас беспрерывно днем и ночью. Вот и стал я замечать вдруг, что командир наши, значит, горный чеченец с огненно рыжей бородой, норовит каждый раз на

особенно опасное место меня подставлять. То окопы роет, а мне всегда место для окопа на опушке указывает. Тут все как на ладони. Непременно убьют. То в разведку посылает в такие места, где мне спасу не должно было быть, а ведь в нашем батальоне много было молодых, вдвое дороже меня. Да все рыжие, горные. Да и во всем батальоне нас, плоскостных, кот заплакал. А посылал нас командир на самые опасные участки. Тут меня ребята надоумили, что это он нарочно, чтобы сгнули мы.

Раньше я никогда не думал, что горные и которые с плоскости как будто два разных народа. А потом на горьком своем опыте убедился, что у горных сердца ожесточенные, а руки скаредные. Потому как на камнях они рождаются, на навозе растут. Отсюда сердца у них безжалостные, твердые, как камень, а души черные, вонючие, как навоз. Да и поселковый наш мулла говаривал мне, что, живя десятки лет среди плоскостных, горные не принимают наших обычаев и нравов. Ежели случится с ними тяжба какая, так по судам затаскают, никогда по-хорошему на мировую не пойдут. А дочь выдавать за них замуж – лучше в прорубь бросить. До войны я не придавал этим разговорам значения. А тут на горьком опыте убедился, правы были наши старики, знали они хорошо наших горных” (Саид-Хусейн).

Из этих свидетельств можно сделать несколько дополнительных наблюдений и выводов. Во-первых, внутригрупповое деление на две отчетливые категории существовало и в недавнем прошлом²⁹, ибо о нем говорили *старик*. Во-вторых, это деление сохранялось даже в Казахстане, если оно четко отслеживается нынешней жительницей Казахстана в реакции местных чеченцев на события в самой Чечне. В-третьих, для последепортационного поколения (по крайней мере, среди плоскостных чеченцев в самой Чечне) это деление уже не было столь актуальным по сравнению с представлением об *одном народе*. Наконец, самое важное, что война утверждает среди плоскостных жестко негативный образ горных чеченцев как *другого народа*. Это может быть надолго, ибо причины, породившие это новое разделение, не могут уйти из чеченского общества, пока само общество не выйдет из нынешнего конфликта.

Есть еще один фактор, который может способствовать укреплению возродившейся в условиях войны внутричеченской диспозиции. Это вопрос о вине или об ответственности за случившееся среди самих чеченцев. В самой Чечне и среди выехавших чеченцев распространяется мнение, что именно горные жители стали инициаторами вооруженного выступления против России и именно горная Чечня остается базой продолжающегося бессмысленного сопротивления. Джабраил Гакаев заметил:

“Дудаев был из горного тейпа татиньи, который составляет часть ялхороевцев. Когда он приехал в республику, тогда за ним шло большинство чеченцев, а когда он обанкротился, то и все беды свалили на горных чеченцев. Теперь чеченцы расколоты и каждый сам за себя, а общего видения ситуации нет. Склеиться вместе, чтобы обсудить общие проблемы, и то уже нет сил. Правильно говорят, что чеченцы похожи на табун ло-

шадей: когда опасность, то сбиваются вместе, а пасутся мирно, то постоянно лягают друг друга”.

Моя попытка проследить представление горных чеченцев о плоскостных, а также их внутригрупповую отличительность на уровне самопредставлений, дала следующие свидетельства горных о себе и о других:

“Я проработал в сельском хозяйстве 48 лет. В 12 лет вышел с отцом в поле еще в Казахстане. И с тех пор работал сам и детей своих приучал к труду. Так что мне эта война как лысому расческа. Дудаев-то, конечно, много делов натворил. Однако, когда его начинают ругать плоскостные, меня обида берет. Меня вывозили в Казахстан подростком, а после возвращения из ссылки в горы не пустили и всю жизнь, вот уже 40 лет прожил здесь в Закан-Юрте. Уже и горный диалект забыл. И дети все говорят на плоскостном наречии. Вроде бы все сровнялись. Ан нет! Все равно найдется кто-то, кто вспомнит о моем горском наречии. Вроде бы мы не такие культурные, не такие грамотные. В о т и з а ц е п и л с я я г о р д о с т ь ю з а Д у д а е в а. Думаю, хоть раз президент будет нашенский, горский. Некоторые говорили даже по телевизору, что предки его были евреи – таты. А мне все едино. Среди чеченцев-то много всякого пришлого люда. Есть которые из турок, из арабов, из ногайцев, из азербайджанцев. Все мы пришлые в этом мире. Однако же, когда ругают горных, меня обида берет. Я всем детям высшее образование дал. Младшая моя сейчас в институте учится. Чем же мы хуже плоскостных?!” (Иса И.).

“Спросишь, почему я не воевал? Просто не хотел. В селе наш род считался захудалым. И по материнской и по отцовской линии. И не упустили случая попрекнуть этим. Отец мой – сюли в третьем поколении (его дед пришел в село пастухом наниматься). Вот я и думал: что мне пользы от того, что победят чеченцы. Они еще большие будут пренебрегать мною. Я решил, что совсем не стоит рисковать жизнью ради чистых чеченцев” (Рамзан Б.).

«Я единственную структуру уважал всю войну – это президентская гвардия. Шамиль Басаев, Радиев – кто они? Басаев воевал в Абхазии, и я знаю грузин, которые готовы его порвать на куски. Он там, в центре города их людей убивал и издевался. Дудаева хотел навязать на всю Грузию. И мародерничали они и все, что угодно, творили. Он где-то здесь специально учился в России, какую-то диверсионную школу проходил. Он дважды-два не знал, нож приставлял к горлу учителя, чтобы он ему оценки ставил. Тем более, что он и не чеченец. Он – дагестанец, абсолютно нечеченец, даже не один волос. Кто он? – аккинец, маккинец – не знаю, в общем дагестанец, а не чеченец. И таких героев у нас оказалось много. Покопались, выяснилось, мой дед когда-то его отца купил, чтобы он коз держал или еще чего-то там делал. Тогда самовольно приходили в слуги: вот, есть нечего и готов все делать.

Еще один герой Чечни Науриди Бажиев. Он кто? Все анашисты, пьяницы, наркоманы, все бездомные дворяжки, городская ботота за ним пошла. Спецназ. Им что надо было: у убитого солдата есть аптечка желтая и там одна ампула – сильный наркотик. Они готовы были свою жизнь отдать,

чтобы эту аптечку достать. Вот такая группа была: спецназ, пожалуйста. Любую аптечку открываешь, этой иглы нет. Где? А это спецназ подмел. Урус-Мартан, короче. Эта порода страшная: придут русские – будет свадьба в Малиновке, придут другие – опять “свои”» (Ахьяд Д.).

В представлениях горных чеченцев преобладающими мотивами являются следующие. Во-первых, вера в подлинную чистоту горных чеченцев по сравнению с остальными, среди которых намешано разной крови. Ахьяд мне говорил, что даже в нынешнем правительстве Масхадова настоящих чеченцев нет: “половина – это евреи под шкурой чеченцев”. Во-вторых, идентичность горных чеченцев строится на оппозиции село–город, и городские чеченцы на равнине – это “городская ботота”, которая не имеет корней и которая испорчена алкоголем и наркотиками. Даже название чеченского города Урус-Мартан в его языке – это своего рода ругательное слово. В равной мере в языке Ахьяда звучит как прозвище-пародия фраза *аккинцы-маккинцы* (речь идет о дагестанских чеченцах, которых Дудаев и, возможно, большинство чеченцев однозначно считают частью чеченского народа).

Наконец, самое важное, на наш взгляд, это обида и протест против исторической внутричеченской сегрегации горных как низшего сословия (сюли – слово, которое на чеченском языке означает дагестанец или так называли аварцев). Фактически мною была обнаружена форма нечеченской идентичности среди сюли, которые даже не считают себя чеченцами, вернее, “чистыми чеченцами”. Эта “нечеченскость” столь сильна, что она даже определила отношение к войне.

В идентичность горных чеченцев также встроилась сравнительно недавняя обида по поводу совершенных дополнительных репрессий в отношении горных жителей, которым не позволили возвратиться после депортации в родные села и вынудили вживаться в новые, чуждые им местные общины, где они так и оставались на положении “чужаков”. Видимо, отсюда берет начало иницируемый ими спор, кто больше чеченец: они – горцы или эти – равнинные.

Деление чеченцев на две категории представляется не столь простым вопросом. Прежде всего, до конца неясно, кого называют “горными”, ибо нет единого тейпа, общины или рода, проживающего исключительно в горной части Чечни. Все тейпы Чечни имеют родовые места в горах, и в этом смысле все чеченцы имеют связь с горной Чечней. Именно поэтому неверно придавать “горным” смысл низшего сословия. При более внимательном анализе обнаруживается, что и термин “сюли” адресовывается тем “фамилиям” (мелкие подразделения в тейпах), которые действительно имеют отношение к дагестанцам, реже – к грузинам, казачеству, другим нечеченским группам. Поэтому действительно данный термин подразумевает “нечеченскость”, а точнее – “безродность”. Он только больше бытует в горных селах, где все хорошо знают друг друга и пришельцам полностью “очечениться” фактически невозможно. В горных селах хорошо и долго по-

мнят, кто из себя что представляет и горные сюли – это лучше узнаваемые потомки неместного происхождения. *Сюли*, освоившиеся на равнине, в большей степени растворились среди *плоскостных* и определить “кто есть кто” уже сложнее.

Определение “горные чеченцы” – это скорее современный внутричеченский стереотип человека из села, обязательно продудаевски настроенного, злого, небритого и невоспитанного. Те, кто называют себя “плоскостные чеченцы”, это скорее всего городские жители, которые столкнулись с явным “нашествием” сельских чеченцев в различных властных структурах и учреждениях. Горожане ревностно воспринимают новожителей и активное осваивание ими мест, которые, по их мнению, не принадлежат “этим темным горным людям”. Кстати, преувеличивается и сама численность “горных”, так как и до войны в горных селах проживала малая часть населения по причине трудных условий. После войны в горных селах осталось совсем мало жителей.

Внутричеченские народные образы в основе своей – это прежде всего проявление общечеловеческих чувств, эмоций, интересов и представлений в сочетании с многими общероссийскими характеристиками, включая фобии и ценности, что особенно это заметно среди старшего поколения. Это – вера в лидеров и их осуждение за “неправильный” курс, неприятие нажитого богатства другими и социального разделения, приоритет личного интереса и слабая общегражданская ответственность, низкая цена жизни и моральная жестокость и, наконец, неизбывный для россиян бытовой антисемитизм.

Последнее заслуживает особого комментария. Однажды в разговоре с Ахьядом меня поразили его представления о чеченцах, которые звучали как если бы я слушал кого-то из защитников взглядов генерала Макашова, чьи антисемитские высказывания на октябрьском митинге 1998 г. в Москве и позднее в Государственной думе были в тот момент в центре публичных дебатов и новостей:

*“Среди чеченцев половина это и не чеченцы, а так залезли в нашу шкуру за эти 70 лет, а может и за 300 лет. Приезжали жить многие в Чечню и оставались. Им наши люди и жен подыскивали. Так что это или евреи, или дагестанцы и хохлы. Они и управляют нами. Макашов может и правду сказал про евреев. Многие так и думают. Он, Макашов, кажется сам из Грозного”**

* По поводу этого высказывания мой чеченский рецензент сделал важное уточнение: «К евреям в Чечне осторожное, но завистливо-уважительное отношение. Их часто просто демонизируют по части их влияния и возможностей в мире. ими восхищаются, ставят в пример. Работать с евреями считается выгодным во всех отношениях, и им отдают предпочтение при выборе партнеров. И все же нельзя не сказать, что в бытовом языке очень часто можно услышать “все мутят евреи”, “еврейская работа”, т.е. повторяется общероссийская риторика “во всем виноваты евреи”. Но в целом понятие *еврей* чаще всего подразумевает идеальность, продуманность, оригинальность» (Рустам Калиев).

НОВАЯ АРХАИКА ТЕЙПОВ И “НОВЫЕ ЧЕЧЕНЦЫ”

Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, ибо современное словоупотребление почти ни о чем не говорит, особенно когда употребляют расхожее понятие “род”. Тем не менее бытование этих конструкций в языке чеченцев в период войны представляет интерес. Малика Сальгириева рассказала о себе:

“Мне с детства передали столпы ислама: намаз, чтить своего устаза. У ингушей только три устаза, у чеченцев их много. Есть семьи, у которых разные устазы у жены и у мужа. У меня свекровь – это Дока хаджи, а свекор – это Узум хаджи. Дети выбирают одного из устазов. Все знают место его могилы, где стоит отдельный мавзолей как место для молитвы...

Есть разные роды и разного происхождения и характера. Мелхи – это еврейские вайнахи. Они очень предприимчивые, богатые и циничные. Мастера закулисных интриг. Один из них, Адам Албаков, был министром нефтяной промышленности и был настоящим миллионером. У него был большой дом в Бамуте. Он был похож на нового русского и ездил в мерседесе болотного цвета...

У чеченцев есть не только свой род, но и родовые земли. У нас они в Шатое. Люди знают, кому что принадлежит, и даже всегда спросят, можно ли сорвать яблоки или груши с деревьев. Даже родственники не могут копать не свою землю. У меня родственник был на даче и не помогал мне копать землю под картошку, а зятю помогать – это вообще позор. Зять должен встать, если вошел родственник по линии жены”.

Жестокая война во многом оттеснила романтику неотейпизма времен прихода к власти Дудаева. Делить было уже нечего, и тейпы как коалиции для перераспределения должностей и ресурсов уже мало чем могли помочь. Хотя подозрения и обвинения в “тейповщине” сохранились. В тейповых привязанностях обвиняли вновь пришедшего к власти в 1995 г. Завгаева, потом Масхадова, а затем и Кадырова. Хотя Кадыров публично заявил, что среди членов его правительства нет ни одного выходца из родного тейпа. Тейп больше стал мифологией, чем реальностью, если он когда-то даже и был этой реальностью.

Вместе с этим актуализировалась такая форма обособления, как конструирование новых “этносов” на основе того, что до этого назвалось тейпом. Приехавший из Чечни Муса Юсупов рассказал, что 31 июля 1999 г. в Грозном состоялся 3-й съезд общественно-политического движения “За возрождение орстхойского этноса”. Делегаты были избраны от г.Грозный и 20 населенных пунктов Чечни и Ингушетии. Первоначально, десять лет назад, движение возникло как историко-культурное общество “Вошалла” (“Братство”). В то перестроечное время в общественной жизни Чечено-Ингушетии склады-

валась тенденция, приведшая в последующем к разъединению чеченского и ингушского народов.

Решающим моментом в этом “этническом процессе” было образование двух отдельных республик, т.е. две отдельные госбюрократии предписали более жесткое деление *чечено-ингушей* (такой парный этноним был также в свое время распространен, как и *вайнахи*) на две группы. Этот новый жесткий раздел (почти по линии фронта!) поставил в сложное положение часть вайнахов, которые причисляют себя к орстхойским тейпам. Последние исторически представляли собою родственно-клановые образования, которые пересекали этнические границы двух групп вайнахов³⁰.

Еще до войны представители интеллигенции “из орстхойцев” пытались осуществить некоторые акции по актуализации особой (отдельной от остальных) групповой идентичности на основе тейповой принадлежности. Но уже с самого начала доминирующим мотивом было намерение использовать тейповую солидарность в обеспечении доступа к разгосударствлению собственности и представительству во власти. Ситуация после войны вынудила чеченцев более определенно обратиться к тайповой социальной структуре. Причем чеченские тайпы впервые обретают выученную из академических текстов приставку *этно*, а некоторые тейповые союзы начинают конструировать себя как отдельные *этноссы*, т.е. народы. На упомянутом съезде орстхойцев было высказано предложение об образовании единой вайнахской нации. В программных документах были определены следующие задачи:

признание орстхойского этноса как одного из вайнахских народов;

недопустимость установления границ между Ичкерией и Ингушетией;

возвращение орстхойским селам их прежних названий;

поддержка идеи создания единого Вайнахского исламского государства³¹.

Какие новые траектории приобретет процесс формирования чеченской идентичности в постконфликтный период под воздействием огромных перемен в жизни современных чеченцев? Признаки “новой общности”, которую пока мне сложно определить, можно было заметить 14 марта 2001 г. в Колонном зале Дома Союзов, где прошел вечер памяти Зии Бажаева в годовщину его трагической гибели в авиакатастрофе 9 марта 2000 г. В тот вечер все 1500 мест этого самого красивого зала российской столицы были заняты главным образом московскими чеченцами. Многие пришли семьями и даже с малыми детьми. Говорят, еще многие хотели бы придти, но не смогли получить приглашительные билеты. В концерте участвовали самые известные российские артисты, а закончился концерт великолепным и трогательным выступлением детского чеченского ансамбля, который был воссоздан при одном из московских клубов быв-

шим руководителем Чечено-Ингушского государственного ансамбля танца.

В зале помимо скорби о талантливом чеченском бизнесмене и потенциальном лидере Чечни (“вот он бы мог вывести Чечню из кризиса и возродить Чечню!”), царило ощущение единения и гордости за свой народ. Современная, наиболее преуспевающая элита, она представляла “чеченскую диаспору” в Москве. Вместе с юными танцорами это было “будущее Чечни”, как сказал один из моих чеченских знакомых. Но не все так просто. Среди прочих последствиям трагедии войны стало возникновение многочисленной чеченской общины (около 80 тыс. человек) в самом преуспевающем и обустроенном городе страны. Такого не могло произойти в обычной ситуации (до войны в Москве проживало 2 тыс. чеченцев). Фактически большая чеченская часть Грозного переместилась в Москву и в основном уже нашла здесь свое место. Складывается новая система экономической и политической протекции этой общины со стороны крупных чеченских бизнесменов и политиков, включая депутата Государственной Думы от Чечни Асланбека Аслаханова. Начали выходить чеченские газеты и радиопередача, вещающая на Чечню.

Московская община обретает влияние, в том числе и на то, что происходит в самой Чечне. Ее пророссийская ориентация демонстрируется уверенно и античеченские настроения в стране и особенно в столице переживаются крайне болезненно. Это российские чеченцы, у которых помимо этнической (фактически внетейповой и без резких внутренних разделов) имеется и двойная лояльность по восприятию родины: малой – в лице далекой и разрушенной Чечни и большой – России в лице города своего постоянного проживания. Учитывая демографические характеристики (более высокую рождаемость и возможность перезда из Чечни новых жителей), “московская Чечня” будет расти численно и обретать все больший общественный вес через усвоение уроков социальной и политической самоорганизации абсолютно в новых условиях. *“Откровенно говоря, я не верил, что мне в мои уже немолодые годы удастся начать все сначала, потеряв фактически все в этой войне”*, – признался Джабраил Гакаев, награжденный в тот вечер премией Фонда Зии Бажиева “за выдающуюся роль в судьбе чеченского народа”.

Мне представляется, что эта часть чеченской общности уже никогда не вернется в Чечню. Эта часть чеченского народа живет и будет жить лучше в Москве, и от этого другой части чеченского народа в самой Чечне будет еще труднее восстанавливать основы жизни в республике. Это, возможно, и есть самый трагический раскол в истории чеченского народа. Драматичнее могла бы быть только массовая эмиграция за рубеж, которой сами чеченцы предпочли Россию. От того, как будут взаимодействовать эти две части одного народа и взаимовлиять друг на друга, зависит многое. Но предсказать ход событий очень трудно.

- ¹ *Александренков Э.Г.* “Этническое самосознание” или “этническая идентичность” // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 3. С. 13-22.
- ² *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 62.
- ³ Рассуждения о “генетическом коде” и “родовом теле этноса” см., например: *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М., 1997; *Чеснов Я.В.* Историческая этнология. М., 1998. Философско-психологическая схоластика при методологической всеядности во взглядах на феномен изложена в работе: *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб., 2000. Ортодоксальный для отечественной науки взгляд повторен в многочисленных изданиях последних лет, но назовем только две работы моих коллег по институту: *Козлов В.И.* Этнос, нация, государство. М., 1998; *Семенов Ю.И.* Философия истории. М., 1999.
- ⁴ Об этом см.: *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997; *Тишков В.А.* О феномене этничности. Этнографическое обозрение, 1997, № 3.
- ⁵ Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998, а также труды М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, С.В. Соколовского, В.А. Ядова (см. библиографию).
- ⁶ *Чеснов Я.В.* Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: Общество и государство / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 63–101.
- ⁷ Там же. С. 64.
- ⁸ Там же. С. 65.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 65-66.
- ¹¹ *Тишков В.А.* Забыть о нации: (Постнационалистическое понимание национализма) // *Вопросы философии*. 1998. № 9.
- ¹² *Чеснов Я.В.* Этнокультурный потенциал чеченской нации / Северный Кавказ: Этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 36.
- ¹³ Там же. С. 33-51.
- ¹⁴ Данные о брачности среди чеченцев (в Чечено-Ингушетии и за пределами) на 1960-80 годы см.: *Хасбулатова З.И.* Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985; *Она же.* Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50–80-е годы) // Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- ¹⁵ *Дудаев Дж.* Тернистый путь к свободе. Грозный, 1992 С. 32.
- ¹⁶ Там же. С. 31.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ Там же. С. 52.
- ¹⁹ Там же. С. 57.
- ²⁰ *Абубакаров Т.* Режим Джохара Дудаева: Правда и вымысел. Записки дудаевского министра экономики и финансов. М., 1998. С. 17.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ *Халиев Нур-Эл.* Предисловие // *Нунуев С.-Х.* Нахи и священная история. Ярославль, 1998. С. 2-3.

- ²⁴ Дерлугьян Г. Чеченская революция и чеченская история // Чечня и Россия: Общества и государства. С. 210-211.
- ²⁵ Chechnia Report. L., 1992. P. 52.
- ²⁶ Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 210.
- ²⁷ Шейх Мансур и национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992.
- ²⁸ Чеснов Я.В. Быть чеченцем... С. 68.
- ²⁹ Исторический анализ внутричеченских групп (родо-племенных образований и территориальных групп) см.: Мамакаев М. Чеченский тейп (род) в период его разложения. Грозный, 1973; Чеснов Я.В. Быть чеченцем... Приложение 1. С. 95-99.
- ³⁰ В позднем средневековье, XVIII и XIX вв. орстхойцы были в основном локализованы на территории нынешнего Ачхой-Мартановского района Чечни, Сунженской части Назрановского и Малгобекского районов Ингушетии. У орстхойцев есть и другое близкое по звучанию самоназвание – *аритхойцы*. В русской литературе они известны как карабулаки (наименование, производное от тюркских слов *кара* – черный, *булак* – источник). Орстхойцы приняли активное участие в Кавказской войне. После ее завершения значительная их часть переселилась в Турцию, остальные “влились” в чеченский и ингушский народы, а вернее, существовали со сложной идентичностью: орстхойцы-ингуши (в Ингушетии), орстхойцы-чеченцы (в Чечне). Языковой или хозяйственно-культурной отличительностью орстхойцы не обладают, т.е. это прежде всего родственно-клановая коалиция (см.: Юсупов М. Орстхойцы: кто они? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга. 1999. № 26. Июль–авг. С. 60-61.
- ³¹ Вайнах. 1999, № 2 (74).

Глава VI

ЧЕЧЕНЦЫ: ВНЕШНИЕ ВЕРСИИ

*“Невозможно пройти или что-либо сделать.
Как слово чеченец услышат, так все.*

*Или чего-нибудь от тебя обязательно надо,
что-то надо сделать особенное или, наоборот, как
от чумного”*.

Ахъяд Д.

“Чеченцы болезненно воспринимают наступление новой власти и расставание с оружием. По мнению генерала Серова, для них мало значит бытовая необустроенность. Чеченец готов жить в доме с глиняным полом, но с оружием”

Тимофей Борисов.*

КТО ОНИ – ЧЕЧЕНЦЫ? СОМНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОБЩИХ ИСТИН

Существует устойчивый стереотип, что народ (в смысле этнической общности) имеет свой некий неповторимый культурный облик и даже “национальный характер”. Разумеется, если собрать воедино наиболее часто встречающиеся характеристики материальной и духовной жизни, бытующие в данный момент среди членов группы и абстрагироваться от вопроса об их наличии у представителей других групп или об исторических и текущих заимствованиях, то в этом случае действительно возможно вычленить определенный комплекс, который можно определить как “культура чеченцев”. Эта операция проделывается каждый раз, когда нужно выполнить определенным образом заданное действие: от написания энциклопедической статьи “чеченцы” в очередные энциклопедию или справочник до журналистского репортажа или социологического обследования. Безусловно, вопрос “кто они чеченцы?” гораздо чаще задается внешними акторами, хотя те, кто считают себя чеченцами, также оказываются

* Российская газета. 2001. 6 янв. Т. Борисов – спецкор. газеты.

втянутыми в данную операцию-игру, и без них она трудно осуществима.

Понятие “чеченец” – больше экстраобраз, чем сугубо внутренняя форма идентичности. Как никогда не было и не может быть такой ситуации, “когда каждый думающий европеец вставал утром и ложился вечером с мыслью о прогрессе”¹, точно так же трудно себе представить, чтобы человек ложился спать и просыпался с мыслью о своем “чеченстве”. Мысль о собственной этнической принадлежности приходит чаще всего по особым случаям ритуально-обрядового характера, но даже и в этом случае операция самоидентификация осуществляется опять же через напоминание (муллы, старейшины, заезжего пропагандиста или этнографа). Жестче всего напоминания делаются обладателями права на насилие, особенно со стороны государства. Сидящий под бомбежкой в своем доме или в его подвале житель Чечни постоянно вынужден вспоминать, что он чеченец, хотя за этим скорее следует не вопрос “Мы – другие” и “Какие мы”? Этот внутренний вопрос спровоцированной самоидентификации гораздо чаще звучит так: “Почему нас считают другими, если мы такие же, как и они?” Операцию ментального конструирования “чеченца” гораздо чаще и определеннее делает федеральный военнослужащий, находящийся на блокпосту в Чечне. Вот уж действительно ложится спать и встает с мыслью о чеченце-враге. Эта мысль вместе с обеспокоенностью за жизнь и за исполнение служебных обязанностей столь сильна, что может довести до варианта психического расстройства, что, на наш взгляд, явно демонстрировали некоторые федеральные военные, в том числе и судимый за убийство чеченской девушки полковник Буданов.

Из огромного числа высказываний информантов, публичных заявлений, журналистских описаний и академических текстов можно выстроить несколько версий образа чеченцев как народа. Возможно, ни одна из них не будет истинной, но все они реальны в том смысле, что существуют в ментальном пространстве и служат основой ощущений или аргументом социального действия. Как уже отмечалось во введении, реальность – это не только то, что мы “отражаем”, но и то, что через ментальные конструкции и предписания вызываем к жизни, в том числе и в воображаемой форме. Это подход означает, что слово “стул” не обязательно должно предполагать единственную реальную материальную субстанцию, которую это слово обозначает. В равной мере понятие “чеченцы”, казалось бы, имеет жесткую, почти энциклопедическую характеристику как особого этноса. И тем не менее не все так просто, как это представляется защитникам примордиалистского видения этничности или работникам “родового тела чеченского этноса” как “реальности, расположенной во времени”².

Мы использовали пример со стулом совсем неслучайно. Точка зрения на этническую общность как на социально-конструируемую

и исторически подвижную конструкцию³, вызывает критику многих коллег, в том числе и со стороны известного отечественного философа Ю.И. Семенова. Последний пишет, что понятие “этнос” предполагает и его реальное существование, как понятия “хлеб” и “стул” означают, что в реальности есть данные предметы⁴. Именно этот постулат нам кажется уязвимым даже на примере чеченцев, “реальность” которых на групповом уровне, казалось бы, доказывалась глобальным общественно-политическим дискурсом последних лет (кто знал чеченцев в мире до 1991 г.!?), а на личностном уровне ут-верждалась под дулом автомата или под пристальным взглядом московского милиционера.

Сначала о “стуле”, “хлебе” и “этнoсе” как о реальностях. Именно первый предмет приводит известный западный философ Серль как иллюстрацию в доказательство своей философии институциональности и существования категории институциональных фактов, которые отличаются от “грубых” фактов. Как пишет Серль, “например, для того, чтобы что-то стало стулом, это что-то должно выполнять функцию стула. Стулья не являются столь абстрактными и символическими, как деньги или собственность, но суть вещей здесь одна и та же. Там, где речь идет об агентивных (ролевых) функциональных концептах, часть соответствия описанию мыслится так, что соответствие такого описания осуществляется через само это описание. Это не ведет к замкнутому кругу или к бесконечной регрессии по только что заявленным причинам. Мы можем превратить в наличное описание, сделанное в терминах практик, в которых и существует сам феномен. Стулья – для сидения на них, деньги – для приобретения на них вещей, инструменты – для манипулирования разным образом предметами, и т.д.”⁵.

Если стул – это бесспорно категория не из грубых фактов, а целый класс самых разных предметов, обозначаемых условным понятием в разных культурах и разных эпохах, а “хлеб насущный” – вообще более чем символическая категория, а не только то, что покупается в булочной, то в отношении этноса ситуация еще сложнее. Даже если принимать разные исторические названия и самоназвания, существовавшие для определенной культурно отличительной группы, которая всем сейчас хорошо известна как “чеченцы”, все равно остается большим вопросом, что в каждом конкретном историческом эпизоде означает культурный материал, заключаемый в это понятие.

Для нашего исследования важны две вещи: это динамика самоидентификации чеченцев, о которой говорилось в предыдущей главе и пойдет речь в главах XIV и XV, и процесс формирования внешнего образа чеченцев в ситуации конфликта. Эти два ментальных конструкта оказываются взаимосвязаны настолько, что различить их порой достаточно сложно. Иногда проще провести различие между элитной, журналистско-академической (в том числе и этногра-

фической) версией и версией бытового, повседневного дискурса (народного и не обязательно этнографического!) в обеих средах: внешней и собственно чеченской.

РОССИЙСКИЕ ВОСПРИЯТИЯ: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Начнем с внешней среды, под которой я имею в виду не географию, а нечеченские представления о чеченцах. Что мы знаем, вернее, что внешний мир, к которому я отношу и себя, знал о чеченцах до войны и что ему стало известно после 1991 г.? Понятие знания здесь также условно, ибо речь идет скорее о мифомедийном дискурсе и об этнографической экзотизации группы. Поэтому вопрос стоит скорее о том, какие внешние образы чеченцев были сконструированы производителями субъективных предписаний, начиная от масс-медиа и ученых и кончая низовым сознанием? Здесь может быть интересным мой личный опыт жителя страны, для которого чеченцы – это прежде всего сограждане.

Родившись и прожив первые 17 лет на Урале, в маленьком провинциальном городе, я не могу вспомнить, чтобы когда-либо встречал чеченцев или кто-то упомянул их в каких-либо жизненных ситуациях. На школьных уроках русской литературы творчество Льва Толстого изучалось по двум повестям: “Детство, отрочество и юность” и “Хаджи-Мурат” (до романа “Война и мир” доходили не все учителя). Десятилетиями все советские дети читали повесть о горце Хаджи-Мурате. Этот образ был частью моего подросткового детства, вплоть до уличных игр и формирующихся представлений о гордости и мужестве. Стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе, где присутствовал и “злой чечен”, запомнились прежде всего поэтикой гор и лирическими мотивами. В середине 1950-х годов (когда чеченцы были в депортации) я школьником декламировал со сцены Нижне-Сергинского Дома металлургов на смотре школьной художественной самодеятельности стихи М.Ю. Лермонтова из первой части поэмы “Измаил-Бей”:

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага – не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.
Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.

Означало ли произнесение мною слов “чеченец” наличие какого-либо смысла или образа, помимо декламации великолепного литературного произведения на одну из вечных литературных тем? Нет, не означало, как кстати те же стихи не несли особого дополнительного смысла (личной проекции на себя) и для Джабраила Гакаева, который тоже знал их наизусть и был под их огромным впечатлением. Могу удостоверить, что чеченцы (“злой чечен”) как акцентированный предмет внимания российского провинциала явно отсутствовал. Подтверждением тому является моя первая встреча с “живым” чеченцем, не вызвавшая никаких эмоциональных или историко-литературных реминисценций. С этим фактом были согласны все, кому я задавал подобный вопрос.

В принципе именно подобное нейтральное, неактуализированное (или немое) восприятие этнического отличия в межличностных отношениях граждан можно считать нормальным. Оно гораздо более распространено по сравнению с политическими призывами и интеллектуальными клише “знать”, “уважать”, “любить” или “не любить” другие народы и культуры. Только распропагандированные параноики, замороженные “национальным вопросом”, или оказавшиеся в конфликтной ситуации граждане вглядываются при первом же знакомстве в лицо и прислушиваются к звучанию имени и фамилии человека. Нормой взаимоотношений являются другие параметры, связанные с другими интересами и ценностями.

Именно такое отношение к чеченцам доминировало в стране до конфликта. В 1959 г. после окончания средней школы я поступил на исторический факультет Московского государственного университета. В нашей группе учились студенты из разных республик и разных национальностей (Роза Эсамбаева из Киргизии, Марат Дурдыев из Туркмении, Гумки Успаев из Чечено-Ингушетии и другие). С Гумки Успаевым мы жили целый год вместе в одной комнате студенческого общежития на Стромынке, в которой было шесть кроватей, шесть тумбочек и один стол в центре. Гумки был нескладным, худым парнем с замкнутым и резким характером. Этим он заметно отличался от многих других студентов с Кавказа, у которых зачастую российские провинциалы проходили первые уроки уверенного поведения, ухода за девушками, моды в одежде и прическе. Гумки учился трудно, хотя на русском языке говорил хорошо. Помощь по учебе принимал неохотно. Круг его друзей сложился не в группе, а среди студентов-северокавказцев и партнеров по футболу. Однажды Гумки пригласил меня и других ребят на концерт Махмуда Эсамбаева в клубе на Стромынке. Его устроили студенты-чеченцы. Не знаю, сколько их всего училось и проживало в общежитии в то время, но, видимо, немного. Они были горды происходящим. Помню как Гумки говорил об артисте-чеченце как о самом великом танцоре в мире.

Никогда за все годы учебы не обсуждались проблемы чеченского народа или Чечено-Ингушетии, в том числе и проблема депорта-

ции. Хрущевская оттепель еще не дозрела до открытия тайны сталинских депортаций народов (о репрессиях уже знали и эта тема обсуждалась), хотя именно в 1960 г. я уже прочитал книгу Исаака Дойтчера “Сталин. Политическая биография”, которую тайно дал мне американский стажер и мой давний друг Мартин Малия (ныне известный ученый-историк, профессор Калифорнийского Университета в Беркли). Сам Гумки о депортации не говорил и эту тайну постоянно носил с собой, как и многие другие студенты тех лет – выходцы из депортированных народов и сами прожившие начальную часть своей жизни в Сибири или Средней Азии*. Мой нынешний коллега, профессор Михаил Губогло (тоже из репрессированной семьи гагаузов), был на два курса старше меня и хорошо знал Руслана Хасбулатова по совместной комсомольской работе в МГУ. Он также подтвердил мне, что не помнит, чтобы Руслан когда-либо поднимал вопрос о своей национальности или о своем народе.

«В 1964–1965 гг. во время обучения в аспирантуре мы были в дружеских отношениях. Руслан создал и руководил Школой молодого лектора на экономическом факультете, а я отвечал за всю эту работу по линии вузкома, т.е. был его “начальником”. Мы тогда с упоением играли в эти игры, и это был полезный опыт жизненной социализации. Однако за все время знакомства мы оба не знали и среди нас никогда не упоминалось, что мы оба принадлежим к “депортированным”. Я даже не знал, что Хасбулатов – чеченец, и он это никогда не говорил. Были другие заботы и другие разговоры».

У многих тогда оставались свои тайны, связанные со сталинским режимом. Мне мой профессор тоже посоветовал никогда не отвечать в анкетах на вопрос “Был ли кто-либо из ваших родственников в немецком плену или депортирован, как, когда и кем освобожден из плена”, и не писать, что мой отец находился в немецком плену и был освобожден американцами. “Надо – сами узнают, а иначе никуда не поедешь”. Как видим, скорее индивидуальные качества (способности, черты характера, материальные возможности, внешность) определяли восприятие чеченцев среди студенчества Московского университета. Едва ли можно было говорить о каком-то устойчивом стереотипе чеченцев среди советских людей. До конфликта в стране не было представления о чеченцах как о народе с особыми оценочными качествами (плохими или хорошими), а тем более как о “чужом” или “примитивном” народе.

Следующая косвенная встреча с чеченцами состоялась уже после окончания университета, когда я работал в Магаданском педагогическом институте. Мой коллега и друг, ныне покойный, Феликс Врублевский переехал в Магадан из Грозного, где преподавал

сноски в гранках не было

в Грозненском нефтяном институте историю КПСС и марксистско-ленинскую философию. Он был родом из станицы Троицкая (оттуда же родом и Сергей Шахрай) на территории Чечено-Ингушетии, где проживали смешанно русские, ингуши и чеченцы. Его русская мать была школьной учительницей в станице. Феликс уехал из Грозного по причине развода и желая найти работу на Севере с более высокой зарплатой: ему нужно было платить алименты за сына и он создал новую семью, где тоже родился ребенок. Помню одно из его высказываний:

«В Грозном жить трудно, чеченцы и ингуши все больше занимают рабочих мест, у них круговая порука, в институте на экзаменах без взяток ничего не делается, а я не могу жить по этим правилам. А если стану брать взятки, то меня же первого и сдадут прокурору. И честно жить трудно, а нечестно еще труднее. Все-таки я денег не брал и ставил всем оценки, которые заслуживали, кто бы ни были родители у абитуриентов и студентов. За это меня многие ненавидели. Все равно пришлось бы уехать. Чеченцы и ингуши – народ трудный и становятся все хуже в смысле национализма. Даже мать моя стала жаловаться: почти всех в станице учила за сорок лет работы в школе, а заболела – никто не поможет привезти дров или принести продукты из магазина. И с огорода иногда воруют».

Этот рассказ повторялся после каждой поездки Феликса из Магадана в Чечено-Ингушетию, но не помню, чтобы его оценки и наблюдения шли дальше обычного брюжжания человека с довольно сложным характером. Гораздо более серьезная стереотипизация мною была зафиксирована в беседах с Лидией Дьяченко, которая родилась и выросла в Грозном и прожила в Чечне вплоть до самой войны, переехав вместе с матерью в центральную часть России уже в 1996 г. Я поинтересовался, были ли какие-нибудь «клички» в отношении чеченцев.

«Кроме как “шакалами”, большие никак и не называли. Все сразу знали о ком идет речь. А вообще в Грозном чеченцев почти и не было. В нашей средней школе учились единицы, а в нашем классе были только русские. О чеченцах и разговора даже не было. Не дружили и романов не заводили. Это потом, когда я стала работать на комсомольской и на партийной работе в Шелковском районе, я уже постоянно общалась с чеченцами и ингушами. Ничего плохого как о народе не могу сказать. На селе вообще все работали вместе и много. Были друзья и подруги как русские, так и чеченцы. И сейчас остались. В Москве меня навещают. Если чеченки в гости приходят и может так случиться, что останутся переночевать (чтобы через город не тащиться в темноте), то обязательно возьмут с собой халатик и все туалетные принадлежности. Народ чистоплотный, хотя людей среди них много самых разных, а уж из дальних горных сел иногда появляются совсем темные люди. На моих глазах они сильно преуспели в образовании и очень ценили это: родители своих детей просто тащили в училища и институты. Меня лично никто из чеченцев не оскорблял, наоборот, уважали, хотя я была из самых молодых партработников, и приходилось от людей многое требовать».

Таким образом, отношение жителей страны к чеченцам складывалось и определялось прежде всего конкретным опытом человека, особенно местом проживания. Житель Урала или Москвы о чеченцах не знал почти ничего. Житель соседних с Чечено-Ингушетией регионов Северного Кавказа имел больше информации и даже претендовал на знание чеченцев, когда в этом возникла актуальная потребность. Однажды в самый напряженный момент начала войны в беседе Вячеслав Михайлов (тогда заместитель министра по делам национальностей) сказал следующую фразу:

“Егоров (в то время министр, выходец из Ставропольского края. – В.Т.) вообще считает, что чем их больше бить, тем больше будут уважать. Чеченцы признают прежде всего силу. А Егоров с Северного Кавказа, и он говорит, что знает этот народ. Некоторые с ним согласны”.

Было ли это мнение основано на опыте конкретной жизни в соседнем с Чечней регионе или это рудимент фольклорно-бытовой казаческой традиции, реанимированный в современном русском национализме? Скорее всего, последнее, ибо многие ставропольские и краснодарские деятели отличались ксенофобией в отношении “инородцев”.

Многую зафиксирована тенденция, что меньше всего устойчивыми негативными стереотипами по отношению к чеченцам среди русских и других не чеченцев отличались те, кто долго прожил и проработал в самой Чечне. В этом меня убедили беседы с самыми высокими руководителями Чечено-Ингушетии последних десятилетий (Валентином Власовым, Николаем Семеновым, Борисом Агаповым) и с рядовыми жителями Чечни. Прямой и длительный контакт и проживание не оставляли места для мифических и искаженных представлений, особенно для экзотизации чеченцев. Эти люди не изменили своего мнения и в ходе войны, даже лично пострадав от нее, как это произошло с Валентином Власовым.

МАСС-МЕДИЙНЫЕ ОБРАЗЫ И ДИНАМИКА АНТИЧЕЧЕНСКИХ ФОБИЙ

Наоборот, скудное знание о чеченцах среди остального населения страны стало благоприятной почвой для формирования античеченских настроений в результате обрушившегося на обывателя информационного потока с начала 1991 г. (дудаевский переворот, самопровозглашенная независимость, фальшивые авизо, угоны самолетов в Пятигорске, “чеченская мафия” и многое другое). Эта информация была тревожного или откровенно негативного плана. В итоге уже с начала 1993–1994 гг. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) устойчиво фиксировал среди россиян самый высокий уровень ксенофобии в отношении чеченцев по



Первая страница газеты “Версия”

сравнению с другими группами. Выше стоял только обобщенный образ “кавказцы”.

Уже зимой 1995 г. в одном из московских дворов я подслушал крики играющих в войну детей: “Ты будешь чеченец, а я русский”. Точно так же в моем послевоенном детстве мы долго играли в “русских и немцев”.

Чечня стала одной из самых визуальных войн, и СМИ были одним из наиболее активных участников войны со своей собственной, хотя и плохо осознаваемой ролью. Имеющиеся на этот счет экспертные мнения нам представляются слабыми или недостаточными⁶. Одна из точек зрения была высказана А. Ливеном, которая, однако, никак не была им аргументирована, видимо, в расчете на некритическое восприятие западного читателя:

«После распада СССР российское телевидение способствовало, отчасти неосознанно, распространению страха и ненависти. Что касается Чечни, то к концу 1995 года российские телеканалы превратились в проводников словесной государственной пропаганды: однозначная характеристика чеченских сил как “бандитских формирований”, восторженные интервью с российскими военными и передача без комментариев откровенно лживых официальных заявлений. Но то, что *показывалось* на экране, выглядело по-иному.

Большинство западных телестанций, по крайней мере со времени Вьетнамской войны, представляли относительно отредактированную и подчищенную версию войны, и западные вооруженные силы старались держать тележурналистов как можно подальше от передовой линии. Не так обстояло дело с российским телевидением. Или по причине изначальной честности, смелости, сенсационности, или же по причине просто нечувствительности оно тяготело к показу неприукрашенной правды. И в результате взирания в течение нескольких лет на груды разбитых мозгов, обугленных трупов и человеческих конечностей во время вечерних новостных передач из Карабаха, Таджикистана, Абхазии и, наконец, из Чечни среди российских телезрителей рассеялись многие романтические иллюзии относительно вооруженной борьбы. Поэтому можно сказать, что Чечня дала свежий аргумент для тех западных журналистов, которые говорили открыто и даже жестоко, что освещение войны в действительности есть путь к миру»⁷.

Эти заключения не совпадают с нашим анализом. Государственные позиции, если о таковых возможно вообще говорить, во всей их противоречивости и непоследовательности, включая и ложь, действительно присутствовали на экранах, как они присутствуют во всех других странах в аналогичных ситуациях: от целиком лживой Тонкинской резолюции Конгресса США по Вьетнаму до явно односторонних и искаженных заявлений западных и других политиков по событиям в Югославии во время Косовского конфликта. Однако российские телевидение и пресса во время чеченской войны заслуживают более глубокой оценки. В любом случае российские СМИ не были рупором официальной пропаганды, а скорее, наоборот, – чаще власти говорили языком вечерних теленовостей. Хотя я не разде-

ляю и другую крайнюю точку зрения, что российские журналисты были куплены чеченцами и старательно отработывали разрушительную для страны и для армии версию.

Для отечественного “центрального” телевидения война стала на долгое время ведущей темой, обращенной к огромной аудитории, а значит и средством утверждения профессионального превосходства в жесткой конкуренции каналов и вытекающих из этого материальных вознаграждений. В ряде случаев амбиции были даже выше: канал НТВ с его группой великолепнонаивных полевых журналистов во главе с Еленой Масюк и Павлом Лускановым и московским телеведущим Геннадием Киселевым явно примеряли на себя уровень воздействующего вещания СНН и фактически выполнили эту миссию при отсутствии в зоне конфликта мировых лидеров телевещания. Масюк была не хуже Кристианы Аманпур и столь же идеологически zaangażирована, как и последняя, вещавшая в свое время с брони танков боснийских мусульман. Как и репортажи Аманпур из Боснии сделали однозначно антисербский имидж войны и сильно повлияли на мобилизацию муслиман (босняков или боснийцев), так и репортажи Елены Масюк и Павла Лусканова “отвоевали” на стороне чеченских комбатантов за целую дивизию.

Почему российские и другие СМИ заняли в целом антифедеральную и симпатизирующую чеченскому сепаратизму позицию и какую роль они сыграли в войне, – это тема требует отдельного анализа, но некоторые заключения необходимы для нашего исследования. Тем более, что имеющиеся оценки или откровенно самооправдательны, или просто поверхностны. Необходимо иметь в виду, что российские СМИ – наиболее яркий и состоявшийся продукт постсоветской либерализации. Это та сила и тот сегмент общества, которые правомерно аттестуются как демократические и реформаторские. По крайней мере телевидение, за редким исключением московских “полканала” и крутовско-кльковских телепередач, может таковым считаться, и НТВ стоит на его наиболее либеральном фланге.

Именно с этим каналом были связаны мои личные контакты в комментировании событий в Чечне или по поводу Чечни. Однажды, сразу после выхода моей статьи в “Московских новостях” (31 марта – 7 апреля 1996 г.) Евгений Киселев пригласил меня в престижную передачу “Герой дня”, желая услышать прежде всего имя Павла Грачева в числе главных виновников продолжающейся войны. Помимо этого, я неоднократно комментировал чеченские события в передаче “Сегодня в полночь” с ведущим Алексеем Кара-Мурзой. Только с осени 1998 г. я сознательно перестал выступать публично, ибо это уже создавало коллизию между работой с чеченскими информантами на доверительной основе и публичным объявлением позиции по ситуации в Чечне.

Следует отметить, что отказ лишил меня одновременно доступа к одному из предметов интереса, ибо прямые контакты с журнали-

стами НТВ позволяли лучше наблюдать позицию и процесс волеизъявления со стороны одного из наиболее влиятельных акторов не только общероссийского, но и чеченского общества, ибо из экспертов-комментаторов ведущий всегда приглашал известных чеченцев, выступавших за независимость Чечни. Редактура моих предварительно записанных комментариев была виртуозной: все, что речевым оборотом предполагало отрицание состоявшейся чеченской независимости, не говоря об открытом ее отрицании, убиралось из тех секунд, которые шли в эфир, как правило, после предварительной 30-минутной записи. К тому же в моих заочных отношениях с Киселевым был момент публичной критики его взгляда на Чечню как “юга бывшего СССР”, но не как части России. Статья в “Независимой газете” (1997. 5 мая. С. 2) под названием «”А у нас в России” – это где? По поводу геополитической спешки вокруг России» едва ли была приятна амбициозному мэтру российской журналистики.

Прочеченская позиция НТВ была поколеблена и отчасти изменилась под воздействием захвата в заложники Елены Масюк, ее драматического освобождения. На сей раз (возможно, впервые за всю историю войны и впервые среди всех освобожденных) последовала вполне адекватная реакция со стороны освобожденных пленников (прежде всего самой Масюк) в отношении совершенных против них актов насилия. Сказались, видимо, и серьезные материальные затраты для выкупа журналистов (сумма с шестью нулями). По крайней мере один из руководителей НТВ Игорь Малашенко впервые назвал чеченских лидеров, включая вице-президента Ваху Арсанова, прямыми соучастниками преступного бизнеса, а Мовлади Удугова – “чеченским Геббельсом”. Безоговорочные симпатии журналистов канала к тем, кто, по словам Павла Лусканова, “никогда и дня не находился в составе России и не жил по советским или российским законам”, сменились косвенной пропагандой чеченской сецессии, когда в качестве комментаторов по теме стали выступать отставные чеченские политики или общественные активисты, которые благополучно проживают в Москве и продолжают вести борьбу за “правое дело независимости”.

Претензии последних на авторитетное знание ситуации и “понимание чеченцев” служат как бы этикеткой правдивого объяснения происходящего телезрителю, в том числе и в самой Чечне. Сидящий в достойном комнатном интерьере российский академик, молодой политолог – руководитель полумифического института или фонда, российский генерал и член федерального парламента и еще два-три россиянина чеченского происхождения как бы узурпировали право на телевизионный “взгляд на Чечню”, поднимая собственный престиж и достаточно мощно воздействуя как на местное общество, так и на общероссийскую аудиторию.

При этом комментарии московских чеченцев могут быть набором мифологем бытового мышления, как это, например, имело ме-

сто в передаче 3 февраля 1999 г. по поводе объявления Масхадовым введения в Чечне шариатского правления. “Шариат в Чечне негласно присутствовал всегда” (Хаджиев), “шариат – это замечательное средство для наведения порядка и достижения согласия в обществе” (Юсупов), “навязанный чеченцам российскими, советскими, а затем оккупационными властями закон ими никогда не принимался” (Султыгов) и так далее.

Как показано в предыдущих главах, эта воображаемая реальность достаточно далека от того, что было и происходит на самом деле в чеченском обществе, но телереальность убеждает и подчиняет, а в конечном итоге создает себе подобие через рекрутирование единомышленников. После таких объяснений мнение, что не только советский офицер Масхадов, но и большинство нынешних чеченцев никогда не жило при шариатских нормах и едва ли сможет принять даже их наиболее цивилизованное подобие по примеру богатой Саудовской Аравии, уже выглядит как одиночный диссидентский голос, направленный против интересов чеченской нации. В итоге узурпация массового сознания в пользу нереализуемого проекта “шариатского государства” оказывается осуществленной через ментальный союз вооруженных командиров в Грозном и московской академическо-генеральской тусовки чеченцев, которые сами никогда при таких нормах не жили и жить не собираются.

Однако вернемся к позиции российских масс-медиа, которая в более широком плане отражает драму демократического спектра общества, оказавшегося неспособным найти профессионально точную и граждански прагматическую интонацию в отношении чеченского кризиса. На этот счет имеется наблюдение одного из проницательных российских экспертов, с которым трудно не согласиться, когда он пишет, что демократическое движение в 1994 г. не смогло осуществить смену парадигмы и уйти от бесконечного напоминания о демократии и реформах в пользу более адекватной стратегии:

“Этого не произошло, ума и мужества на такие выводы не хватило, и отсюда полная деморализация уже в условиях чеченского кризиса, поскольку демократический лагерь, проявляя искренность и сердечные страдания за этот национальный позор, на мой взгляд, выбрал абсолютно неконструктивную тактику безудержного осуждения в тот момент, когда нужно было разделить ответственность за такого рода решения государственных органов власти и сосредоточиться на том, чтобы максимально снизить последствия этих решений. Мы же в желании обличить все и вся только усугубляли план военных действий, и в желании, скажем так, искренне сердцем возмущаться не оказались способны на более реалистичные и более конструктивные шаги”⁸.

Дилетантское желание нового поколения демократической журналистики выступать судьей и борцом одновременно отражало советскую ментальность профессиональных пропагандистов, выучивших много текстов на предмет “национально-освободительных

движений”, “права народов на самоопределение”, “цивилизационной уникальности”, “особой ментальности” части сограждан, на территориях проживания которых они до этого никогда не бывали и которых с готовностью были зачислить в категорию “экзотических других”. Для многих конфликт и война стали азартной игрой, аттестацией героизма и профессионализма, на что в прошлом десятилетии имел исключительное право единственный советский журналист, прозванный “певцом Афганистана”.

Мне интересен не столько сам цех российской журналистики, сколько воздействие и восприятие его версий прежде всего самим чеченским обществом. На этот счет имеются разные точки зрения, как и по вопросу о воздействии масс-медиа на конфликт вообще. Анатолий Ливен полагает, что малое число личных телевизоров во время вооруженного конфликта в Пакистане в 1980-х гг. подвигло многих молодых мужчин на участие в политических манифестациях и насильственных действиях:

“В Пакистане в 1988–1989 гг. – в обществе, где в те дни большинство жителей не имело телевизоров, – я был поражен тем, насколько для значительной части молодых мужчин участие в политических демонстрациях и даже в вооруженных выступлениях представляло собою в значительной мере одну из форм развлечения. Я полагаю, что доступ к телевизору в огромной мере снизил значение этого фактора в существовании политической нестабильности”⁹.

Поднятый вопрос, означает ли больше телевизоров меньше насилия и войны, по крайней мере применительно к Чечне, не кажется нам столь однозначным. В Чечне начала 1990-х гг. фактически каждая семья имела телевизор, и чеченцы принимали те же самые российские каналы, что и остальная страна. Программа телепередач на первую январскую неделю 1999 г. в грозненской газете свидетельствует, что положение мало изменилось и после первой войны. В какую сторону действовали масс-медиа, когда общество погружалось в войну и пребывало в ней и после нее? У меня нет столь однозначного ответа. Скорее ТВ было таким же многозначным актором и в то же время орудием, который используется современным человеком, особенно его элитными слоями. Но только есть несколько общих постсовестских особенностей и чеченских частностей (см. также заключительную главу). Прежде всего это одномерное сознание и устойчивая вера обывателя в теле- радио- и печатные версии, особенно исходящие из “центра”, будь то Москва или Грозный. Единичными можно назвать примеры скепсиса и негативной иронии в отношении тех, кто участвует в теле-газетных бдениях.

Средства массовой информации и политико-интеллектуальная элита играют доминирующую роль в конструировании чеченских образов (не только внешних, но и внутренних). СМИ и элита, как и Лев Толстой в прошлом веке, руководствуются собственными эмо-

циями и целеполаганием. Великий писатель своим “Хаджи Муратом” обвинял царский деспотизм и искупал свои молодые грехи периода Крымской войны. Современные активисты защищают демократию и меньшинства или, наоборот, “русскую нацию”, осуждают “неоимперскую” политику или, наоборот, политику развала “великой державы”.

Коллективная интенциональность в отношении Чечни и конфликта была и остается неоднородной и мотивируется политико-групповыми интересами производителей субъективных представлений. Журналистская команда НТВ (Елена Масюк, Павел Лусканов и другие) или журнала “Новое время” (Аркадий Дубнов, Валерия Новодворская), Ирина Деметьева (“Московские новости”) и многие другие утверждали свой профессиональный авторитет через яркую и драматичную презентацию событий “с войны” и свои подчеркнuto либерально-демократические позиции, предполагающие однозначную поддержку меньшинств и антиэтатистскую версию защиты гражданских свобод. Глава холдинга “Медиа-Мост” Владимир Гусинский ковенно признался в существовании этой коллективной интенциональности на НТВ в отношении освещения первой чеченской войны.

Образы чеченцев в этой интерпретации отличались внешней привлекательностью и эмоциональной правотой. Журналисты “Взгляда” или кинокамера Говорухина младшего фиксировали более сложную и более критическую версию, но главным объектом были не столько чеченцы, сколько сам конфликт и его общероссийский контекст. Вызывающе провокационная версия образа чеченцев была поставлена журналистом Александром Невзоровым в фильме “Чистилище”. Эта лента – крайне непрофессиональное обхождение с материалом (вернее, с темой о внутреннем вооруженном конфликте) в откровенно политических целях представить чеченцев в отрицательном виде, вызвать к ним ненависть и заодно заклеить российского президента.

Многочисленна чеченцам ремарка А.И. Солженицына в романе “Архипелаг ГУЛАГ”, ибо она тиражировалась широко и активно использовалась в последние годы, став частью внутреннего образа: “...Была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности, – ни одиночки, ни бунтари, а нация целиком. Это чеченцы... Н и к а к и е ч е ч е н ц ы н и к о г д а, н и г д е (выделено мною. – *В.Т.*) не пытались угодить или понравиться начальству, но всегда горды перед ним и даже откровенно враждебны”. Так доминирующая элитная версия чеченцев в России оказалась эмоционально перегруженной и редуцированной до пошлых клише типа: “ни один чеченец никогда и нигде...” и далее могли идти любые комплиментарные или ненавистнические сентенции: “Чечня в СССР никогда не входила и чеченцы советских законов не признавали” (журналист Павел Лусканов из НТВ), “от рождения приучены обманывать и воровать” (министр Михаил Барсуков).

В 1990-е годы стереотип чеченца-бандита постоянно соперничал с имиджем “гордого дикаря”, но в целом, если брать бытовое сознание россиян, формируемое массовой бульварной литературой типа детектива Валерия Барабашова “Чеченский бумеранг” (1995) и желтой прессой, то именно этот образ стал доминирующим. С 1999 г. уже авторы серьезных газет могли себе позволить следующие публикации, не замечая в них расистского содержания:

«...Криминальные структуры чеченцев существенно отличались от иной оргпреступности. Тейповый уклад жизни сказывался и на взаимоотношениях внутри структуры. А они изначально строились на принципах строжайшей иерархии и клановых (тейповых) взаимоотношений. Этническая однородность чеченцев не давала возможности внедрения в их среду “засланных казачков” с легендами от правоохранительных органов... Один из самых популярных видов преступной деятельности “чеченов” в Петербурге – массовый “вброс” фальшивых купюр (рублей и долларов), изготавливавшихся в Грозном и продававшихся там прямо на базаре. Доставкой “липы” занимались сами чеченцы, а ее распространением – интернациональные группы, в основном русские, молдаване и таджики.

Рядовых исполнителей “чечены”, известные своей природной жестокостью (выделено мною. – *В.Т.*), держали в страхе. Для этого, к примеру, они иногда практиковали показательные казни над рядовыми сбытчиками, которые либо сболтнули чего лишнего, либо пытались выйти из дела. На глазах коллег несчастных зверски кромсали ножами сами чеченские лидеры...

Другие способы чеченского рэкета – вхождение в состав учредителей фирмы, инвестиции в суперприбыльные проекты, финансовые ссуды (!). Когда и этого стало недостаточно, они разработали новый вид бизнеса, уходящий своими корнями в дикое доисторическое прошлое. Я имею в виду похищение людей и работоторговлю. Но настало время, когда воровать людей в Чечне или переправлять их туда стало сложно, и тогда головорезы упростили себе задачи. К примеру, случались похищения людей из Петербурга, но при этом жертву могли держать в соседнем квартале. Похитители связывались со своими чеченскими братьями, людоедами типа Арби Байраева, а уж те посылали “приветы с гостеприимного Кавказа” родственникам похищенного, требуя за гостеприимство огромные выкупы. И люди верили, что их родные томятся в чеченских зинданах, искали деньги, продавая все на свете, лишь бы вызволить из беды несчастных....

Банки стали умнее и на пушечный выстрел не подпускают к подобным операциям представителей этой горной республики. В известной мере потеряла смысл работоторговля, поскольку остатки недобитых банд заняты сейчас спасением собственных шкур... И чеченцы в Петербурге, проявляя нервозность, скатились до уровня банального базарного рэкета, что и аш и (выделено мною. – *В.Т.*) мафиози прошли уже лет десять назад...” (*Тимченко С.* Преступный мир Петербурга имеет свои этнические лица. В северной столице прочно обосновались чеченские и казанские криминальные сообщества // НГ-Регионы, 2000. № 12 (56). 20 июля).

Что касается менее требовательных газет, то античеченские фобии приобрели характер прямых провокаций, когда речь по-

шла не просто о “чеченской преступности”, но и о более зловещих версиях – об угрозе “проникновения” чеченцев в российские власть или оборонную промышленность, как будто речь шла о некоем проникновении тайных зарубежных агентов. Это уже был скрытый призыв относится к российским гражданам чеченского происхождения как к иностранным шпионам. Заголовок первой страницы “Московского комсомольца” (2000. 2 окт.) был призван привести в состояние ужаса его многочисленных читателей: “Чеченский след. Центр оборонной промышленности в Подмоскowie оккупировали выходцы из Ичкерии”. И далее следовал текст журналиста Георгия Закаряна:

“Практически после каждого громкого преступления мы начинаем говорить о чеченском следе, чеченской мафии и прочее, прочее, прочее. Между тем порой мы не замечаем, насколько прочно выходцы из Ичкерии влились в нашу жизнь. В Москве всюю функционируют чеченские банки, фирмы и рынки. Но это не самое главное. В последнее время чеченцы, как говорится, “вошли во власть”. Наиболее лакомыми для них являются города – центры оборонной промышленности”.

Единственный конкретный пример, который приводится в этом материале, это город Лыткарино в Люберецком районе Московской области, где пять оборонных предприятий, а заместителем мэра города работает Георгий Нарудинов – чеченец по национальности (позднее выяснилось, что Нарудинов не чеченец).

“По некоторым данным, в последнее время Нарудинов неоднократно посещал Назрань, где, возможно, встречался с чеченскими полевыми командирами из окружения одного из помощников Шамиля Басаева – Исрапилова.... Ведь сейчас, когда война с исламскими фанатиками и в Таджикистане, и на Кавказе готова вспыхнуть с новой силой, под носом у столицы может оказаться своя Чечня”.

Упрощенные до слащавой экзотики или ксенофобских негативных стереотипов, эти версии низводят чеченскую общность до пародии на современных людей: свято соблюдающие традиции и живущие только по своим законам гор (как будто советскую и западную попу никогда не пели, в госучреждениях не работали, пенсии, выгоды и награды не получали); все смелые и сильные (нет трусов, малорослых и слабых), все свободолюбивые и независимые (нет подчиняющихся и заискивающих), все бандиты, взяточники и воры (нет честных и законопослушных) и т.п. Естественно, таких человеческих коллективов на земле быть не может и чеченцы таковыми не являются. Худшей услуги “друзья” и “враги” чеченцев сделать не могли, повесив на народ бремя пошлого стереотипа, независимо от того, с каким он знаком. По большому счету заявление, а тем более научно-литературная сентенция, что “все чеченцы гордые и свободолюбивые” ничем не отличается от заявления, что “все чеченцы воры и бандиты”, ибо оба порождены бытовыми фантазиями и ни-



Первая страница газеты “Московский комсомолец”

какого отношения к научному и даже разумному восприятию действительности не имеют.

В любом случае в результате конфликта произошла дегуманизация народа и низведение его образа до политагитки или до этнографического экспоната с мировой славой. Сделано это было не столько через “народную версию”, сколько через направленные усилия тех, кто формирует массовые восприятия.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

Должна квалифицироваться как патерналистская и неокOLONиальная по своей глубокой сути и симпатизирующая (некритическая) этнография чеченцев, которая заимствуется и транслируется на самый широкий уровень даже серьезными учеными и публицистами. Дмитрий Фурман в своей вступительной статье к сборнику статей о Чечне развивает три аргумента, почему чеченцы не пошли по тому же самому пути, что и другие народы бывшего Советского Союза, почему они отвергли познесоветские и постсоветские модели и почему чеченцы выбрали самый воинственный сценарий и “выиграли войну против России”. Первый – система традиционных ценностей, которая сохранила до нынешних времен любовь чеченцев к свободе и уникальную динамику “анархической дезинтеграции и солидарности”. Второй – история русско-чеченских отношений, полная глубокого взаимного отчуждения и борьбы, включая травму депортации, породившей среди чеченцев нежелание жить мирно в России. Третьи – события 1991–1996 гг. были предопределены особой социальной структурой чеченского общества, основанной на крепкой солидарности древних тейпов и вирдов, религии и других механизмах, “делая их мир непроницаемым для русско-советского начальства”¹⁰.

“Сопrotивление и победа чеченцев в некотором роде – чудо, и произошло оно в силу тех же причин, которые и привели к войне и о которых мы уже говорили. Будь чеченцы народом с другой системой ценностей и другой исторической памятью, возглавляй их не малограмотные полевые командиры, зачастую с криминальным и полукриминальным прошлым, а нормальные для постсоветского пространства ставшие националистами парработники, одним словом, будь они чуть более рационалистичными и “современными” людьми, они никогда бы не пошли на такое сопротивление и во всяком случае – не победили бы. Для такой войны и победы нужно было полное нежелание и неспособность “считаться с реальностью” – только тогда возникает возможность эту реальность сломать и преодолеть”¹¹.

Из огромного числа высказываний и рассуждений российских публицистов и аналитиков нам удалось встретить только одно резко отличающееся от доминирующей версии мнение, которое было высказано известным публицистом Андреем Нуйкиным:

“Будь чеченский народ таким уж гордым и свободолюбивым, каким его подают на “Свободе”, в “Мы”, в “Известиях”, ему в 1945 году полагалось бы погибнуть, но не ехать в телячьих вагонах покорно в Сибирь и Казахстан. И терпеть над собою целых пять лет кураж уголовного дудаевского режима вольным и гордым не полагается. И наблюдать как сотни тысяч лиц “не кавказской национальности” обирают и изгоняют с родной для них земли, “вольным и гордым” не к лицу. Ну а насчет “свобода или смерть”... Да, в Чечне сейчас немало боевиков отчаянной храбрости, готовых и на массовые убийства, и на собственную смерть. Не думаю, что таких мало нашлось бы и в Венгрии, Чехословакии, Польше... Ах да, в Чечне ведь не просто борьба за свободу, но еще и джихад, все погибшие в ходе которого “прямоком попадают в рай”, с автоматами в руках и с оторванными головами в катомках. Если верить И.Ротарю (Известия. 1996. 19 марта), он сам видел, что боевики после боя (в отличие от безбожных русских) “не оплакивали погибших товарищей, а даже радовались за них”. “Наш друг оказался настолько совершенен, что Аллах решил уже взять его к себе!” – говорили друг другу бородастые боевики с зелеными повязками”.

Фанатики в этом конфликте, конечно, есть, но вряд ли стоит их так уж романтизировать, демонизировать и видеть в них причины непобедимости Дудаева. Тем более что при ближайшем рассмотрении большая часть их предпочитает все же обеспеченность краткого своего пребывания на земле вечному нищему блаженству на небе.

“Не за идею, а за доллары воюют на стороне Дудаева наемники” – это название статьи в “Российских вестях”, думается, более правдоподобно объясняет энтузиазм большинства героев джихада.

Накал борьбы за свободу все-таки обычно пропорционален степени несвободы, угнетения, унижения тех, кто поднимает знамя освободительной борьбы. Но хоть кто-нибудь из певцов свободолюбия чеченских боевиков объяснил бы мне наконец, какой именно свободы не хватало им и в 1991 и в 1993 годах? Кто в эти годы покушался на их свободу? Чем в последние годы свобода чеченцев была меньше свободы любой нации РФ? Кто и как дискриминировал их, мешал развитию их культуры, языка, экономики? Нет, не похоже, что причины непобедимости чеченских мятежников можно отыскать в их особом свободолюбивом менталитете, психологии, традициях, религии... Тогда в чем же они?”¹²

Именно на эти весьма резонные вопросы вдумчивого публициста мы и пытаемся дать ответы в следующих главах. Возможно, они далеко не исчерпывающие и не всех смогут устроить.

БРЕМЯ ВНЕШНИХ ПРЕДПИСАНИЙ

Я.В. Чеснов назвал одну из своих статей “Чеченцем быть трудно”¹³, имея в виду необходимость для каждого чеченца знать и следовать сложным этикетным нормам и религиозно-бытовым традициям. Все эти “трудности” не идут ни в какое сравнение с тиранией внешне навязанного образа, необходимостью соответствовать ему

или реагировать на запросы по поводу соответствия или несоответствия. Тирания внешнего образа пришла с конфликтом, вошла в общество уже как часть его внутренних представлений и радикально изменила ситуацию. Ахьяд Д. при последней встрече уже после праздника *ураза* в феврале 1999 г. сказал мне:

“Невозможно пройти или что-либо сделать. Как слово чеченец услышат, так все. Или чего-нибудь от тебя обязательно надо, что-то надо сделать особенное или, наоборот, как от чумного. Тяжело мне сейчас, Валерий Александрович, устал я сильно. Надо съездить домой. Опять же отец приказал, а его нельзя слушаться”.

Житель южнороссийского города Волгодонска после одного из серии террористических актов (взорван жилой дом) так высказался на НТВ 19 сентября 1999 г.:

«Выгляжу как все, даже глаза – голубые. Живу много лет в Волгодонске с семьей, всю жизнь чабанил в местных краях. Теперь после взрыва в паспорт заглядывают: “А ты оказывается двойной враг: чеченец и живешь почему-то в Волгодонске. Я уже теперь боюсь выходить из дома. Но если твердо скажут уехать отсюда в Чечню, тогда уедем сами. Но только что – они от этого богаче станут?».

“Чеченскость” как актуализированная этническая нагрузка личности стала тяжелым бременем для представителей этой группы. Эта ситуация знакома представителям многих групп в стране (российские немцы после войны, депортированные народы до возвращения, евреи и цыгане в определенные периоды и в определенных ситуациях). Но современный случай с чеченцами – особый в силу огромной публичности и эмоциональной нагруженности слова, с которым уже связывают гораздо большее, чем человек определенной национальности. Убежищем от “чеченскости” становится только или сама Чечня, или близкое чеченское окружение, когда тебя воспринимают не как чеченца, а как прежде всего человека. Чеченцы устали быть чеченцами из-за внешних предписаний и курьеза. Они не хотят быть “другими”, и их современная идентичность основана не на оппозиции, а на постоянном вопросе: “А почему мы должны быть другими?” Структуралистская схема “мы–они” здесь присутствует абсолютно в противоположном смысле по сравнению с тем, как ее обосновывали Клод Леви-Стросс и его запоздавшие последователи в отечественном обществоведении.

БЛИЖНИЙ ВНЕШНИЙ КРУГ

В эту ситуацию не вполне вписывается отношение к чеченцам среди представителей других северокавказских народов. На Кавказе всегда существовал свой внутренний счет и свои собственные межэтнические диспозиции, обусловленные историей (вернее, истори-

ческой мифологией), уровнем благосостояния, культурными достижениями, представительством в центре, поведенческими нормами и даже молодежной субкультурой. Кабардинцы или дагестанцы никогда не считали себя “ниже” или “слабее” чеченцев, но отдавали должное так называемому чеченскому понту. В 1970-е годы одну из модных форм мужских ботинок так и называли “чеченами”, потому что именно они стали носить их первыми. За чеченцами всегда был аргумент толстовского Хаджи-Мурата, а позднее солженицынского образа единственной непокорной нации в системе ГУЛАГА. Они представлялись в образе людей отважных и горячих, но не очень благоразумных. Северокавказцы в целом симпатизировали чеченцам как одной из наиболее пострадавших групп в ходе сталинских депортаций.

На этом набор стереотипных характеристик исчерпывается. Мы не зафиксировали каких-либо устойчивых негативных отношений к ним, хотя они далеко не всегда были простыми, особенно с осетинами (из-за территориального спора вокруг Пригородного района) и дагестанцами (из-за чеченцев-аккинцев, вернувшихся после депортации в Дагестан и претендовавших на занятые земли и дома, свое место во властной структуре и в распределении ресурсов). Отношение к чеченцам здесь отличается большей степенью детализированности, а значит и человечности в смысле более естественных чувств и установок в зависимости от конкретных людей и ситуаций.

Интересовавший меня вопрос о первом контакте с чеченцами я задал коренному жителю Дагестана, уроженцу и жителю Махачкалы, Энверу Кисриеву. И вот какую версию он мне поведал (это было в Женеве 27 июня 1999 г.):

«Мне было лет десять, когда я впервые услышал разговоры “чеченцы возвращаются”, но что это значило и кто такие чеченцы, я себе долго не представлял. В Махачкале их не было. Их не было в нашей школе и не было среди всех моих знакомых и друзей. Первый раз в жизни я увидел чеченцев, когда в 1962 г. поехал на соревнования по легкой атлетике в Грозный (я тогда выиграл первое место по прыжкам в высоту среди юношей в Дагестане). Вот там на стадионе увидел чеченцев. Они болели за своих. Выглядели такими энергичными и красивыми ребятами. Но это был взгляд издали. Первый личный контакт получился только в 1986 г., когда я поехал в турпоездку в Болгарию и у нас в группе был чеченец Сурумпаши. Он ко мне как-то сразу прилепился, вел себя очень почтительно и даже, можно сказать, показывал мне беспрекословное подчинение как к старшему, хотя он всего был на четыре года моложе. Вот эта навязчивая почтительность – одна из характерных черт чеченцев. Но это еще ничего не значит.

У нас в институте был аспирант-чеченец, очень старательный и скромный. Ему, говорят, родственники сказали: ты у нас самый умный, и мы посылаем тебя учиться. Он потом уехал назад в Чечню и всю историю переписал на свой лад, доказывая, что чеченцы с исторических времен жили по всему Северному Кавказу и их территория выходила к Чер-

ному морю там, где остров Чечен. У нас в институте смеялись и одновременно возмущались по этому поводу. Чечен-остров был назван так потому что там жили в прошлом веке русские рыбаки-браконьеры, которых дагестанцы прозвали “чеченцами”. Эта история прекрасно известна.

Но вот что интересно: никто из наших историков писать опровержение не хочет. Боятся за себя. Чеченцы могут угрожать. Один наш уважаемый дагестанский историк так и сказал: “У кого нет ума, тот пусть так считает, а спорить с ними бесполезно”. Вот сейчас написали наши хорошие ученые-даргинцы (им до этих земель дела нет) “Историческую географию Дагестана”, но что-то осторожно читают с ее публикацией. Мне же Умар Джавтаев заявил: “Мы этого историка, который написал, что чеченцы пришли на равнинные территории Ичкерии всего 150–200 лет тому назад и арендовали землю у кумыкских ханов, мы его всего равно отловим и убьем. У нас уже стрелки на него назначены”. Я думаю, что речь идет о Тимуре Аитберове, одном из ведущих кабардинских историков*.

Вот Умар – это второй чеченец, которого я знаю лично. Он ко мне высказывает почтение и здесь за границей держится солидарно. На меня обиделся сегодня, что я его не поддержал во время дискуссии в рабочей группе по конфликтам. Он на меня обиделся, хотя потом извинялся. Достал он меня со своим уважением. Он меня нашел в Москве и даже жил несколько дней до отъезда в Женеву. Я ему с женой хинкал ставил, коньяк пили. Он мне много чего рассказал о положении в Хасавюртовском районе, хотя, конечно, он знает больше. У нас в Дагестане отношением к ним такое: если чеченцы в меньшинстве, то это самые хорошие ребята, если их большинство, тогда все: начнут принижать и давить. Это – политический народ. Он знает, что такое сила. Чеченец постоянно примеряется к обстановке и от этого может сильно менять свое поведение. Например, сидим компанией в ресторане за столом, чеченец говорит тосты за каждого, всем выказывает уважение. Но вот появилась компания чеченцев и села рядом за столик. Этот чеченец стал совсем другим: надменным, стал дерзить и прочее. Вот такие они.

Для дагестанцев чеченец – это вор. Есть кумыкская шутка о чеченцах (а кумыки ближе и дольше всех жили соседями с чеченцами): «Кумык приглашает в гости чеченца, хинкал ставит и другое угощение. Потом второй, третий раз. Чеченцу люди говорят, ты почему к себе в гости его не позовешь. “А что я скажу, если он вдруг спросит, откуда у меня мясо?»

У чеченцев очень отличается от дагестанцев мораль. У них может быть стыд, но нет совести. Если чеченец своровал и не попался, тогда он герой и ему никто ничего не скажет. Отец никогда не упрекнет сына за это. Ну, а если попался, тогда шутки и издевательства, что такой неудачный.

* По этому поводу чеченский кросс-рецензент Рустам Калиев заметил: “Такой разговор об убийстве вполне мог быть полусерьезным, так как “черные шутки” – отличительная черта чеченцев. Хотя надо признать, что толкование истории Кавказа – очень большая тема для чеченцев. Они особенно болезненно воспринимают версии, которые исходят от дагестанцев, кабардинцев или осетин, т.е. соседних народов. Среди чеченских стариков до сих пор бытует мнение, что имущество чеченцев и ингушей после депортации 1944 г. было разграблено их соседями. Поэтому всякое называние исторических версий извне чеченцами воспринимается негативно”.

*Для нас непонятно, как они могут держать людей в кандалах, использовать их и перепродавать как рабов. У нас на Кавказе были рабы, но не в античном смысле. В Дагестане издавна селили пленников в джамаатах где-нибудь на окраине и давали ему в жену какую-нибудь хромоножку. Он должен был сам себя обеспечивать. У нас ресурсы скудные и держать его как раба с обеспечением было бы себе дороже. У чеченцев земля была лучше и рабы могли приносить доход. Поэтому они до сих пор могут держать человека в кандалах и продавать его как скот. Чеченцы – очень энергичный народ и очень стойкий. У них есть гиперэнергия. Они внешне выглядят как европейцы большие, чем дагестанцы, но на самом деле они очень отличаются”**.

Получившаяся дискуссия позволила мне выявить наличие своего рода диалога идентичностей на уровне чеченцы – дагестанцы и, кроме этого, сделать вывод, что деление образов на эмные и этные может быть достаточно условным. Особенно, если речь идет о ближнем круге.

Итак, мы имеем в ближнем круге в предконфликтный и послеконфликтный период, казалось бы, негативный образ чеченцев, а самое главное – обнаруживается различие между представлением о “дагестанцах” и о чеченцах-аккинцах, которые как бы в это понятие не входят, хотя являются жителями Дагестана. Такова же самоидентификация и среди самих аккинцев, что подтвердили мои разговоры с Умаром Джавтаевым, который часто употреблял слово “дагестанцы” как оппозицию собственной идентичности. И все же мне важно проверить этот вывод на других свидетельствах, ибо в наблюдениях Энвера Кисриева, конеч-

* Эти высказывания Энвера Кисриева вызвали бурную реакцию среди моих чеченских кросс-рецензентов. Вахит Акаев настолько возмущился, что отказался дать комментарий. Джабраил Гакаев заметил, что это все неверно и профессиональному обществу выражать такие взгляды нельзя. Хеда просто написала на полях: “Думаю, что у Кисриева срабатывает комплекс собственной неполноценности, который дагестанцы всегда испытывают по отношению к чеченцам”. Обстоятельнее замечания Рустама Калиева: «Энвер Кисриев изложил наиболее распространенное мнение о чеченцах в Дагестане. Его рассказ пестрит впечатлениями, которые взяты за основу оценок. Много исторических стереотипов, основанных на национальных преданиях, которых много у каждой национальной группы на Кавказе. В общении со многими представителями Дагестана каждый раз замечается некое скрытое сравнение, я бы даже сказал, посознательное соперничество с “чеченскостью”. Интересно, что они постоянно акцентируют внимание на том, как “крутые аварские” (даргинские, кумыкские, лакские, и т.д.) ребята серьезно побеседовали на “очень высоких тонах” с чеченцами. Делается такая ремарка вне зависимости от того, насколько это интересно слушателю. Таким образом, соперничество происходит не с самими чеченцами, а с теми мифическими стереотипами “чеченскости” – которыми богато обставлен чеченский быт. Возможно, в дагестанской среде склонны доверять этим стереотипам, и практически переживают некий комплекс и связанный с этим вопрос “мы не хуже”, который остается для них вечно актуальным. В замечаниях Кисриева это проявляется многократно – форма модной обуви “чечены”; переписавший на свой лад всю историю аспирант-чеченец и хорошие ученые-даргинцы, написавшие “чистую правду”, но из-за боязни чеченцев ее не публикуют; ресторанные посиделки, где чеченцы держат и унижают других; чеченцы с богатой землей и угнетающие рабов. И все при том, что они в большей степени, чем дагестанцы, выглядят как европейцы”.

но, есть элементы бытовой стереотипизации и субъективной противоречивости. По крайней мере не все приписываемые чеченцам черты носили отрицательный характер, а замечание о “гиперэнергии” можно было отнести скорее к комплексу собственной недостаточности, как это посчитали Хеда Абдулаева и Рустам Калиев. Хотя я бы не сказал, что дагестанцы демонстрируют менее манифестное, а тем более этикетное поведение, свойственное всем представителям северокавказских народов.

Пытаясь выяснить некоторые причины этой негативной, по моему определению, “ближней стереотипизации”. Я услышал высказывание, представляющее интерес:

«В 1996–1997 гг. мне довелось работать в Махачкале помощником председателя правления одного из банков Дагестана. Мой патрон на тот момент возглавлял минтопэнерго этой республики и был, что называется, кадровым сотрудником в руководстве республики. Так вот этот человек, по мнению его коллег, излишне много контактировал с чеченцами и евреями. Он действительно часто разводил дискуссии по поводу того, существуют ли различия между дагестанцами и чеченцами, и если “да”, то в чем они проявляются. Обычно эти разговоры завершались простыми сентенциями: “Вот, мол, не сидится им, чеченцам. Вечно что-то придумают на свою, а главное – на нашу голову”. И тому подобное. Потом при попытке что-то узнать в доверительной беседе выяснились интересные детали. Например, один гость Шамиля (так звали патрона) пояснил мне, что одной из причин противоречий с чеченцами и негативного к ним отношения является эгоистичная обособленность чеченцев и ингушей. “Между вами, чеченцами и ингушами, с трудом решаются браки. А много ты можешь привести примеров, когда чеченка вышла (или ее выдали) за дагестанца или представителя другого народа?” Этот вопрос застал меня врасплох. Я смог привести только один пример брака между чеченским парнем и девушкой-кумычкой. Случаев, конечно, больше, но все равно это редкость. Мне также был задан вопрос, а разрешил бы я, чтобы моя сестра или дочь вышли за дагестанца. Я вынужден был ответить твердое “нет”. Мой собеседник заметил, что если бы даже я сказал “да”, то он бы не поверил мне, ибо “всем известно, что “нет”. Чеченцы неискренни, когда говорят, что они не националисты и они уважают все народы. На самом деле они любят и уважают только самих себя, хотя почтение и уважение проявляют ко всем и делают это изысканно» (Рустам Калиев).

Таким образом, одна из причин негативного отношения к чеченцам, по крайней мере среди дагестанцев, кроется в отличии их брачного поведения, которое выражается в большей степени эндогамности, которая в свою очередь трактуется как “закрытость” или “индивидуализм”. На самом же деле эти различия основываются совсем на других причинах, которые никак не связаны с “уважением” или “неуважением” других народов. Дагестан – гораздо более многоэтничен, чем Чечня, и здесь браки между местными этническими группами очень распространены. В более многолюдной Чечне выбор

брачных партнеров из своей среды гораздо шире. Кроме того, в Чечне больше, чем в Дагестане, престижных иноэтнических брачных партнеров из числа русских жителей, что постоянно присутствует в фольклорно-бытовой иерархии разных групп, проживающих в этом регионе¹⁴.

СИМПАТИИ И СОПЕРНИЧЕСТВО

Северокавказская солидарность и прочеченские настроения заметно возросли в связи с конфликтом в Абхазии, где чеченские вооруженные группы сыграли самую заметную роль в военной победе сепаратистского режима Ардзинбы над грузинскими войсками. Свообразную народную симпатию, а возможно просто азарт соседей, мне довелось заметить во время переговоров во Владикавказе, когда уже началась война. За вечерним ужином североосетинский министр внутренних дел сказал тост на чеченском языке, который в переводе звучал примерно так: “За вас, ребята. Держитесь!” Позднее, когда война опалила весь регион и появились жертвы и среди северокавказцев, отношение начало меняться. Негативный настрой становится снова преобладающим, когда чеченцы одерживали верх над российскими войсками и, казалось вот-вот добьются независимости.

Появление сильно вооруженного народа с психологией военного превосходства среди соседних народов сразу же было оценено как нарушение давнего этнического баланса и как шанс оказаться в зависимости или политическими заложниками радикальной чеченской политики. “Никогда такого не было, чтобы дагестанцы были под чеченцами, а сейчас такая угроза есть, и некоторые наши горячие ребята готовы все поставить на свои места”, – заметил в одном из разговоров Энвер Кисриев. «Мы когда были в Кизляре в момент Первомайского кризиса (захват заложников в больнице группой чеченского командира Радуева в январе 1996 г. – *В.Т.*), я хорошо запомнил как на переговоры с чеченцами заявили крутые аварцы и прямо им заявили: “Мы сейчас начнем класть головы чеченцев на площадь, пока ваш дурак Радуев не освободит всех заложников и не уберется отсюда”. Это тогда на них сильнее подействовало, чем условия федеральных представителей и дагестанского президента Магомедова».

Мощная трансформация ближнего внешнего образа произошла уже после войны, когда официальные представители северокавказских республик и многие симпатизирующие “национально-освободительной борьбе” отпраздновали вступление в должность президента Чечни Аслана Масхадова. В 1997–99 гг. с территории Чечни стали распространяться открытый терроризм и массовый криминалитет. Было взято в заложники несколько сот человек (более 600),

в основном из пограничных областей (Северная Осетия, Ингушетия, Ставропольский край, Дагестан). По территории границы с Чечней стали совершаться постоянные рейды вооруженных групп с целью грабежа жителей, захвата их скота и другого имущества. Имели место сотни вооруженных инцидентов с местными милиционерами и федеральными солдатами. Наконец, в августе 1999 г. было совершено вторжение на территорию Дагестана хорошо вооруженных и подготовленных групп боевиков из числа чеченцев и дагестанцев под лозунгами исламского экстремизма.

В результате в северокавказском регионе произошла резкая смена настроений в отношении Чечни и чеченцев. “Это – бандиты, нелюди, безбожники. Зачем они к нам пришли, когда мы их не звали. Они все забрали: вот все теплые свитера из шкафа, ковры собрали, все ценное и зачем-то холодильник четыре раза прострелили”, – жаловалась аварская женщина из поселка Новоллакск после того, как закончились бои в этом районе и мирные жители вернулись к своим домам, многие из которых оказались разрушенными, а большинство разграбленными. – Они на *камазах* оружие сюда привозили, а назад грузили их нашим добром. Нет им за это прощения. Никакие они не мусульмане. Если за веру борются, пусть приходят и молятся везде и когда хотят: никто их не тронет и никто им мешать не будет”.

“Мы этих чеченцев сами достанем и быстро с ними разберемся, раз пришли на нашу землю и осквернили ее. Нам и в дома наши возвращаться теперь невозможно после того, как в них враг хозяйничал. Все изгадили, перевернули, разбили. Меня один из чеченцев остановил на улице и спросил документ. Я ему из кармана вытащила свое пенсионное удостоверение, а он увидел, что еще что-то торчит и спрашивает, а это – что? Я ему достала свернутый листочек из Корана. Это был мой талисман. Я его всегда с собой ношу и дочке давала, когда она ездила в Махачкалу поступать в институт. Так он сказал: “Выброси эту вредную гадость!” Откуда взялись эти люди, чтобы нам свой порядок навязывать. Мы все при советском строе выросли. А им надо, чтобы женщины лицо закрывали” (из интервью с жительницей Дагестана. НТВ. 1999. 19 сент.).

Итак, в России в течение очень короткого времени возникли стереотипные версии в отношении части ее граждан чеченской национальности. Одна – смелых, гордых, независимых, непокорных, культурно “других” людей. Вторая – тоже радикально “других”, но со знаком минус: воинственных, фанатичных, жестоких и нечестных людей. Первоначально обе версии возникли в результате акта речи, литературных мифов и визуальных образов СМИ, но никак не прямого жизненного опыта. Если последний присутствовал, то и он только служил отсылкой для литературного образа, как это про-

изошло с чеченцами Солженицына. “Прямой опыт” появился позднее, уже после войны, особенно в ходе событий в Дагестане и других приграничных областях. И он, этот опыт, был в целом негативным, если не считать более чувствительных наблюдений, которые демонстрируют некоторые участники конфликта.

Упрощенные версии периода конфликта стали актом разрушительной дегуманизации чеченцев, что самым негативным образом сказалось на нормальной (по советским меркам, хотя бы негипертрофированной и невсеохватной) личностной этнической идентичности и на утверждении неизбежной диктатуры “чеченскости”. Ответные реакции были разными, но чаще всего брали верх” защитная агрессивность или разрушительное самовозвеличивание, о чем пойдет речь в следующей главе.

И все же касаясь версии коллеги Кисриева о двойственности или двуликости чеченцев, я с трудом представляю себе подобную проекцию на тех, кого хорошо знаю лично. Мне трудно представить, что сдержанный и деликатный Муса Юсупов, член Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (за долгое общение мне не удалось построить с ним какой-либо детальный разговор!), может радикально изменить свое отношение и поведение в ситуации большинства. Я также не заметил серьезных изменений в поведении Исмаила Мунаева, когда был среди чеченцев в Грозном, где Исмаил был нашим основным хозяином, по сравнению с тем, как Исмаил держался в Москве. В равной мере такое же ощущение у меня есть в отношении Джабраила Гакаева и других близких чеченцев. В чем здесь загадка восприятия Энвера Кисриева и других, с кем я говорил на эту тему во время поездки в Дагестан летом 2000 г., мне не удалось разобраться. Может быть, близко контактирующие народы могут создавать еще более жесткие стереотипы, чем дальние аутсайдеры? Возможно, сказывается тот самый комплекс малых культурных различий, о котором писал еще Зигмунд Фрейд, или конкретный ущерб отношениям, который был нанесен дагестанскому сообществу с началом чеченской “национальной революции”.

ДАЛЬНЯЯ ВНЕШНЯЯ ВЕРСИЯ

Свою историю и динамику имеет чеченский образ во внешнем мире, где очерчиваются три круга окрашенных отношений. Один – это страны бывшего СССР, которые только что пережили триумф упразднения СССР (что было равносильно отделению от России), но еще не насладились моментом реванша над бывшим “старшим братом” и каждое его унижение или поражение склонны рассматривать как свою победу. В принципе это было и остается явлением, которое можно определить как инерцию поведения бывших советских меньшинств. Антироссийский синдром грузинских, украинских, бал-

тийских, казахских и многих других интеллектуалов и политиков еще долго будет присутствовать в постсоветском пространстве. Чечня позволила советским меньшинствам проявить еще одно чувство – подтверждение правильности и неизбежности избранного бывшими союзными республиками курса на дезинтеграцию исторического государства. Психологией реванша и убежденностью в мировую закономерность “национального освобождения” оказались охвачены часть эмоционально настроенной молодежи, откровенные авантюристы и “возлюбившие войну”.

На одном из конфликтологических семинаров в рамках Сети этнологического мониторинга (Голицино, 1995 г.) я был поражен зангажированной увлеченностью двух молодых людей из Харькова в избранном ими деле миротворчества в Чечне. Елена Петрова и Андрей Базавлук, называвшие себя журналистами, находились несколько месяцев в Чечне в период военных действий и на семинар прибыли прямо из Грозного. Все мои попытки выяснить, что они там делали, заканчивались смутными рассказами и плохо снятыми кадрами любительской видеокамеры. “Чеченцы – это ударный отряд борьбы против последней империи, а я себя посвятил этому делу и поэтому я вместе с ними. В этой борьбе вся моя жизнь”, – так изложил свою личную историю миротворца Андрей на одном из заседаний. Эти молодые люди явно нуждались в психотерапевтической помощи, как и многие из эмоционально неуравновешенных и социально неподготовленных людей для пребывания, а тем более для работы в зоне конфликта. К сожалению, жизнь этих молодых людей оборвалась в Чечне: они бесследно исчезли среди тех, кого считали “антиколониальным авангардом”¹⁵.

Украинские и прибалтийские радикальные националисты, а также часть грузинских (сторонники Звиада Гамсахурдиа) наиболее активно героизировали чеченцев и подталкивали их к вооруженному действию. Подобная позиция стала почти официальной уже после окончания войны, которую многие хотели видеть как акт состоявшейся сецессии Чечни. В украинском г. Львове появилась улица имени Джохара Дудаева, в Эстонии – музей Дудаева, в Азербайджане – престижное здание под представительство Чечни, в Грузии – приемы на государственном уровне чеченских лидеров. Не исключая, что этот круг воздействий, хотя и был не очень сильным, но оказывал свое влияние. “Если украинцы назвали в честь Джохара улицу, почему нам не переименовать город Грозный”, – заметил один из видных чеченцев. Официально это скоро было сделано, и появился город Джохаркала, который люди продолжают называть Грозным.

Самая дальняя внешняя версия была, пожалуй, не менее мощной по своей предписательной силе, чем отечественная, российская. Чеченская диаспора в дальнем зарубежье немногочисленна и не так влиятельна, как, скажем, армянская или украинская, но среди нее

выделяется одна фигура, которая оказала особое влияние на ситуацию в Чечне. Это политолог и историк-советолог Абдурахман Авторханов, автор нескольких книг, в том числе по проблемам российской колониальной политики и сталинских депортаций. Его книга “Империя Кремля” была одной из первых в период перестройки переведена и издана на русском языке. Таймаз Абубакаров, дудаевский министр промышленности и финансов, пишет в своей книге, что Авторханов был для Дудаева главным из зарубежных авторитетов¹⁶.

Какое послание исходило от престарелого чеченского эмигранта, который никогда не видел современную Чечню и ее жителей, а по некоторым данным, даже считал, что все чеченцы сгинули в депортации. Через радиостанцию “Свобода”, личные послания Дудаеву и публикации в прессе, в том числе и в чеченской, Авторханов уже в 1991 г. так определил события в Чечено-Ингушетии:

“Это, по-моему, бунт детей в отместку за гибель своих отцов и матерей в адских условиях депортации в далекие, холодные, голодные Казахстан и Киргизию. Это всенародный протест против все продолжающегося господства старых структур власти в Чечено-Ингушетии. Это начало освободительной революции народа за свою независимость, независимость Северного Кавказа... Я не сомневаюсь как в идеализме Джохара Дудаева, так и в благородстве его национальных мотивов. Но я против нового газавата. Я против повторения кавказской войны периода Шамиля, мы живем в новое время, в новых условиях и с новой Россией. Поэтому на основе адата горцев, когда старики пользуются привилегией давать советы молодым, я обращаюсь лично к вам, дорогой Джохар Дудаев. Забудьте, пожалуйста, о газавате. Ищите наше спасение и свободу на тех же путях, на которых их завоевали окраинные республики бывшего Советского Союза” (“Забудьте о газавате”. // Литературная газета, 1991, № 43).

Республиканская независимая газета Чечено-Ингушетии “Импурс” с польским лозунгом “За нашу и вашу свободу” в июле 1991 (№ 1) поместила статью грозненского пенсионера А. Мудуева “Чего мы стоим?": В ней говорилось:

“Своим возрождением наш народ обязан в первую очередь мировому сообществу наций, передовой мысли людей, среди которых одним из первых значится и наш земляк Абдурахман Авторханов. Это благодаря ему и ему подобным честным и мужественным людям мир узнал истину о трагедии депортированных народов. На нашу реабилитацию партийная структура во главе с Хрущевым была вынуждена пойти. Полумеры тех далеких лет переплелись в клубок страданий и переросли в нестабильность сегодня, незаживающей раной отзывается эта полумера для братского ингушского народа и аккинцев, как и для бывших горных районов Чечни, по сегодняшний день ждущих своего высочайшего признания”.

Таким образом, несмотря на внешне миролюбивую риторику, Авторханов формулирует открытый призыв к новому кругу дезинтеграции бывшего СССР, на сей раз путем отделения от России Се-

верного Кавказа. Облекается этот призыв в идею освободительной революции. Эта идея оказалась позднее настолько непререкаемой, что подвергать ее сомнению уже было невозможно. Как пишет Таймаз Абубакаров, даже самая радикальная антидудаевская оппозиция не могла вырваться из этой идеологической парадигмы, что и было основным препятствием для становления социально-экономических основ чеченского суверенитета, который не мог существовать вне российского экономического пространства. Что же касается самого Дудаева, то он “стал не просто заложником курса на независимость, но и заложником этой идеи, доводимой до крайности, когда желанной становилась независимость вообще, независимость как таковая, в том числе и от своего родного чеченского государства”¹⁷. Поражает также претензия представителей старшего поколения со ссылкой на адат и на право старейшин предписывать нынешнему поколению повестку действий. Со стороны Авторханова это был действительно реванш за пережитые им травмы, но только осуществлять его должны были уже чеченцы, лично не пережившие депортацию и другие преступления сталинского режима.

Идеология реванша происходила и от других внешних подсказчиков, история жизни которых была связана с Советским Союзом, а тем более с Кавказом и Чечней. Показателен пример Марии Беннигсен-Броксап, супруги западного банкира и дочери Александра Беннигсена, одного из основателей западного кавказоведения и специалиста по Северному Кавказу. Мария сама является издателем профессионального журнала по проблемам Средней Азии и Кавказа. События в России (прежде всего в Татарстане, Чечне и Дагестане) стали для нее живой политикой и надеждой на “освобождение” исламских народов или на их “доисламизацию”. “Ну, отпустите вы их!”, – обратилась ко мне Мария во время одного из давних разговоров начала 1990-х годов.

“Какие они все в своих папахах красивые! Какие они благородные и деликатные! Этот съезд Конфедерации народов Кавказа в Грозном произвел на меня огромное впечатление. Настоящее национальное возрождение!” Это – из разговора с молодым западным антропологом, которая впервые посетила Россию и была в Чечне летом 1992 г. В это же время в Грозном Институт этнологии и антропологии РАН проводил общероссийскую сессию этнографов и антропологов. Мне тогда лично позвонил Р.И. Хасбулатов и сказал: “Снимем с работы, если поедешь в гости режима, который признан Верховным Советом как незаконный”. Мне как члену федерального правительства пришлось подчиниться. Спустя некоторое время я спросил своих коллег-этнографов об их впечатлениях о Чечне. Соотечественник-москвич ответил: *“Чеченцы в полном разгуле, русские сидят смирно, споров никаких, паранойя с проверками, демонстрируют грубую силу, папахи стали большие носить, но в целом совки совками”*.

Дальние внешние наблюдатели видели или желали видеть Чечню и чеченцев только как “внутреннее зарубежье России”. Фактически все тексты из этого источника периода войны и после – это политагитки в пользу вооруженной сецессии и крайняя экзотизация чеченцев. Портреты Дудаева появились в офисах ответственных чиновников Госдепартамента США (20 лет тому назад некоторым моим ровесникам на Западе хотелось бы повесить портрет Че Гевары, но отваживались это делать только более раскованные университетские преподаватели). Среди зарубежной военной публики и военных корреспондентов появилась абсолютная замороженность успехами “чеченского сопротивления”, ибо поражения терпела армия, против которой десятилетиями вооружался весь западный мир. Более жестко настроенные в отношении России эксперты, в том числе моя давняя коллега из Стэнфордского университета Гейл Лapidус, пришла к выводу о легитимности чеченской независимости и в своем анализе выступила с высказываниями в адрес западных правительств и общеевропейских структур, что они во время не вмешались (имеется в виду в поддержку Чечни) в конфликт и не принудили Россию признать право на самоопределение этой части страны¹⁸.

Этот дальний внешний круг также имеет свою динамику и внутреннюю неоднородность. В 2000 г. участники Женевского форума по проблемам безопасности с энтузиазмом встретили мой доклад о природе насилия в Чечне¹⁹, а спустя год Отдел ООН по борьбе с терроризмом с не меньшим удовлетворением включил в подготовленные материалы международной конференции по терроризму мой доклад о заложничестве и торговле людьми в Чечне²⁰. Три–четыре года тому назад западные коллеги заказывали и публиковали совсем другие тексты о чеченцах.

¹ Чеснов Я.В. Этнокультурный потенциал чеченской нации / Северный Кавказ: Этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. Отв. ред. В.А. Тишков и С.В. Чешко. М., 1996. С. 43.

² Чеснов Я.В. Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общество и государство. / Ред.-сост. Д.Е. Фурман, М., 1999. С. 91.

³ См.: Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

⁴ Семенов Ю.И. Этнология и гносеология. // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.

⁵ Searle J. The Construction of Social Reality. Boston, 1995. P. 53.

⁶ См., например, лишенную саморефлексий, но обстоятельно сделанную с точки зрения подбора документов книгу, изданную Фондом защиты гласности: Журналисты на чеченской войне: Факты, документы, свидетельства. Ноябрь 1994 – декабрь 1995 / Сост. О. Панфилов. Ред. А. Симонов. М., 1995.

⁷ Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven; L., 1998. P.205–206.

- ⁸ Стенограмма выступления Сергея Караганова на заседании Комиссии “Большая Европа”. Париж, 1995. 16 янв. // Архив автора.
- ⁹ *Lieven A.* Op. cit. P. 206.
- ¹⁰ *Фурман Д.* Самый трудный народ для России // Чечня и Россия: Общество и государство / С. 9–12.
- ¹¹ Там же. С. 14.
- ¹² *Нуйкин А.* С кем мы воюем в Чечне: (Только голые факты)? // Наш выбор, 1996. № 3. С. 16–17.
- ¹³ *Чеснов Я. В.* Чеченцем быть трудно: Тейпы, их прошлое и роль в настоящем // Независимая газета. 1994. № 181. 22 сент.
- ¹⁴ Более подробные сведения сравнительного плана по Северному Кавказу см.: *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
- ¹⁵ О них см.: Россия-Чечня: Цель ошибок и преступлений. Общество “Мемориал”. М., 1998. С. 345).
- ¹⁶ *Абубакаров Т.* Режим Джохара Дудаева: Правда и вымысел: Записки дудаевского министра экономики и финансов. М., 1998. С. 36.
- ¹⁷ Там же. С. 34.
- ¹⁸ *Lapidus G.* Lessons Learned From Chechnya. Report for the Carnegie Corporation of New York. N.Y., 1998.
- ¹⁹ *Tishkov V.* Understanding Violence for Post-conflict Reconstruction in Chechnya. Centre for applica studies in International Negotiations. Geneva, jan. 2001.
- ²⁰ *Tishkov V.* The Culture of Hostage Taking in Chechnya // Countering Terrorism Through International Cooperation / Ed. A. Schmid. Milan, 2001. P. 341–364.

Глава VII

АМБИЦИИ ЛИДЕРОВ И НАДМЕННОСТЬ СИЛЫ

Правда, как водится в войсках, уж коли решение принято и если даже оно неверное, то разумнее и целесообразнее доводить его до конца, чем останавливаться на полпути и принимать новое...”

Джохар Дудаев

“НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” ДЖОХАРА ДУДАЕВА

Идея самоопределения чеченской нации возникла в условиях горбачевской перестройки, когда периферийный этнонационализм перебил своей мощью процесс демократизации, осуществлявшийся реформаторской верхушкой коммунистической партии и радикально-демократической оппозицией. Вызов со стороны элиты титульных национальностей, был настолько неожиданным и сильным, что центр с его противоречивой и нерешительной политикой не смог найти эффективный и приемлемый для республик ответ. Этнический национализм продемонстрировал огромную мобилизующую силу, и идея создать для каждой этнонации свое собственное государство представлялась как естественная, желанная и подлинно демократическая.

Для ее реализации имелись все условия: а) взлелеянная советским строем “национальная государственность” союзных республик с многочисленной и амбициозной интеллектуальной и чиновничьей элитой и набором официальных институтов государственности, которые нужно было только заполнить “высшей” властью, до этого узурпированной центром; б) вера радикальной российской демократии в идею этнонационального самоопределения как основы создания “нормальных” государств и их демократического устройства и отсюда – поддержка со стороны радикал-демократов националистических движений в советских автономиях; в) косвенная или прямая поддержка этого сценария со стороны геополитических соперников

СССР и солидарность зарубежных диаспор вместе с международным пропагандистским аппаратом, созданным в годы холодной войны для борьбы с коммунизмом и “империей зла”.

Наконец, московские радикальные интеллектуалы обнародовали проект так называемой сахаровской “Конституции соединенных штатов Европы и Азии”, в которой национальный вопрос решался достаточно просто (как и в большинстве социальных утопий): все 53 национально-государственных образования СССР объявлялись равноправными, равноправными, суверенными государствами самоопределившихся советских наций¹.

Все эти замечания не перечеркивают определенные положительную роль и позитивное начало, которые содер­жались в движениях и программах этнического национализма на территории бывшего СССР. Энтузиастами и активистами этого политического проекта стали не только этнические элиты союзных республик, но и некоторых автономных образований, где имелись необходимый человеческий материал и социально-исторический фон. В процесс суверенизации активно включились представители Абхазии, Татарстана, Башкирии и ряда других автономий, среди которых Чечено-Ингушетия не была пионером, если говорить об официальном голосе этой республики в общесоюзном политическом диалоге тех лет. Старая политическая элита предпочитала лояльную осторожность более вызывающему поведению таких лидеров автономий, как В. Ардзинба, М. Шаймиев, М. Рахимов. Однако Чечня не была и среди последних.

Д.Д. Гакаев так оценивает “период очередной пассионарности чеченцев” в конце 1980-х – начале 1990-х годов:

«Раскрепощенный горбачевской перестройкой процесс духовного развития чеченского народа пошел довольно активно. Политика экономической либерализации легализовала теневую экономику в СССР. На волне движения под лозунгом “Разрешено все, что не запрещено!” появился слой активных чеченских предпринимателей, которые заняли ключевые позиции в нефтяном, банковском, торговом, игорном бизнесе не только в Грозном, но и в Москве, Ленинграде, Киеве и других регионах СССР. Чеченские нувориши стали финансировать и политический процесс в Чечено-Ингушетии, стремясь протолкнуть во власть своих представителей.

Помимо этого на союзном и российском политическом Олимпе зазвучали имена представителей чеченского народа. Так, впервые в истории советского государства депутат Верховного Совета СССР, профессор Саламбек Хаджиев стал министром нефтехимической промышленности СССР, другой профессор Руслан Хасбулатов был избран первым заместителем, а затем и председателем Верховного Совета РФ, генерал-майор милиции Асламбек Аслаханов возглавил в российском парламенте Комитет по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. В Чечне активно шел процесс формирования новой национальной элиты. Ее основу составили представители интеллигенции, видные деятели науки, культуры, искусства, спорта... В Чечено-Ингушетии первыми на Северном Кавказе возни-

кли неформальные политические организации, начались митинги и демонстрации, стали выходить независимые газеты. Росло национальное самосознание, формировалась вайнахская национальная идея, появились первые концепции создания государственности чеченцев и ингушей. Казалось, что многострадальный чеченский народ, наконец-то, расправил крылья свободы и у него появилась возможность догнать другие народы России в социально-экономическом и культурном развитии»².

Как и во многих других республиках того времени, так называемое “национальное движение” оформилось вокруг вопросов экологии, историко-культурных переоценок, политического представительства. Многие местные эксперты называют среди катализаторов чеченского национализма борьбу против “виноградовщины” – концепции “добровольного вхождения чеченцев в состав России”, которая была выдвинута местным историком В.Б. Виноградовым и всячески насаждалась местной партийной машиной. Джабраил Гакаев, рассказал мне следующее:

«Винорадов и К° нанесли огромный вред межнациональным отношениям в республике, их советско-русский шовинизм стал катализатором чеченского национализма. Они, сами того не желая, активизировали обсуждение проблем развития чеченского народа, его истории, культуры. В местных теле- и радиопередачах, в статьях началась дискуссия о “белых пятнах” в истории чеченцев и ингушей, критика концепции Виноградова. Затем был поднят вопрос об экологических последствиях строительства биохимического завода по производству лизина вблизи г. Гудермеса. Так летом 1988 г. из неформалов возник Народный фронт, но, в отличие от прибалтийских республик, у нас его возглавил своего рода чеченский люмпен, а не представители интеллигенции. Русские к этому движению не присоединились, и оно было чисто чеченским по этническому составу.

Как большую победу национально-патриотических сил и как народный праздник отметили чеченцы избрание Доку Завгаева в июне 1989 г. первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС. Завгаев сначала смягчил режим, ограничил произвол КГБ, отверг “виноградовщину”, сделал послабления в отношении ислама, сменил несколько одиозных партийных и советских чиновников. В то же время он постоянно лавировал между коммунистами, русскими державниками и национал-радикалами для укрепления собственной власти».

С марта 1990 г. по сентябрь 1991 г. Завгаев занимал одновременно и пост председателя Верховного Совета республики. Именно тогда, 27 ноября 1990 г. сессия Верховного Совета ЧИАССР приняла декларацию о суверенитете и оговорила условием подписания республикой союзного договора решение вопроса о передаче ингушам территорий Пригородного района и части Малгобекского района в пределах их бывших границ, а также правобережной части Владикавказа. Принятие деклараций о суверенитете автономными республиками было спровоцировано тогдашним союзным руководством, когда М.С. Горбачев стал проводить линию на выравнивание их статуса с союзными республиками и на участие в подписании нового со-

юзного договора, чтобы прежде всего ограничить растущее влияние российского руководства во главе с Б.Н. Ельциным, а также сбить претензии союзных республик на исключительное положение. В свою очередь, сам Б.Н. Ельцин в период борьбы за пост российского президента объявил о готовности предоставить автономиям России неограниченный суверенитет и удовлетворить претензии их лидеров, вплоть до территориальных. Именно в этом духе были сделаны высказывания Б.Н. Ельцина во время посещения им летом 1990 г. Чечни и Ингушетии, а сопровождавшая его Г.В. Старовойтова выступила с речью на митинге в Грозном.

Доку Завгаев в марте 1991 г. провел через Верховный совет республики решение об отказе от проведения российского референдума. Хотя для тогдашних лидеров в Грозном это были всего лишь политические импровизации по утверждению большей самостоятельности от Кремля, позднее данное решение послужило одним из аргументов в пользу легитимности самопровозглашенной независимости.

В самой республике и среди влиятельных московских чеченцев зрел и начал осуществляться более радикальный политический сценарий. Решающим моментом стало создание весной 1990 г. Вайнахской демократической партии (ВДП), а затем созыв 23–25 ноября 1990 г. в г. Грозном съезда чеченского народа, лидерство на котором захватили З. Яндарбиев, Б. Гантемиров, Я. Мамодаев, провозгласившие своей целью борьбу за демократические преобразования в республике и за национальные права чеченского народа. Один из главных идеологов движения Зелимхан Яндарбиев был посредственным и малоизвестным писателем, каких во всех республиках в советское время были десятки и даже сотни. Яраги Мамодаев принадлежал к категории советских “цеховиков” и уже тогда обладал крупными денежными средствами, позволившими ему с апреля 1991 г. выплачивать зарплату Джохару Дудаеву и в июне предоставить отдельное здание для Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН).

По свидетельству Юсупа Сосламбекова, съезд чеченского народа был сформирован на основе “местных опросов” и на нем была одна тысяча делегатов, а также приглашенные гости, в том числе Джохар Дудаев. Принятое съездом постановление отразило радикальную программу чеченского национализма, которая в тот момент еще не имела отчетливо сепаратистской направленности. Главными были “ставший перед чеченским народом целый спектр специфических национальных проблем, без разрешения которых невозможно обеспечить его дальнейшее развитие как нации”³. Без решения каких вопросов чеченские активисты не могли себе представить развитие чеченской нации? Прежде всего это устранение неравноправного положения чеченцев, их “дискриминации даже на своей земле”. Ее проявлением назывались несоответствующее доле в общем

составе населения республики “представительство в органах государственной власти и управления народным хозяйством, в сфере духовной культуры и общественной жизни”, а также “затягивание центральным правительством решения проблемы ауховских чеченцев и вопроса о восстановлении автономии Ингушетии, наличие свыше 230 тыс. чеченцев, вынужденных жить вне пределов своей национальной государственности”⁴.

В полном соответствии с советской доктриной этнического национализма и обслуживающей ее академической теорией чеченским этническим предпринимателям представлялось некоей естественной нормой и даже условием развития чеченской нации (этноса) собиранье ее в единое тело на “своей” территории как путем расширения этой территории (ни одно национальное движение в постсоветском пространстве никогда не ставило вопрос о приведении в соответствие этнических и административных границ за счет уменьшения территории “своей” государственности!), так и путем возвращения “вынужденных” жить вне этой территории. Этот обязательный постулат радикального национализма почти всегда находит своих сторонников, хотя оказывается нереализуемым на практике. По крайней мере в ходе националистических движений и политических самоопределений на территории бывшего СССР нам не известны случаи возвращения на территории “своей” государственности представителей ближних и дальних диаспор ни среди чеченцев, ни среди абхазов, ни среди армян или эстонцев и латышей, за исключением отдельных лиц, соблазненных предложениями высоких государственных должностей или перспективами легкой наживы.

В постановлении была обозначена целая программа решения этнотерриториальных вопросов: сама Чеченская Республика объявлялась в рамках всей территории ЧИАССР, за исключением двух западных районов, которые “отводились” ингушам (последние должны были вернуться в границы 1934 г.); в Дагестане ауховским чеченцам должны были быть возвращены земли их предыдущего проживания, в саму Чечню должен быть ограничен приток населения извне, “за исключением лиц чеченской национальности”. Съезд выступил за меры по поддержке чеченского языка и культуры, мусульманской религии, за возмещение ущерба от депортации.

Поскольку любой национализм основывается на комплиментарной версии национальной истории, то он нетерпим к какому-либо иному интерпретациям прошлого. И в данном случае съезд постановил лишить всех наград и званий, а также и гражданства республики местного историка В.Б. Виноградова, труды которого не вписывались в общеразделяемую версию об исключительной древности и автохтонности чеченского народа. Более того, съезд постановил “вынести общенациональное порицание всем представителям чеченского народа, принявшим участие в пропаганде псевдонаучных концепций В.Б. Виноградова”. Претензии этнических чеченцев на

исключительную власть в республике нашли отражение в пункте о недопустимости назначения на посты председателя КГБ, министра внутренних дел, прокурора республики “лиц некоренной национальности”⁵.

Как и любой национализм, чеченский национализм нуждался в “лидере нации”, который призван выражать ее волю и интересы. В этой связи важным моментом в истории чеченского конфликта стало появление в республике Джохара Дудаева, феномен которого заслуживает особого анализа (см. следующую главу). Дудаев родился в 1944 г. за несколько недель до депортации и провел свои первые 13 лет жизни в Казахстане. После окончания вечерней школы поступил в летную школу, а затем в Тамбовское высшее военное училище. Служил военным летчиком в Сибири, на Украине и в последние годы в Эстонии, где занимал высокую командирскую должность в войсках дальней стратегической авиации. Это был пример успешной военной карьеры советского офицера. Женатый на русской женщине и почти не живший в Чечне, Дудаев был мало связан с республикой, хотя сохранил знание родного языка и сильную чеченскую идентичность. Он обладал импозантной внешностью и волевым характером.

Следует иметь в виду, что для чеченских активистов и для рядовых граждан общесоюзные выдвиженцы всегда имели особую значимость: они были своего рода визитной карточкой народа в общесоветском социуме, свидетельством его достоинств и талантов, а также внушали надежды на более широкое влияние и возможный протекционизм. Неслучайно, в советское время среди нерусских национальностей была своего рода постоянная конкуренция, кто сколько выдвинул из своей среды героев Советского Союза, крупных политиков, известных деятелей культуры и т.п. Придавалось особое значение и фактам женитьб известных деятелей центра на женщинах той или иной национальности. На этот счет даже имелось выражение “грузинский (осетинский, азербайджанский и т.д.) зять”, т.е. влиятельный москвич (русский, еврей, украинец и т.д.), женившийся на представительнице местной национальности.

В новой ситуации этот имидж “большого человека”, дослужившегося до званий генерала, академика или должностей министра и высокого партийного работника, сохранился среди нерусских национальностей, но стал играть другую роль. Вместо “агента влияния” в утрачивающем свою притягательность центре появилось стремление призвать знаменитых выходцев на местное правление. Аналогичная ситуация сложилась и с Дудаевым. Только сначала ей предшествовали ходатайства влиятельных чеченцев к российскому руководству сделать “хотя бы одного чеченца советским генералом”, что и было действительно сделано: в 1990 г. Дудаев получил звание генерала. Летом этого же года Дудаев посетил республику. Тогда же и родилась идея пригласить Дудаева в лидеры “национального движе-

ния”. Кто-то (возможно, Хасбулатов) поспособствовал быстрому увольнению в запас не выслужившего свой армейский срок действующего военачальника, что по тогдашним правилам не могло быть осуществлено только по личному заявлению.

На втором Общенациональном конгрессе чеченского народа в июле 1991 г. Дудаев уже выступал как лидер движения и тогда же было принято заявление, что Чечня не входит в состав СССР и РСФСР. Единственным законным органом власти был объявлен исполнительный комитет ОКЧН во главе с Дудаевым. Симпатизирующая реакция на этот съезд московских демократов усилила позицию ОКЧН и обострила политическую ситуацию в республике. Теряющее свое влияние руководство во главе с Завгаевым поддержало августовский путч ГКЧП (как и большинство других лидеров автономий) и это сразу же лишило его поддержки со стороны российского руководства. В Грозном начался бессрочный митинг против властей, на котором Дудаев выступал уже главной фигурой, хотя за ним постоянно стояла группа Яндарбиева, обладавшая всеми местными связями и материальными средствами.

Сам по себе феномен чеченских коллективных манифестаций достаточно интересен с точки зрения антропологического анализа. Это не политическое действие, а скорее демонстрация солидарности, вольности и воинственности, мобилизуемая и направляемая лидерами. Так, многие участники митинга на площади шейха Мансура ежедневно получали по 100 рублей (по тому времени достаточно значимая сумма), специально забивался скот и на площади постоянно варилось мясо. Нигде не работающие мужчины (женщин на чеченских митингах было мало), в основном старших поколений, составляли костяк митинга и обеспечивали его дух исполнением традиционного военного танца *зикр*. Даже на экранах российских телевизоров в сюжетах из Грозного почти всегда в кадр попадали одни и те же лица митингующих.

По сведениям тогдашнего начальника КГБ республики И.В. Кочубея, органы госбезопасности постоянно отслеживали ситуацию и даже ее контролировали. В те дни Яндарбиев был вызван “для профилактики” на беседу в местное КГБ и дал обещание, что ОКЧН не будет нарушать законы (спустя некоторое время здание КГБ будет сдано тому же Яндарбиеву по телефонному звонку из Москвы заместителя министра госбезопасности Иваненко!).

Завгаев требовал от Москвы принятия жестких мер по разгону митингующих, но только 3 сентября Президиум Верховного Совета РФ принял решение о введении чрезвычайного положения. В тот же день Дудаев объявил о низложении Верховного Совета республики. Уже на следующий день решение Москвы о чрезвычайном положении было отменено. Прибывшая в Москву делегация представителей всех национальностей Чечено-Ингушетии не была принята Хасбулатовым, сделавшим тогда однозначный выбор в пользу Дудаева.



Чеченские мужчины на собрании (Фото О. Климова)



Зикр на площади Шейха Мансура (Фото О. Климова)

Это подтверждают многие свидетельства и документы, в том числе выступление И.В. Кочубея перед комиссией Совета Безопасности 31 марта 1995 г.:

“26 августа в Грозный прибыла главный прокурор Землянушина. Кураторы из Москвы не давали ничего сделать местному КГБ. Потребовали убрать охрану у Завгаева и прекратить поддержку Верховного Совета. С 17 августа и до 6 сентября, когда я был освобожден от должности, ни одного письменного задания из центра не поступило. Нам было известно, что Дудаев вел телефонные разговоры с Хасбулатовым и Аслахановым. 25 августа Яндарбиев разговаривал с Вахидовой, и та сказала, что с Хасбулатовым и Аслахановым состоялся разговор об отстранении Завгаева от власти. Тогда же среди митингующих появились люди с оружием, но изъять его было трудно, и не было никаких указаний, а это не прямая обязанность КГБ”⁶.

Вооруженные люди Дудаева силой захватили здание правительства республики, радио и телецентр и 6 сентября вторглись в здание, где шло заседание Верховного Совета, избili сопротивлявшихся депутатов. Председатель городского совета Грозного, русский по национальности Виталий Куценко был выброшен из окна (по информации Кочубея, это сделал Юсуп Сосламбеков со своими помощниками). Утратив поддержку центра, власти республики были деморализованы. Хасбулатов и Аслаханов требовали самороспуска Верховного совета. После захвата Дудаевым правительственного здания в Грозный приехал Хасбулатов и сформировал временный Высший совет из 30 депутатов во главе с Лечей Магамадовым.

Москва сыграла решающую роль в свержении старой власти и в приходе к власти национал-радикальных элементов. По свидетельству И.В. Кочубея, КГБ располагал в Грозном 700 оперативными сотрудниками и вместе с силами МВД был способен “нейтрализовать радикалов”. “Но нам сделали из Центра выговор даже за то, что мы вызывали на беседу Яндарбиева”. До середины сентября еще не было и массовых хищений оружия, хотя через Ахметовский район Грузии, где главою администрации был кистинец чеченского происхождения, оружие уже начало поступать Дудаеву от Гамсахурдиа, тогдашнего президента Грузии. Кое-какие опасения у московских инициаторов декоммунизации Чечни стали появляться по мере все более независимого поведения Дудаева. Как признался Хасбулатов, он “говорил с Ельциным, чтобы добавили Дудаеву еще одну звезду на погоны и вернули его в армию”⁷.

8 октября ОКЧН объявил себя единственной властью в республике и 27 октября провел выборы президента и парламента, предварительно объявив всеобщую мобилизацию всех мужчин от 15 до 55 лет, боевую готовность своей “национальной гвардии”, а всех противников независимости Чечни – “врагами нации”. В выборах, по некоторым оценкам, приняло участие 10–12% избирате-

лей, и голосование состоялось только на 70 из 360 избирательных участков. Генерал Дудаев набрал больше голосов, чем два других претендента и был провозглашен президентом. Уже 1 ноября был издан указ Дудаева “Об объявлении суверенитета Чеченской республики”. Этим актом объявлялась новая государственная общность в границах бывшей ЧИАСС, за исключением 2 из 14 административных районов, которые “оставлялись для ингушей” за пределами самопровозглашенного государства. Чеченским лидерам представлялось, что ингуши слишком лояльны к России и если ингушское национальное движение желает создавать республику в составе РСФСР, то пусть они это делают, отвоювая себе территорию у Северной Осетии. Под контролем Чечни Дудаев оставлял даже Сунженский район, где большинство населения составляли ингуши, и только несколько сел были чеченскими. “Ингуши должны пройти собственный путь испытаний в борьбе за свою государственность”, – заявил Дудаев в одном из интервью для российского телевидения.

Только в этот момент еще существовавшие союзные и российские власти стали осознавать, что теряют контроль над Чечней и что Дудаев никак не намерен считаться с Москвой. Однако приближающееся к развязке соперничество Ельцина и Горбачева парализовало действия центра и косвенно продолжало способствовать чеченскому сепаратизму. 2 ноября Съезд народных депутатов РСФСР признал выборы в Чечне незаконными, и 7 ноября президент РСФСР издал указ о введении чрезвычайного положения в республике. Но ввести войска в Чечню власти не решились, и указ был отменен (не утвержден) Верховным Советом 11 ноября, с чем президент согласился (вернее, этот акт был с ним согласован). В Чечне это восприняли как грандиозную победу над Россией и признание де-факто независимости республики.

Однако события августа – ноября 1991 г., позднее выстроенные в версию национальной чеченской революции, имели гораздо более сложную и в то же время крайне тривиальную природу. Прежде всего это была верхушечная борьба лидеров и их амбиций, помноженные на доминировавшую идею утверждения демократии и осуществления декоммунизации после августовского путча. Российские автономии в какой-то мере стали жертвой главного политического клинча между еще существовавшим союзным руководством и российской радикально-демократической группировкой. Примечательно, что когда терявшие власть в Чечне руководители звонили в Москву после объявления Дудаевым 3 сентября о низложении Верховного Совета, ответ Геннадия Бурбулиса был следующим: “Это нужно осмыслить концептуально”, другими словами, – в контексте более масштабной политической коллизии. Как сообщил Александр Руцкой на слушаниях в комиссии Государственной Думы по рассле-

дованию событий в Чечне, где-то в конце августа – начале сентября он поднял вопрос о том, что силы демократической России действуют в Чечне противозаконно; президент Ельцин решил не вмешиваться в эти события. Когда в республике начались нападения на органы власти и захват оружия, было выработано предложение ввести силами внутренних войск СССР блокаду Чечни и при необходимости направить туда спецназ. “Был подготовлен соответствующий проект указа, но президент тогда исчез на пять дней, и с ним не было никакой связи”⁸.

Руцкой дал также свою версию с исполнением указа 7 ноября, который обсуждался в момент ноябрьских праздников и правился С.М. Шахраем перед подписанием его Ельциным. Оказывается, 7 ноября в аэропорт Грозного была направлена разведывательная группа Советской Армии, а в Моздок уже подтягивались войска. Но в конечном итоге использование силы не получилось, потому что, “возможно, Горбачев дал команду сорвать операцию, и военная техника была направлена в Моздок, а личный состав – во Владикавказ”. Союзное руководство оставалось заинтересованным в создании кризисных ситуаций для российских властей. Это же подтвердил Хасбулатов на слушаниях в Госдуме:

“Мы отменили указ, когда он уже провалился (за это сняли Баранникова). Все союзные министры не хотели выполнять указ президента Российской Федерации, чтобы со стороны Горбачева дать щелчок по носу Ельцину и в итоге через месяц получили Беловежскую пушу”⁹.

Для Дудаева, наоборот, провал с выполнением указа оказался мощнейшим толчком для обретения дополнительной популярности. После этого он вместе со своим ближайшим окружением фактически стал полным хозяином положения в республике. С конца 1991 г. “чеченская революция” обретает собственное активное содержание и уже мало зависимую от Москвы логику развития. Важнейшим моментом становится процесс вооружения сторонников сецессии, причем не всегда контролируемый самим Дудаевым. По некоторым оценкам, в тот момент численность так называемых национальных отрядов была всего около 2 тыс. хотя Дудаев объявил мобилизацию всех военнослужащих. Различные группировки местных жителей стали совершать нападения на военные объекты российских войск в Чечне, которые все больше утрачивали центральное управление, дисциплину и даже солдатский контингент. По свидетельству генерала П.А. Соколова, командира 173-го учебного центра Северокавказского военного округа, в его центре было 653 офицера, 170 прапорщиков и около 300 солдат. Здесь же была расположена 12-я учебная мотострелковая дивизия. В феврале в военные городки вселились чеченские боевики, которые стали контролировать действия российских войск. “У меня в кабинете постоянно сидел Шамиль Басаев, настоящий бандит, который все просил подарить ему пулемет,

стоявший в моем кабинете”, – рассказывал на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. генерал Соколов¹⁰.

В начале июня Дудаев принял решение добиться вывода российских войск из Чечни. Последовали угрозы направить против армейских казарм женщин и детей. Действительно, 6 июня командующий военным округом отдал генералу Соколову приказ (по телефону!) покинуть территорию Чечни. К этому времени только часть огромного военного арсенала была вывезена (несколько эшелонов артиллерии и около сотни танков), остальное было заминировано. Активные действия чеченской стороны, в том числе с использованием гражданского населения (женщин и детей в качестве прикрытия), позволили Дудаеву захватить основную часть оружия при уходе войск. Это – 40 тыс. автоматов и пулеметов, 153 пушки и миномета, 42 танка, 18 реактивных установок “Град”, 55 бронетранспортеров, 130 тыс. ручных гранат. Дудаеву достались также 240 учебно-тренировочных самолетов, 5 боевых истребителей и 2 военных вертолета, оставленные на местных аэродромах. Однако есть и другая версия вооружения Чечни. Руцкой сообщил на слушаниях в Госдуме, что “оружие было продано чеченцам местными военными. Даже часть оружия Забайкальского военного округа была продана Дудаеву по остаточной стоимости”¹¹. В прессе были свидетельства, что сам генерал Соколов был причастен к продаже оружия.

Обладание крупным военным арсеналом радикально изменило внутреннюю ситуацию в республике. Оружие попало в руки гражданского населения, которое слабо контролировалось властями. Стали возникать местные военные группировки во главе с харизматическими лидерами, часть которых имела уголовное прошлое, как например, Руслан Лабазанов. В Чечне сформировался эмоциональный климат “повстанчества”, “народной войны”, а отдельные боевики обрели славу народных Робин Гудов. Первые “военные успехи” пришли к чеченцам в Абхазии, где их “абхазский батальон” составил одну из главных боевых единиц абхазских сепаратистов. По иронии судьбы, летом и осенью 1992 г. чеченцы воевали в Абхазии против грузинских отрядов при негласной поддержке российского военного контингента, расположенного в этой грузинской автономии¹².

Второй важный процесс в жизни самопровозглашенного государства происходил в сфере формирования новых политических структур и правовых основ общественной жизни. Местные интеллектуалы смогли разработать конституцию Чеченской республики (Ичкерия), которая была выдержана в духе представительной демократии президентского типа и светского права. Исламу и некоторым традиционным социальным институтам отводилась скорее ритуальная роль (в конституции нет упоминания ислама или Аллаха) и признавалась религиозная свобода для всех граждан. Нет в конституции

и какого-либо разграничения граждан по этническому или религиозному признаку. Но с самого начала оформление сепаратистского режима столкнулось с рядом непреодолимых проблем.

Прежде всего конституционное положение о наличии и разделении трех ветвей власти в государстве: законодательной, исполнительной и судебной оказалось серьезно нарушенным из-за авторитаризма и склонности к силовым импровизациям президента Дудаева, который продолжал доминировать на политической арене. Эйфория после президентских выборов прошла быстро, и в Чечне начала расти оппозиция Дудаеву и критика его политики. Еще после первого съезда чеченского народа часть его представителей заявила о несогласии с курсом Дудаева на захват власти в ЧИР. Целые районы отказались признать результаты выборов Дудаева президентом. Против раздела республики и радикальной суверенизации выступили большинство ингушей, русскоязычное население и многие чеченцы, особенно проживавшие в Грозном и в равнинных районах Чечни. Оппозиция сформировалась из умеренного крыла ОКЧН, движения “Даймокс” (лидеры Л. Умхаев, Ю. Эльмурзаев), Движения демократических реформ (лидеры С. Хаджиев, Д. Гакаев), движения “Маршо” (лидер А. Бугаев), группы Гражданское согласие (лидер Ш. Бехоев), Ассоциации интеллигенции (лидеры Х. Магомадов, И. Мунаев).

В начале 1992 г. был создан блок демократических сил Чеченской республики, который выступал за новые выборы и за референдум по статусу Чечни и форме ее государственного устройства. Оппозиция провела ряд крупных акций, в том числе ею был организован в апреле–июне 1993 г. массовый бессрочный митинг на Театральной площади Грозного, который продолжался почти два месяца. В это же время на площади Свободы проходил продудаевский митинг, и это противостояние двух митингов свидетельствовало о глубоком расколе чеченского общества, но никак не по тейповому или иному вообразаемому признаку, а, скорее, по социально-политическим параметрам. Как считает Джабраил Гакаев:

“Здесь мы наблюдаем не столько столкновение различных политических идей, систем, сколько противоборство между невежеством и просвещением, рациональным и фольклорным сознанием, противостояние двух культур: модернизированной и традиционной”¹³.

Другой участник событий, чеченский историк Т. Музаев так оценил сложившуюся ситуацию:

“Если социальной базой режима являются люмпены, уголовники и мафиозно-политические кланы, то в поддержку оппозиции выступает практически вся интеллигенция ЧР. Во главе штаба митинга на Театральной площади стоят наиболее видные представители национальной интеллигенции: академик 4-х академий нефтехимик С. Хаджиев, вице-президент Академии наук ЧР историк Д. Гакаев, академик В. Межидов, адвокат Д. Алиев и другие. В поддержку требований оппозиции высказались практически все преподаватели вузов, учителя, врачи, инженеры, ученые, работники культу-

ры.... Поддерживать выступления оппозиции приезжают жители равнинных районов Чечни, которые в отличие от горцев более грамотны и среди которых не так много безработных”¹⁴.

Парламент ЧР назначил на 5 июня 1992 г. референдум по вопросу о форме власти в республике, рассчитывая упразднить президентскую форму правления. В ответ Дудаев просто объявил о роспуске парламента и введении прямого президентского правления, а затем его боевики предприняли вооруженное вторжение в здание парламента, убили несколько оппозиционных депутатов и многих арестовали. Оппозиционные партии и газеты были запрещены, лидеры оппозиции перешли на нелегальное положение. В июне 1993 г. Дудаев расстрелял из танковых орудий нелояльные ему городскую мэрию и здание ГУВД, подверг обстрелу митинг оппозиции, ввел тотальный контроль за прессой и стал осуществлять террор над всеми, кто его не поддерживал.

Удивительным феноменом во всем этом является то, что оппозиция Дудаеву воспринималась многими в России и за рубежом как “прокоммунистическая” или организованная московскими властями¹⁵. Эмиль Паин и Аркадий Попов по этому поводу написали следующее:

«Почему-то принято считать, что вся чеченская оппозиция была “придумана” Кремлем и не имела поддержки в обществе. Это абсолютно неверно. Ведь объявленный оппозиционным парламентом референдум дважды срывался Дудаевым именно потому, что он не надеялся его выиграть. В действительности с 1993 г. в оппозиции к Дудаеву находились отнюдь не только руководители прежней номенклатуры (наоборот, многие из них как раз быстрее других вписались в “революционный режим”), но большинство членов избранного в конце 1991 г. парламента ЧР, конституционного суда, глав городских и районных администраций, лидеров почти всех партий и движений, вождей тейпов и духовенства... Но главное даже не в этом. Российская демократическая общественность поддержала оппозицию таджикскую, включая военную, участвовавшую в самой кровавой из гражданских войн послевоенного времени, унесшей жизни не менее ста тысяч человек. Почему же заведомо негативным оказалось ее отношение к чеченской оппозиции, борющейся с одной из самых отвратительных в постсоветском мире тираний? Да потому, что существование такой оппозиции “не вписывается” в уже обрисованную выше морально-политическую доктрину “национального освобождения»¹⁶.

ТРИ ГОДА ЧЕЧЕНСКОЙ СВОБОДЫ

Фактически с самого начала “национальной революции” в чеченском обществе начался рост агрессивных настроений и анархистских поведенческих установок, а также активизация маргинальных социальных групп, прежде всего незанятой самостоятельным трудом мужской части сельской молодежи. Агрессивность обрела четко вы-

раженную направленность против этнических “чужаков”, прежде всего русских, которые в большинстве своем проживали в Грозном и в бывших казачьих станицах. Имеется большое число свидетельств морального и физического террора и тяжких преступлений, включая убийства, которые совершались в отношении жителей республики нечеченской национальности¹⁷. По данным МВД России, в 1992–1993 гг. на территории Чечни ежегодно совершалось до 600 умышленных убийств, что было в семь раз больше данных за 1990 г. Жертвами насилия стали многие жители Чечни русского происхождения.

Политическая сецессия и деятельность Дудаева вызвали глубокий экономический кризис в Чечне. И до этого не самая благополучная республика превратилась за два года в один из самых кризисных в социально-экономическом отношении регионов России. Общий спад производства в течение 1992 и 1993 гг. составлял примерно 60% ежегодно. Более двух третей промышленного производства в республике приходилось на долю топливной промышленности, которая в очень большой степени зависела от поставщиков и потребителей в разных регионах бывшего СССР. Все эти экономические связи оказались нарушенными. Кризис был связан также и с массовым выездом русского населения. Опрос населения, проведенный ВЦИОМ в начале 1992 г., показал, что доля русских, желающих выехать из Чечни, была выше (37% всех опрошенных), чем в любой другой части бывшего СССР. Как правило, это были наиболее квалифицированные специалисты, на которых держались немногочисленные предприятия республики (в основном нефтегазовая промышленность). По данным Федеральной миграционной службы России, за 1991–1993 гг. из республики выехало более 90 тыс. человек.

Однако отъезд русских не улучшил положение с занятостью населения. Избыточные трудовые ресурсы в Чечено-Ингушетии достигали не менее одной трети работоспособного населения еще до прихода к власти Дудаева, а кризис экономики создал ситуацию массовой безработицы. Чеченская столица стала заполняться толпами экзальтированной молодежи, в том числе из сельских мест. Участие в революции стало единственным доступным и “достойным” занятием, за которым скрывались социальная неустроенность, моральная дезориентация, стремление силой оружия утвердить свой статус и улучшить материальное положение. Именно эти слои населения составили социальную базу режима Дудаева и обеспечили рекрутов для многочисленных вооруженных групп, которые занялись грабежами и рэкетом.

В полный упадок пришла сфера здравоохранения и образования. Многие школы закрылись, а большинство пенсионеров перестали получать пенсии и социальные пособия. Основной особенностью социальной жизни этих лет стало формирование небольших элитных групп, использовавших свое положение, и особенно политическую и

военную власть, для личного обогащения. У нас нет данных о дудаевских или чьих-либо других капиталах, как и нет какой-либо социальной статистики по Чечне последних лет. Однако версия о всеобщей коррупции и разграблении республики, в том числе и доходов от продажи нефти, представляется убедительной. Тем более, что она распространена и среди самих чеченцев. Дудаев лично использовал обвинения в коррупции для отстранения от власти своего бывшего соратника Мамодаева и для разгона возглавлявшегося им парламента. На мой вопрос, почему Джохар Дудаев не хочет прекращения войны, один из полевых командиров ответил так:

“Джохар и подобные Джохару – они повязли... Те же пенсии, нефть, которые они, его окружение, сожрали. Это можно было такую республику сделать, как Кувейт! Ведь если даже только 5% от продажи нефти пустить на нужды населения, мы бы так жили!... И дети не голодали бы, и наши родители не ездили бы в Ингушетию и Дагестан получать пенсии... Нефть они сожрали однозначно: он сожрал, Гантемиров сожрал, Мамодаев сожрал и вот сидят там как правительство народного доверия и пятое-десятое”¹⁸.

В высказываниях чеченского боевика можно заметить одну из характерных черт “поэтики” явочной сецессии: это – часто достаточно иллюзорные надежды через отделение устроить более благополучную жизнь. Эта поэтика питается устойчивым представлением, что тот или иной регион или этническая группа являются объектом угнетения и грабежа со стороны государства. В бывшем СССР этот миф был и остается одним из наиболее устойчивых в программатике националистических движений. В Чечне тезис о притеснениях со стороны России насаждался местными пропагандистами особенно настойчиво.

Но притягательность отделения далеко не всегда основывается на планах улучшения жизни всего народа и чаще всего обещает противоположный результат. Однако для инициаторов независимости и определенной части населения режим “свободного государства” может приносить быстрые дивиденды, в том числе и экономические. Трехлетняя чеченская независимость не принесла процветания республике и не сулила его и в будущем, но открытая граница и доступ верхушки режима Дудаева к реализации некоторых ресурсов и возможность криминального изъятия некоторых средств из плохо контролируемого общероссийского хозяйства создали мощную заинтересованность в “свободе от России”, а точнее, в освобождении от некоторых центральных процедур и отчислений в пользу центра. Начиная с 1992 г. Чечня не перечисляла никаких налогов в федеральный бюджет, получив из него в том же году более 4 млрд. руб. в виде различных дотаций. По свидетельствам Егора Гайдара, экономические и финансовые отношения с сепаратистским режимом были одной из сложных проблем для федерального правительства.

“Правительство продолжало осуществлять поставки нефти на Грозненский нефтеперерабатывающий, хотя в 1992 г. они были сокращены на одну треть (на 5 млн т), и на 1993 г. планировалась сократить еще на 4 млн т... 10 мая 1993 г. Дудаев просил у меня выделить экспортную квоту на 2,5 млн тонн. Министерство топлива и энергетики, которое покровительствовало заводу в Грозном, выделило экспортную квоту 230 тыс. т... До марта 1993 г. в Чечню поступали средства из федерального пенсионного фонда, который контролировался Верховным советом”¹⁹.

На самом деле чеченское руководство смогло обходить экспортные правила и продавало нефть в обход российских властей.

Для анализа конфликтной ситуации очень важно понять мотивы, аргументы и стиль поведения лидеров, а также постараться избежать изначальной дегуманизации инициаторов конфликта. В этом отношении примечателен текст обращения Дудаева к первому вице-премьеру Правительства РФ от 10 мая 1992 г. по проблеме экспортных квот в 1992 г. на нефтепродукты, производимые на предприятиях Чеченской республики. Дудаев предлагал заключить межправительственное соглашение по этому вопросу, чтобы наладить “добрососедские отношения между Чеченской республикой и Россией” и “иметь необходимую финансовую основу для решения острейших социально-экономических и экологических проблем”. Формулировка Дудаевым первой задачи для федеральных властей почти всегда казалась неприемлемой, ибо за ней виделось как бы косвенное признание, что Чечня – это уже не Россия. Что же касается второй задачи, сформулированной Дудаевым, то последующий текст раскрывает вполне устойчивое представление чеченского лидера, которое не было лишено определенных оснований и которое составляло важнейший аргумент в программе чеченского национализма:

“Напомним, что в Чеченской республике сложилась ситуация, находящаяся в явственном противоречии со здравым смыслом: обладая обширными запасами наиболее высококачественной нефти на территории стран СНГ, перерабатывая ежегодно до 15 млн т нефти, поступающей в республику из России, Чеченская республика относится к беднейшим регионам бывшего СССР и находится на последнем месте по социальному обеспечению, имеет наиболее высокие показатели по детской смертности, безработице и загрязненности окружающей среды, онкологическим и туберкулезным заболеваниям. В то же время средства, поступающие в республиканский бюджет от деятельности нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего комплексов, неудовлетворительно (если не сказать оскорбительно) малы, что не позволяет поставить в повестку дня решение ни одной национальной проблемы”²⁰.

Нет никаких сомнений, что сохранявшаяся свобода экспорта нефтепродуктов через территорию России приносила солидные дивиденды определенному кругу лидеров, включая Дудаева. Но

были еще и сотни, а возможно, тысячи молодых чеченцев-мужчин, которые сменили российскую сезонную “шабашку” на шопотуры в Турцию и другие страны, что давало средства к существованию и даже относительное преуспевание. Ежемесячно из Грозного совершалось самолетами различных российских авиакомпаний 100–150 авиарейсов за границу (с ведома и без препятствий со стороны российских властей). Вывозились главным образом российские товары мелкими партиями, а привозились предметы широкого потребления, которые реализовывались как в республике, так и за ее пределами, в том числе и в Москве. Мелкий, но энергичный бартер приносил некоторую оживленность экономической деятельности и даже видимость “насыщенности товарами” преимущественно на уровне уличной торговли. Он же сформировал и частичную материальную базу чеченской революции.

Отсутствие федерального контроля (прокурорского, таможенного, налогового) на территории Чечни позволило превратить ее в базу общероссийского криминального сообщества и в убежище для преступников. Уже в 1992 г. Чечня стала центром по производству фальшивых денег и подложных финансовых документов. Только в 1993 г. на территории России было изъято около 4 млрд фальшивых купюр чеченского производства. При активном участии чеченских криминальных группировок были организованы с использованием фальшивых кредитных авизо хищения из российских банков на сумму около 4 триллионов руб. Из Чечни поступали наркотики в различные государства бывшего СССР, были сделаны попытки поставить оружие для некоторых националистических организаций в других республиках России. Чечня сделалась военной и политической базой северокавказской националистической организации “Конфедерация народов Кавказа” (КНК), а один из ее лидеров Юсуп Сосламбеков был одновременно ближайшим соратником Дудаева и одним из руководителей ОКЧН. Руководителями военных отрядов КНК были всегда чеченцы.

Несмотря на определенные историческую и социальную обусловленность чеченского национализма в его наиболее манифестных формах, нельзя не согласиться с оценкой ситуации в Чечне, которая была дана в “Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию”: “Итак, в течение трех с лишним лет на территории Чеченской республики действовал антиконституционный режим, установленный вооруженным путем и удерживаемый силой оружия; функционировали незаконные органы власти и незаконные вооруженные формирования”²¹. Какова же была политика федерального центра в связи с чеченским вызовом?

ОТВЕТ ЦЕНТРА

Как мы уже отмечали, “чеченская революция” и ее материальное обеспечение – это в значительной мере московская инициатива, даже если в центре наиболее активно действовали политики чеченского происхождения или другие выходцы с Северного Кавказа. Самопровозглашенная независимая Чечня, вызывающее политическое поведение Дудаева и быстро развивающийся кризис в республике стали в какой-то мере неожиданностью для федеральных властей и для российского общества в целом. По крайней мере до лета 1991 г. эксперты не включали Чечню в список потенциальных клиентов на сессию. “Независимость” от России воспринималась как экстравагантность эмоциональных чеченцев, которые, казалось, рано или поздно должны будут понять неосуществимость своего проекта.

Насколько это было возможно, Москва продолжала осуществлять некоторые необходимые связи с Чечней в социально-экономической и гуманитарной сферах. Чечено-Ингушская, а затем Чеченская республика (после июня 1992 г., когда была создана Ингушская республика) присутствовали во всех основных государственных планах и программах. Даже приватизационная программа 1992 г. детально расписывала сколько и каких предприятий и в какие сроки должно быть приватизировано в Чечне, хотя в республике, где давно процветали коррупция и nepотизм, реальная приватизация уже произошла. Под контролем властей оставались лишь некоторые заводы и нефтепровод, но и в последнем граждане устанавливали собственные краники. *“У нас как установилось: если что-то на твоей территории находилось, значит это твое, даже если это нефтепровод”*²², – заметил Балауди Мосаев.

Чечня оставалась и в культурно-информационном пространстве России: из Москвы продолжали поступать газеты, принимались телепередачи. Сохранялись гуманитарные контакты, особенно интенсивная челночная миграция молодых предпринимателей и членов их семей между Грозным и Москвой, где, по минимальным оценкам чеченская община быстро выросла до 30 тыс. человек. Далеко не все эти чеченцы были представителями криминального мира: в Москве действовала влиятельная и уважаемая ассоциация чеченцев России. Несмотря на материальные трудности в Чечне, поддерживались контакты между учеными и деятелями культуры. Летом 1992 г. Институт этнологии и антропологии РАН провел в Грозном совместно с местным научно-исследовательским гуманитарным институтом всероссийскую конференцию этнологов.

Попытки нормализовать ситуацию в Чечне и отношения с Грозным предпринимались неоднократно, причем мирными средствами. Хотя на заседаниях Правительства РФ в период с февраля по октябрь 1992 г. тема Чечни специально не обсуждалась, но, как сооб-

щил Е.Т. Гайдар, “на заседаниях Совета безопасности вопрос о Чечне обсуждался много раз, попыток осуществить силовые варианты старались избежать... Министерство безопасности выступало против применения силы”²³. В Москве было известно, что несмотря на обладание огромным арсеналом оружия в Чечне не было каких-либо боеспособных частей, кроме так называемой президентской гвардии. Но в Москве не понимали, что обладавшее оружием гражданское население легко могло быть мобилизовано на вооруженные действия, особенно под лозунгом отпора “внешней агрессии”.

Первая попытка применить российскую армию против Чечни имела место осенью 1992 г. в момент осетино-ингушского конфликта. В Северную Осетию были введены неоправданно большие силы, в том числе и танки, которые инсценировали отражение “ингушской агрессии” и проследовали к границам Чечни. Егор Гайдар косвенно признал наличие такого сценария, когда в своих показаниях заявил:

“Вопрос о применении силы встал в ноябре 1992 г., когда обсуждалось продолжение кампании в зоне осетино-ингушского конфликта в том числе и против Чечни”. Подошедшие к границам Чечни российские вооруженные силы были встречены энергичной демонстрацией политической воли и военными акциями, призванными подтвердить намерение чеченской стороны оказать вооруженное сопротивление. Во Владикавказ прибыл Гайдар, посетил Назрань, встретился с военными, как он сам признал, “убедился в низкой моральной и другой подготовленности войск” и пригласил на встречу Яраги Мамадаева, с которым была достигнута договоренность о разведении войск. “Я убедил Бориса Николаевича выполнить эту договоренность”²⁴.

13 ноября 1992 г. глава временной администрации на территориях Северной Осетии и Ингушетии Сергей Шахрай встретился с представителями Чечни и договорился о подписании соответствующего протокола, который и был подписан 15 ноября заместителем главы Временной администрации А.А. Котенковым и заместителем председателя кабинета министров ЧР Я. Мамодаевым. Хотя сам Дудаев в тот же день во главе вооруженного отряда совершил провоцирующее нападение на российский военный пост у станицы Слепцовская и тем самым чуть не сорвал достигнутое соглашение о мирном разводе двух вооруженных сторон.

В январе 1993 г. в Грозном состоялись переговоры российской делегации во главе с С. Шахраем и Р. Абдулатиповым с представителями парламента Чеченской республики во главе с председателем парламента Х. Ахмадовым и была достигнута договоренность о подготовке договора между РФ и ЧР о разграничении и взаимном делегировании полномочий. Опять же Дудаев на следующий день осудил эти переговоры и заявил, что “никакие политические договоренности с Россией невозможны”. Именно по этому вопросу произошло столкновение между президентом и парламентом, и Дудаев силой разогнал парламент и отправил в отставку главу правительства Ма-

модаева. Дудаев соглашался только на переговоры лично с Ельциным и только по вопросу признания Москвой независимости Чечни. 30 марта 1993 г. он направил письмо президенту Российской Федерации. Это письмо было верхом любезного стиля и политической бескомпромиссности:

“Уважаемый господин Президент! Выражаю свое высокое почтение, желаю здоровья и благополучия Вам и Вашей семье, мира и процветания Российскому народу. Обращаюсь к Вам от имени всего чеченского народа по вопросу, имеющему судьбоносное значение для взаимоотношений между нашими государствами... Обращаюсь к Вам с предложением обсудить вопрос о признании Российской Федерацией суверенной Чеченской республики. Решение данного вопроса сняло бы все препятствия на пути преодоления многих проблем во взаимоотношениях наших государств. Российская Федерация приобретет в лице Чеченской республики надежного партнера и гаранта политической стабильности на всем Кавказе. Уверены, что Вы, как Президент Великой державы, проявите присущую Вам политическую мудрость и сделаете все возможное для решения вопроса о признании Российской Федерацией Чеченской республики. Наша совесть будет чиста и перед историей, и перед будущими поколениями, если мы сумеем наладить отношения между нашими народами, обеспечим равноправие и взаимовыгодное сотрудничество между нашими государствами”²⁵.

Генерал Дудаев избрал для себя стиль личного обращения к Ельцину не столько для разрешения конфликтной и кризисной ситуации, сколько для того, чтобы любым путем добиться с ним встречи и тем самым укрепить собственное положение. Спустя несколько дней он написал еще одно письмо Президенту РФ почти “личного характера” (даже не на официальном бланке!), которое скорее напоминало докладную записку эксперта или помощника своему начальнику. Это письмо содержало размышления Дудаева по поводу политической ситуации в России накануне референдума 25 апреля 1993 г. и на сей раз представляло собой верх претенциозности:

“Обладая обширной и, поверьте, весьма достоверной информацией о той работе, которую проводят противники жизнеспособной исполнительной власти в России, а также тех исторических реформ, за которые Вы самоотверженно боретесь, хотел бы предостеречь Вас от возможности дальнейшего нарастания противостояния в Российской Федерации, могущего привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям. Хочу предложить Вашему вниманию для серьезного анализа прогностические результаты референдума и постреферендную стратегию действий... Рекомендация Ельцину состояла в следующем роспуске Верховного Совета, назначение выборов нового парламента и принятие новой конституции. –В.Т.) “В юриспруденции допускается оправдание менее тяжкого преступления, не влекущего юридических последствий, если оно содеяно в целях предотвращения более тяжкого преступления. Правда, как водится в войсках, уж коли решение принято и если даже оно неверное, то разумнее и целесообразнее доводить его до конца, чем останавливаться на полпути и принимать новое...”²⁶.

В этом письме, которое написано или самим Дудаевым, или при его прямом участии, отразился весь стиль самонадеянности и амбициозности постсоветских политиков. Не дьявольская пронизательность Дудаева, а одинаковые политическая мораль и уровень гражданского сознания распорядились так, что президент Ельцин действительно как бы последовал “рецептам” грозненского прогнозиста: разогнал в октябре 1993 г. российский парламент, а затем, “как водится в войсках”, занял рекомендованную Дудаевым позицию в ходе войны в Чечне.

Пробуждение” Москвы в отношении ситуации в Чеченской республике произошло зимой 1994 г. и этому скорее всего способствовало подписание в феврале договора России с Татарстаном. Разрешение мирным путем одного из двух наиболее серьезных конфликтов с территориальными автономиями создало возможность предложить Чечне такой же вариант договора, который разделит бы полномочия власти между Москвой и Грозным и установил бы границы суверенитета Чечни вплоть до признания ее статуса как ассоциированного с Россией государства и как “субъекта международного права”, что было сделано в случае с Татарстаном. Этот процесс был начат, и с обеих сторон предприняты определенные и серьезные действия. Подтверждением может быть определение руководителем Администрации президента РФ Сергеем Филатовым “четырёх этапов” эволюции чеченского кризиса: “Первый этап – зима–весна 1994 г., когда готовились переговоры, встреча Бориса Николаевича с Дудаевым. Второй этап – июнь–июль, когда начались внутренние разборки и массовое уничтожение Дудаевым людей, чем он сам перечеркнул надежды на встречу. Все же понимали, что он жаждет встречи для поддержки пошатнувшегося, а может быть, уже и рухнувшего своего авторитета. Поэтому на данном этапе была оказана поддержка Временному совету, образованному на съезде чеченского народа, находящегося в оппозиции Дудаеву... Третий этап – лето–осень, когда Дудаев из политической конфронтации начал переводить конфликт в русло военное. И нужно сказать, преуспел в этом”²⁷. Четвертый этап – это уже война.

Соглашаясь с этой периодизацией, попробуем проанализировать внутреннюю динамику кризиса с точки зрения расстановки политических сил в России и роли личного фактора в ситуации конфликта. При всех огромных полномочиях, которые получил президент Ельцин после принятия новой Конституции в декабре 1993 г., избранный парламент, представленный в том числе почти всеми региональными лидерами в верхней палате, был настроен гораздо более непримиримо в отношении сепаратизма республик и сохранения территориальной целостности России. В случае возможной процедуры ратификации татарстанского договора Федеральное собрание, по мнению Э.А. Паина, его бы “неприменно провалило”²⁸. В марте 1994 г. Государственная Дума приняла постановление по си-

туации в Чеченской республике, которым фактически исключала возможность прямых переговоров с Дудаевым. Дума выдвинула условием заключения договора с Чечней проведение в республике новых выборов в республиканские органы власти и в российский парламент, а также рекомендовала президенту и правительству установить политические контакты с оппозиционными Дудаеву силами в процессе подготовки российско-чеченского договора.

Было бы привычным для анализа на уровне “сил” и “тенденций” объяснить этот шаг федеральной представительной власти как отражение растущих в обществе охранительно-патриотических тенденций и как шаг парламента не допустить дальнейшего “развала России”. Однако по обстоятельству, что за этим решением Думы стоял С.М. Шахрай, является немаловажным моментом. Этот политик уделял особое внимание Северному Кавказу и, конечно, самому большому для российского руководства вопросу – ситуации в Чечне. Он в какой-то мере, возможно, был инициатором попытки силового решения кризиса, которая имела место в момент осетино-ингушского конфликта осенью 1992 г. Но с ним были связаны и значительные акции по мирному урегулированию кризиса, в том числе поездка и переговоры в Грозном в январе 1993 г. вместе с Р.Г. Абдулатиповым. Не случайно Дудаев неоднократно заявлял о нежелательности иметь дело с С.М. Шахраем как с главным представителем российской власти на переговорах с Чечней. Дудаева в этом качестве устраивал только президент. Данное обстоятельство и изменение ситуации в республике подтолкнули С.М. Шахрая к смене ориентации на оппозиционные силы и утвердили во мнении о “невозможности договора с Дудаевым”, о чем он также высказался публично.

По признанию С. Филатова, в российском руководстве была создана группа по координации действий с оппозицией. “Провели меры по нормализации жизни на территории, не управляемой Дудаевым. Оперативной группой фактически руководил С.М. Шахрай. Но неожиданно в ноябре он был отстранен от национальной политики, и координация ее была поручена другим лицам”²⁹. Таким образом, один из ключевых политиков центра, не будучи сторонником силового варианта, в то же время не смог преодолеть собственные амбиции иметь приоритет в разрешении кризиса, предпочтя исключить непризнающего его Дудаева, а не себя лично из диалога конфликтующих сторон. Этот личный момент оказал большое влияние на развитие событий в дальнейшем, ибо место С.М. Шахрая заняли сторонники откровенной силы, готовые решить сформулированную им же проблему невозможности переговоров с Дудаевым.

Однако еще 14 апреля, несмотря на постановление Думы, Ельцин дал официальное поручение правительству провести консультации с Грозным и на их основе подготовить договор с Чеченской республикой. Но этот наиболее разумный и достаточно реальный подход, подразумевавший признание легитимности Дудаева, уже стал

обретать мощное противодействие. По крайней мере Э.А. Паин справедливо отмечал “некоторые явные странности”, такие, как трехмесячное формирование делегации для переговоров и назначение ее главой Шахрая, которого Дудаев объявил “врагом чеченского народа”. Нельзя не согласиться с его выводом, что “российская политическая реальность сделалась к этому времени такой, что президент оказался вынужден создавать видимость переговоров”³⁰. Но для нас интересно, что скрывается за категорией “реальность”? Это прежде всего те же личностные мотивы, амбиции и диспозиции ключевых политических фигур.

Нет достаточных свидетельств о том, что к этому моменту созрел план военного или какого-либо другого силового решения конфликта со стороны федеральных властей. Его не было до осени, иначе в сентябре правительство РФ не принимало бы решения о строительстве железной дороги Кизляр – Карлан-Юрт протяженностью 78 км в обход Чечни, объясняя это сложившейся в Чечне ситуацией, сделавшей невозможным дальнейший пропуск поездов через ее территорию. Зато в Кремле получили влияние оппозиционные Дудаеву чеченские политики, которым оказывала поддержку “координационная группа”, включая ответственного работника администрации президента Завгаева.

С весны был взят курс на поддержку, в том числе материальную и военную, оппозиции во главе с такими политиками, как Хаджиев, Автурханов, Гантемиров. Но зато из этого списка был однозначно исключен Руслан Хасбулатов: окружение Ельцина не могло допустить и мысли, чтобы выпущенный из тюрьмы бывший председатель Верховного Совета как-то объявился в российской политике, пусть даже в роли оппонента сепаратисту Дудаеву. Для некоторых московских экспертов и политиков Хасбулатов казался страшнее Дудаева. Вадим Печенев, занимавший должность заместителя министра по делам национальностей, любитель “аналитических записок”, написал 21 апреля 1994 г. на имя руководителя администрации президента С.А. Филатова записку по этому поводу. Главное в ней – посеять страх по случаю возможного прихода к власти в Чечне Хасбулатова.

«Какими могут быть последствия прихода Хасбулатова к власти в Чеченской республике? Думается, что он довольно легко убедит свое чеченское окружение в необходимости подписания Договора с РФ типа российско-татарстанского. Тем самым формула “ассоциированного” члена Федерации из исключения начнет превращаться в правило. В России появится еще одно “суверенное государство в составе другого суверенного государства”.

Хасбулатов, став президентом ЧР, проведет выборы в Совет Федерации и Госдуму, выставит свою кандидатуру в Совет Федерации и станет его членом. В Совете Федерации влияние Хасбулатова будет, очевидно, сильнее, чем в Госдуме. В работу федеральных органов власти он скорее всего привнесет усиление элементов конфронтационности....»

Далее Печенев формулирует основную рекомендацию:

«Приход к власти в Чечне любого деятеля харизматического типа (от Дудаева до Хасбулатова) пойдет во вред Российскому государству. Следует прощупать и просчитать возможности повторения в Чечне “эффекта Шеварднадзе–Алиева”, сделав осторожную “ставку” на бывшего коммунистического лидера Д. Завгаева как последнего легитимного и профессионального руководителя Чечни. Другой альтернативы прихода Хасбулатова к власти сегодня не просматривается, “продудаевская” же политика была бы с нашей стороны и неразумной, и, вероятней всего, неэффективной. Дни генерала, скорее всего, сочтены»³¹.

Поразительным в этом документе является рассмотрение ситуации сугубо в контексте верхушечной борьбы и личных политических интересов Ельцина: пусть лучше любая ситуация, но только не Хасбулатов как представитель Чечни в федеральном парламенте! Хотя именно о последнем варианте и следовало бы мечтать федеральным политикам, чтобы предотвратить вооруженный конфликт.

ФАКТОР ХАСБУЛАТОВА

Действительно, с лета 1994 г. активную роль в Чечне на стороне оппозиции Дудаеву стал играть Руслан Хасбулатов, который обладал большим авторитетом в республике и пользовался необходимой защитой со стороны своих сторонников. Его оценка ситуации была вполне определенной: к “пытающемуся править” режиму Дудаева весь народ находится в оппозиции, Дудаев потерял рычаги управления республикой и не может осуществить объявленную всеобщую мобилизацию, единственная опора Дудаева – это сравнительно небольшое элитное воинское подразделение, которое хорошо оплачивается, и именно оно принимает участие во всех действиях против оппозиции. Как и другие оппозиционные лидеры, Хасбулатов выступал за оказание более крупной помощи России вооруженной оппозиции и боевой подготовке “народного ополчения”, но был против прямого вмешательства вооруженных сил в конфликт. Более того, в одном из интервью он выразил опасение, что “народная борьба может лишит республику не только Джохара Дудаева, но и населения”³². Хасбулатов, по собственному признанию, провел летом и осенью 1994 г. в Чечне семь месяцев (“больше, чем за всю свою предшествующую жизнь”), действовал там энергично и не без успеха.

Обосновавшись в селе Старый-Юрт за защитой своих вооруженных родственников и сторонников, Хасбулатов образовал миротворческую группу в составе “видных духовных авторитетов народа”, которой удалось провести в августе и сентябре ряд собраний и митингов в городах и селах республики за пределами Грозного. По утверждениям Хасбулатова, “на этих собраниях, митингах и сходах граждан участвовало около 1 млн человек” и на них “воля населения республики определилась ясно и недвусмысленно: Дудаев должен

немедленно уйти с занимаемой должности”³³. Поведение Хасбулатова, как и других чеченских лидеров, представляет собой образец использования коллективистской стратегии политическими активистами для утверждения себя в качестве “лидеров нации”, выразителей “воли народа”, защитника его интересов. Для этого существует почти стандартный набор аргументов и приемов, который позволяет осуществить мобилизацию и манипулирование рядовыми участниками драмы. Чеченский кризис дает поразительный материал для такого анализа.

Во-первых, среди народа создается образ героя-лидера, который сражается (или готов это делать) за интересы народа от внешних и внутренних врагов (чем больше этих врагов и чем они грознее, тем больше значимость героя). В глазах чеченцев Хасбулатов намеренно создавал такой образ, используя свою громкую известность:

«Я своим взглядам не изменял, они у меня сформировались задолго до того, как достиг вершин политической власти, став главой российской парламента. Эти взгляды не изменились даже после того, как был оскорблен и брошен незаконно в Лефортовскую тюрьму после преступного расстрела парламента из танковых орудий 4 октября 1993 г. Как помните, Дудаев направил приветственную телеграмму Ельцину в связи с этой “победой”. С молоком матери я впитал в сознание несправедливость существовавшего строя, всегда стоял на защите угнетенных и обездоленных, выступал за демократию и права человека...»³⁴

Во-вторых, создается образ страдающего героя, которому народ должен сочувствовать и которого целиком поддерживает. Хасбулатов писал в своем заявлении:

“Наши граждане не принимают всерьез обвинения дудаевской пропаганды в мой адрес, которая утверждает, что якобы он призывает российские войска. Лидер Миротворческой группы, который был однажды уже расстрелян и брошен в Лефортово этими войсками, обращается с просьбой к гражданам и духовенству защитить его доброе имя и перестать клеветать на него... Они хотят отобрать у меня Честь, которой сами не обладают. Но этого не удалось сделать даже людям, намного сильнее здешних правителей. И Вы это хорошо знаете”³⁵.

Хасбулатов не останавливается даже перед тем, чтобы высказать свой выговор “народу”:

“Я неоднократно говорил, что нахожусь здесь не для славы и почестей, а по призыву народа и по велению души и сердца. Ввиду этого я, видимо, должен был бы пользоваться защитой народа. Но Вы позволяете позорить мое имя с телеэкрана, клеветать на меня...”³⁶.

В-третьих, необходимо представить врага в наиболее дегуманизованном виде, как “врага нации”, причем вызвать к нему самые негативные ассоциации и чувства:

“Всем очевидно, что Дудаев должен уйти... Он все развалил. Все, что можно развалить. Развалил даже то, что невозможно развалить. Един-

ственное, что он не сумел, так это развалить горы. Элементарная порядочность требует от него ухода как несправившегося со своими задачами руководителя. Однако он с помощью танков и пулеметов, с помощью наемных убийц пытается сохранить свою власть. Какое уважение к нему может испытывать народ? За что уважать? Кому нужен этот маленький Гитлер? Какую угрозу он несет своим соотечественникам? Угрозу полного физического уничтожения”³⁷.

Часто враг представляется в мифологической форме – в виде темных сил, которые терзают тело народа. Хасбулатов прямо употребляет этот термин по отношению к Дудаеву и его сторонникам, но косвенно имеет в виду и российские власти: *“Нам осталось немного для торжества справедливости, если не вмешаются темные силы. Станьте на пути этих темных сил, и они покорятся Вам”³⁸.*

В-четвертых, лидер формулирует (опять же в морально окрашенной форме) предписание действий для народа. Учитывая большую роль кровнородственных связей и морально-словесной риторики в северокавказских сообществах, он обращается к “ближним родственникам, одноклассникам, старейшинам” оказать на “всех этих начгенштаба”, “начальников танковых войск”, “полевых командиров” – “разные Гелисхановы, Масхадовы, Сатыевы, Гелаевы, Абубакаровы, Мержуевы, Яндарбиевы и прочие” – должное влияние и подсказать, что “воевать с народом нельзя, народ этого не простит”. “Кто придет им на помощь завтра, когда Дудаев сядет за штурвал самолета и улетит куда-то в небытие?” Главное предписание Хасбулатова – создавать народные ополчения для защиты мирного населения от нападений и провокаций со стороны вооруженных формирований дудаевцев. *«У населения на руках огромное количество оружия, но многие прячут его как “золотой клад”; некоторые не хотят становиться в ряды защитников своих же сел и городов. Это – позорная, трусливая позиция. Откажитесь от нее»³⁹.*

Нужно признать, что авторитарная стратегия националистических лидеров достигает почти гарантированного успеха в среднемоде­ рнизированных малых сообществах. В личном разговоре со мной 20 февраля 1995 г. Хасбулатов сказал, что в октябре почти все полевые командиры, включая командира Абхазского батальона, были на его стороне, а последний даже в знак верности договору прислал ему в заложники своего брата. Со свойственной ему амбициозностью этот московский политик не удержался от мессианистских жестов “лидера нации”. Приведу для примера хотя бы одно из его публичных высказываний:

“Моя популярность в Чечне огромна. Когда я выступаю на митингах, собираются 100, 200, 300 тыс. человек. Мое мнение является законом. Если захотят поставить премьер-министра, то поставят того, кого рекомендую я. И так на все посты. Я решаю судьбу целого народа”.

В том же выступлении Хасбулатов заявил:

“Я бы мог поставить под ружье 60 тыс. вооруженных людей в течение недели и пойти на Грозный, но я не генерал, и кровопролитие не мое пристрастие” ⁴⁰.

Поведение чеченских лидеров в момент осеннего противостояния крайне интересно с точки зрения социально-культурного анализа. Как в традиционных, так и в современных обществах феномен войны включает довольно часто элемент угрозы как средство принуждения противника принять волю другой стороны. Альтернативой ему может выступать и внезапное нападение, так же известное в истории от древних набегов до Пирл-Харбора. Демонстрация угрозы и решимости воевать, не переходя к открытым действиям, может иметь разные мотивировки и преследовать различные цели. Силовая демонстрация уберегает от возможного неприемлемого взаимного ущерба и от опасности войти в ситуацию кровавых распрей и реванша. Она как бы останавливает конфликт на стадии, когда логика войны и кровной мести еще не действует и осознание опасности последней играет сдерживающую роль. Именно такое поведение демонстрировали чеченские лидеры накануне войны, когда враждующие внутричеченские группировки и режим Дудаева имели ограничитель в виде возможного кровного реванша на массовом уровне, что действительно грозило уничтожить, по словам Хасбулатова, не только лидеров, но и население республики. Угроза войной, а не сама война – наиболее предпочтительный вариант в малых конфликтующих сообществах, где сильны механизмы самосохранения. Этот самоограничитель ослабевает или исчезает, когда в конфликте задействована сторона или стороны, у которых обычай кровной мести отсутствует, а чувство группового самосохранения ослаблено. Такая трансформация произошла в Чечне после вступления в нее российской армии.

ЧЕЧНЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Если до осени 1994 г. ситуация в Чечне была как бы на периферии российского общественного мнения, то после начала военной кампании чеченская тема стала главной в жизни России. Наиболее апокалиптические настроения выразили радикальные демократы. По мнению Юрия Афанасьева, после чеченской войны “о каком-либо будущем демократии в России в принципе можно говорить не раньше, чем лет через двадцать. Одной из первых свое отношение к военной операции российских войск высказала Московская городская дума, квалифицировавшая их ввод в Чечню как антиконституционный акт и как начало сворачивания демократических процессов по всей России. Представительные органы ряда краев и областей (Ставропольский, Краснодарский, Алтайский края, Амурская, Аст-

раханская, Калининградская, Кемеровская, Тамбовская, Тульская, Тверская, Свердловская, Читинская области) призвали к использованию мирных, политических средств разрешения конфликта. Что касается подавляющего большинства глав администраций краев и областей, назначаемых президентом РФ, то они предпочли не выражать свои позиции по чеченскому вопросу. Только некоторые из них выступили с резкими высказываниями по поводу действий федеральных властей в Чечне.

Более определенную позицию заняли руководители российских республик, для которых основанная на силе “новая национальная политика” заключала в себе угрозу республиканскому суверенитету и которые не могут не учитывать реакции на события местного населения, и особенно радикальных националистических групп, симпатизирующих “чеченской революции”. Свое несогласие с военной операцией и использованием территории республики для продвижения и размещения войск высказали власти и Дагестана. В Махачкале и Хасавюрте прошли митинги протеста, организованные национальными движениями, особенно чеченцев-аккинцев. Как известно, в самом начале операции 11 декабря в районе Хасавюрта была задержана колонна российских войск и группа военнослужащих взята в плен и переправлена Дудаеву. Однако информация об участии чеченцев-аккинцев из Дагестана в войне на стороне Дудаева носит противоречивый характер. Так, например, 8 февраля 1995 г. “Известия” поместили передовой материал “Территория Дагестана может стать новым плацдармом войны, в котором журналист Алексей Челноков сообщал, что “в составе ауховского батальона дудаевских сил воюют приезжие из Дагестана – чеченцы-аккинцы, аварцы, даргинцы. Отвоевав неделю – другую, они возвращаются домой и вскоре снова берутся за оружие”.

Вместе с тем днем раньше, 7 февраля, на одном из заседаний в Государственной думе Магомед Гусаев, один из министров правительства Дагестана, заявил, что в район проживания чеченцев в Дагестане не прибыло ни одного гроба с телом убитого и что реально аккинцы в боевых действиях не участвуют, а в окружении Дудаева аккинцев фактически нет, как их не было и в правительстве Чечни. В Кабарде, как и в Карачаевске, действительно прошли публичные выступления в поддержку Чечни, хотя власти обратились с призывом не противодействовать федеральным органам власти в осуществлении мер против Чечни. В Кабардино-Балкарии было принято решение о полном запрете митингов и манифестаций на период военных действий в Чечне.

Уклончивую позицию заняли руководители Краснодарского края и Ростовской области. Зато губернатор Ставрополя, где население больше всего страдало от бандитизма с территории Чечни, полностью поддержал позицию президента Ельцина. Разделились позиции казачества Северного Кавказа. Донское (Ратиев) и кубан-

ское (Громов) казачество осудило ввод войск в Чечню и высказалось за мирное разрешение конфликта, но в то же время выступило с отчетливо государственных позиций против отделения Чечни. Владимир Громов, например, заявил, что “эти события стали прямым следствием известной позиции президента: “Возьмите суверенитета, сколько можете проглотить”. Вот мы и пожинаем плоды. Кроме того, те меры, которые сейчас принимаются надо было принимать два, а то и три года назад. Сегодня же ситуация вызывает серьезные опасения. Сможет ли президент быть решительным до конца? Не получится ли, как прежде, когда замахивались и не ударили и думали, что все само встанет на свои места?” Повторяя обычные тезисы русских националистических организаций об одерживающих победу антигосударственных силах, что все это “вписывается в планы Запада по разрушению России”, о 200 тыс. русских, оказавшихся заложниками в Чечне, местное казачество было обеспокоено, что конфликт “растет по Северному Кавказу”. Некоторые местные лидеры казачества стали налаживать контакты с чеченцами: “Мы поняли, что надо без оглядки на Москву самим искать с ними общий язык, чтобы избежать войны”⁴¹. Союз казаков России (Мартынов) и Кавказское линейное казачье войско поддержали силовые акции. Терское казачество в Дагестане начало даже формировать подразделения для участия в “восстановлении конституционного порядка” в Чечне.

Из республик других регионов России резкую позицию против войны в Чечне заняли президенты и парламенты Татарстана, Башкирии, Якутии, Тувы, Чувашии, Калмыкии, Бурятии. В этих республиках после начала военных действий сразу же активизировались радикально-националистические силы, которые серьезно ослабли после принятия новой Конституции РФ. По мнению президента Якутии Николаева, использование силовых методов в Чечне “может привести к дальнейшему краху всей административно-территориальной системы Российской Федерации”. Президент Татарстана Шаймиев выдвинул предложение об участии лидеров республик в посреднических акциях. Президент Карелии Степанов также заявил, что “лучше 50 лет переговоров, чем один год войны”, и выступил на заседании Совета федерации с предложением совместно с Государственной думой подготовить поправки к Конституции, которые позволили бы провести выборы президента России летом 1995 г.

5 января в столице Чувашии Чебоксарах состоялась встреча лидеров поволжских республик с участием руководства Карелии. Позднее к решениям этой встречи присоединился президент Ингушетии Аушев. Итоговое коммюнике встречи содержало следующие положения:

а) федерализм, демократия и право должны оставаться главными принципами политического руководства России и регионов, и

только на их основе может быть обеспечено строительство нового Российского государства, в котором должны уважаться права народов и человека;

б) необходимо незамедлительно восстановить деятельность Совета глав республик, в работе которого могут принимать участие руководители других регионов Российской Федерации и представители федеральных органов власти;

в) требуется незамедлительно прекратить братоубийственную войну в Чеченской республике и решать все проблемы на основе права, справедливости и гуманизма;

г) преобразования в России были начаты с целью обеспечения достойного уровня жизни граждан, защиты их прав и интересов и в этой связи встает вопрос об ответственности за невыполнение предвыборных обещаний руководителей всех уровней;

д) одна из важнейших задач – это организация Конгресса народов России как демократического способа выработки и проведения в жизнь решений по сложнейшим национальным вопросам.

Чеченская война оказала серьезное влияние на позиции региональных элит, которые намерены противодействовать попыткам президента Ельцина вернуться к унитарному государству и которые в то же время будут усиливать авторитарные начала управления на уровне регионов. Некоторые региональные лидеры уже игнорируют представительные органы власти, ограничивают деятельность средств массовой информации, ведут линию на отказ от проведения выборов. Наиболее серьезные акции предприняты некоторыми лидерами республик по поводу службы в армии местной молодежи. Президент Чувашии Николай Федоров издал указ, который брал под юридическую защиту военнослужащих, отказавшихся воевать в Чечне. Этот указ был отменен президентом Ельциным. Однако 23 января последовал аналогичный указ президента Башкирии Муртаза Рахимова. В нем констатировалось: “без законного решения вопроса использования вооруженных сил на территории РФ военнослужащие республики не могут исполнять соответствующие юридические обязанности и нести ответственность”⁴².

На сей раз репрессалии из центра последовали в виде заказной статьи “Удельный князь, но со своей нефтью” в правительственном органе с грозными намеками и параллелями: “В Башкирии, как и в Чечне, национализм и узурпация суверенитета имеют под собой вполне экономический интерес. И прежде всего он основан на нефти... когда прослеживается небескорыстная причастность людей из ближайшего окружения М.Рахимова”⁴³.

Чеченский кризис активизировал проявления русского и периферийного национализма. Радикализировались требования национальных движений в республиках: от осуждения военных действий они переходят к требованиям неуплаты налогов, отмены всеобщей воинской повинности, выхода из состава России. Татарская партия

“Итифак” заявила, что не будет препятствовать отправке добровольцев в Чечню, хотя какой-либо активности по вербовке наемников в Татарстане не было. Конфедерация народов Кавказа сделала самые резкие заявления в адрес руководства России и негласно помогала режиму Дудаева. Во время переговоров во Владикавказе один из лидеров КНК – Али Алиев и другие имели встречу с Вячеславом Михайловым и передали российской делегации резолюцию своего съезда, только что прошедшего в Пятигорске.

Что касается русских националистических организаций, то они фактически выступили полными сторонниками силовых методов и поддержали президента Ельцина, одновременно разворачивая пропаганду идеи воссоздания “Великой России” как русского национального государства. Лидер ЛДПР Жириновский сделал с трибуны Государственной думы предложение президенту РФ издать указ о возвращении к губернскому административному делению страны, т.е. к упразднению республик.

Что касается общероссийских замеров общественного мнения по различным аспектам чеченской войны, то, пожалуй, один из показателей остается наиболее стабильным и в какой-то мере поразительным. Это устойчивое антивоенное настроение граждан и отсутствие роста античеченских настроений в России в целом. Более того, в обществе присутствует чувство вины и сострадания к понесшему тяжелые потери народу Чечни безотносительно этнического происхождения местных жителей. Под огромным влиянием средств массовой информации, в целом солидаризировавшихся с чеченским сопротивлением и создававших героико-романтический облик чеченских боевиков, за время войны не произошло активизации антикавказских настроений. Не известны случаи столкновений или актов насилия на низовом гражданском уровне, за исключением действий некоторых криминальных групп, решившихся воспользоваться “залеганием на дно” чеченских деловых людей и криминалов, чтобы потеснить конкурентов, особенно в крупных городах типа Москвы, где они были достаточно зримо представлены. Пугания российских властей возможным чеченским терроризмом в российских городах не оправдались, и это не дало ожидаемого пропагандистского повода для формирования облика “злого чеченца”, чтобы через этот образ окончательно дегуманизировать врага, т.е. представить его нечеловеком.

Местные власти ряда городов и регионов попытались воспользоваться ситуацией, чтобы решить некоторые проблемы наведения общественного порядка и борьбы с преступностью. Судя по некоторым данным, московская милиция устроила почти поголовную “домашнюю” проверку в неурочные часы всех прописанных в городе москвичей чеченской национальности. Проживавший в Москве и ныне покойный военный историк Хаджи-Мурат Ибрагим-бейли рассказал мне, как в его квартиру поздно вечером заявился участковый проверять документы только на том основании, что его супру-

га – чеченка. Подобный визит испытал и Рамазан Абдуллатипов, заместитель председателя Совета Федерации. Стало известно секретное распоряжение органам милиции Московской области о всесторонней проверке и регистрации всех лиц чеченской национальности, находящихся в регионе. Летевший со мною рядом в самолете в Назрань 22 февраля московский школьник Эльберт Алеев, ингуш по национальности, на мою похвалу его прекрасного русского языка заметил: “Все равно меня милиционеры останавливают из-за акцента”. 11 февраля 1995 г. в газете “Известия” была опубликована статья журналиста Саида-Эмина Бицоева “Моя вина лишь в том, что я – чеченец”, в которой описывается отношение к чеченцам со стороны российских военных и милиции за пределами Чечни и переживаемые в этой связи чувства. Прилетев из Москвы в Минводы с целью проехать в Грозный и забрать тяжелобольную мать, Бицоев был задержан в аэропорту милицией, и у него взяли большую сумму денег, а затем отпустили. «Как ни странно, после всех унижений хотелось поблагодарить этих стражей закона. За то, что действительно не оставили на месяц – “до выяснения”. А кому пожалуешься? Ты – чеченец, и уже одним этим виноват».

Устанавливаемый “санитарный” кордон вокруг республики на предмет выявления возможных “террористов”, особенно в аэропортах, фактически основывается на первичном распознавании физического облика, а уж потом – на проверке документов, что особенно унижительно для многих граждан, чья внешность не подпадает под “славянский тип”. Рассказывая о контрольно-пропускном пункте в Минводах, где вокруг капитана милиции собралась группа ребят из Чечни, Бицоев пишет:

«К счастью, моя внешность у капитана не вызвала особых подозрений, и мы с мамой благополучно смогли вылететь. В Москве комплекс неполноценности не исчез. На следующее утро в квартире появились два милиционера из местного отделения милиции, извинившись, переписали всех взрослых членов семьи. У них тоже приказ Ерина – посчитать всех, у кого “непорядок” в пятой графе паспорта. Угнетение усилилось, когда в одной из больниц отказались взять на лечение мать, сославшись на те же трудности. Нежелательно присутствие в больнице лиц из Чечни. На всякий случай. Одним словом, получается круговая блокада...»

Итак, в небольшой заметке перечислен почти весь набор чувств и реакций российского чеченца: унижение, комплекс неполноценности, угнетенность, чувство “круговой блокады” и т.п. Описанные чувства не могут не вызывать антироссийских настроений и желание защищать свои права любыми путями, если закон и общество не способны этого сделать. Видимо, необходимы срочная мобилизация общественных сил, особенно из числа демократической интеллигенции, на сопротивление растущим в России проявлениям этнической и расовой дискриминации, нарушениям конституционных прав граждан по признаку национальности.

Чеченская война скорее вызвала крайне отрицательное отношение к политической элите России. Это была ее наиболее грандиозная компрометация за последнее десятилетие, что нашло отражение как в всплеске народного фольклора по поводу бездарных политиков и военных и их преступных действий, так и в более строгих социологических опросах. Проведенный в конце января центром “Общественное мнение” опрос (1353 респондента) дал следующие результаты. Всего среди опрошенных положительно относятся к вводу российских войск на территорию Чечни 16%, отрицательно 71%.

На вопрос “Будете ли вы учитывать при голосовании в ходе будущих выборов позицию кандидатов по отношению к войне в Чечне?” респонденты отвечали так (в процентах):

Нет не буду – 25

Да, буду голосовать за сторонников военных действий в Чечне – 8

Да, буду голосовать за противников военных действий в Чечне – 42

Затрудняюсь ответить – 25.

На вопрос “Считаете ли вы, что события в Чечне – достаточный повод для отставки президента Б.Ельцина?” ответы распределились следующим образом:

Да – 38.

Скорее, да – 20.

Скорее, нет – 14.

Нет – 12.

Затрудняюсь ответить – 16⁴⁴.

Этот опрос выявил, что чем дальше от столиц, тем чаще россияне, особенно городские жители, категорично высказывались за отставку Ельцина. В Москве и Санкт-Петербурге таких было 25%, в областных центрах – 39, в небольших городах – 43, на селе – 34%. В то же самое время, по данным опросов центра “Общественное мнение” 73% россиян считают, что “России необходим лидер с железной рукой”, а 2/3 верят, что “Запад стремится превратить РФ в сырьевой придаток”⁴⁵.

ДИАСПОРА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

Вопрос о роли этнических диаспор в ситуации постсоветских конфликтов не был предметом специального научного анализа, хотя он крайне важен. При рассмотрении этого вопроса необходимо выделить несколько его аспектов. Понятие диаспора имеет достаточно определенное значение: это часть населения или отдельные лица, родственные в этнокультурном отношении тем группам, которые вовлечены в конфликт, но которые проживают вне зоны конфликта или даже в других государствах. Разные исторические при-

чины обуславливают образование этнических диаспор, но почти все из них связаны с воздействием прямого или косвенного насилия, которое приводит к эмиграции части того или иного народа из пределов его основного, автохтонного проживания. Диаспоры образуются и по чисто экономическим причинам, которые лежат чаще всего в основе массовых миграций населения.

В советском контексте как раз насильственный элемент играл решающую роль, особенно под воздействием грандиозных общественных потрясений XX в. Для Кавказа возникновение массовых диаспор в большей степени связано с более ранним периодом насильственной колонизации этого региона царской Россией, главным образом во второй половине XIX в. в ходе так называемого движения *мохаджирства*. В любом случае представители диаспор, особенно проживающих в состоятельных странах и добившиеся определенных социальных успехов, сохраняют и культивируют чувства общности с Родиной и с народом и обладают возможностями воздействия на местную ситуацию при существовании там более или менее либеральных режимов, позволяющих элементарные человеческие контакты.

Обычно для представителей диаспор свойственно одно доминирующее чувство – чувство симпатии и соучастия в судьбе своих бывших соотечественников, выражающееся чаще всего в формах солидарности или помощи, если в таковых они нуждаются. В свою очередь фактор диаспоры, тем более если она многочисленна и влиятельна, – это мощный политический и социальный ресурс для тех народов и их политиков, который может быть мобилизован для различных целей, в том числе и для достижения радикальных проектов, как достижение политической независимости или возможное изменение демографической ситуации в пользу той группы, которая утратила свой преобладающий статус, в том числе по причине исторических миграций. Как правило, диаспора, вернее ее активные элементы, политически и эмоционально заангажирована на однозначную поддержку “своего” народа, даже если ее представители уже давно стали лояльными и полноправными гражданами других государств и даже ассимилировали с другими культурами.

Чеченская диаспора сравнительно невелика (около 70 – 80 тыс.), и ее наибольшая концентрация приходится на страны Ближнего Востока, особенно Иорданию, куда черкесы и чеченцы были переселены османским правительством в качестве военных колонистов после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Некоторая часть чеченцев покинула СССР в период гражданской и второй мировой войн. Среди зарубежных чеченцев есть известные политики и общественные деятели, а также богатые предприниматели, которые с самого начала поддержали “чеченскую революцию”, а некоторые из них прибыли в Чечню сотрудничать с Дудаевым, как например, его министр иностранных дел Шамсуддин Юсеф, гражданин Иордании, отличающийся крайне антироссийскими позициями.

Ряд видных чеченцев создали в США партию “Вайнах” и Северокавказский комитет в Америке, которые заняли позицию поддержки независимости Чечни, хотя некоторые его лидеры, как, например, Абдурахман Автурханов, известный историк и писатель, не поддержали курс на разрыв с Россией. Еще в период активизации антидудаевской оппозиции летом 1994 г. вышеназванный комитет обнародовал Обращение, основанное главным образом на сообщениях печати из России. В нем высказывалось опасение, что “российские спецслужбы решили задушить независимую Чечню руками самих же чеченцев”.

“Чеченская республика была единственной из бывших советских республик, которая путем мирной революции свергла у себя власть большевиков и объявила себя независимым государством осенью 1991 года. На свободных демократических выборах чеченский народ избрал своим первым президентом советского генерала Джохара Дудаева. Президент великолепно понимает, что в демократическом государстве должна быть демократическая оппозиция, вооруженная конструктивной альтернативной программой. Но оппозиция, вооруженная бомбами и автоматами, во всех государствах мира называется бандой. Эта чеченская банда не имеет никаких шансов захватить власть над Республикой, но, к сожалению, она имеет шансы спровоцировать Россию на интервенцию... Мы не строим себе никаких иллюзий и смотрим на вещи реально. В силу своей экономической, технической, научно-технологической мощи Россия будет доминировать в “Евразийском союзе”, как доминируют великие державы Западной Европы – Германия, Франция, Англия – в “Европейском союзе”. Это естественно и логично. Но демократические союзы, откуда любой член может выходить в любое время, являются лучшей гарантией защиты интересов малых народов как в западной, так и в Восточной Европе. Мы хотим закончить свое письмо обращением к президенту России Борису Ельцину. Нельзя допустить расправы с чеченским народом по сталинскому образцу. Необходимо добиться мирного урегулирования создавшегося экстремального положения. Вот уже девятый раз советники президента России сорвали его встречу с президентом Чеченской республики Дудаевым. Эта встреча необходима для решения спорных вопросов и заключения союзного договора между Россией и чеченской республикой”⁴⁶.

Заявление самого знаменитого чеченца-диссидента, проживающего в Мюнхене, о том, что “свободу независимой Чечни сумеют защитить с оружием в руках внуки тех, кто был выслан в 1944 г. в Среднюю Азию в вагонах для скота”, было обнародовано в Грозном во время празднования трехлетней годовщины чеченской революции. Этот акт оказал сильное воздействие, разжигающее воинственный дух дудаевцев и как бы дающее внешнее благословение на борьбу.

Что касается реакции более широкой общественности, то здесь определяющей была негативная оценка жестоких методов ведения войны в Чечне, приведшая к массовым жертвам и материальным разрушениям. Важным моментом стало решение Постоянного Со-

вета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по чеченскому вопросу, принятое 3 февраля 1995 г. ОБСЕ, подтвердив свое позитивное отношение к проблеме территориальной целостности России, выразила “глубокую обеспокоенность в отношении непропорционального применения силы российскими вооруженными силами” и “сожаление по поводу серьезных нарушений прав человека как до, так и после начала нынешнего кризиса”. ОБСЕ высказалось за немедленное прекращение огня в Грозном, беспрепятственную доставку гуманитарной помощи всем группам гражданского населения, обеспечение свободного доступа во все регионы республики представители международных и других гуманитарных организаций. Решение Постоянного совета ОБСЕ призывало к скорейшему началу политического процесса по разрешению конфликта.

ОЦЕНКА ЧЕЧЕНСКОГО КРИЗИСА

Чеченский кризис может быть отнесен к разряду внутригосударственных уже даже не конфликтов, а войн, в основе которых изначально лежит стремление одной стороны явочно осуществить сецессию части территории государства и создать на ее основе новую государственность, а другой стороны – в лице сторонников и институтов действующей государственности – сохранить свою целостность. Обычно программа сепаратизма рождается, а ее сторонники (как лидеры, так и рядовые участники) мобилизуются на основе доктрины и политической практики этнического национализма. Ее суть в том, что каждый народ, понимаемый не как территориальное сообщество, а как этническая общность, или этнонация, имеет право на самоопределение, “свою” государственность. Несмотря на то что эта доктрина не соответствует международно-правовым нормам и противоречит законодательствам всех государств мира (кроме текста бывшей советской Конституции) и несмотря на ее практическую нереализуемость, у этой доктрины много сторонников в современном мире. По подсчетам директора Международного института исследования мира в Осло Дэна Смита, из 52 вооруженных конфликтов разных масштабов, которые имели место на территории 42 государств в 1993 г., 36 в 30 государствах имели этнонациональную окраску⁴⁷. В этих конфликтах хотя бы одна из сторон организовывалась по признаку принадлежности к определенной этнической группе. К такой же категории этнонациональных конфликтов (или войн, в зависимости от интенсивности насилия) можно отнести и чеченский кризис.

Присутствие среди лидеров и рядовых участников конфликта со стороны Чечни представителей нечеченской национальности (и даже иностранных наемников и добровольцев) ничего не меняет, как

и тот факт, что с противоположной стороны выступает государственная машина, прежде всего ее многонациональная по составу армия. Именно так чаще всего и бывает в мире. Случаев этнических конфликтов в их “чистом виде”, т.е. один народ выступает против другого по причине некой природной враждебности, фактически не встречается, хотя в процессе эскалации насилия этническая принадлежность может стать единственным избирательным принципом выбора жертв (например, Карабах, Руанда, Северная Осетия)⁴⁸.

На территории бывшего СССР этнонационализм и порождаемые им конфликты обрели масштабные формы по той причине, что вышеупомянутая доктрина была вмонтирована в официальную идеологию и на ее основе покоилось и государственное устройство. Более того, доктрина национального самоопределения и ее сторонники выступили на определенном этапе союзниками радикальных демократических преобразований, особенно в устранении монополии КПСС и упразднении унитарной системы СССР. Сторонники этнонационального самоопределения и этнического национализма сохраняли и продолжают сохранять достаточно влиятельные позиции как среди элиты российских республик, так и в федеральном центре, особенно среди радикально-демократических сил. Многие представители российской интеллектуальной и политической элиты, в частности, стимулировали и поддержали “чеченскую революцию” осени 1991 г. Таким образом, в доктринальном и в политическом плане “национальная независимость” Чечни была подготовлена и легитимизирована собственно российской идеологией и политической практикой тех лет, когда многим представлялось, что вместо улучшения правления есть более естественный и простой путь осуществления демократических преобразований – это путь суверенизации на этнической основе.

Чечня стала одним из первых клиентов на осуществление радикальной суверенизации в форме вооруженного мятежа по ряду объективных и субъективных обстоятельств.

Во-первых, чеченцы как один из крупных и наименее ассимилированных русской культурой российских народов пережили в сравнительно недавней истории события, которые породили в них чувство попранного коллективного достоинства и потребность, особенно среди активных социальных элементов, в крайних формах самоутверждения. Этого не смогли понять ни государство, ни российская общезначительность. В программах либерализации и социальных преобразований не нашлось места хотя бы для символических действий по терапии этой глубокой социальной травмы. Лидеры государства, включая президента, не смогли найти компромиссного и неамбициозного подхода к манифестным формам поведения и уязвленной эмоциональности мятежных политиков периферии.

Во-вторых, в Чечне накопилось много социальных проблем, в том числе избыток трудовых ресурсов и незанятость населения,

сравнительно низкий жизненный уровень, слабая модернизация основной части населения, что составило человеческий материал для массового политического манипулирования, утверждения внеправовой анархии и криминальной активности, а позднее – поставило достаточное число рекрутов в ряды профессиональных боевиков и вооруженных ополченцев. Этнический фактор в Чечне выступил в качестве линии противостояния, поскольку в республике и даже в стране в целом сложилась ситуация, когда существующие социальное, политическое и культурное неравенство и несправедливость прошли по этническим границам или же представлялись таким образом.

В-третьих, в 1960–1980-е годы. часть чеченцев, особенно городских, прошла ускоренный путь модернизации, получила высшее образование, выдвинула из своих рядов крупных хозяйственников, военных, политиков, ученых. В условиях краха унитарной системы и ослабления партийной номенклатуры эта новая элита сформулировала претензии от “имени народа” на перераспределение власти в свою пользу и на приоритетный доступ к ресурсам. Независимость от федерального центра и национальный (т.е. чеченский) суверенитет сулили такую возможность лидерам, хотя и не обещали народного процветания при ограниченности ресурсов, характере экономических связей и даже географического положения. Однако наиболее амбициозные лидеры при прямой поддержке части политиков в центре, а также представителей диаспоры смогли мобилизовать часть населения вокруг лозунга борьбы с коммунизмом и идеи независимости. Приход к власти Дудаева был начат как вариант проводившейся центром декоммунизации, облеченной в форму и риторику народной революции, а завершен в форме политического мятежа.

В-четвертых, решающим фактором в осуществлении варианта явочного сепаратизма со стороны властей Чеченской республики явилась передача оружия из arsenалов российской армии, обеспечившая Дудаеву возможность подкрепить декларацию независимости силовыми аргументами, а затем организовать упорное и успешное сопротивление федеральным вооруженным силам.

Чеченский кризис мог быть разрешен без применения армии разными путями и средствами, возможность этого сохранялась до декабря 1994 г. Нельзя согласиться с мнением президента РФ, что “все мирные пути были исчерпаны”. Многого было не сделано начиная с осени 1991 г., что должно было быть сделано государственной властью в ситуации подобного внутреннего конфликта.

Прежде всего за все время кризиса никто из первых лиц государства не вступил в контакт с президентом Дудаевым, чтобы выслушать и обсудить его позицию и предложить условия разрешения коллизии. Эмоциональная амбициозность и отсутствие культуры политического компромисса и самоограничения у двух главных ли-

дерев конфликтующих сторон и у других постсоветских политиков стали наиболее трагическим, субъективно-личностным, но от этого не менее важным моментом в эскалации кризиса до его нынешней стадии. Эта же оценка относится и к решению президента Ельцина об “окончательном решении чеченского вопроса” в декабре 1994 г.

Не был принят комплекс необходимых мер в области экономики, контроля границ и воздушного пространства, которые обычно принимаются государствами в случае появления мятежных регионов, чтобы продемонстрировать невозможность силового варианта сепаратизма.

Россия, прежде всего в лице МИДа, не объявила международному сообществу, что имеет место внутренний кризис и процесс урегулирования отношений с одним из субъектов федерации и что любая, даже косвенная поддержка или осуществление контактов с представителями мятежного режима будут рассматриваться как недружественные по отношению к России.

Наконец, имела место недопустимая политическая двойственность в отношении сепаратизма, в том числе со стороны российских вооруженных сил в период вовлеченности в аналогичные события в Грузии, когда ими допускалось участие так называемого “абхазского батальона” российских граждан на стороне правительства Владислава Ардзинбы.

Все эти крупные просчеты и ошибки в политике по отношению к Чечне отчасти могут быть объяснены сложностью общей ситуации в России, а так же недостаточной опытностью нового поколения российских политиков. И все же война в Чечне не была predetermined существовавшей ситуацией. Кризис мог еще продолжаться на гораздо более низком уровне конфронтации и с изменением ситуации в Чечне мог быть разрешен даже на внутречеченском уровне.

Никакой фатальной угрозы территориальной целостности России не существовало, кроме той, которую она сама себе позволила. Это был такой же миф, как и миф о чеченской независимости. Те, кто уверовали в такие экзальтированные мифы, стали принимать решения и отдавать приказы, сообразуясь с ними, должны квалифицироваться как главные виновники постигшей страну трагедии.

¹ Основным автором этого документа считала себя Г.В. Старовойтова, о чем она заявляла в личных беседах с вторым книги.

² Гакаев Дж. Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: (Политический аспект). М., 1999. С. 27–29 (Далее: чеченский кризис...).

³ Постановление общенационального съезда чеченского народа от 25 ноября 1990 г. // Архив автора.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Выступление И.В. Кочубея на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. // Архив автора.

- 7 Выступление Р.И. Хасбулатова на заседании комиссии Госдумы 20 февраля 1995 г. // Там же.
- 8 Выступление А.И. Руцкого на заседании комиссии Госдумы 20 февраля 1995 г. // Там же.
- 9 Выступление Р.И. Хасбулатова // Там же.
- 10 Выступление генерала П.А. Соколова на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. // Там же.
- 11 Выступления А.И. Руцкого на заседании комиссии Госдумы 20 февраля 1995 г. // Там же.
- 12 Об этом см.: *Chervonnaya S. Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazia and the Russian Shadow. L. 1994.*
- 13 *Гакаев Дж.* Чеченский кризис... С. 49.
- 14 *Музаев Т.* Посеявшие ветер // Экспресс-хроника. 1993. 19–26 апр.
- 15 См., например: *Dunlop, John B.* Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict, Stanford, 1998.
- 16 *Паин Э., Попов А.* Российская политика в Чечне: Как она зарождалась, как привела к войне и чем отзовется завтра: Дипломатия под ковром // Известия. 1996. 9 февр.
- 17 Криминальный режим: Чечня, 1991–1995: Факты, документы, свидетельства. М., 1995.
- 18 Интервью с Балауди Мосаевым, 23 февраля 1995 г. // Архив автора.
- 19 Выступление Е.Т. Гайдара в комиссии Государственной думы 20 февраля 1995 г. // Архив автора.
- 20 Архив автора.
- 21 Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М., 1995. С. 35.
- 22 Интервью с Балауди Мосаевым, 23 февраля 1995 г. // Архив автора.
- 23 Архив автора.
- 24 Там же.
- 25 Дудаев Дж. – Ельцину Б.Н., 30 марта 1993 г. // Архив автора.
- 26 Дудаев Дж. – Ельцину Б.Н., 11 апреля 1993 г. // Там же.
- 27 Аргументы и факты. 1995. № 9. Март.
- 28 Известия. 1995. 9 февр.
- 29 Сегодня. 1994. 21 сент.
- 30 Московский комсомолец. 1994. 9 дек.
- 31 Записка В. Печенева “фактор Хасбулатова” в Чечне и чечено-российских отношениях (некоторые соображения и рекомендации). 21 апреля 1994 г. // Архив автора.
- 32 Аргументы и факты. 1995. № 3.
- 33 Заявление лидера Миротворческой группы в связи с убийствами людей в Урус-Мартане, Долинском, Аргуне и приготовлениями режима к братоубийственной войне в Чеченской Республике, 11 сентября 1994 г. // Архив автора.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Московский комсомолец. 1994. 9 дек.

- ⁴¹ Российская Федерация. 1994. № 21. С. 4–5.
- ⁴² Российская газета. 1995. 11 февр.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Общая газета. 1995. 9–15 февр. С. 1.
- ⁴⁵ Сегодня. 1995. 21 янв.
- ⁴⁶ Новое русское слово. 1994. 19 авг.
- ⁴⁷ *Smith D.* The State of War and Peace: Atlas. 3 ed. L., 1997.
- ⁴⁸ Уже после завершения работы над рукописью этой книги вышла в свет новая фундаментальная работа американского специалиста по этническим конфликтам Дональда Горовица, посвященная насильственным этническим манифестациям: *Horowitz D.L.* The Deadly Ethnic Riot. Berkeley; Los Angeles; L., 2001.

Глава VIII

ДЖОХАР: МИФ О ГЕРОЕ И ДЬЯВОЛЕ

Народ слушает с тем же смиренным равнодушием и продолжает делать вид, что Джохар и его идеи что-то значат. Единственные, кто получает искреннее удовлетворение от этих измышлений и обсуждений, – это часть стариков. Такое ощущение, что они морально мстят России за прошлые лишения в своей жизни.

Рустам Калиев.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ХАРИЗМАТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ

В антропологической литературе проблема лидера обычно изучается применительно к так называемым традиционным обществам. Современный лидер – это домен политологии или социологии, редко – социальной психологии. Данный дисциплинарный контекст нам представляется недостаточным, ибо нас интересует проблема, каким образом появляются в конфликтных ситуациях харизматические лидеры, узурпирующие право говорить от имени “своего” народа и какую роль военные лидеры играют в динамике насильственного конфликта. Чеченская война, несмотря на обильную риторику о “народе”, была крайне персонифицированным событием. Во всех работах по чеченской войне бывший президент самопровозглашенной республики Джохар Дудаев – это один из главных героев. Нам представляется, что феномен Дудаева возможно понять не столько сугубо в чеченском, сколько в более широком (пост)советском контексте. Подобные явления политиков-воинов (независимо от прошлой профессии) мы наблюдаем и в других регионах бывшего СССР.

Здесь возможно посмотреть на проблему с нескольких сторон. Во-первых, как в условиях либерализации в обществе, где долго действовала жесткая система отбора и контроля лидеров, появилась новая, очень активная и часто пользующаяся массовой поддержкой категория “национальных лидеров”, под которыми имеются в виду общественные активисты, действующие от имени этнических общностей или узурпирующие право на такое действие, т.е. этнические

предприниматели. Во-вторых, каков личностный и групповой механизм делания лидера и каковы необходимые составляющие, чтобы очередной “лидер” или “отец нации” состоялся? Наконец, как постсоветский слабо модернизированный массовый менталитет воспринимает от лидера простые формулы и предписания действия и следует им? Часто эти формулы (их обычно называют *идеи* или *цели*) навязаны извне, в том числе и самому вождю, и вырваться за их пределы сложно, ибо лидерам и активистам известен только ограниченный набор политических стратегий в силу недостаточной компетенции. Тем более ограничен выбор каждого конкретного индивида – бывшего жителя СССР, привыкшего к одномерному мышлению и к единственной версии событий – той, что “показали по телевизору” или “написали в газете”.

Именно поэтому на постсоветском пространстве в последние годы выдвигалось столько необеспеченных ресурсами и экспертизой проектов массовых мобилизаций. В них вовлекались люди, которые, казалось бы, никак не были расположены к участию, как они сами говорят, в “политических играх” и в “грызне верхов”. Подобное было и в СССР, но только право на массовые мобилизации (тоже часто авантюрные и нереализуемые) принадлежало ограниченному кругу высшего партийного руководства и их пропагандистской машине. Горбачевская либерализация, а тем более распад СССР радикально пополнили резервуар активистов социального пространства, но не изменили природу массового человеческого материала, а тем более не расширили экспертный багаж тех, кто стал принимать решения и обрел силу для их осуществления. Именно к этой категории относятся Джохар Дудаев и другие “несистемные” чеченские лидеры, которые выдвинули проект строительства независимого чеченского государства.

Собственно говоря, нереализуемость проекта, уход от рационального правления, решения прагматических задач или поддержания порядка и есть составляющие харизматической культуры, которая действует в сфере иррационального и в ситуациях, по выражению М.А. Сиверцева, “экстатически возбужденных эпох” и во времена “обаяния радикализма”, когда “от лидера требуются не рационально взвешенные программы, но возвращение к Истокам, понимаемое как возвращение к истокам Бытия”. Как объясняет тот же автор, спокойные, стабильные эпохи и культуры “не выходят за пределы самих себя”.

«Поэтому харизматический лидер, который стремится или вынужден ответить на вызов нестабильной, переходной эпохи, должен ответить именно в мировоззренческом горизонте: восстановить утерянную и всеми зыскуюемую связь с абсолютными основами бытия. Именно подобная способность (харизма) – восстанавливать опыт священного, восстанавливать символы в священной жизни, требуется от лидера в первую очередь и дает легитимность его поступкам. В то время как промахи, недалёковидность и по-

просту заурядность в формально-рациональной сфере не только будут прощаться, но, напротив, будут рассматриваться как дополнительные свидетельства харизматической власти, допускающей «властную небрежность»¹.

Обращаясь к мифам борьбы и победы, вражды и отмщения, лидер формирует самосознание последователей, а вместе с переплавкой внешней мифологии в личный миф героя лидер приобретает и необходимую устойчивость и неподверженность превратностям судьбы.

Эта частично теологическая интерпретация харизматических лидера и культуры трудно вписывается в чеченские реалию с ее внешним отрицанием теократической харизмы, единоличного лидерства и обожанием анархии. Тем не менее, наблюдения М.А. Сиверцева заслуживают внимания. Постсоветская ситуация идеологического вакуума предоставляла подобные культурные рецепты, и многие ими воспользовались. Прежде всего заслуживает внимания замечание, что «в культуре, которая готова к процессу харизматизации, возникают замкнутые субкультуры, альтернативные основной культуре. В этих субкультурах распространены кодексы чести, особые языки, практика трансформации внутреннего мира последователей с помощью символов, спиритуализирующих внешний мир. Причем, идеологические отношения с внешним миром, как правило, минимальны»². Кое-что в чеченских харизматиках и их окружении имеет характер подобной культуры. Более того, именно появление таких иррациональных, закрытых и конфликтных по отношению к окружающей и доминирующей системе субкультур мы склонны отнести не столько к «восстановлению опыта священного», сколько к одной из характеристик феномена конфликтной демодернизации.

Я не ставлю задачу написать биографию Джохара Дудаева или предложить еще одну трактовку его личности. Меня больше интересует культурная динамика версий харизматического лидера, чем историографический обзор, хотя последний тоже интересен, а также анализ идеологических версий, предложенных профессиональными производителями субъективных представлений (журналистами, учеными, политиками и пропагандистами). Однако наряду с элитными интерпретациями в собранных мною материалах зафиксированы народные версии Джохара Дудаева. Они отличаются разнообразием эмоций, образностью, почитанием и скептицизмом и не менее удивительной мифопоэтикой, чем литературные тексты.

Интересно не только происхождение и набор версий, но их смысл и среда бытования, включая внутренний мир самого героя – его Я-версию. Последнее важно, ибо внутренний и внешний образы оказываются динамически взаимосвязаны в драматической ситуации. Одни только частые журналистские интервью заставляют героя не просто повторять, а каждый раз сочинять собственные вер-

сии. Требуется этого и радикально меняющаяся ситуация, в том числе и под воздействием самого лидера. В истории с Джохаром эволюция Я-версии была крайне подвижной и противоречивой, хотя, казалось бы, харизматический лидер должен быть принципиально неизменен.

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ВЕРСИИ ЛИДЕРА

В политико-доктринальном плане Джохар Дудаев достаточно ясная личность. Он прежде всего порождение окружающего общества, политического момента и местной групповой традиции. Он в тоже время есть порождение самого себя, включая состояние ума и здоровья. Трудно что-либо сказать о его психике, это требует специальных знаний. Не думаю, чтобы такой анализ делался в медицинских учреждениях Министерства обороны, когда генерал командовал ядерным оружием и когда комиссовался в отставку. Вопрос этот немаловажен (многие очевидцы отмечали эмоциональную нестабильность, смесь жестокости с сентиментальностью, подозрительность Дудаева), но он находится вне наших дисциплинарных интересов. Недостаточно известна мне и личная жизнь героя, прежде всего родительская среда и история взросления, которые, безусловно, определили многое в Дудаеве. Однако это задача для историков. Меня интересуют современные версии героя, природа и смысл проблемы “лидера нации” в современных конфликтах и войнах.

Антропологический анализ часто игнорирует индивидуально-личностный аспект, предпочитая выяснять коллективный портрет этноса/нации или архетипические социальные структуры, определяющие ход событий. Один из доминирующих подходов в изучении глубоких общественных конфликтов предполагает, что некие “цивилизации” вступают в столкновение, а “этносы” или “народы” выдвигают из своей среды лидеров, которые реализуют коллективную волю и историческую предопределенность. Не Дудаев, так был бы кто-то другой на его месте и все было бы также – таков один из постулатов объективистской ментальности. Как заметил товарищ Дудаева по службе, генерал А.Н. Осипенко, “национальную идею он не выбирал, это она его выбрала”. Такое наивное замечание российской журналистки Ирины Дементьевой: “Как вы считаете, что заставило молодого перспективного генерала Дудаева круто поменять судьбу, уйти в отставку и стать во главе национально-освободительного движения?”³

Российская публицистика вместе с академической наукой мыслит в тех же советских категориях “движений” и “революций”, что и те, кто непосредственно вооружается под воздействием этих слов. Апологетика пустых категорий настолько врожденна, что никакой гражданской и профессиональной ответственности за саморазруши-

тельные слова пишущие о Чечне не испытывали и не испытывают. Некому даже указать на поверхностную риторику, ибо большинство ученых и политиков верит, что государства строятся на этнической основе, что незаконное свержение власти и отрицание государства – это правое народное дело, а захват оружия и вооруженная борьба молодых мужчин – акт высшего морального смысла.

Только в российской журналистике по поводу событий в Чечне можно было встретить как бесспорные подобные сентенции: “Можно по-разному относиться к Доку Завгаеву, Джохару Дудаеву и Багауддину Бахмадову, но нельзя не признать за чеченцами право самим выбирать свое государственное устройство... Никто не может навязывать Чечне свои идеи государственности”⁴. Именно отечественная публицистика, слабо представлявшая географию страны после распада СССР и что в ней происходит, была пионером в насаждении саморазрушительных речевых формул “Россия и Чечня”, “интервенция русских войск в Чечню”, “Дудаев – лидер нации” и подобное. Бытовая оппозиция “у них там, в России”, которую издавна можно было встретить в стране, начиная от Кавказа и кончая Дальним Востоком, приобрела значение политической географии. В репортажах НТВ Чечня стала называться “юг бывшего СССР”, а “Независимая газета” помещала информацию из этого региона в разделе “СНГ” вместе с публикациями о других постсоветских государствах.

Как уже отмечалось, мы имеем в науке и в публицистике не очень много материалов о феномене лидера в политических и насильственных конфликтах. Мне не известны попытки анализа личности Джохара Дудаева или других чеченских лидеров представителями обществоведческих дисциплин. Заслуживает внимания анализ А. Ливена, ибо он затрагивает вопросы ментальности, психики и идентичности Дудаева. Журналист рассказывает о своей последней встрече с генералом:

“Он сидел в небольшой, захудалой комнате, все в той же одежде, с чеченским флагом на стене и поставленными друг на друга двумя столами, чтобы изобразить президентский стол с небольшой стопкой президентских документов. Во всем этом было что-то поистине героическое, но опять же это был самоосознанный и демонстрируемый героизм в отличие от инстинктивного героизма и лидерства Басаева”⁵.

Как и многих, Ливена поразил момент актерства и игры в поведении чеченского лидера:

“Его речь была намеренно отрывочной, категоричной, воинственной и авторитарной. Выступая перед публикой, он добавлял к этому манеру делать ударение на последних слогах слов... Что точно он думал, играя всем этим, мне так и не удалось понять, но, возможно, это служило одной из отмен, которой должен отличаться национальный герой/мудрый правитель/пророк-прорицатель. Помимо этого, в его позиции присутствовал элемент природного актерства. Кроме всего прочего, он был советским гене-

ралом, человеком, который отдал большую часть своей жизни советским вооруженным силам, и вполне возможно, что у него наступали моменты, когда он удивлялся, какого черта он позволил втянуть себя в эту чеченскую революцию”⁶.

Черту актерского позерства и азартного игрока отмечали у Дудаева и другие наблюдатели. Один из очевидцев рассказал мне случай, как Дудаев в ответ на вопрос, как здоровье, мгновенно откинулся вместе со стулом и сделал переворот назад, встав на ноги: “Вот такое здоровье!”

Интересно, что А. Ливен отметил ту же самую особенность демонстрации особой групповой лояльности и со стороны других “национальных лидеров”, которые имели уязвимые моменты с точки зрения этнической “чистоты” (не жил в республике, не знает языка, жена – русская и прочее). Их жесткость в отстаивании интересов “своей нации” часто превосходит степень лояльности, которую демонстрируют рядовые члены группы или лидеры со “100-процентной биографией”. Об этом я писал, анализируя поведение главы правительства Северной Осетии Сергея Хетагурова в осетино-ингушском конфликте⁷. А. Ливен говорит о своем и своих коллег восприятии Дудаева как “нечеченца во многих отношениях”, который, создавалось впечатление, чувствовал себя неловко в новой чеченской шкуре.

“По причине чувства личной неуверенности, понимания, что он долго служил в советской армии вдали от Чечни и чеченского общества, по причине, что у него русская жена (так и необращенная в ислам) и полурусские дети, и потому что он плохо говорит на чеченском языке, он собственно и не был настоящим чеченцем в полном смысле. И поэтому как своего рода компенсацию он старался представить себя на 200% чеченским националистом”⁸.

Эту “нечеченскость” своего лидера отметит и народная версия, о которой речь пойдет ниже.

Для внешних наблюдателей, особенно западных, Дудаев сильно напоминал расхожий образ-пародию банановых и других правителей-диктаторов третьего мира типа Кадаффи. Только антироссийская направленность всего чеченского проекта заставляла многих видеть образ героя там, где в другой ситуации однозначно рисовался бы дьявол. Сомнения А. Ливена насчет психической адекватности Дудаева представляют собой редкое исключение:

“Были моменты, когда я действительно думал, что Дудаев был сумасшедшим, или, скажем так, психически неустойчивым с явными чертами как паранойи, так и мегаломании в клиническом смысле. Таково было также личное мнение двух западных дипломатов из Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которые встретились с Дудаевым в 1995 г. и с которыми я разговаривал: “и этот человек однажды командовал соединением ядерных бомбардировщиков!” Ничто другое, представляется, не могло объяснить его грубые и полностью неоправданные словесные

провокации в отношении Ельцина и России. В одном из своих первых президентских выступлений по чеченскому телевидению он обвинил российские секретные службы в подготовке нападения на Чечню путем искусственно вызванного землетрясения, и когда я посетил Чечню в феврале 1992 г. все еще продолжали обсуждать эту предполагаемую угрозу⁹.

Из российских журналистов о Дудаеве писали многие, вернее, о своих встречах с ним. Детали бесед, особенно прямой голос Дудаева, представляют интерес. Сведения из этого источника дополняют книги-мемуары ближайших соратников или оппонентов Дудаева (Зелимхана Яндарбиева, Юсупа Сосламбекова, Таймаза Абубакарова).

ЛИЧНАЯ ВЕРСИЯ ЛИДЕРА

Джохар Дудаев происходил из горных чеченцев, свою тайповую (родовую) принадлежность никогда не объявлял, как, кстати, и многие из современных чеченцев. Зато семейно-родственный круг был большим. Семья Дудаевых проживала в поселке Ташкала на улице Шекспира. Это были простые люди, конечно, Шекспира не читавшие. У него было девять братьев и сестер (родители умерли), среди которых Джохар был младшим: заведующий металлоскладом Бекмурза, работник вневедомственной охраны Мурзабек, шоферы Махарбек и Басхан, домохозяйки Эльбика, Басира и Хазман, врач Базо, торговый работник Нурбика, каждый из которых имел по семь–девять детей.

Присвоение воинского звания генерала-майора было событием в жизни советского гражданина, чье детство прошло в Казахстане и который прошел трудный путь военной учебы и службы, дальних переездов и гарнизонной жизни. Дудаев в Чечне никогда не жил, чеченский язык знал неважно, историю края и своего народа выучил из случайных текстов, а верующим мусульманином он вообще никогда не был. Зато в Чечено-Ингушетии каждый новый “свой” генерал или “московский сват” (знатный москвич, женившийся на кавказских женщинах) отслеживался внимательно. Они пополняли копилку “национальной гордости” в “дружной семье советских народов”. В ответ на поздравления грозненских журналистов Дудаев сказал: “А землякам моим, впрочем как и всем молодым людям, ответственно заявляю: нет ничего почетнее, чем быть защитником Родины”.

А когда прилетел (обратим внимание, что о Дудаеве всегда говорят “прилетел”, а не “приехал”) навестить родственников, то заявил следующее:

“О чем вспоминаю чаще всего? – О детстве, конечно, о тепле родного очага, памяти которого буду верен до конца жизни. О непросто сложившейся юности. О годах учебы в Тамбове и службе. Всякого в жизни было достаточно, но главное, что вынес из прожитого, – любовь к своему делу. Считаю, что нет выше звания, чем профессиональный защитник Отечества”¹⁰.

Дудаев, безусловно, имел в виду под “отечеством” Советский Союз, в армии которого он верно служил, как и ближайший его военный соратник Аслан Масхадов. Но уже весной 1991 г. Дудаев стал сторонником радикальной демократии, кредо которой включало “разрушение империи” и “национальное самоопределение” в его этническом смысле:

“Мы должны видеть свою судьбу через призму демократизации и построения суверенного, независимого Российского государства. Самый нелепый факт: Россия, крупнейшая держава, не может добиться своего суверенитета... И демократические силы России не стоят за то, чтобы держать империю в прежних рамках. Мне очень знакомы идеи людей и в Москвороте, и в Ленвороте. Трудно предположить, что эти порядочные, демократичные люди в будущем одолевались бы имперскими амбициями и предъявляли бы какие-либо требования к малым народам”¹¹.

Уже тогда Дудаев держал в голове возможность независимости Чечни, а спустя несколько месяцев он стал последовательно отстаивать эту идею:

“Всю свою сознательную жизнь я жил мечтой увидеть самостоятельность чеченского народа. И когда я делал такие заявления, они были не надуманными экспромтами, это была сознательная вера. У меня было накоплено достаточно потенциала, опыта и знаний. Я очень долгие годы работал над тремя направлениями решения этой проблемы. О некоторых умолчу, так как они не понадобились, понадобился третий путь – путь политической борьбы, борьбы на основе выработанных человечеством международных норм государственного устройства и перехода к независимости народа. Первые два пути не для прессы, но мои близкие люди знают, что они были реальны. Мне нужны были два–три человека рядом, и я был убежден, что мы сдвинем с мертвой точки дело. Механизм был подготовлен, но получилась так, что создались условия для открытой политической борьбы”¹².

Что это за два пути достижения самостоятельности чеченского народа, которые Дудаев (всего с двумя–тремя человеками!) готов был осуществить и которые не мог разгласить? Поднять в воздух самолет с ядерным оружием и выдвинуть условия, чтобы “сдвинуть с мертвой точки”!? Этого уже, видимо, никто и никогда не узнает, но Дудаеву был свойствен радикализм мышления и радикализм действия, готовность к брестерству и к экстравагантности. В его словах выделяются одержимость идеей заговора и внешней опасности (позднее один из его близких соратников приведет свидетельства недоверия и подозрительности в отношении ближайшего окружения¹³). Как говорил Дудаев, в августе 1991 г. своим “предсказанием”, “прогнозом” он разглядел готовившуюся “операцию повторного выселения чеченцев” в ходе антигорбачевского путча¹⁴.

В последующем почти все преступления и террористические акты на территории Чечни или с участием чеченцев за ее пределами он объявлял провокациями российских спецслужб: гибель работника КГБ Толстенева, похищение и убийство ректора университета

Кан-Калика, угон самолета в Пятигорске и другие¹⁵. Постоянные угрозы в адрес жителей Чечни по поводу грядущей войны со стороны России со временем стали нормой для языка Дудаева. Это был его особый “фирменный знак”.

Один из местных наблюдателей мне рассказал, что подозрительность Дудаева становилась все более тяжелой ношей для тогдашних руководителей республики, включая органы районного и местного самоуправления. Так, в 1993 г. в Грозненском районе, в 20 км от Грозного взрывом были убиты министр внутренних дел ЧР, пострадали его водитель и еще несколько человек. Дудаев заявил, что это было покушение на его жизнь. Он уволил префекта района и попытался силами (Департамент государственной безопасности, ДГБ) руководимого Гелисхановым, арестовать его. Но сделать это не удалось, так как родственники префекта с оружием взяли под охрану своего человека. На другой день после взрыва органы ДГБ похитили (именно “похитили”, так как обычный арест был часто невозможен из-за коллективной защиты) главу администрации села Алхан-Кала (село расположено в 6 км от места взрыва) Р.Б. Эзерханова. По мнению Дудаева и его соратников, он знал о покушении (кто-то видел как Эзерханов за 15 мин до взрыва смотрел на часы!). Санкция на задержание была выдана в отношении начальника отдела МВД ЧР Ш. Вахидова, которого заподозрили в причастности к взрыву по той причине, что за неделю до случившегося он ушел в отпуск! Это только несколько фактов из многих подобных.

В ходе драматических событий “чеченской революции” Дудаев эпатирует и блефует, говорит, казалось бы, явные странности, но именно они вызывают позитивную реакцию чеченцев, поразительно веривших внешним версиям, а не собственному разумению. Он, например, сообщил журналисту, что ему предлагали более высокие посты в армии (Дейнекин якобы специально прилетал в Грозный), “но я предпочел заявить уважаемому мною Дейнекину, что высшая должность для меня – рядовой чеченец”¹⁶. Это была беспроявленная узурпация симпатий чеченцев, которые порой в прошлом часто были вынуждены стыдиться или скрывать свою этническую принадлежность. Дудаев возможно верил сам в то, что говорил в тот момент, но было бы наивным считать, что он действовал, сообразуясь с этим принципом. Юсуп Сосламбеков, например, приводит сведения, что Дудаев осенью 1991 г. просил у Завгаева должность начальника КГБ или МВД республики.

Нам не удалось уточнить эти сведения у самого Завгаева, однако известно, что, став президентом, Дудаев делал заявления на публику о своей готовности уступить свой пост другому “уважаемому гражданину, который угоден народу”. Он, в частности, называл А. Авторханова. Мало кто из наблюдателей верил в подобные заявления, но они создавали дополнительную ауру лидера, который может покинуть свой народ, если тот откажет ему в поддержке. Одно

время Дудаев призывал в свои авторитеты очень влиятельного и известного духовного деятеля Абдул-Баки, члена и сопредседателя многих официальных исламских организаций. Хотя Абдул-Баки, как и Авторханов, был этническим чеченцем, он не имел какого-либо отношения к событиям в Чечне.

В 1993 г. Абдул-Баки был приглашен посетить Чечню и после нескольких дней пребывания в республике выступил по местному телевидению с критикой положения в Чечне, в том числе и правящего режима, не исключая и президента. Он выразился примерно так: “Государство, в котором хотя бы один ребенок или взрослый – голоден, а правители – сыты, не может претендовать называться исламским. Тем более, если в этой стране ислам и чеченские адаты используются не на созидание, а на разрушение общества, закона и порядка. Это опасно и губительно прежде всего для самого чеченского народа.” Через день Дудаев объявил Абдул-Баки “шпионом российских спецслужб”, “вице-президентом мафиозных организаций мира”, “вероотступником” и т.п. Его лишили присвоенного месяц назад звания “почетного гражданина Чеченской республики”. После этого даже упоминать имя Абдул-Баки в Чечне стало небезопасно.

Широкую известность получила фраза еще одного уважаемого человека в республике, бывшего муфтия Чечни Мухамедбашира-хаджи. На вопрос, о причине ухода из муфтията он ответил: “Говорить правду – боюсь Дудаева, а говорить неправду – боюсь Аллаха”. Он также был зачислен Дудаевым в число предателей и вероотступников.

Как и большинство постсоветских политиков и общественных активистов, Дудаев был этнонационалистом по своим убеждениям. Для него не существовало понятия “народ” в гражданском смысле как “народ Чечни”, хотя кто-то, видимо, ему подсказывал азы государственного строительства, которые причудливо сочетались с постулатами советского этнонационализма. Заимствовать все это было можно из текстов российских, прибалтийских, украинских и других этнорадикалов. Скоро у него появились иностранные советники-авантюристы, и разные самозваные борцы за свободу меньшинств и угнетенных народов за пределами собственных государств.

В своем памфлете “Мы победим, потому что мы правы” Дудаев писал:

“Мы являемся уже субъектом международного права и уже полноправно входим в Организацию Непредставленных Народов (ОНН), и, мы убеждены, эта международная организация будет самым действенным механизмом на мировой арене. И по нашей просьбе ее эксперты готовы прибыть и сделать свои оценки и выводы. Мы сегодня уже можем назвать себя гражданами своей республики. Трудно и оскорбительно было выговаривать названия: русскоязычное население, этнос, диаспора и др. Мы должны называть себя гражданами...”

Но далее следовало:

“Как нам строить свою государственность? Естественно, при всем том, что есть международно выработанные законы, без учета национальных интересов никогда нам не прийти к настоящей демократии. Никогда нам не сделаться едиными, и никогда человек и гражданин не будет защищен. Пусть это не оскорбляет и не обижает другие народы, которые живут на нашей территории(!), и, больше того, пусть их это не беспокоит”¹⁷.

Таким образом, все-таки “национальные интересы” являются не интересами Чечни как государства, а интересами чеченского народа (или этноса); остальные – это “другие” и живут они на чужой территории. Зато, Дудаев полагал:

“Более надежно, чем у нас в республике, русские нигде не защищены. В генах нашего народа отсутствуют насилие, неприязнь к людям другой национальности. Это подтверждается всей нашей историей. А сейчас идет даже сближение чеченцев и русских на территории республики, что связано с общей судьбой. Русские записываются в республиканскую гвардию, по инициативе женщин, в том числе и русских, создан женский батальон”¹⁸.

“Генное ненасилие” не мешало Дудаеву заявлять:

“У чеченцев испокон веков готовились к защите родины и учились владеть оружием с 7 лет. Ношение оружия отнято у нас в 1921 году. Мы восстанавливаем это право. Никто из национальной гвардии не воспользуется им легковесно, безответственно. Но отнять оружие сегодня – это значит оскорбить, вызвать конфронтацию”¹⁹.

Мы уже писали о том, как Джохар Дудаев обращался с письменными посланиями к президенту Борису Ельцину. В его посланиях отразились противоречивая натура человека, жаждавшего признания его власти, и чрезвычайная сложность ситуации, в которой он и республика оказались в результате “чеченской революции”. Новые материалы только подтверждают мой прежний вывод о том, что в личном плане он был готов пойти на мирное соглашение с российским президентом, но только с ним, т.е. “на равных”. Трагедией было то, что Ельцин оказался в политическом и эмоционально-психологическом смыслах такой же неподготовленной личностью и со столь же плохой обеспеченностью экспертизой в области управления страной и разрешения в ней сложных конфликтов.

ЛИДЕР КАК НАРОДНАЯ ВЕРСИЯ

Дудаев нашел крайне упрощенные, взывающие к эмоциям политические темы (*свобода, родина, сопротивление*), которые стали безотказными средствами мобилизации. Что нас действительно интересует в феномене харизмы, так это прежде всего то, что харизматическая культура дает подкупающе простое, но емкое объяснение всех существующих и возможных проблем.



Молодые чеченцы с портретом Джохара Дудаева (Фото В. Шеколдина)

“Дудаев для меня был хорош тем, что он, когда в ящик (речь идет о телевизоре. – В.Т.) скажет два слова, сразу ясно, что надо делать. А у других мало что поймешь. Если он вернется, тогда весь Кавказ будет его” (Ахьяд).

Темы борьбы и победы, вражды и отмщения, восстановления “исторической справедливости” как некой абсолютной нормы действуют эффективно даже в так называемых зрелых обществах, или в рациональной культуре и политической традиции. Призывы к свободе (как мы увидим ниже, многие понимали это по-разному) не могли не вызвать энтузиазм в чеченском обществе, взрыв воинственности среди части населения и его готовность следовать за вождем. Хотя мотивы рядовых комбатантов были гораздо проще:

«Когда пришел Дудаев, я был учащимся хужжара (медресе). Наш учитель сказал нам, что Дудаев ниспослан нам с неба. И ему настоящее имя Джовхар (по-чеченски жемчуг). Еще он говорил, что явление Джовхара было предсказано в старинных преданиях. Тогда проходило много митингов, и все кричали: “Аллаху акбар”. Потом хором в один голос кричали “Джовхар! Джовхар!” ... Нашего учителя, муллу из хужжара, можно было видеть на митингах. Когда я спросил, кто наши враги, он ответил, что это гяуры. Еще он сказал на митинге, что ему приснилось, как Дудаев спускался с небес на крыльях. “С таким вождем мы непобедимы!” – сказал мулла. Все чаще говорили о войне. Мне тоже хотелось воевать» (Гелисханов).

Последний момент, касающийся желаний воевать был однако не столь однозначным. В следующей главе будет показано, что чеченские боевики отличались слабой готовностью идти за главным вождем и скорее больше верили военным командирам. Один из полевых командиров сказал мне во время войны: “Сложу оружие, если только скажет Масхадов: остальные для меня, в том числе и Дудаев, – это никто!” Однако это замечание не отменяет общей готовности принять харизматического лидера. Слишком много было незанятых и дезориентированных молодых мужчин и женщин. Слишком живой была память о 13 годах унижения среди среднего и старшего поколений. В Чечне в тот момент 200 тыс. людей не имели работы, а в некоторых селах безработных было 80–90%. Примерно треть жителей республики помнила выселение и жизнь в депортации. Российская журналистка Ирина Дементьева описывает свое впечатление о Грозном осенью 1991 г. в следующем романтико-героическом стиле*:

“На фронте здания Совмина в Грозном цитата из Корана: “Сейте мир между вами. Моххамед”. А чуть ниже: “Маршо е ожал!” – “Свобода или смерть!” Одно – перевод с арабского, другое – с испанского. Древняя мудрость и юное нетерпение. И на митинге – впереди на стульях сидят степенные старики в папахах, а за ними бритоголовая молодежь с горящими глазами и дедовскими ружьями на ремнях”²⁰.

На самом деле эта картинка должна читаться гораздо сложнее: именно старшее поколение, включая ученого-эмигранта Абдурахмана Авторханова и местных “стариков”, а также активисты из людей среднего возраста сформулировали наиболее нетерпеливую и нереализуемую повестку вооруженной борьбы за свободу, но воевать пришлось уже всем, начиная от юнцов. Не дедовские ружья были в Чечне, а приличный арсенал Советской Армии.

И. Дементьева сообщает интересную для нашего анализа деталь: «Две молодые женщины в автобусе, судя по платочкам на головах, чеченки: “Ты видела, вчера по телевизору генерал Дудаев выступал. Южноамериканские усики, зачем-то надел темные очки, ну Пиночет Пиночетом!”» Материалы наших бесед также фиксируют удивительные образцы народного восприятия чеченских лидеров, в том числе Джохара Дудаева. Эти восприятия не апологетичны и не схоластичны, как общепринятые версии. Они более разнообразны, мифологичны и точны одновременно. Некоторые из них уже преломились через последующие события и личный опыт, но от этого они не менее интересны и важны.

С самого начала появления генерала в Чечено-Ингушетии отношение к нему в республике было достаточно сложным, но все же

* Один из моих чеченских рецензентов (Вахит Акаев), заметил по поводу заметки И. Дементьевой: “Такое впечатление, что она с Луны свалилась. Я там был все дни и ничего подобного ни в глазах, ни в руках чеченцев не видел”.

преобладала симпатия, связанная с личной харизмой и ожиданием благодатных свершений. Однако многие мои информаторы не хотели поддерживать эту версию. Даже те, кто воевал вместе с Дудаевым с первого дня, был в его гвардии и дослужился до генерала. Среди ниже цитируемых таких двое из четверых.

“Спрашиваешь, как к Дудаеву пришел? Скажу откровенно. Меня от него с самого начала воротило. У нас в армии сержант один был с такими же усиками, но рыжий. Смешиливый до упаду. Слушаешь его, бывало, понимаешь, что все врет, а все равно смешно. Солдат смеется, а служба идет, и то хорошо. Вроде бы и клоун, а полезное солдатам делал. А Дудаев – тот же клоун. Только наутлый. Пытается строить из себя важную персону. А я, бывало, присмотрюсь и вижу: точно тот клоун. Только не смех от него, а беда народу. Я это всегда знал. Как увидел его в первый раз, так и понял: много беды принесет этот клоун. Он никогда не был самим собой, но всегда представлял другого человека. И вот, хоть тресни, до сих пор не могу понять, почему я один видел, что это чужой человек, не настоящий, не чеченец. Он и в Чечне-то не жил. А все равно смог обмануть людей. Не для моего ума задача” (Таус А.).

«Когда началась война, мне не было пятнадцати. Перешел в 9-й класс 36-ой школы. Учился неплохо. У нас и директор был хороший, и учителя. Я думал, вот кончу школу, поступлю в институт. Но потом пришел Дудаев, и все у меня сломалось. Я про того Дудаева в жизни не слышал. Я все удивлялся, как это вдруг все заговорили о Дудаеве. По телевизору смотрю – весь он нервный какой-то, что твой фюрер. Глаза почему-то бежали. Вроде смотрит на тебя, а вместе с тем глаза в разные стороны бегают. Мы как раз тогда Достоевского проходили. Нам про бесов рассказывали. Я долго не мог понять, что это такое. Учителя спросил. Был он русский, все говорили, что очень умный, пожилой такой. Будто бы в себя весь ушел; а заговорит, бывало, точно добротой тебя обдает. У нас многие его не понимали, но уважали. Так вот, я и спросил его, кто такие бесы. У мусульман говорят “шайтан”, чем он отличается от беса? Может, его тоже с рогами изображают, как черта? А Николай Дмитриевич посмотрел так серьезно, понял, должно быть, что я всерьез спрашиваю и говорит: “Ну, рожа да хвостик – это придает носителю зла мелковатый, капризный характер, вроде бы проказника шелудивого. А бес-то, он покрупнее, много бед натворит. Бесы не могут лицом к лицу общаться с человеком. Они, как оборотни, все время в движении, в кознях”. Потом оглянувшись, желая убедить, что никто не слышит, и добавляет: “Ты видел Дудаева по телевизору? Так это точный портрет беса. Точнее не бывает. Вроде бы и смотрит на тебя, говорит с тобой. А на самом деле искушает тебя; почует, что у тебя неосознанное, темное в уме и тотчас начинает либо хвалить, либо внушать, что ты очень умный и тебе море по колено. Вот так и бес. Он тебя искушает, вызывая на откровенность. Иной, может, и купиться на это и разоткровенничается. А потом после разговора обнаруживает вдруг, что откровенности с его стороны не было. Он просто обманул, выведая, что у тебя за душой и подтолкнув тебя туда, куда ему хотелось. Он в первую школу приходил на встречу с учителями. Я на-

блюдал его. Попомни, сынок, много горя принесет этот человек и чеченцам, и русским”. По правде говоря, я не все понял из разговора с Николаем Дмитриевичем. Может быть, поэтому, придя домой, я постарался поточнее записать слова учителя» (Али И.).

«Я помню, когда день инаугурации Дудаева был. Россия тогда не знала какое количество людей там было. Он принимал присягу в здании театра и потом от театра до Совмина он шел пешком со всем этим народом, который я даже не могу назвать толпой. Творилось что-то невообразимое. Я понимала что что-то происходит. Не могу сказать, что я стала ярым сторонником Дудаева, но что-то во мне тогда перевернулось. Он был такой красивый, в генеральском мундире таком нарядном. У меня было такое впечатление, что я первый раз видела такие красивые лица, и я такого потом больше никогда не видела. Я своей подруге сказала: “Ну, пойдём посмотрим, а то потом никогда себе не простим”. Она говорит: “Нет, я не хожу на такие мероприятия”» (Хеда А.).

«Спрашиваешь, как я отношусь к Дудаеву и к его затее? Да никак. Был Дудаев и кончился. Поначалу я думал: вот человек стал генералом. Заслужил, значит, честь народу прибавил. К тому же мне нравилось, как он одевался. Всегда выбритый, подтянут, как положено военному, хоть в гражданской, хоть в военной форме. Я сам военный, как-никак 10.5.5 лет прослужил. Призвали меня в Чечне, попал в Белоруссию, служил на совесть, в разведке. Потом в художественную самодеятельность попросился. Был замечен. В старшие лейтенанты произвели. Потом чин капитана получил. Потом даже к званию майора был представлен. Так что службу военную знаю. Может, даже до полковника бы дослужился. Мне сам маршал Гречко часы дарил. Видишь, с собой ношу. Да тут и сломался я. Закрутилась моя голова от артистической жизни. Сам я был парень интересный. Девушки проходу не давали, когда в ансамбле танцевал. Да тут и осечка. Написала одна на меня. И перебросили меня аж на Дальний Восток.

Ну да что я о себе. Ты вот про Дудаева спрашиваешь. Потом задумался я как-то. Все-таки первый генерал Советской Армии из чеченцев. Думаю, за какие такие заслуги. “Ковровые” бомбежки разрабатывал? Так не только он один. Стало быть, еще какая-то была заслуга, раз доверили дивизию стратегических бомбардировщиков. Туда, брат, и самого удалого служаку за просто так не пустят. Вот тут закавыка получается. Думаю, не только военные заслуги, но еще и другие Дудев имел. Тут как раз и встретился мне начальник спецчасти той самой дивизии, в которой я служил под Минском. Оказывается, перед самой бучей приезжал в Грозный инспектировать гарнизон. Имени его называть не буду. Хороший он человек. Не хочу, чтобы он неприятности имел. Вот он-то про все мне и рассказал. Что у генерала-то мозги отморожены были от стратосферного давления в Афганистане. Потому как несколько раз сбивали на большой высоте. И готовили его к дембелю. Потому как в башке у него еще и другая болезнь обнаружилась. Да вдруг вместо дембеля подпрыгнул в генералы. В армии, особенно на генеральской дорожке, таких прыжков не бывает. Стало быть, имел какие-то особые заслуги тот Дудаев, коль его, “списанного”, сразу в генералы произвели. Тут-то и надоумил меня старый дружок по армии, что Дудаев давно работал на спецорганы.

*А иначе не видать бы ему генеральских погон, как и любому другому чеченцу-службе в те годы**.

*Вот с той поры вкралось у меня подозрение. Все никак не мог в толк взять, на кого он работал после 91-го года, когда КГБ разрушили. Да, видно, прав был дружок мой, что спецслужбы так же вечны, как и само человечество. И вот, веришь – нет, я всегда понимал, что идет какая-то грязная игра с судьбой народа, что опасность какая-то надвигается. А сказать о том некому. Кругом одни охلامоны, народ необразованный. Им сказки рассказывают, что тот Дудаев с неба спустился, будто он на белом коне в небесах летал. А чернота и развесила уши. Бывало, пробовал я разъяснить: так-то, мол, и так, не будет нам добра от этого генерала, его специально к нам заслали, чтобы народ погубить. Так меня на одном митинге побить хотели всей толпой. Едва ноги унес. Оппозиционером прозвали» (Кюра)**.*

Итак, образ Дудаева, каким его видят чеченцы, несет в себе несколько мифологических версий:

а) заговорческую – был куплен и заслан КГБ или еще кем-то, чтобы втравить чеченцев в беду или чтобы добывать для себя и своих патронов богатство;

б) дьявольскую – бес или шайтан в его душе, а сам он прикидывается человеком и всех дурит своими словами и действиями;

в) убожескую – отмороженные в стратосфере мозги во время катапультирования сделали его неадекватным, своего рода сумасшедшим, но этого никто не видит, а кто видит – не может в этом признаться.

Все эти версии из разряда сказочных, но жизненно очень реальных, как любая сказка и миф. Кто и когда их сочинил – установить невозможно, но они часто встречаются в разговорах с чеченцами и с ингушами. Народный скептицизм и настороженность к новому “лидеру нации” были обусловлены многими факторами, причем не только по поводу того, о чем говорил Дудаев. Здесь как раз все было в порядке: чеченская политическая повестка была прочно втиснута в клетку “национальной независимости” и иных вариантов не признавала. Зато были другие причины для сомнений. Один из чеченцев, людей простых, боязливых и скромных, сказал мне еще в 1992 г. фразу с вопросом: “Ну, скажите, зачем надо было менять Завгаева? Он же уже все заимел, он – сытый вместе со своими родственниками. А новый придет, ведь его и его ораву надо заново кормить. Это же какие расходы для народа!”

* Вахит Акаев по поводу данной версии заметил: “Не только он, но и его отец, тетья и другие родственники работали на ОГПУ–НКВД–КГБ”.

** Кросс-рецензент “вычислил” информатора и дал ему следующую оценку: «Этот охلامон был на крючке у Дудаева, так как у него оказались агентурные дела, оставленные КГБ ЧИР. Поэтому он и заявил, что видел, как Дудаев с неба спускался. Дудаева скорее “спустили” к нам демократы, с которыми он был связан» (Вахит Акаев).

ВОЙНА КАК ИГРА ЛИДЕРА

Распространенным является мнение, что звездный час Дудаева настал, когда отношения между Чечней и федеральными властями перешли в стадию военной конфронтации и начались насилие и жертвы. Генерал знал только военное ремесло, считая его основной профессией, и, как многие свидетельствуют, мечтал воевать. Был весьма умерен в быту. Постоянно находясь в собственном мире страхов перед агрессией и заговорами, он жил в крайне эмоциональном напряжении, в чем признавался сам. Ниже приводится отрывок из интервью Гагика Карапетяна в начале марта 1992 г., когда Дудаев уже был президентом. Его дом находился на “полутемной безлюдной одноэтажной улочке на окраине Грозного. При нем тогда была охрана в фирменных плащах и с короткоствольными автоматами местного производства”.

Д.: Дома бываю крайне редко. Сейчас у меня выработался, на первый взгляд, странный режим дня: до 5–6 часов утра заснуть никак не могу – прокручиваю в голове варианты того или иного решения.

Г.К.: “Какие проблемы сегодня не дают заснуть?”

Д.: “Их много. Самая главная – противостояние агрессии и провокации со стороны российского руководства. Надо быть бдительным ежедневно, ежечасно. Они пока никак не поймут сути демократии. .. В Останкино под чью-то диктовку трудится целая бригада по возвращению(?) моего образа, имиджа”²¹.

Дудаев смотрел на политику и на управление республикой в какой-то мере как на пионерскую военизированную игру советских времен “зарница”. Как выяснилось позже, с одной лишь разницей – он хотел и готов был переступить грань игры, даже жертвуя своей и чужими жизнями с поразительной легкостью. В речах постоянно присутствовала тема беспримерной отваги чеченцев, их боевого превосходства, исключительного морального духа и других высших достоинств. Будучи чужаком, он хвалил соплеменников, внушая им чувства гордости за то, что они чеченцы, и освобождая их от критической саморефлексии, что имело огромное значение в ситуации, когда изживался комплекс народа-изгоя и осуществлялась ментальная мобилизация на радикальные действия. Эти два момента присутствуют у Дудаева как бы в едином угрожающем смысле, о чем свидетельствует приведенные ниже его слова*:

«...злить чеченцев я бы не советовал – это крайне опасно. Наши соотечественники рассосались по всему миру, не находя себе места в прежней империи, будучи в ней признанными “криминалами”. В этом долгом противо-

* Замечание кросс-рецензента: “Мы смеялись над этими словами и называли его сумасшедшим” (Вахит Акаев). Но все же это замечание одного из наиболее просвещенных чеченцев, а какова была реакция других? Очень возможно, что веривших в этот блеф было достаточно.

стоянии мы приобрели такую силу, что в любом конце земного шара, в любое время мои соотечественники могут сотворить большую беду»²⁹.

Сотворить беду в злости и отчаянии – смысл и простота задачи лидера и следующего за ним “его народа”. Обращение к насильственной форме для достижения сугубо идеологической цели часто представляется как последнее средство после исчерпания всех остальных, но это не так. Сила оружия гораздо чаще оказывается привлекательнее, чем усилия по осуществлению мирных, а тем более компромиссных политических стратегий. Чеченский лидер был одержим войной и обожал оружие:

“Примерно месяц назад поднял в воздух вертолет. Теперь собираюсь сесть на истребитель. Мы создали собственную авиаэскадрилью. Правда, вооружение на самолетах слабое, а в рапортах первые чеченские летчики просят помочь им освоить таран. И это – не шутки с их стороны”²³.

Дудаев был поразительно самоуверен (как и часть его ближайшего окружения) в том, что успехи “чеченской революции” очевидны во всех сферах, не только в политике, но и в экономике:

“Недавно в Грозном побывала группа эстонских друзей, подготовивших экспертную оценку проделанной нами работы. Доктора экономических наук прямо заявили: поражены тем, что мы сделали за минувшее время. Мол, Эстония решала бы все эти проблемы года три с половиной”²⁴.

Аналогичное, хотя и более профессиональное, а значит и более оправдательное заключение первым успехам Грозного дает и Теймаз Абубакаров, занимавшийся промышленностью и финансами в правительстве Дудаева²⁵.

Внешняя похвала исходила от разных людей и институтов, как, например, от давнего работника Корпорации РЭНД и специалиста по Кавказу Пола Хенце, который возглавлял миссию миротворческой организации “Международная тревога” в Чечню. Последний (вместе с двумя более молодыми авторами) под эгидой этой организации написал отчет о “поразительных успехах чеченской революции”. Но даже в этом симпатизирующем тексте содержалась критика Дудаева:

«1. Дудаев сделал мало для консолидации чеченской государственности и был очень медлителен в осуществлении экономической реформы. Его военное прошлое не позволило ему разработать ясную концепцию политического руководства и понять сложности создания демократического управления.

2. Он собрал вокруг себя небольшую клику последователей и управляет авторитарным и скрытым способом.

3. Отношение Дудаева к любым формам оппозиции и критики выражается в раздувании страхов о российской интервенции, что препятствует всяким усилиям наладить рациональные переговоры с Россией. Таким образом он играет на руку консервативным силам и военным в России, которые выступают за “решение” всех кавказских проблем силой»²⁶.

Дудаев тяготился хозяйственными делами и рутинным правлением. Ему был интересен внешний мир и он сам себе – как один из лидеров независимых государств мира. Прислушайтесь к его словам:

“Но есть и серьезные упущения: увлекаясь внутренними проблемами, куда нас загоняют искусственно, я чуть не упустил несколько моментов во внешних проблемах, грозящих Чечне серьезной опасностью”²⁷.

Одержимость внешней опасностью была и остается постоянной темой для Дудаева и для других чеченских лидеров, на чем основывается их стремление к войне. Однако это не означает, что у Джохара Дудаева был план войны. Имелся некий низкий ментальный порог между миром и насилием и готовность пребывать в обоих состояниях. Такое же настроение было и у части мужского населения. Возможно, это еще одна из составляющих феномена конфликтной модернизации. Изложенная ниже история является потрясающим свидетельством, в котором быль и вымысел сплетены воедино.

«Я не воевал, но прошел закоулками войны и в Грозном, и в селе от начала до конца. Накануне войны пригласили меня работать в мэрию. И хотя должность у меня была небольшая, неоднократно встречался с Дудаевым и его приспешниками. И заявляю со всей решимостью – Дудаев войны хотел, он ее жаждал, он ее лелеял. В сентябре–октябре 94-го года в Грозный приезжало несколько миротворческих миссий из различных регионов СНГ. Я присутствовал на всех встречах. Я свидетельствую: при совместной встрече миссии из Казахстана и духовенства с генералом Дудаевым он был совершенно готов принять условия Москвы и предотвратить войну. Духовенство республики тогда возглавлял Алсабеков, незадолго до того прибывший из Алма-Аты. Однако Дудаев вышел из кабинета, куда-то позвонил (мне об этом сказала секретарша: когда Дудаев задерживался с возвращением в кабинет, мы недоуменно переглядывались, и я вынужден был спросить секретаршу в приемной).

Когда Дудаев вернулся, в его лице не оставалось ничего человеческого, ни тени сожаления, что вынужден полностью развернуться и принять решение, влекущее войну. Он отказывался от почти принятого решения в пользу мира с нескрываемым удовольствием; это был картежник, проигравший огромную сумму и поначалу как будто расстроившийся, и которому вслед за тем стало известно, что он только что получил большое наследство. Он потирал руки, в его бараньих, несколько бессмысленных от поволоки, явно неодинаковых по размеру глазах появилось что-то вроде блеска, на щеках, как мне показалось, появился румянец.

Таким я видел его еще однажды, уже в разгар войны, правда, на кассете, когда ему доложили о начале рукопашных схваток под Бамутом. Качество съемки было отличным, и совершенно ясно различалось то же сатанинское выражение в глазах. Дудаев вскочил из-за стола, начал хрустеть пальцами рук. Чеченские подростки уже бросались к тому времени под федеральные танки, как и обещал Дудаев еще до начала войны. Но этого, видно, ему было мало. Ему нужно было ощущать треск черепов, разбиваемых ударами прикладов, хрипение перерезанного горла. Все безумное зверство и клацивание волчьих зубов на горле коровы, которую он не сожрет, но зарежет с наслаждением.

Я знаю, как оберегал Дудаев своих детей, домашние учителя их рассказывали мне, что боятся бывать в их доме, но еще больше боятся расправы. Я знал, как ловко переправил он сына за границу, распустив слух, что он убит. Но то были его кровные интересы. В таких случаях он бывал предельно циничен и нагл. Помню, как участнице делегации учителей, заявившей, что образование в республике летит в тартарары, в то время как он держит домашних учителей для своих детей, он ответил лаконично и нагло: “На то они и дети президента”. Словом, Дудаев был готов проливать море народной крови. Прорываться к вершине власти и богатств, слыша под сапогами хруст человеческих костей... Мне рассказывали, что перед внезапным производством в генералы он уже 4 месяца был в отставке в чине полковника.

Однако все это можно пережить. Настоящему мусульманину известно, что и за единую ниточку, присвоенную несправедливо, он будет испрошен. Все дело в том, что все эти люди или кровь народа пили, и продавали ее же. Нефть по-чеченски “мехка дятта” в буквальном переводе на русский означает “масло отечества, родной земли”. Другими словами, это божья благодать, достояние всего народа. Так вот, Дудаева разыскали сначала в отставке, куда он вышел, будучи полковником, вышел даже досрочно за “отмороженные” мозги, а точнее, за его подлый, циничный нрав, за его готовность продать за копейку родного отца и мать. Потом его в срочном порядке произвели в генералы. Потом его готовили закордонные инструкторы. В моем присутствии Мамадаев говорил, которого, кстати, в народе называли диким кабаном – и взаправду, лоб у него был точно как у кабана.

Сначала Дудаеву заплатили за то, что он сломал советскую власть в республике. Потом он рассчитывался с теми, кто давал ему деньги за это, посадив, например, Мамадаева главным управителем. Потом к нефти потянулись Хаджиев и Гантемиров – людей последнего попросту расстреляли. Хаджиев же не хотел довольствоваться только долей нефти, к тому же он не доверял “милому дружку” – Дудаеву, счел за благо “слинять”, спасая свою шкуру, а уж потом потекли дудаевские миллионы на его счета за границей.... То он врал, что собирается закупить бланки паспортов для независимой Чечни, закупая оружие, и при том львиная доля шла на его личные счета. Потом он сделал республику перевалочной базой для наркотиков, а деньги все текли и текли на обогащение его ненасытной утробы, как и на насыщение тех московских жуликов, которые помогли сбывать чеченскую нефть. Затем стали отстреливать тех, кто слишком много знал об этом, в т.ч. и одного из министров внутренних дел.

Он катапультировался и имел все признаки отморожения мозга. А тут ему вдруг присваивают генеральское звание, дают огромные склады вооружения и обмундирования. Вы думаете, что все это случайно? Это, как говаривал Гамлет, такие случайности, из которых складывается самая настоящая закономерность» (Алик, учитель).

Чеченцы вынесли Дудаеву разные оценки, жесткие и оправдательные. Они связали с этим человеком, а не только с Россией и Ельциным, свои военные беды и утраты. Среди чеченцев имеются и такие, которые сохраняют почитание покойного лидера. В любом

случае переименование столицы республики из Грозного в Джохар-кала – это не волеизъявление народа, но на версию национального героя со временем могло работать. В то же время, по нашим сведениям, переименование Грозного, а также села Гехин-чу в Дудаево не стало успешным проектом и едва ли состоится вообще.

Приведем несколько оценок Дудаева из наших историй:

“Я тебе вот что скажу, девочка, мне этот Дудаев нужен не больше, чем прошлогодний снег. Теперь вот все врут по телевизору, что Дудаев – герой и добра для народа хотел. Ты вон посмотри-ка в окно, что от города осталось – одна пыль да пыль. А какое добро народу принес Дудаев? Тут и далеко ходить не надо. Нет такого села, где бы на кладбище ни было десятков шестов, а попросту жестяных труб с финтифлюшками наверху, тянущихся выше всех могильных камней-памятников. Это памятники газиям. Вон сколько народу полегло. А, спрашивается, за что? И это добро от Дудаева. Отродясь не было такого супостата у чеченцев, чтобы свой же народ извести. Теперь вот посмотри – голь и нищета вокруг. Они по телевизору все брежут, будто свободу они получили. А какая же такая свобода может быть, если народ с голоду пухнет. Такой свободы не бывает, ежели полная нищета, детки не учатся. Учителя и врачи разбежались или вот стоят со мной на базаре, чтоб с голоду не сдохнуть” (Зура).

«Вообще, я думаю, что вины Дудаева во всем этом нет. Он человек военный. Он не разбирался в хитростях политиков и своего личного окружения. Он человек честный, хороший, но не государственный деятель. Ему надо было взять на службу умных, толковых людей. И заставить их работать. Он бы только приказывал, что делать, а они выполняли бы его приказы. А получается наоборот. Его окружение заставило выполнять свою волю. И получилось кругом воровство. Украли все: и нефть, и музеи, и все, что было на складах запасов. А Дудаев, как человек военный и прямой сказал, когда в совхозах украли весь урожай 1991 года: “Молодцы! Надо, чтобы государство не жирело за счет народа, а чтобы все народу досталось”. Вот и договорился, что теперь и государство, и народ нищие. Что взять с него, он же военный. В другой раз он еще так говорил: “Кто смел – пусть ворует (хапает), а кто трус – пусть в тряпку сопит”. Вообще Дудаева сделало окружение. Они дали ему много денег, когда он боролся за власть. Потом эти же люди разворовали все государство. Их имена известны. Я думаю, они – главные виновники, что в республике наступила нищета. Дудаев хотел блага для народа, а его окружение все разворовало.

Теперь вот другой президент – Масхадов. А получается то же самое. Он назначает на важные должности преданных ему людей, по принципу: воевал или не воевал. А хорошие специалисты, образованные люди никому не нужны. А разве с неучами и жуликами построишь государство? Вот она какая закавыка выходит. Не знаю, что будет, что нас ждет. Но, думаю, государство у нас будет» (Висит М.).

“Мое отношение к Дудаеву неоднозначно, признаю в нем сильную личность. Чтобы утвердить себя в мире, можно было найти много вариантов или принести в жертву свой народ и уничтожить его. Государство

не может существовать без народа, город можно восстановить, но нельзя вернуть людей. Это самое страшное. Я не вижу мудрости в безумстве храбрых” (Элина С.).

“Многие думают, если бы у власти был Джохар, все было бы по-другому. Он стал мифологическим героем. В Грозном висит лозунг “Джохар, вернись эти козлы борзуют”. Я его не воспринимала всерьез, думала что он в сговоре с Россией, но потом вошел в роль. Он все время говорил о войне. Я согласна, что избежать ее было невозможно. Если не Дудаев, пришел бы другой. Но кто бы ни пришел, никто не думает о народе. Власть ничего не делает. Масхадов занят дворцовыми интригами, ему некогда думать о народе. Никто не сможет поднять республику из этих руин. Должен быть человек извне. Ведь не зря чеченцы призывали раньше дагестанских или кабардинских князей. Чужого всегда без проблем можно поблагодарить и отправить домой. Со своими сложнее” (Наташа А.).

“К самому Дудаеву я отношусь отрицательно, хотя признаю, что личность неоднозначная. Знаю эту семью 20 лет. Здесь много личного. Мне известно его отношение к чеченским традициям, культуре. Он не придерживался их последние 20 лет, ни один из его детей не владел чеченским языком, да и сам он владел им плохо. В республику Дудаев приезжал раз в пять лет, не приехал даже на похороны матери в 1970 году, в то время как мой отец простоял на этих похоронах три дня. Его собственная семья была им недовольна за брак с иноверкой” (Рамзан Д.)*.

“Мне кажется, что избежать этой войны было невозможно. И дело не в конкретных фигурах. К Дудаеву я отношусь как к национальному герою. Просто не все еще поняли его роль. Это придет со временем” (Хава И.).

“Скверное это дело, война. А с другой стороны – это революция. Без грязи она не бывает. Мы же создаем первое государство. Вроде бы большое это дело. И с этим народом, может быть, и не построишь. Командиры относятся друг к другу как волки. В любой момент готовы сгрызть друг друга. Яндарбиев против Масхадова, Басаев вообще готов его съесть. Илаев сам по себе. А Масхадов – человек военный, он не политик и не организатор. Вот уже скоро год в президентах ходит. А что изменилось?! Несколько бедных истосковавшихся по зарплате женщин метут один и тот же мусор с одной стороны тротуара на другую и наоборот. Вот и все возрождение. Масхадов не умеет подбирать кадры. Сначала протрубил, что надо обустроить всех боевиков (по его словам, их было всего несколько сотен). А теперь число грязнобородых перевалило за 70 тысяч. Попробуй, прокорми столько дармоедов. Халимов подбирает свои кадры. У Басаева и Радуева свои дружины. И получается – в одной берлоге не два, а десяток медведей. Какое же это государство?! Это разбойничья вольница” (Висит М.).

* Добавление кросс-рецензента: “Дудаев поссорился со своим старшим братом из-за отцовского дома. В ссоре он ударил брата ножом. Ему пришлось покинуть своих родственников, и он уехал из Чечни вообще и долго не возвращался. Стал военным, женился на Алле. Когда умерла мать, даже не явился на ее похороны” (Вахит Акаев).

«Я получал специальные задания Дудаева, но в основном занимался доставкой оружия и провианта. Не единожды доводилось мне ночевать с Джохаром. Он был со мной искренним. Мы много говорили о послевоенном будущем. Джохар считал, что нефть в Чечне еще не полностью разведана. Что земля таит несметные богатства. Кувейт ни в какое сравнение не идет с Чечней. Там нет воды и леса. Мы же будем продавать свою родниковую воду и пить верблюжье молоко. В Аравии много верблюдов, и их можно акклиматизировать у нас в Чечне. Чеченские интеллектуалы будут готовиться по всему миру и постепенно оттеснят евреев. Евреи способная нация, но чеченцы возьмут смелостью. Мы станем главной интеллектуальной силой в мире. Я сам верил Джохару. Мы с ним долго об этом говорили. Джохар хотел счастья чеченскому народу. Он был настоящим патриотом. Он был очень смелым человеком. Он не ведал, что такое страх. И лично рисковал жизнью под бомбежками и обстрелами. Я между прочим задавал ему вопрос: “А был ли хоть один случай, когда снаряды и бомбы попадали рядом, и вас могли убить? Или кого-нибудь убило непосредственно вблизи вас?”. Нет, не такой парень был Джохар! Он нюхом чувствовал, когда начнется артобстрел и бомбометание. И каждый раз мы уходили буквально за полчаса до начала заварушки.

Теперь до меня доходят разговоры, что Дудаев был послан с заданием. Я вот думаю, если это даже и так, то в ходе нашей борьбы, нашего сопротивления Джохар отошел от того задания. Может, между ними, Дудаевым и Ельциным, что-то и было. Но Джохар молодец! Он обманул Ельцина. Мне тут один говорил, что они поссорились из-за нефти. Будто в России с Дудаева большой процент ломили. Я думаю не это главное. Главное – это то, что Джохар независимость завоевал. В политике не обманешь – не выпьешь шампанского. Джохар все-таки молодец!» (Ахъяд Х.).

Автору последней цитаты 47-лет. Он активный участник войны. Он из горных чеченцев и вначале был фанатичным последователем Дудаева. После войны под влиянием повсеместных разговоров о том, что генерал Дудаев был заслан в Чечню со специальным заданием, вынужден был постепенно отказаться от продудаевского фанатизма. К тому же по роду послевоенной работы его обязали одеваться в гражданское платье и галстук. Он отнюдь не желает становиться интеллигентом, однако чувствует, что сомнения одолевают и его. И все же Ахъяд Х. считает Дудаева провидцем, говорит, что в ходе войны Дудаев часто говорил ему, что война закончится победой чеченцев. Это – дело предопределенное. Его, однако, заботит другое: что будет делать молодежь после войны. “Боевики ничего не умеют делать, кроме как воевать. У американцев после войны во Вьетнаме возникли те же проблемы”. Правда, Ахъяд говорит, что Дудаев не высказывал мнения о том, как решить эти проблемы.

ПОСЛЕВОЕННАЯ АПОЛОГЕТИКА

Как я уже отмечал, среди внутренних и внешних обозревателей уже прочно утвердился упрощенный миф о Джохаре, и этот миф остается на активной идеологической службе и после его гибели. Более того, гибель героя и военная победа сократили возможности критического анализа Дудаева. Эти два обстоятельства оказали воздействие даже на наиболее глубоких аналитиков чеченской войны, которые сочиняли свои тексты уже в комфорте университетских офисов далеко от Чечни. Рукописный вариант главы о Дудаеве, который я прочитал еще в период, когда шла война, заметно отличался более критическим отношением к герою и к войне, чем это оказалось в опубликованной книге А. Ливена. Чаще апологетическое, чем критическое отношение к погибшему чеченскому генералу прослеживается в текстах российских авторов. Если же говорить о чеченских авторах и пропагандистах, то ситуация позволяла и требовала канонизации “создателя чеченского государства”, тем более что чеченский пантеон был и остается крайне скуден. Как это обычно бывает, одними из первых за создание образа “отца нации” и лидера-жертвы взялись поэтические воспеватели. Московский поэт-чеченец Муса Гешаев написал стихотворение “Великий чеченец”:

“Он временем выкован, веком рожден,
Вскормлен грудью горянки,
Впитав ее жар,
И врагами не побежден –
Великий чеченец – мечтатель Джохар.
Он легких путей не искал,
И вайнахам, простым от природы,
Он первым почувствовать дал
Горькую сладость Свободы!”

Подобных описаний и высказываний особенно много в самой Чечне на уровне пропаганды и газетной публицистики. Местная пресса полна апологетических цитат о своем главном национальном герое (имам Шамиль все-таки был дагестанец, сдавшийся русскому царю и принявший Россию). Власти и идеологи закрепляют образ героя в названии столичного города (Джохар-кала) и в других символах. С марта 1997 г. в Грозном начала выходить еженедельная общественно-политическая газета “Путь Джохара” (Dzoxaran Neq) с эпиграфом “Раб, не стремящийся выйти из рабства, заслуживает двойного рабства!” Эту газету издает общенациональное политическое движение “Путь Джохара”. Редактор Раиса Дадаева и ряд ведущих журналисток газеты – это фанатично преданные Дудаеву и его курсу чеченские женщины, напоминающие известный в постсоветском пространстве феномен грузинских звиядисток (так называемые *черные колготки*, которые остаются активными до сих пор в Грузии).

Даже анализ одного из номеров газеты дает представление о мощнейшей апологетике и о структуре самого мифа. В редакционной статье “ДЖОХАР. Турпал ца ле! Турпал даим вега! “Пхъармат”» (с чеченского – Герой не умирает! Герой вечен! “Прометей”) говорится:

«Доведите дело до конца». Так прозвучал последний завет бессмертного сына Кавказа, проложившего победоносный путь многовековых чаяний народов, терпящих имперский гнет. Главная цитадель этой империи – крепость Грозный сгинет в небытие и займет должное имя твое – Джохар.

Именно ты бросил вызов империи зла, перед величием и мощью которой смирился весь мир – Джохар.

Ты, словно вершины Кавказа, символизируешь терпение и выдержку на тернистом пути к свободе – Джохар.

Ты стал девизом войны во имя мира, ибо только война могла принести мир – Джохар.

Ты назвал себя “жертвой” в истории и как нарт-орстхоевец Пхъармат, похитив огонь, отдал его людям – Джохар.

Ты следовал нахской поговорке “Камень остался, вода ушла”, и ты в сердцах людей навсегда остался – Джохар.

Ты появился словно ослепительный жовхар, дополнив плеяду звезд ислама в бездонном небе вселенной – Джохар.

Возвратись же с небес на белом сияющем скакуне с саблей турпала Али в руке – Джохар».

С самого начала формирования послевоенного мифа в нем присутствует элемент ожидания чуда и возвращения героя с небес на белом коне. Некоторые ждут “возвращения” с юмором, скрывая в нем нынешнее недовольство. В 1998 г. в Грозном на видном месте появилась надпись “Джохар вернись – козлы борзеют!”, явно направленная против современных правителей Чечни. Но в целом чудо возвращения служит политике продолжения борьбы, т.е. войне. Интересно, что в июле 1997 г. в Чечне прошли торжества по случаю 200-летия со дня рождения Имама Шамиля. Публичное мероприятие состоялось в горном селении Ведено, где когда-то находился Шамиль со своим войском. В репортаже об этом событии заключительные слова журналистки Г. Эсенбаевой* говорит так:

«Словно напоминая о том, что в Ичкерии до войны была своя авиация и она должна обязательно быть над собравшимися, то и дело, опускаясь вниз и приветливо помахая рукой, кружил на дельтоплане молодой чеченец. Люди поднимали взоры на этого смельчака и радостно улыбались. То и дело слышался вопрос из толпы “Не Джохар ли это?” Что бы ни говорили, как бы ни убеждали нас некоторые наши руководители в его гибели, народ все равно не верит. Он ждет его и будет ждать всегда!»²⁸

* Комментарий кросс-резидента по поводу Эсенбаевой: “Слепая фанатка, которая, имея ноль дивидендов от происходящего, вдирилась в авантюру, наплевала на семью, соседей, родных и друзей” (Рустам Калиев).

Правящий вооруженный режим Чечни эксплуатировал миф Дудаева при каждом случае, в том числе и для пропаганды среди подрастающих военной доблести. 2 августа 1997 г. в Грозном состоялся учредительный съезд военно-патриотического союза “Маршонан биаьхой”, на котором присутствовал “почетный гость – 14-летний младший лейтенант Деги Дудаев, сын Великого Джохара”. “Какую оценку ты даешь всему, что здесь происходит?” – спросил его корреспондент.

“Я думаю, что все будет хорошо. Джохар вернется, дал мукълахь, и все станет на свои места”.

“Деги, ты сын такого легендарного, великого, неповторимого человека, как Джохар Дудаев. Как ты себя чувствуешь в этом качестве?”

“Мне очень тяжело”.

“Ты еще очень юн. У тебя есть определенные планы относительно пути Джохара. Ты как-то связываешь свою жизнь с этим путем?”

“Я хочу стать военным. Я буду летать. И я должен, как и любой чеченец, продолжить путь, начатый моим Президентом. Ичкерия должна получить свою суверенность”²⁹.

Миф о Дудаеве использовали и в оппозиционных правительству Масхадова целях, когда его противники пытались доказать, что деятельность президента – это отход от идей Дудаева. После войны за пределами Чечни остались наиболее радикальные идеологи, исповедующие непримиримость и действующие как бы от имени мертвого героя. Некий “представитель Президента Дудаева в Польше Мовсуд Дудаев” считал, что в генофонд чеченской нации с апреля 96-го закодирован “ДУХ ДЖОХАРА” и что никому не дано повторить то, что сделал Джохар:

“Несчастлива нация, которая в критический момент Истории не может исторгнуть из себя ЛИДЕРА. Именно в этом счастье нашего вчерашнего дня и именно в этом – несчастье дня сегодняшнего. ЛИДЕР – вот самая краткая характеристика Джохара. ЛИДЕР МИЛОСТЬЮ ВСЕВЫШНЕГО, в котором счастливым образом сочетались талант полководца и гений политика. ДЖОХАР-ЛИДЕР и милость Всевышнего над этой страной спаяли из конгломерата тейпов единую и непобедимую ЧЕЧЕНСКУЮ НАЦИЮ, а небольшую по размерам территорию сделали ГОСУДАРСТВОМ, по своему звучанию, силе и значимости равным любой державе мира”²⁸.

В послевоенной Чечне “Путь Джохара” – это уже больше, чем героический образ, это – “путь Данко, это высокое и гордое, то, что он формировал со своими помощниками и единомышленниками до войны и особенно во время войны. ПУТЬ ДЖОХАРА СПОСОБЕН БЫЛ ПРОКЛАДЫВАТЬ ТОЛЬКО САМ ДЖОХАР!”³¹.

Многие современные образы Дудаева и его правления имеют своего рода прототипы в коммунистических идеологемах, которые на протяжении десятилетий внедрялись в сознание советских людей. Казалось бы стертые драмой последних лет из сознания, они получили новую жизнь в “ичкерийской харизме”. Как поделился своими

наблюдениями Р. Калиев, то, над чем в эпоху СССР смеялись про себя, в узком кругу (“учись, говорил Ленин”, “партия советов – это абсолютная истина”, “могучий, свободный советский народ” и т.п.), теперь эти тезисы, банальные до крайности, оказались приспособленными под “великую Ичкеррию” и “величайшего из чеченцев Джохара Дудаева”.

«Теперь обсуждать проблемы, созданные Дудаевым, – это преступление. Не критиковать, а даже обсуждать стало опасно. В начале 1997 г. я попытался опубликовать свою версию событий в 1995 году. Это была статья-обзор с компонентами интервью с С. Н. Хаджиевым. Ни одно издание не решилось даже проявить интерес к этому материалу. Так эту статью и не опубликовали. Зато моя фотография и личное дело (досье) появилось в НСБ . Только мощная родственная опора не дала этой структуре “распустить руки” в отношении меня».*

«После смерти его уже почти обожествляют, возвели в ранг святых. Образец Ленина, Сталина и Саддама Хусейна одновременно в одном лице! Человек, когда-то приближенный к Дудаеву и им не отторгнутый публично, – это своего рода навечно “освященный” знакомством и уважением Дудаева человек, для которого теперь это главный козырь, с которым он всегда и везде ходит .

“Так считал Дудаев”, “так хотел Джохар” – это выражение звучит как закон, которым никто не может пренебречь, включая Масхадова.

Ни один политик, военный, чиновник или бандит в республике серьезно к этим банальностям не относится. Но в один голос все говорят: “Мы – истинные последователи Дудаева, мы его путь продолжим”. Народ слушает с тем же смиренным равнодушием и продолжает делать вид, что Джохар и его идеи что-то значат. Единственные, кто получает искреннее удовлетворение от этих измышлений и обсуждений, – это часть стариков. Такое ощущение, что они морально мстят России за прошлые лишения в своей жизни” (Рустам Калиев).

¹ Сиверцев М.А. Харизматическая культура: Лидер в посттоталитарном пространстве / Научные доклады Московского научного фонда. М., 1997. № 40. С. 26–27.

² Там же. С. 10.5.5.58.

³ Известия. 1991. 2 нояб.

⁴ Голос. 1992. № 42.

⁵ Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven; L. 1998. P. 65.

⁶ Ibid. P. 66.

⁷ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

⁸ Lieven A. OP. cit. P. 66.

⁹ Ibid. P. 67.

^{10.5.5.5} Дудаев Д. Тернистый путь к свободе. Грозный, 1995. С. 36.

¹¹ Республика. 1991. 4 апр.

¹² Кавказ. 1991. 3 нояб.; Дудаев Д. Указ. соч. С. 40.

¹³ Абубакаров Т. Режим Джохара Дудаева: Правда и вымысел: Записки дудаевского министра экономики и финансов. М., 1998.

* Национальная служба безопасности Ичкерии.

- 14 *Дудаев Д.* Указ. соч. С. 41.
- 15 Там же. С. 45.
- 16 Столица. 1992. № 15. С. 3.
- 17 *Дудаев Д.* Указ. соч. С. 13.
- 18 Там же. С. 44.
- 19 Там же, с. 65.
- 20 Известия. 1991. 2 нояб.
- 21 Столица. 1992. № 15. С. 1–3.
- 22 Известия. 1991. 2 нояб. С. 3.
- 23 Столица. 1992. № 15. С. 1–2.
- 24 Там же.
- 25 *Абубакаров Т.* Указ. соч.
- 26 Chechnia Report. L. 1992. P. 50.
- 27 Столица. 1992. № 15. С. 3.
- 28 Путь Джохара. 1997. № 9. 28 июля–3 авг. С. 1.
- 29 Там же. № 11. 11–18 авг.
- 30 Там же.
- 31 Там же.

Глава IX

БОЕВИКИ: ДОБЛЕСТЬ И МАРОДЕРСТВО

Дудаев мечтал о кавказской войне с Россией. Мне это было по нутру. Воевать мне нравилось. Конечно, это был риск, но ничего другого я не умел делать.

Шамиль А.

Масхадов обязан выполнить то, что должен как президент: объявить России войну. Мы должны начать против России войну за то, что она совершила против нас интервенцию.

Шамиль Басаев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕРСИЯ

12 декабря 1994 г., знакомясь с чеченцами, которые прибыли во Владикавказ для переговоров с делегацией от российской федеральной власти, я обратил внимание на то, как вызывающе иронично представился лидер антидудаевской группы, бывший мэр города Грозного Беслан Гантамиров. Он протянул руку и сказал: “Гантамиров – боевик”. Сложно восстановить момент, когда это слово вошло в постсоветский лексикон. Наверняка его появление связано с современными вооруженными конфликтами (Карабах, Абхазия, Таджикистан). В Чечне этим словом стали обозначать граждан, ведущих групповые вооруженные действия в составе незаконных парамилитарных формирований.

Со временем понятие “боевик” перестало быть политически и эмоционально нейтральным, особенно с утвердившейся в Чечне верой в состоявшуюся независимость, а значит, и в институты государства, включая армию. После августа 1996 г. чеченские боевики не захотели оставаться своего рода антиправовой категорией, поскольку правительство самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии (ЧРИ) учредило армию, систему воинских званий и другие атрибуты военной машины. Теперь даже за пределами Чечни употреб-

ление термина “боевик” вызывало недовольство у официального Грозного и приводило к таким курьезам, как, например, следующая смущенная “поправка” в “Общей газете” (22–28 июля 1999 г.): «В № 27 “ОГ” на странице 3 в подписи к фотографии агентства Рейтер с чеченской границы была допущена досадная ошибка. Вследствие неточного перевода с английского языка люди, запечатленные на снимке, названы “чеченскими боевиками”. На самом деле это – солдаты регулярной армии Ичкерии, которые несут службу по охране границы республики. Редакция приносит свои извинения чеченским пограничникам и автору снимка».

Поспешная политкорректность известного российского издания объясняется симпатией к чеченскому сепаратизму, которую часть отечественных СМИ демонстрировали на протяжении всей войны. Кстати, та же самая газета направила в Чечню в период военных действий 1994–1996 гг. своего корреспондента Надежду Чайкину, профессионально неподготовленную для такой работы молодую женщину романтико-авантюрного склада характера, которая в итоге заплатила за это своей жизнью¹. Нам понятно, что феномен журналистских симпатий и активного соучастия в чеченском сопротивлении гораздо сложнее, ибо позволяет утверждению “независимости СМИ” и дать волю почитаемой драме репортажа см. XVI.

Самая полная информация о чеченских вооруженных формированиях и их действиях вполне понятно имеется в распоряжении федеральных российских властей (МВД, МО, ФСБ), но она труднодоступна и мною не использовалась. Еще лучше осведомлены по этому вопросу сами чеченцы, особенно их военные лидеры. Аслан Масхадов даже выступал в США с лекцией об опыте боев в городских условиях. Но и этот источник был для меня практически недосягаем. В то же время о чеченских боевиках и их действиях написано много репортажей, песен и стихов, снято фото и видеопленки. Творцами этих образов были часто сами чеченцы, среди которых с начала конфликта нашлись те, кто снимал, и те, кто с гитарой слагал походные песни.

О боях в Грозном имеется несколько любительских видеополнометражей, которые широко продавались в Чечне и на рынке при московском ДК имени Горбунова. Также имеется около десятка аудиокассет с записью чеченских военных песен. Наиболее идеологически завершенным (просепаратистская версия) можно считать документальный фильм шведских журналистов “Преданные”, который даже получил престижную премию. Столь же закончен в своей противоположной идеологии фильм А. Невзорова “Чистилище”. Роман Джона ЛеКарре о Чечне никакого отношения к ней не имеет, как и дешевые поделки типа “Чеченский бумеранг” Валерия Барабашева, появившиеся на российском книжном рынке в 1995 г. в серии “Современный российский детектив”. В представлениях об этой войне безоговорочно доминируют литературно-журналистская и официально-пропагандистская трактовки чеченских боевиков. Они успешно путешествуют и в академических текстах.

Из доступного материала сложился коллективный образ чеченского воина – современного Робин Гуда, бесстрашного защитника своей родины, сильного и гуманного, хорошо знающего оружие и умеющего воевать. Этот образ лепился усилиями лидеров и профессиональных пропагандистов. Он безоговорочно оформился под влиянием военного поражения федеральных войск в Чечне в 1996 г. После вывода федеральных войск “победители” стали “героями войны”, представляющими настоящий “чеченский народ”, а все остальные – “слабаки”, “колеблющиеся, двурушники”, “агенты спецслужб”, “предатели народа” и тому подобные. В этом плане особенно примечательна книга Зелимхана Яндарбиева. Если вычесть всех заклеянных автором в предательстве или трусости чеченцев, среди сторонников независимости и войны мало кто остается. Зато собственный вклад в дело “чеченского сопротивления” автор описывает подробно, нравоучительно и безапелляционно в отношении всех других, кроме Дудаева, Масхадова и еще нескольких лидеров.

В книге Яндарбиева интерес представляет его взгляд на тех, кто вел войну с чеченской стороны и которых он называет “простые чеченские парни – великие воины независимости”. «А чеченский секрет был прост: чеченцы знали, за что они дерутся и умирают, а русские не могли этого знать, потому что их посылали на смерть за имперские и политические амбиции тяжело “больных” вождей. И вчерашний мирный чеченец оказывался “профессиональнее” российских военспецов»². Автор приводит несколько имен наиболее отличившихся командиров, некоторые из них присутствуют и в списке авторов наших историй. Это дало возможность сравнить версию идеолога с подлинным внутренним миром воюющих против федеральных сил чеченцев.

КАК СТАНОВИЛИСЬ БОЕВИКАМИ

Воюющая часть чеченцев состояла из “полевых командиров” и “боевиков” или рядовых бойцов. Кроме того, было еще одно разделение: на организованные силы во главе с подчинявшимися Дудаеву и Масхадову командирами и на так называемых индейцев или диких воинов, никому не подчинявшихся. Об организации чеченских вооруженных формирований и их делении на “фронты”, “армии” и “бригады” сообщалось неоднократно. Далеко не всем приводимым данным мне удалось найти подтверждение, как и найти типичных “робин гудов” – тех красавцев, опоясанных пулеметными лентами и в черных вязаных шапочках, которых изображали телекамеры зарубежных и некоторых российских журналистов. Чаще это были уставшие, глубоко травмированные люди, страдавшие от ранений и нуждавшиеся в лечении.

Первое и, возможно, самое важное, что удалось выяснить, это как и кто приходил в ряды боевиков и какова была их первичная организация. Несмотря на утверждения, что “горцы всегда были с оружием”, “советские горцы”, т.е. жители ЧИАССР, оружием до 1991 г. не располагали. Даже еще в первые дни массовых выступлений в связи с работой Общенационального конгресса чеченского народа чеченцы не брали в руки оружие, хотя, возможно, некоторые пытались его приобрести и даже тайно делали это. Но нет данных о том, что такое стремление охватило массы, если не считать холодное оружие – нож или кинжал. По свидетельству Д. Гакаева, оружие в руках чеченцев оказалось с появлением Дудаева уже на втором съезде ОКЧН в июне 1991 г. Первых молодых людей с автоматами можно было увидеть на площади в Грозном в сентябре 1991 г. Как свидетельствовал руководитель местного ФСБ И.В. Кочубей, “мы могли легко арестовать всех этих пареньков, которые и сами-то ожидали, как власть будет реагировать. Но нам не было указаний наводить порядок и вмешиваться в происходящие демонстрации”³. Вооруженные организованные группы открыто появились в Грозном в связи с реакцией на указ Президента РФ о введении в в ноябре на территории Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения.

Меня интересует влияние динамики событий на поведение их участников в момент, когда происходит массовый выход граждан из правового пространства и начинается открытое насилие. Все это потом называется “мятежом” или “революцией” в зависимости от результата. Ведущими факторами становятся коллективно разделяемые эмоции, упрощенный выбор (“за” или “против”) и солидарные действия, при которых у каждого индивида больше уверенности и меньше личной ответственности. На эти действия идет определенная категория людей, которую потом апологеты называют “народ”. Яндарбиев так описывает ситуацию первичного вооружения и открытого сопротивления:

«Помню те дни достаточно ясно, чтобы постараться передать их героический пафос. Это были дни, когда народ еще не вышел из постпутчевского (ГКЧП) накала страстей, которые за период предвыборной борьбы обрели закономерный характер, а после избрания Джохара Президентом трансформировались в стабильный общественный настрой. И патриотический энтузиазм, и гражданский пафос, и революционный дух, и авантюризм, и собственнический эгоизм, и альтруизм, и еще многое другое сплелось во времени и характере людей. И не было никакой возможности ни расчленить их, ни привести в систему. Не было других критериев оценки, кроме как “за” или “против”. Единственное, что можно было делать – это наблюдать, воспринимать или отрицать, участвовать или не участвовать во всем этом. Люди, в большинстве своем, так и делали. Пытающихся понять и постигнуть было мало. Такие появятся позже. Но в большинстве лицемерящие. И только в начале появятся среди них те, кто действительно во всем объеме постигнет суть всего происходящего и осознанно, чтобы и на воло-

синку не поступиться честью и достоинством нации, пойдет на смерть под знаменем независимости и с Аллахом в сердце. А тогда, в первые дни независимости, были только пафос и настрой, но способные смести любые преграды на пути. Они побеждали, подминая робость, сомнение, философствование, как водится испокон веков в такие эпохи и времена»⁴.

Яндарбиев считает, что Дудаев и он понимали, что движет людьми, и эффективно это использовали. А “направляемые умелой рукой Кремля – КГБ силы реакции” такого преимущества не имели. Были еще многочисленные примкнувшие к народу, которые, как писал Яндарбиев, “просто присутствовали при народе, и это хорошо”⁵. Только за чеченским сопротивлением было преимущество исторической правоты, как полагают чеченские идеологи.

«Этот процесс уже невозможно было остановить, даже если вся многомиллионная имперская армия обрушится на чеченский народ... Это был закономерный момент в развитии процесса национального возрождения... Но не все готовы и способны были истинно философски и психологически осмыслить ситуацию. Более всех и те, кто мыслил себя интеллектуальной элитой нации и тем не менее, не нашел лучшего применения своему интеллекту, кроме как трусливого созерцания событий, вместо того, чтобы быть в передовых рядах, или демократически-демагогических пророссийских панических словопрений – публично и за глаза. Но в настоящей ситуации это было не существенно, ибо народ и без их “интеллекта” знал, что ему делать, и это знание было обретено многостолетним опытом самоотверженной борьбы наших отцов за независимость, и прежде всего с Российской империей. Этот опыт просыпался в крови чеченца, поднимая дух на битву»⁶.

Подобных оценок, только с меньшим употреблением слов “народ” и “закономерность”, имеется большое число, в том числе и в претендующих на академические тексты публикациях⁷.

НАЧАЛО МОБИЛИЗАЦИИ

Начальная организация и вооружение групп чеченцев в Грозном произошли 8 ноября 1991 г. после выступления накануне Яндарбиева по местному телевидению и радио с призывом собраться на митинг, чтобы “решить проблему МВД”. С утра “народ двинулся на осаду главного бастиона независимости”. Впереди, кстати, шел Мехк-кхел с муфтием Сайд-Ахмад Адизовым во главе. Глава Совета старейшин ворвался в кабинет министра внутренних дел и пригрозил взорвать присутствовавших гранатами (показал при этом Ф-1), если начнутся силовые действия.

“Со всех сторон, на машинах и пешком, в Грозный непрерывно шли и шли вереницы людей, с оружием и без него, но готовые драться за свободу. Люди прибывали, организовывались на месте в отряды. На площади Свободы регистрировали – из какого села, сколько человек, кто командир”⁸.

Вооруженные группы или отряды ополчения с самого начала и фактически до конца войны складывались по территориальному принципу. Это очень важное обстоятельство. Особые тейповые связи и основанные на них солидарность и обязательства в эти критические моменты мною не были установлены*. Выходцы из одного села – вот основа наиболее действенной группы, в том числе и в демонстрации боевых способностей. Здесь были важны личное знание друг друга и доверие, возможность общаться с родными, уверенность в том, что никого не оставят в одиночестве. Многие другие преимущества территориальной вооруженной группы делали ее основной боевой единицей. Кто становился командиром, – не совсем ясно: иногда тот, кто старше, толковее, физически сильнее или кто отслужил в армии; иногда – кто купил оружие, особенно тяжелое. Но чаще всего командиром выступали организаторы группы, т.е. те, кто “сколотил” свой отряд.

Ахъяд Д. прошел всю войну вместе со своим другом-односельчанином Лом-Али и на вопрос о командирах имеет свое мнение:

“В январе был все время во дворце, когда бомбили. У нас была своя команда без всяких командиров. Хотя и кланялся начальникам, но мною никого не было, как и подо мною тоже. Мы друг другу доверяли без всяких приказов, а то приказ отдают те, кто не знает сам, что надо делать. Дворец обороняло человек сто, и все там были вперемешку. Ковалев, потом, этот с бородой. Я сам спас того раненого капитана, которого показывали по телевизору. Его положили рядом с нашим раненым в ноги, а я потом вижу, что капитан на полу. Наш так был сердит, что ему, видимо, добавил, полоснув ножом, и чуть не добил”.

В феврале 1995 г. я беседовал с “полевым командиром” (иногда он называл себя “начальником штаба”) Афганского батальона Багауди Мовсаевым из Самашек, еще до того, как федеральные войска провели две разрушительные операции против этого села⁹. Багауди сказал, что он купил на свои деньги танк, и значит он под его командованием. Сколько человек было в таких батальонах и других подразделениях, включая “армии” и “фронты”, мне неизвестно. Но это чаще всего были маленькие группы (15–20 человек). Просмотр многочисленных видеопленок не показал моменты, где бы было большее число воюющих. Эти немногочисленные самостоятельно действующие группы получили название “индейцев”, хотя, по нашим материалам, индейцами называли себя и члены дудаевской гвардии.

* Комментарий чеченского кросс-рецензента: “Не совсем так. Дело в том, что в каждом селе в основном сосредоточено несколько тейпов. Естественно, что группы объединялись по территориальному, но все же тейповый аспект занимал не последнее место. В Ермоловке, например, во время войны была Галаичожская бригада, объединявшая тейп Галай. В Закан-юрте действовал Чаберлоевский спецназ во главе с Курди Бажиевым. Это тоже в основе тейп Чаберлой”.



Ахъяд и Лом-Али (Фото В.А. Тишкова)

“Индейцы – это те, кто сам за себя и над ними нет командиров. Чего другим приказывать, если сам плохо знаешь что делать. А индейцев было больше. Только гвардия и была настоящим войском, только от нее почти ничего не осталось. Они никому не подчиняются и добровольно сами воюют где хотят. Индейцами и нас называли. Бригадир-овощевод если был, а тут командующим стал. Какой из него стратег военный? Кто чего может приказать. Хочешь стреляй, а хочешь беги. Как война пошла, то никаких командиров не надо. Есть рядом твой друг-товарищ и то каждый сам за себя отвечает. Я единственную структуру уважал всю войну – это президентская гвардия. Шамиль Басаев, Радуев – кто они?” (Ахъяд Д).

СТРАХ И ОТВАГА

Одним из удивительных явлений вооруженного конфликта является переход психологического барьера страха и быстрое овладение навыками партизанской борьбы, причем в ее наиболее сложной форме стрелкового боя, а не в форме террористических актов в виде взрывной деятельности, как это имеет место во многих внутренних вооруженных конфликтах. Многие из внешних наблюдателей и сами чеченцы не верили в боеспособность дудаевского войска. Эта скептическая версия прослеживается во многих историях:

“Когда вошли войска, я думал, что вся эта шушера дудаевская разбежится. Потому как и армия-то у Дудаева была клоунская. Все пыжились,

беретки заламывали наперекос, на ухо. Все важные из себя. А я-то знал, кто прыжнется и в телевизоре красуется, тот пустейший человек. Так оно и было. Кто возле Дудаева вертелся, тот почти не воевал. А ведь войну-то вытянул народ, ополченцы” (Таус А.).

“Однако же война – штука серьезная. Когда начиналось – долго не верилось, что воевать будут всерьез. Думали: постреляют немного. Урки разбегутся, и все станет на свои места. Ан, нет! В первый же бой, по слухам, послали пацанов с российской стороны. Как говорят, пороху еще не нюхали. Ну, урки с этой стороны и порешили их, как цыплят. А куда было податься этому народу? Многих разыскивали по всему бывшему Союзу. А они здесь, в Чечне, как бы на дно залегли. А тому же Дудаев им местную шпану выпустил. Потом же, когда начались массовые бомбардировки, мирное население стали, как траву, косить на сенокосе” (Саид М.).

В Чеченском конфликте произошло нечто, что поразило мир политиков и экспертов. А именно упорство и эффективность военного сопротивления со стороны чеченцев. Обычными являются следующие объяснения: крайняя неподготовленность федеральных войск и их саморазрушительные действия; военный талант чеченских лидеров, прежде всего Масхадова; беспримерная отвага и военная доблесть чеченских бойцов. Все эти факторы имели место и на них построен ряд профессиональных анализов, в том числе наиболее серьезный А. Ливена*.

В аргументах о доблести и отваге не хватает чего-то очень серьезного. А именно – как и почему слабо организованная и очень многочисленная часть чеченских мужчин смогла перейти барьер страха и кажущейся безнадежности сопротивления мощному механизму российской армии? Слова об уверенности в правоте своего дела, идейно-религиозной одержимости, непобедимости чеченских воинов, всенародной борьбе и прочие романтико-идеологические клише не могут убедить аналитика. Ибо известно, что индивидуальная стратегия и интерес человека строятся на первичных ценностях, среди которых желание сохранять и защищать свою собственную жизнь и жизнь своих близких. Нужна особая идеологическая обработка и принуждение, чтобы заставить человека воевать и быть готовым “умереть за родину и свободу”. Необходимо так заузить информационное поле индивида и его представления о возможных жизненных выборах, чтобы он не видел никакого другого варианта действия, кроме как выбрать смертельный риск с ничтожной перспективой на результат. Наконец, нужен был особо значимый момент действия, который означал преодоление гражданами психоло-

* Мой чеченский рецензент справедливо заметил по этому поводу: “Военный талант чеченских лидеров, в том числе и Масхадова, беспримерная отвага и доблесть воюющих – все это штампы романтизма и прочих глупостей, которые не отражают один важный момент. Даже если у Масхадова есть военный талант, то где его ему было применять, если никогда в ходе войны не было никакой управляемой армии или хотя бы большой группы вооруженных и оснащенных людей” (Рустам Калиев)

гического барьера для открытого сопротивления вооруженной силе государства.

Мне иногда представляется, что самый значимый момент, вернее действие, было совершено теми чеченцами, кто решился сделать первый залп из установки “Град” на подступах колонны федеральных войск к Грозному, и теми, кто стал подбивать с плеча современный тяжелый танк. Этот момент эйфории и сотворения невозможного оказал потрясающее воздействие на чеченских мужчин и подростков. “Трудно себе представить, что Россия двинула против нас больше танков, чем против Гитлера на Курской дуге. И мы их начали подбивать!”, – с изумлением делился своим впечатлением один из членов дудаевской делегации на переговорах в Владикавказе в декабре 1994 г. Позднее, в октябре 1995 г. в Грозном сопровождавшие меня на улице В. Акаев и И. Мунаев не могли не рассказать прежде всего о том, как жгли бронетехнику чеченские юноши.

Эти рассказы о первом потрясающем успехе стали самой сильной морально-политической подготовкой воюющих чеченцев. Факт возможного сопротивления и достижения победы в бою был продемонстрирован в самом начале войны и помнился боевиками до самого конца. Фактор успеха соединился с тотальной моральной обработкой по части “святости” войны (газавата) против “оккупантов”, “интервентов”, “колонизаторов”, что было особенно важным для рекрутирования молодых бойцов из горных сел. Ахъяд рассказал мне, что еще до войны в селах муллы подбирали специально по паре самых чистых и самых достойных молодых бойцов для службы в президентской гвардии. Он оказался среди таких избранных:

“Я денег не получал и у меня не до войны и не в войну ничего своего и не было. Даже автомат одалживал. А некоторые наши мародеры все хватили, даже под обстрелом за автоматами кидались. Всякое другое оружие и одежду себе нахватили. А уж о русских вообще не говорю. Перли вперед и людей не жалели, думали что вот-вот и все с нами закончат. Прямо по трупам танками шли. Просим о перерыве, чтобы забрать убитых, но они не хотят. Я и своих и чужих вытаскивал.

Мы никогда не пили водку, когда воевали, а русские все время были пьяные, чтобы страха не было. Мне было страшно только в первую неделю. А потом ничего. Только главное, чтобы бегом, и тогда попасть трудно. Но меня три раза ранило. Осколок один до сих пор в голове и один в боку. Но мне не мешает. Будет время, подлечимся”.

Рустам Калиев также обратил внимание на важный момент в настроениях многих чеченцев – безвыходность и отсюда – их желании драться:

«Я более чем уверен, что такого упорного и результативного сопротивления возможно не последовало, если бы российские войска с самого начала не повели политику уничтожения мирного населения. Не в военном

таланте одной стороны или неумении воевать другой стороны была причина эффективного чеченского сопротивления, а скорее в том, что своими действиями российская сторона настроила против себя жителей республики. Молодая часть населения буквально вынуждена была сопротивляться. Лично мне редко приходилось слышать “за родину, за свободу!”. Зато чаще слышал такие заключения: “Мы все равно обречены, все жители Чечни. У них одна цель – уничтожить нас всех. Но это еще нужно осуществить. Главное – косить их побольше...” Многие боевики сами не верили, что будет успешный для них исход».

КАЛАШНИКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Мифом является и версия о хорошем вооружении дудаевцев с самого начала войны, как кстати и о большом числе наемников. Дудаев и некоторые другие лидеры военизированных политических группировок (например, Беслан Гантамиров и Руслан Лабазанов) имели достаточно самого разного оружия, но рядовые рекруты всегда испытывали в нем потребность, особенно когда началась война. Личное оружие добывалось с трудом. Автомат Калашникова и гранатомет были самыми желанными приобретениями. “Калаша” украшали ленточками, с ним фотографировались, с ним по-особому обращались.

“Мои спутники еще в Хасав-Юрте обзавелись автоматом, у них были деньги. По приезду в Грозный я сам отошел от них. Город уже во всю бомбили, повсюду валялись трупы. Но людей больше занимало оружие, чем убитые; за ним ползли нередко под обстрелом. Я тоже начал понемногу осваиваться, засекал, откуда бьют снайперы. И каждый раз, когда я бросался к убитому за оружием, меня успевали опередить. Рассказывали, что автомат стоил тогда больше, чем корова. Когда после тяжелейших боев наших выбивали из трамвайного депо, федеральные войска поставили блокпост возле путепровода. Я за ними долго наблюдал и увидел, что многие пьют до чертиков, забредают далеко в одиночку... Шансов завладеть оружием силой у меня было мало. Тогда я припас обрубок рельса на путепроводе еще днем, а в сумерках снова пришел и стал ждать. Тогда мне первый раз повезло. Я слышал из своего укрытия пьяную брань, матерки; двое солдат, хватая друг друга за грудки и толкаясь, отошли от блокпоста и оказались как раз у моего укрытия. Сброшенный мной обрубок угодил одному из них, должно быть, по голове, он даже не крикнул. Второй солдат растерянно озирался, а потом вдруг побежал, не говоря ни слова. Этого было достаточно, чтобы я сбежал по откосу, схватил автомат и был таков” (Махди Б.).

«Правда, перед войной я был не у дел. Поссорился с командиром. Много брал на себя. Вернулся в село. Хотел свое дело начать. Да денег, как всегда, не оказалось. Уплыли куда-то. Тут война началась. А у меня и “Калашникова” даже нет. Ну, я и подался опять в город. Ходил, ходил я, все не мог оружием обзавестись. Да тут заметил, как несколько наших бойцов снайпера выкурили из разрушенного дома. Когда его засекали, – матерный гад попался – он начал менять позицию, перебегая от одного окна к другому, и успел-таки подстрелить двоих ребят наших. Но и его достали из под-



Намаз с “Калашниковым” (Фото О. Климова)

ствольника. Когда польхнуло в окне, ребята, видимо, не поняли, что грохнули его, иначе они раньше меня бросились бы за трофеем, у снайперов-то оружие дорогое. А я понял раньше, что ребята его достали и с другой стороны дома сквозанул в проем. Ребята еще гроыхали, а я первым подбежал к снайперу, кажется, он был еще живой. Да при нем же деньги были. И схватил, что мне причитается, и опять ринулся в свой проем. Те ребята, должно быть, потом удивлялись, не найдя оружия. Ан не зевай! Сами виноваты. Такой порядок, пусть сами на себя обижаются» (Халид).

«Я воюю с первого дня, как приехал Джохар. В одно время был даже в охране дворца президента. Правда, в президентскую охрану меня не взяли. Джохар меня заметил. Иногда вызывал, расспрашивал, а потом я помог ему, когда он рассорился с Лабазановым. Одно время я работал у него. Ты думаешь, что война началась в 94-м году? Это все для дураков. Нам нашлась работенка сразу, как приехал Джохар. Мы еще Верховному Совету показали “кузькину мать”. Меня лично Джохар благодарил, руку жал. Так что я со своим “калашниковым” не расстаюсь еще с тех пор, как взял его на гарнизонном складе. Много у меня с тех пор оружия перебивало, но вот этот (поглаживает рукой приклад – В.Т.) я ни за что не променяю. Сколько я врагов из него извел – это знаем мы с ним. Я теперь военный» (Чингиз А.).

Последнее свидетельство принадлежит 36-летнему человеку, бывшему студенту, который бросил институт еще в 1991 г., как он заявил, по идеологическим соображениям. Однако тот, кто был у него деканом, сказал, что этого человека выгнали за курение и распространение анаши. Он и во время разговора с ним был развязан и груб, при этом смеялся, как человек, имеющий пристрастие к анаше. Сколько таких

чеченцев пришло под знамена Джохара Дуддаева? По одним данным, всего активно воевавших было не более 3–4 тыс. Хотя в августе 1996 г. в Грозный уже прибыло в два–три раза больше вооруженных чеченцев, а в военных парадах принимало участие еще больше. Тогда уже все были при оружии. Как рассказал присутствовавший на церемонии инаугурации президента Масхадова тогдашний работник ставропольской краевой администрации Сергей Попов, *“сотни людей стреляли из автоматов в воздух минут тридцать, а мы только прикрывали головы, чтобы не побило падающими пулями”*.

ПРАВИЛОСЬ ВОЕВАТЬ

В большинстве известных мне историй, рассказанных боевиками, упоминает среди мотивов их участия в войне не те, которые провозглашает официальная версия или чеченские лидеры. Я бы выделил три основных мотива: азарт и желание воевать, стремление к моральному и материальному вознаграждению в результате войны, месть и защита своих жилища и родственников. Первый мотив, хотя его никто практически и не упоминает, на самом деле имеет глубокие культурные корни. В социально-культурной антропологии хорошо известно, что молодые мужчины имеют стремление к обладанию физическим превосходством и к демонстрации доблести. Во многих культурах и в разные эпохи молодые мужчины часто проходят через разного рода “бои” (настоящие и игровые) как своего рода неформальную инициацию. Особенно часто это происходит в обществах с длительной традицией войны как одним из источников существования или в обществах, пропагандирующих реальную или мифическую военную традицию.

В Чечне с ее взрывным интересом к “горскому оружию” в начале 1990 г. сложилась особая ситуация, которая до этого не наблюдалась. Пропагандистские брошюры типа “Сабли рая. Чеченское оружие в Кавказской войне” распространялись десятками тысяч. В Чечне хотелось воевать не только Джохару Дудаеву, но и тысячам молодых людей. В этом многие из сельских чеченцев или из тех, кто не считался “знатным” по внутренним иерархиям, видели самый верный путь самоутверждения. Позднее появились и другие мотивы, среди которых одним из наиболее важных стала месть за погибших родных. Этого требовал долг, причем в значительной мере долг не перед собой лично, а перед другими – своего рода общественно признанная потребность мщения. Так действительно проявилась присущая чеченскому обществу коллективистская этика и влияние сохранившегося института кровной мести, как это имеет место в ряде других регионов вооруженных конфликтов (в Косово среди албанцев, в Испании среди басков).

Вот несколько удивительных откровений:

«Воевать я начал в 16 лет. Отца расстреляли с вертолета. Старший брат подорвался на mine. Конечно, я перед соседями обязан был мстить за них. Иначе как бы я потом смотрел в глаза. Большинство мы находились в Ножой-Юртовском районе. То перемирие заключали, то воевали. И все равно нехорошо мне как-то было. Воевали-то мы вместе, вместе жизнью рисковали. Но все равно я какой-то не полный чеченец. Вроде не дотянул. Конечно, я не любил и не люблю русских. Я мстил и буду мстить им за гибель отца и брата. Но это была обязанность, долг мой. Я выполнял обычай предков и вместе с тем перестал чувствовать себя полным чеченцем. Вроде бы я одной ногой среди чеченцев, а другой ногой не то в Дагестане, а, может быть, в России. Мне трудно было определить, кто я. Потом какой-то чудик кричал по телуку, что Дудаев не чеченец, что его предки были горские евреи, что они «тати некъи». Сказать по правде, мне и сестре, и матери это извество понравилось. Если у нас президент нечистый, значит таких, как мы, много. И еще надо доказать, кто выше. Сестра и мать сразу сделались яркими сторонницами Дудаева. Они не пропускали ни одного митинга, стали активистками. Дудаев думал, должно быть, так же, как и мы. Это был наш президент. Вся наша семья много натерпелась от того, что нас попрекали, что мы не чистые чеченцы. Когда мы узнали, что и Дудаев такой же, как и мы, с нас как будто большой груз свалился. Мы вздохнули свободно. Дудаев говорил, что во всем виноваты русские, что они целых 400 лет давили чеченцев, чтобы победить русских, чеченцам надо объединиться, независимо от того, кто и когда из предков породнился с другим кавказским народом. Все кавказцы едины. Дудаев мечтал о кавказской войне с Россией. Мне это было по нутру. Воевать мне нравилось. Конечно, это был риск, но ничего другого я не умел делать» (Шамиль А.).

«...Тогда я прибился к боевикам. У многих из них еще не было автоматов. Были вооружены, чем попало. У меня же был собственный калашников, я воевал наравне со всеми. Уничтожил 6 танков, подрывал склады. Вместе со всеми отступил в горы. Мёрз, приходилось голодать. Бесчисленное количество раз делал вылазки в город. Я за это время увидел столько смертей, зверства, что, кажется, хватит на всю оставшуюся жизнь. В самый разгар войны исполнилось мне 16, но чувствовал я себя уже стариком. В начале мне нравился азарт, риск. В конце концов у меня было больше возможностей быть убитым. Хотя на войне, как я убедился, далеко не все решается силой, многое решается духом. У меня не было личной злобы, неприязни против российских солдат. Они были такие же пацаны, как я, только постарше. Тот, кто решил опозорить чеченцев, запугав их, тот свел и меня с этими ребятами. Не будь этой войны, может быть, мы с ними служили бы в одной армии, может быть, сделались друзьями. Тогда, однако, я многого не понимал. Только теперь вижу, что во всем виноват тот, кто затеял эту войну» (Махди Б.).

ОТЩЕПЕНЦЫ, БЕЗДЕЛЬНИКИ, ДАРМОЕДЫ

В послевоенной Чечне, несмотря на военно-политический триумф воюющей части чеченцев в 1996 г. и мощную идеологическую обработку остального населения образ боевиков в народном восприятии содержит явно негативную интонацию. Некоторые чечен-

цы скептически относятся даже к самому понятию “боевики”. Прежде всего их воспринимают как сельских маргиналов, жестоких и корыстных, готовых убивать всех несогласных, в том числе и самих чеченцев. На это, видимо, повлияли события уже августа 1996 г., когда вооруженные “ветераны войны” действительно стали полными хозяевами Чечни. Они стали внушать страх и озабоченность среди части самих воюющих, не говоря уже о мирном населении. А тому же среди боевиков произошел раскол на тех, кто сразу же сумел получить посты и вознаграждения, и тех, кому мало что досталось.

«У меня не осталось никаких иллюзий в отношении дудаевского воинства. Когда в ходе войны убили каждого восьмого чеченца, среди них не оказалось почти ни одного полевого командира из дудаевского окружения. Методы же ведения войны были самые подлые и провокаторские. Бывало, выстрелит боевик из-под забора, из-за угла чужого дома и спустя буквально считанные минуты, после того как он скроется, тотчас от дома остаются одни только головешки и обгоревшие останки жильцов. Народ, в большинстве своем, не хотел войны. Его принудили воевать такими приемами. Старались распалить в нем ненависть, развить в нем чувство мести. Воинство Дудаева во многом состояло из уголовников, которые не знали законов ни божеских, ни человеческих. Отличались беспримерной жестокостью, садизмом.

К примеру, один мой коллега по системе образования жил в коттедже в Октябрьском районе Грозного. Когда боевики начали “шалить” возле его дома, зная “почерк” работы боевиков, он попытался урезонить их, предлагая перенести свои боевые действия подальше от жилых домов, подальше от малых детей и старой больной матери, которые были у него в доме. Или пусть идут стрелять из-за своих домов. Боевики схватили его, подвергли нечеловеческим пыткам, а затем застрелили в упор. Садизм состоял и в том, что убив главу семьи сразу же, в первый день, затем на протяжении целой недели они требовали от родственников моего знакомого выкупа, обещая отпустить его живым и невредимым. Когда же боевики “слиняли” с тех мест, то родственники обнаружили едва засыпанный землей труп.

Ну, а судьба моего непосредственного начальника по мэрии Таштамирова выжгла мне душу вконец. Он не был профессиональным чиновником. Простой, доступный, необычайно доброжелательный ко всем. Он был озабочен тем, чтобы как можно больше спасти людей. Уже после того как по взаимному сговору федералы впустили в город боевиков в августе 96-го года и администрация Завгаева самораспустилась, к Таштамирову пришли боевики с просьбой дать машину на доставку раненого в больницу. Он машину дал, ее не возвращали. По горскому этикету он считал неприличным напоминать о машине, полагая, что раненым она нужнее. А боевики нагрянули через неделю, ворвались ранним утром и увели его самого. В доме у него жили родственники и знакомые, потерявшие кров. Сам он тоже не думал избегать и прятаться от боевиков, так как не только не причинил никакого зла, но и спас десятки людей. Его вместе с проживавшими в то время у него родственниками – молодыми людьми, взяли на рассвете. Всех подвергли нечеловеческим пыткам. А Таштами-

рова привязали к БТР и катали до тех пор, пока он не превратился в разрозненные клочья...

Теперь у нас один боевик ходит в деятелях культуры, произносит пустые фиглярские речи. Между тем на его поганой совести кровь по крайней мере, 40 чеченских ребят, которые поверили этой гадине и сдались в плен. А потом урки этого деятеля культуры зверски растерзали их. Я знаю, что с "артиста" спросят. Думаю, что и его трусливая душонка никогда не будет знать покоя, потому что чеченцы почти никогда не прощают крови.

Как учитель, справедливости ради, и как свидетель я обязан сказать, что боевики, отнюдь не представители народа. И трагическая война не сводилась только к зверствам дудаевских головорезов, урок и прочей сволочи. Когда народ защищал себя, свое достоинство, свою честь и саму жизнь, наконец, он выдвинул из своей среды честных и достойных людей. Но вот странное дело, кончилась война, они как будто растворились, исчезли. А на экранах телевизоров и по улицам шествуют грязные, обросшие, наглые урки в камуфляже, выдавая себя за бойцов сопротивления, народных героев. Рассказ о честных, полагающихся на бога, о тех, кому всегда тяжелее всех приходится на войне и благодаря которым война все-таки завершается – рассказ о таких людях требует другого настроения души. У меня же, как я уже говорил, все внутри выгорело" (Алик).

"Что касается войны, то я против всякого насилия. Когда совершали злодеяния над мирным населением российские войска, контрактники, я был против них и помогал боевикам продуктами, но потом я убедился, что и боевики дрянной народ и вовсе не рубахи-парни, как они рисуются на экранах телевизоров. Среди них много жулья. Когда боевики убивали российских солдат, особенно в первые месяцы войны, – не обстрелянных, не нюхавших пороха мальчиков, я был против боевиков. По-моему с обеих сторон воевали нечистоплотные люди. Поэтому я думаю, что война эта была грязная, преступная. Только в такие дни и месяцы, когда люди защищали своих близких, очаги, могилы предков от разнузданной солдатни, война со стороны населения была праведной. И искренние, честные люди были только в этой среде. Боевики же, как правило, отщепенцы, бездельники и дармоеды. Их прекрасно знали в каждом селе, откуда они родом. Они никогда не жили зажиточно: бездельники, лодыри – они с завистью смотрели на тех, кто своим трудом достигал материального благополучия, стремился жить по-человечески и зажиточно. Сейчас они награбили чужого имущества, нажились на этом. Но я уверен, что они очень скоро пустят по ветру награбленное. И станут такой же голью и гольтьбой, какой были до войны.

Я видел примеры такого мародерства, грабежей, которые никогда нельзя забыть. Мне кажется, что демократы специально развязали эту войну, чтобы разбудить в людях самое подлое, низменное и через это развалить страну. Сейчас я за суверенитет, хотя, откровенно говоря, не знаю, что это такое, как и большинство чеченцев. Но когда вспомню, каким пыткам подвергали чеченцев в фильтрационных лагерях, как их живьем сбрасывали с вертолетов, я не хочу жить в составе России. Но, может быть именно на это и рассчитывали демократы, старясь рассорить народы, выбить из них желание когда-либо впредь жить в рамках единого государства" (Тимур).

“Я вообще-то боевиком не был и до их пор не знаю, кто они такие. Тогда, в войну некоторые изображали из себя бывалых вояк, не то ковбоев, не то латиноамериканских партизан. Некоторые рядились под наибова Шамиля. Правда, были серьезные ребята. Таких очень немного. Эти защищали свои дома. Но в общем-то все это был спектакль. Многие даже гитары с собой носили и магнитофоны. Все из себя кого-то изображали. Артисты, да и только. Ни разу я не слышал тогда, что защищали какой-то суверенитет или за свободу боролись. Это все потом придумали для оправдания. Единственное, кого я уважал, так это только тех, кто решил мстить за порушенное, особенно за гибель близких. Но эти не изображали театр – все большие молчаливые, серьезные” (Саид М.).

МАРОДЕРСТВО

Мародерство – особая тема, тщательно скрываемая официальной версией или стыдливо оправдываемая. Причем, это относится в равной мере к обеим воюющим сторонам. Убедительные свидетельства грабежей и уничтожения имущества гражданских лиц со стороны федеральных войск были собраны и представлены в докладе общества “Мемориал”^{10.5.5.5.5}. В отношении воюющих чеченцев сведения гораздо более скудные. Тем не менее невозможно исключить материальный интерес боевиков, а для части из них – это был основной мотив участия в войне.

“Поначалу мы с моим дружкой ездили смотреть, как бомбят город. И вот однажды, на Шатойской дороге упал подбитый вертолет. Летчика, должно быть, убило сразу, потому что вертолет свалился точно мешок. Хотя и не загорелся. Мы первыми подбежали к нему. Сняли с летчика куртку, брюки – все они были с записями, с множеством карманов, нашивки. Я прежде таких вещей не видел. Особенно понравилась мне куртка. А кожа на ней мягкая, как будто женская. С тех пор мы чаще стали делать набеги на город. У нас был пистолет, снятый с убитого летчика. Потом обзавелись гранатометом. Нам все больше нравилась такая жизнь. Вообще война веселое дело. Ешь, пей, гуляй себе. Барахла хоть завались. Чеченцы многие богато жили, но и мы прибарахлились за войну. А чё смотреть!? Федералы эшелонами вывозили. Бывало, иногда офицеры не могут автомобили погрузить, так целые взводы солдат сидели на том, что “раскулачивали” машины. А уж зачастую я сам целые горы видел на Атагинском повороте. Вообще-то и мы охамели – тащили все, что под руку попадет. Если не могли забрать, то поджигали, чтобы федералам не досталось. А солдаты тоже хороши, – чтобы барахла не досталось офицерам, они шмотки портили специально. Бывало, зайдешь после них в богатый дом: там ковры, мебель, перины, а посреди перины или ковров дерьмо лежит, люстры и мебель ради потехи простреляны. Иногда казалось, что солдаты только тем и занимались, что поливали дерьмом богатые дома. Может быть, они делали это, чтобы офицерам не досталось. Я точно знаю, что солдаты ненавидели офицеров...”

Потом федералы научились делать нам ловушки. Бывало, специально запустят нас в неограбленный закуток, дом или улицу, а потом отреза-

ют дорогу к отступлению, берут в кольцо и начинают сносить все, что поднимается над землей. Поначалу много наших ребят погибло в таких ловушках. Но потом мы научились. Бывало, сделаем вид, что прорвались на какую-то улицу, а затем мгновенно уходим по заранее подготовленному коридору, а чаще по Сунже, река почему-то совершенно не охранялась. Ну, солдаты начинают мутузить друг друга почему зря. Сколько раз бывало, что особенно в темноте солдаты принимали за чеченов своих же и убивали друг друга десятками, а, может, и сотнями. А как только они начинают выдыхаться, так мы тут снаружи так врежемся, что ихние офицера белые простыни выкидывают. Я тебе скажу, бестолковая была армия. Я сам не служил в ней, и хорошо, что не служил. А ведь старики говорили, что когда они служили, это была сильная армия. Один у нас на Даманском воевал. Так тот говорил, что сильнее нашей армии вообще не было. Я думаю, что это офицеры испортили армию. Солдатом в бою не надо командовать. Он сам знает, как надо действовать, а командиры его только запутывают. Главное, надо сказать солдату: все, что ты завоюешь, будет твое. Это сильнее всяких команд действует. Я по себе знаю. Я столько захватил добра, что у нас дома некуда стало его девать. Потом я запасы стал делать за селом и в горах. Теперь даже потерял некоторые. Особенно много тайников у меня было с оружием. До конца жизни могу быть богатым человеком.

После гибели отца у меня пропал интерес ко всему. В августовскую войну, когда мне исполнилось 18, мне дали полковника. Но все мне было не в радость. Я воевал по привычке и без охотки. Я понимал, что федералы должны уйти из Чечни после всего, что они натворили здесь. И я воевал. Все старались нахапать побольше – машины, квартиры, вещи. У меня в батальоне был пацан младше меня, так он купил две квартиры в Аргуне, но этого ему показалось мало. Так он приобрел еще две в Грозном. Вообще-то из последней он просто выкинул русскую старушку. Все это мне было уже ни к чему после гибели отца. Помню, в августе захватили мы огромные склады напротив Карпинского кургана. Они почему-то назывались ГУАШ. Склад взял мой батальон. Интендантская часть решила нам его просто сдать, чтобы спасти свои жизни. Я не знаю барахла, которого там не было бы. Я оповестил население близлежащих домов, чтобы разбирали все это. Каждому разрешил брать столько, сколько унесет: одежду, продукты. Так некоторые стали приходить по два-три раза. А один, бывший товаровед, даже спрятался и остался на ночь. Как оказалось, по бумагам он обнаружил, что в складах была большая партия дубленок французского производства. И он решил ночью разыскать, где они лежат. Мы обнаружили его утром. И поначалу хотели просто вышвырнуть. Так он цеплялся, прятался в сусеках, предлагал поделить дубленки. Я приказал его расстрелять. А вскоре понял, что это ничего не решало.

Пока мы ждали из штаба распоряжений, что делать со складами, со стороны аэропорта началась контратака федералов. Мы заняли позиции. Склады оставались у нас позади. Атаку мы отбили, хотя и потеряли несколько лучших бойцов. А когда развернулись, то обнаружили, что склады захватили части Вахи Арсанова, выгнав мою охрану. Чтобы вернуть склады, надо было вновь атаковать. Я бы так и сделал, потому что Ваха не один и не два раза шел у меня по следам за время войны и шакалил.

В его части воевали жители 15-го молсовхоза. Ребята они упорные, но падкие на барахло и жадные. Мой же батальон состоял из асов. Они уме-ли воевать и ни разу не дрогнули в самые тяжкие минуты. Выяснить от-ношения с Вахой мне помешала обычная штабная неразбериха. Сейчас он ходит в больших начальниках, но придет день, и я спрошу с него должок. Не посмотрю, что он много старше. В бою мы были все равны независи-мо от возраста. Теперь вот мне стало плохо. Война потеряла смысл в мо-их глазах. Грязное это дело. И рыщут по ней шакалы, дожидаясь своего час» (Масуд).

«Но вот в августе 96-го караулил я склады фирмы. И такого на-смотрелся, что до сих пор по ночам спать не могу. Во-первых, как бое-вики прошли в город? Думаете, что российские войска того не виде-ли? Я верующий, мусульманин, я готов поклясться судным днем, что Дудаев был человек российский, что летом 96-го г. боевики заходили в Грозный с ведома российских войск. Клянусь тебе, я сам был свидете-лем, как российские контрактники на КПП рылись в любом скарбе в поисках водки и съедобного. А когда проходили боевики, поворачива-лись к ним спинами, будто не видели. А что потом началось?! Бывало, российские и боевики по разные стороны улицы, а между ними улица с гражданским населением. Бывало, боевики и их противники в гости друг к другу ходили, табачком и спиртным угощались, а стреляли и те, и другие по гражданскому населению. Вот и пойми эту войну после этого.

Потом повадились на наши склады. Мне директор наказал остаться в охране. Но перво-наперво закопал я ключи в землю, думаю, избивать бу-дут, все равно не выдам. Опять же грабили-то как? То российские нагрят, наедятся-напьются и пошли себе. А уж коли боевики пожалуют, те уж власть и нажрут, и напьются, и нагрябят – все прихватят. Когда все разграбили, что было доступно, тогда стали пилить трубы ножов-ками, будто могли те трубы сожрать в горах.

Не скажу, что все до единого были ворюги. Пришла какая-то группа чеченских ребят, видно, из медресе были, их почему-то необстрелянных бросили в прорыв на завод “Красный молот”. Так те ночевали у нас пря-мо на полу, на газетах спали, от одеял отказались. Мне потом рассказы-вали, что они все погибли.

А уж потом боевики наши доблестные добрались до больших скла-дов. Там двери бронированные были. Боевики били прямой наводкой до тех пор, пока не сорвали замки. И набросились, что твоя мамаева орда. Верись, нет, бабы запросто взваливали на себя мешки с сахаром, мукой и тащили их бегом. Почти всегда под обстрелом со стороны “Красного мо-лота” я пытался остановить грабеж, так одна баба позвала против ме-ня боевиков и потребовала, чтобы меня поставили к стенке. Верись, нет, те отказались стрелять, говорят, что я все-таки мусульманин и из-за меня кровную месть объявят. Так эта баба сама вырывала у них авто-мат, да, видно, стрелять не умела» (Кюра).

“НЕ НА ЧТО ЖИТЬ, КОГДА СТАЛО ТАК МНОГО ВОЕВАВШИХ”

Окончание военных действий принесло вместо энтузиазма и солидарности неожиданные для многих апатию и внутричеченские противоречия. Здесь мы пишем не о политическом расколе в чеченском руководстве. Речь идет о судьбах и настроениях рядового чеченского воинства. Противоречия проявились по нескольким направлениям: командиры и рядовые боевики, ветераны войны и вновь присоединившиеся, опять же – горные (“рыжие”) и плоскостные (или городские). Вход боевиков в Грозный, а вместе с ними и всех, кто решил воевать в последний момент давно припрятанным оружием, сильно повлиял на чеченское общество. Вместо парада и великодушия победителей начались преследования и насилие в отношении самих чеченцев, особенно тех, кто не сотрудничал с комбатантами. Начался марш за должностями, наградами и собственностью, особенно со стороны тех, кто еще не успел обзавестись квартирой в Грозном или машиной. Один из “частично” воевавших (“был в разведке”) жителей, ныне работающий сторожем в Грозном, так излагает свои ощущения, в которых нескрываемое презрение и разочарование происходящим:

«На третий–четвертый день казалось, что все с гор спустились, тут чеберлойцы, шаройцы, галанчжойцы в онучах из сыромятной кожи. Они у нас еще назывались “незармачи”. Тут и старики с посохами, и женщины с детьми, и старухи. Что твои татаро-монголы. Невозможу мне стало видеть это осатанение народа. И после этого эти люди будут называть себя мусульманами?! Ну, с меня хватит. Даже теперь, когда я вспоминаю весь этот ужас, мне становится нестерпимо стыдно, а жить все труднее и труднее. Грязное и подлое это дело – война. Все самое смрадное в человеке из недр поднимается. Единственное, что дает мне силы жить – это сознание того, что есть высший суд» (Кюра).

В трудной ситуации оказались те, кто не был среди первых на последнем этапе войны и кого Масхадов готов был отодвинуть как “неконтролируемых индейцев”. Ахъяд рассказал мне о своей послевоенной судьбе с грустью и с недовольством:

“Воевали мы, которых и было не больше полутора тысяч. Потом появилось много боевиков, когда мы уже все дело сделали. А эти все Басев и другие пришли еще позже. Таких буденновсков мы пережили до него много, а ему вся слава... Вот такие люди сразу и окружили Масхадова, который гвардию распустил. Наш командир был из Самашек, а другого нам не надо было. Мы ушли из города и жили в пионерлагере. Но не на что жить, когда стало так много воевавших. Нам тогда много людей не надо было, так как трудно прокормить. Но зато многие жители нам помогали. А теперь Масхадов платить не стал, и получили вс те, кто воевал в самом конце. Поэтому и у Радуева остались только те, кто воевал с самого начала, хотя сам Радуев – ничего такого из себя не представляет”.

Ахъяд вместе со своим другом Лом-Али уехал в Москву где-то в феврале 1997 г., но уже на второй день попал в милицию.

«Чего-то не выдержал, когда спровоцировали в магазине и забрали. Сидел в тюрьме в Москве один год – весь срок. Если бы не сказал “да”, то ничего бы и не получил. Но отец учил говорить всегда правду. В тюрьме сидел и не слушал воровской порядок, когда отбирали одежду и продукты у тех, кто слабый. Вышел со справкой, а приговор не сохранил: “В тюрьме иногда бумага была нужна”».

После нашей первой беседы в гостинице комплекса “Измайлово” Ахъяд не звонил. В гостинице ответили, что он уже больше здесь не живет. 16 декабря 1998 г. Ахъяд и Лом-али пришли ко мне в Институт и рассказали, почему поменяли свое место.

«Получилась неприятность, и нас попросили съехать. Один азербайджанец в баре с нами сидел и стал ругаться с барменом, и подошла милиция, а мы не стали его давать в обиду и пришлось кое-что делать. Нас всех забрали, и просидели ночь в милиции. Он потом говорит: “Это, Ахъяд, не я говорил вчера, а водка во мне говорила, и ты прости”. Но в гостинице боятся, администратор не хочет нас, хотя мы за все платим и за переговоры тоже. Нам иногда звонят из Чечни. Лом-али матушка звонит: “Когда приедешь? Ты уже почти два года не был дома”. Нам бы надо поехать, но что ехать просто так. Все спросят, ну что Вы там делали? Нам бы что-то сделать для родственников, ну хотя бы раз в жизни. Сказать, вот это от меня. У нас ведь принято барашка зарезать хотя бы в память о матушке, которая умерла в Казахстане. А так что мне там делать? Нам места там нет. Там кто и не воевал по-настоящему, теперь вот с такими орденами. Тот же Бараев, этот сопляк, был настоящий мародер. Нам, когда Масхадов выдал по 30 тысяч долларов на несколько групп, мы купили себе обмундирование, чтобы быть одетыми нормально, и разные другие вещи, а он купил на все пулеметы, наверное, штук десять и сразу стал силой с этими штуками и уже ими все доставал. В том числе и среди чеченцев. Это только сообщают, когда обижают нечеченцев в Чечне. Своим от своих тоже достается

– А как же семья, – спрашиваю я.

– За семьей присматривают мои братья, и покушать всегда что есть жене и детям. Надо что-то привезти с собой, а как достанешь деньги? Что я умею? Я смелый и могу пойти на разговор и с десяткой человеками. Кто где-то кому не отдал, что должен или договор не выполнил. Нас могут попросить. Это я могу делать и спокойно поговорить. У меня есть понимание людей, и я могу говорить. Я особенно многому научился за год в тюрьме и за этот опыт благодарен. Я теперь этот мир знаю, но живым больше в тюрьму не пойду.

– Наверное, кто-то из московских чеченцев может помочь с работой?

– Чеченцы плохо помогают здесь друг другу. Только если близкие родственники. Один купил отель Рэдиссон-Славянская. Он же на пару с Лужковым купил и Манежную площадь. Другой имеет много от нефти. Но до них не доберешься. Пока так, то 10.5.5.50, то 200 долларов, но нам должны законно 4 тысячи и должны скоро отдать.

– Ну, а как если вернуться работать в Чечню?

– У меня была машина и кое-что, а сейчас ничего нет, но работать класть кирпичи я уже не могу. Нас всех надо лечить, а строить в Грозном чечены не будут, наемники приедут и сделают. Здесь в Москве ведь тоже не москвичи строят, а из Украины или Турции.

– Так что же делать теперь? Как-то надо решать.

– Лом-али не смотрит этот ящик, я смотрю: когда там, то что здесь, а здесь, что там. Вот показывали вчера Грозный, и там кое-кого из наших ребят я видел. Все таскают автоматы, а мне он уже надоел. Я могу охранником или по спортивным занятиям. А мне после августа предложил Магомедов стать заместителем директора по молзаводу, но что я понимаю. Еще от меня же возникнут потом другим проблемы. Я и уехал, чтобы чего-нибудь не натворить и чтобы семья не страдала. Магомедов мне сказал, зачем ехать, если что надо, могу помочь, но у меня язык не повернулся попросить. Стыдно было. Одежда есть, и свежее покушать можно найти.

– Все-таки в Чечне знают, что ты воевал и там же твои родственники?

– Мои в семье все пятеро воевали, в том числе и дядька, которому 70 лет. У него в спине здоровый осколок торчит, и он теперь герой Чечни. Но он такой хитрый и всегда в роду что за других для себя использовал. Мой отец говорил: я пойду где-то чего с кем-нибудь разберусь, а он от этого имеет. Сейчас укатил в Пакистан».

Это был наш последний разговор с Ахьядом. С тех пор его московский телефон молчит, сам он больше не звонит. Где он и что с ним – мне не известно.

Итак, среди чеченцев, кто воевал или активно помогал им, были не только молодые мужчины. По мере эскалации войны и изменения мотивов участия в ней возраст и география боевиков расширились. Их ядро составили жители из горных сел Чечни. Провозглашаемые лидерами чеченского сопротивления цели войны отлгчались от мотивов и интересов рядовых боевиков. Война и насилие, помимо “родины” и “свободы” обрели и другой смысл. Защита жилья и родственников, месть за утраты, фанатичная вера в призыв, гедонистическая эстетика войны, мародерство и престижные вознаграждения, патологическое насилие – все эти моменты присутствовали в жизни боевиков. Для них война стала грандиозной жизненной трансформацией. Утратив объявленную цель или достигнув ее, боевики оказались вне мирной жизни и ценностей. Многие из них были не в состоянии уйти от насилия. Реконструкция общества, ввергнутого в конфликт, стала невозможной без терапии и социальной реабилитации, восстановления правового порядка и обеспечения достойной занятости.

¹ Дневник Надежды Чайкиной был позднее опубликован в “ОГ”. Он более чем убедительно свидетельствует о сложном мире чувств и эмоций, которые переживает эта журналистка в отношении чеченских боевиков и одного из их политических лидеров Усмана Имаева, которому она доставила деньги из непонятого источника, но для понят-

ных целей. Лично знавший погибшую Андрей Каменьщиков сказал мне, что “после того, как Надя попала под первую бомбежку и осталась цела, она буквально заболела войной и ее постоянно тянуло в рискованные поездки”.

² Яндарбиев З. Чечения – битва за свободу. Львов, 1996. С. 358.

³ Выступление И.В. Кочубея на заседании комиссии Совета безопасности 31 марта 1995 г. // Архив автора.

⁴ Яндарбиев З. Указ. соч. С. 89–90.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Наиболее внушительная академическая презентация “национально-освободительного” клише представлена в книге: Чечня и Россия: Общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999.

⁸ Яндарбиев З. Указ. соч. С. 92.

⁹ Об этом см. доклад правозащитного центра “Мемориал”: Россия–Чечня: Цепь ошибок и преступлений / Сост. О.П. Орлов. М., 1997.

^{10.5.5.5.5} Россия–Чечня. С. 250–259.

Глава X СЕМЬЯ И КОНФЛИКТ

*Это было царство старших, в котором хорошо
жилоь молодым.*

Рустам Калиев.

*Вот, что принесла эта война моей семье. Она от-
няла у меня самое святое, что есть у любого чело-
века – родителей. И с этим я должна теперь
жить. Не знаю, насколько меня хватит. Я живу
только ради детей*

Малика И.

ОРЕЧЕНСКОЙ СЕМЬЕ И ТЕЙПАХ

Семейно-гендерная тематика исследовалась в различных аспектах на примере нескольких конфликтов и войн. Особый интерес представляют работы по бывшей Югославии¹. Некоторые выводы могут быть использованы и для нашего анализа, в частности, о роли женщин в конфликте, о проблеме вовлечения детей и подростков в насилие, об эмоциональных и идеологических трансформациях родственных связей. В отечественной литературе проблема семьи и вооруженного конфликта рассматривалась только в плане положения беженцев из зоны конфликта (точнее, “насильственно перемещенных лиц”) или в аспекте социально-психологических воздействий (как проблема “межэтнической напряженности”)².

Этнографы и социологи в общих работах по проблемам семьи в СССР и даже специалисты по Северному Кавказу не выделяли каких-либо принципиально отличительных черт как института семьи, так и социальной организации современных чеченцев и ингушей в целом³. Чаще всего вайнахи рассматривались в контексте северокавказского культурного симбиоза при наличии определенных черт групповой отличительности. Так, например, А.И. Першиц, изучая вопрос о геронтоимии (почетном статусе старших) в связи с проблемой долгожительства, считает, что это явление в целом характерно для народов Северного Кавказа. Материал по чеченцам и ингушам он приводит в качестве иллюстрации для обоснования тех или иных положений.

В частности, касаясь советского времени, он напоминает о политической кампании против “стариковства”, – сознательном и продуманном подрыве престижа стариков, их нравственном, а нередко и физическом уничтожении: “Бороться с установлениями адата и шариата, да и вообще со старыми порядками было легче всего, так или иначе устранив их хранителей и ревнителей. А ими, естественно, в первую очередь были представители старшего поколения”⁴. В тоже время именно в Чечено-Ингушетии власти использовали “стариковство” для улаживания старинных межфамильных кровных распрей, а с 1960-х годов даже стали создавать общественные советы старейшин разных административных уровней проведения различных государственных и общественных мероприятий.

Н.Д. Пчелинцева и Л.Т. Соловьева в своем исследовании современной обрядности детского цикла и практики социализации детей у народов Северного Кавказа также дают обобщенную картину по материалам нескольких этнических групп, включая чеченцев. Вместе с тем они приходят к выводу, что унификация семейной обрядности народов Северного Кавказа на советской основе не состоялась и в быту местного населения продолжала жить значительная часть традиционных элементов детской обрядности. “Немаловажную роль в сохранении этой специфики, возможно, играет именно полиэтничность Северного Кавказа и в связи с этим сознательное или неосознанное стремление живущих здесь народов сохранить свой особый этнический облик”⁵. Несмотря на это, семейная обрядность у народов Северного Кавказа, по заключению тех же авторов, отличается множеством общих черт, восходящих как к языческой практике, так и к элементам мировых религий, в частности ислама⁶.

В работах отечественных специалистов чаще речь идет о глубоких исторических реконструкциях (как было в прошлом: от бронзового века и раннего средневековья до начала XX в.⁷). Причем, речь может идти о “вайнахах” II тысячелетия до н.э. (! – В.Т.), а также о прошлой обрядности как о некоей утраченной идеальной норме. Романтическая идеализация происходит и тогда, когда затрагивается вопрос о “чеченской культуре детства”⁸, народной педагогике⁹ или о так называемой вайнахской этике^{10.5.5.5.5}. На фоне этих обобщенных текстов диссонансом звучат многие из полученных мною этнографических свидетельств, в том числе и рассказ Джабраила Гакаева:

“Когда отец узнал, что я украл бутсы (не в чем было играть в футбол), то он собаку отвязал, я меня за ногу посадил на эту цепь на целую неделю и ничего не давал есть. Только старшая тетка приносила мне воды. Мне тогда было 10.5.5.5.5 или 11 лет”.

Однако если чеченская (вайнахская) специфика сводится только к установлению некоторых социологических различий и культурно отличительных характеристик семьи и семейно-родственных отношений, то этого явно недостаточно для вывода о радикальном отличии чеченцев от других народов СССР, особенно от народов Север-

ного Кавказа. Тогда на чем основано заключение о таком отличии? Конечно, не на том, что когда-то в прошлом вайнахи единственными из северокавказских народов избежали сословно-феодалного общества и жили в свободе и демократии по законам адата, которые сохранились до наших дней, как это считают певцы чеченской уникальности, чеченской солидарности и чеченского свободолюбия.

В чем видится в семейно-родственной сфере более высокая степень “традиционности” чеченцев, если вообще о таковой можно говорить в научном смысле слова? Чаще всего современные авторы называют определяющую роль особой родственной солидарности и родовой социальной организации под названием *тейпы* (или *тайпы*), а также исключительную роль старших в семье. Однако мне представляется, что незаслуженно игнорируются как якобы “идеологически вынужденные” выводы выдающегося чеченского писателя и историка-этнографа М.А. Мамакаева, который специально исследовал вопрос о чеченских тейпах. Напомню эти выводы:

“Первое. Чеченский тайп XVII века – это уже лишь пережиточная форма, образовавшаяся в результате распада ранее существовавшей большой, патриархальной родовой общины, где все члены были равны, с равными правами на производство и потребление.

Второе. Чеченский тайп этого периода объединял людей не единством экономических интересов, а только единством кровных связей и не всяких, а лишь по отцовской линии.

Третье. Тайп этого периода прошел уже длительную историю своего развития, потребовавшего дальнейшего совершенствования родовых связей.

В чем же причина столь длительного сохранения родовых институтов в Чечне? Одна из главных причин такого явления, нам кажется, в застойности феодальных отношений в чеченском обществе, в котором так прочно и длительное время господствовало натуральное хозяйство с замкнутым образом жизни людей в сельских общинах.

Однако следует отметить и обратное: распад родовой организации общества и формирование племенного союза вызывались не только внутренними причинами. Существенное значение здесь имели и внешние причины, а именно – военные конфликты, которые с появлением частной собственности стали основным способом обогащения. Таким образом, уже в XVII веке в чеченском обществе существуют благоприятные условия для накопления богатства в семье и усиления семьи в противовес тайпу. Малая семья (состоящая только из родителей и детей) становится основной ячейкой нового классового общества”¹¹.

Несмотря на уязвимую риторику “классового подхода”, М.А. Мамакаев прав в главном – малая семья, а не родовая организация составляли основу социальной структуры чеченского общества, по крайней мере в XX в. Однако далеко не все было так просто. Тот же автор пишет о “пережитках” в семейно-брачных отношениях, о случаях, когда религиозные авторитеты или тайповые родственники организуют “различных ходоков, пытающихся укротить естественную волю молодых людей”.

“А ведь ни для кого не секрет, что хитросплетенные тайповые и гаровые связи нередко уводят нас от правильного пути при решении семейно-брачных и некоторых других вопросов... Цепляясь за узкосемейные тайповые связи общественно вредные элементы пытаются уйти от ответственности за те или иные антиобщественные поступки, которые они совершают. Кровная месть еще кое-где делает свое черное дело, еще кое-кто позволяет себе просить и платить выкуп за невесту, оскорбляющий гражданское достоинство как невесты, так и жениха. Еще нередки, к сожалению, случаи, когда на нелегальных сборищах тайповый суд (тайпанан кхел) перекраивает решения нашего советского народного суда, избираемого путем всеобщего голосования. И, наконец, какими моральным кодексом дозволено бить своего обидчика или стрелять в него? Кто толкает наших молодых людей на такие поступки?... Да потому, что так решает незаконный суд старейшин. Эти “суды” еще кое-где продолжают строить дикие, неслыханные козни между людьми, рождают интриги и мелочные страсти в обществе, зависть и ненависть между людьми. И, кстати сказать, “суды” эти всегда решают вопрос в пользу того, кто предложит им большую взятку”¹².

Следует отметить, что советские, в том числе чечено-ингушские этнографы и социологи довольно интенсивно изучали семейно-родственные отношения в рамках общих изменений социальной структуры местного общества в последепортационный период, когда имели место быстрый рост образования среди чеченцев, активная социальная мобильность и пространственная (в основном временная) миграция чеченцев в пределах СССР. В частности, обстоятельные статьи были опубликованы З.А. Мадаевой и Г.В. Заурбековой о социально-классовых и социально-культурных трансформациях населения Чечено-Ингушетии¹³. Собственно чеченскую семью изучала этносоциолог З.И. Хасбулатова, и некоторые ее выводы представляют для нас безусловный интерес.

Проще всего современная чеченская семейно-родственная группа, состоявшая в прошлом из широкого круга родственников по мужской линии, превратилась фактически в малую семью, в которую входят родители с детьми и выделившиеся семьи замужних дочерей. Сократилось число авторитарных семей, и распространились семьи с фактически признанным равенством родителей и взрослых детей, что особенно было выражено в городских семьях. Традиционно главой семьи остается мужчина. Формально главенство мужчины отражает нормы семейного этикета, в котором подчеркивается престиж мужчины. В сельских семьях больше придерживаются традиционного этикета, чем в городских. Но это не означает, что женщина в большинстве семей принижена. Женщина-мать, жена, как правило, ведает семейной кассой и по своему усмотрению регулирует семейный бюджет. В преобладающей части современных вайнахских семей внутрисемейные отношения основаны на фактическом полноправии всех ее членов¹⁴.

Кое-какие важные для возникновения конфликта в Чечне моменты остались вне поля зрения специалистов. Временная трудовая

и другая миграция значительной части мужского населения за пределы республики сильно ослабила традиционный контроль старшего поколения за поведением молодежи. Последняя оказалась в большой степени подвержена не только общесоветской модернизации (русскоязычная общероссийская культура с элементами западной масс культуры, высшее образование и госслужбы, идеологический комплекс, основы полулегального предпринимательства), но и новейшим внешним идеологическим воздействиям, особенно пропаганде радикального этнонационализма, политического ислама и, наконец, идеологии вооруженного сопротивления существующему государству под лозунгом отделения Чечни от России.

В интервью российскому журналисту Игорю Ротарю один из наиболее влиятельных протагонистов чеченской сецессии Хож-Ахмед Нухаев поведал откровенную историю, как, будучи в 1980-х годах студентом МГУ он проникся новыми “антисоветскими” идеями, в последующем был одним из главных чеченских рэкетиров в Москве, “собирая деньги на дело освобождения Чечни”¹⁵. Именно эта категория выпускников московских, грозненских и других вузов 1970–1980-х годов составила наиболее просвещенную и радикально настроенную часть населения, которая повела себя крайне политизированно, используя для сугубо утилитарных целей ссылки на традицию, религию, историю и чеченскую исключительность. Причем модернистский проект “национального самоопределения” чаще начинался и заканчивался для его энтузиастов сколачиванием личного капитала, приобретением дорогой квартиры или дома за рубежом и усилиями интегрироваться в “чужую нацию”, даже если это была страна, где не уважаются права национальных меньшинств, как, например, Великобритания или Турция. Именно так поступил Нухаев и многие другие лидеры первой волны чеченской суверенизации, делавшие быстрый капитал на выбивании долгов, незаконных денежных операциях, торговле нефтью, оружием и наркотиками, примитивном рэжете.

Помимо немногочисленной образованной молодежи в период “национальной революции” и вооруженного конфликта значительная часть сельской мужской молодежи фактически вышла из “круга семьи” и стала отдельной (но не самостоятельной!) социальной силой, для которой семью заменило “боевое братство” с идеологическими и военными наставниками в лице чеченских политических лидеров и полевых командиров. Иногда идеологическими наставниками могли быть заезжие идеологи, как это произошло с тем же Нухаевым, дружба которого с поляком Мансуром Якимчиком превратила последнего в секретаря и спичрайтера богатого молодого чеченца, проживающего в Лондоне или в Баку. В целом проблема молодого поколения (от демографического “переизбытка” до ценностных ориентаций) применительно к чеченскому конфликту должным образом не рассмотрена.

СОЦИОЛОГИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ СЕМЬИ

Семья была и остается основным социальным институтом чеченского общества. Опираясь на вышеупомянутые исследования и полученные материалы, моя позиция сводится к следующему: в советский, особенно в последепортационный период, чеченская семья и семейно-родственные отношения прошли существенную модернизацию, но в ряде аспектов чеченцы в большей степени, чем другие народы страны (если не считать малочисленные народы Севера и некоторые малые группы Дагестана), сохранили традиционный уклад жизни и нормы демографического поведения. Однако обусловлено это было в большей степени не этнокультурными, а социально-историческими факторами.

Накануне конфликта чеченская семья по своим основным характеристикам мало отличалась от обычной российской семьи, которую можно отнести к модернизированному типу современной парной семьи. Это подтверждают и исследования чеченских этносоциологов и этнографов в 1970–1980-е годы. Хотя, безусловно, семейно-брачные отношения в Чечено-Ингушетии имели свою социально-культурную специфику. Прежде всего чеченская семья была самой многодетной в пределах РСФСР (нынешней России). Ее средний размер в 1989 г. в республике составлял 5,3 при среднем размере по России – 3,8 человека. На долю семей с 5 и более детьми приходилось 46% при среднем по России 3% и среднем по Северному Кавказу 8,5%. Близкие в Чечено-Ингушетии показатели имел только Дагестан, где доля многодетных семей также была высокой – 33,6%¹⁶.

Среди мотивов, объясняющих установку на многодетность, мне встретился следующий:

“Нам всем, особенно после депортации, казалось, что нужно из патристических побуждений прежде всего рожать большие детей, чтобы восстановить нашу нацию, так жестоко пострадавшую от сталинской высылки. Ведь мы потеряли больше половины наших людей, а часть оказалась разбросанной по всему Советскому Союзу и домой уже не вернулась. Даже я, уже проживая в городе и работая в университете (т.е. мы относились к элитной чеченской интеллигенции) разделял целиком этот взгляд. Так у нас с Яхой родилось шестеро детей (один мальчик умер совсем маленьким). Особенно гордились, когда большие рождалось мальчиков. Старались всем дать высшее образование. Так мы как бы создавали новую основу нашей нации. Многие из нас тогда не думали, что много рожать детей – это еще не решение проблемы народа. Куда важнее вырастить их полезными для семьи и общества людьми. Тем более не думали и не гадали, что рожали и готовили пушечное мясо для разных авантюристов” (Джабраил Гакаев).

Как известно, СССР имел в последние десятилетия один из самых высоких в мире уровень межэтнической брачности. Каждая седьмая советская семья была этнически смешанной (перепись

1989 г.), а в крупных городах, особенно в столицах союзных республик, этот уровень был еще выше (в Риге, например, каждая четвертая семья). Но в данном явлении сохранялись региональные и этнические различия. Чаще всего этническая гомогенность семей была обусловлена не столько степенью интегрированности представителей той или иной группы в остальное население страны, наличием отчуждающей дискриминации или особыми традициями эндогамности (закрытости браков), сколько характером расселения и степенью урбанизированности народа. Среди более компактно проживающего сельского населения вероятность выбора иноэтничного брачного партнера была значительно ниже, чем в городах и в зонах смешанного по составу населения¹⁷.

Чеченцы в целом были одним из наименее урбанизированных народов: доля горожан составляла 39% по сравнению с 73% в целом по РСФСР. В границах современной Чеченской республики среди всего населения было 43% горожан, а среди чеченцев – 24%. По данным переписи 1989 г., доля моноэтнических семей среди всех семей чеченцев составляла 88,5% по РСФСР и 93,7% в Чечено-Ингушетии. Всего в республике в 1989 г. 735 тыс. чеченцев имели семьи, из них 689 тыс. проживали в моноэтнических семьях. Известно, что среди чеченцев преобладают моноэтнические браки. Этот же вывод был сделан ранее З.И. Хасбулатовой, в специальной статье о смешанных браках в Чечено-Ингушетии. Она отметила, что в среде сельского населения неодобрительно относятся к бракам вайнахских женщин с русскими. В основном имели место нечастые случаи, когда местные мужчины вступали в брак с представительницами других национальностей (приезжие молодые специалисты из числа учителей, врачей, медицинских сестер или в результате знакомств во время службы в армии, а также учебы в вузах за пределами республики). Как пишет З.И. Хасбулатова, “одной из причин незначительного количества межнациональных браков является отрицательное отношение к ним со стороны родителей. Вместе с тем немаловажное значение имеет сохранение религиозных и других пережитков в сознании некоторой части сельского населения”¹⁸.

И все же не только названные причины объясняют сравнительно низкий уровень межэтнических браков. Были обстоятельства, которые могли действительно серьезно влиять на характер этой сферы социальной жизни чеченцев и ингушей, прежде всего те же самые пространственно-географические и демографические. Чеченцы, будучи многочисленным народом, в то же время занимали компактные и гомогенно заселенные зоны гор и предгорий, что позволяло сохранять сравнительно высокий уровень групповой брачной эндогамности при достаточном числе доступных брачных партнеров из представителей собственной группы и при ограниченном доступе иноэтнических партнеров в преимущественно чеченских районах. Менее гомогенные и не столь многочисленные районы рассе-

ления других народов Северного Кавказа обуславливали несколько иную модель брачных связей. Именно поэтому уровень межэтнических браков среди сельского населения Чечено-Ингушетии был ниже среднего по СССР и даже по Северному Кавказу, и объяснялось это не культурно-религиозными установками или уровнем цивилизационного развития, а степенью урбанизации и достаточной демографической численностью, позволявшей сравнительно более высокую эндогамность. Другими словами, у чеченцев был достаточный выбор партнеров в собственной среде и довольно часто он ограничивался только своим (например, в сельских районах с малым числом жителей-нечеченцев).

Чеченцы, проживавшие в более этнически смешанной городской или сельской среде (особенно чеченско-ингушские и чеченско-русские поселения западной и северной Чечено-Ингушетии), демонстрировали открытую форму брачного поведения, особенно мужчины. Серьезным препятствием для смешанных браков здесь скорее были не религиозные установки или решения старшего поколения родственников, а установки (а значит и доступность) потенциальных брачных партнеров из числа русских и ингушей, для которых чеченцы могли быть не самыми желанными партнерами (те и другие, скорее всего, предпочитали заключать брак с русскими). Этим же (а не межгрупповым антагонизмом), кстати, можно объяснить и более низкую брачность между чеченцами и ингушами: потенциальные партнеры на смешанный брак из обеих групп как бы чаще доставались русским, точнее, чаще соискали русских.

Три молодые русские женщины, занимавшие в Чечне должности учителя, культработника и комсомольского функционера, заверили меня, что для русской девушки с любыми достоинствами в Чечено-Ингушетии не было никаких проблем выйти замуж за чеченца, ибо ухажеров с самыми серьезными намерениями было более чем достаточно.

И все же у меня есть ощущение, что в Чечне, особенно в Грозном, среди молодых горожан не чеченской национальности существовали античеченские установки в смысле брачных предпочтений, но они были вызваны не культурными или религиозными факторами, а тем, что чеченцы гораздо чаще были сельскими жителями, и им приходилось в случае выбора иноэтничного партнера преодолевать двойной барьер: социальный и культурно-этнический.

Хотя мною специально не исследовался вопрос о семейно-брачном поведении среди современных чеченцев, но в имеющихся материалах присутствующий еще два момента. Нет никаких упоминаний о роли тейпового фактора в брачном поведении и о каких-либо отличительных тейповых установках в области семейно-брачного поведения и отношений. Наконец, никто из информантов не смог подтвердить вывод Я.В. Чеснова, что в силу неких глубоких исторических факторов (почти религиозно-мистических) предпочтитель-

ность брачности среди чеченцев имеет географическую направленность с Востока на Запад Чечни¹⁹. Кстати, этот тезис не подкрепляется убедительными данными и самим Чесновым, оставаясь таким образом красивой легендой.

Но даже если серьезный анализ (сделать в свое время подсчет по материалам загов было бы несложно) выявил бы некую пространственную направленность внутречеченской брачности, то и тогда необходимо более внимательно смотреть корреляцию последней с социальным положением в разных регионах Чечено-Ингушетии, с географическим фактором “равнина – горы” и с фактором демографического давления. Однако и без специальных исследований можно предположить, что в период обзаведения семьей потенциальные брачные партнеры движутся (для получения образования или работы) больше с гор на равнину и из села в город, чем наоборот. Однако, как заметил Джабраил Гакаев, в том числе и на собственном примере, городские мужчины также часто берут в жены девушек из сел. Следует учитывать, что в малонаселенной местности труднее найти партнера, чем в районах с большим числом жителей. Без анализа и учета этих факторов, основываясь лишь на некоем генетическом коде или мифологической причине, определять траекторию брачной предпочтительности невозможно.

При крайне низком уровне разводимости среди чеченцев-мужчин широко распространены внебрачные связи. Чеченцы имели незарегистрированные семьи и детей в тех местах, куда выезжали на сезонные строительные работы. Это явление, к сожалению, не было исследовано социологами и демографами. Имеются некоторые интересные свидетельства. Одно из них принадлежит убитому лидеру одной из вооруженных групп Лабазанову, бывшему в оппозиции к Дудаеву. В интервью московской журналистке он заявил:

“Женимся мы, конечно, на чеченках, но русские женщины – самые лучшие в мире. У меня на этот счет есть опыт. А одну, которую звали Мария, всю жизнь буду помнить. Она меня, стокилограммового, вытащила чудом из воды, когда я начал тонуть на одном из черноморских пляжей. Может быть, сильно пьяным был”²⁰.

Из статистических данных видны различия в размерах семьи, уровне разводимости и доле этнически смешанных браков. Однако внутречеченские различия современной городской и сельской семьи значимее, чем по этническому признаку. Особенно схожи семейно-брачные характеристики среди населения республик Северного Кавказа. И все же есть достаточно оснований говорить и о своеобразии семейно-брачных и родственных отношений у чеченцев.

Характерной чертой является прежде всего типичное для культуры кавказских народов почитание старших, уважительное отношение к родителям. Некорректное поведение по отношению к родителям и к старшим рассматривается как самый сильный порок.

“Отец сказал, что надо из Москвы уезжать туда к нему, в Ростовскую область. Чего там делать – я не знаю, но раз сказал – значит это закон. Поеду” (Ахъяд).

В современных чеченских семьях отцовская линия доминирует, но авторитет матери, а также бабушки ставится высоко. Почитание родителей, особенно отца, культивируется и поддерживается даже мелкими, но значимыми моментами. Когда мы с Джабраилом заходили в его квартиру с улицы, один из сыновей спешил нагнуться развязать ботинки, помогал их снять и надеть домашние тапочки. Так же и при уходе из дома. В русских семьях подобное не наблюдается, если это не связано с физической немощью.

Несмотря на многодетность и порой сложные жизненные условия, для чеченцев характерно заботливое отношение к детям, особенно по части образования и продвижения по жизни. Также заботливо относятся к племянникам, т.е. к детям сестер и братьев. В октябре 1999 г. с началом новой войны в Чечне Хеда привезла в Москву двух своих племянников:

“Света и тепла нет, они начали болеть. Старшей четыре года, а младшему три года. Младший всё меня спрашивает: это и есть Москва, а тогда где же здесь слоны? А это я ему обещала показать слонов, когда в Москву собирались. Мне с ними не трудно. Они очень понятливые и меня слушаются”.

СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СТАТУС ЖЕНЩИНЫ

Среди чеченцев существует широкий круг родственных связей с системой моральных обязательств взаимопомощи и поддержки. Сохранились традиционные семейно-брачные ритуалы, особенно в горной сельской местности. Цикл досвадебной и свадебной обрядности охватывает целый коллектив родственных семей, знакомых, соседей. Как гласит традиционная этнография, “основными формами брака у чеченцев были: по согласию, убогом, умыканием”²¹. Однако в последние десятилетия умыкание невесты было редкостью или носило характер модернизированной инсценировки.

“У нас не было случаев, чтобы вс решали родители за молодых людей. Был случай, когда девочку Настю увез один мальчик, с которым до этого она встречалась. Но потом ее забрали, и она вышла замуж за другого. Вообще таких случаев было много. Но насилия не совершается. Парень увозит, а потом старики должны все уладить” (Хеда).

Супружеские отношения складываются по-разному, но супруг внешне доминирует, хотя многие ключевые решения (т.е. власть) остаются за женщинами. Статус женщины соответствует тому важному положению, которое она занимает в общественном производстве и в трудовой жизни семьи. В прошлом женщина у чеченцев

пользовалась относительно большой свободой. Девушки и даже замужние женщины не прятались, не закрывались и не стыдились присутствия мужчин. В свою очередь, мужчины, воспитанные с детства в духе строгой морали, отличались сдержанным отношением к женщинам. Я.В. Чеснов посвятил одну из своих лучших статей проблеме женщин и жизненной этики в чеченском менталитете. Он отметил, что чеченские женщины доминируют в домашней жизни, они социально активны, участвуют в политике, с женщиной связывается представление о носителнице высоких нравственных качеств.

“Как народная поговорка бытует сентенция “Нет мужчины, который не справился бы с женщиной, но многие женщины из недостойных мужчин делают достойных”. Чеченцу льстит, если его жена обладает какими-либо особыми положительными качествами. Слова “Твоя жена лучше, чем ты” чеченский мужчина воспримет как комплимент. Но если сказать, что “Ты хуже своей жены”, то это будет тяжким оскорблением”²².

Этнографический материал не во всем совпадает с этими заключениями. Исторически и вплоть до последних дней в чеченских семьях было распространено насилие в отношении женщин. Джабраил рассказывал, что его первая настоящая ссора с отцом произошла из-за матери: *“Он её опять избил, и я тогда сказал: всё, это последний раз, иначе будешь иметь дело со мной. А я уже тогда был крепким и взрослым парнем”*. Об избиениях женщин, о глумлении старших родственников над невестками, о сексуальном насилии со стороны свекора рассказывали некоторые мои информанты, но, как правило, с большой неохотой. Скрытность этой части семейной жизни и идеологические установки не позволили написать подлинную историю чеченской семьи.

Меня интересовали вопросы добрачных связей, супружеской неверности, многоженства, проституции и особенно изнасилования женщин, ибо эти сюжеты имеют прямое отношение к экстремальной ситуации внутреннего вооруженного конфликта, когда его главными жертвами почти во всех случаях становятся женщины и дети. Эти вопросы особенно важны для изучения постконфликтной ситуации, когда может быть серьезно нарушен как демографический баланс полов (значительная часть мужчин убита или покинула местное общество), так и общественная мораль. Как сказал мне один из заместителей федерального министра, занимающийся Чечней и проблемой беженцев, *“они там в этих лагерях беженцев все перетраха-лись друг с другом, воровство, наркотики, если сейчас сразу вернуться в Чечню, то ситуация станет еще хуже”*. К сожалению, выше перечисленные проблемы фактически не изучались. Я имею только отрывочные свидетельства моих информантов.

“Изнасилований в селе даже не помню. Был случай, когда я была в классе шестом, одной девочке было наверное лет десять, и ее изнасиловал один мужчина, ему было лет сорок. Это было такое потрясение, все в се-

ле об этом только и говорили. Я другого такого случая не помню. Его посадили на 15 лет, и я не знаю, что потом с ним стало. Он не вернулся. И сейчас я не слышала, чтобы это было сильно распространено даже во время войны” (Хеда).

Даже в период разгула насилия в республике и открытого террора со стороны вооруженных групп населения, крайне мало фиксировалось случаев насилия над женщинами. Подобное своего рода табу косвенно распространялось и на поведение федеральных солдат в период военных действий на территории Чечни, когда казалось бы существовала установка на жестокость в отношении местного населения. Однако во вторую войну, когда федеральные военные обрели господство над основной территорией и контролируют все сферы жизни населения, появились случаи изнасилований чеченских женщин, в том числе и массовых, со стороны федеральных военнослужащих (см. главу XII).

Некоторые наши истории дают замечательные примеры сильных и благополучных семей в довоенный период. А о матерях чеченки рассказывают с особым чувством привязанности, равно как чеченцы больше готовы рассказывать об отце и почти ничего о своих матерях.

“У нас в семье не было больших денег, но я никогда не чувствовала, что мне очень нужны деньги. Все знали, где они лежат. И я даже не отчитывалась, сколько я взяла. Начиная с пятого класса, я сама все покупала в магазине, что было нужно из продуктов, и даже посуду, белье. Сколько я заплатила, меня особо и не спрашивали. Отец и мать оба работали. Моя мама – уникальная женщина. Мой отец работал в молодости лектором от общества “Знание”. На второй день, когда мама устроилась работать дояркой на ферму, к ним приехал отец читать лекцию. Каждый рассказывает эту историю по-разному. Отец говорит, что она всю лекцию на него смотрела, а она говорит: “Неправда, я вообще на тебя глаз не поднимала!”

Моя мама из большого и достаточно сильного рода. А у отца родителей не было. Его воспитывал двоюродный брат, который считается как родной. Мой отец был в районе известным как один из первых, кто получил высшее образование. Он был активным комсомольцем, но в смысле материальном у него ничего особого не было. Бабушка моя ни за что не хотела маму за него отдавать, и он ее увез как бы с ее согласия. Бабушка собрала родственников, человек сто пришло, даже вооруженных, чтобы ее забрать. Но ее где-то там спрятали. И она так и осталась.

Моя мама закончила техникум и была лучшим специалистом по виноградарству. Она от природы благородный человек. Она может пойти на прием к английской королеве, и я знаю, что она сделает все, как нужно. У нее какая-то природная интуиция. Все друзья отца говорят, что если бы он на ней не женился, то он бы десять раз развелся и десять раз женился в своей жизни. Она в крови своей аристократка. Все удивляются откуда она такая, кровь или гены особые. Она никогда не просит что-то сделать. Я, например, сию читаю книгу. Если нужно что-то сделать, она пойдет и начнет сама делать. Я ей говорю, почему нельзя было ска-

зять. А она говорит, если я скажу, тогда любой сосед может пойти и сделать это. Голоса она практически не повышала никогда. Я не слышала, чтобы моя мама кому-то что-то громко сказала. Я когда была маленькой, как бы первым ребенком (до этого были две девочки, но они до года не дожили). Я считалась очень болезненной. Думали, что я умру: вся была синюшная и болезненная. Родители много в меня вложили. Я помню зимними, долгими вечерами мама всегда рассказывала мне сказки. Их было пять сказок на чеченском языке. Они все время повторялись. Я знала любую деталь. Русские сказки тоже читали мама и отец. Она всю жизнь проработала и только последние два года не работает.

У нас был дома трехтомник “Чеченский фольклор”, изданный в 1966 или 67 году. Там есть очень хорошие сказки. Мама мне читала лет до 12, когда уже я сама могла читать, но мне нравилось слушать ее интонацию. Она для себя ничего не читала, но всегда была занята делом. Даже если нет ничего особого, то она будет ходить по двору собирать пылинки. В доме всегда было очень чисто до стерильности. Туалет всегда был во дворе и всегда была вода. Стоял на плите бачок с водой, чтобы была теплая вода” (Хеда).

ЗАБОТЫ И ЖЕРТВЫ РОДИТЕЛЕЙ

Война жестоко вмешалась в семейную жизнь и именно этот вызов был наиболее остро воспринят чеченцами. Аргумент о защите дома и семьи стал основным в принятии многими решения взяться за оружие. Как правило, вооруженные действия чеченцы вели рядом со своими селами и оставались в них до прихода и после ухода федеральных войск. Не идеологические призывы, а разрушение жилища или потеря близких являлись главными мотивами, которые толкали чеченца стать боевиком. И все же это было не обязательным исходом. Большинство стремилось уберечь членов семьи, в том числе молодых мужчин и подростков, от участия в вооруженной борьбе. Вот несколько свидетельств:

«Дудаев-то – он наш. Он парень ничего был. Его “окруженцы” сгубили, я думаю. А ведь они из плоскостных. Я думаю, Дудаев был против войны. Она ведь рабочему человеку не нужна, война-то. А те, которые нефть грабили, те ждали войны, как манны небесной. Наверное, и в России были такие. Ты думаешь, что после войны здесь хотели что-то восстанавливать? Да ничего подобного. Тут сама война было затеяна, чтобы разрушить все. А выделенные потом будто на восстановление деньги заграбастать. Это я – рабочий человек так понимаю. Я институт не кончал. Потому и сыновьям показал, чтобы на ту войну ни шагу. Я в Советской Армии служил с русскими, узбеками, казахами. И скажу тебе, ребята были хорошие. Это потом стали делить мусульмане, христиане. А мы тогда не различали. Я с русскими даже крепче дружил» (Иса М.).

“Мне 77 лет. Я живу на дороге, идущей от аэропорта в город. Все российские войска проходили под моими окнами. У меня трое сыновей. Младший и средний воевали. По правде говоря, я не хотел младшего отпус-



Отец и сын (Фото В. Щеколдина)

каль. Сначала пошел средний, воевал. Приходил к нам, сюда домой, когда мы скрывались здесь в подвале. Младшего я поначалу не отпускал. Но, видно, он посмотрел на старшего брата и сам ушел. Когда уходил старший, я не противился. Знал, что люди попрекнут, что он отлынивал, когда всем миром воевали. А младшего не отпускал от себя. Все-таки опора мне – старику. Должно быть, чуял я недоброе. Погиб младший. Я, видишь, и на финской побывал, и в отечественной воевал. После последней войны, видишь, хромой сделался. Я долго в толк не мог взять, с кем теперь воюем. Вроде бы одна страна. Помню, когда на отечественную призывали, колонну нашу провели вот тут же по Первомайской. А теперь по этой же Первомайской двигались российские войска. Вроде бы мир перевернулся” (Вадуд).

Немало чеченцев постаралось выехать из Чечни или прежде всего вывезти детей из опасных зон. Исмаил Мунаев рассказал историю как он со смертельным риском увозил своих детей-подростков из Грозного, старался пристроить их на учебу в школу и в вуз в Нальчике и в Москве. Джабраил Гакаев во время второго исхода из Грозного в августе 1996 г. вместе с пятью детьми, двое из которых были уже юношами, оказался под бомбежкой в собственной квартире.

“Такие безысходность, отчаяние и чувство стыда перед детьми, что ты, отец, лежишь на полу и ничего не можешь сделать. Готов был выбежать на улицу, броситься на кого-то и тоже сражаться, но за кого и с кем? И что будет с детьми?”

Несколько кратких извлечений из историй информантов, касающиеся детей:

“Всю войну все мои переживания зациклились на детях, за них мне было нестерпимо больно. Мне хотелось защитить всех детей. Во время августовского штурма мы три дня сидели в подвале. Совсем рядом с нашим

домом рвались снаряды. Дети плакали, хотели на улицу. Если бы это продоллось еще пару дней, я бы просто сошла с ума. Никогда это не забуду” (Малика И.).

“Многие дети убежали на войну, не дожидаясь разрешения родителей. Они собирали оружие в городе, помогали взрослым. Маленьких детей пытались вывезти в безопасное место, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию... 29 декабря 1994 г. мы из нашей семьи всех женщин и детей отправили в Гудермес. Зная, что они в надежном месте, за них переживали меньше” (Рамзан Д.).

“Детей все пытались вывезти, хотя удавалось это не всем. Многие дети пострадали, очень много покалеченных детей. Удержать дома 12–15 летних мальчишек невозможно” (Элина С.).

Нами зафиксированы случаи противоположного поведения: поощрения и благословения родителями (преимущественно отцами) участия детей и родственников в войне. Причем мотивы такого поведения были разными. Одни верили в газават или в лозунг борьбы за независимость как долг и единственно правильное решение. Повторялись как бы известные каждому советскому человеку истории о матерях и отцах, отдавших войне с фашизмом своих сыновей и тем самым совершивших человеческий подвиг. Но не менее существенный аргумент – это, что скажут другие после войны, если не проявил солидарности с народом и чеченской доблести.

“Я сам, конечно, не вояка, мне уже за 60 было, когда война началась. Правда, в переделки я попадал покруче любого вояки. С автоматом же не расставался, хотя и редко стрелял, в атаку ходить не довелось. Большие в подвалах сидел со стариками да женщицами. Тоже, ведь, присмотр нужен. А сыновья воевали. Все трое. Спрашиваешь, почему воевали? С а м з а с т а в и л в о е в а т ь. Говорю: что людям скажем после войны? Все воевали, а мы отсиживались? Нет, Мунаевы не такие. Как народ – так и мы. Надо, чтобы после войны пальцем не показывали” (Висит М.).

Послевоенное прославление такого поведения в типично советско-пропагандистском духе можно найти во многих выступлениях чеченских лидеров, особенно в безжалостной публицистике Яндарбиева. Но были и другие мотивы поощрения сыновей на участие в военном ремесле. Это – добывание трофеев и достижение материального благополучия на войне. Некоторые истории напоминают шекспировские сюжеты.

“Благословение воевать дал нам отец. Мои старшие братья были в Москве на подготовке к международным соревнованиям. Им вообще предлагали остаться в Москве. Но отец вызвал их и сказал, что в старинном предании предсказано, что власть развалится. Коммунисты не удержат страну. И самыми богатыми станут те, кто первым прорвется к богатству. Отец всегда хотел быть богатым. Мы пошли в спорт, потому что там стали хорошо платить. Потом мы открыли сначала кооператив. Потом дали взятки директору школы, захватили у него школьный уча-

сток и устроили платную автостоянку. Отец правильно чувствовал, что надо спешить. И в боях мы были самыми первыми. Только в начале войны мы четвером подбили 9 танков. Дудаев устроил для нас специальный прием и приводил в пример. Когда началось большое наступление российских войск, мы уходили последними все. Адлан очень досадовал, что приходится отступать. Он никогда не боялся пули и почти всегда шел в атаку в рост. Я думаю, он подавлял солдат психологически. Не только потому, что он был мастером восточных единоборств, но и потому, что никогда не допускал мысли, что его убьют.

Говорят, что в Бамуте была первая рукопашная. Это неправда. Рукопашные бои мы начали, когда войска шли из Первомайской на Грозный. Когда мы отступали, Адлан очень злился. Нас дожимали тогда вертолеты. А нам нечем было отбиваться. Я Адлана очень любил. Это он научил меня борьбе. Мне тогда было только 15 лет. Мать хотела, чтобы я остался с ней. Но Адлан сказал, что настоящий мужчина получается только на войне. Когда его прошили автоматной очередью, он не хотел падать и шел еще почти квартал, хотя в нас продолжали стрелять. Тут подоспели наши бойцы и мы спрятали его в подвал. Потом его вывезли в село и хоронили прямо в камуфляжной форме, как газия.

После этого мы стали еще сильнее драться. А нас рассказывал по радио Удугов. Чтобы отомстить за Адлана, вместе с нами стала воевать наша сестра Лайла. Вскоре убили Адалама. Его тоже похоронили в камуфляже. Доносчики рассказали солдатам, где мы построили дом перед войной в Грозном. И наш дом подожгли федералы. Отец в это время был неподалеку. Говорили, что он долго смотрел на горящий дом и смеялся. Потому некоторые сплетничали, что он тронулся. После этого все мы, оставшиеся в живых братья и отец, встретились с Дудаевым. Он всем жал руки, а затем спросил отца, какой награды он хочет для себя. Отец посмотрел на околицу, очертил рукою круг по горизонту и сказал, что лучшей наградой для себя считает землю. Дудаев спросил, до какого ориентира на поле отвести отцу землю. Отец сказал, что граница будет у того столба. Дудаев тут же стал писать указ. Тогда отец засуетился и сказал, что он имел в виду не столб, а еще дальше орехового дерева, где высоковольтная опора. Тогда все засмеялись. Отец тоже смеялся. Но когда получил копию указа, то стал ползать и кататься по земле. Я тогда подумал, что он на самом деле тронулся. Эту землю сельчане нам не отдадут до сих пор. Но мы все равно считаем ее своей, потому что у нас есть указ. Потом убили моего третьего брата Аслана. Он только что выиграл международное первенство по дзюдо. Его хотели забрать в школу олимпийского мастерства. Но отец хотел, чтобы он воевал. Мы все хотели воевать.

После войны Яндарбиев назначил меня в департамент земледелия. Тогда я смог выбрать для отца и наших родственников хорошие участки земли. Говорят, что земля всегда будет в цене. Мы полностью вернули себе то, что сожгли у нас солдаты в Грозном. Мы стали богаты, как хотел отец. У нас два автосервиса: в городе и в селе. А нефтяных колодцев у нас столько, сколько могут вычерпнуть (неразб.)... Всю трудовую работу мы поручали наемным трудягам. Так что мы воевали не зря. Мы знали, за что воюем. И получили то, на что рассчитыва-

ли. Отец был у зикристов тихого зикра. По нашей просьбе главный мулла ваххабитов Магомед Вахитов провел работу с отцом, и он стал нашим единоверцем. Нам надо сохранить то, что мы завоевали. Нашу власть и богатство” (Галхигов).

Несмотря на эти истории, мы склонны к выводу, что в большинстве случаев молодежь и даже подростки самостоятельно принимали решение об участии в вооруженной борьбе. Возможно, чаще всего это делалось без уведомления родителей или вопреки их воле. Большинство боевиков определило свое решение как акт сознательного ответа на внешние призывы или собственных расчетов и настроений. Еще чаще воздействовал пример других сверстников или братьев, который говорит о слабом контроле старших над членами общества и родителей над детьми, что, скорее, свидетельствует не о патриархальности чеченской семьи, а о вполне модернизированном типе жизненного поведения. Показательно одно небольшое, но важное замечание 28-летней Элины С., преподавательницы русского языка и литературы из Грозного, касающееся ее погибшего брата. Именно так поступало большинство молодых мужчин.

“Без вести пропал мой двоюродный брат Муслим. Ему было всего 22 года. Он находился в президентском дворце и защищал его до конца, дальше никакой информацией мы не располагаем. В январе он пришел к моему отцу и сказал, что принял газават и будет драться до победы”.

В подтверждение еще несколько свидетельств.

“Я уехал в Москву в 1992 г., чтобы дома чего-нибудь не натворить, и работал на базе, ремонтировал машины. Потом осенью 1994 уехал в Грозный, когда был первый поход на город в ноябре. Стал служить в гвардии Дудаева. Туда отбирали специально по два человека из села по рекомендации старейшин. Такие были ребята чистые, не курили и не пили. Многие из них погибли. А я вот курю и немного выпиваю, и, видимо, всевышний за это меня к себе не взял” (Ахъяд).

“Многие из молодых ребят убежали из дома. Шел постоянный спор между некоторыми стариками и молодежью. Старики не верили, что русские пришли нас убивать, они говорили, что мы ничего плохого не сделали и уже не то время, помня выселение в 1944 г. Они еще долго оставались в таком неведении, пока не стали привозить первых погибших ребят. Помню, весной 1995 г. все обсуждали, что в нашем лесу скрываются ребята и несколько вертолетов три часа подряд бомбили лес. Все испугались, что начнут бомбить село, детей спрятали в подвалы” (Хава И.).

ДЕТИ ВОЙНЫ

Конфликт в Чечне породил особую группу детей-солдат, которые получили оружие, обучение как им пользоваться и благославление от взрослых боевиков. Для подростков даже были установлены особые награды. Этот феномен вовлечения детей в насилие хорошо



Чеченка с фотографией покойного мужа и с детьми (Фото В. Шеколдина)

известен и широко распространен в конфликтных зонах стран Африки, Латинской Америки, а также на Ближнем Востоке и в Афганистане. Некоторые международные организации даже начали мировую кампанию против вовлечение детей в вооруженную борьбу, рассматривая его как одно из уголовных преступлений.

Чечня не стала исключением. Мы зафиксировали одну из историй, изложенную 15-летним чеченским бойцом:

“В том году в нашем хьюжаре разморозило отопление. Занятий было мало. И мы все бегали на митинги. Нам было весело. На главной площади в больших котлах варили мясо. И мы наедались вдоволь. Машинами привозили и сгружали гуртами прямо на землю арбузы, дыни. И все это бесплатно. Кушай, сколько сможешь. Народ был веселый. Всем хотелось говорить речи. Везде на площади то там, то тут делали зикр. Но когда садилось солнце, настроение менялось. Многие кричали угрозы Завгаеву.

Потом митинги стали как спектакль по телевидению. Народ садился на скамейки перед зданием правительства: старики в первых рядах, дальше осталась народ. Речи говорились с крыльца. Когда начинали говорить те, кто за Завгаева, то Сосламебеков давал команду, и все начинали свистеть и топтать ногами. Потом на козырьке над входом в Дом правительства становились парни с ружьями и кинжалами. Тогда гяуры замолкали. Окна Дома правительства были выбиты, еще когда бросали камни в Завгаева. И в пустых проемах окон становились раздетые до пояса парни с кинжалами. Правда, крепких парней там было немного. Большинство были худые.

Русских на митингах не было. Чеченцы стали занимать их квартиры. С нашего села много народу переехало в город. Возле нашего медресе в Грозном тоже жили русские. Наш учитель занял целый этаж. Я с тремя своими дружками из медресе занял квартиру в соседнем доме. И там мы жили. Занятий уже не было, так как мулла все время был на митинге. На митингах тем, кто приходил каждый день, раздавали мыло и стиральный порошок. Мы с дружками успевали хапнуть несколько раз. Относили нашу добычу на базар и продавали торговкам. Потом на митингах стали платить деньгами. Нам, как малолеткам, доставалось мало. Потом учитель договорился, и нам тоже стали платить, как взрослым. Но большую часть денег мулла забирал себе.

Эту хорошую жизнь принес нам Дудаев. Дудаев был в авторитете у всех. Мне он тоже нравился. Мы, чеченцы, очень любим военную форму. Мы с дружками решили, что тоже будем генералами. По-настоящему мы почувствовали себя военными, когда смогли захватить оружие в гарнизоне. Мы знали, что начальник русского гарнизона смерть как боялся нашего генерала Дудаева. Трусил-трусил, а потом бросил оружие и убежал с солдатами. Когда начали разбирать оружие, оказалось, там были заложены мины. Некоторые взрывались. Но на них не обращали внимания. Каждый старался взять как можно больше оружия. Оружие хапали и мужчины, и женщины. В нашей группе старший был Хасан. То, что мы взяли за одну ходку, он припрятал в заброшенном гараже на случай, если власти попытаются забрать оружие. И сам стоял на шухере. Мы сделали в тот день шесть ходок, пока не пришли гвардейцы Дудаева и не оцепили скла-

ды. Тащили все – старики, бабы, дети совсем маленькие. Многих мы знали по митингам.

Над всеми торчал сверху в высокой шапке Сосламбеков, который на митингах давал знать, кого надо перекричать и освистывать. Он загрузил целый грузовик оружия и увез. Хотя делал вид, что его охраняет. Я это сам видел. Но мы не в обиде. Ночью мы все наше оружие перенесли к родственникам Хасана. Родственники Хасана продали то оружие. Нам дали целую кучу денег. Себе мы оставили по два автомата и пистолеты. Вот тогда я почувствовал себя человеком. Купил камуфляж. Жена нашего учителя мне форму укоротила. Учитель дал нам бумагу, что мы его охраняем. За это мы дали ему автомат.

До начала войны в армию нас не брали. Потом Дудаев сказал, что воевать должны все с 14 лет. Мне уже к тому времени как раз 14 и исполнилось. И я стал настоящим солдатом. Про то, как воевали – это особый разговор. Воевали с азартом, как будто в кино. Вроде это и ты стреляешь, бросаешь гранаты, и вместе с тем как будто это не ты, а другой человек. А все равно весело. Когда шли танки у Первомайской, мы первыми вступили в бой. Возле консервного стоял уже десяток подбитых танков. Но некоторые объезжали горящие танки. Одна машина уже катилась к 7-й школе. Видно, танкист был опытный. Он то бросал машину в сторону, то резко тормозил, то бросался вперед, и мы никак не могли попасть в него. Возле самой школы Хасан обогнал танк. Я даже не понял, как это случилось. Хасан бежит к танку, с задней стороны, в руках у него гранаты (он всегда носил гранаты на поясе), и в тот момент, когда танк в очередной раз рванул назад, раздался очень сильный взрыв. Огонь от танка поднялся выше домов. Потом ребята сказали, что это Хасан подполз под танк.

В боях возле трамвайного парка погибли Паша и Султан. Султан был малолетка, на целый год моложе меня. Когда у него кончились патроны, он тоже подорвал себя. Потом про нас много рассказывали по радио. Мы стали героями. В живых я остался один. Мы не посрамили нашего генерала, который говорил, что один чеченец может уничтожить и 10.5.5.5.5, и 20 врагов. Когда погиб Дудаев, я плакал в первый и последний раз в своей жизни” (Саид Г.)

История Саида Г. потрясает своей откровенностью и безусловной правдивостью. Мне не раз приходилось слышать и даже видеть видеокадры как “чеченская революция” использовала детей и подростков для самой неприглядной цели – совершения насилия. Проблема вовлечения и использования детей в конфликте носит не только исторический характер (истории маленького революционера Гавроша и “сына полка” знал каждый советский школьник), но это и глобальная современная проблема. Дети воюют в ряде африканских стран, их используют комбатанты в Шри Ланке, мексиканском Чиапасе, югославском Косово. В Чечне она приобрела массовый и демонстративный характер.

Джохар Дудаев действительно привал к вооруженному сопротивлению всех чеченских мужчин от 14 до 70 лет. Журналисты охотно показывали перед камерами обвешанных оружием детей, чтобы

убедительнее показать “всемирный характер войны”. Никто не объяснял, что подобные действия не имеют оправдания и являются нарушением всех норм и законов о защите и правах детей и несовершеннолетних.

У постсоветского населения крайне смутное представление о существовании подобных норм вообще, и в то же время силен пропагандистский стереотип, что “у войны свои законы”. Даже профессионально выполненное российской правозащитной организацией “Мемориал” исследование массовых нарушений прав человека и норм гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта в Чеченской республике не затрагивает эту проблему, вернее, просто ее не видит. Естественно не видят ее или трактуют в возвышенно-моральном и апологетическом плане чеченские политики и интеллектуалы, особенно инициаторы и лидеры вооруженного сопротивления.

Яндарбиев так описывает начальный период войны, когда, по его словам, “создавалось впечатление, что все соревнуются в героизме”, когда боевые командиры “демонстрировали миру начало новой эпохи боевой славы чеченского оружия”: “...Но ряды защитников Отечества не редуют. В них вливаются все новые силы. И не только мужчины, но и женщины берут в руки оружие. А пацаны 13–15 лет совершают фантастические поступки. Окончательно становится ясно, что чеченцы не отступят от независимости. Но скоро ли поймут это Россия и мировое сообщество...”²³

Дети определенно рассматривались чеченскими лидерами как боевая сила, и такая стратегия достигалась достаточно успешно. Еще до начала вооруженных действий многие чеченские дети оказались вне школы и даже вне семьи. Подростки маленькими группами из сел и грозненских пригородов сконцентрировались в районе проведения политических манифестаций, где ими манипулировали взрослые. Они также были на острие действий (чаще в качестве “живого щита”) воинственных радикалов по захвату государственной собственности, армейского оружия и военного имущества. В ходе беседы с Юсупом Сосламбековым мне, например, не удалось даже разговорить его на эту тему: он ее просто не видел. Хотя в своей брошюре он также признал, что подростки получали небольшую плату деньгами за то, что совершали опасные действия против политических оппонентов и законных властей²⁴.

Кто и как оказывал решающее воздействие на поведение детей в период конфликта? Как уже говорилось, родители имели большой авторитет в семье, но далеко не все они стремились удержать подростков от вовлечения в насилие. Предложенные взрослыми агитаторами и наставниками формулы, что за свободу и независимость должен сражаться и умирать каждый чеченец, в наибольшей степени повлияли на неустойчивую психику и мировоззрение детей. История Саида Г. показывает, что главную роль



Старейшины с. Толстой-Юрт (Фото В. Бышовца)

сыграл учитель-мулла, который, показывая, прекратив занятия, поощрял действия детей, в том числе деньгами, которые выплачивались за участие в митинге.

Мой чеченский рецензент Рустам Калиев высказался по проблеме отцов и детей следующим образом:

“В Чечне всегда преобладал культ старшего. Это обстоятельство было по-хамски использовано так называемой чеченской элитой при поддержке особо активных стариков, вообразивших из себя гераклов и аристократов одновременно. Это было что-то необыкновенное: молодое поколение в оппозиции Дудаеву и К°, а главы семьи, рода, тейпа – старейшины, уважаемые деды не просто поддерживают Джохара, а ходят на всякие митинги, сходы.

Молодежь, критикуя Дудаева, тем не менее политикой интересуется в свободное от других проблем время и меньше политизирована. Старшее поколение было более агрессивно. На почве политических взглядов возникло много конфликтов. Массовка для “революции” также была подобрана в возрасте от 60 лет. Интересная картина на выборах: отцы голосовали за Дудаева, дети – против него. Никогда еще не было в Чечне, чтобы так открыто пересекались интересы поколений. До конфликта даже вопросы жизни и смерти, чести решались в 99 случаях из ста так, как почитает правильно старейшина. Дабы не перечить старшим, участники антагонизма оставляли при себе свое мнение, и это не считалось подавлением личности. После 1991 г. старшее поколение в лице старейшин перестало быть эффективным регулятором социальных процессов в чеченском обществе”.

ПОТЕРИ БЛИЗКИХ

Самым трагическим моментом в рассказах звучит тема утраты близких. На размышления наводит одна непростая проблема. Имеются свидетельства того, что было названо известным российским политиком В.А. Михайловым, возглавлявшим переговоры с дудаевской стороной, “чеченским презрением жизни”, т.е. низкая цена человеческой жизни среди чеченцев. Этот тезис вообще является дискуссионным в социально-культурной антропологии; встают вопросы, возрастает ли ценностность жизни по мере модернизации человеческих коллективов или нет и есть ли у данного явления этнические параметры? Скорее всего, независимо от этничности, многодетность, уровень жизни и образование влияют на ценностную ориентацию относительно жизни и смерти. В частности, феномен “смерть без оплакивания” был замечательно исследован австралийским антропологом Нэнси Шепер-Хьюджесс на примере повседневной жизни бразильской бедноты²⁵.

В Чечне презрение к чужой жизни, в том числе и жизни соплеменников, демонстрировалось неоднократно, особенно высшим руководством. В то же время оплакивание убитых чеченскими женщинами неоднократно снималось на видеопленку и широко транслировалось как наглядное и эмоциональное свидетельство совершаемого насилия. Не меньшее презрение к человеческой жизни было проявлено и со стороны российских властей, особенно военных. Пожалуй, речь идет о социально-культурной характеристике, свойственной всему постсоветскому населению с небольшими отличиями. Самое убедительное тому подтверждение – невозможность установить точное число погибших в чеченской войне с обеих сторон.

По причине неизбирательного применения оружия и преднамеренного нападения на гражданское население, убийства людей без судебного разбирательства в войне погибло гораздо больше гражданского населения, чем солдат и боевиков. Артобстрелы, бомбардировки, операции по штурму населенных пунктов, массовые аресты гражданских лиц делали потери среди граждан неожиданными и трудно установимыми. В хаосе вооруженного конфликта члены семьи и другие родственники часто теряли друг друга без всяких известий. Они продолжали надеяться, что пропавшие близкие живы, и искали их повсюду. Некоторые продолжают искать и по сегодняшний день.

Малика Сальгириева, схоронившая еще не старого мужа, умершего от инфаркта сердца, поведала мне собственную историю лишь во время нашей третьей встречи.

«Я Вам не рассказала про свою главную историю. Я ведь не могу найти маму с 1994 г. Она вышла из дома еще в первые события (ноябрь 1994) и потом исчезла. Я ее с тех пор ищу: всю войну с косметичкой и с документами своими и мамы не расставалась ни на минуту. Если потеряешь,



Малика Сальгириева (Фото В.А. Тишкова)

то все. Когда еще шли бои в середине января, в нашем районе уже установилась комендантура. Я сразу пошла к начальнику с просьбой дать мне пропуск на проход блокпостов. Объяснила ему, что я жена подполковника МВД и мне надо проведать свою мать. Он мне дал пропуск на целый месяц, хотя давали обычно на две недели. Я прошла по городу, не знаю, как меня пули не зацепили и никто не убил. На улицах никого не было, ни одной женщины не встретила. Я пришла к родительскому дому. Он у нас был вполне приличный: кирпичный, с забором и с воротами. Стекла в окнах были выбиты. Я за 2–3 часа забила их фанерой. Разговорилась с ребятами-солдатами. Они говорят: “Мы мусульмане – татары. Как вы, оказывается, богато здесь жили, такие хорошие дома, и чего вам еще не хватало?”

Спрашива: “Зачем вы их жжете? Вот это мой куян, где я жила”.

“А нам дают задание сжечь этот квартал или тот”.

Маму искала везде. Весной открывали коллективные захоронения. Я все просмотрела. Такого ужаса насмотрелась. Мне это все напомнило гитлеровскую Германию. Так пахло, что у меня капилляры на глазах полопались. От переживаний я вся сразу поседела и опухли ноги. Я не могла даже одеть галоши 12 размера, хотя до этого я носила 9 размер. С тех пор у меня сердце заболело и я лечилась в московском кардиоцентре. А до 1994 г. у меня даже не было медицинской карты, и никто мне моего возраста не давал. Спортсменкой была.

В ноябре 95-го открывали захоронение в Самашках. Я туда поехала с мужем. Там все плакали и убивались, и я тоже. А старик-мулла сказал, что он всех отпевал и такой женщины не видел (я ему показала фотографию). А местным женщинам сказал: “Зачем вы ее мучаете, ведь такой женщины здесь не было”. После 4 часов уже стало темнеть, и нас из-за комендантского часа из села уже могли не выпустить, чтобы вернуться в Грозный. Мы заночевали у родственников в Серноводской.

Кроме двух захоронений, я столько подвалов просмотрела, но так и не нашла ее. Она была с 1918 года рождения, из Ведено, тейп Гордолой. У меня вот карта Чечни, и я ее разным экстрасенсам показывала. Вот один мне здесь что-то чертил».

Еще одна не менее печальная история Малики И., 25-летней жительницы Грозного, матери двоих детей.

“11 августа отец вышел из дома, и больше его никто не видел. Мама ушла с другими больными в Старую Сунжу, и через неделю ее привезли домой. То, что отец пропал без вести, ее окончательно добило. Она считала себя виноватой в этом. Мама очень переживала по поводу происходящего, она не могла понять, что происходит. Ей все время казалось, что в Москве просто не знают размеров этого варварства. Все время успокаивала нас, говорила, что русский народ не виноват, что они страдают так же, как и мы.

Моя мама была настоящим интернационалистом, у нее было очень много друзей других национальностей. Мы долго жили в Мангышлаке, отец был нефтяником и работал там. Когда там начались волнения против чеченцев, мы оттуда уехали. Мама долго переживала по этому поводу. Она вообще была очень жизнерадостным человеком и всех заражала своим жизнелюбием и оптимизмом. Даже тяжело больная она шутила,

смеялась. Почти год мама лежала в постели, и 6 мая 1997 г. ее не стало. Мне ее очень не хватает.

Все это время наша семья, близкие родственники не прекращали поиски отца. У меня теплилась надежда, что он жив. Может быть, сидит где-нибудь в российской тюрьме. Дядя выходил на русские спецслужбы, ездили в Пятигорск, Ростов, искали среди мертвых.

Долгое время после войны люди находили братские могилы в самых немислимых местах. Каждый раз, когда вскрывались такие захоронения, мужчины ездили смотреть, нет ли там отца. Но его нигде не было. Мы с тетей перебивали у массы гадалок, ясновидящих. Все говорили, что отец жив. Мы им верили, очень хотелось быть обманутыми. Надежда помогла мне жить после смерти матери. И вот, в августе 1997 г. мы получили сообщение, что кто-то, ища своих родственников, наткнулся на моего отца. Оказывается, один старик обнаружил его в трансформаторной будке с пулевыми ранениями, завязанными руками и захоронил в своем огороде. Прежде чем захоронить, он срезал лоскутки с его одежды. Именно по ним его и опознали. Это был самый страшный день в моей жизни. Казалось, что все закончено. Я не хотела верить, что это именно мой отец, хотя он ушел из дома именно в этой одежде.

Так, в течение трех месяцев мы с братом остались без родителей. У нас была очень дружная семья, нам даже завидовали другие дети. Я очень переживала за брата, ему всего 20 лет. Я хоть замужем, отвлекают дети, а он один. Мы, конечно, всячески поддерживали друг друга, но это очень нелегко. Вот, что принесла эта война моей семье. Она отняла у меня самое святое, что есть у любого человека – родителей. И с этим я должна теперь жить. Не знаю, насколько меня хватит. Я живу только ради детей. У меня очень хороший муж, не представляю, чтобы я без него делала. Он мне очень помог, без него я давно сломалась бы”.

Война нанесла удар по многим семьям, отобрав жизни, разрушив только дом и уничтожив имущество. Они были разбросаны по разным местам и подолгу ничего не знали друг о друге. На глазах менялась психика и ухудшалось здоровье членов семьи, которые не могли вынести пережитые утраты, страх и лишения. Медицинские обследования населения в Чечне не делались, но ясно, что косвенные потери гражданского населения достаточно велики. Во многих историях упоминаются случаи внезапных инсультов, инфарктов, раковых заболеваний, психических расстройств.

“В декабре, когда начали бомбить Грозный, нас с детьми вывезли в Шатой. Отец, дядя остались в городе. В январе в дом, в подвале которого они находились, попал снаряд. Крышу дома снесло, и, по словам отца, было ощущение, что дом подняло. Он выбежал и бежал до автовокзала (это достаточно далеко), сам не понимая, зачем. Там его увидели люди и позвали к себе, так как находится на улице было опасно. Неделю он просидел у них в подвале, затем ушел в Урус-Мартан и оттуда пешком в Шатой. На это ему понадобился месяц. Мы были с 10.5.5.5 января в Махачкале и ничего о нем не знали. Позже через родственников получили письмо. Отец ничего не говорил о произошедшем, мы даже боялись, что что-то произошло с его психикой.



Чеченский боевик с ребенком

Но потом ему удалось выйти из этого состояния. В апреле он приехал в Махачкалу, навестил нас. Решил, что там нам безопаснее. Грозный был еще заминирован, там были федералы.

В июле 1995 г. мы вернулись в Грозный. Школа моя была полностью разрушена, работы не было. Мы привели в порядок уцелевшие комнаты. В августе уехала на стажировку в Германию сестра. Летом у отца обнаружилась опухоль руки. Ее долго лечили и, казалось бы, залечили. 26 октября под утро мы нашли его лежащим на полу. Хотели поднять, но не смогли. Он был парализован. Мы позвали мужчин, и они его подняли. Оказалось, что это инсульт. Потом он смог произнести несколько фраз. В таком состоянии отец провел 12 дней. Врачи сказали, что он может выйти из этого состояния, если выдержит сердце. Но оно было слишком ослаблено войной. 7 ноября 1995 г. отца не стало. Мы смогли похоронить его на родовом кладбище в Горгачи (Вашандарой). Это высоко в горах. Через месяц, когда умер его брат, тоже от инсульта, его не смогли вывезти в горы и похоронили в пригороде Грозного только на второй день” (Элина Салажиева).

“ЧИСТЫЙ ИСЛАМ” КАК НОВЫЙ ПОРЯДОК

Война в Чечне вызвала к жизни явления, которые некоторые специалисты называют “возрождением исламского образа жизни”, якобы всегда присутствовавшего у чеченцев, несмотря на жестокое подавление со стороны властей и господствующей идеологии. Были ли ислам не только религией, но и образом жизни, в том числе и ее семейной сферы?

Казалось бы, подтверждением этого тезиса стали попытки введения шариатского правления и установления нового порядка, в том числе и норм поведения для женщин, не говоря об официально разрешенном многоженстве. На улицах чеченских городов и сел стали появляться женские фигуры с закрытыми лицами, как бы символизируя восстановление утраченной традиционной нормы. Всеобщим потрясением стал телерепортаж о публичной казни двух молодых людей за совершенное прелюбодеяние по приговору шариатского суда.

Итак, чем война обернулась для чеченской семьи и для взаимоотношений отцов и детей? Судя по нашим материалам, мы имеем дело с масштабным разрушительным воздействием, которое оказалось возможным в ситуации вооруженного конфликта, когда не традиция, а автомат и приказ стали определять нормы поведения.

Ситуация до войны, при всех тогдашних деформациях, не характеризует семейную жизнь в Чечне как построенную по законам шариата. Современное поколение даже не знало, что есть такой институт шариатского суда, который может и должен регламентировать жизнь чеченцев.

«Шариатские суды вмешивались в редких случаях. Когда бывали убийства, но не специальные (кто-нибудь сбил кого-то машиной, например). Вот в таких случаях вмешивались шариатские суды. Они так не назывались, и я даже не знала, что это были шариатские суды. Просто старики какие-то, которых люди все знали, они эти дела и как-то улаживали. Тот же случай, если девушку увезли насильно. Они приходили и старались уладить. Если не получалось, то возвращали. Когда же были серьезные случаи преступлений, это все шло через обычный суд. Случаев кровной мести в селе не помню.

Была такой случай (я о нем узнала случайно): у нас в селе была такая старушка, которая все про всех всегда знала. А у нас на улице жила одна семья, которая давно приехала к нам из другого места. У них был мальчик лет шести. Он бегал и все кого-то обижал. Она ему и говорит: поезжай в свое село и бей там детей, если ты такой смелый. А он отвечает, что он из такой-то семьи здешней. “Я знаю какой ты здешний. Приехали сюда из-за кровной мести”.

В нашем селе примерно так все и осталось. Может быть появились в связи с событиями после 1991 г. и войной какие-то люди-кровники, но все равно это так ярко не проявляется, как в горных селах. А вот система заступничества была. Это свято. У меня есть братья, родной – младше меня на шесть лет, но есть двоюродные братья. Я к этому никогда не прибежала, но была всегда уверена, что защита есть» (Хеда).

Теперь, по свидетельствам Хеды, в селе Беной появились желающие установить новый порядок, который они называют “чистым исламом”. Стали говорить людям и даже стыдить их за то, что созывают много родственников и знакомых на разные похороны или свадьбы, тратят все свои деньги. Кто-то считает, что они правы, но для большинства – это стыд даже выслушивать такие упреки. Все

равно им никто не вмешает. А тем более женщины вести себя так не будут, как им хочется. Женщины только одни и работают сейчас в Чечне, а мужчины автоматы таскают или сидят без работы.

В наблюдении молодой чеченки довольно точно отмечен ценностный конфликт, рожденный войной. Радикальная исламизация есть не что иное, как попытка демодернизации общества в условиях разрушений и человеческих утрат, а также потери социальных ориентиров. В чем-то демодернизации чеченской жизни способствует и реальная демографическая ситуация. По крайней мере многоженство – это всего лишь одна из возможных ответных стратегий в условиях резкого сокращения брачных партнеров среди мужчин. Многие убиты на войне, многие уехали, чтобы не воевать, многие занимаются бизнесом за пределами Чечни в других регионах России.

Но все равно представляется маловероятным, чтобы чеченское общество приняло нормы жизни по законам шариата. Хотя демодернизационный возврат возможен, но едва ли на долгий срок. Вероятно, уже никогда не будет возврата к существовавшим нормам отношений отцов и детей, как и не восстановятся многие семейно-родственные связи, разорванные войной и политико-идеологическими противостояниями. Скорее всего, это будет новое общество, но чеченское, в котором культурная норма народа будет сосуществовать в симбиозе как с общероссийскими ценностями и нормами, так и мировой массовой культуры.

Если говорить в целом о воздействии вооруженного конфликта на семейно-родственные отношения и на то, какое место семья занимает в обществе, ввергнутом в войну, то возможны следующие выводы. Семья как социальный институт становится одной из основных жертв вооруженного насилия. Некоторые деформации обретают глубокий и долговременный характер. В тоже время семейно-родственные связи оказываются одними из наиболее стабильных. Они удерживают общество от социального хаоса, а иногда и от самого насилия.

Возврат к довоенной чеченской семье едва ли возможен из-за огромных человеческих потерь, перемещений и материальных разрушений. Что придет на смену после окончания военных действий и какие здесь возможны стратегии, в настоящий момент продолжающегося противостояния и самого начала постконфликтной реконструкции сказать очень трудно.

¹ *Bringa T.* Being Muslim. The Bosnian Way. Princeton, 1995; *Sofos S.A.* Inter-ethnic Violence and Gendered Constructions of Ethnicity in former Yugoslavia // *Social Identities.* 1996. Vol. 2. N 1; *Milic A.* Women and Nationalism in the Former Yugoslavia / Ed. Gender, Politics and Post-Communism. N. Funk, M. Mueller. N.Y., 1993; *Povrzanovich M.* War Experience and Ethnic Identities: Croatian Children in the Nineties // *Collegium Anthropologica.* Vol. 19. N 1. Zagreb, 1995.

- ² См.: *Графова Л.* Беженцам из Чечни бежать некуда. М., 2000; *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- ³ См., например: *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX в. М., 1983; Современные этнические процессы в СССР. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1977.
- ⁴ *Перишиц А.И.* Геронтоимные традиции и долгожительство на Северном и Западном Кавказе / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 25.
- ⁵ *Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 131.
- ⁶ *Они же.* Ислам и обряды детского цикла у народов Кавказа / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 133.
- ⁷ См., например: *Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* Элементы семейно-бытовой обрядности в погребениях II–I тысячелетия до н.э. (Горная Чечня) / Семейно-бытовая обрядность вайнахов / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1982; *Хасбулатова З.И.* Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. / Там же.
- ⁸ *Чеснов Я.В.* Чеченская культура детства / Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996.
- ⁹ *Хасбулатова З.И.* Из опыта народной педагогики вайнахов XIX – начала XX в. / Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Грозный, 1988.
- ¹⁰ *Алироев И., Сайдуллаев М.* Чеченцы! Кто они? М., 1999; *Исаев Э.* Вайнахская этика. Назрань, 1999.
- ¹¹ *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973. С. 82–83.
- ¹² Там же. С. 78–79.
- ¹³ *Мадаева З.А.* Социально-культурные изменения в сельских районах Чечено-Ингушетии (на примере с-за “Шалинский”) / Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии / Отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный, 1986. С. 32–39; *Она же.* Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов. / Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии / Отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный, 1985. С. 6–18; *Она же.* Новогодняя обрядность в семейном быту вайнахов / Семейно-бытовая обрядность вайнахов / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1982. С. 64–77; *Заурбекова Г.В.* Основные тенденции изменений социально-классового состава населения Чечено-Ингушетии за годы Советской власти / Этносоциальные и культурно-бытовые процессы Чечено-Ингушетии. С. 19–31.
- ¹⁴ *Хасбулатова З.И.* Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50–80-е гг.) / Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- ¹⁵ Интервью Ротаря с Нухаевым // Независимая газета. 1995. 20 мая.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Хасбулатова З.И.* Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50–80-е гг.) / С. 40–57.
- ¹⁷ По этому вопросу см.: *Сусоколов А.А.* Межнациональные браки в СССР. М., 1987.

- ¹⁸ *Хасбулатова З.И.* Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии / Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. С. 45.
- ¹⁹ *Чеснов Я. В.* Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народа / Чечня и Россия: Общества и государства / Ред-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 78.
- ²⁰ Московский комсомолец. 1992. 19 мая.
- ²¹ Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 402.
- ²² *Чеснов Я.В.* Указ. соч. С. 72. См.: *Он же.* Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 5.
- ²³ *Яндарбиев З.* Чечения – битва за свободу. Львов, 1996. С. 354.
- ²⁴ Одинокий волк на тропе независимости. М., 1996. С. 22.
- ²⁵ Nancy Scherer-Hughes. Death Without Weeping. The Violence of Everyday Life in Brazil. Berkeley; 1992.

Глава XI РЕЛИГИЯ И КОНФЛИКТ

Учителя говорят, что наша религия самая правильная в мире. И что все народы примут ее рано или поздно.

Рамзан Б.

Наши не хотят переводить Коран на чеченский язык, так как там нет ничего про чеченцев.

Ибрагимов Х.

Распространение ислама на территории Чечено-Ингушетии происходило на протяжении длительного времени. По данным археологии и некоторых письменных источников, этот процесс начался еще в период арабо-хазарских войн VIII–IX вв., на него оказали влияние половецкая знать в XI–XII вв., Золотая Орда в XIII–XIV вв. и нашествие войск Тимура в конце XIV в.¹ Многие древние верования и культы горцев были трансформированы и адаптированы исламом. Особое место заняли почитание *шейхов-устазов*, *имамов*, *хаджи*, в том числе и связанных с ними святых мест. Исторически ислам в Чечне носил либеральный, умеренный характер. Это был преимущественно суннитский ислам шафиитского толка (*мазхаба*), традиционно придерживающийся суфийских тарикатов. Данный тип ислама достаточно хорошо приспособлялся к местным традициям и обычаям. Среди верующих существовали последователи (*муриды*) братств накшбандийа и кадирийа. В последней трети XIX в. из братств выделилось несколько ветвей (*вирдов*). Различия между вирдами в основном связаны с формами исполнения обряда коллективного радения – *зикра* и исполнением религиозных гимнов и молитв².

К началу XX в. в Чечено-Ингушетии коренное население в подавляющем большинстве было мусульманами и существовало многочисленное и влиятельное мусульманское духовенство, но оно не имело строгой иерархии. Ислам играл мобилизующую и идеологическую роль, в том числе и прежде всего в период вооруженных выступлений местного населения против царизма, а также в ранний советский период³. Установление советского строя в Чечне сопровождалось ожесточенной гражданской войной, которая имела, отчасти,



Сельская мечеть (Фото В. Бышовца)

и религиозную форму. Незадолго до прихода большевиков к власти в России, в августе 1917 г. конгресс исламских религиозных деятелей, состоявшийся в дагестанском ауле Анди, избрал имамом Дагестана и Чечни шейха Наджимуддина (Готсинского), который в союзе с шейхом Узун Хаджи начал создание религиозной монархии в составе Чечни и Дагестана. На определенном этапе они сотрудничали с большевиками против Белой армии генерала Деникина, нанеся ей поражение летом 1919 г. Осенью того же года шейх Узун-Хаджи провозгласил Чечню и северо-западную часть Дагестана “Северо-Кавказским эмиратом”. Шейх стремился создать теократическое государство наподобие государства имама Шамиля в середине XIX в. Шейху Узун-Хаджи приписывают изречение: “Я вью веревку, чтобы повесить инженеров, студентов и всех тех, кто пишет слева направо”. После смерти Хаджи в мае 1920 г. часть чеченских лидеров поддержала большевиков, и к 1922 г. организованное движение против советской власти фактически прекратилось⁴.

В советский период ислам ушел на периферию общественной жизни. Религия и церковь были одними из самых главных объектов отрицания и подавления со стороны власти. Ислам считался чуждым и опасным “пережитком прошлого”. Действовавшие в Чечне и Ингушетии до середины 1920-х годов шариатские суды были упразднены, против духовенства организовывались судебные процессы и осуществлялись открытые репрессии, многие культовые здания разрушались или использовались для хозяйственных нужд. Тем не менее ислам в Чечено-Ингушетии сохранялся больше, чем в других российских регионах его традиционного распространения, за исключением Дагестана. До 1929 г. в Чечне действовало 700 соборных мечетей, 2 тыс. “кубовых” (квартирных), в 1931 г. было 180 *мадраса*, которое посещали около 2 тыс. учащихся⁵.

Со временем религиозная деятельность попала под жесточайший контроль, и ислам как доктрина и как политический институт стал уходить из жизни чеченцев. Он сохранялся на уровне жизненных установок и бытовых норм главным образом среди старшего поколения. Молодежь и лица среднего возраста, особенно мужчины, почти все почти атеистами или просто неверующими: текст Корана они не знали (эта книга в СССР фактически не издавалась и не продавалась), намаз не совершали, основные обряды не соблюдали. По переписи 1989 г., в Чечне было 12% верующего населения, действовало 13 мечетей и имелось одно учебное мусульманское заведение.

Как и во многих других современных вооруженных конфликтах, религиозный фактор оказался самым прямым образом вовлеченным в события в Чечне, хотя на начальном этапе религия и религиозные лозунги были далеко не самыми главными. Последнее объяснялось прежде всего советским атеистическим наследием. Чечня в полной мере получила свою дозу идеологического иммунитета против религии как “опиума для народа”.

УХОД ИСЛАМА

В советский период Чечено-Ингушетия подверглась мощной деисламизации. Местная партийная и советская власть считала антирелигиозную пропаганду одним из приоритетов идеологической работы. В Чечне в последепортационные годы одним из ведущих критиков религии, ее “реакционных проявлений”, был сам Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушетии Хажбикар Боков. Он являлся партийным идеологом в ЧИАССР в 1960–1980 гг., начав работу с должности партийного инструктора-пропагандиста. Его слова и поступки вместе с деятельностью других пропагандистов атеизма значили многое. Они наверняка вызывали разную реакцию у населения республики, но все-таки доминировали подчинение или конформизм: оппозиция или протест фактически исключались.

В московской квартире Бокова я записал одну из наших бесед. Тема религии не доминировала, и Хажбикар, по моему мнению, сам не считает, что антирелигиозная пропаганда была основным делом его жизни. И все же в его словах и сегодня сохраняется некая убежденность: *“Все эти сектанты меня как огня боялись, когда я их разоблачал. А я говорил обо всем открыто и резко. Они все по своим нормам забивались и боялись показываться”*.

Подтверждение этим словам я нашел в публицистических статьях Бокова, которые регулярно печатались в самых известных центральных журналах, в том числе в таких, как “Наука и религия” и “Коммунист”. Приведу несколько цитат, которые отражают установки чеченского руководства тех лет и отчасти саму ситуацию в республике.

«Муллы твердят: тот не чеченец, не ингуш (не кабардинец, кумык, аварец и т.д.), кто, например, не совершает пятикратный намаз, обратив свой взор в сторону Мекки. Несостоятельность этого утверждения о национальной принадлежности того, кто совершает намаз, доказать нетрудно. Но посмотрим на молитву еще и с другой точки зрения. Много ли успеет в жизни человек, который все время должен забывать о земном, реальном, думать лишь об Аллахе, как этого требует Коран от верующего? Его энергия скована, он не может быть активной личностью. Ислам, как и любая другая религия, враждебен человеческим дерзаниям, жизненной активности... Возьмем, к примеру, религиозные праздники – обычай отмечать их служители культа у нас также называют национальной традицией чеченцев и ингушей. И здесь у них в ходу та же формула: “Если не соблюдаешь уразу (курбанбайрам, мавлюд и т.д.), – ты не чеченец, не ингуш и т.д.”. Наши атеисты немало сделали, чтобы вскрыть антинародную и антинациональную сущность мусульманских праздников, много у нас об этом писалось и пишется. Мне же хочется подчеркнуть здесь одну особенность религиозных традиций: в религиозном празднике человек всегда унижен, безволен, выступает в роли просителя. Соблюдая ритуал праздника, он ублажает бога (или святого), чтобы заслужить его милость, благосклонность. Я убежден, что как раз эта

черта мусульманских праздников и обрядов идет вразрез с истинно национальным характером горцев – их независимостью, гордостью, умением с честью и достоинством выходить из трудных ситуаций. Не говорю уже о том, что религиозные праздники отчуждают людей разных национальностей друг от друга»⁶.

«В прошлом религиозно-похоронный обряд был направлен на то, чтобы в минуту сильных переживаний представить земную жизнь человека ничтожной, закрепить мысль, что только религия указывает ему путь к душевному спасению и бессмертию. Родители и родственники умирающего по мусульманскому обычаю нередко приглашают муллу, чтобы он благословил его, “дал ему символ веры”. Процедура этого обряда заключается в том, что приглашенный мулла произносит заученные фразы у изголовья умирающего, провозглашает его верующим, независимо от того, верующий он или атеист. Определенную роль здесь играют родственники и близкие. Считается обязательным принесение в жертву одной–двух голов крупного рогатого скота и раздача мяса жителям села или улицы. Называется этот ритуал предпохоронной жертвой. Размером этой жертвы окружающие определяют отношение близких и родных к умершему, тем самым вызывая дух нездорового соревнования в уничтожении скота, во втягивании людей в большие расходы»⁷.

Подобных идеологических предписаний в Чечне производилось в большом количестве. Наивно полагать, что они не оказывали своего воздействия. Сегодняшние представления о Чечне как об “исламской республике” и о чеченцах как о ревностных последователях ислама являются постфактическими рационализациями или упрощенной романтизацией со стороны экспертов и политиков. Ситуация в Чечне до конфликта и во время войны была не столь однозначной.

До 1991 г. республика в большой степени разделяла общую характеристику советского общества как общества преимущественно секулярного и даже атеистического. Как известно, в последнюю перепись 1989 г., проведенную в СССР, был включен вопрос о религии. Однако его формулировка (“*Верите ли Вы в бога и если да, какую исповедываете религию?*”) дает достаточное смутную картину религиозной жизни в СССР⁸. Не очень понятно, что означали данные о наличии 12% верующих населения Чечено-Ингушетии и сколько из этого числа приходилось на православных и на мусульман. Более того, вообще трудно применять категорию “верующий” в качестве категории анализа для ситуации советского периода, ибо это понятие тогда имело отличный от нынешнего или от общепризнанного смысл.

Как рассказал Рустам Калиев, “по крайней мере, среди наших семейных друзей и знакомых таковых (верующих. – *В.Т.*) не было. При этом мы все считали (и считаем!) себя мусульманами”. В семье Рустама, постоянно проживавшей в Грозном и в его пригороде Ермоловке, совершала намаз и держала ежегодно месяц поста только

мама, которая родилась в 1941 г. Она была членом КПСС с 1970 г. и работала в партийных органах. Была депутатом советов всех уровней в ЧИАССР. Но при этом мама Рустама учила всех своих семейных детей (двое старших родились еще в депортации в Казахстане) некоторым аятам из Корана. Она делала это по памяти, так как арабской письменности не знала, и книги Корана в доме Рустама никогда не было. Даже в период расцвета пропагандистской борьбы с религией (1960–1970 гг.) мама Рустама – и только она одна в семье – молилась. Никому в семье вера не навязывалась. “С возрастом сами к ней придут”, – говорила эта женщина. Зато, как рассказал Рустам, чеченские (вайнахские) адаты соблюдались ревностно и переступить их считалось самым большим позором⁹. Например, не встать, когда войдет взрослый (независимо от степени родства, пола и социального положения).

«Это было Царство Старших, где прекрасно жилось Молодым. К нам часто приходили серьезные строгие люди. Это были чеченцы и ингуши, занимавшие разные посты в Совмине и в других “хлебных местах” ЧИАССР. Во время разговора на чеченском языке они часто произносили определение Бог, но без имени, т.е. без слова Аллах, которое я слышал очень редко. Произносилось слово “дела” (на чеченском буквально “Бог”), и оно звучало очень часто. Обычным делом были молитва перед и после еды, перед сном, перед и во время поездки куда-нибудь. Но! При этом все делалось всегда тихо, почти шепотом, а при посторонних – почти незаметно. Не думаю, что здесь была опаска. Скорее – такая была мода, когда излишне верующий выглядел не особенно цивилизным. Не помню, чтобы этот вопрос как-то обсуждался среди близких и знакомых» (Рустам Калиев).

Это важное свидетельство молодого чеченца – ровесника тех, кто поднял “знамя ислама” в середине 1990-х годов. Современное поколение чеченцев выросло в советской школе, которая была воинствующе атеистической. Ни в одном из интервью с чеченцами не было даже упоминания о религии или слугителе культа в школьной и вообще в молодежной жизни 1970–1980-х годов. В детстве мама Рустама запрещала отмечать 23 февраля – День Советской Армии, так как он совпадал с датой депортации вайнахов. Праздники уразы, курбан-байрам проводили в основном дома. В грозненских школах это не так было заметно: помимо чеченцев и ингушей здесь две трети составляли дети других национальностей. А вот сельские школы почти пустовали в дни исламских торжеств.

«Завучи на второй день устраивали “линейки”, собрания родителей, внеклассные “развивающие часы”, но это было скорее дополнительное ощущение праздника и желание веселиться, чем осознание ислама в празднике. Другими словами, это был (и есть!) повод для дополнительно к каникулам и к большим праздникам веселья и отдыха.

При всем этом уважение к исламу было явным: запрещалось приносить клятвы с использованием аятов Корана. На 98% все обряды: свадь-

ба, похороны и даже проводы в армию и обрезание проходили согласно традиционным религиозным столпам. Кроме центра Грозного даже в городе подавание (подношение) соседям по четвергам было обычным явлением. А в селах не подающие соседям по четвергам граждане считались презренными. Например, в Ермоловке мои соседи (немцы, русские, евреи, украинцы) тоже по четвергам подавали соседям, следуя примеру чеченцев» (Рустам Калиев).

Этот чеченский обычай я испытал на себе, когда однажды уходил из дома Гакаевых в четверг после поминального по сыну угощения и Яха дала мне в дорогу торт собственной выпечки со словами “У нас так положено”.

Исламская бытовая традиция накладывала свой отпечаток на более строгие взаимоотношения полов, особенно мальчиков и девочек. Так, во многих школах Чечено-Ингушетии в 1980-е годы было не принято исполнять на школьных вечерах танцы, где мальчики могут касаться девочек: танцевали национальные танцы или современные групповые. В отсутствии учителя танцевали и парами¹⁰. Но и учителя были разными. Хеда Абдуллаева вспоминает девочку в их классе, семья которой была из дальнего горного села. Эта девочка никак не хотела сидеть за одной партой с мальчиком, но классная руководительница – женщина очень жесткая – заставляла ее это делать. Даже родители приходили и за нее просили, но все равно ничего не помогло. Пришлось ей сесть рядом с мальчиком. Никаких упоминаний религии или отправления обрядов в стенах чеченских школ не было. По свидетельствам многих очевидцев, даже в горных селах муллы не заходили в школы. Школа была форпостом светскости и советскости.

Уход ислама из жизни чеченцев, вернее распространение атеизма, вызывали не только недовольство верующих и особенно мулл, но и были причиной межпоколенческого конфликта. Джабраил Гакаев вспоминает единственный случай серьезного недовольства им, когда его отец Джокала узнал, что Джабраил как университетский преподаватель читает курс марксизма-ленинизма, который включает научный атеизм.

“Отец, который всю жизнь был глубоко верующим, никак не мог принять, что кто-то из близких пропагандирует идеи атеистического коммунизма. Он был мрачным и очень недовольным в тот момент. Хотя отец никогда не пытался навязать представления о жизни своим детям”.

“НОВЫЕ МУСУЛЬМАНЕ”

Еще до перестройки интерес к исламу и к его политической идеологии оживился в связи с исламской революцией в Иране, но этот внешний фактор не был столь значимым. Изменила ситуацию горбачевская либерализация, особенно по части большей свободы

деятельности мечети, внешних религиозных связей, совершения хаджа и распространения религиозных текстов. Коран был издан многократно, в том числе и в Чечне, завозилась другая литература. Главными поставщиками Корана на русском языке и с профессиональными комментариями были московские ученые-востоковеды и академические издатели, для которых это было одно из немногих окупаемых изданий.

Главными организаторами первых массовых хаджей из России были лидеры новой российской демократии, в том числе и Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатов. В начале 1990-х годов первые желающие уехали за границу для учебы в медресе. Интерес к религии стал особенно заметен среди чеченской молодежи.

Эти оценки совпадают с полученными мною свидетельствами. Один из чеченских рецензентов отметил взрыв интереса к изучению Корана и к основам ислама вообще с середины 1980-х годов.

«Ближе к 1990 г. уже было модно умение читать по-арабски, знать основные аяты Корана наизусть, носить тюбетейку, совершать намаз, держать пост и т.п. В те годы бум на знание ислама был похлеще, чем бум в Москве на знание английского языка! Однако очень скоро выяснилось, что умение читать Коран и демонстративный ислам имеют мало общего с духовной чистотой и с реальными делами “новых мусульман”. Период 1992–1994 гг. был временем выдвигания броских лозунгов и прочей показухи при полной противоположности того, что творилось в реальности! Люди это быстро почувствовали. Если в 1990 г. зикр перед камерой или на площади Мансура в Грозном выглядел демократичным, затрагивающим чувства и воспринимался с удовольствием и интересом, то в 1992 г. этот же зикр и на той же площади многие стали воспринимать как надругательство над исламом. Настолько была подпорчена репутация “новых мусульман” Чечни! Этих людей начали называть “мехк-кхелла”, т.е. буквально “национальный мусор”. 1992 год был богат на эти самые “мехк-кхел”. Организаторами всех этих акций с зикром в Грозном были все те же господа. Многие из участников тех акций были с очень нечистоплотным прошлым и таким же порочным настоящим» (Рустам Калиев).*

До войны ислам в Чечне не обрел политического смысла. “Религиозное возрождение” шло параллельно с другими процессами. Общественные “неформальные” движения, а позднее и движение за независимость проходили под светскими лозунгами. Хотя среди первых общественных организаций была партия “Исламский путь”, но программные документы этой и других партий фактически были переписаны с аналогичных документов прибалтийских, украинских и других аналогичных организаций. Как признает Зелимхан Яндарби-

* Ироничный смысл получался при добавлении ударного окончания *a* к чеченскому словообразованию *мехк-кхелл* (буквально – Национальный суд), ибо слово *кхелла* означает по-чеченски мусор.

ев, “к тому же уставы и программы многих движений были просто переписаны друг у друга. В частности, чечено-ингушские неформалы переписывали свои программы из российских, балтийских, закавказских неформальных движений”¹¹.

Декларация о суверенитете и дудаевская конституция были сугубо светскими документами, в которых ссылки на ислам отсутствовали. В президентской программе Джохара Дудаева нет упоминания ислама. На сцене чеченской революции Коран появился 9 ноября 1991 г., когда во время церемонии принятия присяги президентом председатель совета старейшин республики Сайд-Ахмад Азимов торжественно вынес на сцену Коран. «К микрофону поднялся Джохар Дудаев. Он зачитал текст присяги. Грянула овация и возгласы: “Аллаху акбар!” Взоры всех были устремлены на Президента, Коран и красочный штандарт Чеченской республики Нохичо. У многих на глазах были слезы радости: сбылась вековая мечта народа о своей государственности!»¹²

Отношение Дудаева и его окружения к исламу было сдержанным и достаточно смутным, сами лидеры оставались людьми неверующими. Никто из очевидцев не упоминает молящегося чеченского президента или исламскую атрибутику в служебных и домашних помещениях. Зато Дудаев не пропускал ни одной премьеры в республиканском драматическом театре. Любил живопись и поэзию. “Его служебный кабинет ходил часто на картинную галерею, где на первом плане оказывались полотна местных художников на историко-патриотическую тему”¹³. Т. Абубакарова пишет:

“Безуспешность ординарных попыток совладать с обстановкой в постсоветском гражданском обществе становилась очевидной не только для недругов Дудаева, но и для его друзей, представленных в большинстве своем простыми, добропорядочными людьми. Эта часть общества потянулась к исламизации государства. Участились призывы заменить Конституцию Республики Кораном, а Дудаева – возвести в сан Имама. Какое-то время Дудаев не обращал внимания на такого рода веяния, но однажды – это было на последнем предвоенном съезде чеченских старейшин – высказал свое мнение. Оно было не в пользу нетерпеливых исламистов”.

Далее Абубакаров приводит выдержку из выступления Дудаева:

“Коран и Имамат – дела святые и негоже все толковать о них. Всему свое время. На свете немало мусульманских стран, но лишь единицы из них живут строго по шариату. К тому же не каждый чеченец мусульманин. Это мы с вами уже хорошо знаем. Корни ислама у нас сильно подорваны коммунистами, и восстановить их ни за час, ни за год невозможно. Я уважаю Вашу настойчивость, но считаю ее преждевременной. Если мы сегодня объявим жизнь по шариату, то завтра вы потребуете, чтобы я приступил рубить головы и руки грешникам, не думая о том, что послезавтра редкий участник этого съезда сохранит голову и руки. Вы к этому не готовы и я тоже. Давайте поэтому наводить порядок по Корану – в душах, по Конституции - в жизни”¹⁴.

З. Яндарбиев в своем обширном сочинении про “битву за свободу” также ничего не пишет о религиозной стороне событий в Чечне, кроме ритуальных упоминаний ислама. Взгляд одного из ведущих идеологов чеченской революции – это вузовские прописи о национально-освободительном движении и о социально-классовых закономерностях исторического процесса. Только в предисловии к книге, изданной в 1996 г. во Львове, появляются более категоричные отсылки к исламу:

“Подвиг чеченского народа и конкретных лиц, их героизм и беззаветная преданность Родине, идее независимости, готовность к самопожертвованию на пути священного газавата во имя Аллаха, надеюсь, будет предметом будущих книг и не только автора настоящей, а многих участников событий 1991–1995 годов”¹⁵.

Украинский редактор книги, журналистка Мария Базелюк уже однозначно представляет портрет чеченского лидера в исламском контексте:

“Немногочисленная чеченская элита, к которой принадлежит Зелимхан Яндарбиев, обладает замечательной способностью, обретая высокий интеллект и утонченный вкус в области изящных искусств, сохранять храбрость воина, гражданское мужество, и решительность в действиях, глубокую религиозность. Именно Коран освобождает человека от страха в борьбе за правое дело и от боязни смерти... Философия жизни и смерти по исламу во все времена способствовала тому, что ислам, будучи верой, стал одновременно и движущей национально-политической силой в освободительном движении поработенных народов”¹⁶.

Эта откровенная апологетика чеченского лидера украинским радикал-националистом не соответствует тому, что происходило в Чечне с религией в период конфликта. Обращение к исламу имело утилитарную цель как для властей, так и для служителей культа. Последние, представленные в основном старшим поколением, хотели получить больше власти через ислам и больше вознаграждений от осуществляемых перемен. Яндарбиев так описывает момент прихода Дудаева к власти и начало нового чеченского государственно-го строительства. По его словам, в политической сфере тогда царил хаос.

“Все бросились предлагать, советовать, требовать и диктовать, что нужно делать Президенту и Парламенту. Часть мехк-кхел прямо даже предъявила притязания на верховную власть. Делегация мехк-кхел с ультиматумом заявила на заседание Парламента. Попытки объяснить, что такое власть и общественная организация, Парламент и его место в иерархии государственной власти, были восприняты как оскорбление мехк-кхел и желание его игнорировать, использовав в период борьбы за власть. Демарши подобного характера предпринимались Адизовым и некоторыми его сподвижниками не раз и в последующем. Но справедливости ради необходимо подчеркнуть, что делалось это, в большинстве случаев, из-за чистых заблуждений, хотя пользовались этим люди далеко не заблуждающиеся, но

имеющие совсем далекие от идеи независимости, свободы и справедливости цели, а то и прямо противоположные. А мехк-кхел в своей основе и в основных действиях был защитником независимости, хотя своими действиями, часто похлеще анархистов, отрицал государство и прочие необходимые институты укрепления независимости. Но это была общенациональная наша беда¹⁷.

Что касается восприятия ситуации снизу, то я имею свидетельство 40-летнего архитектора из Грозного, бывшего коммуниста, затем активного участника общественных движений и, наконец, симпатизирующего движению ваххабитов.

«В этой войне религия используется в качестве идеологического оружия очень нечистоплотными людьми, которых, опять-таки, знает вся республика. Нельзя быть искренне верующим человеком и быть вне морали. К сожалению, среди духовников было очень много таких. Дудаев запугал сотрудничавшую еще при советской власти со спецслужбами часть духовенства и потом вил из них веревки. Он презрительно называл это духовенство “матросами революции”. Он сформировал из него совет страны – мехк кхел, который прославился тем, что члены его обрыскали все склады и сусеки, неистово обогащались взятками. В конце концов глава совета получил пулю в рот. Однако коррупция, продажность этой части духовенства даже возросли.

Ради справедливости надо отметить, однако, что как протест, как ответная реакция на проделки этого нечистоплотного духовенства возникло объединение “Джамаат” (“Согласие”), которое провозгласило своим принципом моральную чистоту, газават, возвращение к чистому, первоначальному исламу. К ним примыкают ваххабиты, которые отрицают народную религию – суфийский ислам. Но это движение только еще складывается. Я не знаю, к чему оно приведет. Но вот что интересно: казалось бы, нечистоплотность духовенства должна была вызвать религиозное смятение, смущение, а на самом деле обращение к исламу становится повсеместным» (Тимур Х.).

И все же, вопреки распространенному мнению о росте чеченской религиозности, где-то с 1992 г. теряется интерес к религии, который ранее проявился у населения, преимущественно среди молодежи. Произошло это, как выразился Рустам, прежде всего по причине деятельности “порочных дядей-мулл”:

«Была потеряна таинственность, непоколебимость и трепетность в отношении к религии. Ислам перестал быть притягательным. Зато появился новый курьез под названием ваххабиты. До этого о них никто и ничего не знал и даже слово такое не слышал. В чеченских городах и селах сначала воспринимали как “живой цирк” появление ваххабитов в непривычных одеждах, с бородами и длинными волосами. Интерес появился к ним после почти скандальной фразы, сказанной Дудаевым по поводу какой-то акции религиозных экстремистов: “Пусть сидят у себя дома и совершают положенные три намаза в день и не вмешиваются в политику”».

Первыми забили тревогу имамы мечетей – хранители ислама суфийского толка, которые в большинстве своем оставались в те-



Чеченцы совершают намаз (Фото Козырева)

ни и сторонились политики. До этого они действовали в местах проживания и ограничивались дежурными призывами о необходимости укрепления власти в республике. Деятели таррикатистского ислама вплоть до 1996 г. удавалось сдерживать религиозных экстремистов. Ваххабиты терпели поражение в идеологическом противостоянии с традиционным духовенством Чечни, и к 1996 г. о них почти забыли. Наоборот, тарикатный ислам заметно укрепился и стал на виду, хотя, кроме запрета на алкоголь, чеченское духовенство не стремилось радикально изменить светский образ жизни в республике. Его требования носили умеренный характер и были направлены на создание удобств желающим молиться в любом месте. В учреждениях и организациях стали открываться моленные комнаты. Однако по причине общей разрухи новые мечети фактически не строились.

Следует отметить, что массовое обращение к исламу в период войны стало проявлением одного из наиболее фундаментальных человеческих феноменов – эмоций, вызванных неординарными обстоятельствами, которые были неподконтрольны рядовому человеку. Очень многие рассказы чеченцев заканчиваются взыванием к богу, всевышнему, который – и только он – “разберется”, “накажет”, “поможет”, “воздаст должное” и т.п.

“Роль религии заметно усилилась, вера – единственное, что сохраняло людей. По логике вещей всё, что происходило не вписывалось ни в какие рамки. Люди повернулись к богу. Никогда не забуду, как в Шатое пятилетний ребенок просил у всевышнего пощадить всех” (Элина С.).

“Религия являлась единственной консолидирующей силой. Пост соблюдался очень ревностно, даже те, кто раньше не придерживались, стали соблюдать. Хоронить не всегда удавалось в день смерти, приходилось хоронить в других селах, так как путь на родовые кладбища оказывался очень опасным. Зикр на площади – чистая показуха. Слово зикр в переводе с арабского означает упоминание Аллаха. Мне кажется необязательно устраивать из этого спектакль” (Рамзан Дж.).

ПРИХОД ВАХХАБИЗМА

Распространение ваххабизма в Чечне началось с появлением в республике первых выпускников исламских университетов, а также через приезжих выходцев из арабских стран. Его опорной базой стал Дагестан – пограничная с Чечней территория, населенная в основном аккинцами, аварцами и даргинцами. Слабая до этого религиозность чеченского общества стала фактором в пользу распространения радикального (упрощенного, “чистого”) ислама в период войны и жестоких потрясений, когда люди готовы принять любые постулаты, сулящие обещания перемен и реальные деньги.

В такой форме ислам пришел в современную Чечню уже в ситуации, когда потребовались более мощные средства мобилизации, чем президентские указы, а страх, утраты и тяготы участия в вооруженных действиях требовали процедуры религиозной терапии. Исламские символы чеченских боевиков более четко отделяли врага от своих и расширяли круг внешней солидарности. Так появились зеленые головные повязки, возгласы “Аллах акбар!”, транслируемый с площади на протяжении всех лет войны танец зикр с белобородым стариком, исполнение боевиками намаза и религиозного танца перед видеокамерой. Ссылка на религию понадобилась для обеспечения солидарности, укрепления дисциплины, освящения вооруженного сопротивления и жертвенности в “священной войне во имя Аллаха”. Появились исламские обозначения отрядов чеченских боевиков: “Волки ислама”, “Воины ислама”, “Джихад”, “Джамаат”.

Чеченцы, не успев в должной мере вернуться к традиционному для них исламу суфийского толка, оказались под сильным внешним воздействием сторонников “чистого ислама”, который получил собирательное и жаргонное обозначение *ваххабизм*. Фундаменталистский прозелитизм был хорошо оплачен главным образом из саудовских источников и обращен прежде всего к молодому поколению. Именно этот воинственный вариант ислама оказался более всего притягателен для чеченских боевиков.

О доктринальном содержании чеченского (точнее северокавказского) ваххабизма судить довольно сложно. Никто из информантов не смог ответить на этот вопрос более или менее обстоятельно. Один из чеченцев передал мне номер газеты “Наша неделя” (де-

кабрь 1999 г.), которая, видимо, издается дагестанскими ваххабитами. Основываясь на ней и на некоторых других источниках, можно так изложить основные противоречия и претензии ваххабитов традиционному исламу суфийского толка:

“Суфисты говорят, что их шейхи-устазы (учителя-наставники) знают сокровенные тайны, но это противоречит Корану. Если перечислить все аяты из книги Аллаха, в которых он Сам говорит, что тайное ведомо только Ему и что Ему оно принадлежит, таких аятов очень много. Поэтому мы утверждаем, что тайного не знает никто, кроме самого Аллаха, а пророки могут знать только то, что сообщает им Аллах. Суфисты же утверждают, что их устазы знают все и даже у себя дома бояться шепнуть что-нибудь про них. Они якобы могут услышать про это, несмотря на расстояние и на язык, на котором слова будут сказаны. Это означает, что суфисты наделяют своих учителей-наставников качествами самого Аллаха.

Суфисты говорят, что между Аллахом и его рабами в роли посредника должен выступать шейх. Это утверждение они сделали одним из столпов своих тарикатско-суфистских идей. А мы говорим, что это не уместается в рамки ислама. Суфисты делают из шейха секретаря или привратника, утверждая, что обращенная к Аллаху через устаза (шейха) молитва доходит до Аллаха быстрее. То, что делается устазами, это похоже на христианство, где имеет место посредничество, индульгенция в прощении грехов и прочее.

Суфисты утверждают, что их устазы застрахованы от ошибок, что они не грешат и что ими управляет сам Аллах. Это не соответствует исламскому убеждению. Мы, джамаат (ваххабиты сами называют себя *салафийон* – идущие по пути предшественников, а своих единомышленников и свою общину – джамаат), говорим, что застрахованным от ошибок Аллах создал лишь одного пророка. Мы, джамаат, призываем всех людей не попадаться в капкан многобожников. Нам, членам джамаата, понятно стремление устазов к тому, чтобы как можно больше людей попало в их подчинение ради их личных земных благ. Если люди отвернутся от устазов, то устазы потеряют свои положение и авторитет, основанные на лжи. Боясь этого, они в лице джамаата изображают врагов и ведут с ними борьбу, называя нас ваххабитами.

Некоторые власти сотрудничают с суфистами и препятствуют выходу джамаата к широкой общественности через печать и другие средства массовой информации, ссылаясь на расхождения в понимании ислама. На самом деле это суфисты-тарикатисты действуют вне Корана и Хадиса (предания последователей – авторитетный источник исламского вероучения)”.

Ваххабиты предложили, казалось бы, диковатые и неприемлемые для жителей Чечни взгляды и нормы поведения: обязательные моления, арабская одежда, запрет на бритье лица, отказ от устазов и от чеченских адатов, пересмотр статуса женщин и поведения в обществе. Еще в 1996 г. как диковинку население воспринимало редкое их появление женщин с закрытым лицом. Это было немислимо для чеченских женщин, в большинстве своем образованных, работающих и достаточно эмансипированных. И все же послушаем голоса некоторых информантов:

“Уже в конце войны сошелся я с арабами. Мне понравился этот народ. Они говорили, что приехали, чтобы исправить нашу религию^{*}. Меня устраивало, что они упрощали молитву: сокращаются ракяты, меньше времени уходит на омовение, а после молитвы никого не надо поминать и просить о помощи и заступничестве. Арабы говорят, что бог, один и никто, кроме него, не поможет никому, ни живым, ни мертвым. А у чеченцев много разных святых. Чеченцы почитают предков и живых, и мертвых. И даже встают, когда приближается кто-нибудь старший по возрасту. Арабы говорили, что это не вытекает из религии. Мне все это нравилось, это меня устраивало, потому что человек я занятой. А время, как говорил один человек по телевизору, это деньги. Я все время в разъездах, в делах, в торговле. За то, что я принимаю новую веру, чистую веру, арабы давали мне деньги, как подарок. А потом сказали, что если я приведу новых двух людей в нашу религию, то дадут по 5 тыс. баксов за каждого человека. Я привел своих родственников с Дагу-Барзоя. Им дали по тысяче, а я заработал 10 тыс. баксов” (Рамзан Б.).*

“Моя сестра стала заправской мусульманкой: оделась в исламскую форму, а потом вступила в женский батальон. К нам стали приезжать арабы^{*}. Они нам открыли глаза. Оказывается, нашу религию засорили муллы. Арабы говорили, что все мусульмане едины независимо от нации. Что нации вообще не надо различать. Мусульманин в любой стране должен себя вести так, как это была бы его родина. Арабы учили нас, что не надо почитать предков, что это бесполезно. Что ушедшие предки и даже сам Пайхамар (пророк) ничем не могут помочь другим людям ни на этом, ни на том свете. Раньше и в религии делались различия. Большинство чеченцев придерживались учения Кунта Хаджи**^{*}. Другие приверженцами Накибандия. Арабы говорили, что все это неправильно. Мне это тоже было не по душе. Они вели среди нас пропаганду, и кто переходил на их сторону, получал даже деньги. По примеру арабов мы все отпустили бороды. И мы действительно все стали равными.*

Мне нравилось, что арабы хотели воевать, пока не освободят весь мир от гяуров. Из-за этого некоторые спорили. Но арабы говорили, что

* Чеченский кросс-рецензент: “Только услышав эти слова насчет очищения религии в Чечне, ваххабитов очень часто верующие изгоняли из мечетей, не желая больше слушать их разговоры” (Рустам Калиев).

* Чеченский кросс-рецензент: “Здесь явный отход от чеченских адатов, которые запрещают категорически женщине заниматься мужским делом. Поэтому женский батальон был самым неприличным местом в современной Чечне! А то, что к ним в семью стали приходить арабы, наводит на мысль, что братья и отец этой женщины были настолько ничтожными и неуважаемыми людьми среди знакомых и близких, что им было безразлично мнение о чести женщины в их семье. Иначе сложно объяснить подобное поведение” (Рустам Калиев).

** Кунта Хаджи – один из самых известных устазов. Устазы у вайнахов – святые люди, обладавшие исключительными (но не сверхъестественными) качествами. Они были миссионерами, распространителями ислама среди чеченцев и ингушей. В благодарение их упоминают в молитвах, во время исполнения зикра или в молитвенных песнях (мовлид). Кстати, ислам суфийского толка подразумевает совершение дополнительного числа молитв, помимо требуемого от мусульманина минимума. Этим он сложен и неудобен для ваххабитов.

газават должен продолжаться до тех пор, пока все христиане не перейдут в ислам. Это большой газават. Малый газават – это когда мы победили гяуров. Большой газават – это когда умы всех мусульман повернутся в сторону учения Абд-Аль-Вахаба. Тогда исламские страны станут одной родиной всех мусульман.

Потом наш великий Бятччи (предводитель), посланный нам с неба, погиб в бою. И мы все его оплакивали. Моя мать даже заболела и вскоре умерла. Но все равно наше дело победит. Потому что нас научили истинной вере. Сначала нас называли ваххабитами. Потом сказали, что правильнее будет назвать джамаатом. Но, по-моему, от перемены слов ничего не меняется. Мы будем воевать против всех неверных, как говорил Джохар Дудаев” (Шамиль А.).

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

С окончания войны в августе 1996 г. идею исламизации общества и государства стали разделять все религиозные течения и направления. На предприятиях, в учебных заведениях были открыты молебные комнаты, стали вывешиваться религиозные лозунги. Вместе с шариатскими судами стали действовать подразделения шариатского наказания. Духовное управление (муфтият) лояльно относилось к существующей власти. В свою очередь власть в Чечне старалась теперь опираться на духовенство. Наблюдалась состязательность сторонников традиционного шариата и ваххабизма за навязывание государственным учреждениям, образованию, общественно-бытовой жизни норм и ценностей ислама.

Для послевоенного периода характерна большая определенность в отношении к исламу, который стал официальной религией новой власти. Правительство Масхадова воспринимало ваххабизм отрицательно, но реально противостоять ему было не в силах. В январе 1998 г. после избрания Масхадова президентом Чечни последовали демонстративные казни по приговору шариатского суда. Религиозная атрибутика стала повсеместной, в том числе и в государственных учреждениях. Отныне в школах изучался Коран. Были введены некоторые исламские нормы семейно-бытовых отношений, правового урегулирования, а также одежда. Бывший советский офицер Масхадов в январе 1999 г. объявил шариатский закон основой порядка в Чечне. Миссионеры из Саудовской Аравии и других стран повели настойчивую пропаганду фундаменталистского ислама. На это в разоренной Чечне расходовались большие деньги.

Все вводимые новшества, скорее чисто внешнего свойства, внедрялись под дулами автоматов. В принципе такие воленавязывания мало чем отличались от антирелигиозной деятельности предшествующих десятилетий. Приведем несколько высказываний, которые дают дополнительную информацию. Особенно поразителен рассказ молодого чеченца – последовательного ваххабита. В нем есть все:

убежденность в правильности выбранного пути и готовность пройти его до конца (победа мусульман во всем мире), цинизм бедного человека при выборе религиозного пути как формы молодежной группировки, абсолютно новый для Чечни конфликт отцов и детей по поводу исламского канона, увлеченность новыми чертами “исламской чистоты”.

«Учителя говорят, что наша религия самая правильная в мире. И что все народы примут ее рано или поздно. Я между прочим заставил принять ислам двух русских ребят. Сейчас они живут в России. Когда я видел пленных, то договаривался с командиром, конечно, за благодарность, чтобы он разрешил мне обратиться желающих в ислам. За тех двоих мне отвалили приличный куш. Теперь они у себя дома распространяют нашу веру. Вот так.

...Отец мой был мюридом-кунтахаджинцем, и раз или два в году у нас устраивали зикры в доме. Народу приходило уйма. На это изводилось много скотины, чтобы угостить братьев-мюридов. Люди после зикра спускают много пота и много едят мяса. При нашей тогдашней бедности это было непозволительно. Я сказал отцу, что не намерен тратить свои деньги на такие сборища. Отец некоторое время сопротивлялся, а потом согласился. За это мои новые друзья подарили ему новую “шестерку”. Но я получил “джип”. Арабы думали, что после этого многие последуют нашему примеру. И действительно, некоторые отошли от зикристов. Им тоже дали деньги. Правда, машины они не получили. Разве на всех напасешься машин. Но им обещали бесплатный хадж в следующем году.

Конечно, не все хорошо к нам относились. Да и сейчас многие нас ненавидят. Они понимают, что теперь пришло наше время, теперь мы наверху, теперь мы верховодим. “Цхъа де берзяхъ а цалъятта” – “Не каждый день и волку сытым быть” (аналог русской поговорки “Не все коту масленица”. – В.Т.). Не доволен нами и мулла. Он слывет ученым, алимом. Пока село за ним идет. А то мы давно его сковырнули бы. Ну и что из того, что он ученый? Наши учителя говорили, что много науки ни к чему. Это только запутывает. Мне и так все ясно. Наше дело – поступать так, как говорят наши учителя. Все равно верх будет наш. Вон урус-мартановцы все годы были против Дудаева, посадили префектом нашего человека, он нам отвел здание. И мы без единого выстрела заняли это большое село. Правда, они наших там убивают потихоньку. Но и мы не остаемся в долгу. Там у каждого третьего ваххабита или иномарка, или “шестерка”. Народ-то видит, что дает новая религия. Со временем все будут богатые. Так наши учителя говорят. Наша семья живет теперь по новым законам. Женщины носят арабскую форму. Мужчины тоже следуют форме. Требование нашей чистой религии. Лица мусульманина (чистого) не должна касаться бритва. Вон у моего брата борода жидкая, всего три волосинки, но он ее не бреет. Потом мы носим рубахи навыпуск поверх брюк, чтобы срамные места прикрывать. Брюки мы закатываем или заправляем в носки, ибо у мусульманина брюки (одежда) не должны быть ниже щиколотки. В противном случае одежда не может считаться чистой для намаза.

Ты называешь нас ваххабитами. Я тоже чуть было так не выразился. Но теперь наши учителя говорят, что мы джамаатовцы. Во-первых,

мы исповедуем самую чистую религию. А во-вторых, мы выступаем как объединенные братья не только против неверных, но и против заблудших мусульман. С нами сейчас большинство командиров. Удугов, хотя он и не был командиром. Мы сначала завоюем Кавказ, начиная с Дагестана, а потом и весь мир.

Нам, конечно, не легко. У некоторых наших джамаатовцев родители препятствуют детям идти по истинному пути мусульманина. Когда мой друг Бейбулат заявил отцу, чтобы он больше не ходил на зикр, отец не послушался. И пошел-таки на четверговый зикр. Когда он вернулся, Бейбулат не встал при его входе в дом. Был большой скандал. Бейбулат сказал отцу, что не может больше жить под одной крышей с отступником. И той же ночью ушел из дома. Мы все, его братья по вере, купили ему дом в Грозном, а будет жениться, купим всю обстановку и машину. Хотя у Бейбулата есть свои деньги, но у нас заведено такое правило – помогать друг другу в этих условиях неприятия окружающими» (Рамзан Б.).

НОВЫЙ РАСКОЛ

Каковы были возможности утверждения в Чечне “джамаатовцев” до начала второй войны – сказать довольно трудно. Среди информантов есть Тимур, 40-летний архитектор из Грозного. Не воевал, зато участвовал в разных политических движениях. Тимур приверженец накшбандийского тариката в суффизме, но после 1996 г. симпатизирует и ваххабитам. То, что ваххабизм против суффизма, его мало смущает. Он считает, что ваххабиты против крайностей суффизма. Однако порвать с суффизмом, действительно народной религией чеченцев, он не решается скорее всего из-за опасения перед осуждением близких и окружающих. *“Ваххабиты правы, – считает Тимур, – когда выступают против превращения глав суфийских братств в идолов. Чистый ислам – это единственный выход из создавшейся ситуации”.*

Гораздо свободнее и циничнее в своем поведении в отношении религии оказываются молодые люди.

“Те, кто симпатизирует или вливается в ряды ваххабитов, на 80% ребята из неблагополучных семей, где приверженность чеченским адатам слабая или совсем отсутствует. Часто эта категория людей даже не знает чеченского языка, либо знает его плохо. У них практически нет родственников, или родственные связи не поддерживаются. Ислам они изучают по переводам 2-жи Крачковской и других, т.е. по русским переводам. Наконец, основной стимул их веры – это валюта, которая выплачивается им регулярно. Это настолько известный факт, что они его даже и не скрывают” (Рустам Калиев).

Таким образом, мир чеченских религиозных верований и институтов, не успев возродиться в период постсоветской либерализации, оказался разорван войной и внешним воздействием.

Этот разрыв прошел через сознание и эмоции людей и отразился в сильнейшем конфликте поколений, в несостоятельной практике общественного управления, в оправдании насилия и терроризма. Если в довоенное время разделение чеченцев по религиозному вопросу было на уровне атеистических лекций в сельских клубах и в вузовских аудиториях, а также в форме скрытого недовольства отцов по поводу атеизма их сынов, то война принесла жестокий раскол. Лидера тарикатного ислама Адизова сторонники “чистого ислама” обыденно застрелили в собственном доме без какой-либо реакции со стороны властей и рядовых чеченцев. В Чечне известно много случаев, когда семьи изгоняли из дома молодых людей – “носителей вируса ваххабизма”, если уже не помогали никакие увещевания. Был даже случай в селе Алдых, когда отец застрелил сына за то, что тот не только сам не отошел от ваххабизма, но и начал терроризировать свою мать, пытаясь навязать ей “чистую религию”. Односельчане дружно поддерживали отца, который сказал членам общины следующее: “Мой сын умер в день, когда связался с этим отродьем. Он был уже жестокий и опасный для всех чужой человек”.

Современные простые чеченцы пребывают в смятении и в отчаянии, которые закрывают путь для креативного действия и рационального выбора. Они позволяют осуществиться любому из вариантов, который может навязать вооруженная и эмоционально более мобилизованная общественная группа. Люди согласны на все, “лишь бы было лучше”, но они не готовы обсуждать предлагаемые или возможные сценарии, а тем более сами искать путь для достижения, по их мнению, наилучшего или согласованного выхода из создавшегося положения. Кстати, одним из них, по крайней мере до осени 1999 г., мог быть не только радикальный ваххабизм, аналогичный течению талибан, но и отторжение религии вообще. Прислушаемся еще к двум голосам.

“Ваххабизм – это тоже игра, это политический спектакль... У ваххабистов есть и хорошие черты – сплоченность, прежде всего уважение друг к другу и у них есть деньги. Люди уже говорят, пусть даже они придут. Может, хоть тогда жизнь наладится, дети будут учиться. Мы бы хотели средний достаток в среднем 100 долларов в месяц на семью на самое необходимое. Это уже превратилось в мечту. О роскоши мечтать не приходится. О себе даже не думаешь, никакого самообразования, мы все оуптели. У нас регресс, народ откинут на 50 лет. Сложно сказать, чем все закончится” (Хава).*

* Замечание чеченского кросс-рецензента: «Это единичное мнение, у которого весьма мизерное число сторонников. Мне гораздо чаще встречались люди, которые утверждали: “Лучше русификация общества, чем арабизация с компонентами ваххабизма”. Разумеется, даже за деньги ваххабиты не могут получить массовой поддержки в Чечне. Исповедуемые ваххабитами идеи, их правила жизни просто неприемлемы для чеченцев. Это невозможно привить» (Джабраил Гакаев).

*“Теперь вот о религии. Я ее всю жизнь уважал и как человек небезгрешный, считал, что я еще не достоин по-настоящему начать служить Богу. А теперь, как посмотрю, что сотворили эти сволочи из религии, я думаю, нет, я не умножу ряды этих сатанистов. Они уже отвадили или отваживают от религии многих и многих**”. Отнимают то святое и чистое, что оставалось еще у народа” (Иса М.).*

Здесь, на мой взгляд, отражено именно то самое состояние аномии и демодерна, когда основная масса общества не в силах влиять на правящую вооруженную секту даже в вопросах веры, а сами правители не могли договориться, поэтому и пользовались религией как одним из инструментов властного управления и внутригрупповой борьбы. Так, например, в 1998 г. в Чечне было заметно напряжение в городах и в селах. Многие открыто высказывали мнение о необходимости ликвидировать ваххабитов на территории Чеченской республики. Население не хотело больше мириться с их агрессивностью. Правительство Масхадова тогда сделало попытку выдворить ваххабитов из Чечни. Правительственный отряд С. Ямадаева нанес удар по ним в Гудермесе. Некоторые ваххабистские группы были разгромлены. Однако от полного уничтожения их в значительной степени спасла поддержка масхадовского вице-президента Вахи Арсанова.

Новая активность ваххабитов проявилась после ухода Шамиля Басаева в оппозицию Аслану Масхадову. Басаев сделал ставку на ваххабитов, чтобы подготовить и осуществить новые вооруженные акции по распространению сепаратизма на Северном Кавказе. К оплоту ваххабизма – Урус-Мартановскому району добавился горный Веденский район, где началась идеологическая и военная подготовка молодежи из Чечни и Дагестана. Не все однозначно и в шариатском государстве, которое провозгласил президент Масхадов в начале 1999 г. По поводу этой формы правления прозвучали одобрительные комментарии чеченских отставных политиков-экспертов, которые регулярно выступали на российском телеканале НТВ. В то же время ни один из московских чеченцев, кого я лично знаю, не был готов прожить и одного дня по шариатским правилам. Да и в самой Чечне уже на следующий день после объявления шариатского правления родился короткий анекдот: “Как узнать чеченца? Чеченец – это тот, кто ходит без руки”. Юмор заключается в том, что вводимый шариатский закон предполагает отрубание руки за воровство.

“А что ты думаешь о религии?”, – спросил я Ахьяда. На что услышал, может быть, самый поразительный ответ:

«Моя вера простая. Надо пять раз руки мыть и ноги тоже, чтобы быть всегда чистым. Говорят Шамиля какой-то русский генерал спросил, за что он воюет, а он позвал своего воина и приказал снять сапог. У че-

** Тот же рецензент: “Это самое распространенное мнение в сегодняшней Чечне”.

ченца ноги были чистые и ногти все подстрижены. “А теперь давай твоего”. А у того портянки черные и ноги все гнилые и пахнут. Вот теперь понятно, за что мы воюем? И сейчас у русских солдат по три дня руки были немые».

Говорил это Ахъяд, аккуратно вытирая полотенцем журнальный стол от остатков еды. В гостиничный номер, где состоялась первая с ним беседа, принесли выстиранную и поглаженную рубашку. На наши встречи он всегда приходил аккуратно одетым и в начищенных ботинках. “Зачем вы такси брали от метро? Здесь всего 300 метров”, – спросил я. “Сегодня на улице плохо, и нам обувь не позволяет”, – ответил Ахъяд.

Новый цикл насилия в Чечне с конца лета 1999 г. и появившиеся в этот период публикации на тему о ней заставили меня задуматься над более фундаментальными вопросами: что есть религиозный фактор в жизни постсоветских этнических общностей и государств и что есть религия в конфликте? Я не сторонник цивилизационной объяснительной схемы, ибо считаю ее столь же пустой и идеологизированной, как и концепт исторических обществственно-экономических формаций. Однако на уровне культурно-ценностно-ориентаций (кстати, исторически очень подвижных, чего не признает цивилизационный подход) мой взгляд на чеченцев расходится с рецидивом колониальной этнографии, которая создала из чеченцев образ носителей исламской цивилизации в симбиозе с архаическими структурами военной демократии.

Равно как и другие народы бывшего СССР и Российской империи, чеченцы представляют собой европейский народ по своим базовым ценностям, ориентациям и образованию. Как и у других европейских народов роль религии в их жизни и культуре является сниженной, более того, как и для большинства бывших советских людей – фактически минимальной.

Конфликт и война усилили роль религиозного фактора во всех его проявлениях (от бытового до политико-государственного и даже международного), но никак не сделали чеченцев “мусульманским народом”, представителями некой исламской или восточной, а тем более мифической “кавказской” цивилизации.

Ниже приводится диалог двух чеченских интеллектуалов, состоявшийся летом 1999 г. в Шатое:

– Ну, вот смотри, наш возраст, наше поколение, мы воспитывались, сформировались в годы советской власти уже после депортации. Я считаю, наше поколение было самое образованное из всех поколений чеченцев. Это был пик. Наша деятельность, наша учеба приходилась на 60-80-е годы. И нас было много в количественном отношении. Как мне кажется, мы не уступали старшему поколению: скажем, тем же Хасбулатовым, Яндаровым, Алироевым. По-моему, в интеллектуальном отношении мы не отставали.

– На мой взгляд, действительно не отставали. Мы же вместе работали, сталкивались по всем этим вопросам.



В разрушенной православной церкви Грозного (Фото Варникиса)

– Я считаю, что полученное нами образование хорошее. Но вот сегодня традиционному образованию, которое мы получили, навязывается альтернатива. Эта альтернатива связана с какими-то восточными образовательными и культурными ценностями, с арабо-мусульманскими ценностями. Что нам лучше? Все-таки я считаю, что чеченцы и вообще кавказцы – другая цивилизация, чем арабо-бедуинская или западная цивилизация.

– Что ни говори, на сегодня – это так. У нас по радио и музыка русская и иностранная, и песни, и рассказы, да и одежда – европейские. На мой взгляд, даже мышление направлено на Европу. Принудительное насаждение ислама, традиции ислама, в смысле формы одежды, обучения, нам не подходит по духу, по своим обычаям.

– То есть наша этническая культура все-таки отличается; она другая, чем арабская культура.

– Собственно, чем даже восточная.

– Ну вот сегодня наши духовные фигуры требуют, чтобы женщина одевалась как мусульманка. В шариате действительно есть норма, какую одежду должна носить женщина. Предлагают теперь всем женщинам такую одежду надевать. А наши женщины этого не делают. Это что, такой протест что ли? Как это понять?

– Года два-три тому назад часто можно было увидеть женщин, укутанных в платки, черные длинные платья. Я что-то их не вижу сейчас. Если вижу, то очень редко. Чем больше давят на форму женской одежды, тем больше ее и отрицают. Ну наденем паранджу, закроем лицо, а кто будет на базаре стоять? Работать нашим мужчинам негде.

Этот диалог мне представляется очень важным для понимания ситуации в Чечне, а самое главное – он не закончен. Возможен любой исход подобного “столкновения цивилизаций”, но в любом случае он есть больше внутренний выбор и воленавязывание верхушечных элементов. Эти предписания могут опуститься на низовой уровень, но тогда они обретут свое собственное содержание и свой новый смысл, отличный от этнографических и мифомедийных трактовок. Скорее всего в духовно-религиозном плане Чечня вернется к симбиозу традиционной светскости и более открытого отправления гуманистического ислама, как это уже происходит в других российских республиках, например, в Татарстане или Башкирии. Большой узурпации в отношении собственного общества чеченцы не позволят, особенно если перестанут видеть перед собой дуло автомата и намеренные денежные подачки за служение “истинной вере”. Не закрылись двери в Чечне и для русской православной церкви, которая больше всего пострадала в чеченском конфликте.

¹ См.: Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 125–150.

² См.: Умаров С.Ц. Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985; Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1999. № 127.

³ См.: Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения: (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70-е гг. XIX в.). Алма-Ата, 1975; Bennigsen A., Wimbush E. Mystics and Commissars, Sufism in the Soviet Union. L., 1985; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. L., 1994; M.-B. Broxup, ed. The North Caucasus Barrier: the Russian Advance Towards The Muslim World. L., 1992.

⁴ Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: Жизнь и учение. Грозный, 1994. Подробнее о Чечне в период революции 1917 г. и гражданской войны см.: Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М., 1997. С. 51–76.

⁵ Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998. С. 108.

⁶ Боков Х. “Добро и зло обычая” // Наука и религия, 1976, № 8. С. 5.

⁷ Проблемы интернациональной обрядности, обычаев и традиций в национальных отношениях развитого социализма // Коммунист. 1980. № 3.

⁸ О религии и церкви в СССР см.: Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 2000.

⁹ Об адатах среди чеченцев см.: Мамакаев М. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973.

¹⁰ Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996. С. 99.

Глава XII

ВОЙНА КАК ТОТАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Я завидовала мертвым. Но не хотела умирать.
(Зарета).

Теперь вот мне стало плохо. Война потеряла
смысл в моих глазах.
Грязное это дело – война. И рыщут по ней ша-
калы, дожидаясь своего часа.
(Махди).

ТЕОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ НАСИЛИЯ

В отечественной публицистике существует целый мир высказываний и наблюдений по поводу насилия как некоего демиурга российской истории. Этот литературно-метафорический фон мало полезен для научного анализа. Работы по конфликтам на территории бывшего СССР также не затрагивают их социально-культурную природу. В то же время Чечня перегружена крайними формами насилия и поэтому представляет собой интересное, но опасное поле для исследования этнографии войны. Как уже отмечалось выше, с социально-политической точки зрения чеченский конфликт – это конфликт группы против государства, а не между представителями двух этнических общностей или двух государственных образований. Если быть еще точнее, то он начался и сохраняется и как конфликт внутричеченский. Выход части населения этой этнотерриториальной автономии из правового пространства России был осуществлен в форме вооруженного мятежа сторонников радикального сепаратизма. Со временем конфликт обрел собственную инерцию уже под воздействием внутренних и внешних факторов, среди которых не последними стали динамика разорванного насилием общества и новые внешние геополитические соперничества вокруг Северного Кавказа.

Прямое насилие в отношении населения Чечни со стороны пришедшего к власти сепаратистского режима оказалось одной из особенностей с самого начала так называемой национальной революции. Противоречия между разными группами населения Чечни и словесные формы поведения в собственной среде, стали отличительной

стороной конфликта. Со временем организованная война в форме партизанских действий и террористические акты превратились в единственную форму борьбы чеченских боевиков и политического руководства мятежной республики, в том числе и после окончания первой войны. Именно невозможность и неспособность остановить насилие и вернуть общество хотя бы к умеренно жестким формам регулирования социального поведения стало главным поражением чеченских лидеров уже после того, как война казалось бы закончилась победой инсургентов в 1996 г.

Особенность конфликта состояла также в том, что федеральная власть, точнее, президент и его окружение, без должной правовой основы и подготовки приняли решение и осуществили крупномасштабные действия вооруженных сил страны на территории региона вооруженного сепаратизма. Почему это было сделано и как сформировалась морально-политическая установка на сверхжесткое поведение российских войск на территории собственной страны? Наиболее реальными представляются версии двух известных политиков того времени. Обе они отмечают политический и психологический контексты, а также вершущие манипуляции, что особенно важно для понимания мотивов обращения к насилию.

Геннадий Бурбулис считает, что Б.Н. Ельцин пришел к мысли о начале войны в Чечне под влиянием “силовиков” Степашина, Грачева, Егорова и Лобова. Названная четверка до этого осуществляла в течение 1993 г. акцию по так называемому мирному решению чеченской проблемы через культивирование внутричеченской оппозиции. Было задействовано много средств – денежных, материальных и человеческих. Президенту внушили надежду на то, что эта оппозиция в нужный срок произведет смену политической власти на территории Чечни и Дудаев будет нейтрализован. Когда 20 ноября она потерпела крах, нужно было немедленно искать способ уйти от ответственности, и оказалось, что единственный способ – предложить авантюрный план блицкрига. “Для этой четверки психологически это была единственная возможность уйти от ответственности и переложить ее на президента, поскольку в рамках закона возможность таких действий полностью связана с его личным решением”. Почему Борис Николаевич согласился? К концу 1994 г. он оказался в дискомфортной ситуации, потеряв всякую социальную базу, опору на политические структуры и поддержку народа. Но за психологией стояли и реальные интересы: часть ВПК, бюрократии и собственников. Был прицел на выборы. Чечня “в последние три года превратилась в уникальный полигон, где удовлетворяли свои интересы многие и многие структуры, корпоративные объединения, в том числе и из состава высших органов российской власти”¹.

Вот какую оценку случившемуся дал депутат Государственной Думы Сергей Юшенков на заседании круглого стола в Институте экономических проблем переходного периода в Москве:



Руины центра Грозного (Фото Веленгура)

«Честно говоря, я долго думал, есть ли действительно какие-то интересы, может быть, какая-то группа лиц заинтересована в войне? Но нет этого интереса. Есть только глупость. Этот интерес есть только у ближайшего окружения Ельцина. Лобов в телефонном разговоре, когда я возмутился указом президента о том, что в Чечне введут чрезвычайное положение, мне цинично сказал: “А это собственно не имеет значения. Нам сейчас нужна маленькая победоносная война, как в Гаити. Нужно повысить рейтинг президента. Вот весь интерес. Больше другого интереса нет”. Стало ясно, что Ельцина не изберут больше президентом, а куда деваться всем тем, кто сейчас щедро кормится с барского стола? Конечно, нужно было сделать все, ввести страну в штопор, ввести режим полицейского государства, отменить все выборы и так далее»².

“Маленькая победоносная война” привела не к ликвидации внутреннего мятежа, а к развитию конфликта в масштабную и разрушительную войну. Ключевую роль в грандиозной эскалации насилия сыграло не только сопротивление чеченских сепаратистов, но и жестокое поведение армии и внутренних войск в отношении как гражданского населения, так и вооруженных групп в Чечне в отношении федеральных военнослужащих.

После достижения в августе 1996 г. перемирия между чеченскими формированиями и федеральной властью конфликт был заморожен, но насилие в Чечне и по ее периметру продолжалось. Осенью 1999 г. федеральная власть возобновила военные действия в Чечне, усматривая единственное в них средство ликвидировать мятеж и источник дестабилизации в регионе и в стране в целом. И эта антитер-

рористическая операция вылилась в затяжную военную кампанию и к началу 2001 г. принесла более 2 тыс. убитых и свыше 7 тыс. раненых федеральных военнослужащих, не говоря о потерях среди чеченского населения и новых разрушениях.

Тотальное насилие в отношении людей с использованием самых различных видов оружия и форм боевых действий в рамках одного государства оказалось само по себе феноменом, который до сих пор плохо объяснен специалистами. Как стала возможной столь саморазрушительная для российского общества и государства внутренняя война? Этот вопрос остается неясным для исследователей и для вовлеченных в конфликт действующих сил, если не брать в расчет пропагандистские версии. Есть ряд фундаментальных моментов, связанных с характером государственных институтов, правовой и политической культурой, ментальностью и историческим наследием российского народа. Без анализа этих вопросов сложно понять причины, характер, воздействие и восприятие насилия, которое сопровождает войну и более того – составляет ее суть.

В данной главе рассматривается исключительно жестокий характер чеченской войны, то, что я называю *тотальным насилием*, а также сама культурная основа подобного насилия. Я не разделяю тезис о природной жестокости чеченцев и о низкой цене человеческой жизни, которые якобы характерны для представителей этой этнической общности. Не менее абсурдными и политически заангажированными выглядят созданные литераторами и журналистами образы чеченцев как доблестных и благородных воинов. В равной мере неприемлем тезис о запрограммированной жестокости российских солдат, а тем более этнических русских, составлявших большинство воюющих в Чечне военнослужащих. Но тогда какова антропологическая (социально-культурная) природа насилия, проявившаяся в этом конфликте и в чеченском обществе в целом? А самое главное – что происходит с обществом и индивидом в ситуации тотального насилия?

Сам по себе феномен насилия не есть антропологическая аномалия. Природа насилия и обусловленность его в человеческом обществе – предмет многочисленных и обстоятельных изысканий³. Тем не менее в чеченском конфликте можно выделить проблему тотального насилия, отличающегося непринципиальностью (смутностью) образа врага, т.е. объекта насилия, и особой жестокостью, которую демонстрируют субъекты насилия. Именно эта характеристика соотносится с феноменом *демодернизации*, когда утрачивается известная или принятая “норма насилия”, а состояние общества характеризуется понятием хаос.

Как известно, нормативное насилие может составлять элемент традиционной социальной структуры, когда в среднемодернизированных обществах могут сохраняться существовавшие в прошлом нормы ведения войны и нормы мира⁴. Современное нормативное

(легитимное) насилие устанавливается государством и правом, в том числе и международным. Оно включает нормы ведения войны и поведения комбатантов в условиях вооруженных действий. Однако мне не известны случаи, чтобы эти нормы соблюдались в ходе вооруженных конфликтов последнего десятилетия, особенно если конфликты носили внутренний характер. Андрей Каменьщиков, один из первых энтузиастов-миротворцев и создатель российского отделения неправительственной организации “Международное ненасилие”, пожаловался мне:

“Я первые несколько недель таскал из Москвы в Чечню полные рюкзаки литературы по вопросам гуманитарных норм ведения войны и миротворчества, раздавал это солдатам и чеченцам, но потом понял, что все это абсолютно напрасно: никто ничего не хотел слушать или читать, а тем более следовать каким-то нормам. Я даже пережил какой-то внутренний кризис от всей этой беспомощности повлиять на ситуацию. Сам себе казался наивным чудачком, а уж воюющим - это наверняка. Что за дурачок здесь крутится? Может быть шпионит? И я решил отойти от этого всеобщего безумия”.

Подобные настроения встречаются достаточно часто у людей, включая политиков и экспертов, которые сталкиваются с войной, а тем более оказываются ее жертвами. “Они там все сошли с ума в Югославии и превратились в варваров”, “конфликт пробудил самые древние и животные инстинкты”, – так высказывались многие по поводу очередных вооруженных конфликтов и войн последних лет. “Посмотрите, господин министр, как грузины все дружно сошли с ума”, – говорил мне сопровождавший меня на встречу с Эдуардом Шеварднадзе, когда машина проезжала по разбитому в результате гражданского конфликта проспекту Шота Руставели в Тбилиси в 1992 г. В отношении Чечни чаще всего можно было услышать такие мнения: война там перестала быть частью политического конфликта, и все свелось к нечеловеческому состоянию за пределами нормальной социальной жизни; это ирреальный мир, в котором воюющие между собой имеют только одну цель – убивать.

При всей распространенности подобных взглядов мы, тем не менее, имеем дело с самой настоящей человеческой реальностью, в которой есть как жертвы насилия и войны, так и их исполнители. Последние сами часто пребывают в плену спирали насилия, которую они же и породили, но которую уже не в силах контролировать. Насилие становится смыслом и повседневной рутинной, а не средством или посланием, как это трактует классическая теория насилия⁵. Как пишут авторы одной из книг, посвященных проблемам изучения насилия, “насилие может быть не функциональным и, конечно, нетерпимым, но оно не пребывает за пределами человеческого общества и того, что мы определяем как человеческое”⁶. Насилие и война не есть внекультурные формы человеческого поведения. Подобно альтруизму или творчеству, насилие культурно конструируется. Это

своего рода потенция, которая реализуется людьми в особых условиях, и только в таком контексте может быть понят этот феномен. Как заметила Маргарет Мид, война – это “всего лишь изобретение, а не биологическая необходимость”⁷.

Однако если насилие и война есть почти неотъемлемая часть человеческой культуры, то тогда как их соединить с современной моральной и правовой нелегитимностью насилия в форме убийства людей? И как проникнуть в самую суть жизни в условиях насилия, когда каждый конфликт и война – это неповторимый в своих конфигурациях кризис общества и неповторимые реакции и действия людей, подвергшихся насилию или исполняющих его? Как отмечается в выше цитируемом коллективном труде, “насилие имеет конфузующий и неубедительный характер, а войны являются символами экстремальных ситуаций, в которых могут оказаться экзистенциально дезориентированные люди. Такого рода угрожающее жизни насилие демонстрирует как паралич, так и креативность людей, имеющих дело с принуждением, к которому мало кто оказывается подготовленным”⁸.

Что для меня оказалось наиболее поразительным в изучении этнографии чеченской войны, так это действительно сочетание социального паралича в условиях действия неконтролируемых сил и факторов (когда “самолеты регулярно налетают как рейсовые автобусы”) и удивительных по своей новизне и адаптивности человеческих действий в условиях, когда повседневность войны порождает бесконечный поток тревог и озабоченностей (что поест, куда бежать, откуда ждать нападения или когда нападать и куда стрелять?). Отличие войны и любой другой формы насилия от мирной жизни – это неожиданность вызова, на который необходимо находить мгновенный ответ. При этом существует крайне мало каких-либо уже выработанных социальных предписаний как совладать и как выжить в ситуациях насилия. Обычный человек не готов к войне в смысле реакции на прямые и неожиданные угрозы его жизни. И это одно из моих самых простых, но, как представляется, важных открытий.

Другим поразительным откровением при изучении чеченской войны стала трудно уловимая, но реально существующая связь между миром смерти и миром жизни, когда феномен насилия бесспорно демонстрирует свою принадлежность к сфере жизненных проявлений. Чем принципиально отличается мой подход и мой интерес от многочисленных регистраций насилия и смерти, которые были осуществлены авторами разных докладов или историй этой жестокой войны? Я попытался концептуализировать войну не только как смерть или преступление, а как одну из форм жизни в ее крайне противоречивых и драматичных проявлениях. Бомбежки, обстрелы, бой, пытки и казнь, страх и слезы неотделимы от бесконечного разнообразия других человеческих проявлений в том же самом процес-

се, который называется конфликт или война: мир, победы, радость, песни, юмор, слухи, скука, фольклор времен войны и многое другое. Я старался разглядеть в войне не только смерть и разрушение, но и неповторимую по своему рецепту культуру выживания, которая вобрала в себя многие элементы экономики, психологии и политики, мобилизованные социально-культурные институты и ежедневные новации.

Война – это не только окопы и поле боя. Это – страх сидящих в подвале не успеть набрать питьевой воды. Это – ужас матери, когда ее сын-подросток исчез из дома и неизвестно, где он, или когда дочь оказалась в поле зрения солдат. Это – бесконечные истории о войне, где вымысел и правда неразличимы, и еще многое другое. Чтобы показать, как широка этнографическая палитра насилия, приведу только два примера из мгновений жизни людей в ходе войны.

“Я находился в президентском дворце до самых последних дней. Это были в основном ребята из гвардии Дудаева. Человек сто или двести – не больше. У меня тогда сильно разболелось горло. Говорить почти не мог, и даже температура была: кости ломило. А тут я нашел в одном из кабинетов бутылку коньяка. Один из начальников оставил. Коньяк был французский, и бутылка очень красивая. Никогда до этого такой не видел. Я решил ее открыть. Ребята стали говорить, что пить нельзя. Иначе, если убьют, тогда будет наказание вместо рая. А я им сказал, что мне туда пока не надо, а вот полечиться нужно. Открыл и выпил. Сразу стало легче. Пошел и взял подствольник с гранатой, чтобы на третий этаж подняться, где русский снайпер несколько дней весь коридор простреливал, и никто не мог ничего с ним сделать. Он по мне выстрелил, но промазал. А я прямо к окну подошел ближе и как ударил по тому месту, откуда он стрелял. Больше его не слышали. Вернулся к ребятам, чтобы еще выпить, а бутылка уже была пустая. Но горло все равно на другой день лучше стало” (Ахьяд).

«Я ездила в Чечню во время войны. У меня двоюродная сестра жила в Старопромысловском районе. Я приехала, а дома ее не было: сказали, что она будет только в шесть часов. Я решила съездить в центр, который был весь разбит. Что могло такое со мною случиться? Там было все огорожено. Я прошла в то место, где был центральный сквер, и долго сидела. Пыталась мучительно вспомнить, что же здесь когда-то было. Жара была 30-градусная. Я пришла в себя, когда почувствовала, что надо мною кто-то стоял. Это был русский солдат, их БТР на той стороне улицы остановился.

Он говорит: Ваши документы?»

Я стала рыться в сумке, никак не могу найти паспорт. Нашла аспирантское удостоверение. Показала. Он никак не может понять, что это такое.

“Где, – говорит, – это находится?»

Я говорю: “В Москве”.

“Пройдете для выяснения личности”.

Я говорю: “Никуда не пойду”.

“Ну, как это так, пойдете, куда вы денетесь”.

Я опять порывлась и нашла паспорт. А там деньги. Я помню 600 долларов, которые должна была передать. Я их сразу хотела вытащить из паспорта, но он увидел, все забрал, денежки посчитал и положил в карман вместе с паспортом.

“Вы себя подозрительно вели”.

Я говорю “Почему?”

“Стоите на одном месте долго”.

“У вас дома нет и никогда не будет, а я приехала домой”.

Он так на меня посмотрел, а я еще была одета ярко. Ему ребята кричат: “Да оставь ее, Костя, поехали!”. А вокруг никого прохожих. Одна старушка русская прошла и сказала: “Да оставь ты ее, сынок, что ты делаешь?”

А он ей: “Ты проходишь и проходи”.

В это время вдруг подъехали на черном джипе ребята-чеченцы, в черной джинсовой одежде. Один из них по-чеченски ко мне: “Что тут случилось?”. А я просто не могу, вот-вот разревусь. Сказала ему что-то на чеченском, а он мне: “Разговаривай по-русски”. Потом говорит этому русскому парню: “Я ее забирю”.

Тот: “Я ее не отдам”.

Потом наш парень увидел в кармане солдата мой паспорт. “Это, – говорит, – твой, паспорт?”

Я говорю: “Да”. И деньги в паспорте он увидел тоже и все это забрал. Затем говорит: “Иди к машине”. Я говорю: “Не могу”. Он тогда крикнул другому парню: “Руслан, иди, забери и посади ее в машину”.

Я пошла к машине, а солдат сзади выстрелил. Пуля пробила крышу джипа и могла бы меня задеть. В джипе еще ребята сидели. Прибежали русские ребята с БТРа и стали что-то выяснять. Обошлось без стрельбы. Они посадили меня в машину и стали на меня орать, что я здесь одна делала. Паспорт и деньги мне отдали, и потом я уже их не видела. Это было летом 1995 г.» (Хеда).

В этих двух историях есть одно сходство и одно большое различие. Первая история – всего лишь эпизод одного дня из двух лет войны Ахъяда. Вторая – один день войны из очень немногих, когда Хеда приезжала из Москвы в Чечню. Но сила переживаний и страха за жизнь во втором случае были не меньше, чем все, что пережил Ахъяд за годы войны, успевший к тому же занять двоих детей между боями (“до дома можно было одним днем обернуться”).

ОБРАЗ ВРАГА КАК ВВЕДЕНИЕ В ВОЙНУ

Коллективное насилие нуждается в образе врага в лице группы или института, которые должны быть наказаны или уничтожены. Образ врага создается и культивируется инициаторами насилия, чтобы снабдить им его исполнителей средством мобилизации и прямой целью. Когда насилие достигает стадии войны, т.е. конфликта с линией фронта и необходимой организацией, тогда образ врага упрощается до военного термина “противник”. Но и здесь под словом



“Федералы” у стен чеченского “рейхстага” (Фото Веленгура)

“противник” или “враг“ вовлеченные в конфликт стороны подразумевают смутные категории. Для чеченцев это были “федералы”, “русские”, “оккупанты”, “агрессоры”, “неверные”, “гяуры”. Для федеральных российских солдат в Чечне – “бандиты”, “духи”, “нохчи”, “душманы”, “чечены”, “боевики”, “террористы”, но с самого начала и всегда это были “не наши”, хотя речь шла о согражданах (как выразился один из чеченцев, *“я бы мог служить и воевать с этими ребятами в одной армии”*).

Почему произошел столь быстрый и глубокий раскол и появилось понятие “врага”, против которого оказалось возможным применить оружие, чтобы лишить его жизни? Мы задаем этот вопрос вместе с другим вопросом: что первично в логике насилия – сам объект насилия или средство его осуществления? При анализе чеченского материала и в целом общероссийского контекста последний вопрос более чем уместен. Как представляется обретение средства насилия, а именно автомата Калашникова или другого личного стрелкового оружия, вызвало необходимость конструирования образа врага. Иначе теряется весь смысл вооруженной личности, хотя чаще всего этот смысл выступает в форме аргумента защиты (личности, дома, родины и прочее). Когда оба аргумента (борьба с врагом и защита) совпадают, тогда происходит полное оправдание насилия в любой его форме. В чеченском конфликте это совпадение произошло на стадии открытой войны. Именно после декабря 1994 г. насилие в Чечне стало носить тотальный характер с обеих

воюющих сторон, т.е. оно стало осуществляться неизбирательно и без ограничений.

Следует отметить, что насилие в Чечне распространилось до начала масштабной войны, когда образ “врага” еще не был сконструирован в полной мере. Против кого были направлены насильственные действия сторонников “чеченской независимости”? Вот несколько свидетельств, которые относятся к 1991 г.

“Люди приезжали с самых дальних горных аулов. На площади были собраны скамейки из городских скверов. Люди устраивали зикры, которые я раньше не видел. Зикры с большими барабанами заставляли подтянуться. Ноги сами так и несли тебя в круг зикра. И сами криксты, и мы готовились к встрече с врагом. Но кто этот враг, по-моему, никто не понимал. Просто все думали, что где-то есть враг, и против него все становились как одно целое. Кто этот враг – я тогда не понимал: не то Завгаев, не то русские. Может, тогда это не имело значения. Но от сознания, что этот враг есть, все чеченцы становились как одно целое. Больше всех угрожал Яндарбиев” (Саид Г.).

Мой партнер по исследованию задал вопрос Саиду: “А кто были твои враги?”

«А кто их разберет. Поначалу это были оппозиционеры. Враги Джохара, а значит и мои враги. Потом мы с Лабазановым долги выбивали. Те тоже были враги Джохара. Были фраера – им дадут нефть на продажу, а они схапуют деньги и – на дно. А то и возражать пробовали. Но мы их доставали. Даю тебе слово, мы бы и Мамадаева с Мараевым достали. Но президент не дал команды и враги более – рисковые ребята. При деньгах, спортсмены, некоторые даже чемпионы. Однако же жадные. Одно слово – фраера. Потрясли мы их. Мне даже кровную месть объявили и не одну уже. Поэтому мне без оружия никуда. Потом оппозиционеры пошли. Это народ жидкий. Все большие начальники, преподаватели-интеллигенты; артисты, одним словом. Они на митингах выпендривались, изображали из себя. А мы их на кассету засняли и потихоньку выдергивали из домов. Бывало, трянешь его, а его кондрашка колотит.

Потом пошли притеречные чеченцы. Эти тоже оппозиционеры. И хоть тогда Джохар не посылал меня с отрядом, я сам пошел. Мы были при нескольких орудиях. Поставили мы их на хребте. Тут один завопил, что не желает стрелять по чеченцам, что за это нас проклянут. Но мы его урезонили. Правда, большого дела не получилось. Пальнули мы из пушек, пару постов сняли. Ну, они и разбежались. Потом они, в ноябре было дело, поперли на танках в город. Мы заранее знали их маршрут, и мы сидели в засаде, аж в самой станции Петропавловской. Но это так, для шоу. Мы с самого начала знали, что это концерт. А тут как раз по рации команда сматывать удочки, не делая ни единого выстрела. Пошебутились мои дружки, но делать нечего. Попрятали мы оружие и пошли в горы. Какая уж тут война, если у нескольких танков люки даже были открыты, и они, конечно, не собирались воевать. Это был понт, показуха.

Мне потом один знакомый объяснил, шустрый был адвокат. Он меня еще по первой судимости защищал. Говорил, что у Дудаева той осенью дела совсем в убыток пошли. Он сзывал народ на митинги, умолял защи-

тить его, но никто не являлся. Так надо было разозлить чеченцев, заставить воевать. Спрашиваю его удивленно: “Как это?!” Он, снисходительно осклабившись, продолжает: “Темнота! Журналист называешься”. Я продолжаю удивляться: “Как же их можно было разозлить, чеченцев, если танкисты не собирались воевать?!” (Чингиз).

Эти и другие свидетельства привели меня к выводу, что идеологическая кампания верхов по поводу “независимости” и “революции” крайне причудливо преломлялась в сознании рядовых чеченцев. В то время в образ врага “Россия” никак не укладывалась, как и русский народ в целом. Но вот местные жители русского (точнее не чеченского) происхождения, особенно горожане, обладавшие квартирами и машинами, стали объектами массового насилия. Причем сам режим Дудаева никогда не объявлял местных русских врагами Чечни или чеченской революции. Тогда врагов находилось достаточно среди самих чеченцев, несогласных с программой полного разрыва с Россией. Но рядовые участники принимали на этот счет собственные решения, менее идеологизированные, а точнее крайне утилитарные: отбирать собственность и даже жизнь у тех, кто был менее защищен и кто в их представлении был вне нового чеченского порядка.

Я не собирал истории пострадавших русских в те годы. Однако масштабы насилия достаточно хорошо известны, а их итогом был почти полный исход русского населения из республики⁹. К сожалению, этот важный момент в истории чеченского конфликта фактически игнорируется в исследованиях и журналистских работах зарубежных и части отечественных авторов как политически некорректный, но он очень важен для понимания процесса формирования в местном обществе атмосферы правовой анархии и культа насилия. Если бы тогда правительству Дудаева удалось справиться с проблемой защиты русского населения, эскалация конфликта до полномасштабной войны была бы невозможной.

Концентрация образа врага и расширение рамок насилия до масштабов, которые до этого представлялись немыслимыми, произошли в момент ввода федеральных войск в Чечню и начала разрушительных военных действий в Грозном, а затем в других районах республики. Происходящее в декабре 1994 г. и в январе 1995 г. в Чечне многократно описано с событийной стороны, но почти неизвестно, что в тот момент переживали рядовые граждане и участники вооруженных действий.

НЕВЕРИЕ И ШОК НАЧАЛА ВОЙНЫ

Почти все истории самого начала войны содержат мотив неверия и нереальности случившегося. Подавляющее большинство населения в тот момент считало себя такими же гражданами страны, и никакая самая отчаянная пропаганда против России, звучавшая в

Грозном, не воспринималась как отторжение общего государства и даже тогдашней центральной власти. Вступление армии на территорию Чечни вызывало страх и потрясение перед чем-то, что еще должно или могло случиться.

“Я войну встретил в Грозном. Правда, признал ее не сразу. Долго думал, что это недоразумение. У меня в голове не укладывалось, что такое возможно. Теперь я понимаю, что советская власть приучала нас к какой-то беспечности. Мы невольно были приучены думать, что власть родная, какие бы ни были у нее недостатки, все равно казалось – она своя и никогда не навредит. А уж тем более в мыслях не было, что власть может убивать свой народ. У меня как-то все перевернулось. Но ведь и мир перевернулся. Ельцин всю жизнь защищал Советскую власть, служил ей. А потом перевернулся, как и многие бывшие секретари обкомов и ЦК. Вроде бы тогда заблуждались, а потом прозрели и стали оплевывать то, что защищали прежде, чему служили всю жизнь. Вот так все и с войной: началась она, и все перевернулось” (Мудар).

“До 1993 г. работала в совхозе по специальности. Потом все развалилось, работы не было, денег, естественно, тоже. Пришлось ездить на рынок в Георгиевск торговать. Родители тоже денег не видели давно. Мама работала в совхозе, отец в школе. Положение было не самое завидное, но никто не мог предположить, что очень скоро начнется самое страшное испытание. 11 декабря 1994 г. я с подругой поехала в Малгобек. Там мы видели, как через поля и по дорогам шли военные машины, танки, сверху кружили самолеты. Ингуши пытались их остановить на границе. Трех мужчин задавил танк. Всех, кто стоял на дороге, останавливали, проверяли документы, сумки. Это была безумно страшная картина. Казалось, что на каждого чеченца идут по 10 солдат и одному танку. Их было так много. Мы поняли, что началось что-то очень страшное, боялись, что не сможем добраться до дома.

Когда мы к вечеру добрались до дома, в селе все были очень возбуждены, часть этой армады шла через наш район. Все горячо обсуждали происходящее, некоторые наивно верили, что русские пришли нам помочь. Один хаджа, рассказывали, даже бросал им вслед муку. А они в тот день просто расстреляли 13 человек. Оказалось, пьяный капитан развлекался таким образом”* (Хава И.).

Многим чеченцам казалось, что война – это что-то случайное, ошибочное. И солдат на нее пригнали не воевать, а так, для демонстрации.

“В первые дни войны всех молодых ребят гнали на войну. Несмышленные. И обороняться не умели, не то, что воевать. Вс жались друг к другу, как цыплята вокруг квочки. А жаль мне их – зачем таких молодых нагнали? Сдается мне, для того, чтобы настоящую войну заварить, да покруче. Народ надо было обозлить, заставить воевать по-настоящему. А то все как-то не получалось по-настоящему. Постреляют, постреляют и опять затишье. Вначале все думали, что войны не будет вообще.

* Бросание муки по чеченскому обычаю – благословение на добрый путь. – В.Т.

Приедут русские танки, постреляют немного, а боевики и разбегутся, и снова к мирной жизни. Поначалу мы не знали, что войну замыслили все-ръем. Иначе, зачем бы так много оружия оставила Советская Армия, когда уходила из Чечни? Ну, да, что теперь об этом? Война была нужна полтикам и тем, кто их кормит. Видно, много надо было списать начальникам” (Висит М.).

Жители Чечни особенно были потрясены артиллерийскими обстрелами и авиационными бомбежками в самом начале войны. Разрушения и гибель людей невозможно воспринимать какими-либо адекватными реакциями. В сознании царили ужас и беспомощность. Подвалы городских домов стали единственными убежищами, а в селах не было и этих укрытий. Как известно, авиационные удары нанесли не только по Грозному, но и по другим населенным пунктам. 3 января 1995 г. федеральная авиация сбросила шариковые касетные бомбы на рынок и больницу в Шали. Только из жителей Шали 55 человек погибли и 186 получили ранения.

По заключению общества “Мемориал”, проводившего расследование, это были намеренные неприцельные бомбардировки гражданских объектов с целью устрашить население лояльных Дудаеву районов¹⁰. Мы располагаем свидетельствами тех, кто оказался жертвами налетов.

«3 января, Шали. Я готовила на кухне у тети, услышав шум на улице, я выбежала, проверить, что делает мой брат. Он показывал пальцем на небо. Два истребителя и тяжелый бомбардировщик накрыли Шали крыльями смерти. Я едва успела затащить брата в дом. Бомбили рынок, заправку, больницу. Никто не спускался в бомбоубежище, родители бросились домой, наверняка зная, что дети на улицах рассматривают “новейшие достижения техники”. Прибежала мама, и только успели закрыть дверь. До сих пор не могу простить себе, что я спряталась за маму и кричала. Мне было страшно. В рот набилась шпукатурка и осколки стекол. Пять часов бомбили маленький город Шали. Мама пыталась нас рассмешить, отругала меня, что подгорела курица, и заставила съесть ее.

На следующий день хоронили погибших накануне. Хоронили наспех: бомбили даже кладбище. Потом было много ночей, проведенных в подвале. Самолет, как рейсовый автобус, прилетал каждое утро в одно и то же время. Я разучилась расслабляться, от постоянного напряжения все болело. Есть не хотелось. В голове вертелась фраза, услышанная мною не помню где и когда: “И живые позавидуют мертвым”. Я завидовала мертвым. Но не хотела умирать. По утрам я, как молитву, твердила строки из учебника второго класса “Встали дети на рассвете, в окнах свет и нет войны”. Как сладко звучали эти строки. Если бы это было так» (Зарета).

“Я и сам, однажды случилось, на шалинский базар с товарищем выезжал. День был воскресный. Народу много понаехало. Торговля спорилась. Почему-то, все думали, что села не будут бомбить, и дело Грозным кончится. Да вот, ошиблись. Откуда ни возьмись два истребителя на низкой

высоте и стали косить народ из пулеметов. Крики, стоны, кровь и вопли раненых. Некоторые пытались бежать, но самолеты разворачивались снова и снова. И косили народ почем зря. И старьёй и мальёй, мужики, бабы, дети – много полегло. Все дымилось кровью. В тот миг и перевернулось во мне все. И не то, чтобы ранен я был, хотя и задело. Главное же в том, что до меня дошло, наконец, что той жизни, которой я жил до сих пор, уже не будет. Мне за народ, за страну обидно стало. Стоять в стороне я уже не мог. И с боевиками не хотел бегать. И решил, что буду возить раненых и убитых. Многие тогда разыскивали близких. Не знали их судьбы. А которые погибли, так тех надо было предать земле по мусульманскому обычаю. Тогда российские командиры ввели таксу за выдачу каждого убитого. Знали, что мусульманин всегда готов отдать самое последнее, чтобы похоронить павших, по обычаю предков. Ну а у алкашей можно было выменять и за водку. Благо, водка у меня была еще с довоенных времен. Так я нашел свое место в той жестокой войне. И много повидал в те страшные месяцы” (Саид М.).

«Потом ушел я в Шали. Здесь попал в бомбежку в базарный день. Рядом со мной была молодая женщина с дочерью. Огонь, дым, ужасающие стоны, крики. Вертолеты налетали волнами, одна за другой. На большой площади все слилось в дым, огонь, кровавое месиво. Очередная ракета, должно быть, разорвалась где-то совсем рядом. Я видел, что у девочки оторвало ногу. Мать, однако, продолжала ее тащить, не понимая, что произошло. Я схватил ребенка в охапку и вместе с матерью потянул в стоящий у обочины пикап. Механически соединил провода зажигания, совершенно не отдавая отчета, что это чужая машина. Лишь бы скорее уйти от этого ужаса, творившегося на площади.

Отъехали, поворачиваюсь, а у женщины глаза, как будто, вышли из орбит. Она была в иступлении. Не могла даже кричать, даже дышать, как будто в параличе. Я такое видел в Афганистане. И знал, что в таком состоянии надо привести человека в чувство. Я начал бить ее по щекам. Не помогло. Тогда раскрошил сигарету и стал совать ей табак в нос. Она зачихала, слезы покатались из ее глаз. Я подумал, что она пришла в себя. Девочка лежала на сидении уже мертвая, совершенно белая, должно быть, от потери крови. Я предложил женщине идти к себе домой, она повиновалась и пошла к выходу. А девочку оставила на месте. Я ей говорю: “Бери девочку”. А она отвечает, что это не ее девочка. Я говорю: “Как же не твоя?! Она же кричала тебе – мама, мама!”. А она отвечает: “Моя дочка дома”.

Тут я понял, что женщина все еще в иступлении. Тут и у меня что-то помутилось. Женщина ушла в одну сторону, я побрел в другую. Мертвый ребенок остался в машине. Вот такая странная эта война» (Исмаил К.).

ЖЕСТОКОСТЬ ФЕДЕРАЛОВ И ЧЕЧЕНЦЕВ

Военные действия в Чечне 1994–1996 гг. (как и во вторую кампанию 1999–2000 гг.) носили исключительно жестокий характер. Имеется огромный материал о том, как действовали федеральные войска с самых первых дней войны. Он собран преимущественно российскими правозащитными организациями “Гласность” и “Ме-



Блокпост “Кавказ” (Фото Козырева)

мориал”¹¹. Имеются достоверные свидетельства о том, что основные жертвы воюющие и мирные граждане понесли в начальный период войны. Хорошо известны многочисленные случаи, когда в условиях жестоких боев в Грозном и в других местах убитых и даже раненых не вывозили. Тема брошенных трупов – стала одной из главных в военных историях. Она обросла чудовищными слухами, в которые люди верили и рассказывали друг другу уже после войны.

“Много всякого я насмотрелся. Цена человека на войне – ничтожна. Во время войны трупы лежали на улицах штабелями, и российские не разрешили нам хоронить их. В начале войны российских погибших не считали, верней учета погибших не было вообще. Потом стали считать, но не на личности, а на количество. Скажем, в батальоне из 100 человек погибло половина, так комбат доложит 50 трупов и предъявит. Иначе разжалуют, а то и посадят. Если не хватает трупов – ищут недостающих везде, даже под землей. Лишь бы посвежей. А то и наших подберут. Изуродуют голову, чтобы не опознали и сдают по акту как труп российского солдата. Вот откуда путаница получается, и люди в России хоронят, сами не зная кого” (Висит М.).

Другой популярной версией стала история о том, как российские солдаты убивали друг друга, в том числе и за денежные вознаграждения. Среди чеченцев некоторые даже считали, что именно в этом взаимоуничтожении было убито больше, чем от чеченского оружия.

«Я скажу вам, а вы не поверите, что русские русских побили больше, нежели чеченцы. Я и сам не верил, пока своими глазами не увидел. Посулят

контрактникам большой куш, если возьмут дорогу или поселок. Те и рады стараться сдуру. Боевики отступят с поселка или, скажем, с автобазы, туда понабьются контрактники в ожидании куша. А тут налетает авиация или вертолеты, и от контрактников одна лишь пыль остается. Опять же выгода – кому-то платить не надо, а деньги все равно списали. Поди, спроси у мертвых, дали им деньги или нет.

А то, бывало, просто сборы или учения объявят или другая оказия. Налетят вертолеты – и нет никого. Так в пионерских лагерях под селом Чики было. Я уж не говорю, как били российских солдат на блокпостах сами же русские с вертолетов. Это вроде бы мелочи. Поначалу вовсе убитым солдатам счет не велся. Сколько надо, столько и спишут. Меньше цинковок в Россию пойдут, тем лучше. Народ меньше будут будоражить, да и расходов, хлопот меньше на транспортировку. Потому, должно быть, трупы российских солдат сбрасывали на горящие нефтешлики, в труднодоступные горные ущелья или пропасти. Это уже потом бухгалтерию завели. Считать стали убитых. Сколько из части погибло, столько и трупов предъяви. Если, конечно, бомбой или снарядом не накрыло. Так ходили и собирали трупы. А то и у чеченцев, бывало, выменивали. А то и вымогали. Возьмут, бывало, заложников из чеченцев и требуют, чтобы к утру было столько-то трупов, а иначе заложникам каюк. Вот ведь какая грязная кавасия.

Конечно же, находились среди сотен подонков и приличные. Не все летчики соглашались бросать бомбы на головы мирных жителей. Бывало, прилетят к селу и сбросят бомбы на пустырь или в реку. Мне рассказывал сосед, как на одной неразорвавшейся бомбе, выброшенной далеко за селом в овраг, было написано: «Чем мог, тем помог».

А то еще вот как бывало: стоят, скажем, на противоположных горах две части российской армии, следует команда: «Огонь!». И принимают дубасить друг друга до последнего солдата. Я думаю, может быть, и ссорились они между собой потому, как контрактники те народ бедовый, им никого не жалко. Контрактники-то вербовались зачастую из заключенных. Я много повидал солдат. И мне кажется, что среди них было много ненормальных. Говорили, что обкуренные, но я-то многих насмотрелся, я различаю – то были в натуре психические. Обкуренные – это так себе, слякоть» (Муса П.).

Действия федеральных военнослужащих в отношении гражданского населения дали достаточно оснований для ужасающих историй о жестоком обращении с чеченскими мужчинами, которых почти всех подозревали в участии в вооруженных действиях. В это число попадали даже те старики, кто почти полвека назад участвовали в войне против гитлеровской Германии и имели статус ветерана Отечественной войны со многими социальными льготами. Степень потрясения людей старшего поколения трудно себе представить, а тем более объяснить. Перед ними предстали в роли убийц их дети, будущее которых они защищали в боях с гитлеровской Германией.

«Я вот тут коровенку держал. Четырех внуков тем поднял. А государственное молоко – на что оно годится? Благо, на окраине живем. Тут до войны целое стадо собиралось. Пастуха даже нанимали. А был здоро-

ее, я и сам ходил в пастухах. А как война началась, я корову в землянку перевел. Сам оборудовал из разграбленного склада. А накат забросал старыми ящичками. Вот мы с младшим моим все первые месяцы поили и кормили ее, а она – животное умное, как началась война, ни разу не мычала, точно онемела. Только смотрит умными глазами, вроде бы печальными.

Но однажды нас с сыном подловили пьяные солдаты. Сына прикладом по голове, потащили в дом. Я говорю, что я сам фронтовик, орденскую книжку показал. Так лейтенант меня так двинул по зубам, что я последние выплюнул. Вы, говорит, нам в спину стреляете. Знаем мы вас, сволочей. И опять стали избивать. Мне-то оно ничего, я уже всякое повидал. Сына жалко, ему только еще 17 исполнилось. Избили нас, потом к стенке. Сейчас, говорят, стрелять будем. Так они мне здоровую почку отбили, что я стоять не мог. Сын меня поддерживал. И, знаешь, хоть и малец, но ни разу не застонал. А тут во двор какой-то капитан зашел. Увидел нас и спрашивает солдат: “Вы что тут делаете?”.

А солдаты отвечают: “Вот врагов в расход пускаем”.

“Каких таких врагов? Это старец с мальцом враги что ли?”.

А сержант тут подбегает к сыну, я и толком-то ничего не понял. Сунул руку в карман куртки, а там стреляные гильзы. Веришь, нет, я тут совсем онемел. Две войны прошел – ничего не боялся. А тут как увидел гильзы, так вроде ступор на меня напал. Я еще прежде заметил, что сержант, поднимая избитого сына с земли, сунул ему руку в карман куртки. Тогда у меня мелькнуло в голове, может курево ищет или деньги. А он, оказывается, подлец, сунул ему гильзы в карман. Хорошо, что капитан бывалый оказался. Он гильзы-то не стал смотреть. А подошел и посмотрел руки сына.

“Нет, – говорит, – эти руки не стреляли. Пойду доложу комбату. А этих не трогать до моего возвращения”.

Не знаю, сколько стояли. Должно быть, долго. Потому как я опять упал. Но тут меня пожалел какой-то молоденький солдат. Равилем, помнится, звали. Сторожил он нас. Тут сын понемножку пришел в себя. И говорит этому Равилю: “Слушай, я корову в последний раз покормлю, отпищу. Вернусь. Все равно отца не брошу”.

Тот солдатик говорит: “Я комвзвода спрошу”.

Пришел тот сержант, что выбил мне зубы, с ним двое пьяных. “Идите, – говорит, – кормите. И возвращайтесь только через полчаса”.

Я не сразу понял, почему нам полчаса дают. А когда вернулись в дом – понял. Солдаты все унесли из дома. Все. Даже магнитофон сына, который он прятал в кладовке под ветошью. Все теплые вещи унесли. А что с собой не могли унести, загадили. Ну, да шут с этим бараклом. Сын только с тех пор сильно изменился. Не то, чтобы озлобился, но стал какой-то печальный. Все молчит, думает о своем» (Вадуд).

Не менее трагическая коллизия предстала из рассказов о том, что в число врагов были зачислены и те чеченцы, которые служили в местной милиции и считали себя вполне лояльными российскими гражданами. Более того, некоторые из них приветствовали введение войск в надежде, что в республике будет восстановлен порядок. По свидетельствам многих, разгул насилия и социальная разруха коснулись не только русских, но и не меньше самих чеченцев.

«Я теперь совершенно убежден, что война не имеет смысла. Она темна, безумна. У меня по соседству жил молодой подполковник милиции. Когда пришли войска, начался подворный обход в поисках оружия. Сам я был в отъезде, но жена видела, как сосед отдал военным документы, табельное оружие и обращался при этом к проверяющим словами: товарищи, коллеги: “Ну, ребятки, теперь мы скоро наведем порядок!”»

Старший же из проверявших взял оружие, а потом как гаркнет во все горло: “А ну-ка к стенке, черномазый!” . И тут же выпустил в него всю обойму. Оказалось, это были контрактники, набранные в тюрьмах.

Людей хватили на улицах, в подвалах. Были среди них и ответственные работники, некоторые имели справки и поручительством как от высших инстанций в России, а то и коменданта Грозного. Таких как бы для видимости пропускали через блокпост. И когда люди расслаблялись, верили, что пришла законная российская власть, их сгоняли в кучу и расстреливали всех вместе, и молодых, и пожилых, и женщин, сбрасывали в ямы и наскоро забрасывали землей. Я свои трупы возил из этих ям. Ну, да ладно, хватит об этом. Нечего мне вам больше рассказывать» (Саид М.).

Позднейшие расследования правозащитных организаций не установили подобных случаев массовых захоронений “мужчин, пожилых и женщин”. Вполне возможно, что это уже были дополненные травмированным воображением истории. Однако у нас нет оснований не верить нижеприводимому рассказу Мудара, 60-летнему юристу из Грозного, ингушу по этнической принадлежности. Хотя описываемое им с трудом воспринимается как возможная реальность.

«В конце января 1995 г., когда уже весь город был в огне, когда война стала явственной и горькой правдой, я решил прорываться в Ингушетию вместе с сыном-студентом. Набили мы в свою “Волгу” накопленное за всю жизнь, обложились подушками – все хоть какая-то защита от пуль и осколков, и поехали. К тому времени уже поставили блокпосты. И к вечеру солдаты начинали расстреливать все, что движется. Били буквально из всех видов оружия. Просто так, ради потехи. Я и на судном дне подтверждаю, что вся российская армия была вдребезги пьяная вместе с командирами.

Нас, как и других, остановили на блокпосту в Заводском районе, якобы для проверки документов. Подходим ближе. Кругом разрывы снарядов, завывание мин, трескотня автоматов. Конвойный наш был пьян, и, пока мы дошли, он дважды сваливался в снег, и мы с сыном помогли ему подняться. Подошли к посту, а там перед прилегающими домами трупов видимо-невидимо навалено. Расстреливали, не щадя детей, женщин, и свозили сюда трупы со всего района. Остановленные впереди нас машины стояли с невыключенными моторами, а хозяева их были расстреляны тут же, умирали или взывали о помощи. Сначала я думал, что все это мне чудится, но в ближней куче трупов узнал знакомого, который обогнал меня на перекрестке.

Нас завели в помещение. Там сидел человек, которого наш конвойный называл капитаном, и тот тоже был пьян. Однако же разговаривал заплетающимся языком. Хотя и внятно.

“Куда ты их припер? Идиот!” – обратился капитан к нашему конвойному – на кой они тут?! Ты что, не знаешь, дурья башка, что велено всех в расход?!”



“Зачистка” (Фото Варникиса)

Конвойный, оказавшийся в это время сбоку от нас, и в самом деле как-то по-идиотски подмигнул капитану и сказал: “Опять же на них дубленки. А шапка, вишь, какая богатая. Сами же велели”.

“Раздевайся!” – обратился он к нам.

Мы подчинились. Затем нас отвели в помещение, бывшее не то столовой, не то баней, так как стояли здесь и ванные, и столы. И мы с ужасом увидели, что в некоторых горках лежат трупы, раздетые, как и мы. Наш конвойный поставил нас к стенке. Мне все еще казалось, что я вижу дурной сон. Должно быть, этому способствовало и то, что в помещении был не то пар, не то дым. И не успел я очнуться, как почувствовал, что и руку, и плечо мне точно осы укусили. Тогда только я понял, что нас действительно расстреливают. Я вспомнил вдруг, что помещение раньше было прачечной, что дальше к нему примыкает склад горпичеторга. Я там работал юристом и знал, что под новый год туда завезли много колбасы и водки. Сын в то время потерял сознание. Я наклонился к нему. Что-то щелкнуло напротив по стене и отскочило. Наконец, я понял, что пьяный солдат не может попасть в меня.

Он подошел совсем близко и, все так же нелепо улыбаясь, сказал вдруг: “Хочешь выпить перед смертью? Ты не мулла?”.

Я, кажется, ответил, что нет, и в свою очередь предложил ему выйти к складу горпичеторга, где было огромное количество водки. Я, было, предложил ему проводить. Но он сообразил, что меня могут сразу пристрелить, и пошел один, осведомившись перед этим: “А вы не убежите?”.

Перед выходом, до сих пор не могу понять как, я сумел поставить на предохранитель его автомат. Должно быть, привычка сработала (когда я служил в армии, наш сержант при беге с барьерами забыл выключить ав-

томат и убился). Должно быть, у меня в подсознании это засело на всю жизнь. Впрочем, бежать все равно было некуда. Я чувствовал, что горячая кровь заливает мне руку, течет по ноге. Но надо было спасаться. Сын к тому времени уже очнулся и смотрел на меня пологими глазами. Я схватил его за руку, и мы выскочили на улицу. Уже у самого поворота за угол нам встретился солдат, несущий бутылки с водкой в охапку, точно дрова. Наверное, он не сразу нас признал, и только когда мы добежали до парка, услышали, как он истошно орал, не понимая, почему автомат не стреляет.

Нас спасли темнота и мороз. В тот вечер был 20-градусный холод. Не знаю, как добежали до улицы Кирова. Я уже истекал кровью, когда мы заскочили в квартиру пожилой русской женщины. Тут я потерял сознание. Не знаю, сколько был без сознания, но когда очнулся, было утро. Уютно гудела голландская печь хозяйки. Сын лежал у моих ног. Руки и плечо у меня были перевязаны. Марья Владимировна, так звали нашу хозяйку, дородная пожилая женщина, понимающе улыбнулась. Но как она выходила меня в городе, в котором днем и ночью расстреливают чеченцев, да и всех местных жителей, это уже другой рассказ.

Со слов моей спасительницы, я понял, что русских-грозненцев тоже не щадили. И расстреливали, как только попадутся под руку. Я готов поклясться на Коране и готов доказать любому международному суду, что в январе месяце 1995 г. в Заводском районе города Грозного были расстреляны сотни мирных жителей. Их трупы складывали недалеко от трассы, проходящей мимо парка. В объявлении по местному ТВ я узнал о своем знакомом сапожнике, который ехал впереди меня в тот злополучный день и труп которого я видел в одной из куч у трассы. Его искали родственники и объявляли по телевизору как о без вести пропавшем. Тело его до сих пор не нашли» (Мудар).

Одной из самых распространенных форм насилия во внутренних конфликтах является изнасилование женщин. Оно имеет особо надругательский смысл не только над человеком, но и над вражеской стороной в целом, т.е. представителями другого народа, если речь идет об этническом конфликте. В бывшей Югославии изнасилование женщин обрело почти ритуальный смысл, когда сербы или хорваты специально содержали “вражеских” женщин, подвергая их изнасилованиям и сразу же отпускали, когда у них наступал большой срок беременности, не позволявший делать аборт. Это был иезуитский, абсолютно параноидальный “опыт” размножения сербов или хорватов в чревах женщин своих врагов.

В Чечне не было зафиксировано массовых изнасилований женщин в первую войну. Этого не позволяли прежде всего условия, когда федеральные войска не контролировали целиком значительные территории и когда фактически не было контактов с населением. Во вторую войну ситуация изменилась. Военные сразу заняли большую территорию северной Чечни почти без боев и вели себя там как “освободители от бандитов”. Контакты с местным населением были гораздо более активными. Примерно такая же сложилась ситуация и в других районах, кроме дальних горных сел. Низкая дисци-

плина, пьянство, изоляция от домашней среды и семей, общая жесточенность и стрессы способствовали появлению случаев изнасилования местных чеченских женщин.

Но и здесь сохранялся барьер страха за возможную месть со стороны родственников жертвы. Хеда Абдуллаева сказала мне, что боится сейчас быть в Чечне, потому что нет братьев, чтобы защитили в случае надругательства. На самом деле она имеет в виду возможный сдерживающий фактор для насильников. Однако и это обстоятельство не является преградой, когда солдаты могут организовать групповое изнасилование в полуанонимной обстановке, т.е. вырывая женщин не из домашней среды, а разыскивая их среди путников, беженцев и других “оторвавшихся”, потерявших надежду на защиту от родственников или окружающих. Мне удалось узнать одну из историй, которая произошла уже в период нового цикла насилия. Есть основания полагать, что случай с Румисой и записанный Хедой Саратовой 31 июля того же года, был не единичным.

«Я Румиса З. 1966 года рождения. Живу в Урус-Мартановском районе. 17.07.2000 г., я решила поехать в Грозный посмотреть на свой дом, или, точнее, на то, что от него осталось. Доехала до Грозного в 14.00, пришла на улицу Гудурмесскую, увидела остатки своего разрушенного дома, постояв возле него, решила вернуться домой. Это было где-то в 16.30. Возвращалась я домой на маршрутном микроавтобусе, в котором были и другие попутные пассажиры. Перед российским блокпостом, который находится в поселке Черноречье, на самом выезде из города Грозного, была длинная очередь. Нашей машине пришлось долго ждать.

Мы задержались допоздна. Очень долго проверяли каждую машину и каждого человека, и женщин и мужчин. Меня беспокоило то, что у меня в паспорте не вклеена вторая фотография. Когда я ехала в город, у меня практически паспорт не проверили. Мы сидели в машине и наблюдали за тем, что происходит впереди. Солдаты стали беспричинно задерживать людей. Я видела, как нескольких мужчин завели в вагон. О судьбе задержанных ничего не могу сказать, это были незнакомые мне люди. Вероятно, какой-то шофер не дал солдатам денег, они, естественно, разозлились и стали беспричинно хватать людей. Обычно они не придирались к документам женщин, но когда все-таки начали проверять всех подряд, я испугалась. Так оно и случилось. Меня стали задерживать из-за отсутствия в паспорте второй фотографии. Мне сказали, что меня забирают для выяснения, а потом отпустят. После того как задержали, меня повели в вагон, сказали, что некоторое время побудешь здесь. В вагоне было две или три маленькие комнаты. Меня заперли еще с тремя женщинами, которые уже находились там (две чеченки и одна русская или украинка, точно не могу сказать). Эти женщины были все в синяках, у них был страшный замученный вид. Я была в ужасе, дрожала и ничего не могла говорить.

Два дня нас держали в этом вагончике. Солдаты заходили и выводили нас по одной и заводили в другую комнату. Естественно, каждая из нас слышала крики той, кого вывели в другую комнату. Никто не приходил нам на помощь, и наши мольбы о пощаде не трогали насильников. Мы сидели и ждали своей очереди, и, конечно, она доходила. За сопротивление

очень жестоко били кулаками, ногами. Дубинками и ничем другим, правда, не били. Солдат всего было восемь человек, они были все время пьяны.

Дня два мы были в этом аду. Я не могу говорить все детали того, что они с нами делали. Каждую из нас за эти двое суток выводили более двадцати раз. Мы часто теряли сознание. Каждый раз, когда я приходила в сознание, я жалела о том, что еще не умерла.

На третье утро неожиданно открылась дверь, и появились мужчины чеченской национальности. Они нам сказали на чеченском языке: “Быстро уходите отсюда подальше!”. Они были в военной камуфляжной форме. Мы решили, что это были чеченские милиционеры. Мы поняли, что это спасение, и, не оглядываясь, бежали по трассе, ведущей в сторону Урус-Мартана. Чеченские милиционеры остались на посту. Куда делись российские солдаты, что с ними стало, мы не знаем. Но никакой стрельбы или шума на посту мы не слышали. Через какое-то время нас догнала проезжающая машина, микроавтобус. Он остановился, и я поехала в Урус-Мартан. Три женщины, которые были со мной, остались на дороге. Им нужно было ждать машину, чтобы попасть в Наурский район. Я, конечно, осталась живой. Но все у меня внутри надломилось. Я думаю все время о том, как отомстить этим зверям за то, что они со мной сделали. Отомстить я смогу только, если стану камикадзе, как это сделали брат с сестрой, которые въехали на российский блокпост в селе Ермоловка и взорвались вместе с машиной в отместку за то, что солдаты изнасиловали, убили и закопали их сестру.

У меня к Вам просьба: не называйте нигде мою фамилию, мне и так стыдно выходить на улицу. Мне все время кажется, что люди вокруг об этом догадываются. Я вообще живу только ради моей старой матери, которую я не могу бросить».

Я изначально занял позицию доверия авторам историй, ибо даже если в них содержится вымысел, он также имеет социально-культурный смысл. При всей невероятности и абсурдности происходящего некоторые сведения и наблюдения представляются бесспорными и важными. Алкоголь играл исключительную роль, являясь постоянным спутником и условием исполнения насилия в чеченском конфликте, если говорить о федеральной армии. Алкоголь – не только социально-культурная проблема общенационального характера, но бич российской политики и вооруженных сил. В период войны водка поставлялась в Чечню в огромных количествах, в том числе и через поставки из Северной Осетии – одного из основных подпольных производителей в России. Могу засвидетельствовать, что в момент моего посещения Чечни в октябре 1995 г. водка была повсюду: от генеральских штабов до солдатских вещмешков.

Состояние алкогольного опьянения освобождало человека от моральных ограничителей и от необходимости подчиняться закону. Пьяный человек, если он с оружием или имеет возможность отдавать приказы убивать, организует и совершает насилие гораздо проще, хотя и менее квалифицированно. Российское военное и гражданское руководство, включая министра обороны Павла Грачева, в период пребывания в Чечне потребляло алкоголь регулярно и в боль-

ших дозах. Нетрезвый вид министра был замечен в моменты почти всех его появлений перед журналистами, что зафиксировано телекамерой. Его роковое для конфликта решение осуществить танковый штурм Грозного в новогоднюю ночь 1995 г. было принято в состоянии алкогольного опьянения. Многие офицеры и солдаты вели военные действия в нетрезвом виде. Это влияло на неоправданную жестокость и несоразмерное насилие, которые демонстрировали федералы. Один из журналистов, приехавший во Владикавказ из Ингушетии после первого дня войны с разбитой камерой в машине с дырами от пуль, заметил: *“Они почти все пьяные и кажется у них установка на беспредел”*.

Гражданское население Чечни впервые в своей жизни столкнулось с подобным. Подавляющее большинство чеченцев, ингушей и русских выросло в мирные послевоенные годы. Это поколение не видело вооруженной борьбы и не переживало лично масштабное насилие, тем более в отношении гражданского населения со стороны собственной армии. Первая реакция – шок и неверие от увиденного, или восприятие его как дурного сна либо трагической ошибки. Отсюда отчаяние из-за невозможности сообщить о происходящем, оказать на него какое-то воздействие. Но главное чувство – страх за свою жизнь и своих близких, а также забота спасти имущество.

Я не ставлю целью описывать в равной мере жестокости, совершаемые со стороны воюющих чеченцев. Частично о них пойдет речь в XIII главе. Но следует отметить, что эта жестокость была столь же беспредельной, хотя и имела особенности, в том числе культурные. Прежде всего чеченцы любили своего рода постановочно-аффектные формы исполнения насилия, как в ходе непосредственно вооруженного столкновения, так и особенно в обращении с пленными и заложниками. Демонстрацией насилия они хотели придать больше энтузиазма воюющим против армии и запугать федералов. В чем-то эта стратегия была эффективной и достигала своей цели.

В российском обществе и среди военнослужащих сложилась своя мифология о жестокостях чеченцев, что подтверждается некоторыми собранными свидетельствами правозащитных организаций. Особенно практиковались пытки и надругательства над ранеными и убитыми. Захваченные в плен военнослужащие-контрактники и летчики почти во всех случаях подвергались казням. Рядовых солдат часто использовали как заложников на разных работах: от строительства укреплений до домашних дел. Это уже после войны сложился бизнес на выкупе заложников, которые подвергались демонстративному насилию и пыткам. Причем часто подобные действия снимались на киноплёнку, чтобы передать родственникам похищенного для быстрого решения вопроса в выплате денег (см. главу XIII).

“После занятия Грозного русскими, мы не давали им ни одного дня передышки. Война, конечно, была жестокая. Бойцы нашего батальона ни-



Бегство жителей из Грозного (Фото Варникиса)



Женщина спасает домашний скот (Фото В. Щеколдина)

когда не брали русских в плен. И даже раненых непременно добивали. Были и среди нас живодеры, которым доставляло удовольствие резать пленных российских солдат, вырезать им внутренности. Я этого никогда не делал, потому что мне это было противно, как было бы противно резать свинью. И вообще, живодеров не любило большинство ребят. Они осуждали их.

А однажды, когда наш командир увидел, как только что у расстрелянного солдата затесавшийся к нам угрюмый немолодой мужик Шахри стал вырезать внутренности, то собственноручно застрелил его перед батальоном. Потом, правда, выяснилось, что угрюмый мужик прибился к нам из дурдома. Вообще-то разные там были люди. Я думаю, что мы за войну озверели” (Хизир И.).

«Я не думала, что в конце XX века возможна такая война. Первый раз такое случилось. Было ощущение страшного сна. Вместо домов стояли скелеты, обожженные деревья. В мае мы вернулись в город. Начали снова торговать. Покупателей было мало. Никаких контактов с солдатами не было. В городе царил беспредел. Солдаты на большой скорости ездили по городу на танках, наезжали на машины. Был только страх. При нас был случай на рынке. Офицеры с охраной гуляли по рынку, покупали дорогую аппаратуру. Двое офицеров с девушкой покупали пленку, им не понравилась цена, и они взяли пленку и решили уйти, не заплатив. Когда их попросили заплатить, девушка сказала: “Перебьешься, черномазый”.

В это время, мы даже не успели опомниться, как молодой, интеллигентного вида мужчина остановился, взял девушку за волосы и выстрелил ей в глотку. Она упала, он тут же застрелил офицера, который был рядом с ней, и заскочил в здание рынка и скрылся. Двое охранников опомнились, наставили на нас автоматы и закричали: “Кто стрелял, говорит”. Они были страшно напуганы. Все торговки испугались и залезли под столы, лихорадочно хватали свои шмотки. Мы стояли у входа. Я думала это конец. Единственное, что меня волновало, отвезут ли меня домой. Потом они неожиданно выскочили и ушли. Через 20 минут русские оцепили рынок и начали искать, но никого не нашли. Это была чистая работа. За свои слова им пришлось дорого заплатить. Русских очень часто убивали и именно в местах скопления людей. Русские сами доводили людей, вели себя вульгарно, оскорбляли. Редко кто это выдерживал. Чувствовали себя хозяевами. К а ж д ы й д е н ь б ы л к а к п о с л е д н и й » (Хава).

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЦИКЛА НАСИЛИЯ¹²

В ходе чеченской войны вполне отчетливо наблюдались два явления. Их можно определить как “хаос войны” и как “циклическое насилие”, которые имеют место во многих современных конфликтах (Босния, Страна Басков, Ольстер, Руанда, Таджикистан, Шри Ланка). Чечня – пример, пожалуй, самой хаотической войны циклического (повторяющегося) насилия, особенно если учесть возобновление в августе 1999 г. новой масштабной войны между федеральными войсками и вооруженными сепаратистами. Однако и ранее, во

время войны 1994–1996 гг. имели место несколько периодов прекращения боевых действий, переговоров и даже достижение мирных соглашений, которые снова нарушались.

Что делает насилие длительным и сохраняет возможность его возобновления или повторения? Здесь есть несколько вопросов, которые не укладываются в единое теоретическое обобщение, еще раз подтверждая, как дискретность самого феномена насилия, так и необходимость дискретного анализа.

Традиционный подход к проблеме основан на том, что ресурс насилия прежде всего как психологическая травма (чувство унижения, память о жертвах, жажда реванша и т.п.) передается в форме общественного дискурса последующим поколениям, которое вновь прибегает к насилию для разрешения противоречий или по другим мотивам. Поколенческий цикл насилия не носит строго установленный временной параметр, но обычно он сохраняется в пределах жизни одного–двух поколений, когда имеется прямая память о предыдущем насилии. Одним из таких показательных примеров часто называется Югославия, где во время второй мировой войны было убито 1,6 млн человек, в том числе 1,3 млн гражданских лиц (около 10% населения страны). В 1990-е годы конфликт на территории Боснии приобрел наиболее ожесточенные формы именно в тех районах, где имели место самые массовые убийства времен второй мировой войны. Два генерала со стороны боснийских сербов были из числа спасшихся в свое время детей, чьи семьи и деревни были уничтожены войной. Хорватские психиатры, работавшие с пленными сербскими военными, установили тесную связь современного поведения с травмами, связанными со второй мировой войной¹³.

В целом ряде исследований показано, что не только пережившие войну комбатанты и гражданские лица, но и их дети могут оказаться под психологическим воздействием войны¹⁴. Травма войны и насилия имеет своим результатом длительные расстройства здоровья, проблемы адаптации к послевоенной жизни и даже такие сложные комплексы, как чувство вины оставшегося в живых. Одним из важных является вывод о том, что те или иные люди выбирают разные стратегии выживания, и в зависимости от этого и других факторов взрослому человеку очень трудно избавиться от проявлений пережитой в детстве травмы. Как отмечает Малверн Ламсен, воображаемая и мифологическая сторона войны может стать *неосознанным организирующим принципом*, определяющим восприятие людьми мира поколение спустя и характер их действий. Изучение передачи травмы через поколения предполагает разные варианты: некоторые люди становятся психологами и социальными работниками, в то время как другие оказываются пациентами психиатров, наемниками или преступниками. Другими словами, второе поколение людей обладает ресурсами для своего собственного излечения, но то небольшое меньшинство, которое выбирает воинственную страте-

гию реванша, может стать важным фактором в развязывании нового цикла насилия, стоит лишь ухудшиться социально-экономическим и политическим условиям жизни общества. От такой перспективы не застраховано не одно общество, пережившее в прошлом травму¹⁵.

В какой мере этот подход применим к анализу ситуации в Чечне? Нет сомнений, что травма депортации была одним из мощнейших средств психологической мобилизации как ответ на насилие, совершенное в отношении прошлого поколения. Однако, тотальной депортации подверглись более десятка этнических групп, но только для чеченцев она стала одним из аргументов в организации вооруженного мятежа. Поскольку нами не установлена какая-либо особая отличительность чеченцев от представителей других депортированных групп, этот аргумент не представляется убедительным при объяснении насилия со стороны чеченцев.

Кроме того, нас скорее интересует не поколенческий цикл, а более краткая во времени динамика такой формы организованного насилия как военные действия. Для ответов на вопросы, почему насилие может возобновиться в любой момент и почему трудно контролировать мир в ходе и после кровопролитного конфликта; следует искать другие объяснения. Хотя, безусловно, я признаю основной вывод теории цикличности насилия: что война ведет к личным травмам и к социальной деструкции, которые, в свою очередь, вызывают разрушение многих социальных смыслов и установок “нормальной” жизни и приводят к самым серьезным психоментальным проблемам, а затем к новому насилию. В этой ситуации следует говорить не о цикличности, а о спирали насилия, когда сам акт смерти и ответной мести выводит участника вооруженных действий из-под контроля как высших командиров, так и собственных предыдущих установок и целей воюющих.

МЕСТЬ КАК АРГУМЕНТ ПРОТИВ МИРА

В период первой войны в Чечне весной 1995 г. сложилась ситуация, когда казалось, что обе стороны осознали губительность войны и ее бесперспективность. 16 июня 1995 г. на границе между Дагестаном и Чечней, недалеко от села Зондаг состоялась первая с момента начала боевых действий конфиденциальная встреча представителей военных и гражданских властей федерального центра с Асланом Масхадовым. Это был момент, когда федеральные силы контролировали Грозный и значительную часть республики и когда при посредничестве группы содействия ОБСЕ в Чеченской республике были сделаны реальные шаги к мирным переговорам. Именно в этот момент Шамиль Басаев со своими людьми захватил около тысячи заложников в больнице города Буденновска Ставропольского края.

О позиции и намерениях федеральной стороны в тот критический момент войны говорят следующие высказывания министра внутренних дел России Анатолия Куликова во время его беседы с Асланом Масхадовым¹⁶:

“...Это тяжелая, неправильная война. Обидно, что продолжают гибнуть люди, лучшие люди, генофонд нации (Куликов имеет в виду чеченскую нацию. – В.Т.). Я повторяю, как и в прошлый раз, что плетью обуха не перешибешь, никто не поможет. Ни Клинтон, ни мнение Запада. Другого решения не будет. Тем более на фоне того, что произошло в Буденновске...”

Произошла трагедия. Никто этого не отрицает. Рано или поздно всему этому будет дана оценка. Сегодня надо думать, как спасти людей. Как бы ни был не прав руководитель центра России, кем бы ни был Дудаев, но сегодня нельзя по-другому приостановить это явление. Я согласен на то, что если будет отдан приказ (видимо, имеется в виду Масхадовым. – В.Т.) о сдаче оружия, пусть люди расходятся. Войска останутся на постоянной основе – небольшая часть, чтобы помогать милиции... Я думаю, что бригада численностью в две тысячи человек при наличии семи тысяч чеченских милиционеров вполне справится с задачей предотвращения возможных терактов. Есть люди, которым нечего терять, но есть люди, которые хотят жить мирно. Надо хлеб убирать, а не стрелять друг в друга. Настанет зима, надо будет есть и в горах. Люди не виноваты. Надо думать о людях. Надо остановить кровопролитие. На этом этапе надо во имя нации отбросить все. Тогда история скажет, что нашелся человек, который предотвратил уничтожение нации...

Я готов прекратить боевые действия в Ножай-Юрте и в восточных районах, сложить оружие. Вы с представителями милиции, ОБСЕ раздадите людям документы, и пусть все расходятся по домам. Пускай люди убирают, пашут. Войска туда входить не будут. Что еще нужно? На Западе никто не пойдет на то, чтобы признать независимость ЧР. Это бред”.

Масхадов: “*Мы на это надеемся*”.

Но не такая надежда была главным мотивом и аргументов в позиции военного руководителя чеченского сопротивления. Хотя о нации речь тоже шла, но не в контексте “спасения”, а в контексте “борьбы” и “служения”:

“Как только садимся за стол переговоров, сразу начинается ультиматум. Тот район занят, тот район контролируется. А ничего вы не контролируете и не будете контролировать. Не надо строить иллюзий, что с потерей президентского дворца война закончилась. Плевать нам на это... Люди, которые взяли в руки оружие, которые гордятся своей нацией, бомбами не запугать. Все, что они увидели, это страшное, варварское. После всего увиденного прийти и сдать оружие – это немыслимо, невероятно...”

Наплевать мне на эту уголовную ответственность. Если меня осудят за то, что защищаю честь и достоинство своей нации, то пусть меня вверх ногами повесят. Я и раньше говорил, когда встречался с представителями ОБСЕ, даже надеялся, что разговор получится не такой, как в первый раз. Любый чеченец, любой запуганный старик ясно осознает, кто какую роль сыграл. Вы отлично знаете, что есть много человеческих факторов, которыми можно было бы эту проблему решить. А здесь однозначно навязано: или

вас просто уничтожат, или будете такими, как мы. Больше ничего. Ну и уничтожайте...

Итак, вы пойдете в наступление, будете бомбить, убьете еще десяток женщин и детей. Что дальше? Я не вижу ответа. Меня убьете – ну и что же? Какая разница? Все разрушено, все уничтожено. Я все-таки предлагаю вам перевести это из русла войны в русло человеческих отношений. Войной никто ничего не решал. Если часть народа перейдет к методам Басаева, хотя они для нас неприемлемы, то это от отчаяния. Люди вышли из-под контроля. Я никого не пугаю. Басаев, когда шел в Буденновск, со мной беседовал. Я случайно узнал, что он туда собирается. Я его отговаривал...

Вы представьте себе человека, который в один день потерял свою семью, включая двухмесячного ребенка...”

Запомним эти слова Масхадова о Басаеве. Они важны для нашего анализа. Действительно, о террористическом акте в Буденновске было написано много. Телетрансляция телефонного разговора председателя правительства России В.С. Черномырдина с Шамилем Басаевым (один в здании Белого дома в Москве, другой – в буденновской больнице) вечером 18 июня 1995 г. стала мировой сенсацией. После разрешения кризиса масштабные военные действия федеральных войск были временно остановлены, начались переговоры в Грозном. С федеральной стороны их вели – Вячеслав Михайлов и Владимир Вольский, с чеченской – Усман Имаев, Аслан Масхадов, Гелисханов. Чеченская делегация выступила с заявлением, осуждающим террористические акты и обязалась оказать помощь в задержании Басаева и других участников акции в Буденновске. Уже 24 июня на переговорах в Грозном было достигнуто соглашение о проведении в ноябре свободных выборов в Чечне.

Однако это одна сторона событий. Параллельно с ней имела место противоположная динамика. Террористическую акцию задумал и осуществил человек, у которого только что перед этим была убита вся семья в результате бомбового удара с российского самолета. Полевой командир уже обрел право на полную свободу действий как право на мечь, что фактически признал и Масхадов. Басаев осуществил ее и стал героем Чечни. Он даже обрел неформальное право включить в состав чеченской делегации на переговорах своего брата Ширвани Басаева. Внешнее осуждение теракта и заявление Масхадова о розыске и выдаче Басаева фактически ничего не означало для чеченцев. В их рядах произошла новая мобилизация на войну, и мирные переговоры стали еще более трудными.

Как рассказал мне Вячеслав Михайлов, “после возвращения Басаева психологическая ситуация в Чечне резко ухудшилась, и мы это сразу почувствовали”. Уже через неделю Басаев через российский телеканал НТВ сделал заявление, что им подготовлен очередной теракт по типу Буденновска в одном из российских городов с целью сделать более сговорчивой российскую делегацию на переговорах с дудаевцами. Вооруженные чеченцы не соблюдали мораторий на во-

енные действия, продолжая нападения на российских солдат и работников местной милиции. В ответ федеральные войска 25 июня бомбили район с. Даго, где находились боевики Басаева. Логика циклического насилия не позволила реализоваться желанию командиров установить мир.

ВОЙНА КАК ЗАГОВОР

Чеченцы очень много думали и говорили о войне уже после того, как закончились боевые действия в августе 1996 г. Наши основные интервью были взяты сразу после них, когда еще победоносная местная пропаганда о “самой большой в мировой истории победе над самой большой в мире армией” не успела проникнуть в массовое сознание. Зато были мучительные и поистине проникновенные размышления простых людей, попавших в большую беду. Из многих свидетельств, в том числе и последовательных дудаевцев, только очень немногие отличались однозначной апологетикой случившегося. Да и в этом случае она имела намеренно упрощенный характер без доминирующих лозунгов “справедливой войны за независимость”.

“Я человек рабочий и не знаю разных интеллигентских штучек. Я скажу вам свою историю просто, без выдумок. Война эта справедливая, это газават. Я всю жизнь ждал эту войну, потому что раньше люди не слушались, своевольничали. Этому надо было положить конец. Порядок должен быть во всем” (Халид).

В подавляющем большинстве речь шла о бессмысленности войны, об ее странном и даже загадочном характере, о том, как простой народ был втянут в эту войну против его желания.

«Я все бьюсь над одним вопросом: а стоило ли ради того, чтобы привести во власть всяких ничтожеств, проходимцев, стоило ли разрушить республику, убить десятки тысяч людей? Что это за суверенитет и национальная свобода, если за них надо платить такой дорогой ценой? Да я даю вам голову на отсечение, я даже опрос проводил: 99% населения не знает, что такое суверенитет, и никогда не считало СССР империей. А уж чеченцы разъезжали по шабашкам по всей стране. На своем опыте знаю, что простому народу всех наций не нужны суверенитеты, пока не довели дело до войны. Вот ведь парадокс для историка. Народ не хотел, не собирался, а политики заставили людей убивать друг друга. Да, видно, правду говорят, что история ничему не учит.

Ну а после, когда война началась, убили моего свояка. Потом племянницу увели российские войска, до сих пор найти не могут. Потом российские войска стали торговать трупами убитых ими же чеченцев. Тут у меня руки сами потянулись к оружию. Продал я свой “москвичок” и купил автомат. И скажу я тебе, никакого обеспечения армии не было. Дудаев и его свора успели продать оружие, которое осталось от Советской Армии еще до войны. Да и армии-то у Дудаева не было. Не было никакого призы-

ва в армию. Не было никаких стратегических резервов. Все это поганое вранье, будто имел Дудаев какое-то секретное оружие, что воевать он будет на чужой территории, что взорвет там атомные станции – все это бесстыдное, беспардонное вранье. Не было никаких фронтов, ни армии.

Скажи на милость, какая может быть армия, если в самые напряженные моменты войны по горам бегало немногим более 1000 человек. На каждые 10 человек по 2 бригадных генерала – это же курам на смех, это игра в детскую войнушку. И вот такой-то тупой генерал купил целый народ. Такая меня досада берет, что хоть вой. По-моему, война настоящая началась, когда народ взялся за оружие. Стал защищать свои дома и близких. Ты, вот, меня возьми. Ведь не собирался я воевать. Ан, нет! Заставили! Я знал про контрактников. Знал про их свирепства и непотребства. И как подумаю, что дочь моя может попасть к ним в руки, так руки мои сами тянутся к оружию. Ну, вот и пришлось воевать» (Кюра).

«Война все же ошеломила. Я был растерян. Бизнес у меня складывался неплохо. Лично я был устроен хорошо. Может быть, поэтому мне казалось, что война быстро кончится. Ну, постреляют, спишут, как водится, технику, имущество, боеприпасы. И на этом дело кончится. Но нет. Проходил месяц за месяцем. Война продолжалась. Поначалу бросили в нее пацанов. Потом я понял, что это было сделано с умыслом, чтобы озлобить народы, вызвать взаимную ненависть. С обеих сторон участвовали контрактники. Я понял, что предстоит массовое убийство мирного населения – иначе большой войны не получится. Зачинщики рассчитывали именно на такую войну. Должно быть, здесь ставились глубокие, далеко идущие цели, а народ был обречен.

Когда дело коснулось моего народа в целом, когда я понял, что на его крови многие и многие загребут несметные богатства, закупают виллы и дворцы на Западе, более того, в самой Чечне на костях народа воздвигнут дворцы, я не мог оставаться в стороне. Я оставил семью и один горными тропами через Дагестан вернулся в Чечню.

Город был разрушен до основания. Дымились развалины сел, а главное, почти не было семей, которые не потеряли бы близких. Я сам несколько раз попадал под обстрел. Мой дом взорвали. Я вернулся в родительский дом и все-таки я не мог взять в руки оружие. Что-то удерживало меня. Не скажу, что я был из робких – за правое дело пойду, не дрогнув. Я заботился о родителях. Присматривался, наблюдал. И вот, что я видел. Недалеко от нас, в ложбине 12-го нефтяного участка располагались боевики. Оттуда постреливали из самых различных стволов. Были там и зенитные установки. И, странное дело, зенитки стреляли из лога, находящегося за нашим пригородным поселком, а самолеты федералов, методично разнося в щепки наш поселок, ни единого раза не сбросили бомбы в лог. Была странная последовательность в этих налетах. Сначала из лога громыхало все разнообразное оружие, включая и танковые орудия. А потом следовал налет, но именно на наш поселок, а затем, на значительном расстоянии, самолеты бомбили Алхазурово и Гойское. И повторяю еще раз, за 3–4 месяца, что я сидел в подвале разрушенного родительского дома, у боевиков в соседнем логу и волос не упал с бороды.

В конце марта, кажется, наступило в нашем краю сравнительно долгое и мучительное затишье. Видно, и боевики стали томиться. Они вы-

катили на возвышенность перед логом два танка и оттуда начали па- лить по городу. Самые близкие и легко достижимые цели перед ними – нефтепромыслы. Я наблюдал с самого начала, как танки поворачивали башины в сторону от нефтепромыслов и начали долбить жилые дома и школы в заводском районе. Они стреляли отчаянно долго. Я видел – заго- релись дома. Потом, видимо, снаряды достигли 4-й горбольницы. У меня был бинокль, выменянный у российского офицера. Я видел, как метались люди, должно быть раненые. И даю тебе честное слово, ни одного от- ветного выстрела не последовало со стороны федералов. Хотя я точно знал, что в Заводском районе были сильно укрепленные блокпосты, ко- мандатуры и большое количество артиллерии. Вот ведь, какие дела! Ну, а потом, вскоре после этого, все воинство из лога ушло. Ночь выда- лась лунная, и все было видно, как на ладони. А утром был такой налет авиации на опустевший лог, какого не было во все предыдущие месяцы” (Хожахмед).

“Чеченцы в массе своей не хотели воевать. Их втягивали, ввергали в войну против их воли. Лучшее всего это можно проследить на примере га- завата. Один из самых авторитетнейших в республике богословов, дважд- ды занимавший должность муфтия, еще в самом начале войны заявил, что по самым строгим канонам ислама эта война не является газаватом. Муфтия отстранили, заменили другим послушным и беспринципным, ко- торый менял убеждения как перчатки. Народ ему не поверил. Тогда ста- ли ссылаться на некие закордонные исламские авторитеты, которые ставили чеченскую войну в ряд войн в Югославии, Афганистане, Индии и объявили чеченцев передовым отрядом борцов за веру. Однако дело в том, что чеченцы пережили в XX веке страшный геноцид 1944 г., лишив- шись почти половины своей численности. И поэтому народ не принял со- мнительной чести поголовно лечь костями во имя мирового газавата. Во всяком случае после геноцида 1944 г. не чеченцам принадлежал черед во имя газавата исчезнуть со своей этнической территории.

Я не разбираюсь в богословии, но думаю, что только в самые послед- ние месяцы войны можно говорить о газавате. К тому времени были раз- рушены вся экономическая и культурная жизнь народа. Абсолютное большинство чеченских семей лишилось своих близких, множество семей погибло полностью. И вот массовые варварские бомбардировки и обстре- лы мирного населения под циничные заявления Завгаева о том, что небо Чечни чисто и безоблачно, поставило вопрос о самом существовании на- рода. Тогда-то часть народа, которая предпочитала быть в стороне, ре- шила погибнуть с оружием в руках. Другого выхода не оставалось. Для этих людей встал вопрос быть или не быть чеченскому народу. К тому времени был убит уже каждый десятый чеченец, а обстрелы сел и горо- дов стали особенно жестокими” (Саид М.).

«Спрашиваешь, участвовал ли я в войне. Да, участвовал, но только не с боевиками. Боевики здесь ни при чем. Когда солдаты приближались к на- шему селу, мы уже знали, сколько народу они перерезали в Грозном и Са- машках. Тогда мы, способные носить оружие, поклялись на Коране, что ляжем костями, но не допустим позора женицин. Боевиков у нас не было в селе, за исключением моего брата. А брат воевал в Грозном, хотя он и младше меня. Он с детства беспутный. Сидел дважды. У нас в селе его не

привечают. Сунулся к нам как-то с дружками в село: “Мы оборонять вас будем. У нас оружие, боеприпасы”. Так все село встало против. Старейшины наши сказали ему, чтобы он не вступал, а если хочет оборонять село, так пусть подчиняется моим командам. Меня главой ополчения выбрали. Я все-таки в армии до майора выслужился.

Теперь я думаю, правильно старики решили. Уж больно беспутные были у брата дружки. Потом мне говорили, они в мародеры подались. Ну, а мы воевали по совести. Солдаты российские думали, что выжгут нас артиллерией. Команда такая была, точно Берлин брали. Круглые сутки грохот стоял адский. Мне показалось, как военному человеку, что войска большие для порядку стреляли, для страху. Мы к тому времени так глубоко окопались, что нас только глубинными бомбами и можно было достать. Да село-то у нас маленькое, чтобы авиацию применять, а женщины и детей мы еще до приближения войск в горы отвели. У нас нещеры глубокие. Так что хоть и разрушили село наше дотла, из 120 мужчин погибло только 8. Да и то по причине озорства молодых: то без команды высунутся, то еще что-то глупое удумают. В другой раз подошли федералы, так выскочили на рукопашную без команды. Словом, хоть и разрушили село наше, но дорогу, идущую в ущелье, так и не смогли захватить. Хотя техники побили мы видимо-невидимо. А солдат мы побили более 200. Поначалу-то мы не считали, а потом взяли в плен капитана-тыловика, так он нам сказал» (Хизир).

ВОЙНА КАК БОЛОТО И КАК ПРЕИСПОДНЯ

Самая интересная версия войны встретилась мне среди рассказов не чеченских интеллектуалов или политиков, а тех, кто “возил трупы на опознание”. Эту категорию чеченцев нельзя причислить ни к инспираторам, ни к исполнителям насилия. Их можно назвать своего рода шерпами войны и насилия. Именно один из таких шерпов насилия предложил удивительное по своей философской глубине и бытовой мистичности объяснение войны и смерти как экзистенциальной сущности, которая “у человека буквально под ногами”. Суть этой мысли в том, что человек и его сообщество не запрограммировано на насилие, но оно (насилие) всегда рядом, и грань, которая отделяет мир и войну, жизнь и смерть, очень хрупкая, “в любой момент можно провалиться в подземелье”. Война тем самым обретает подлинно мистико-религиозный характер: это – преисподняя ада, антижизнь.

“Я возил трупы в Урус-Мартан, на Терек на опознание близкими. И народ мне в общем-то был благодарен. Иногда попадались останки знакомых мне людей. Некоторых из них я знал подолгу, целую жизнь. Учились вместе, растили детей, город-то небольшой, почти всех можно было запомнить в лицо. Я тогда понял, что война не обязательно приходит откуда-то извне. Война, смерть, разрушения – это все, что находится у человека буквально под ногами. В любой момент человек может быть втянут в эту пучину войны. Значит, само основание человеческой жизни

очень непрочно. Человек, оказывается, ходит по тонкой коросте и в любой момент может провалиться в подземелье. Трупы, которые я возил на опознание, еще совсем недавно были живыми людьми; верили, любили, надеялись. А потом кора прорвалась, и люди оказались в подземелье.

Не идет у меня из памяти труп одного молодого человека. Он был одет в джинсы, русоволосый и необыкновенно красивый. Такой чистый, светлый, такой красивый. Лежал такой спокойный, со светлым лицом, как будто уснул. А в руках держал букет уже пожухших цветов... Чеченские ребята крайне редко ходят с цветами. И парень, должно быть, шел к девушке, может на именины. Только вышел из дома, купил цветы. Тут же был расстрелян с внезапно налетевшего самолета. Потом его сложили в штабель со всеми другими погибшими. Он так и не выпустил небольшого букета роз. Парень даже не изменился, выражение его было доброе, точно живое, только на одной ноге не было ботинка. И, казалось, что он собирался найти свой ботинок и продолжить путь” (Саид М.).

К этой же версии добавляется мотив о “взбаломученном болоте” – своего рода версия современного триллера, когда разные “гады”, “распоясавшаяся чернота”, которые сидят внутри самого человека или живут с ним рядом, могут выползти наружу и начать вершить свои дела. На них уже невозможно воздействовать, ибо они “бесы”. Именно те самые “бесы”, о которых писал свой роман Федор Достоевский, вынося литературный приговор революции и революционерам.

“Я думаю, что эта война, как взбаломученное болото, выбросила наружу всяких гадин и вытолзших. И загнать их в преисподнюю, где им настоящее место, ох как будет непросто. Лукавый, он же сидит в каждом человеке, а всякий бунт или другая катавасия снимет преграды в каждом человеке. Вот и получается бесовская круговерть. Поди, останови. Теперь они ходят, трясут своими грязными бородами, повесили себе всяких медалей и спят в обнимку с автоматом. Как ты его теперь на работу загонишь? Даже если бы и была работа. Или, скажем, на учебу отправить. Ему же ни учеба, ни работа не нужны. Ему вольной житухи подавай. Вот и рассыпались по дорогам. Грабят под видом ГАИ, а то и нахально обидают. Я думаю, нам без крепкого правителя, без железной руки не обойтись. Только такой может взнуздать распоясавшуюся черноту. Иначе толку не будет” (Муса П.).

ВОЙНА КАК ВСЕОБЩЕЕ БЕЗУМИЕ

Тема “коллективного безумия” или всеобщего заблуждения уже встречалась нам при изучении других насильственных конфликтов. В крайне идеологизированной Чечне она была далеко не самой актуальной, но от этого не менее важной и интересной для понимания местного общества, разорванного войной. Версия коллективного заблуждения стала злободневной для глубоко травмированных людей, привычная социальная среда которых была полностью разрушена не только войной, но и тем, что сразу за ней последовало – отчаян-

ная борьба за власть, привилегии, доходные места, за право командовать людьми и вершить над ними суд по каким-то новым для них законам.

После войны ситуация стала более обнаженной, ибо разделила общество на тех, кто воевал, т.е. имел право на все, и на тех, кто не воевал, т.е. должен был подчиняться “ветеранам войны”. Почти в каждом селе появился такой “ветеран” с оружием и, как рассказывала Хеда Абдуллаева, в ее селе теперь все должны были идти к нему искать правду и решать споры, если их не могла рассудить местная власть. “А он только сидел со своим автоматом и указывал, что и как надо делать, хотя совсем ничего не понимал и его совсем никто не уважал до войны”.

В послевоенной Чечне сложилась совсем другая социальная иерархия и поведенческая норма, которую население не могло принять или вынуждено было принимать, оказавшись заложником вооруженной секты. Чеченцы стали сравнивать наступившую жизнь с жизнью африканских племен (выученной, конечно, из учебников) и все больше думать о своей новой судьбе, которая внушала тревогу и вызывала внутреннее отторжение. Отсюда мотив “племенного одичания”, который близок нашему тезису о демодернизации, хотя они различны по смыслу. Этот мотив дополняется еще одним – “похоже, мы основательно заблудились”.

«У меня сын оглох. Сам я контужен. Памяти не стало совершенно. Спрашивается, ради чего же мы воевали. После войны все пошли просить себе должности, все ринулись занимать себе кресла “халимов”. Однако большинство этих людей малограмотные или вовсе неграмотные. Они никогда не работали в аппарате. И не имеют понятия о службе. Они пускают свой собственный дом с государственным учреждением. А у их домов выстраиваются длинные очереди искателей мест. И все это родственники. Должно быть, в Африке вожди ведут себя так же. Но тогда это не государство, а разрозненные племена. До государства мы не доросли. Спрашивается, за что же мы воевали? И хотя сыновья мои и получили должности, я все-таки иногда сомневаюсь, что мы построим государство. Должно быть и другие люди задумываются об этом так же, как и я. И чтобы уйти от ответа на вопрос о том, ради чего загубили столько народа, отвечают – за свободу.

Опять же другой вопрос: какая же это свобода, если командиры обзавелись дворцами на сотни тысяч долларов. А простой народ от голода, нищеты и безысходности впал в самое настоящее отчаянье. Но тогда командирам беспокойно спать в своих особняках и пировать в сообществах все новых и новых жен. Теперь у командиров пошла мода: они соперничают друг с другом по количеству жен. Благо, в исламском государстве разрешено иметь их минимум четыре. А ведь есть еще много честолюбивых молодых людей, которым повезло меньше, и которые непременно попытаются счастье себе отвоевать, отвоевать себе местечко под солнцем власти, потеснив, а то и убрав нынешних владельцев. А это значит, что ни свободы, ни стабильности у нас не предвидится в обозримом будущем.

Вообще я думаю, что люди без образования никогда не построят государства. Надо бы собирать грамотных, знающих людей, приглашать, ставить их к управлению. А теперешние власти боятся умных, толковых работников. Они ставят себе задачей обеспечить местечками всех боевиков и ни слова не говорят о том, что общество должно объединиться ради построения первого государства. Они думают, что в государстве может сосуществовать вместе несколько дружин, но так в истории нигде не было. Но если это понимаю я, всю жизнь проработавший в торговле и в кооперации, то почему до этого не доходят те, кто претендует на высшую власть. В общем получают неувязки. Похоже, мы основательно заблудились. И опять же из страха за невозможность ответить на вопрос, за что, ради чего погубили столько народу, говорим, что совершили революцию, завоевали свободу» (Висит М.).

Тема безумия и обмана дополняется мотивом театра абсурда, в который превратилась послевоенная Чечня. Этот абсурд видится все в той же новой несправедливости и изменности людских побуждений даже в условиях тотального насилия. О том, что в результате войны “люди мало изменились”, что они по-прежнему прежде всего пекутся о личном благе, некоторые чеченцы высказывались еще в ходе войны:

“Отношение к любой войне крайне негативное. Нет вопроса, который нельзя было решить за столом переговоров. Это большая трагедия. Но мне казалось, что люди, пройдя этот ад, станут нравственно чище, пересмотрят ценности. Когда в феврале 1995 г. я попал в Грозный, то был удивлен и буквально заболел от того, что мои соседи говорили не о разрушенном городе, а о том, что у них украли. Война изменила не всех” (Рамзан Дж.).

“Мое же родное село втрое меньше и там боевиков не было. Но с началом лета его разбили вдребезги, а на Алерой не попал ни один снаряд или бомба. В нашем селе муфтий республики живет. Война во всю бушевала, а он себе новый дом мрамором отделал. Так этот дом единственный в нашем селе, куда даже шальная пуля не залетела. Я все в толк не мог взять, как же это так: маленькие, скромные домики, как мой, например, да и вообще село наше незавидное, если не считать хором муфтия, разбили в щепы, а с. Алерой осталось нетронутым. Думаешь, что российские не знали, что там начальник штаба вместе с боеспособными, опытными подразделениями?! Знали, но не трогали. Тут я вконец запутался. Странная это какая-то война. Вроде бы и правдишняя, ведь столько народу поубивало, беда-то какая. А вместе с тем вроде бы и театр. Не по-настоящему воют, а как бы играют в войнушку” (Исмаил К.).

Это, кстати, приводит нас к мысли рассматривать войну не только в привычной драматизации иррациональности и изначальной антисоциальности, но и как конструируемую человеком часть его культурного перформанса. Война и насилие есть часть жизни, а не домен смерти. А значит у нее есть собственная легитимация, т.е. оправдательное объяснение или объяснительное оправдание. Хотя бытовое сознание соглашается с этим тезисом очень трудно. Оно

скорее склонно предложить мифопоэтические версии, вплоть до литературных заимствований. Одна из таких ссылок на Сервантеса чрезвычайно интересна:

*“Семью в горы переправил, отвоевался. Потом разыскали меня, про-
сили вернуться. Сказал – нет. Я уже по возрасту невоеннообязанный.
И такое во мне отвращение к войне. Да и к роду человеческого теперь.
Устроился вот охранником, другой работы нету. Хотел было в лесники
податься, я сам из горных чеченцев, да и какой уж там лес остался. Самые
ценные породы порубили на дрова. Пока шла война, развязанная Дудае-
вым, не было других ис точников тепла. Однако войне угодно было дос-
тать меня еще раз в августе 1996 г. В то, что это была война настоя-
щая, может быть, и не верилось бы, если бы не погубили столько народу.
Не порушили города и села. Вот возьми ты, и бригадные генералы, и гене-
ралиссимус, и фронты и прочая чепуха – это, вроде бы, игра. Помнится,
читал я про Дон Кихота, как он с великанами сражался. У него как бы зре-
ние помутилось. Так и Дудаев с генералами в войнушку играл, а у народа
зрение помутилось. И побили этот народ смертным боем. Мне поначалу
жалко было народ-то этот. Ни за что ведь гибнет!”* (Кюра).

Таким образом, проблема насилия рассмотрена мною в альтернативном плане, т.е. прежде всего как набор человеческих действий, норм и идей в конкретном социокультурном (чеченском) контексте. Меня интересовали прежде всего внутренние объяснения и мотивы, а не какая-либо цельная теория насилия, которой до сих пор не существует прежде всего по причине крайней дискретности данного феномена¹⁷. Один из моих выводов состоит в том, что решающим моментом в объяснении насилия и конфликта является само понятие контекста как методологического условия, которое в свою очередь вытекает из признания первичности конкретной ситуации в интерпретации человеческих институтов и поведения. Главным является изучение в различных социальных средах человеческих реакций и действий в ответ на общие экзистенциальные проблемы, включая войну.

Именно это методологическое условие позволило гораздо адекватнее взглянуть на чеченскую войну с точки зрения самих чеченцев, а не их самозванных вождей, полуобразованных идеологов и полевых командиров. Масштаб пережитого и совершенного насилия действительно поразителен и выглядит внешне иррациональным и, безусловно, социально и морально не легитимным. Однако само чеченское общество в условиях войны демонстрирует, хотя и сильно нарушенную, социальность, суть которой заключается в установке на кооперативное и мирное поведение.

Феномен демодернизации проявился в том, что чеченское общество оказалось (вернее, позволило себя сделать) заложником крайне малой части протагонистов насильственного сценария и довольно мощной когорты участников новых геополитических соперничеств, осуществляющих глобальную “декоммунизацию” и “деколонизацию”, а также “доисламизацию”. Даже окончание войны в 1996

г. не позволило освободить чеченское общество от избранного не им самим бремени передового отряда борцов против “последней империи”. В послевоенной Чечне не получилось позитивного мира, что в любой момент могло вызвать очередной цикл тотального насилия, т.е. новую войну.

Последние события в Чечне подтвердили возможность не только циклического насилия (т.е. как исторического продолжения предыдущего), но и утраты способности общества оказывать влияние на этот процесс. Такое общество и в такой ситуации платит непомерную цену за то, что оно становится полем насилия. Один из наиболее вероятных вариантов – силовое вмешательство по обеспечению порядка со стороны государства. Это наиболее распространенный и легитимный путь, который в последние десятилетия применялся почти повсеместно в мире с разной долей успеха. В последнее десятилетие появился вариант международного силового миронавязывания с целью прекращения тотального насилия, но послужной список данной исторической новации слишком противоречив, чтобы можно было давать ему однозначную оценку.

¹ Из текста выступления Г.Э. Бурбулиса на заседании комиссии “Большая Европа”, 16 января 1995 г. Париж // Архив автора.

² Стенограмма круглого стола в Институте экономики переходного периода, 5 июня 1995 г. Москва. С. 32 (рукопись).

³ По антропологии насилия имеются некоторые работы в отечественной и довольно обстоятельные исследования в зарубежной литературе: *Horowitz D.L. Coup Theories and officers' Motives: Srilanka in Comparative Studies*. Princaton, 1980; *Idem. The Deadly Ethnic Riot Berkeley*, 2001; *Legitimization of Violence Ed. D.E. Apter. L., 1997; Staub E. The Roots of evil. The origins of genocide and other groupviolence. Cambridge, 1989; Hassner P. Violence and Peace. From the atomic Bomb to Etlmic cleansing. Budapesht, 1997.*

⁴ См.: *Перишц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А.* Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994.

⁵ *Marx E. The Social Context of Violent Behavior. L., 1976.*

⁶ *Robben A., Nordstrom C. The Anthropology and Ethnography of Violence and Sociopolitical Conflict // Fieldwork under Fire. Contemporary Studies of Violence and Survival Ed. C. Nordstrom, A. Robben. Berkeley, 1995. P. 3.*

⁷ *Mead M. Warfare Is Only an Invention – Not a Biological Necessity // War Ed. L. Bramson, G.W. Goethals. N.Y., 1964. P. 269–274.*

⁸ *Robben A., Nordstrom C.* Op. cit. P. 3.

⁹ По этому вопросу было собрано много материалов специальной комиссией Государственной думы по расследованию событий в Чеченской республике под председательством С. Говорухина, и неизвестно, где теперь они хранятся.

¹⁰ Россия – Чечня: Цепь ошибок и преступлений. Общество “Мемориал”. М., 1998. С. 196.

¹¹ Война в Чечне: Международный трибунал. Материалы опроса свидетелей. Первая сессия. М., 1996; Россия – Чечня: Цепь ошибок и преступлений.

- ¹² Название главы заимствовано из текста доклада Малверна Ламстеда, позднее опубликованного в журнале: *Security Dialogue*. 1998. December. Vol. 29, N 4.
- ¹³ См.: *Lumsden M.* Breaking the Cycle of Violence. L., 1998.
- ¹⁴ *Williams T.* Post-Traumatic Stress Disorders: A Handbook for Clinicians. Cincinnati, 1987; *Prince R.* The Legacy of the Holocaust. Psychohistorical Themes in the Second Generation. Ann Arbor, 1985; *Lavik N.J., Nygard M., Sveaass N., Fannemel E.* Pain and Survival. Human Rights Violations and Mental Health. Oslo, 1994.
- ¹⁵ *Lumsden M.* Op. cit. P. 2.
- ¹⁶ Впервые запись беседы была опубликована в кн.: *Зорин В.* Дневник не для себя (1989–1999). М., 1999. Кн. первая. С. 311–328.
- ¹⁷ Более подробно см.: *Тишков В.А.* Теория и практика насилия // Антропология насилия. Отв. ред. А.В. Бочаров и В.А. Тишков (выходит в свет).

Глава XIII

ЭТНОГРАФИЯ ЗАЛОЖНИЧЕСТВА

Каждый заложник боится двух вещей: если к нему пришли ночью, то казнят, а если придут с видеокамерой, то начнут избивать, калечить или насиловать.

Дмитрий Бальбуров.

Содержали в настоящих тюремных камерах – зинданах, даже с кормушками для подачи пищи. Все это было под жилыми домами. У меня была камера 1,5 м в ширину и 2 м в длину, и в ней сидело несколько человек. “Нары для кяфиров” было написано на лежанках.

Анатолий Геллер.

КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА ГЛАВА?

Эта глава первоначально не планировалась. Она стала возможной благодаря появлению эмпирического материала по проблеме заложничества и торговли людьми и ее актуализации в период нового цикла насилия в Чечне в 1999–2000 гг., когда федеральные войска в Чечне начали проводить особые операции по освобождению заложников (до этого МВД и ФСБ России занимались главным образом освобождением “громких имен”: политиков, крупных военных чинов, иностранцев и журналистов). На самом деле проблема чеченского плена и похищения людей появилась раньше. Еще в 1995 г., наряду с захватом чеченскими боевиками федеральных военнослужащих и содержанием в фильтрационных пунктах чеченцев, в России было зафиксировано 272 случая похищения людей, а в 1996 г. – 338. Подавляющее большинство из них имело место на Северном Кавказе, при этом свыше половины в Чечне. Всплеск произошел уже после окончания войны: в 1997 г. – 1140 случаев, в 1998 г. – 1415 и в 1999 г. – более 1500. Александр Лебедь сказал в этой связи следующее:

“Преступная паутина накрыла Дагестан, Ставропольский край, Ингушетию, Северную Осетию и практически весь Северный Кавказ, далее ме-



Освобождение заложника (Фото О. Климова)

тастазы потянулись в Поволжье, на Урал и в Москву. И практически во всех сводках, информационных сообщениях, показаниях фигурировала Чечня как организатор, исполнитель или соучастник этого опасного и разного вида преступления. К этому времени Чеченская республика не только выпала из-под юрисдикции российских законов и оказалась вне зоны действия российских спецслужб. Чечня под дулами автоматов неуклонно катилась в дикое и кровавое средневековье. Сейчас вряд ли кто сможет сказать, сколько сотен самих чеченцев были унижены похищением родственников и уплатой выкупа за них, но факты свидетельствуют, что в первую очередь от кавказского киднэпинга пострадал чеченский народ. Сказать, что власти неадекватно отреагировали на похищения, а практически на организованную работорговлю значит выразиться предельно мягко и деликатно. Ситуация развивалась весьма скверно”¹.

Освобождением пленных и заложников в Чечне занимались органы МВД, прежде всего управления и отделы по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП и РУБОПы) и специальные структуры ФСБ, некоторые общественные организации и отдельные лица, как, например, возглавляемая Лебедем неправительственная организация “Миротворческая миссия на Северном Кавказе” или занявшийся журналистикой майор Измайлов. Ближайший помощник Лебеда по этой работе Александр Мукомолов стал для меня одним из важных рассказчиков, хотя многие детали своей работы он не мог раскрыть. Главная причина, кстати, крайне проста: одним из условий освобождения и содействия операции обычно ставится неразглашение имен, мест, сумм и других деталей. Первый известный чечен-

ский узник, бывший министр образования республики Е.Л. Гельман, побывавший в заложниках еще в 1991 г., так и не раскрыл мне сумму заплаченного за его освобождение выкупа и некоторые другие детали, несмотря на длительное время, прошедшее после чеченского плена. Здесь, мне думается, играют роль также и опасение за жизнь, страх нарушить данное похитителям обещание не раскрывать место пребывания в плену и не называть имена похитителей. Дмитрий Бальбуров на вопрос, где он содержался в плену, заметил: “Ну, ладно, теперь, пожалуй, об этом уже можно сказать, хотя некоторые опасения у меня до сих остаются. Этот иуда Могушков (продавший журналиста ингушский водитель. – *В.Т.*), который сидит под следствием, говорят, поклялся мне отомстить за то, что я дал на него показания следствию”.

Тема заложников и торговли людьми в Чечне с начала 2000 г. стала более активно использоваться в пропагандистских целях, особенно после освобождения еврейского мальчика Ади Шарона и французского журналиста Бриса Флетье, когда министр внутренних дел Владимир Рушайло лично доставил Шарона в Израиль, а президент Владимир Путин имел телефонный разговор с французским президентом после освобождения Флетье. Российские власти эффективно использовали эту тему в связи с глобальной озабоченностью проблемой терроризма в современном мире и тем самым смогли ослабить критику своих действий в Чечне. Итоговая декларация саммита G-8 на Окинаве в июле 2000 г. включила положение о необходимости совместной борьбы с терроризмом и не содержала никаких упоминаний о войне в Чечне.

Однако меня интересует не столько политическая сторона проблемы заложничества и торговли людьми в Чечне, сколько социально-культурная динамика этого феномена, хотя, конечно, понять его без политики невозможно, о чем речь пойдет ниже.

О заложничестве, похищениях и торговле людьми в ходе чеченской войны многое было известно, но ряд журналистских исследований и информация со стороны российских властей значительно дополнили картину после начала новых военных действий в 1999 г. Санобар Шерматов вместе с Леонидом Никитинским опубликовали в газете “Московские новости” серию материалов по теме заложничества. В июне 2000 г. Александр Любимов сделал телевизионный фильм “Рынок рабов. Чеченские хроники”, показанный на канале ОРТ, а перед этим видеокассета с фильмом была подарена Любимовым лично президенту Владимиру Путину на специальной встрече в Кремле.

Хотелось бы особо отметить аналитический материал Шерматовой и Никитинского, в котором, хотя и на журналистском уровне, были определены некоторые ключевые аспекты данной проблемы и избрана структура анализа, сходная с предложенной в данной главе. В частности, заслуживает внимания общая оценка проблемы похищения и торговли людьми:

“В период “между двумя войнами” торговля людьми превратилась в отрасль экономики Чечни. Бизнес процветал именно потому, что по другую сторону от чеченской границы нашлись “торговые партнеры”. Число заложников, обмен которыми шел постоянно, исчислялось многими сотнями людей, совокупный оборот “отрасли” достигал десятков миллионов долларов. Именно эта экономическая составляющая (наряду с наркобизнесом, теневым нефтебизнесом и другими преступными промыслами) позволила чеченским мятежным формированиям получить современное оружие для продолжения войны. Дьявольская математика торговли людьми состоит в том, что каждый выкупленный российской стороной заложник стоил во много раз больше, чем собственно сумма выкупа: на эти деньги сразу же закупались новые средства для похищения людей, разбоя, убийства и войны”².

Материалы о торговле людьми и насилии в отношении заложников, а также о наиболее крупных торговцах людьми в Чечне были напечатаны и в других изданиях. Журналист Рустам Хадиков опубликовал очерк о Бараеве, под контролем которого, по его сведениям, в период правления Масхадова проходило от 35 до 60% всех похищенных людей, из которых подавляющее большинство были чеченцы. Однако цель публикации в “Общей газете” состояла в том, чтобы изложить фантастическую (но достаточно распространенную!) версию о том, что за деятельностью Бараева, братьев Ахмадовых стоят российские спецслужбы. В статье высказывались предположения, что за убийство четырех англичан и новозеландца Бараеву некими силами было специально переплачено 2 млн долл.: 12 вместо 10 млн, которые были готовы заплатить за их освобождение³. Цена подобным публикациям для исследователя мизерная, но отчасти они бьются, откуда в самой Чечне рождается мифология о повсеместной роли российских спецслужб в конфликте.

В ходе работы над книгой информанты и партнеры по исследованию делились со мною своими представлениями на сей счет. В основном они сводились к следующему: а) первыми заложников стали брать федералы, заставляя чеченцев выкупать своих арестованных родственников, а иногда даже убитых; б) торговлей людьми занимаются бандиты-отморозки, которые воруют и самих чеченцев и от которых страдают все; в) точные данные о заложничестве фактически недоступны, они тщательно скрываются, и даже задавать вопросы на эту тему опасно. Важные сведения удалось получить в результате бесед с несколькими жертвами чеченского плена, прежде всего с бывшим министром образования Чечено-Ингушетии Ефимом Гельманом и журналистом “Московских новостей” Дмитрием Бальбуровым. Последний опубликовал краткие, но очень искренние воспоминания своего чеченского пленения в журнале “Новая юность” (2000, № 2). Пользу принес и документальный архив А.Ф. Мукомолова, историка по призванию, у которого сохранился материал примерно о 300 случаях обращений по поводу похищений и об освобождениях заложников с участием Миротворческой миссии А. Лебеда.

СЛОЖНОСТИ АНАЛИЗА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

По ряду причин тема заложничества и торговли людьми оказалась сложной для социокультурного анализа. Во-первых, необходимо было преодолеть мифы и устойчивые академические конструкции, порожденные уже в ходе чеченской войны. Во-вторых, не было доступа к самим инициаторам и исполнителям актов похищения и продажи людей в Чечне. В-третьих, далеко не всегда жертвы – самые лучшие источники информации по причине физической и психологической травм. Наконец, политический, пропагандистский и эмоционально-личностный моменты в процессе освобождения людей были настолько сильны, что затрудняли раскрытие смысла феномена заложничества в целом, а также и роли отдельных действующих лиц и сил в нем. Как чеченские комбатанты часто для возвеличивания собственной значимости и силы из тщеславия присваивали себе отдельные громкие теракты и похищения, так и с противоположной стороны процесс освобождения людей был перегружен большой политикой или групповым соперничеством. Иногда вовлеченные в эти действия люди конфликтовали между собой, вызывая тем самым хаос или срыв акции.

На мой вопрос: “Все-таки за некоторых были уплачены крупные суммы, например, за группу журналистов из НТВ или за Валентина Власова?”, А.Ф. Мукомолов ответил:

“Нами – нет! У нас просто таких денег и нет. Но есть открыто признанные случаи уплаты больших сумм. Насчет Власова я ничего точно не знаю, ибо в этом никакого участия не принимал. Не думаю, чтобы там прямо так заплатили. Зато я сам принимал участие в действиях по освобождению журналистов НТВ, когда Гусинский к нам обратился. Мы сначала ездили договариваться без денег, а потом повезли туда два миллиона долларов. Я с полутора миллионами (500 тыс. остались для страховки) неделю по Чечне ездил и назад вернулся. Это подтверждает, что люди, которые там меня сопровождали, позволили с такой суммой и выехать, когда была дана команда за два миллиона не отдавать. Я все деньги сдал. Там тогда просто была игра Б. и Г. (Мукомолов имеет в виду Березовского и Гусинского. – В.Т.). Одному хотелось и деньги получить, и освободить. Это очень страшно, когда большие люди в эти дела вмешиваются и используют их в своих целях, в том числе милицейские чины и даже, извините, сам президент: он жмет руку освобожденному французскому фоторепортеру Фритье перед своей поездкой на Запад. А этот репортер попал в Чечню через Грузию. Он фактически нелегал. Любая страна за незаконное пересечение границы наказывает. Вот когда выжимаются какие-то политические дивиденды, а кроме этого, и экономические – это плохо. Это очень опасная вещь, когда освобождение уходит в сферу политики. Здесь уже идут неслучайные деньги. Это только помогает бандитам.

Мукомолов не раскрыл все детали громкого дела с освобождением журналистов НТВ, а, возможно, и не знал, в какой игре участ-

вовал, но публикация в “Московских новостях” об этой же истории показывает, насколько сложны и хаотичны, а также окрашены личностными мотивами действия “больших людей”. Шерматова и Никитинский приводят в своей публикации рассказ руководителя департамента безопасности группы “Медиа-Мост” (тогда компания В.А. Гусинского. – В.Т.) Александра Комарова об освобождении журналистки НТВ Елены Масюк и ее товарищей:

«...Переговоры об освобождении съемочной группы НТВ я вел с простыми людьми, многие из них, конечно, были связаны не только с политикой и бизнесом, но и с уголовным миром. При этом также велась аудио и видеозапись. Может быть, теперь, когда ситуация в Чечне стала иной, я еще что-нибудь вспомню. Разумеется, как бывший сотрудник МУРа я понимал, что, обсуждая возможности выкупа с не очень ясными людьми, вступаю на скользкий путь. Это была крайняя необходимость, поскольку после месяца переговоров на официальном уровне, в том числе Гусинского с Мовлади Удуговым и другими высокопоставленными лицами в Чечне, мы не продвинулись ни на шаг, и нам уже намекали, что надо платить. Все записи передавались нами в Следственный комитет МВД, с которым мы в деле освобождения съемочной группы НТВ сотрудничали очень тесно.

Я бы хотел подчеркнуть, вопреки рассказам Березовского и его людей, что Гусинский с самого начала выступал категорически против выкупа. Напротив, посредники, предлагавшие освобождение за выкуп, указывали на прецедент, созданный Березовским при освобождении журналистов 2-го канала. Гусинский даже настаивал на силовых операциях с целью освобождения нашей группы, но мы не видели таких шансов при отсутствии информации о похитителях. Когда возможности политического решения были исчерпаны, примерно через месяц после захвата, на НТВ начали выходить различные люди, предлагавшие свои посреднические услуги для освобождения за выкуп. Первым был Саламбек Маигов – несостоявшийся президент Чечни, он привел Адлана Хасуева, который, по его словам, имел какой-то контакт с похитителями. Сумму вознаграждения Хасуев не называл, но запросил 30 тыс7 долл7 за фотографии и 50 тыс7 за видеозапись заложников. Я с ним встречался раз пять до начала июля, но это ничем не кончилось. После него с предложением о помощи вышел Магомед Толбоев – Герой России, летчик-испытатель, секретарь Совета безопасности Дагестана. Он показывал бумаги, свидетельствовавшие о его участии в освобождении солдат – постановлении о помиловании, местные справки, – и рассказывал, как занимался освобождением корреспондентов 2-го канала, обеспечивал передачу за них 2 млн долларов, но себе ничего не взял...

В конце июля мне подсказали позвонить Александру Мукомолову по телефону с номером на “206” (АТС “Старой площади”. – *Ред.*). Мы встретились в квартире, которую он снимал в Колпачном переулке. Там же был Шарпуддин Лорсанов, министр внутренних дел Чечни в правительстве Дудаева, и Саша Любимов из “ВИДа”, который вел переговоры об освобождении захваченных в то же время корреспондентов 1-го канала. Сначала они назвали цифру 2 млн долл. Любимов сказал, что у него нет таких денег, нужно посоветоваться, и с тех пор мы вели переговоры отдельно.

Лорсанов рассказывал, как работал министром внутренних дел в Чечне, до этого возглавлял горотдел МВД в Шали, в общем он неслучайный человек,

сведения о наших корреспондентах получил от своего бывшего агента. Он показал документы Совета безопасности РФ и Комиссии по освобождению военнопленных. Мукомолов тоже сначала представился по этой линии. В начале августа с ними встретился Гусинский, чтобы обсудить конкретные условия. Он спросил в лоб, какие мотивы заставляют этих людей заниматься освобождением съёмочной группы НТВ. Мукомолов сказал, что он работает с Александром Лебедем, крестным отцом Хасавюртовского соглашения, и тут в первый раз я услышал про “миссию Лебеда”. Я уточнил по своим каналам, что Мукомолов – майор ФСБ в отставке. Переговоры продвигались быстро, весь процесс с этой парой в августе 1997 г. занял около недели. Появился младший брат Лорсанова Нажмуддин, который якобы вел переговоры с людьми в Чечне, у которых находилась наша съёмочная группа. Это подтверждали по линии МВД, с которым я работал в контакте. Еще по линии МВД мне стало известно, что в Чечне за трех наших заложников рассчитывают получить миллион долларов, а Лорсанов и Мукомолов говорили о двух миллионах.

Гусинский по-прежнему настаивал на том, что, если нельзя обойтись без выкупа, надо по крайней мере сделать все возможное, чтобы захватить тех, кто придет за деньгами после освобождения группы. Поэтому я хотел, чтобы посредники взяли деньги в Москве, а мы имели возможность зафиксировать этот момент и провоз ими денег, но потом вышло по-другому. Неожиданно в Москву прилетел Нажмуддин Лорсанов и сказал, что надо срочно вылетать. Поскольку гарантий у нас было мало, мы попросили, чтобы старший Лорсанов остался в Москве, его разместили в гостинице “Украина” под нашей охраной. Гусинский собрал экстренное заседание учредителей НТВ, они под протокол приняли решение просить у группы “Мост” деньги для выкупа. 2 млн долл. я получил наличными в “Мост-банке”, указав в заявке: “На выкуп заложников”, и еще около 50 тыс. на выкуп солдат. 7 августа я и первый заместитель начальника ГУОП МВД Мордовец подписали совместный “План оперативно-розыскных мероприятий по задержанию группы Лорсанова – Мукомолова” (! – В.Т.).

Накануне отлета в Беслан (аэропорт в Северной Осетии), который мы наметили как точку передачи выкупа, Мукомолов связал меня с неким сотрудником Совета безопасности Григорьевым, который должен был обеспечить передачу денег в Беслане. Григорьев приехал ко мне в одиннадцать часов вечера 7 августа, но разговор получился странный, потому что сначала он заявил, что занимается только освобождением солдат, а тут операция совсем другого уровня. Но через некоторое время он сказал: ну ладно, в порядке исключения из уважения к вам я готов оказывать содействие, только, мол, никому не рассказывайте.

Мы купили три клеенчатые сумки, описали их по индивидуальным признакам, переписали номера купюр и сложили в сумки. В 10 утра 8 августа мы вылетели в Беслан на арендованном НТВ “ТУ-134”... Мы прилетели в Беслан в 12 часов, в час приехали младший Лорсанов и Мукомолов. В самолете состоялся торг: они требовали передать два миллиона сразу, я отдавал полтора, с тем, чтобы еще 500 тыс. передать после получения заложников. Наконец они взяли полтора миллиона, сели в машину и поехали. Местные оперативники довели их до Черменского поста, но в Ингушетии сопроводить уже не могли. Такая цель и не ставилась, мы готовили попытку захватить тех, кто придет за оставшимися деньгами. Ни через два часа, как было обещано, ни через четыре никто не вернулся...

На следующий день в 7 утра приехал еще один брат Лорсанова с запиской от Мукомолова: “Товар в порядке, есть проблемы с транспортировкой”. Я ему сказал, что, хотя кровная месть у нас не в традициях, в случае провала им со старшим братом придется расстаться. Поскольку никакой информации не было и ничего не происходило, в три часа дня 9 августа Гусинский принял решение и отдал распоряжение возвращаться в Москву. Как только мы вернулись, начались звонки из Чечни. Несколько раз звонил Мукомолов: все в порядке, обязательства в силе. Чуть раньше Имадаев привез кассету, на которой были сняты наши заложники, мы ее купили за 30 тыс. долл. Сразу же позвонил Толбоев: зачем задрали цену, теперь они просят уже три миллиона. Само по себе это говорило о том, что и раньше в Чечне все вс знали, весть о появлении денег тут же долетела и до Махачкалы, и до Владивостока. Кстати, на следующий день после передачи выкупа в Грозном застрелился якобы в результате неосторожного обращения с пистолетом, заместитель министра внутренних дел Чечни, принимавший в этом какое-то участие.

Мы вернулись в Москву 9 августа, а 12-го прилетели младший Лорсанов и Мукомолов. Они привезли ко мне в кабинет полтора миллиона в тех же сумках и теми же купюрами, миновав при этом границы Чечни, Ингушетии, пройдя пост специального контроля во Внуково, который был установлен там для рейсов из Кавказского региона. Нукода они отдали деньги, мы вывели старшего Лорсанова. Братья встретились, между ними состоялся горячий разговор, из него я впервые услышал какие-то конкретные имена: Арби Бараев, Ваха Арсанов и другие. По словам Лорсановых, Масюк и съёмочной группой владели “восемь акционеров”. “Акционеры” заседали в центре Грозного в каком-то кафе, все передрались.

Я продолжал переговоры с Мукомоловым, не позволяя ему выйти из игры. Однако 17 августа мне велели срочно связаться с Гусинским, который в это время был за границей. Гусинский по телефону отдал распоряжение взять два миллиона долларов, которые я хранил у себя в кабинете в сейфе, и позвонить Бадри Патаркацишвили. Я позвонил Бадри, он велел привезти деньги в дом приемов “Логоваза” (компания Б.А. Березовского. – В.Т.) и отдать их Ивану, который меня встретит. Я спросил, как фиксировать передачу денег, он сказал, что, мол, можешь и не привозить. Тогда я обсыпал жену – она как раз была со мной – двумя миллионами долларов, сфотографировал на память, сложил деньги в сумки, вызвал охрану и поехал в “Логоваз”. Вышел какой-то человек лет тридцати. “Вы Иван?” – “Иван”. Я открыл сумку и показал деньги. Мы прошли в здание, по поведению Ивана я понял, что он тут какой-то начальник, и я отдал деньги. Через несколько дней появилась Масюк, но это было уже без моего участия.

...В первый раз выкуп не был принят, потому что мы дали его в обход “Логоваза”. Потом появился “Логоваз”, и все срослось. Но это только мое личное впечатление. Будь я следователем или прокурором, я бы не рискнул написать об этом в обвинительном заключении»⁴.

Итак, то, что деликатный Мукомолов назвал “игрой Б. и Г.”, на самом деле было безответственной импровизацией циничных людей с большими деньгами и с антигосударственным мышлением. Выплаченные Березовским и Гусинским миллионы долларов за “своих” журналистов, безусловно, способствовали расцвету преступного



А.Ф. Мукомолов с освобожденными заложниками

бизнеса на похищении людей в Чечне. От миража миллионных выкупов помутнилось сознание многих чеченских авторитетов и просто рядовых бандитов. Об этом же неоднократно заявлял и президент Чечни Масхадов, хотя некоторые из его ближайшего окружения столь же цинично и жестоко играли на жизни людей. Упоминание в приведенном рассказе высших лиц из чеченского руководства – Удугова и Арсанова совсем не было случайным. Сюда же можно добавить и Басаева, который однажды сделал интересное признание по поводу распределения и использования средств от выкупа заложников, о чем мне стало известно из разговора с А.Ф. Мукомоловым. Вот что он сообщил:

«Возможно существует некая система распределения средств. Я кстати еще когда Басаев был вице-премьером в правительстве Масхадова, говорил с ним на тему о похищениях людей. Он в принципе осуждал это. Но сказал: “Да, я знаю, кто и где этим занимается. Но пойми, 40% от всего этого идет инвалидам войны, какой-то процент на нужды армии и закупку вооружения, а какой-то – за сделанную работу”. По крайней мере чаще всего бывает, что сидят пять–шесть человек и ругаются, почему так мало ему досталось: он рассчитывал на одни деньги, а получил гораздо меньше. Это иногда из-за того, что размер выкупа может снижаться. Когда особенно на них давишь и объясняешь, что нереально получить такие деньги. Иногда ведь для них, что миллиард, что миллион – все равно. Бывает, в ходе переговоров один говорит: “давай согласимся”, а другой не хочет. Одной какой-то группы, центра, а тем более таксы нет. Одной группой руководит один, другой – другой, а там, где разделение труда, то вообще единое руководство невозможно».

Вероятно, мы никогда не узнаем всю правду о подобных историях, особенно о причастности чеченских лидеров к торговле людьми.

Именно поэтому оставляем верхний эшелон действующих лиц за пределами нашего анализа.

Помимо большой политики и личных амбиций российских богачей был еще и внешний аспект, поощрявший заложничество. Поразительно, но факт – даже самые варварские террористические акты и убийства заложников в Чечне не вызывали обычного в таких случаях возмущения во внешнем мире. Зарубежные СМИ или эксперты никогда не использовали термин “террористический акт” или “террористы” в отношении чеченцев и совершаемых ими жестокостей. Ни при взрыве Торгового центра в Нью-Йорке, ни в случае гибели американских солдат в Сомали или терактов курдских сепаратистов в Турции подобную симпатизирующую сепаратистам позицию западная пресса и экспертное сообщество не проявляли. Удивительно, но зарубежные журналисты, эксперты и политики, а также правозащитники почти единодушно оправдывали террористические действия чеченских боевиков. Юрий Захарович, московский корреспондент журнала “Тайм”, так писал о позиции американских журналистов:

“Они не искали извинений терроризму, но пытались проследить, как этот терроризм был спровоцирован войной. Насилие постоянно рождало насилие. Этот цикл вызывал у журналистов ужас тем, что становится бесконечным. Подобная интонация особенно явно прослеживалась при освещении печально знаменитой акции (именно *акции*, а не теракта! – В.Т.) Басаева в Буденновске”⁵.

Захарович приводит отрывок из публикации в журнале “Ньюсуик”, который саморазоблачителен по своему смыслу, если сравнить с тем, что пишут те же американские журналисты о палестинских или тамильских террористах, действующих на основе тех же аргументов, что и чеченцы:

“Трагедия обрушилась на родное село Басаева в конце мая, когда оно было подвергнуто бомбовому удару российской авиации. И вот, потеряв свою деревню, дом, мать, двоих детей, брата, сестру и еще шестерых родственников, Басаев на прошлой неделе решил на то, на что до сих пор не решались другие чеченские боевики. Он совершил возмездие за пределами своей родной земли... Басаев, по его собственному определению, террорист, но – террорист с рыцарским чувством чести. Действительно, хотя во время штурма больницы погибло более 100 мирных жителей, Басаев дал и выполнил обещание не расстреливать удерживаемых в заложниках женщин и детей...”

И далее весь текст призван вызвать чувство симпатии к подобному “рыцарскому терроризму”⁶.

В дни, когда в Чечне произошли кровавая акция убийства и демонстрации отрезанных голов трех англичан и одного новозеландца, я просмотрел через Интернет десятки западных изданий с комментариями на это события и был поражен, насколько искусно даже

в такой бесспорной ситуации политики и журналисты продолжали поддерживать “чеченское сопротивление”, стараясь не вызвать изменения мирового общественного мнения в отношении режима в Чечне. В подтверждение сказанного можно сравнить реакцию на обнаружение коллективного захоронения в Косово накануне военной операции НАТО против Югославии. Заголовки сообщений и их лексикон дают ясную картину того, как намеренно конструировались позиции и воздействия на политиков и массовое сознание. Антропология этих воздействий недостаточно хорошо изучена, но ошибочно полагать, что чеченские боевики не знали и не учитывали явно вялые или косвенно поощрительные реакции “международного сообщества”. Терроризм и похищения людей в Чечне если и не оправдывались, то во всяком случае не осуждались, что морально-политически стимулировало чеченских боевиков.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Одна из черт историко-этнографической мифологизации современных чеченцев состоит в приписывании им традиции заложничества и торговли людьми как одной из культурных характеристик. Этой чертой, как и традицией военных набегов, характеризуется целый народ как воображаемое “воинственное общество организованной анархии”, если использовать определение Анатоля Ливена⁷. В данном случае симпатизирующая этнография исходит из того, что традиция набегов и заложничества где-то дремлет в крови или в памяти чеченцев и в определенной ситуации сразу же проявляется, как и произошло в ходе конфликта. Это типичная ошибка патерналистской и по сути неокOLONиальной этнографии, которую совершают некоторые отечественные и зарубежные специалисты.

Все мои попытки обнаружить достоверные сведения, подтверждающие присутствие традиции заложничества в XX в., а тем более среди ныне живущих чеченцев, не дали результатов. Абсолютно точно, что в советской Чечено-Ингушетии заложничества и торговли людьми не было и быть не могло, учитывая правовую жесткость советской системы и степень модернизации чечено-ингушского общества. Предположить существование этой традиции в спящем состоянии также было бы некорректно: тогда слишком многое из происходящего в мире и связанного с насилием пришлось бы объяснять традициями самурайства или “бандитизма как формы социального протеста” (определение английского историка Эрика Хобсбоума), которые еще в XIX в. наблюдались повсеместно, начиная от американского фронта, Ирландии и южной Италии до Японии и Китая. В данном случае история и этнография выступают всего лишь как мобилизационный ресурс и оправдательный аргумент для похище-

ния людей и торговли ими. В современных условиях полумифическая память и аргументация прошлым придают таким действиям недостающую легитимность.

Что касается психотравматического эффекта и эмоционального фона данного явления, то оно было заметно как в ситуации массового заложничества, которое применялось чеченцами в ходе террористических актов, так и в случаях отдельного или группового похищения людей. Еще в период первой войны я обратил внимание на один важный момент – как освобожденные жертвы трактуют то, что с ними произошло, особенно при первых контактах с прессой. Побывавшие в чеченском плену российские военнослужащие, как правило, на обязательный вопрос журналистов, как с вами там обшались, отвечали одно и то же: “Нормально, кормили тем же, что и сами едят, не били”. Именно таких слов обычно и ожидали журналисты, создавая историю благородных чеченцев, рассказанную и показанную в первые дни грозненского штурма, когда чеченские боевики перед телекамерами передавали пленных федеральных солдат в руки их матерей.

Первым заметным исключением стала реакция известной журналистки Елены Масюк, униженной не только омерзительным содержанием в подвальной яме, но и неблагодарностью чеченцев, несмотря на симпатизирующую позицию телекоманды НТВ. Но даже после этого освобожденные журналист “Известий” и высокопоставленный федеральный политик продолжали говорить, что “вполне понимают чеченцев” и “не имеют зла на тех, кто их держал в плену”. Пожалуй, только иностранные граждане, а именно супружеская пара из Великобритании выразила неприятия произошедшего – насильственное лишение свободы и подвергание смертельному риску ни в чем не повинных людей, а также насильственное изнасилование женщины. “Нормально кормили, сильно не били” – это была реакция людей на уровне советской ментальности, которые не особенно привыкли рассматривать личные свободу и безопасность как главные жизненные ценности.

Многую замечен один психологический момент в восприятии и последующем объяснении акта захвата и пребывания в заложниках или в плену. Перед лицом явной опасности для жизни жертвы выбирали разные стратегии: от прямого вызова похитителем (что почти всегда означало смерть) или рискованного побега (итоги – чаще всего поимка или гибель, как в случае с генералом Г. Шпигуном) до стратегии смиренного поведения и установления человеческих отношений с ними. Заложники по-разному аргументировали свои поступки, о которых далеко не каждый из них позднее рассказывал. Были случаи полного подчинения и перехода на сторону воюющих чеченцев, вплоть до участия в убийствах других пленников и в активных боевых действиях. Но это чаще касалось молодых военнослужащих и обычно обрело демонстративную форму перехода в ислам.

Я проанализировал наиболее распространенный и рациональный с точки зрения человеческого поведения вариант, который называю “смирненным”. Он также требует огромных эмоциональных и физических усилий, развитого интеллекта и волевых качеств, не говоря о здоровье. Чеченский плен – жестокое испытание, и мне были вполне понятны слова Е.Л. Гельмана: “О Чечне с Вами поговорю с удовольствием, но только не о самом себе”. Именно поэтому я благодарен откровенному рассказу Дмитрия Бальбурава, Беседа с ним состоялась вечером 20 июля 2000 г. в моем кабинете за чашкой чая. Дмитрий оказался мягким и даже застенчивым человеком, проницательным и эмоциональным, а самое главное с удивительной само-рефлексией, т.е. способностью анализировать не только внешнюю ситуацию, но и внутреннее состояние.

В его рассказе я отметил несколько эмоционально-психологических моментов, которые отчасти нашли отражение также и в опубликованных им “Записках чеченского пленника”. Они явно доминировали над более рутинными, бытовыми сюжетами чеченского плена. Однако если бы я только прочитал его записки, то не узнал бы многого, что интересовало меня как исследователя. По словам Дмитрия, он испытал “горький осадок на душе – попался как кур в ощи́п”, “панический ужас, боль и постоянное напряжение”, “ненависть, сразу возникшую после освобождения”; “этими заметками я хотел бы закрыть самую мрачную страницу своей жизни и постараться не возвращаться к ней больше ни в мыслях, ни на словах, ни в поступках”⁸.

Я признателен Дмитрию, что он вопреки своему решению более двух часов говорил о пережитом, хотя по его голосу и глазам было видно, как ему тяжело. Мне даже показалось, что, полгода спустя после травмы, этот молодой мужчина нуждался в квалифицированной помощи, ибо кроме 2-недельного санатория после освобождения никакого другого лечения не принимал. Приведу отрывок из интервью. На мой вопрос, сказалось ли как-то это потрясение на здоровье, Дмитрий ответил:

«После того, как я вернулся, меня отправили в санаторий в Каширский район, где я пробыл с матерью. У меня после того случая сильно болела спина между лопатками. Там провели курс лечения. А к психиатру или к психологу я не ходил. Как-то сам вылезился, хотя месяца два-три после всего я был сам не свой. Все было так странно, дико и страшно. Постоянно по ночам кошмары снились: как там у Лермонтова – “спасите братцы, тащат в горы...” Все это было постоянно. До сих пор кошмары мучают по ночам. Я это как-то обсудил с Ильясом Богатыревым (еще один журналист-заложник. – В.Т.). Мы с ним учились вместе, с одного журфака, только он на один курс был старше. И жили в одном общежитии. Я в шутку говорю иногда: он мой друг по жизни и товарищ по несчастью. Он мне сказал: “Чего же ты хочешь. Я только спустя полгода пришел в себя, а стал нормальным человеком только через год”. Хотя, если честно, мне кажется он сейчас не такой, каким я его раньше знал. Он сидел два

с небольшим месяца. Первое ощущение после всего этого – это страшная обида. Ну, Господи, как и почему все это случилось? Это очень-очень обидно. Я даже скажу по-честному: где-то спустя месяц у меня пошли глюки.

Как то раз во время выходного дня я вышел на улицу продуктов купить. Там у нас в Чертаново есть небольшой базарчик. Весенний теплый день. Иду, посмотрел вокруг и вдруг вижу – за мной машина едет. Ничего себе! Вижу, за мною машина едет медленно и у нее номера региона 06 и та же самая белая “шестерка” или “семерка”. Я оглянулся и на заднем сиденье вижу мать этого иуды Могушкова, которая смотрит на меня с хитрой улыбочкой. Я бросился в глубь толпы на рынке. Затем говорю себе: подожди!, стоп!, стоп! Не может быть здесь этот 06 номер, а Могушкова сидит в следственном изоляторе. Не может ее быть. Подожди, успокойся, успокойся. Нет, думаю, вроде своими глазами видел. Днем. Трезвый. Вот до такого доходили глюки. Потом у меня еще глюк был, когда я подумал: все равно они, ингуши, Могушковы пригрозили мне отомстить. Я уж сделаю как Гаджи-бек Дагестанский, когда его взяли в плен и какому-то пророссийски настроенному дагестанцу предложили его повесить. Тогда он, Гаджи-бек, чтобы не доставить ему такого удовольствия, сам прыгнул с табурета и покончил с собой. Вот и я думаю, чем доставлять им такое удовольствие, лучше я... И я написал посмертную записку. Это где-то было месяца через два или три после возвращения. Написал, извинился перед всеми и стал думать, как это сделать. О! Я же на 16-м этаже. Если броситься, то смерть будет очень быстрой. И в этот момент, как, наверное, часто бывает, остановила какая-то ерунда. Вспомнил: у нас же дом ЖСК от “Московских новостей” и “Известий”. Тут все живут – журналисты, вокруг лужайки такие красивые. Зачем все это портить? Ведь понаедут сюда пресса и другие. Перед соседями тоже неудобно. И это остановило. Сейчас кажется все смешным, но тогда серьезно было.

Пытался загрузить себя работой, пытался писать, но ничего не шло, для этого тоже психологический настрой нужен. Если бы я дворником работал, тогда, может быть, было бы легче. Но в газете старались помочь и постепенно стали загружать работой.

Я и у Ильяса спрашивал, и он сказал, что делать ничего не мог долго.

Так что работа пошла только сейчас. Я еще очень боялся, что на работе будут на меня как на беденького и убоженького смотреть с жалостью. Но, к счастью, этого не было, и никто об этом не напоминает.

Мне особенно жалко свою мать, которая приехала и слышала по ночам мои крики. Вот ей действительно пришлось пережить больше всех».

Возвращаясь к стратегии смирения и осторожного выстраивания отношений с теми, кто захватил в плен и постоянно охранял, приведу несколько удивительных деталей из рассказа Дмитрия Бальбурова. Первым и самым неожиданным преимуществом оказалась его бурятская этническая принадлежность, а точнее неславянская внешность, что и было им использовано:

«Мне мой охранник потом рассказывал, что я вытащил счастливый билет. Когда им сообщили, что сейчас привезут российского заложника-журналиста, они были очень обозлены тогда: уже после Дагестана нача-

лись вовсю бомбежки Чечни и были жертвы. “Один из наших сказал: сейчас мы его прессанем по полной программе”. Это означало пытки или даже убийство. А когда, говорит, тебя привезли, вытащили из машины и сняли веревки, а с головы этот мешок и увидел твою калмыцкую морду, то у нас сразу и желание все пропало. “Эй, да он не русский! Ты что – калмык?”

“Да”, – говорю, я – калмык.

Так вы же калмыки, как и мы, такие же депортированные. Тогда почему вы не воюете, восстание не поднимаете против России?

Он мне признался, что если бы я был русский, то у них была установка отнестись жестко. А потом, когда увозили уже назад, он опять мне сказал: “Ты молись своему Будде, потому что в их группе два раза принималось решение отрезать тебе голову”. Первый раз – это когда федеральные войска начали бомбить Чечню, и они хотели в качестве устрашения бросить голову, как это было с англичанами. А второй раз, где-то спустя месяц, это когда в дом одного из бандитов попала ракета или бомба и многие родственники погибли. Он в качестве мести хотел, чтобы мне отрезали голову, но как-то это не случилось, видимо, успокоили его. Этот охранник мне и сказал, что я два раза был на волоске».

Второй интересный момент – это игра в карты.

“У них были карты и раз в день–два садились играть. Игра была одна – в тысячу. Других они не признавали. Моя задача была их не обозлить и незаметно проигрывать. Я делал вид, что без очков (очки потерялись в день, когда захватывали), плохо вижу, какие у меня на руках карты: положу карту и... ох! Что я там отдал? Туза что ли? “Ну, ты и лопух”, – слышу от них. Это их как то успокаивало”.

Осторожность в поведении проявилась даже в такой детали, как разговоры на “женские темы” с теми двумя охранниками, с которыми он прожил вместе в одной землянке больше месяца.

“Тот, кто помоложе, все время готов был разговаривать на эту тему, Но я пытался как-то уходить или отвлечь незаметно на другие темы. Все-таки трое мужчин вместе так долго в полной изоляции, и я у них в полном подчинении. Все могли придумать”.

Я уверен, что подобных и гораздо более страшных моментов Дмитрию пришлось пережить много. Моральные и физические муки испытали и другие заложники. В конечном итоге важен вопрос, почему жертвы чеченского плена и российское общество в целом не демонстрировали открытого возмущения, что неминуемо привело к ослаблению мотивов для более решительных действий со стороны государства по спасению похищенных и по борьбе с заложничеством и торговлей людьми? Как это и печально признавать, но главное – это отсталость гражданско-правового сознания населения и недостаток личностного достоинства.

Следует также иметь в виду психологическое давление и физическое воздействие на заложников. Последние становятся средством торга (политического или денежного), и это косвенно извест-

но пленникам, но совсем не придает им уверенности, что торг завершится их освобождением. Поэтому они бывают вынуждены занимать позиции террористов или, как их называют на Западе, “берущих заложников” (hostage takers), избегая тем самым более точной дефиниции. В такой ситуации захваченным кажется, что они должны разделять вину за происходящее в Чечне.

Среди тех, кто призван предотвращать эти виды преступлений и бороться с ними, также не было должных профессиональной подготовки и гражданско-правовой ответственности. Здесь часто царили импровизация и эмоции. Командовавшие операцией в Буденновске легко пошли на сдачу в заложники большой группы журналистов, которые решили сопроводить Басаева и его людей назад в Чечню. Хотя планировалось их уничтожение после освобождения заложников. Федеральные военнослужащие из желания наказать крайне ангажированного журналиста “Радио Свобода” Андрея Бабицкого сами организовали сдачу этого российского гражданина в заложники вооруженным чеченцам. Низкая цена человеческой жизни и правовой нигилизм, заниженные самооценки личной свободы и безопасности стали общим культурным фоном для столь быстрого распространения феномена заложничества и торговли людьми в ситуации чеченского конфликта.

МОТИВЫ ПОХИЩЕНИЯ

Как уже отмечалось ранее, ни один из наших информантов не мог вспомнить случаев захвата заложников или торговли людьми до 1991 г. Что было распространено в Чечено-Ингушетии в последние два десятилетия, так это использование труда разного рода социальных маргиналов или больших людей (чаще всего алкоголиков) из разных районов страны, которых привозили или заманивали в Чечню разными посулами. Они обычно использовались на строительных, хозяйственных и других домашних работах, жили вместе с семьей на положении домашних работников или даже полурабов, ибо во многих случаях им было невозможно покинуть дом или село, где они находились. Их труд не оплачивался.

«С давних пор в Чечне жили в домах разные работники типа бичей или бомжей. Там в каждом селе были свои какие-нибудь “Петя”, “Юра”, “Вася”, которые жили пять, десять или больше лет в чеченских семьях. Они, как правило, – одинокие люди, никого у них нет, и они сами никуда не уходят. Обычно они – наркоманы или алкоголики. У меня был случай: мы были у друзей в одном селе, и там, смотрю, во дворе парень славянской внешности. Я спрашиваю, а это кто? Да это Юра, он у нас уже лет пятнадцать живет. Раза два отправляли в Харьков. Он только до вокзала добирается, там все деньги спускает. Его или приводят назад или сам приходит, весь побитый и грязный. Я говорю нехорошо это» (А. Мукомлов)⁹.

Аналогичная практика существовала и в других северокавказских республиках, особенно в Дагестане. Здесь в 2000 г. было обнаружено село, где почти все домохозяйства, включая директора местной школы, имели так называемых работников, а на самом деле домашних рабов из категории социально опустившихся, больных и сломленных людей неместного происхождения, которые прежде всего нуждались в социально-медицинской помощи. Таким образом, мы меньше всего склонны объяснять заложничество в Чечне культурно-историческими традициями, даже если возможно проследить схожие параллели в рассказах о чеченском плене периода Кавказской войны прошлого века. Заложничество породила война и отчасти распространившаяся в самые последние годы на Северном Кавказе практика использования принудительного труда маргинальных личностей, за судьбу которых общество и государство фактически никак не отвечало: бомжи и тунеядцы были как бы вне закона.

Число захваченных и насильно удерживаемых людей в Чечне установить не удалось (власти и правозащитные организации этой проблемой по-настоящему не занимались), но их было очень много. Уже позднее российским службам удалось установить имена почти 6 тыс. человек, захваченных чеченцами, из них примерно 3400 не были найдены на начало 2001 г. За 1999 г. 341 человек был похищен (в основном до начала второй войны в августе) и около 400 освобождено (главным образом после ее начала). В 2000 г. было похищено 59 и освобождено 40 человек. Было также освобождено около 50 иностранных граждан. Некоторые эксперты считают, что общий доход от этой деятельности за последние пять лет составил около 200 млн долл.

На центральной площади в Урус-Мартане и в Грозном на площади Дружбы народов (!) действовали самые крупные рынки – совершенно легальные места, где можно было купить или заказать себе пленника. Стоило только сделать предоплату и назвать категорию пленника – бизнесмен, офицер, чиновник. В Урус-Мартане ходили списки предназначенных для продажи людей. О мотивах массовой торговли людьми А.Ф. Мукомолов дал следующее объяснение:

«Зачем похищают? Не только ради выкупа. Интересна история этого дела, начиная с фильтров. Хотя похищение людей на Кавказе известно еще с времен Толстого, но именно война породила массовые похищения. Ведь на фильтрах делалось тоже самое: приходили родственники, платили деньги и забирали своих. У них пропало без вести где-то около 1400 человек. Они знают их по фамилии, знают, какие БТРы их забирали, но дальше цепочка рушилась, и нужно было искать. Если находили сразу, то обычно забирали. Но существовала и практика обмена. Где-то захватили пленных во время боя, и это, наверное, хорошо, что не всех убивают. Вот есть у какого-то полевого командира пять солдат – это значит, что их можно пустить на обмен или на продажу. Появляется обменный фонд. Он стал использоваться также для обмена на тех многих чеченцев, которые сидят в российских тюрьмах. Их родственники могут выку-

пить себе у бандитов пленных для себя, чтобы потом выручить родственника из тюрьмы. Мы вот имели дело с таким случаем: чеченская женщина выкупает у бандитов солдата, он у нее живет, что-то по дому делает, а в это время начинаются переговоры по обмену на освобожденного из тюрьмы ее сына. Но когда мы узнали, что этот чеченец сидит в тюрьме за убийство, мы ей сразу сказали, что в таком обмене участвовать не будем, ибо у него нет перспективы. Так и сказали, что шансов у нее нет. Девять месяцев мы бились, чтобы уговорить ее на какие-то другие варианты, и, наконец, освободили парня.

Есть варианты, когда похищают денежных людей, или, как называют, “выкупных”: бизнесмены, евреи (говорят, иди к Березовскому или к Гусинскому и пусть он даст денег, если своих нет). Бывают в этой категории дела по бизнесу: человека похищают и принуждают или подписать какие-то документы, или вернуть долг, или просто выплатить определенную сумму. Такие дела характерны, когда похищают ингушей или дагестанцев, о которых все знают: занимается рыбным бизнесом или имеет санаторий или еще что-то».

Война оказала разрушительное воздействие на мораль населения: многое из того, что осуждалось, теперь оказалось приемлемым. К тому же ситуация полного подчинения гражданского населения вооруженным группам и вооруженным властям не позволяла принять какие-либо действенные меры против похищения людей. И все же в Чечне отношение к похищению людей было неоднозначным. Большинство населения осуждало это, хотя остается открытым вопрос о причастности к данной практике широкого круга местных жителей, которые знали о том, кто занимается данным промыслом и даже кого захватили и где содержат. На мой вопрос, как широк круг людей, которые осведомлены о всех этих делах, А.Ф. Мукомолов ответил так:

“О тех, кто этими делами занимается, знает большой круг людей. Но точно, кто, кого и где содержит – это уже знает узкий круг лиц. А в последнее время информации в сторону федеральной стороны стало все меньше и меньше. Начали отстреливать сочувствующих, и люди стали бояться сотрудничать. Ваххабиты спокойно ходят во всех селах. Бараев живет в Ермоловке и даже недавно женился.

В понедельник приехала группа из Чечни и рассказала, что в Ермоловке застрелили милиционера, который встал на сторону федералов. А когда делали зачистку, арестовали двух ближайших соратников Бараева – одного из самых известных похитителей, но уже через два часа их отпустили. Проехать блокпост стоит 50 рублей: деньги в паспорт, и даже вопросов задавать не будут”¹⁰.

Заложников брали не только ради выкупа, но и для использования их в качестве рабочей силы, в частности для выполнения строительных работ.

“Похищение для выполнения каких-то работ действительно распространено. Когда поехали первые бригады восстанавливать Чечню, осо-

бенно Грозный, много мастеровых людей пропало, особенно тех, которые что-то могли делать: плиточники, каменщики, плотники. Их уже там за какие-то мелкие деньги передавали друг другу, пока они не попадали в хорошие руки и их отпускали. Или мы их разыскивали и вытаскивали” (А.Мукомолов).

Заложников использовали для обмена. Если кто-нибудь попадал в России в тюрьму, то семья вместе с ближайшими родственниками принимала решение похитить самим или поручить какой-нибудь банде доставить одного или несколько заложников, желательно из той же области, где сидит их родственник. После этого начинался торг.

Среди тех, кого захватили в самой Чечне, были случаи похищений с двойной целью: не только получить выкуп, но и нейтрализовать политического оппонента. Наиболее известный – похищение старшего из братьев Хасбулатовых Асламбека, являвшегося одним из претендентов на пост президента Чеченской республики в ноябре 1996 г. Он был похищен из своего дома, и его 118 суток держали в яме. Туда спускали еду, и только раз в неделю воду, чтобы он мог помыться. Выпустили Хасбулатова уже после инаугурации Масхадова и только после выплаты выкупа.

“Захватили, чтобы не высовывался против Масхадова, но заодно решили получить и деньги. Мы, все родственники, собирали эти 100 тыс. долл. Я до сих пор должен 15 тыс. долл., которые занял для этого. Так что наш младший брат Руслан Имранович говорит неправду, что это только он заплатил за освобождение брата”¹¹.

КОГО И КАК ПОХИЩАЮТ

Иногда потенциальная жертва сама попадает в руки бандитов по разным причинам (пренебрежение безопасностью, незнание ситуации случайными визитерами, излишняя доверчивость и прочее). В январе 2001 г. при поиске похищенного американца Кеннета Глака был обнаружен и освобожден пленник, который приехал в Чечню за несколько месяцев до этого в гости и сразу же был захвачен. Таких примеров множество. Однако чаще всего операции готовились долго, по несколько месяцев. Определялась не только жертва, но и форма захвата, метод доставки заложников к месту содержания. Особенно сложная система действовала, когда их брали далеко от Чечни и в крупных городах, где много милиции и дорожно-постовых служб. На территории Чечни использовалась помощь населения, и здесь уже могло быть задействовано большое количество людей. Принимались меры предосторожности. Одна из них – частое перемещение заложников. Французского фотографа Бриса Флетье за 9 месяцев перевозили из одного места в другое 11 раз.

Похитили везде, даже в Москве, как это произошло с 22-летним Кириллом Перченко у московской станции метро “Кантемировская”.

«Сначала поместили в КАМАЗ со стекловатой, где задняя часть кабины была отгорожена, и там был даже биотуалет и лампочка. Там я ехал вместе с двумя охранниками. В пригороде Грозного, на каком-то поле, меня пересадили в джип и повезли в центр города, на квартиру. Показали видеозапись, как чеченцы расправляются с заложниками. Сказали, что мол можем тебя сразу отдать этим жестоким людям, а можем оставить жить в нормальной чеченской семье. Потом я оказался в Урус-Мартане. Посадили в подвал, где уже сидели 11 человек: кто из Москвы, кто из Дагестана, кто из Ингушетии. И началась “прописка по месту жительства”. С нами сидел один веселый тат, которому отрезали два пальца. Еще было два парня, которые погибли: один спасатель из МЧС*, другой из СВР*, которого забили палками. Похороны сделали импровизированными на наших глазах. Спасатель не выдержал и набросился на чеченца с ножом. Ударил, но нож о ребро загнулся. Если бы убил, тогда и всем нам бы был конец. Спасателю отпилили голову двуручной пилой. Мы все при этом присутствовали. Меня и еще одного парня-казаха спустили с гор для обмена на деньги. Отдали нас, видимо, не совсем ушлым ваххабитам. И те оставили нас временно в здании, где было окно, забито ДСП. Мы ее отодрали и сбежали. Увидели какого-то пожилого чеченца – в папаче и с золотыми зубами и поняли, что это явный признак кавказской стабильности. Дед этот оказался из старейшин. Нас отвели в комендатуру. Омоновцы нас обыскали, расспросили. Потом поставили перед нами 16 банок тушенки и 4 банки сгущенки, и мы все это съели»¹².

Гораздо проще проходила процедура похищения жителей соседних территорий, особенно приграничного Ставропольского края. Спартак Ашкалов вместе с 5-летним сыном Герой стал заложником в июле 1998 г.

«Зашла банда в дом ночью, и потащили вместе с сыном по станице. Я кричу: “Забирайте меня, а сына оставьте”. На другой стороне Терека было человек 20. Я их просил, сказал, что денег нет, так как я только что выкупил дочь. “Молчи Спартак!” – говорят они мне. Когда нас привезли и поместили в зиндан, там висели вещи женщин и детей»¹³.

Почему-то в приграничных территориях чаще похищали детей, чтобы получить выкуп с родителей. Это был один из наиболее изверских видов торговли людьми, подлинный киднэпинг. Вот несколько свидетельств.

“Наших детей похищали так. Я возвращалась с прогулки и вошла в подъезд, а там несколько мужчин. Меня и Яну ударили по голове, а Дениску забрали. Сколько слез было пролито и сколько всего пришлось предпринять, чтобы освободить, не могу сейчас даже рассказывать. Когда возвращали сына, то я сначала увидела, как Дениска вышел из машины, он был коротко острижен. И я испугалась, что это не он. Он был опухший и синюшные бледного цвета. Вечером температура 40, и мы утром поехали в больницу”¹⁴.

Наставили в рот пистолет и забрали дочь. Потребовали 15 тыс. долл. В начале июня подъехала к дому машина, сказали, что если 7 тыс. долл. не заплатишь, тогда ребенка не увидишь. Потом опять: давай хотя бы тысячу, и мы привезем дочь”¹⁵.

* Служба внешней разведки.

Помимо работников для выполнения принудительных работ и детей, которых брали для выкупа, предпочтительными жертвами были люди из числа предпринимателей или служащих, занимавших денежные должности, с которых можно было получить большие суммы. Иногда информация о материальном положении потенциальной жертвы была основана на простых слухах или чисто бытовых представлениях (“бизнесмен или на иномарке, значит, богатый”). Об одной из историй, произошедшей в г. Новопавловске Ставропольского края, сообщила “Вечерняя Москва” (25 августа 2000 г.).

11 сентября 1999 г. поздно вечером к небольшому мелькомбинату, которым владел 20-летний Саша Титов, подъехали четверо вооруженных людей в масках. Они запахнули двух работников и Сашу в его же машину и скрылись. Потом автомобиль нашли на территории Кабардино-Балкарии. В багажнике оказались двое связанных ребят, а Сашу увезли в неизвестном направлении. На следующий день позвонили его отцу и потребовали 3 млн долл. Ни денег, ни покровителей у Саши не было. Он был инвалидом с 14 лет, когда во время грозы попал под высоковольтный провод и потерял ногу и руку. Невероятным упорством ему удалось добиться скромного преуспеяния и даже научиться ездить на машине “Шевроле” с ручным управлением. Единственным человеком, решившимся на розыск, стала его крестная мать Людмила Айвазова, которая смогла встретиться в тюрьме с осужденным за кражу людей ингушом из группы похитителей, действовавших в том же районе. Он и направил ее к Исе Арсамакову, за которым ходила слава главного похитителя и уголовного авторитета. Айвазова жила какое-то время в доме Арсамакова, и тот обещал помочь, но, видимо, мало что мог сделать. Айвазова в течение нескольких месяцев разъезжала по Ингушетии и Чечне в поисках племянника. Затем при непонятной ситуации Саша был найден и освобожден ингушской милицией, а Арсамаков арестован.

Похищали не только русских или иностранцев, но и чеченцев, особенно из числа состоятельных или тех, за кого некому было постоять. 28 апреля 1999 г. был насильно увезен из своего дома неизвестными людьми в масках преподаватель Чеченского государственного университета Абузар Сумбулатов. В июле 1999 г. газета “Грозненский рабочий” опубликовала письмо коллегива университета на имя президента Масхадова: “...Сумбулатова Абузара мы знаем по совместной многолетней работе как очень порядочного и высокообразованного человека, который не был замешан ни в каких политических интригах...Мы надеемся, что Вы, несмотря на свою занятость государственными делами, обратите внимание на нашу просьбу и обяжете соответствующие органы и структуры активизировать работу по поиску и вызволению похищенного нашего коллеги Сумбулата Абузара”¹⁶.

Цель похищения чеченцев в большинстве случаев была одна – выкуп. Лишь однажды заложника захватили, намереваясь таким образом выбить долг. Кстати, им был ребенок всего трех лет от роду¹⁷. В этом же номере газеты была помещена информация о том, что после 37 дней, проведенных в неволе, освобожден 50-летний кубачинец, мастер по золотым изделиям, Ибрагим У., который уже четверть века жил и работал в Чечне и имел много друзей и знакомых в шалинском поселке Кавказ.

Поскольку страдали и сами жители Чечни, которых столь же часто похищали, как и жителей других регионов страны, предпринимались некоторые попытки организовать гражданские структуры по борьбе с киднэпингом (так в Чечне называли похищение и торговлю людьми). С апреля 1999 г. при МВД ЧР существовал Комитет родственников жертв киднэпинга. Его силами были освобождены несколько заложников. Почти каждый номер “Грозненского рабочего” помещал сообщения на эту тему. Вот некоторые из них.

“83 дня, проведенные в плену, остались позади. 19 июня освобожден еще один заложник – Саид Исаев, корреспондент агентства ИТАР–ТАСС. Он был похищен из своего дома 29 марта. По словам Исаева, он вышел на свободу благодаря своим родственникам” (1999. № 23. 24–30 июня. С. 1).

“Ранним утром 25 июля в результате спецоперации МГБ ЧРИ освобожден из плена сотрудник МВД Дагестана Гериханов, похищенный 1 июня в г. Хасавюрте. Его похитителями оказались жители Дагестана. Они позже передали (перепродали?) заложника чеченским коллегам по ремеслу. За короткий период силами МГБ ЧРИ задержано более десяти жителей ЧРИ, подозреваемых в похищении людей” (1999. № 28. 28 июля – 3 авг. С. 1).

В Чечне жертвами киднэпинга становились не только незащищенные граждане, но даже депутаты масхадовского парламента. В 1997–1998 гг. было взято в плен четверо депутатов парламента ЧР. 27 июля 1999 г. в центре Грозного вооруженными людьми был захвачен и насильственно уведен депутат парламента ЧР, председатель комитета по возрождению горных районов Абдурахман Сулейманов. Созданный штаб по розыску и вызволению депутата возглавил вице-спикер Иса Темиров. Заложника удалось освободить без жертв и доставить домой. Руководитель чеченской Национальной службы безопасности (НСБ) И. Хултыгов так прокомментировал этот случай:

«Вместе с депутатом наши ребята освободили 8-летнего племянника бывшего генерального директора “Грозэнерго” Нурди Усанова. Ребенок находился в заложниках семь месяцев. Кстати, из-за ложной информации о его похитителях, которую дал сотрудник одной иностранной разведки, 6 мая 1999 г. на площади им. Лечи Хултыгова (бывшая “Грознефтяная”) г. Джохар произошел вооруженный конфликт, приведший к гибели 11 чело-

век! Он арестован, по делу идет следствие, в интересах которого я не называю его имени и принадлежность разведки. Отмечу, что трагические события 6 мая и похищение депутата А. Сулейманова – звенья одной и той же цепи. И на сей раз спецслужбами ряда стран планировалось вооруженное столкновение между двумя крупными чеченскими тейпами. Но замыслив наших врагов не сбывшись. Мы не позволим делить нас и никогда не будем воевать друг с другом. Нас и так мало. За время руководства НСБ И.Хультыговым сотрудниками этой службы освобождено более 50 заложников»¹⁸.

ЕВРЕИ КАК ЖЕРТВЫ

Помимо бизнесменов и известных лиц из числа чиновников или журналистов приоритетными жертвами похищения были лица еврейской национальности. Будучи часто подвержены антисемитизму, чеченцы особо жестоко обращались с евреями, а Бараев вообще заявил, что будет убивать всех захваченных евреев. А.Ф. Мукомолов объясняет это так:

«Насчет заявлений Бараева и некоторых других бандитов о том, что они будут убивать евреев, точно не знаю, но следует отметить одну особенность. Там, где действует чеченский бизнес, в их фирмах часто на заметных должностях работают евреи, или, как говорится, “человек с мозгами”. И похищения были чаще всего из этого круга. Мы освобождали несколько таких человек: Фишмана, Драчевского. Похищали их из соображений, что у них должно быть много денег. Если не у них самих, то у их родственников. Вот погиб человек по имени Фрадкин (он вообще-то Курносов по матери). Он поехал в Нальчик и там где-то отдыхал. Сорил деньгами направо и налево: “Я – такой-то, я – тот-то!” Ну, его и сперли, даже не чеченцы, но доставили в Чечню.

Все бы ничего, но они заломили два миллиона долларов. Звонили отцу и матери каждый день, ссылались на его же слова и требовали заплатить. По нашей практике работы мы вышли на фирму Фрадкина, взяли ее финансовый баланс. Достали документы о родителях: они пенсионеры, участники войны и были обычными преподавателями. Мы эти документы туда забросили. Когда они это получают, то начинают разбираться, и наступает просветление мозгов. Денег таких у него не могло быть. Но те все равно стали звонить и требовать идти к Березовскому, Гусинскому или к другим еврейским банкирам – они пусть деньги дадут. Так он и погиб. Мы с такими суммами, конечно, дело иметь не может. Но все-таки одна из наших задач доводить до похитителей информацию, что таких денег у людей быть не можем, и зря они обольщаются».

Широкую известность обрела история израильского мальчика Ади Шарона, в освобождении которого Миссия Лебеда прямого участия не принимала (его освободили российские органы милиции).

“Ади Шарон вместе с отцом был похищен с Кутузовского проспекта в Москве в августе 1999 г. Предъявили удостоверение милиции, приставили пистолет, мешки на голову и увезли, папу через сутки от-

пустили, а мальчика отвезли. У меня есть письмо Иосифа Шарона на имя Лебедея, где он говорит, что сумму назвали до 170 тыс. долл. Первым делом Шарон связался с каким-то посредником из Ингушетии и дал ему 50 тыс. долл. Тот уехал и умер. Деньги пропали. Потом он написал письма в органы власти. Завели уголовное дело. В конце марта он мне позвонил и пришел. Я попросил его написать письмо на имя Лебедея. Лебедь санкцию дал на это.

У нас такой порядок. Если мы начинаем заниматься конкретным делом, то извещаем соответствующие службы, которые этим занимаются. Потому что иногда нехорошо влезать в дело, где уже идет расследование. Я позвонил в ГУБОП, там сказали, что надо помочь. Но в ГУБОПе тоже есть разные группы. И там был один отдел, который занимался этим делом, но они об этом не сказали. Мы начали заниматься, пошли на встречные контакты, получили от посредников свежую фотографию мальчика. Это нужно делать обязательно: или фото, или письмо, или еще какая-то весть, подтверждающая, что этот человек жив. Сейчас еще можно позвонить по мобильному телефону. Иногда получают видеопленку. С делом Шарона получилось так, что я уехал в Чечню 1 июня, а на следующий день к жене завалилась милиция из районного отдела. Видимо, моя фамилия где-то прошла”¹⁹.

В конечном итоге в мае 2000 г. под г. Пензой, в центральной части России, мальчик был освобожден. Ади Шарона похитили не чеченцы, но идея похищения принадлежала им. Часть людей, вовлеченных в это преступление, находилась в Чечне и Ингушетии, в том числе и руководитель всей акции – чеченец, который лично нанес травму мальчику, отрезав ему две фаланги пальца, которые были доставлены отцу.

Сави Азариев из Волгограда рассказал, что с ним обращались особенно жестоко потому что он был еврей:

“Люди Арби Бараева так и говорили, что их задача вытряхивать деньги и уничтожать всех евреев. Мы собрали 300 тыс. долл., но этого им было мало, и меня не отпускали”.

Алла Гейфман рассказала следующую историю:

“1 июля отрезали один палец и отправили родителям, а 1 августа еще один. Одному парню отрезали кончик языка, ухо и палец. Чтобы запугать, привели человека и отрубили голову на наших глазах”.

Поскольку прочеченские симпатии оказались сильнее чувств еврейской солидарности или правозащитных принципов, никаких особых усилий со стороны еврейских или правозащитных организаций по защите заложников из числа евреев и по осуждению антисемитизма в Чечне предпринято не было. Сколько евреев пострадало в Чечне от грабежей, убийств и похищений, установить достаточно сложно. Е.Л. Гельман заверил меня, что сейчас в Чечне не осталось ни одного еврея.

ОРГАНИЗАТОРЫ ТОРГОВЛИ И ОБРАЩЕНИЕ С ЗАЛОЖНИКАМИ

Обычный метод воздействия для получения денег за похищенного – это доведение до родственников сведений о заложнике, о его страданиях и о возможной смерти в случае отказа заплатить деньги. Для этого использовались записки, правда, редко из-за опасений оставить улики. Чаще всего прибегали к анонимному телефонному звонку.

“Дают трубку на две минуты, чтобы сказать: позвони матери. Скажи, чтобы собирала деньги и была готова их передать, как будет сказано” (А.Ф. Мукомолов).

Киднэпинг в Чечне отличался изобретательным использованием аудиовизуальных средств. Самым распространенным методом воздействия были пытки или калечение, которые снималось на кассету. Перед видеокамерой, отрезали ухо или палец, жестоко избивали; жертвы умоляли заплатить деньги, иначе они не вынесут пыток и их убьют. Затем видеокассеты доставлялись родственникам, и начиналась торговля о сумме выкупа. Один из бизнесменов рассказал, что за его ребенка сначала просили 1,5 млн, потом дошли до 50 тыс., но и это было собрать сложно.

Самой ужасной была история с захватом пятерых строителей из Ставрополя в октябре 1997 г. В качестве первой жертвы выбрали Виктора Зинченко, у которого не было родственников. Ему отрубили голову. Видеокассету с записью отправили родственникам остальных четверых, потребовав выкуп в 1,5 млн долл. Все эти варварские действия имели прежде всего демонстрационную цель.

“Демонстрация – это вполне понятный момент. Где-то там они собираются, обсуждают и говорят, вот никто на хочет освободить. Давайте всем покажем, что мы слов на ветер не бросаем. Вот так они отрубили голову Зинченко – одному из строителей. Мы же ведь всю эту группу вытаскивали. Сначала одного сразу освободили еще в Ингушетии. Кстати, там ведь тоже люди пропадают. А четверых они оставили у себя и дали два месяца срока. Через два месяца они Зинченко голову отрубили: раз никто не шевелится, никто ничего не делает – вот вам. Сняли все это на пленку и разослали, чтобы воздействовать. Это, конечно, варварство, но чаще всего они убивают, когда у кого-нибудь в ходе боевых действий гибнут родственники, когда бандит находится в стрессе или в состоянии наркотического опьянения. Вот тогда или жестоко избивают, или могут убить. Бывают убийства в случае открытого неповиновения или попытки побега. Но и здесь чаще всего избивают, а не убивают (А.Ф. Мукомолов).

Дмитрий Бальбуров сообщил примерно такую же информацию, причем речь шла об его собственной судьбе:

“На второй или третий день Иса решил проверить меня. Пришел как-то в гараж пьяный и начал наезжать:

“Скажи честно – ты же фээсбэшник? Если признаешься, ничего тебе не будет, а если будешь по-прежнему врать... У тебя нашли удостоверение ФСБ, и в часах одну штуковину”.

“Какую штуковину?”

“Э–э–э, не гони дуру!” – моментально обозлился Иса. – Ты сам знаешь, что у тебя в часах было, козел! Ну, говори! Работаешь на спецслужбе?”

Двое других бандитов смотрели на меня с веселой злостью. Хорошо, что мне не в чем себя упрекнуть насчет ФСБ – я никогда не имел с ними дел. Поэтому я спокойно (насколько это было возможно в такой ситуации) ответил Исе, что он не прав и мое воинское звание – сержант запаса. Служил на Курилах, никогда ни за кем не шпионил, соответственно денег за это не имел и вообще хочу домой.

“Чем поклянешься, что не фээсбэшник? – спросил Иса. – Становись к стене”.

Я встал напротив Исы. Он вынул один патрон из магазина и показал мне.

“Это твоя пуля”, – защелкнул его назад, вставил магазин в автомат, передернул затвор и опять отстегнул магазин.

За всеми его действиями я наблюдал отстраненно, будто эти девять граммов свинца предназначались не мне. Вообще ни о чем не думал, да и страха особенного не было. Я читал в книжках, что смерть от пули – самая быстрая и милосердная, еще и благородная. Бандиты о чем-то оживленно заговорили между собой, один из них с удовольствием перевел:

“Мы тут спорим. Иса говорит, что с первого же раза тебе между бровями попадет, а мы не верим. А ты как думаешь, попадет или промажет?”²⁰.

Та пуля прошла мимо Дмитрия, но акция устрашения была выполнена по всем правилам истязания, чтобы сломить жертву, получить информацию или фантастические признания, которые можно было бы использовать в пропагандистских целях или для повышения цены заложника.

Торговля людьми была поделена между вооруженными группировками. Известны и зоны влияния командиров: Радуев – это г. Гудермес, Абу Мовсаев – Шатойский район. В Урус-Мартане распоряжались братья Ахмадовы (8 братьев). Увайс Ахмадов был начальником местного УВД. Старший брат Рамзан действовал под прикрытием ему служили структуры по борьбе с тяжкими преступлениями. Одним из самых жестоких чеченских командиров – организаторов торговли людьми был Арби Бараев. Он родился в 1973 г. и до 1991 г. работал старшиной ГАИ, а в 1995 г. возглавил отряд самообороны в селении Алхан-кала. О нем известно, что он лично пытал пленных и заложников, добивал раненых. После окончания войны в 1996 г. Бараев стал специализироваться на похищении людей и превратил торговлю заложниками в выгодный бизнес. По сведениям еженедельника “АиФ” (2000. № 10.), он сумел установить связи с лицами, близкими к властным структурам в Москве. Именно Бараев стал главным торговым партнером высокопоставленных российских политиков и бизнесменов, занявшихся таким прибыльным делом, как

выкуп заложников. Бараеву в этом бизнесе доставалось не более четверти суммы выкупа. Большую его часть получали российские “освободители”. Именно люди Бараева похитили в свое время представителя президента России в Чечне Валентина Власова, выкупленного в свое время за баснословную сумму в 7 млн долл. Они же похитили сотрудников ФСБ Ингушетии Грибова и Лебединского, за которых заплатили 800 тыс. долл.

В середине июля 1998 г. Бараев предпринял попытку установить в Гудермесе ваххабитский порядок и взять район под свой контроль. Местные жители оказали сопротивление, а президент Масхадов приказал распустить так называемый Исламский полк особого назначения и лишил Бараева воинского звания и наград. Этот приказ не был выполнен, и есть данные, что Бараев причастен к покушению на Масхадова 23 июля 1998 г. У Бараева большое число кровников, и за ним велась настоящая охота. Например, несколько раз совершали покушение родственники погибшего сотрудника патрульно-постовой службы МВД Ингушетии, ингуша по национальности, захваченного Бараевым 20 июля 1997 г.

Таким образом, бизнес на захвате людей из числа чеченцев и ингушей обретал дополнительную опасность и по причине возможной кровной мести. Санобар Шерматова так излагает историю “генералов работорговли”:

«На “бирже” можно было договориться не только о купле-продаже-обмене, но и о “товарной марке”. Известные чеченцы, главы группировок и полевые командиры, брали на себя ответственность за похищение, которое совершалось иногда за тысячу километров от Чечни. Все переговоры в дальнейшем велись с представителями такого командира, а в случае удачного исхода он получал свои проценты с выкупа “за использование торговой марки”. Использование имени известного своей жестокостью полевого командира давало возможность не только запутать следы, но и потребовать больший, чем обычно, выкуп.

Известные “товарные марки” зачастую использовали и чеченские группировки внутри Чечни. Самый известный случай произошел в 1998 г. Жестокое убийство троих британцев и новозеландца объясняют разборками между чеченскими группировками на почве “товарной марки”. Версия такова: организация, пригласившая иностранцев в Чечню – “Чечентелеком”, якобы имела отношение к похищению в Северной Осетии сына заместителя председателя правительства Северной Осетии Каргинова. Похитители использовали имя Арби Бараева, получили выкуп и возвратили похищенного семье. Арби Бараев, который дал согласие на использование его имени при ведении переговоров, потребовал от представителей “Чечентелекома” часть выкупа за использование его “торговой марки”, но денег не получил. Тогда группа Бараева похитила четырех иностранцев и потребовала выкуп – 10 млн долл. “Чечентелеком” согласился, однако совершенно неожиданно Бараев сам отказался отдать заложников за выкуп. Иностранцы были обезглавлены. В Чечне ходит версия, что кто-то со стороны помешал сделке, переплатив Бараеву за головы иностранных инженеров. О том, кто и с какой целью выложил немалые деньги за это убийство, можно толь-

ко гадать. Но последствия для международной репутации Чечни стали катастрофическими: зверское убийство показали все мировые телеканалы, а Чечня стала ассоциироваться со средневековой жестокостью.

За Арби Бараевым еще раньше числились такие громкие дела, как похищение съемочной группы НТВ, в составе которой была Елена Масюк, группы ОРТ. “Звезда” Бараева взошла стремительно. В пору первой чеченской кампании Бараеву было чуть за двадцать, и он работал охранником у вице-президента Чечни Зелимхана Яндарбиева. Сам Яндарбиев ни дня не воевал, и за Бараевым боевых заслуг тоже не числилось. Известно, что через Яндарбиева из-за рубежа проходили крупные суммы денег, об этом писали “МН” (№ 36 за 1997 г.), по слухам часть из них после войны пошла на создание “шариатского полка”, которым стал командовать Бараев. Яндарбиев, который проиграл Масхадову президентские выборы в январе 1997 г., получил мощную охрану, Бараев стал зваться генералом, а в Чечне того и другого причислили к “ваххабитам”.

В короткий мирный период между концом первой чеченской кампании и началом второй с Бараевым происходили разные истории: его официально обвиняли в похищениях (март 1999 г., публичное заявление вице-премьера Турпала Атгериева), попытке покушения на Аслана Масхадова в 1999 г., с ним и с его “шариатским полком” чуть было не расправился полевой командир Сулим Ямадаев в Гудермесе (лето 1998 г.), его дважды ранили во время внутричеченских разборок, последний раз тяжело (июнь 1999 г.). Он выжил, а в ночь с 4 на 5 января 2000 г. отряд Арби Бараева, заплатив, по слухам, 100 тыс. долл., из которых 50 тыс. оказались фальшивкой, беспрепятственно вышел по тому самому коридору из Грозного на Алхан-калу, который позже, в конце января, стал ловушкой для боевиков из других отрядов.

Такая же удача сопутствовала семейству, которое в “табели о рангах” работников держит второе место после Бараева. Это семеро братьев Ахмадовых из Урус-Мартана (один из них был убит в декабре 1999 г.). Загадочным образом они беспрепятственно вышли из окруженного федералами Урус-Мартана и ушли в горы. Бытует версия, что Ахмадовы договорились с отрядом Беслана Гантемирова в обмен на безопасный выход прекратить сопротивление. В Чечне не исключают, что Ахмадовы “расплатились” двумя польскими женщинами-учеными, которые были взяты в заложники в прошлом году в Дагестане и удерживались в Урус-Мартане. Женщины были отпущены на свободу в горах и добрались до расположения федералов самостоятельно, пройдя под огнем 15 километров.

Особняком в компании известных похитителей стоит Бауди Бакуев, о котором мало кто знает за пределами Чечни. Между тем, по нашим сведениям, именно у него содержался бывший полномочный представитель президента России в Чечне Валентин Власов. Говорят, что, в отличие от Бараева и Ахмадовых, люди Бакуева над узниками не издеваются. После получения выкупа за Власова (неофициально назывались разные цифры – от трех до семи миллионов долларов) люди Бакуева раздавали в селах Петропавловское, Ильинка и Доллиск по 100 долл. на каждую семью. Никто вслух не говорил, что это деньги за Власова, но жители трех сел сопоставили время освобождения Власова и неожиданные подарки. Бауди Бакуеву 34 года, в отличие от Бараева и Ахмадовых, он воевал в первую кампанию. В начале первой войны Джохар Дудаев издал секретный указ о создании спе-

циального отряда, в задачу которого входила добыча “языков” – российских офицеров. Создать такой отряд Дудаев поручил бывшему сотруднику ГАИ Вахе Арсанову, а Бауди Бакуев вошел в этот отряд.

Еще одна непростая фигура – Хадит Дадаев. Ему около сорока лет, в прошлую кампанию воевала вся его семья, утверждают, что в боях с федералами погибли два его брата. Дадаев входит в группировку Бакуева, и, как утверждают чеченские источники, есть веские основания подозревать, что это у него находится Геннадий Шпигун. Сам Дадаев это отрицает. И чеченские источники, и источники в правоохранительных органах России сходятся на цифре в 7 млн. долл. – цена за Шпигуна. Дадаев якобы поклялся в кругу соратников, что без выкупа Шпигуна не отдаст. У него под началом не более 300 боевиков, но он входит в более крупную группировку Вахи Арсанова.

Каждый из перечисленных крупных “работоторговцев” имел в Чечне четко очерченную сферу влияния. Создав себе капитал и имя, такие командиры, как Бараев или Ахмадовы, после этого сами редко занимались похищениями людей – они брали живой товар на хранение, а также продавали “фирменную марку” мелким похитителям в Чечне и за ее пределами”²¹.

Среди рядовых организаторов и исполнителей бизнеса на похищении людей были не только так называемые полевые командиры, рядовые боевики, но и энтузиасты преступного промысла из числа молодых мужчин, как правило, безработных, желающих добыть большие деньги или хотя бы какие-то крохи от них. Сколько получили двое молодых парней, которые почти два месяца прожили в лесу, охраняя Бальбурова, он не смог сказать, но почти всегда это было занятие, которое оплачивалось впрямую небольшими суммами, а полученный выкуп делили основные организаторы. По крайней мере ингуш Могушков получил сразу какую-то сумму денег (обычно не больше 300–500 долл.) за то, что продал информацию о своем пассажире тем, кто осуществил захват Бальбурова.

“Я только потом сообразил, что он когда-то время куда-то отлучался, когда вез меня по Ингушетии, это он искал желающих совершить похищение. Я даже знаю момент, когда он меня продал, потому что у него сразу неожиданно появились деньги, и он заехал в магазин покупать разные продукты. В тот же момент и подъехали те, кто меня взял”²².

Об участии женщин в организации похищений сведений мало, но уникальный случай – это мать Могушкова, которая для прикрытия своей деятельности объявляла, что занимается поиском и освобождением заложников.

ДОМАШНИЕ ТЮРЬМЫ

Обычно заложников прятали и тайно содержали в специальных местах – *зинданах*. Это могли быть временные места содержания, как, например, недостроенный гараж, куда сначала поместили Дмитрия Бальбурова, или просто глубоко вырытая яма, также надежно

закрываемая и маскируемая, специальные землянки в горах, где заложники жили вместе с охранниками. В такой землянке Бальбуров провел больше двух месяцев.

Основные места для длительного содержания нескольких заложников представляли собой специально построенные тюрьмы. Мукомолов так описывает систему содержания похищенных:

“Это только потом создали специальные места, где содержали людей. Они зовут их зинданы. А раньше было так, что держали, где попало. Мы освободили одного, Михаила Ивановича, ему 37 лет, и он просидел в одной грозненской квартире полтора года в ванной комнате, совмещенной с туалетом. Потом уже стали свозить в эти тюрьмы, где есть специальные люди, которые их содержат и охраняют.

...Тюрьмой командуют особые люди. Тюрьмы обычно разные. Вот в Ачхой-Мартане сами солдаты рыли себе тюрьму. Там была карандашная фабрика, которая когда-то выпускала первые в СССР шариковые ручки. Там от этого здания остался бетонный остов и пол. Выдалбливали ямы, потом их соединяли. Делали люки, а сверху люка какой-нибудь хлам: не слышно, не видно ничего. Спускали ведро, воду. Кормили один раз в день. Ночью иногда выводили прогуляться. Кто-то надзирает. Если что, сразу сообщают, и прибывает подмога. В Ачхой-Мартане держали в тюрьме около 20 человек”²³.

Бизнес на торговле людьми породил особую архитектуру тех чеченских домов, владельцы которых изначально планировали или уже занимались похищением и содержанием заложников. Это были особняки, где за высокими и глухими кирпичными заборами высотой до 3 м стоял двух- или трехэтажный дом с просторными и специально оборудованными подвальными помещениями. В Грозном подсобных домашних тюрем были десятки, особенно в кварталах Ташкала и Катояма Старопромисловского района, которые называли “Санта-Барбарой чеченской работорговли”. Только на одной улице обнаружено шесть домашних тюрем-подвалов с решетками, добротными засовами, пыточным инструментом.

Один из таких домов, принадлежавших племяннику Дудаева Тухану Дудаеву, хорошо сохранился после бомбежки Грозного во вторую войну. Журналист Сергей Герасименко так описывает этот дом, на черных чугунных воротах которого кто-то не очень грамотно написал мелом: Тюрьма “Кровь из золотых крапчиков”:

«За внушительным забором с узкими бойницами виден просторный двор. На крыше дома полуразрушенный ретранслятор радиосвязи: судя по внушительным размерам, радиостанция в доме Тухана Дудаева спокойно доставала до Дагестана и Грузии. На заднем дворе обнаружилась отдельная секция для прогулки заключенных и даже специальный тюремный туалет. Люди, которые проектировали и строили этот дом, сделали все, чтобы маленькая тюрьма доставляла хлопот не больше, чем курятник.

Вход в подzemелье прямо с фасада. Тяжеленная дверь из толстого листа металла, на окошке – чугунные решетки с палец. От крутой лестницы

ведет достаточно просторный коридор, по бокам – четыре камеры. Все те же внушительные двери, в которых аккуратно врезаны глазки, а на камерах даже поставлены номера. Кирпичные стены- внутри в подсохшей кровавой слизи. На солдатских койках скомканы окровавленные свитера. Рядом валяется учебник “Основы шариата”. Последняя камера, судя по всему, была пыточной. В углу свалены цепи, в стену вмонтированы наручники... На специальном столе лежали другие пыточные инструменты вроде тонких клещей, хирургических ланцетов. В остальных камерах люди Тухана держали в тесноте до 30 человек заложников и пленных российских солдат. Меньше 12 не бывало никогда со времени постройки этого дома. Последними здесь сидели российские офицеры, один чеченец и два дагестанца. Кормили заключенных от случая к случаю: хлеб, вода, по праздникам по-лебка»²⁴.

Дом Мовлади Удугова имел всего один этаж на высоком цоколе, внутри просторный холл и небольшие комнатки. На полу гостиной небольшой люк, ведущий в подвал.

“Залазь! – быть провожатым вызвался Ваха Хурциев, немолодой уже чеченец, живущий неподалеку на Старых Промыслах. – Это на таких, как ты, русских, и рассчитано. Сам подумай, какой хозяин в гостиной будет делать погреб?! Вот сидишь ты с друзьями, а жена туда-сюда в подпол будет лазать?” Действительно, за пыльными банками неожиданно обнаружился тесный, низкий проход, который вел прямо в необъятный подвал. А в тюрьме деревянные койки на металлическом каркасе, у потолка узенькое, сантиметров 30 шириной окошко. Прямоугольники кирпичей просто испещрены рядами перечеркнутых крестиков-календарей. В каждом ряду по семь дней...

“Здесь ваши миллионеры сидели, – рассказывает Ваха. – Те, за которых люди Удугова не один миллион долларов просили. По крестам видно, что сидели очень долго, а охраняли их очень хорошо. Помню, по тридцать автоматчиков во дворе ходило, столько же в доме сидело. Бывало, переберут они наркотиков – стреляют всю ночь... К дому постоянно приводили людей. Внутрь уводили, а вот чтобы обратно – такое я видел не часто”²⁵.

Тюрьма была и при доме Зелимхана Яндарбиева. Существовали подобные заведения и при правительственных учреждениях. В подвалах министерства шариатской госбезопасности боевики Лечи Сайфутдинна держали около 50 заложников, периодически пополняя состав с пятачка на площади Дружбы народов. Создается впечатление, что только один президент Масхадов не был вовлечен в похищение людей, ибо уже вице-президент Ваха Арсанов был одним из самых активных участников этого преступного бизнеса. Скорее всего публичные заявления президента Чечни о борьбе с киднэпингом мало что значили или же касались только неорганизованной, “любительской” части промышленявших.

ПОХИЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ И ЧЕЧЕНСКАЯ ПОЛИТИКА

Захват заложников, помимо коммерческих и других целей, был связан и с местной политикой. Иными словами, высокопоставленные люди, а также иностранцы специально похищались, чтобы оказать воздействие на крупные политические или экономические решения. Обычно это делала оппозиция, чтобы помешать Масхадову проводить курс на переговоры с Россией и на участие Чечни в проекте транспортировки каспийской нефти. Реконструировать эту связь довольно сложно, а тем более никто из причастных к подобным акциям никогда открыто о них не объявлял. Тем не менее мне удалось сделать следующие наблюдения.

3 июля 1997 г. президент Азербайджана Гейдар Алиев подписал в Москве договор о транзите нефти через Чечню. Операторами консорциума по добыче и транспортировке нефти являлись представители британской компании Бритиш Петролеум. В тот же день в Грозном были похищены английские педагоги Джеймс Джон и Камилла Карр, что нанесло сильный удар по проекту. Когда в марте 1998 г. Масхадов приехал в Лондон, ему было заявлено о том, что английские инвестиции в Чечню и осуществление транспортировки будут зависеть от освобождения английских граждан. Это сделала лично Маргарет Тэтчер – советник Бритиш Петролеум. По возвращении в Чечню “антитеррористическая бригада” Масхадова попыталась захватить здание военкомата в Урус-Мартане, где в плену у Арби Бараева находились англичане. Но Бараев с помощью людей Радуева оказал сопротивление, и Масхадов побоялся начала гражданской войны.

В апреле 1998 г. Масхадов провел встречу глав республик Северного Кавказа и представителей президентов Грузии и Азербайджана, на котором представил амбициозный проект Кавказского общего рынка, в основе которого также была транспортировка каспийской нефти на мировые рынки. Предстояло согласовать проект с федеральными российскими властями. Именно в этот момент неизвестные террористы расстреляли автоколонну российского Генштаба на границе с Чечней, а затем похитили представителя президента России Валентина Власова, когда он прилетел в Грозный.

В октябре 1998 г. во Владикавказе состоялась важная встреча Масхадова с главой российского правительства Евгением Примаковым, и в тот же день в Чечне были похищены шесть россиян, что оказало негативное воздействие на их переговоры.

В марте 1999 г. прямо по прибытии в аэропорт Грозного для работы с правительством Масхадова исчез представитель МВД России генерал Шпигун. Именно после этого случая федеральные власти и российские организации прекратили все контакты с руководством Чечни, и, вполне возможно, в военно-силовых ведомствах стала

формироваться позиция о неизбежности новой операции, хотя никаких официальных решений в Москве принято не было.

Таким образом, захват людей в заложники и теракты из средства принуждения к прекращению военных действий в период первой войны превратились в средство дестабилизации ситуации в республике и провоцирования нового цикла насилия. Журналист Шамсуддин Мамаев сделал по этому поводу достаточно точный вывод: “Англичане Джон Джеймс и Камилла Карр были захвачены не ради выкупа, а с единственной целью – помешать участию Грозного в каспийском проекте”²⁶.

Правительство Масхадова понимало всю серьезность ситуации, но не имело возможности изменить ее. Любые действия против “похитителей людей”, т.е. непримиримой оппозиции, сразу вызывали жестокие ответные акции. Уже после освобождения двух англичан люди Бараева снова взяли в заложники трех англичан и новозеландца, а 8 декабря на чечено-ингушской границе были обнаружены их отрезанные головы. Перед этим они казнили и выбросили на границе с Ингушетией труп заместителя представителя России в Чечне Акмаля Саидова.

Только весной 1999 г. было создано Министерство государственной безопасности ЧРИ для борьбы с бандитизмом и преступностью. Турпал Атгериев, вице-премьер правительства, и Министерство шариатской безопасности получили задание покончить с похищениями. Масхадов и Атгериев смогли кое-что предпринять и даже сделали заявление, что все под контролем и борьба с преступниками идет. “Грозненский рабочий” регулярно сообщал о случаях освобождения. За июнь и июль были вызволены 30 заложников и 40 человек задержано по подозрению в похищении и насильственном удерживании людей, в июле 1999 г. – 8 заложников. Однако параллельно непримиримые активизировали свои планы экспорта “исламской революции” в соседний Дагестан, что стало последним шагом к новой войне.

Таким образом, захват людей и вымогательство выкупа начались в Чечне в начале 1990-х годов. Сначала это были главным образом долговые и прочие разборки. Со временем заложничество стало частью войны и экономики общества, ввергнутого в конфликт. Окончание первой войны в 1996 г. и установившийся затем в Грозном режим положили начало уже организованной системы захвата гражданских лиц для продажи. Похищения совершались сразу после Хасавюртовских соглашений, которые были восприняты воевавшей Чечней как величайшая победа над величайшим противником. Чувство превосходства и вседозволенности вместе с мотивами мести и реванша соединились с утилитарным интересом добывания материальных средств все тем же оружием, которым воевали против российской армии. Если какой-то социально-культурный фактор и способствовал распространению кражи людей, их пыткам и убийствам в процессе вымогательства денег, то это – низкая цена че-

ловеческой жизни и слабая ответственность российской власти за безопасность граждан, что наглядно продемонстрировало равнодушное отношение к федеральным военнослужащим.

Также реагировали власти разного уровня на захват гражданских лиц и их исчезновение. Единственными защитниками похищенного человека становились его родственники и друзья, иногда коллеги по бизнесу. Именно с ними, а не с государственной машиной похитители людей устанавливали связь и добивались выкупа. Государство просыпалось только тогда, когда среди захваченных оказывались чиновники высокого ранга или иностранные граждане, о судьбе которых выражала озабоченность соответствующая страна. Тогда предпринимались усилия по освобождению, но, как правило, не путем спецопераций или переговоров, а через уплату денежного выкупа. Крупные суммы выплачивались не только государством, но и некоторыми российскими бизнесменами или корпорациями. Отсутствие четкой позиции государства по данному вопросу лишь поощряло бандитов.

¹ Из выступления А.И. Лебеда в Пятигорске на заседании Совета “Миротворческой миссии на Северном Кавказе”, 15 июня 2000 г. // Архив автора.

² *Шерматова С., Никитинский Л.* Генералы работорговли // Московские новости. 2000. № 12, 28 марта.

³ Общая газета. 2000. 3 авг. № 31.

⁴ Московские новости. 2000. № 13. 4 апр.

⁵ *Захарович Ю.* Чеченская война глазами журналистов американских изданий // Чечня и Россия: Общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 302.

⁶ Newsweek. 1995. 26 июня. С.29.

⁷ *Ливен А.* Война в Чечне и упадок российского могущества. / Чечня и Россия: общества и государства. С. 283 и другие.

⁸ *Бальбуров Д.* Записки чеченского пленника // Новая юность. 2000. № 41 (2). С. 95.

⁹ Интервью с А. Ф. Мукомоловым, 18 июля 2000 г. Москва.

¹⁰ Там же.

¹¹ Из беседы с Ямлиханом Хасбулатовым, 25 июля 2000 г. Москва.

¹² Аргументы и факты. 2000. № 23. Июнь. С. 20.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Грозненский рабочий. 1999. № 26. 14 – 20 июля. С. 1.

¹⁷ Там же. 1999. № 30. 12–18 авг. С. 1.

¹⁸ Там же. 1999. № 29. 5–11 авг. С. 1.

¹⁹ Интервью с А. Ф. Мукомоловым, 18 июля 2000 г., Москва.

²⁰ *Бальбуров Д.* Указ. соч. С.103–104.

²¹ *Шерматова С., Никитинский Л.* Указ. соч.

²² Интервью с Дм. Бальбуровым, 20 июля 2000 г. Москва.

²³ Интервью с А. Ф. Мукомоловым, 18 июля 2000 г., Москва.

²⁴ Комсомольская правда. 2000. 10 марта. С. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ Коммерсант. Власть. 1998. № 49(301). 22 дек. С. 28.

Глава XIV.

ВО ИМЯ “ВЕЛИКОГО НАРОДА” К НОВОМУ НАСИЛИЮ

“Сегодня в республике, пытающейся без всякой внешней поддержки выйти из послевоенного кризиса, по вине определенной законопослушной части населения складывается хаотическая ситуация, царит правовой, политический и социальный беспредел, безнаказанно совершаются злодеяния над беззащитными людьми. Идет стремительный процесс дальнейшего безжалостного разрушения экономических, культурных, научных и духовных основ неокрепшего чеченского государства и жизни народа. Совершается дискредитация мусульманских и национальных нравственных ценностей, обычаев и традиций, которыми чеченцы гордились и которые ими свято оберегались в самые тяжелые периоды их жизни”

Хамзат Гакаев.

“Вся послевоенная республика – территория агрессивного пространства”

Асет Вазаева.

В этой и последующей главах анализируется чеченское общество после августа 1996 г. Трудно реконструировать, что на самом деле происходило в Чечне на протяжении трех лет, пока не началась новая война осенью 1999 г. Многие стороны жизни обозначенного времени хорошо известны: разрушенная среда обитания и исход большинства населения, экономический коллапс и тяжелые социальные проблемы, кризис власти, распад гражданских институтов, религиозные и клановые конфликты, террор вооруженных сект над остальным населением, криминал, в том числе и торговля людьми. Но отсутствует что-то важное, если не главное. Чем Чечня отличается от обществ, переживших аналогичные насильственные конфликты? И чем эта пережившая насильственный конфликт респуб-

лика отличается от остальной территории России? Наконец, почему начался новый цикл насилия, новая война, которая не имеет скорого окончания?

САМООБМАН “ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ”

Как мне представляется, главное в том, что война для Чечни не закончилась в августе 1996 г. Она продолжалась в умах и в действиях многих людей, особенно вооруженных “ветеранов”, политиков, чеченских “воинов интеллектуального фронта” (поэтов, журналистов, историков и прочих). Каждодневно война реконструировалась в пропаганде “великой победы”, в восхвалении чеченской ратной доблести, в утверждении собственного превосходства над остальным миром, в культивировании образа врага – России и русских, в идеологическом мессианизме, особенно в форме кавказского освободительного проекта. Войну продолжали вести многочисленные аутсайдеры – наиболее последовательные сторонники независимости Чечни. Именно среди аутсайдеров родились восторженно-романтические оценки и поверхностные исторические параллели, вдохновляющие вооруженную часть чеченского общества продолжать следовать по пути бескомпромиссной сецессии и дальнейшего разрушения чеченского общества под лозунгом строительства “национального государства”.

Во введении к книге “Чечня и Россия: общества и государства” ее редактор-составитель Д.Е. Фурман пишет:

«Сопrotивление и победа чеченцев в некотором роде – чудо, и произошло оно в силу тех же причин, которые и привели к войне. Будь чеченцы народом с другой системой ценностей и другой исторической памятью, возглавляя их не малограмотные полевые командиры, зачастую с криминальным и полукриминальным прошлым, а нормальные для постсоветского пространства ставшие националистами партработники, одним словом, будь они чуть более рационалистичными и “современными” людьми, они никогда бы не пошли на такое сопротивление и во всяком случае – не победили бы. Для такой войны и победы нужно было полное нежелание и неспособность “считаться с реальностью” – только тогда возникает возможность эту реальность сломать и преодолеть. В чеченском сопротивлении соединились два момента – сопротивление народа, пережившего геноцид и решившего для себя, что больше он не даст совершить над собой подобно го (то чувство, которое двигало евреями и позволило крохотному еврейскому государству победить громадные арабские армии)6 и война революционной, народной армии, подобная войнам армии французской революции, бывшей войска всей Европы, и армии большевиков, сражавшейся против цвета русского офицерства, возглавлявшегося лучшими российскими генералами, которых активно поддерживал чуть ли не весь мир»¹.

С учетом разгула патологического антисемитизма в послевоенной Чечне сравнение чеченцев с евреями может быть не очень

льстило “французам Кавказа”, но сравнение с французской революцией и с большевиками, на героических образах которых в течение многих десятилетий воспитывались чеченцы, было более чем вдохновляющим. Как мы увидим ниже, те, кого Д.Е. Фурман называет “народ”, пошли еще дальше в своих героических фантазиях и в победных прожектах: “Если бы чеченцы воевали всеми имеющимися силами, то они могли бы дойти вплоть до Ла Манша”, – заявил однажды Аслан Масхадов.

Все эти три года Чечня шла не от войны, а к новой войне. Чечня как бы следовала еще одному внешнему совету, который был высказан известной московской ультрарадикальной общественной активисткой Валерией Новодворской в интервью государственному телевидению Ичкерии:

“Договор о мире – это конечно хорошо. Но зная непредсказуемость России, я бы посоветовала чеченцам на Аллаха надеяться, а верблюда привязывать. Пока у чеченцев в руках оружие – мир будет соблюдаться. Оружие ни в коем случае складывать нельзя. Россия – это страна безбожников, это страна во главе с главным духовником Алексием II, являющимся ставленником КГБ, который то благословляет русских солдат на войну в Чечне, чтобы они убивали мирных людей, объявляя это богоугодным делом и тут же выступает против выноса мумии Ленина из Мавзолея. Поэтому нельзя ни в коем случае чеченцам складывать оружие, если они хотят мира².

Круг желавших продолжения военных действий со стороны чеченцев уже после августа 1996 г. был даже более обширным и влиятельным, чем во время самой войны. Сценарий распада России сначала в форме отторжения Чечни, а затем и других регионов, особенно тех, часть населения которых составляли лица мусульманского вероисповедания, теперь уже представлялся вполне вероятным. В геополитическом смысле для “международного сообщества” (жаргонное определение стран Запада и их союзников) именно этот сценарий получил приоритет перед другими глобальными факторами риска: “исламская угроза”, международная наркоторговля, неконтролируемый хаос и прочее. После Хасавюртовских соглашений августа 1996 г. и подписания договора между Ельциным и Масхадовым в мае 1997 г. внешний мир уверовал, что вопрос о независимости Чечни решен *де-факто* и необходимо лишь некоторое время для осуществления определенных международно-правовых процедур. Восприятие Чечни как независимого государства царило повсеместно: от экспертно-академического сообщества до журналистского мира, не говоря о рядовой публике. Освобожденный летом 2000 г. из чеченского плена французский журналист Флетье признался, что, проникая в Чечню через Грузию, он даже не знал, что Чечня является частью территории России.

Пожалуй, наиболее существенной коррективой в отношении к внешнему миру стал перенос приоритетных симпатий с линии “Чеч-

ня-Запад” на “Чечня – исламский мир”. Это было обусловлено как некоторыми переменами в политической позиции ведущих западных государств (сокращение внимания и морально-политической поддержки Чечни), так и растущим идеологическим и военно-ресурсным альянсом чеченских лидеров со странами арабско-мусульманского Востока. В самой Чечне представления о внешнем мире радикально поменялись: Запад стал предателем Чечни, Израиль вместе с Россией – главными противниками чеченской независимости, мусульманский мир – единственным другом и союзником, если не считать страны Балтии и Азербайджан.

В феврале 1998 г. газета министерства обороны ЧРИ “Защитник отечества” сообщила о визите чеченского министра обороны Хамзата Гелаева в Пакистан для участия в “съезде мусульман всего мира” (“собрались представители 170 государств общей численностью 4 миллиона человек и собрание мусульман длилось 40 дней”). Приведем отрывок из рассказа о визите самого Хамзата Гелаева:

“...В Пакистане живет пожилой эмир, глава мусульманского общества. Мы долго беседовали с ним. Попросил его читать молитву во имя уменьшения страданий Чечни. Через некоторое время мы опять встретились с эмиром. Он сказал, что во имя мира в Чечне они прочитали 125 тысяч молитв. За последние 70 лет их исламских проповедей не было еще такой масштабной акции чтения молитв. Они говорили, что чеченцы получили благословение Аллаха. Чеченцы, несмотря на свою малочисленность, встали на дорогу Всевышнего, на путь Газавата. Поэтому Всевышний дал им победу. Поэтому их любит весь мусульманский мир.

Нашу делегацию принимали на высшем уровне. Накануне мусульманского съезда они построили мусульманскую святыню в виде Каабы. После долгих раздумий совета Шуры было решено, что построенный зияят должны открыть представители чеченского джамаата. Это вызвало удивление арабов, потомков Пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует), на чьем языке написан Коран. Да и в Пакистане также много трудятся на благо Ислама. Здесь живут известные во всем мире алимы. У них 20 млн. хафизов, знающих Коран наизусть. Но и они были удивлены таким почтением чеченской делегации”³.

Тысячи подобных сообщений о внешнем мире (на самом деле, о его восприятии чеченцами или даже о воображаемом чеченцами внешнем мире) мгновенно становились частью внутреченского дискурса, по крайней мере читателей газеты “Защитник отечества”, которыми были преимущественно вооруженные жители Чечни. Таким образом, интериоризация чеченской независимости, т.е. превращение ее в часть индивидуального и коллективного сознания чеченцев была на самом деле глобальным предприятием. Внеличностный, внешний общественный дискурс участвовал в его конструировании не меньше, чем личностный опыт и заучиваемые постулаты местной пропаганды⁴. По причине многоликой травмы от войны и победной эйфории Чечня утратила способность к социальной самоор-

ганизации и к контролю за состоянием собственного общества. Не подозревая того, оно следовало иррациональным фантазиям и любительским управленческим рецептам, и все это – в жестком контексте внешних предписаний. В конечном итоге вспыхнула новая война, которая оказалась столь же бессмысленной и разрушительной, как и первая.

Самым большим обманом как для самих чеченцев, так и для внешнего мира стало искаженное толкование усилий российских властей и населения в целом обеспечить базовые основы социально-экономического существования чеченского общества как в ходе самой войны, так и после ее окончания. Ряд специальных исследований международных и гуманитарных аспектов войны в Чечне фактически намеренно игнорирует тот факт, что с весны 1995 г. и до августа 1996 г. в Грозном действовали два правительства во главе с Саламбеком Хаджиевым и Доку Завгаевым, которые совместными усилиями с федеральными властями обеспечивали основы жизнедеятельности чеченского общества и довольно масштабные восстановительные работы. Когда в октябре 1995 г. я посетил Грозный, то в городе работали почти все средние школы и больницы. Примерно такая же ситуация была и в других районах, которые не так сильно пострадали от войны, как столица. В Грозном российские и иностранные (турецкие) фирмы начали работы по восстановлению разрушенных зданий. Международные гуманитарные организации намеренно не сотрудничали с правительствами Хаджиева и Завгаева, считая их “марионеточными”. В то же время использовались любые возможности гуманитарного содействия чеченским комбатантам. Именно в этой поощряющей насилие позиции заключалась главная неудача международного гуманитарного содействия, которую не смогли признать западные аналитики⁵.

Позднее чеченские политики и пропагандисты нашли много фраз и объяснений, как представить федеральную политику в Чечне в самом негативном свете, а оказываемую помощь как само собою разумеющуюся плату (“репарации”) иностранного государства за совершенную им агрессию и нанесенный ущерб. Достаточно сказать, что на протяжении трех лет Чечня пользовалась бесплатно 100-процентными поставками российского электричества и газа, финансовыми средствами для социальных выплат (пенсий, пособий по инвалидности, детских и других выплат), для заработной платы базовым категориям служащих (врачам, учителям, госслужащим). По межправительственным соглашениям между Москвой и Грозным в Чечню поставлялся хлеб (план на 1999 г. был 10 тыс. т пшеницы). Большую помощь Чечне оказали регионы России, в том числе и северокавказские республики, особенно Дагестан. “Мы только за последние полгода отправили в Чечню пять полных грузовиков разных лекарств, а наши челябинские военнослужащие вынуждены были покупать там себе лекарства на местном рынке”, – заявил гу-

бернатор Челябинской области Петр Сумин во время похорон 20 милиционеров, погибших в Аргуне в июле 2000 г. в результате теракта.

Нельзя сказать, что в Чечне этого не видели и не понимали, что без помощи государства и всей страны в республике действительно была бы гуманитарная катастрофа. Но признать такое было невозможно, ибо в Чечне понятия “государство” и “страна” были насаждены бескомпромиссно только в сепаратистском варианте и обсуждению не подлежали под страхом самого сурового наказания. Зато утверждалось общее и для всех приемлемое мнение, что независимую страну Ичкерия должны восстанавливать и обеспечивать те, кто ее разрушил, платить деньги тем, кто пострадал от войны. В августе 1999 г. газета “Грозненский рабочий” поместила информацию под заголовком “Лафа закончилась” о том, что с жителей Чечни теперь начали взимать плату за коммунальные услуги. За пользование газом установлена плата в размере 20 руб. в месяц, за электроэнергию – от 10 до 30 руб., т.е. примерно в размере от 35 ц. до одного доллара⁶.

Самообман “великой победы” стал основным препятствием к восстановлению послевоенного общества и государства в Чечне. Хотя доминировало мнение, что ее финансово-экономическая и политико-дипломатическая блокада стали причиной послевоенного кризиса всех сфер чеченского общества. В мою задачу не входит описание политики федеральных властей в отношении Чечни, как и общей социально-политической и экономической ситуации в республике после августа 1996 г. Политологический и социологический анализы уже были сделаны моими чеченскими коллегами – Джабраилом Гакаевым и Мусой Юсуповым⁷. Однако некоторые явления и факты заслуживают дополнительного анализа.

Во-первых, мои личные встречи и разговоры с генералом Александром Лебедем в период нашего сотрудничества при подготовке экспертного доклада по Северному Кавказу раскрыли внутреннюю драму этого политика, действия которого привели к окончанию войны в августе 1996 г. Лебедь подписал соглашения в Хасавюрте с Масхадовым в надежде, что после этого наступит период восстановления Чечни, налаживания мирных отношений и поиска формулы для определения ее статуса как политического образования. Милитаризация Чечни, агрессивное поведение вооруженных групп в отношении приграничных районов и захват заложников, неспособность соблюдать соглашения и сотрудничать с российскими властями в финансово-экономической и других сферах – все это стало поводом для обвинений Лебеда в предательстве и в использовании чеченского фактора для личных политических целей. Позднее, с приходом к власти Владимира Путина, Хасавюртовское соглашение открыто и официально было признано как ошибочное. “Больше подобного мы никогда не допустим”, – сказал президент Путин. Свою личную дра-

му и драму всей страны Александр Лебедь выразил в следующих словах:

“Нам в свое время удалось договориться о прекращении войны в Чечне путем тяжелых переговоров и компромиссов ради того, чтобы прежде всего перестали погибать наши солдаты и мирные граждане. Но условия, на которых мы договорились прекратить войну, оказались невыполненными. Их нарушили прежде всего те силы в Чечне, для которых война и насилие стали доходным бизнесом и единственным смыслом жизни. Эти силы при внешней поддержке смогли развязать в августе 1999 г. новую авантюру уже на территории Дагестана. Опять бессмысленная война и опять бессмысленные жертвы”⁸.

Во-вторых, мой опыт работы в комиссии по поиску мирного урегулирования в Чеченской республике, созданной Виктором Черномырдиным, позволил накопить наблюдения об огромных усилиях многих федеральных и региональных политиков покончить с вооруженным конфликтом. Возглавлявший переговорную группу министр Вячеслав Михайлов после заключения соглашений по военным вопросам с делегацией Масхадова (подписаны в Назрани летом 1995 г.) высказал мне личную обиду, что я не поддержал публично достигнутые результаты: “Это было очень трудно, а поддержки было мало. Но даже чеченцы признали, что это были настоящие переговоры. Мовлади Удугов сказал во время заключительного обеда, что если когда-нибудь у чеченцев будет своя Дипломатическая академия, то мы назовем ее именем Михайлова”. Август 1996 г. полностью вычеркнул из памяти эти страницы, как и сами договоренности, которые еще раньше были взорваны как российскими генералами, так и непримиримыми боевиками (соглашение, кстати, предусматривало выдачу российским властям Басаева и Радуева).

Война 1994–1996 гг. принесла Чечне огромные разрушения. Коллапс экономики при Дудаеве и начавшееся разграбление государственных ресурсов дополнились уничтожением значительной части Грозного и около двух десятков сел, разрушением многих дорог, мостов, исчезновением некоторых лесных массивов, минированием аграрных угодий, загрязнением источников воды и прочее. Были выведены из строя производственные фонды, за исключением ряда крупных заводов нефтехимического профиля. Примерно треть сельскохозяйственных земель приведена в негодность военной техникой или заминирована. Прекратили свое существование государственные и другие общественные институты. Но самое главное – за очень короткий срок изменились чеченское общество, сами чеченцы в республике и за ее пределами, а также представление о них во внешнем мире.

Каждый раз, встречая Мусу Юсупова и других чеченцев, приезжавших в Москву из Чечни, я задавал один общий вопрос: “Как живет людям после такой разрушительной войны?” Полученные ответы, а также материалы чеченских газет и другие источники позво-



Муса Юсупов за рабочим столом автора книги (Фото В.А. Тишкова)



Заготовка сена в равнинной Чечне. Ноябрь 1999 г. (Фото В. Бышовца)

ляют сделать определенные суждения на эту тему, которая на самом деле заслуживает отдельной книги. Муса Юсупов сказал, что большую роль в послевоенной жизни играет этнопсихологический фактор:

“Чеченцы проявляют себя как прагматики в обустройстве частной жизни, но как романтики в понимании свободы и национального. Они – фаталисты в понимании хода истории. Они умеют маневрировать в жизни, как и в боевых действиях, но они не умеют вести дипломатию”.

Я согласен с Мусой, что общая стратегия послевоенной жизни большинства чеченцев, а точнее жителей Чечни, среди которых было много русских и людей других национальностей, строилась на предприимчивости и на удивительной жизнестойкости. Нельзя также исключать и трудолюбия. Всеохватывающий социальный опыт войны и насилия не означал, что в Чечне воевали все и что мирная активность перестала быть основой жизни местных сообществ. Образ “сражающейся Чечни” как бы исключал образ “работающей Чечни”: журналисты или фотографы редко или почти никогда не фиксировали, как в чеченских школах учились дети⁹ или как чеченцы работали в поле. В действительности все это было. Рутинный и привычный труд оставался занятием многих чеченцев, особенно сельских жителей. Появились и новые занятия, которые могли приносить какие-либо результаты (продукты, деньги, услуги, поддержку и т.п.). Интересным подтверждением этого тезиса могут быть впечатления российского офицера Григория Штицберга из Ивановской области, которыми он поделился в местной газете “Московский комсомолец (Иваново)” сразу после возвращения из Чечни:

«...Находясь в командировке, мы все время как бы наблюдаем жизнь чеченцев со стороны. Встают рано, в 5 утра уже работают – едут на лошади, а чаще на велосипедах, косить. У многих по 6–8 коров, по сотенке гусей, прочая живность. Народ очень трудолюбивый. Ведь что такое Чечня? Один большой город Грозный, которого сейчас как бы нет, средненький Гудермес и совсем небольшой городишко Аргун. Все остальное – большая деревня. Сейчас это крестьянская страна, где в основном люди работают на земле, больше им делать нечего, если не воюют. Так что мысли: где взять запчасти. Приезжают к военным, просят масло, солидол, подшипники и прочее. Руки у них работают неплохо, технику знают, и с такими общение нормальное. Ну а с теми, кому что-то не нравится, – тут просто надо знать как разговаривать. Они уважают силу, и если дать понять, что на их силу найдется другая, начинают воспринимать все спокойно.

И вообще, я не думаю, что чеченцы какие-то звери. В процентном отношении среди русских найдется ничуть не меньше убийц, насильников и грабителей. Конечно, многие работать разучились, но это и в России есть. Учиться не хотят. Зачем, когда заложника можно взять и получить? Правда, в прошлую войну дети камни бросали и кричали: “Аллах акбар”, – но сейчас ладошками машут, улыбаются. Родители научили. Если останешься, воды попросишь – даже хлеба вынесут, хотя самим не хватает.

...Когда мы ездили по дороге Грозный – Моздок, мимо мелькало много населенных пунктов, около десятка. Что характерно: дети, и маленькие, и большие, идут в школу. Девочки все в бантиках, беленьких фартучках, ранцы за спиной. 25 мая у них был последний звонок – толпы детей видели с цветами... В прошлую войну и понятие-то это исчезло, а сейчас школы начали работать, по утрам народ собирается возле колхозных контор и отправляется в поле работать. Все это бросается в глаза. Просто надо разделять: то, что до Терского хребта по левую сторону Терека – это равнина, малая Чечня. Большая Чечня – горы, и там жители считают себя “настоящими” чеченцами. Между равнинными и горными чеченцами взаимоотношения очень сложные.

По телевизору постоянно слышим: воруют горцы много русских, евреев, иностранцев. Но мало кто знает – об этом как-то не говорят, – что сотни и тысячи горцев воруют тех же чеченцев, только равнинных. Национальностей не различают, главное, чтобы за человека заплатили деньги. Я разговаривал с одним чеченцем – у него украли 80-летнего отца и 16-летнего сына. Причем, он прекрасно знает, кто украл, где живет, фамилию, даже может поехать туда и увидеться. Но ни отца, ни сына без выкупа ему никто не отдаст.

...Неужели нечего больше о Чечне показать?...Лучше бы кто-то показал, особенно в Иваново, как к 9 мая чеченцы привели в порядок свой разрушенный Грозный. У нас никогда такого не будет, даже в День города. Это просто прелесть: деревья, бордюрики побелены, асфальт подметен, кирпичи убраны, аллейки. В последний месяц-полтора в Грозном каждый день субботник, на машинах-автобусах с метлами, граблями развозят мужчин, женщин, детей убирать город. Как-то пришлось проезжать по Грозному – идем через весь город со скоростью 90 км в час по ровенькому асфальту, хотя он уже 10 лет не ремонтировался. Воронки засыпают. Чеченцы себя уважают, потому и работают. Все в разрухе, а вокруг горэлектросети заборчик стоит на цементе, уже территорию подметают. Любовь к порядку у них в крови...

Общался как-то с одним чеченцем, ему уже 55. Он уже 3 года не пьет. Говорит, бросил: “Сыну 14 лет исполнилось, не должен он отца видеть пьяным”. Хотя многие и водочку пьют не меньше русских, и матом ругаются “высокохудожественно”. Конечно, мы не слишком часто общаемся с чеченцами, но моментов таких запомнилось очень много. У них своя культура (и очень интересная), свое отношение к жизни. Слушать можно часами¹⁰.

Следует сказать, что заместитель командира отряда Ивановского ОМОНа Григорий Штицберг поделился впечатлениями, которые сильно отличались от доминирующей темы чеченской жестокости, коварства и лености. Журналистка Анна Синюхина, которая вела интервью, довольно точно сказала: “Каждый привозит в душе свою Чечню”. Так же и в самой Чечне не было “одной Чечни”, а было много разных мест, сил и групп, которые создавали драматическое многоголосие послевоенной Чечни. Если для части (скорее всего, для большинства) чеченцев время после войны было временем упорного труда и восстановления разрушенной жизни, то в равной мере для вооруженного меньшинства это было продолжение страте-

гии насилия. Однако для всех общей были стратегия пренебрежения установленных государством и культурной традицией правилами, а также стратегия самообмана, проявившаяся в жестоком разладе между иллюзиями и реальностью жизни.

В последующей главе анализируется элитный дискурс (мир печатного слова) в Чечне. Многие простые люди также читали газеты и участвовали в “больших дебатах”. Наряду с этим люди были озабочены и обсуждали другие вещи. Некоторые из их забот точно отмечены ивановским милиционером Штицбергом. Мне бы хотелось добавить извлечения из интервью с жителями Грозного, которые провел Вахит Акаев летом 1999 г. Перед поездкой на родину я попросил его собрать материал о том, как люди справляются с повседневными потребностями. Привожу своего рода “промежуточный” взгляд местных жителей, которые не находятся во власти и не работают в поле или на стройплощадке. Они – преподаватели университета, люди с сельскими чеченскими корнями. Возможно, такими являются все чеченцы-горожане.

В.А.: “Вот скажи, как ты живешь, как обеспечиваешь семью, откуда источники твоего бюджета, сколько в месяц расходы?”

“Мне мой брат из Москвы, когда приезжает, помогает деньгами. Родственники жены из Щалажи помогают мукой, мясом, сметаной. Детям дают 50–100 долларов. По нашим ценам, чтобы хотя бы раз в неделю есть мясо, надо иметь на семью 1000–1200 рублей в месяц. Это если средняя семья в 4–5 человека. Можно, правда, на чае и муке выживать, но это так себе. Все зависит от таланта вести хозяйственные дела по дому. На картошке можно неделями сидеть. Примерно 1000 рублей в месяц мы тратим на жизнь, но это практически только еда. Стоит кому-нибудь заболеть – все, ты обречен, да поможет тебе только господь. Это еще нам помогают родственники, а как быть с теми, кто живет без помощи родственников? Многие очень плохо живут, у них нет средств к существованию. (Апти Тепсаев, доцент ЧГУ).

“Я ремонтирую радио, телеаппаратуру, а жена занимается репетиторством. Вои этим мы немножко спасаемся. Обучаем совсем безграмотных детей, которых привезли с гор в наш микрорайон. Как 5, 6, 7 человек набирается, это – уже по 150–200 рублей в месяц с каждого. Вот этим живем.

Родители этих детей хотят учить своих детей и дети хотят учиться. Но многие в 3–4 классах не знают сколько будет пять плюс семь. Этим привезенным с гор детям уже 11–12 или даже 13 лет, а они в 3 класс только пошли. Вот в таком плачевном состоянии все находится: хоть национальное восстание поднимай. Вот такой уже идет разговор среди соседей. Это наши мужики говорят, что надо поднимать восстание, так дальше не пойдет. Вообще зверство: здесь нам не дают копать конденсат, а сами копают и все увозят. А как народу жить? Ты разве не видел, что творится за зданием университета. Там яма на яме, в которых добывают конденсат. Сейчас это военные силы все забрали под свой колпак и отправляют куда-то.

Если нет возможности трудоустроиться, что делать людям? Им что погибнуть? Пусть едят алычу, мушмулу, шишки!!* (Асламбек Лабазанов, преподаватель физфака ЧГУ)

В.А.: “А что восстание разве улучшит жизнь?”

“Любое восстание заставляет правительство думать, что его политика губительна для народа и это любой правитель должен понять. Возьмем даже элементарные вещи. Аятолла Хомейни, когда он восстание поднял против шаха, против такой сильнейшей державы, его дом состоял всего из двух комнат. К нему его министры приезжали на прием на общественных автобусах: он запрещал им ездить на автомобилях. Если наши правители считают себя мусульманами, то пусть берут пример с Аятоллы Хомейни и высадят всех из “Мицубиси” и заплатят народу пенсии. Мы сидим без зарплат. Пусть отдадут то, что положено”. (Апти Тепсаев)

В.А.: “Ты преподаешь в университете студентам. Как живут студенты?”

“Учиться хотят, но нет возможности приезжать, по 2, 4 и даже 8 рублей надо платить каждый раз, чтобы приехать на занятия. Общежития сейчас нет, а приезжают из сел. Им очень трудно”. (Апти Тепсаев)

“Я непосредственно работаю со студентами. Контингент поступающих очень слабый. Вплоть до того, что простейшие дроби не могут складывать, делать преобразования простейшего типа. А это материал уровня пятого класса средней школы. Только принимая таких людей, мы в прошлом году успешно заполнили все группы, а в этом году – где-то на 70% заполнение. С каждым годом ситуация ухудшается. Нет учебников, нет пособий, нет достаточно помещений для занятий. И нет у многих преподавателей желания работать. Деградируют преподаватели и особенно студенты. Нет желания работать, потому что не платят. Плюс сама ситуация испортила преподавателей. Картина очень печальная. Восстановит все трудно будет. Большие средства нужны.” (Хайдар Бурчаев, заведующий кафедрой геометрии ЧГУ)

В.А.: “Ты был в своем селе Ялхой-Мохк? В каком положении сейчас сельский житель?”

“Общее настроение очень подавленное. Жалуются, что месяцами не видят мяса. У нас там пастбищ очень мало и скота мало.” (Хайдар Бурчаев).

“Например, в Шатое у нас ситуация лучше, чем в Ножай-Юртовском районе (Хайдар Бурчаев из этого района – В.Т.). У шатоевцев с едой все в порядке, у них только нет денег. (Обращаясь к Хайдару Бурчаеву) А нефть у вас есть? Нефтепровод не проходит рядом?” (Апти Тепсаев).

“Нет, мы далеко в стороне от трубы. Ситуация критическая. Люди подавлены. В Беное можно выращивать скот, там есть альпийские луга. С едой очень скудно. Какой выход?” (Хайдар Бурчаев).

* Здесь употреблено выражение Д. Дудаева, когда он издевательски предлагал учителям в Ведено на требования выдать заработную плату собирать в лесу алычу, мушмулу (по чеченски – хамциш).

ПОСТКОНФЛИКТНАЯ ЭКОНОМИКА

Многие специалисты считают, что появление и оживление торговли, особенно рыночной, есть главный показатель перехода общества от состояния войны к состоянию мира. Чечня не была исключением, но здесь нами отмечен ряд особенностей. Прежде всего – это сочетание вооруженной силы и торговли (без силы торговать было фактически невозможно). Хотя автор заметки “Кто хозяин на рынке?” в газете “Грозненский рабочий” пишет, что “большинство населения Ичкерии занято торговлей на больших и маленьких базарах и базарчиках”, мне представляется это явным преувеличением. Число занимающихся торговлей в разрушенной Чечне было действительно большим. Торговали всем, что можно продать, и все, кто мог что-то произвести, приобрести или украсть. Торговали везде, где возможен спрос и даже там, где его почти не было: в частных магазинах и кафе, на рынках, в крытых павильонах, с лотков, с рук, с земли. Главным торговым центром был Центральный рынок Грозного.

Автор заметки приводит рассказ работника государственной налоговой службы на рынке:

«Тяжело работать, потому что трудно живется людям. Откровенно говоря, даже стыдно требовать сборы с тех, кто в течение длинного летнего дня почти ничего не наторговывает. Но ничего не поделаешь – служба. С другой стороны, нашим больным местом являются базарные “акулы”, крупные оптовики. Они не только нарушают установленные государством правила, но и часто угрожают нам физической расправой. Вот и получается: основную часть сборов дают полунищие. А на крупных воротил бизнеса нет управы. Да и защиты от силовых структур не ощущаем. Разве в состоянии приструнить обнаглевших “денежных мешков” несколько сотрудников РОВД, дежурящих на рынке? В общем, собираем налоги с потом и кровью. По закону нам из общей суммы сборов полагается 10 процентов. На деле и тех не видим. На нас “наезжают” сильные, обделяют зарплатой, сплошь и рядом обвиняют в крохоборстве. Часто “проверяющие” предъявляют весьма сомнительные документы, а то и вовсе не представляются. Создается впечатление, что кое-кто вместо проверок занимается шантажом и рэкетом^М».

Если торговля стала свидетельством жизни общества, то плоскостная аграрная экономика оказалась основой жизнеобеспечения послевоенной Чечни, несмотря на то, что сельскохозяйственное производство серьезно пострадало. Эта экономика складывалась на базе разных форм собственности и хозяйствования, таких, как личные приусадебные участки, мелкая фермерская аренда, сохранившиеся в ряде равнинных районов крупные государственные хозяйства. Продолжали работать госхозы Юбилейный, Солнечный, Пригородный, 60 лет Октября, Знаменский, Кругловский, Ильинский, Маршо. Летом 1999 г. впервые был получен неплохой урожай в государственном секторе. Госхоз “Юбилейный” Грозненского района



Торгующая женщина на вокзале в Гудермесе (Фото В. Бышовца)

имел 530 га посевов пшеницы и ячменя и получил средний урожай 21 ц. с га. Буквально “сидя на нефти”, сельские хозяйства испытывали недостаток горючего и смазочных материалов, а также сельскохозяйственных машин (тракторов, комбайнов). Крупного рогатого скота и овец в Чечне сохранилось столько, сколько в прошлом было в одном только крупном хозяйстве.

Индивидуальные хозяйства производили продукцию для собственного потребления, делясь с городскими родственниками. На рынок вывозились только овощи, выращиваемые в теплицах и парниках (особенно огурцы и помидоры). Некоторые перепродавали разные воды, сигареты и сладости, чтобы хотя бы немного заработать “живых” денег. Особо примечательными были сведения, полученные от Ибрагима Алироева, приехавшего из Чечни в июле 2000 г.:

“Это какое-то чудо. Сейчас рынок в Грозном стал просто богатым. Можно купить все. Мясо самых лучших сортов стоит 40 рублей за килограмм. Там не только хороший выбор сельскохозяйственных продуктов. Одежда, разного рода пиво и сигареты, лекарства, стройматериалы. И все цены ниже, чем в Нальчике, Махачкале или Владикавказе. Многие из покупателей – российские военные. Они теперь могут получать до половины своего заработка прямо здесь в Чечне, а остальное идет на их счета в военкоматы. Поэтому они тратят деньги в Чечне, и местное население от этого много выигрывает. Не то что в прошлом, когда они как попрыщайки бегали за сигаретами и выпивкой”¹².

При правительстве Масхадова вопрос о введении купли-продажи земли не поднимался. Более того, как заверил меня Муса Юсупов и другие эксперты, введение частной собственности на землю не получит поддержки населения. В этом, кстати, Чечня похожа на остальной Северный Кавказ и даже на Россию в целом. В то же время в населенных пунктах, особенно в горных деревнях, шел стихийный процесс раздела земли между собственниками, особенно земель бывших колхозов и приграничной территории. Возникало много споров по вопросу о праве на участки. Многие из них решались через традиционные институты посредничества (примирение, третейский суд, решение муллы). Но здесь ситуация была не такой простой.

“На период сенокоса горцы возвращаются к очагам предков” – под этим заголовком в последнее лето перед новой войной “Грозненский рабочий” писал о наступлении периода сенокоса в горах Чemberлойского района и об опасности, что созревшие травы останутся нескошенными и уйдут под снег:

“В хуторах почти не осталось жителей. Все переехали в плоскостные районы или за пределы Чечни. Сама жизнь заставила многих бывших горцев вернуться к очагам предков на период сенокоса. Едут, правда, не работать, а поделить бывшие участки предков и отдать их арендаторам из Дагестана, которые на долевых началах убирают сено, а потом получают свою долю, отдав определенную часть владельцам земли. Но беда в том, что все заготовители кормов из плоскостных районов ездят на иномарках, сами работать не собираются. А главное – никто из них не знает прежних границ своих участков. А это не всегда создает благоприятную общественную обстановку в горах. Возникает много споров. Некоторые жители аулов Хой, Кезеной, Цанечу, Буни выступают за то, чтобы собрать всех жителей бывших аулов и заново решить проблему границ участков”¹³.

В горных и предгорных районах основная проблема для чеченских властей была не столько в развитии экономики и обустройстве сел и дорог, сколько в осуществлении силовых акций по предотвращению варварского уничтожения леса, а также по уничтожению маковых посевов, предназначенных для производства наркотиков. Здесь порядок устанавливали местные авторитеты из числа боевиков и основным источником существования были или скудные сенокосы и пасечный мед, или криминальные доходы “новых чеченцев”, в том числе за содержание и продажу заложников.

Если говорить о промышленности, то в Чечне сохранились некоторые крупные предприятия, которые в основном перешли на производство бытовой продукции. Завод “Электроприбор”, ранее производивший электрографические аппараты, наладил отливку форм для выпечки хлеба, стал делать пластмассовые крышки для консервирования, бельевые прищепки. Завод “Красный молот” вместо нефтяного оборудования начал производить отопительные котлы, делать железные ворота и другие хозяйственные изделия. Был подготовлен к пуску Грозненский завод железобетонных конструкций, отремонтировали мукомольный и сахарный заводы в г. Аргуне, но все они не начали работать из-за отсутствия сырья и квалифицированного персонала. В легкой промышленности действовала только картонная фабрика “Дружба”. Из 44 промышленных предприятий в 1999 г. работали только 17. В целом производство на промышленных предприятиях составляло в 1999 г. 5–8% от довоенного.

За три года после войны расширился частный сектор в основном, сеть предприятий общественного питания, строительство авторемонтных мастерских, автомоек, автоколонок.

С 1992 г. в Чечне не составлялся бюджет республики и не было никакого контроля над расходами и доходами. Фактически прекратился сбор налогов, и в 1999 г. не было каких-либо поступлений в государственную казну. В первую очередь доходы ожидалось от реализации нефти и нефтепродуктов, но с 1998 г. хищение нефти достигло неимоверных масштабов. Произошло столкновение экономических интересов, особенно в нефтяном деле, между правительством и вооруженной оппозицией. Большинство нефтяных скважин было захвачено вооруженными формированиями. Если в 1998 г. среднесуточная добыча нефти составляла 4200 т, то в 1999 г. – 400 т. Остальное расхищалось непосредственно из скважин и нефтепроводов.

Кустарный промысел нефти стал всеобщим бедствием для Чечни. В одном только районе находилось более 2 тыс. подпольных заводов. Незаконное нефтеварение стало более разрушительным для окружающей среды, чем ущерб, нанесенный военными действиями. Как рассказывали сами чеченцы, когда они спускаются из горных сел на равнину, то их поражает, что равнинные села покрыты черными тучами смрада и дышать на равнине становится труднее. “Грозненский рабочий” писал:



Подпольный нефтяной мини-завод (Фото В. Бышовца)

“По разбитым пыльным дорогам, не давая прохода пешеходам, движутся тысячи приватизированных, ворованных, без госномеров автомашин и большое количество нефтевозов. Столбы пыли вместе с выбрасываемым гаром горючего они оставляют для жителей этих сел, как мука из сита все это оседает на зданиях Курчалойской больницы, на деревьях и жилых постройках. Черные тучи над селами появляются из-за злосчастного нефтеварения. Если сами мы не осознаем, что оно наносит вред нашему здоровью, нашим детям, будем ожидать, пока порядок наведут властные органы, то глотать эту отраву придется долго. Нет секрета для местных жителей, кто и где занимается варкой нефти. Но нет примера, когда жители аулов вышли бы на дорогу и запретили проезд нефтевозов через их аулы и земли”¹⁴.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

За годы конфликта, в том числе и в последние три года, в Чечне изменилась структура населения, система социальных отношений и уровень жизни. У нас нет точных данных, сколько выехало из Чечни уже после окончания войны, но, по многим свидетельствам, в Чечне осталось меньше половины населения, т.е. 500–600 тыс. человек. С началом новой войны осенью 1999 г. выехало еще около 100 тыс. Трудовые коллективы сократились в десять и более раз, большинство специалистов покинуло пределы республики. В промышленном государственном секторе в этот период работало всего около 15 тыс. человек. До 150 тыс. жителей были пенсионного возраста. Заработную плату и пенсии получали с большими задержками,

ибо они поступали преимущественно из российского федерального бюджета.

Резко снизился жизненный уровень подавляющей части населения. Десятки тысяч лишились жилья, автомашин, ценных вещей, домашнего скота, денежных накоплений. Отсутствие доходов приводит не только к обнищанию, но и к элементарному недоеданию и физическому истощению. Резко ухудшилось состояние здоровья всех категорий населения. В республике осталось мало врачей, рад больниц не работает, не хватает медицинского оборудования и лекарств. В Чечне вспыхивают эпидемии разных заболеваний. Детская смертность достигла невиданных для постсоветского пространства уровня – более 100 на тысячу родившихся и доживших до одного года. Высока внутриутробная смертность детей, причем треть приходится только на один Курчалоевский район, превратившийся в огромный кустарный цех нефтеварения.

Из-за коллапса транспортной системы резко ограничилось связи населения как внутри республики, так и с другими регионами страны. Хотя идеологи и политики в полной мере использовали вполне современные средства коммуникации, включая Интернет, население Чечни резко ограничило свои контакты даже через обычную почтовую связь. В 1999 г. в республике действовало 241 отделение связи во всех районных центрах и крупных селах. Однако за три месяца 1999 г. было получено 11 тыс. писем, а отправлено 2 тыс. (для населения примерно в 400–500 тыс. человек это ничтожно мало!).

Если говорить о специфических социальных явлениях, то это прежде всего коррупция и воровство, которые обрели в чеченском обществе пандемический характер. Воровалось все, что можно было украсть, и воровали повсеместно. Экономические лишения, насилие и разрушения, идеология хаоса и полной свободы от норм и закона стали основой для этого явления. Однако позволю высказать сомнение, что именно нужда и безденежье толкали чеченцев на воровство. Скорее мы имеем дело с более сложным явлением постконфликтного общества. Масштабное воровство началось в Чечне еще во времена Дудаева, и оно охватило разные слои и обрело разные формы. Но главное – воровство стало формой стихийной экспроприации государственного имущества, которое отныне считалось ничейным. Фактически был повторен путь остальной России с той только разницей, что в Чечне совсем было разрушено государственной правосудие и утвердилась власть тех, кто обладал оружием.

Война стала своего рода карт-бланшем для грабежей, ибо последние рассматривались или как военные трофеи, или как компенсация за утраченное. Воровством и грабежом имущества занимались как чеченские комбатанты, так и федеральные военнослужащие. Масштабное воровство денежных средств произошло в период первых восстановительных работ в период деятельности правительств

Хаджиева и Завгаева. Расхищение федеральных средств было столь явным и скандальным, что его даже не смог отрицать лично президент Ельцин, заявив: “А черт его знает, куда делись эти деньги”. Правительство Масхадова, придя к власти в январе 1997 г., даже завело уголовные дела на высших чиновников-руководителей из числа тех, кто покинул республику. В самой республике никто не был осужден. В Москве в тюрьму попал бывший мэр Грозного Беслан Гантамиров, который затем был выпущен, чтобы возглавить чеченское ополчение на стороне федеральных сил в период новой войны 1999–2000 гг.

Но, почему коррупция и воровство не уменьшились, а стали всеобщим явлением в момент, когда чеченское общество стало более гомогенным и у него появилась та самая “собственная государственность”, за которую и шла вооруженная борьба. Здесь есть несколько объяснений, и экономические лишения – не главный фактор. Прежде всего главными лицами в крупном воровстве стали сами новые руководители новой Чечни, как политики, так и военные и хозяйственные руководители. Дудаевская “теневая экономика” обрела более изощренный характер и даже собственную философию. Было бы неверно судить, что правительство Масхадова публично благословило воровство и хищения. Борьба с этим злом наряду с попытками пресечь похищения людей стояли на первом месте в деятельности руководства Чечни. Но зло коррупции оказалось сильнее. Вот как об этом писала газета “Защитник отечества”

“Миллиардные хищения в сельском хозяйстве, в строительном блоке и нефтекомплексе Чечни свидетельствуют, что коррупция ступила на тропу войны с государством. Уже не отдельные взяточники, вымогатели, аферисты в чиновничьих скрутках противодействуют закону. Они, пользуясь своим служебным положением, связями в различных структурах управления и власти, спешат нахапать побольше миллионов до того, как придет пора уходить в тень, перекидываться в область коммерческой деятельности, куда с пустыми руками не сунешься. Новое время открыло для госчиновников неограниченные возможности. Теперь старая поговорка “Быть у воды да не напиться?” приобрела новый зловеющий смысл. Речь идет не о том, чтобы утолить жажду наживы, а лишить государство, нас с вами жизненных соков, вознести одних к вершинам богатства, других оставить прозябать в нищете. И ни новые, бессильные по большей части, законы, и ни разрушенные моральные устои не защищают нас от беспредела коррупции...

Особенно много каналов утечки “социальных денег” (речь идет о федеральных трансфертах на выплату пенсий и пособий – *В.Т.*). По этим каналам текут не ручейки, а бурные реки. Особенно масштабно воровство по контрактам на закупку компьютеров, множительной техники и медоборудования... В послевоенную разруху, при разбитой промышленности и сельском хозяйстве, особую нише занимает теневая экономика. Доходы от такой неформальной хозяйственной деятельности играют заметную роль в общих доходах населения. Примером такой экономики являются частные мини-установки по производству нефтепродуктов, добыча конденсата, хищение лесных богатств”¹⁵.

В Чечне имело место и банальное воровство, исполняемое отдельными лицами без особой организации и финансовых операций. Так, например, вслед за остальной Россией в Чечне началась кража сначала стальных конструкций и промышленного оборудования, затем изделий из цветных металлов. Однако в Чечне это обрело такие масштабы, что один из самых современных и крупных заводов – Грозненский нефтеперерабатывающий имени Анисимова (объем производства 450 тыс. т бензина и 1,8 млн т дизельного топлива в год) был полностью разграблен уже после августа 1996 г. Разобрали также многие подлежащие восстановлению здания, некоторые из них представляли архитектурную ценность. Летом 1999 г. в горные села Веденского района не подавалось электричество. Кто-то, где-то украл провода, разворовал подстанцию¹⁶. Тогда же в Грозном имела место хроническая нехватка воды. “Грозненский рабочий” сообщил, что нехватка воды в городе в летние месяцы вызвана не столько разрушенными войной водозаборами: основная причина – массовое воровство с целью получения цветного металла. Вооруженные грабители похитили со Старосунженского водозабора целую станцию резервного питания¹⁷.

Эта же газета писала:

“На железнодорожных путях от Гудермеса до станции Ищерской похищена медная электропроводка. Это значит, что электрички станут на “прикол”. О том, что охотники за цветным металлом не унимаются, говорят и другие факты. В Надтеречном и многих других населенных пунктах республики злоумышленники украли телефонный кабель. Восстанавливать телефонную связь не имеет смысла – похитители только этого и ждут. В результате большая часть села Знаменского осталась без телефонной связи. В Надтеречном свыше 300 абонентов не имеют возможности позвонить”¹⁸.

Вслед за крупным следовало и мелкое воровство, захватившее и горные села, где личная честность считалась одной из добродетелей. Один из читателей “Грозненского рабочего” жаловался, что наступил конец горскому обычаю ставить в жаркую погоду у дороги напротив своего дома ведро или бочку с чистой холодной водой из родника, чтобы усталый путник мог утолить свою жажду, отдохнуть в тени и просить Аллаха проявить заботу о тех, кто сделал такое благородное дело. Сейчас этого нет, потому что поставленная у дороги посуда из цветных металлов разворовывается и сдается в нелегальные пункты приема¹⁹.

Довольно точный диагноз социального климата в Чечне поставила чеченская журналистка Асет Вазаева:

“Вся послевоенная республика – территория агрессивного пространства. Дома-калеки, грязные базары на каждом шагу (кроме как на рынке негде заработать рубль), горы мусора даже в центре – и обилие людей в камуфляжной форме, вооруженных и всегда хмурых. Тотальная безработица, большинство жителей Чечни живут за чертой бедности, молодежь лишена перспектив. Такая среда, где почти отсутствуют эстетические импульсы,

озлобляет, внушает чувство неприкаянности, безнадежности. Не удивительно, что в Чечне сегодня много разрушителей и мало создателей.

Тяжело работать в такой обстановке журналистам. И не только потому, что угроза для жизни, обесценившейся до предела, вполне реальна и постоянна. Здесь раздолье для множества противоборствующих вооруженных группировок, признающих только закон “Калашникова”. Много и просто неуравновешенных людей, чьи психические проблемы усугубила война. Но у нас, журналистов, есть и свои, особые трудности. Их хорошо выразил поэт в следующих строчках:

Когда разлад в душе,
Строка не удастся –
Строке передается
Разлаженность души.

Очень трудно бороться с этим душевным разладом, когда не видишь перспективы, когда междоусобная борьба “отцов нации” ведет ее к пропасти... Я возненавидела политику и политиков, которые с такой легкостью бросили мирный народ в горнило войны. Они отняли у меня... Нет, не квартиру и имущество (в августе 1996 г. в Грозном Асет потеряла с трудом заработанную квартиру и все свое имущество – *В.Т.*), а намного больше – родной город, родную республику, соотечественников. Я имею в виду не только погибших, но и тех, кто не выдержал испытания войной: некоторые на глазах меняли человеческий облик на звериный”²⁰.

МЕЖГРУППОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Период “национальной революции” и война разрушили основы гражданского порядка и старые политические структуры. Возникло огромное число партий и общественных организаций, но без влияния, лидеров и ресурсов. На протяжении трех лет после окончания войны в Чечне фактически не было гражданских институтов. Распались трудовые коллективы. Главные акторы: власти, военно-политические объединения, религиозно-политические группы. Проявились или возникли заново внутрigrupпеченские коллизии (соперничество за власть, социальные и клановые противоречия, конфликты мафиозных структур и прочее). Воюющая Чечня создала новую социальную структуру во главе с вооруженной частью населения. Это обстоятельство поражало многих наблюдателей даже из числа самих чеченцев. Крупный чеченский бизнесмен Малик Садуллаев, назначенный администрацией Кремля главой Государственного совета Чеченской республики, совершил поездку в Чечню и Ингушетию в конце 1999 г., и одно из его высказываний было следующим: “Я все еще никак не могу привыкнуть к Москве. Такое ощущение, что вернулся в нормальное общество с другой планеты, на которой все злые, все плачут. И хозяйева на этой планете – те, кто с оружием, кто сильнее”²¹.

Главными в обществе стали так называемые УДС – участники движения Спротивления или ветераны русско-чеченской войны.

Именно они объявляли себя ответственными перед “шахидами, отдавшими свою жизнь в многовековой войне за независимость”, и выступали от их имени. Именно они считали себя достойными лучших должностей, лучших условий жизни и особых привилегий. В республике была создана государственная комиссия по делам УДС и такие же комиссии работали во всех районах. Председатель комиссии Грозненского района Кейпа Межиев сообщил, что в его районе на учете комиссии стоит 1347 человек. Они распределены на четыре категории: близкие родственники погибших, участники митингов и их организаторы, активные участники военных действий, лица, материально и морально поддерживавшие УДС. Первые три категории имеют специальные удостоверения, а четвертая – справки. УДС имеют право бесплатного проезда на общественном транспорте, льготы при поступлении в учебные заведения. С материальной помощью шахидам (многие из которых не имеют работы, зарплаты, с перебоями получают пенсии) дело обстоит хорошо. За время существования комиссии им выдавали продукты 7–8 раз²².

Правительство пыталось осуществить меры по социальной реабилитации участников войны и по оказанию помощи детям погибших боевиков. Летом 1999 г. Масхадов издал указ о льготах для поступающих в вузы и средние специальные учебные заведения: 10% квоты от госзаказа (т.е. бесплатные места) для абитуриентов – участников вооруженной борьбы и 5 % для детей и сирот, оставшихся без попечителей.

Проблема оказалась только в том, что УДС оказалось больше, чем должностей, а льготы доставались далеко не тем, кто воевал. Это породило противоречия и ожесточенные столкновения, которые оформлялись чаще всего в разногласия религиозно-идеологического или военно-политического характера.

Политический раскол в Чечне наметился сразу после окончания войны. Часть полевых командиров не хотела прекращать вооруженные действия и предпочитала вариант экспорта “освободительной революции” в другие республики Северного Кавказа. За этим стояла идея, что Чечня может добиться полной независимости только после освобождения всего Северного Кавказа и получения выхода к двум морям – Каспийскому и Черному. Другая часть чеченской военно-политической элиты предпочитала мирный путь и поддерживала Масхадова в его стремлении наладить переговоры с Россией и обеспечить участие республики в проекте транспортировки каспийской нефти.

Некоторая консолидация появлялась лишь в связи с осуществлением угрожающих акций по отношению к внешнему миру, включая ближайших соседей. Так, летом 1997 г. в Северной Осетии были арестованы пятеро чеченцев. Это скорее всего была ответная акция местных властей с целью добиться освобождения нескольких жителей Северной Осетии, включая высокое должностное лицо, кото-

рые находились в Чеченском плену. 20 июля на стадионе “Динамо” прошло “совещание чеченских воинов”, созванное по инициативе вице-президента Ичкерии Вахи Арсанова. Он заявил:

*“Инициатором этой встречи являюсь я и прошу меня простить за то, что оторвал вас от дел. Если вы избрали меня и Аслана первыми руководителями Ичкерии, мы являемся гарантами прав и безопасности чеченских граждан. Я не имею права впустую бросаться словами. Я обращаюсь к вам с вопросом: мы Владикавказ освобождаем или уничтожаем?”*²³.

В ответ было дружное “Аллаху Акбар!”. Все выступили за то, чтобы освободить арестованных чеченцев силой, а Салман Радуев призвал вообще “уничтожить этих безбожников (большинство верующих осетин – православные – В.Т.)... Настоящие кавказцы, а тем более мусульмане подлость не прощают, и если бы осетины были истинными кавказцами, они бы не стреляли нам в спину, когда мы воевали с российской армией. Это подлые трусы. И с ними нужно разговаривать только соответствующим языком”²⁴.

Следует сказать, что подобные впечатляющие демонстрации чеченской воинственности оказывали определенное воздействие. Федеральные власти не были готовы начинать новые военные действия против Чечни и тем более за ее пределами. Власти Северной Осетии не имели таких возможностей, хотя осетины никогда трусами себя не считали и тоже относят себя к самым храбрым на Кавказе. “Один наш парень там в Абхазии стоил десятка других кавказцев, сражавшихся против грузин”, – сказал мне однажды президент Северной Осетии Ахсарбек Галазов. Насколько мне известно, на сей раз Галазов дал команду отпустить задержанных чеченцев.

Масхадов и его правительство предпринимало меры, чтобы решать проблемы бывших комбатантов и неподконтрольных вооруженных формирований. Сложнее было с главными лидерами, значительная часть которых перешла в оппозицию Масхадову. Прежде всего это были радикальные исламисты Хаттаб, Басаев, Радуев, а затем Гелаев, Удугов и другие. Борьбу с ними Масхадов начал под лозунгом борьбы с “похитителями людей”. В начале осени 1998 г. президент издал указ о роспуске незаконных воинских формирований, а подчиненные чеченскому президенту силы приступили к операции “по освобождению заложников”. Это было открытое объявление Масхадовым войны независимым полевым командирам, ибо “похитители людей” и оппозиция были одни и те же лица. В 1998 г. в Гудермесе произошли открытые столкновения между сторонниками ваххабитских порядков и промасхадовскими силами. На самом деле был дан отпор попытке Бараева и его людей поставить под свой контроль район Гудермеса.

3 июля 1999 г. состоялся Съезд участников русско-чеченской войны и движения Сопrotивления, на котором была принята резолюция из 8 пунктов. В этом документе отразились кризисные мо-

менты внутривеченской жизни, особенно касающиеся вопросов выбора между традиционным тарикатом и ваххабизмом и перспектив установления шариатского правления. Во-первых, участники съезда объявили о “всеобщем согласии между всеми участниками войны и патриотически настроенными силами в деле укрепления исламской государственности”. Во-вторых, внутренние противоречия было решено рассматривать исключительно мирным путем с соблюдением законов шариата. В-третьих, участники съезда наложили запрет в ЧРИ на преследования граждан по религиозному признаку (имелись в виду меры против ваххабитов). В-четвертых, они признали “похищения людей в ЧРИ ... тягчайшим преступлением против чеченского государства, в соответствии с шариатом”. Здесь же было решено создать Совет национальной безопасности (Шура) из числа лидеров движения Сопровитвления и других деятелей. Масхадову рекомендовалось разработать правовую базу для деятельности независимых шариатских судов, а также приостановить в республике митинги, шествия, демонстрации политического характера.

Правительство Масхадова было неспособно управлять ситуацией. Раскол среди лидеров был настолько сильным, что президент обратился с воззванием “Чеченцы, граждане Ичкерии, братья и сестры!”, в котором назвал причины, почему Чечня так и не достигла своей цели:

“Уверенно, с достоинством пройдя в течение долгих лет дорогами войны, мы вдруг стали неузнаваемы. Вчерашние боевые соратники сегодня смотрят друг на друга с недоверием, между ними удалось протащить яблоко раздора, название которому – амбиции на власть! Нет другого объяснения, кроме как претензий на власть, тому, что вчерашние лидеры освободительного движения, военные лидеры, спаянные одной идеей и одной целью, сегодня, не выдержав испытания славой, оказались в плену мелочных обид, домыслов, слухов и сплетен.

...Лидеры Джихада! Будьте достойны любви и уважения чеченского народа, встряхните с себя груз гордыни в о м я в е л и к о г о н а р о д а (! – В.Т.), плоть от плоти которого вы являетесь, сомкните ряды против общего врага! Борьба против нашего народа не кончилась, она приобрела иные, коварные и подлые формы, цель которой – любой ценой обескровить чеченский народ, отсечь вас от вашего народа, дискредитировать воинов Джихада. Хватит греться в лучах славы прошлого! Ведь от уважения народа до его ненависти всего лишь шаг, сделайте же его навстречу друг другу, к единению и согласию. Сегодня есть шанс, великий шанс стать соавторами окончательной победы чеченского народа – народа-труженика, народа-воина, народа-победителя в его тяжелой и многовековой борьбе за обретение своей независимости и суверенности!”²⁵

ШАРИАТ ДЛЯ ЧЕЧНИ?

Шариат как основа нового порядка не давал покоя наиболее экстремистским лидерам Чечни. Еще будучи главой республики после гибели Дудаева Зелимхан Яндарбиев издал указ о введении в дейст-

вие Уголовного кодекса ЧРИ с целью “укрепления основ государственной независимости и законности на принципах шариата – Закона, данного Великим Аллахом милостивым и милосердным, господином миров”. По мнению Вахита Акаева, этот Уголовный кодекс был полной копией с Уголовного кодекса Судана, и, вероятно, его перевод на русский язык был специально сделан для Чечни и скорее всего за ее пределами²⁶. Если это так, то мы имеем один из наиболее ярких примеров предписаний внешних действующих сил на разорванное конфликтом общество.

В августе 1996 г. в Чечне был введен военно-шариатский трибунал, который продолжал действовать как одна из ветвей верховного шариатского суда ЧРИ. Через него проходили все дела военнослужащих или участников Сопrotивления, он же выносит приговоры вплоть до смертной казни. В сентябре 1998 г. Масхадов своим указом образовал специальный полк судебно-шариатской полиции во главе с полковником Ризваном Даудовым. Задачи полка – охрана шариатских судов, конвоирование подсудимых, принудительный привод в суд, контроль за соблюдением норм шариата должностными лицами и рядовыми гражданами. Вот мнение Даудова, высказанное “Грозненскому рабочему”: “В нашей республике постепенно нужно искоренить европейский стиль одежды, ввести единую форму в школах, с учетом национальных исламских традиций, и внедрять шариат следует с молодых лет”. Полк дополнил шариатскую гвардию и оба формирования были заняты рейдами по населенным пунктам и районам Грозного для выявления нарушений шариатских норм, особенно употреблений спиртного и наркотиков, или торговли ими. Только за один день 27 июля 1999 г. служащие полка уничтожили 600 бутылок водки и 7 человек задержали в нетрезвом состоянии, наказав их 40 ударами палками²⁷.

Официальное введение шариата “в полном объеме” было объявлено Масхадовым в феврале 1999 г. Установление нового порядка мотивировалось целью лишить своих непримиримых противников основных аргументов в борьбе за власть, но на самом деле это была полная капитуляция президента перед радикальными исламистами. Власть Масхадова в Чечне стала номинальной, а его противники из группировки Яндарбиева и Басаева заявили о необходимости упразднения поста президента и об избрании имама Чечни, т.е. религиозного главы государства. Джабраил Гакаев так оценил ситуацию с введением шариата:

«Существенным в новом витке противостояния между Масхадовым и его противниками является не сам факт введения в Чечне норм шариата, а то, что их в республике просто не может быть по определению: то, что лидеры “Ичкерии” выдают за шариатские нормы, на самом деле не более чем обычное право – адаты. В Чечне шариат никогда не существовал в чистом виде, он был вмонтирован в местные обычаи и традиции, в народный (тарикатистский) ислам. Сунитская традиция уже десять веков не признает пра-

во на иджитхад – толкование человеком Корана и сунны. Согласно ей, “врата иджитхада закрыты”. Чеченский шариатский суд не может основываться на мнении самих судей, а значит, он бессмыслен и незаконен с точки зрения канонического сунитского ислама. Между тем шариатские судьи-ваххабиты, которые являются носителями высшей судебной власти в Чечне, получили образование в арабских странах. Таким образом, процесс “арабизации” (а не “исламизации”) “Ичкерии”, вопреки существующей религиозной традиции, стал реальностью»²⁸.

Имеется много свидетельств, что эта “реальность” в значительной мере не была принята чеченским населением. Публичная смертная казнь двух безродных чеченцев в 1996 г. потрясла не только внешний мир, но и самих чеченцев. Недовольство вызвала смерть известного певца Апти Далханова после того, как его наказали 80 палочными ударами. Такому же наказанию был подвергнут бывший дудаевский муфтий М.-Х. Алсабеков за то, что сначала объявил войну против России газаватом, а потом отказался от своих слов и уехал из Чечни. Большинство чеченцев, проживших свою жизнь в условиях светского порядка и закона, а также многие религиозные деятели не могли принять столь явное насилие со стороны вооруженной секты экстремистов, пытающейся изменить основы жизни чеченского общества. Вопрос о шариате стал основным идейно-политическим разломом в обществе, и это окончательно парализовало всякие основы государственного управления в Чечне. Ослабленное общество было не в состоянии противиться диктату сторонников шариата, но и не было шансов, что оно примет этот диктат. Такая ситуация не могла длиться долго и в любом случае должна была бы вылиться в открытый конфликт.

¹ Чечня и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 14.

² Путь Джохара. 1997. № 9. 28 июля – 3 авг. С. 4.

³ Защитник отечества. 1998. № 1. Февр. С. 1.

⁴ О сложной природе интериоризации см.: Social Experience and Anthropological Knowledge / K. Nastrup, P. Hervik. L.; N.Y., 1994. P. 7.

⁵ Hansen G., Seely R. War and Humanitarian Action in Chechnya. / J. Thomas, Jr. Watson. Institute for International Studies. Occasional Paper N 26. Providence, 1996.

⁶ Грозненский рабочий. 1999. № 29. 5–11 авг. С. 1.

⁷ См. написанный Дж. Гакаевым раздел в кн.: Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под редакцией В.А. Тишкова. М., 1999. С. 33–42, а также написанные М. Юсуповым разделы по Чечне в кн.: “Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 1998, 1999. М., 1999, 2000.

⁸ Пути мира на Северном Кавказе. С. 5.

⁹ Редкий по своей драматической простоте и повседневной важности документ – дневник директора грозненской школы Рамзана Айдамирова – был опубликован в кн.: Защита будущего. Кавказ в поисках мира Под ред. Ф. Дуве, Х. Тальявини. М., 2000. С. 34–51.

- 10 Московский комсомолец” (Иваново) 2000. 14–21 июня. С. 2–3.
- 11 Горозненский рабочий. 1999. № 25. 7–13 июня. С. 2.
- 12 Беседа с И. Алироевым. 24 июля 2000 г. Москва // Архив автора.
- 13 Грозненский рабочий. 1999. № 29. 5–11 авг. С. 1.
- 14 Там же. 1999. № 28. 28 июля – 3 авг. С. 3.
- 15 Защитник отечества. 1998. № 1(75). Февр. С. 4.
- 16 Грозненский рабочий. 1999. № 25. 7–13 июля.
- 17 Там же. 1999. № 29. 5–11 авг. С. 2.
- 18 Там же. 1999. № 28. 28 июля – 3 авг. С. 1.
- 19 Там же. 1999. № 29. 5–11 авг. С. 1.
- 20 Чечня: Право на культуру. М., 1999. С. 36–37.
- 21 Версия. 2000. № 1 (75). 11–17 янв. С. 8.
- 22 Грозненский рабочий. 1999. № 28. 28 июля – 3 авг. С. 1.
- 23 Путь Джохара. 1997. № 9. 28 июля – 3 авг. С. 1.
- 24 Там же.
- 25 Грозненский рабочий. 2000. № 27. 21–27 июля. С. 1.
- 26 Полный текст см.: Ичкерия. 1999. № 24–26.
- 27 Грозненский рабочий. 1999. № 28. 28 июля – 3 авг. С. 2.
- 28 Пути мира на Северном Кавказе. С. 36–37.

Глава XV

ЧЕЧЕНСКИЙ ДИСКУРС КАК ИДЕОЛОГИЯ КРАЙНОСТЕЙ

Европейские ученые-антропологи назвали кавказской европеоидную (белую) расу потому, что чеченцы, ингуши и частично представители других групп кавказцев являлись классическими образцами указанной расы

Альберт Мачигов

Мы не хотим для себя большего арийства, чем сама наука приписывает его нам. Просто обидно, что чеченцев называют в РФ “черными”, когда наука относит их к эталону белой расы...

Р. Вараева

Будущее Чечни – это ее далекое прошлое

Хож-Ахмед Нухаев

Поразительные метаморфозы произошли в духовной жизни Чечни после августа 1996 г. Вместе с автоматными пулями, разорвавшими воздух вокруг уцелевшего в войну Дворца культуры нефтяников – места инаугурации президента Масхадова в январе 1997 г., ментальное пространство республики заполнилось эмоциями ненависти и мщения, буйством фантазий и иррациональных идей, безудержным бахвальством, псевдонаучными конструкциями, упрощенными религиозно-экстремистскими постулатами. Вдруг стало много истории и поэзии, которых, казалось, было и так достаточно в довоенной Чечено-Ингушетии, и этим республика была похожа на остальные этнотерриториальные автономии СССР.

Если не считать газет “Голос Чеченской Республики” и “Грозненский рабочий” с широким информационным набором – от “борьбы за урожай” до спорта и погоды, – то не менее половины пространства других чеченских газет были заполнены статьями на исторические темы и поэтическими сочинениями, перепечатками анонимных текстов или вторичной псевдофилософской риторикой местных авторов. Что касается стихов (конечно, на русском языке!), то они сочинялись и публиковались даже по случаю смерти родствен-



Чеченская свадьба в годы войны (Фото Веленгура)

ников, не говоря о прославлении чеченских доблестей и новых героев. Мы располагаем, например, “газетным поэтическим сборником” под названием “Волки-Абреки. Спецвыпуск № 2”, который содержит стихи и песни Лом-Али Бейтельгареева и фотографии 16 “генералов” Чечни. Сборник издан на средства благотворительного фонда “Марши” при президенте ЧРИ, председателем которого была жена президента Кусам Масхадова. Этот выпуск на 4 страницах формата А4 и тиражом 7 тысяч экземпляров вышел в сентябре 1998 г., когда, как вешала верхняя строка обложки, “На часах Независимости Ичкерии пробило семь!”

Другой особенностью чеченских газетных текстов были многочисленные военные воспоминания и описания подвигов чеченцев во время войны, иными словами, тема героя и его свершений. Газета “Защитник отечества” – орган Министерства обороны Ичкерии, в каждом номере помещала подробные очерки о героях “русско-чеченской войны” или интервью с ними, иллюстрируя публикации фотографиями воинов в полных доспехах. Чем-то эти издания напоминали советские газеты первых после 1945 г. лет, хотя между ними есть и огромные различия.

В то же самое время в текстах звучала довоенная ностальгия, которая наиболее ярко отразилась в публикации во многих номерах “Грозного рабочего” фотографий бывшего г. Грозного. Они напоминали о благополучной и о цивилизованной жизни в городе, который почти исчез с лица земли в результате вооруженного конфликта. Трудно судить, какие эмоции вызывали эти фотографии у че-

ченских боевиков, большинство которых было выходцами из сел. Некоторые из них даже в Грозном не были до начала “национальной революции”. Многие ненавидели этот город как место средоточия власти, богатства, престижных должностей, благоустроенных квартир, принадлежавших, как объясняли идеологи революции, “захватчикам” и “колонизаторам”. Населению республики времен дудаевского правления кроме того настойчиво вдалбливалось в головы, что Грозный – это место экологического бедствия (опять же по вине русских!). Однако, как выяснилось из бесед, у самих горожан и образованных чеченцев боль утраты Грозного очень часто стояла на первом месте после потери близких.

Хотя в газете из номера в номер публиковались десятки таких фотографий, а в разговорах это была одна из самых больных тем, я, тем не менее, не встретил ни одной статьи, которая обсуждала бы проблемы послевоенного восстановления и реконструкции чеченской столицы. Тексты и фотографии как бы заполняли пустоту, возникавшую в результате неспособности видеть и обсуждать современные проблемы.

ЧЕЧЕНСКАЯ ПРЕССА

Примечательно, что в полуразрушенной республике в 1996–1999 гг. выходило несколько большеформатных газет, по которым частично можно восстановить картину жизни общества. Удивление вызывает сам факт официальной регистрации более 40 изданий и около 20 телерадиокомпаний в послевоенной Чечне, когда техническая база журналистики была сильно разрушена: уничтожены типографии, телестудия, радиоцентр, 9-этажный Дом печати, где располагались все редакции местных изданий. В Чечне сохранилась только одна устаревшая печатная машина, на которой 4-полосная газета (формат полосы А2) тиражом 10 тыс. экземпляров печаталась целый день. Как оказалось, чеченские журналисты нашли полиграфическую базу в других регионах России и набирали некоторые издания в Минеральных Водах, Махачкале, Назрани¹. Большинство чеченских газет выходило нерегулярно, а некоторые прекращали свое существование после выхода 3–4 номеров.

Как отмечает Лема Турпалов, чеченские СМИ существовали после войны только за счет финансирования учредителями или спонсорских пожертвований. Поступления от рекламы были мизерными, а нехватка денег у населения часто не позволяла покупать периодические издания. Тиражи были маленькими, а стоимость их производства высокой. В целом чеченская периодика как бы состояла из официальных органов, партийных изданий и независимой прессы. «Но в то же время часто за вывеской независимости скрывается политическое лицо или партия. Так “Свобода”, имея статус общенаци-

ональной независимой газеты, ориентировалась на политический блок Шамиля Басаева и издавалась на его средства»².

Проведенный мною анализ отдельных номеров чеченских газет того времени дал следующие результаты:

“Грозненский рабочий” – формально независимая, еженедельная, тираж 3–4 тыс., печаталась в Минеральных Водах;

“Голос Чеченской Республики” – общественно-политическая газета;

“Чеченец” – основана движением Мовлади Удугова “Исламский порядок”, ежемесячная “историко-просветительская” газета на 20 полосах, каждая форматом А3);

“Импульс” – независимая, вышло несколько номеров;

“Ичкерия” – официальный правительственный орган, 4 полосы каждая форматом А4, выходила нерегулярно;

“Защитник отечества” – орган Министерства обороны ЧР;

“Путь Джохара” – газета одноименного “общенационального политического движения”, возглавляемого Салманом Радуевым;

“Кавказская конфедерация” и “Kavkazsky Vestnik” – две газеты, которые выходили под патронажем Зелимхана Яндарбиева и считались органом Конфедерации кавказских народов;

“Аль-Каф” – “научно-просветительская газета” ваххабитского направления, пользовавшаяся поддержкой полевого командира Хаттаба;

“Великий Джихад” – “общественно-политическая газета духовно-воспитательно направления”, контролировавшаяся Басаевым;

“Мехк-Кхел” (газета религиозного общественно-политического движения Нохчи латт ислам, основанного Х.-А. Нухаевым, вышло 2–3 номера;

“Свобода” – “общенациональная независимая газета”, вышло несколько номеров.

Кроме этого, выходило несколько журналов, главным образом литературно-художественные альманахи, в том числе один на чеченском языке – “Орга”. Издавались и общественно-политические журналы, например “Ойла”, учрежден Мусой Юсуповым, вышло всего три номера.

Делались попытки возродить местную печать, которая до этого существовала в каждом районе. Выпускались отдельные номера районных газет “Придтеречье”, “Терская правда”, “Ведено”, “Крепость Шарой” и другие, но ни одна местная газета не смогла выжить в условиях разрухи и отсутствия средств.

Все газеты печатались на русском языке, кроме “Даймохк”. Показательно замечание одного из чеченских читателей: “Подойдите к киоску с газетами. Много газет, изданий выходят в Чечне на русском языке. Их берут, читают. Лежит одна газета “Даймохк” на чеченском языке. В ней напечатаны прекрасные статьи, затронуты важные темы, красивое полиграфическое оформление. Но ее сами чеченцы не покупают”³.

Другая ситуация сложилась после 1996 г. на телевидении Чечни. Московские телеканалы можно было принимать только в Грозном и в радиусе 30–40 км вокруг него. Но эти трансляции прекращались, когда выходил в эфир государственный канал. Уровень вещания, в основном на чеченском языке, и технического обеспечения были очень низкими. Многие чеченцы, утратив способность писать на чеченском языке, сохранили его в разговорном обиходе.

Анализируя чеченские газеты за 1996–1999 гг., можно сделать вывод об основных проблемах, которыми жило местное общество, по крайней мере определенная его часть, прежде всего интеллигенция, политики и боевики. Однако газеты и телевидение отражали не только мнение “новых элит”. Постсоветские чеченцы – люди фактически все грамотные и многие с высшим образованием. Поэтому, из-за недостатка профессиональных журналистов и интеллигенции, как писал один из читателей “Голоса Чеченской Республики”, теперь в газеты “пишет всяк, кто хочет, лишь бы было о чем написать, люди с образованием и без него, умные и не очень, мирные граждане и боевики”⁴.

СУДЬБА ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

В целом в Чечне утвердилась идеология экстрем во всем ее возможном наборе: агрессивный экспансионизм, антироссийность (“русизм” – рапространившийся во время правления Дудаева термин, обозначающий “русское колониальное господство”), радикальный исламизм, крайний антисемитизм и расизм. Прежде всего это отразилось на судьбе местной обществоведческой науки. Как мы знаем, в Грозном до войны был достаточно сильный коллектив обществоведов, работавших в Чечено-Ингушском НИИ истории, социологии и филологии и в высших учебных заведениях, прежде всего в Чечено-Ингушском государственном университете. Первый удар по гуманитарной науке был нанесен еще при режиме Дудаева. Институт был закрыт по непонятным причинам. Его директор Вахит Акаев так объясняет эту ситуацию:

“Вызвал меня однажды Дудаев и начал говорить, что мы не тем занимаемся. Надо доказывать, что чеченцы самый древний народ, что он сам видел чеченские древние памятники во многих странах. Надо разоблачать русское колониальное господство. И вообще зачем сейчас общественные науки, когда надо учиться воевать и отстаивать независимость. После этого деньги перестали переводить в институт, хотя официального решения о закрытии не было. Я так с институтской печатью в кармане до сих пор и хожу”^{*}.

^{*} В 1999 г. по моей просьбе Президиум РАН выделил Институту этнологии и антропологии РАН средства для возобновления деятельности Чеченского института гуманитарных наук в качестве временного творческого коллектива.



Чеченские ученые – Я. Ахмадов, В. Акаев, И. Мунаев в кабинете автора. Февраль 2000 г. (Фото В.А. Тишкова)

В то же самое время Д. Дудаев подписал 18 июня 1992 г. указ о создании Академии наук Чеченской республики. В советские времена академии наук в республиках всегда были своего рода символами государственной суверенности. Не ушла от этой традиции и постсоветская реальность и сюрреальность. В чеченскую академию были избраны 19 ученых, в том числе и мои партнеры по исследованию: историк Джабраил Гакаев, который стал академиком и вице-президентом по общественным наукам, и тот же Вахит Акаев, избранный членом-корреспондентом академии. Дудаев лично изложил установки, определяющие направление деятельности ученых, но затем прекратил финансирование исследований. Наконец, война окончательно разрушила местное научное сообщество гуманитариев и его материальную базу. Здание института, построенное в стиле модерн в начале XX в., было полностью уничтожено бомбардировками. Погибли библиотека и архив, в том числе 600 пленок с фотоматериалами, свыше 4 тыс. машинописных страниц обработанных фольклорных текстов, десятки подготовленных к печати рукописей⁵. Многие ученые уехали из Чечни.

До войны в Грозном действовал также Центр этнокультурного развития Чеченской республики, который с 1991 г. возглавлял Сайд-Магомед Хасиев – этнограф по образованию, учителями которого были ученые из отдела Кавказа Института этнографии АН СССР (профессора В.К. Гарданов и Б.А. Калоев). По его свидетельствам, в центре было собрано более 500 аудио- и видео кассет с записями

чеченских народных музыкальных произведений, танцевальных движений, старинных обрядов и ритуалов и множество других материалов:

“Как раз перед войной, опасаясь за сохранность моей рабочей картошки, я перенес ее на работу. В картотеке было у меня свыше 70 тысяч карточек с записями, собранными за 30 с лишним лет работы. В мире известно не так уж много мифов о мироздании, которые существенно отличались бы от изложенных в Священном Писании. Мне удалось собрать 8 таких мифов, бытовавших среди чеченцев и указывавших на существование некогда связей со многими отдаленными от Чечни регионами. Все эти материалы погибли.

Как все это восстановить? Сколько понадобится времени? Кто знает... Сегодня мы оказались в положении, которое иногда кажется просто тупиковым. Нет материальной базы для научной работы, нет финансовой поддержки и главное – нет молодежи, которая хотела бы посвятить себя науке. Уходят из жизни старики, а на смену им никто не приходит. Мы теряем ценнейший этнографический материал...

Мои мечты, мне кажется, достаточно скромны. Я мечтаю хотя бы на два-три месяца отрешиться от всех забот и посидеть в хорошей библиотеке, мечтаю закончить начатую работу. Мечтаю, чтобы наши молодые люди наконец-то повернулись лицом к науке. Хорошо еще, что во всем мире наука не стоит на месте. Я благодарен любому, кто занимается этнографией, в каком бы конце мира он ни жил. Ведь любое открытие в этой области в конечном счете касается всех нас, жителей Земли. А кроме того, изучая свой народ, он может открыть что-то такое, что будет иметь отношение и к чеченцам”⁶.

В послевоенной Чечне Академия наук пыталась восстановить свою деятельность. В 1997 г. по согласованию с Масхадовым президент академии Хамзат Ибрагимов направил письмо президенту РАН Ю.С. Осипову с предложениями о налаживании связей двух академий и проведении некоторых мероприятий. Ю.С. Осипов поручил мне осуществлять контакты с чеченским президентом, и у меня состоялась встреча с Хамзатом Ибрагимовым на предмет подготовки совместной конференции по проблемам послевоенного восстановления и взаимоотношений между Россией и Чечней. Этот план не был реализован. По моим сведениям, президент Масхадов не захотел, чтобы такая конференция проходила в Москве, а в Грозном провести ее было невозможно по причине безопасности. Но первую встречу в моем кабинете я хорошо запомнил. На глазах Ибрагимова появились слезы, когда он стал говорить о своей полной поддержке моей позиции против античеченских настроений в России и против конструирования негативного образа чеченцев:

“Мы сами страдаем от этих бандитов. У меня забрали новую “Волгу”, и я знал, кто ею завладел. Это братья Ахмадовы из Урус-Мартана. Я поехал на разговор со старшим братом. Эта семья из девяти братьев все держала под своим контролем. После долгих упрямств и обещаний

сделать одолжения для его людей по части получения образования он соизволил вернуть мне автомобиль”.

Ибрагимов рассказал, что Академия наук ЧР одобрила три программы в области общественных наук: написание новой двухтомной истории чеченского народа, создание национальной энциклопедии, целиком посвященной чеченскому этносу, и развитие лингвистической науки, прежде всего чеченского языка. Позднее я прочитал интервью с Ибрагимовым в газете “Защитник отечества”, в котором он так высказался по поводу национальной чеченской энциклопедии:

“Известно, что национальная энциклопедия должна быть научным пособием, написанным на основе последних достижений науки в области истории, культуры, религии, этнографии, языка, фольклора, мифологии, этикета. Значительное место в первой чеченской энциклопедии будет отведено биографиям выдающихся исторических, государственных, общественных, научных, культурных, творческих, спортивных, военных, религиозных деятелей Чечни и чеченцев, внесших вклад в историю и культуру России, Турции, Иордании, Сирии, Казахстана, Киргизии, США, Германии и других стран. Чеченская энциклопедия должна стать зеркалом высокой духовности нашего народа, адекватным отражением его богатой истории, открытости миру, способности вбирать в себя передовые идеи времен, умение духовно обогащаться, жить в мире с соседями, мужественно защищать свое Отечество от иноземных захватчиков”⁷.

Но это были слова, которые мало что значили в реальном мире послевоенной Чечни, где утверждалась совсем другая система идеологических координат, совсем иные авторитеты и темы*. Внешне и даже официально главный смысл идеологической жизни послевоенной Чечни состоял в утверждении “национальной идеи” нового независимого государства. На самом деле это была идеологическая борьба с рационализмом, светскостью и общероссийскими ценностями, которые олицетворяло зрелое поколение чеченской интеллигенции и большинство рядовых граждан, не участвовавшие в военных действиях и во многом не разделявшие взгляды пришедших к власти в Чечне сил после 1991 г. Проживавший в Грозном (по крайней мере до второй войны) чеченский историк Лема Вахаев в своей статье о политических фантазиях в современной Чеченской Республике откровенно описал сложившуюся ситуацию:

* Спустя почти год, 13 июля 2000 г. Хамзат Ибрагимов снова пришел ко мне в кабинет, постаревший и печальный (он потерял своего взрослого сына-писателя, умершего от тяжелой болезни), но полный планов восстановить научную деятельность в Чечне уже после формирования новой администрации муфтия Кадырова. Ему казалось, что в Грозном можно создать Научный центр Российской академии наук, начав с создания комплексного научного института, куда придут работать все оставшиеся в Чечне ученые разных специальностей. Президиум РАН принял решение о создании такого института, и Ибрагимов занялся реализацией этого решения.

«Старая советская интеллигенция, слишком “русифицированная” и оторвавшаяся от своего народа, слишком по-советски “робкая” и скомпрометировавшая себя молчанием во время позорной кампании начала 80-х годов по празднованию годовщины “добровольного вхождения” Чечни в состав России, не смогла возглавить бурный процесс роста национального самосознания и поисков “национальной идеи”. В 1991 г. она проиграла, и все последующие события все более и более отдаляли ее от общественной жизни. Во время войны она, естественно, оказалась невостребованной и большая часть ее покинула Чечню. А сразу же после войны чеченский парламент принял закон “О люстрации” – средство избавиться от тех, кто не догадался уехать сам. К власти в Чечне пришли новые люди – храбрые, несомненно, преданные (по-своему) своему народу, но необразованные полевые командиры, выходящие из социальных низов, зачастую с криминальными или полукриминальными прошлым и связями: полуинтеллигенты; нувориши, о происхождении богатства которых лучше не спрашивать. Именно эти люди, победители в революции 1991 г. и в войне 1994–1996 гг. стали определять духовный климат общества и активно разрабатывать свои варианты “национальной идеи”, придавая своим представлениям статус национальной идеологии»⁸.

Основное место в этом идеологическом реванше заняла “борьба за прошлое”, причем за такое прошлое, в котором грань между историческим знанием и вымыслом перестала существовать. Это, видимо, еще одна из черт феномена демодернизации в условиях разорванного войной общества, которую исследователи отмечали на примере сходных ситуаций, как, например, в Шри-Ланке, где тамильский сепаратизм создал самостоятельные версии ланкийской истории в противоположность официальным (сингальским) интерпретациям. Некоторые авторы объясняют особенность появления в чеченском массовом сознании представлений о великом прошлом чеченцев и галереи фантастических образов “чрезвычайным эмоциональным напряжением в условиях многолетнего “чеченского кризиса”⁹. В этой ремарке есть определенный смысл, но его явно недостаточно для объяснения феномена идеологической атмосферы общества опасных фантазий, какой окончательно стала Чечня после 1996 г.

ЧЕЧЕНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

В чеченском дискурсе на первый план вышла тема о чеченцах не только как о древнем народе или как о “французах Кавказа”, но и как о богоизбранном “великом народе” (определение самого президента Ичкерии Аслана Масхадова), который стоит по статусу выше других народов Кавказа (особенно православных осетин!). У него великое прошлое, которое “внешние (имперские, сионистские и прочие) силы пытаются скрыть, замолчать”¹⁰. Все более ранние сочинения и высказывания не могут идти в сравнение с тем, как эта те-

ма трактовалась в период 1996–1999 гг. Она стала популярна и постоянно обсуждалась в различных статьях, телепередачах, в книжных изданиях, а также присутствовала в повседневных разговорах чеченцев.

Прежде всего обновлению (точнее удревнению) подверглась гипотеза о происхождении чеченцев, которые и раньше в националистическом мифе отождествляла чеченцев с древнейшими цивилизациями Передней Азии и Ближнего Востока (шумерской, хурритской и урартской)¹¹. Теперь этого показалось мало, и стало доказываться чеченское происхождение кроманьонцев. Удуговская газета “Исламская нация” писала: “...кавказионцы и древние европейцы принадлежат к одному антропологическому типу, т.е. кроманьонцы – это суть кавкасионцы, т.е. предки вайнахов”¹². Вполне очевидно, что среди правящей чеченской элиты стали популярными теории нацистских антропологов, когда-то искавших на Кавказе родину арийской расы. “Гитлер о чеченцах” – под таким заголовком газета “Путь Джохара” поместила статью Р. Вараева с бредовыми идеями и искаженными ссылками на работы известных ученых:

«В прошлом веке европеоидная белая раса именовалась кавказской, т.к. нормативным для белой расы все антропологи установили тип, ныне именуемый кавкасионским, чистым же эталоном которого считали тип чеченцев, хурритов (Иоган Фридрих Блюменбах). В работах современных антропологов (Т.М. Алексеев “Славяне и германцы в свете антропологических данных” // Вопросы истории, 1974, № 3. С. 63 и след.; А.Г. Кузьмин “Об этнической природе варягов” // Вопросы истории, 1974, № 11. С. 62) отмечено, что чем западнее и севернее обитали германские племена, тем прочнее в них традиция, выводящая их предков именно на Кавказ. Средневековый анналист Саксон передает легенду о кавказском происхождении викингов. Осетин же относят антропологи к средиземноморскому типу, что делает версию происхождения викингов от осетин малосостоятельной. Известный ученый Н. Марр был репрессирован за теорию корневой роли чеченского этноса в этногенезе и лексике ряда европейских народов.

Основываясь на работах К. Гаусгоффера, Г. Горбигера, И. Карста, выводящих путь белой расы из Центральной Азии через Кавказ в Европу, Гитлер писал: “Там на Востоке сохранился след древней германизации Северного Кавказа – чеченцы – арийское племя” (И. Карст. “Начало Средиземноморья”... Гейдельберг 1931 г.) Многие слова варяг имеют скорее не германское, а чеченское происхождение... Сулейман Джамуханов нашел более 2-х тысяч слов чеченского языка сходных с англосаксонскими. Антропологи Дебеч и Алексеев отметили кавкасионский тип черепов в захоронениях юга Скандинавии. Тот же тип был присущ и хуррито-урартийцам (цивилизация более древняя, чем шумерская).

Племена Германии и Европы, в древности Зумы, Херуски, Мугалоны, Бельги, имеют сходство с вайнахскими тайпами Зумсы, Харсеной (от хьярс – светловолосый), Макхалой (этнимин ингушей от тотема чеченцев Макхала). Мы не хотим для себя большего арийства, чем сама наука приписывает его нам. Просто обидно, что чеченцев называют в РФ “черными”, когда наука относит их к эталону белой расы»¹³.

До войны о происхождении самоназвания чеченцев – *нохчи* – было высказано много разных суждений, но ни одно из них не связывало его с именем ветхозаветного старца Ноя и не трактовало как “люди Ноя”. В послевоенных изысканиях, в том числе и сотрудника научно-исследовательского центра движения Нохчи Латт ИсЛам Хасана Бакаева (Дени Биксан), уже отстаивался тезис, что “теория господства еврейских наречий в сфере языкознания ныне является окаменевшим догматом”, а чеченский язык – язык Адама и всех последующих пророков вплоть до Ноя:

“В Библии (в еврейском оригинале) имя пророка Ноя (мир ему) пишется как Ноах. В Священном Коране – Нух. Это имя мы находим в первой части самоназвания чеченцев. Что касается компонента *чи*, то еще академик Н.Я. Марр, ссылаясь на немецкого лингвиста Дирра, выявил, что это слово является древнейшим яфетическим (кавказским) термином в значении человек”¹⁴.

Следующей на той же полосе газеты “Путь Джохара” идет статья Сулеймана Расаева “Знаете ли вы, что...”, в которой каша из ссылок на археологию, историю, Коран и астрофизику была призвана доказать, что чеченцы – это библейский народ, который восходит одновременно и к Адаму с Евой, и к Ною. Как и в других аналогичных текстах, все начинается со ссылок на известных российских и зарубежных ученых и лингвистов:

“С. Старостин, И. Дьяконов, К. Браун доказали родство хурритов и урартийцев и в языке, и в антропологии с чеченцами; другие языки и типы антропологии мало подходят к урартийским. Сам же этноним чеченцев – человек, по мнению ученых близок кораническому Нуху – Ною, а Арарат – к топониму Урарту. Кстати, символ двухглавый орел впервые ввели урартийцы, чеченцы после и от них Россия!

В чеченском языке сохранились и другие следы библейских историй. Слово *дит* – дерево на чеченском одновременно означает не трогай (запрет трогать дерево из Библии), а слова смерть и яблоко в чеченском однокоренные, т.е., вкусив яблоко, Адам стал смертным. Вообще же коранические формы древнее библейских, просто Библия раньше получила ход за пределы семитских племен...

Начиная с Петра I русские дворяне не считали позором для себя признать доблесть чеченцев. Один талантливейший русский военный сказал, что армия, требуемая на Чечню, могла бы завоевать для России все земли между Турцией и Японией. Масхадов вполне серьезно утверждал, что то количество оружия, которое Чечне приписывает Россия, было бы достаточным для завоевательного похода ичкерийцев до Ла-Манша. Кстати, предки чеченцев – аланы совершали походы до Испании и Северной Африки”¹⁵.

В итоге Чечня была объявлена древнейшим государством, история которого насчитывает несколько тысячелетий. И масхадовский “государственный секретарь” Чеченской республики А. Акбулатов убеждал своих соплеменников, что “свою государственность чеченцы сохраняли и в период правления скифов, сарматов и алан”¹⁶. Че-

ченцы – не только создатели древнейшей государственности на Земле, но они и авторы древнейшей демократии: “Неписанные чеченские обычаи свидетельствуют о том, что ни древние греки, ни древние римляне, ни деятели современных цивилизованных государств не придумали более совершенных законов”¹⁷. Именно поэтому эта единственная в мире страна, в которой осуществляется подлинное народовластие и которая никому не подчиняется, не вписывается в “современное мировое сообщество”, в котором “господствует диктат имперских, государственных интересов над правами народов”¹⁸.

Лема Вахаев справедливо заметил:

“Мания величия, как правило, сочетается с манией преследования. Мифы о величии призваны компенсировать собственные неудачи и унижения. Но поскольку совсем уж не замечать печального настоящего, так противоречащего идее собственного величия, не получается, беды и неудачи объясняются действиями врагов. Именно потому, что ты так велик, у тебя так много врагов, которые стараются тебя уничтожить и, наоборот, – если ты окружен врагами, пытающимися тебя уничтожить, то это, наверное, потому, что ты – велик и враги видят это твое величие и исходящую из него угрозу. Фантазии о величии предполагают фантазии о врагах, и эти два вида компенсаторных фантазий легко переходят друг в друга”¹⁹.

ВРАГИ ЧЕЧНИ

Кто же главные враги Чечни–Ичкерии? “Официальный вечный и постоянный враг чеченского народа” был назван – это Россия²⁰. С этим врагом не может быть мира никогда. Достаточно примечательно, что Хасавюртовское соглашение в августе 1996 г. чеченские средства массовой информации постоянно предпочитали называть Хасавюртовским “перемирием”. Естественно, что потребовались большие усилия по конструированию вражеского образа России. Особым расположением чеченских авторов пользовалась тема исторических взаимоотношений Чечни и России, а также оценки положения в современной России. Здесь много не только фантастических заявлений, но и парадоксальных противоречий. С одной стороны, развивался тезис о ее неизбежном крахе. По словам Хож-Ахмед Нухаева, она не имеет будущего, является противоестественным образованием, “никому не нужным и в первую очередь самим русским”²¹. С другой – некоторые чеченские авторы с энтузиазмом приняли участие в “конкурсе о новой национальной идее России”. Главной сенсацией новой чеченской антропологии стало открытие, которое выразилось в названии статьи научного сотрудника АН ЧРИ А.Д. Мачигова: “Чеченцы – основатели Руси”. Статья была опубликована в газете “Путь Джохара” и потом несколько раз перепечатывалась в других изданиях:

“Прежде всего данная статья доказывает то, что чеченцы являлись основателями государственности Руси. В первом историческом упоминании о нохматах (самоназвание чеченцев – нохчи) их племя было локализовано, как ни странно, в низовьях Дона (Дънна чеченская река)...Лингвист А. Вагапов установил, что до трети чеченских корневых слов перешло в древнерусский язык еще тысячу лет назад!!!... В книге “Вайнахи и сарматы” (Грозный, 1991), на основе четырех классных форм А. Вагапов доказал переход еще в X веке из чеченского в русский язык, а не наоборот... Попытки вместо алаано-чеченского и варяжского влияния на русский этногенез поставить осетино-иранский или тюркский малоубедительны.

Имя половца Овлур (помогшего Игорю) чисто вайнахское, иранские и тюркские языки сами испытывали на себя влияние чеченского...

В Чечне древнее селение Кий, бывшее некогда столицей, род Киева, фамилия Киев очень напоминает антропоним полян – Кий и название Киева, лишней раз подтверждая влияние чеченского языка на топонимику древней Руси...

Само слово Русь имеет на тысячу лет более древнюю основу в античных Аорсах – (русь не германское, а чеченское слово по происхождению) – в племени со сходным названием к чеченскому род орс-тхой, где орс – светлое мало заросшее место (поляна), рош-арш – русло, ручей, хар-ор – пустош, яма.

...Кий как царь заимствовано иранцами у предков чеченцев – хурритов, чье царство древнее всех иранских царств. В чеченском корень къа – это сила и рука, т.е. более древние анатомические термины, это и зоологический термин ведущего барана и имя родовой общины Кий – кей, что куда древнее иранского кий. В арийские языки чеченское авр-аур – бурлящая вода попало минуя иранские. Влияние кельтского на варяг в большей степени является влиянием чеченского. Жившие городами галлы переводимы как горожане на чеченском. Этноним галгаевцев-ингушей от Ангуш сопоставим с кельтским именем Анкус.

...Днепру могли дать имя только чеченцы. Кельтское влияние на варяг является чеченским. Разве случайность совпадение глаголов do, be, сан, до, went, were? Варягов-англосаксов шотландцы называли сансаннах (сансан этноним чеченцев как и нах – люди). Самоназвание варягов – варанги сходно с Варанды – с тайпом и селением в Чечне, легко переводимым в нахских языках. Рюрик на варяжском-венедском языке означало сокол, ингушская фамилия Куркиев от кюрки, по-чеченски то же, что и Соколов...

...Антропология в Древнем Киеве и Чечне не оставляет сомнений в чеченском происхождении полян (в переводе орстхоевцев). Часть чеченцев-орстхоевцев возвратилась в Чечню, и потому только в Чечне нартов называют еще орстхоевцами. Можно долго перечислять эти параллели, при этом отмечая корневую роль именно чеченского, а не кельтского, тюркского или иранского языков”²².

Далее автор перешел к более близкой по времени истории России и установил огромный вклад чеченцев в ключевые моменты ее прошлого. Отражением польской интервенции в Россию в начале XVII в. страна была обязана не только Минину и Пожарскому, но и чеченцу – графу Черкесскому. “Непобедимую железную дивизию” немцев разгромила Дикая дивизия чеченцев и ингушей, за что царь

Николай II в 1916 г. вынес ей особую благодарность. В июне 1941 г. в момент нападения Германии на СССР “самая большая концентрация чеченцев-красноармейцев была в Бресте, но ни один из 200 чеченцев при жизни не был удостоен звания Героя Союза”.

В Иордании, Турции, Иране «больше половины и самые лучшие армейские генералы – чеченцы. Там слово чеченца на суде приравнивают к клятве на Коране для других. Они опора закона и армии. В России же чеченцы “бандиты” с рождения, т.к. само государство основано не на тех идеях, а на каких оно основано, оно само не решило... Такой идеей может быть Ислам. А чечено-славянское единство гораздо обоснованнее тюрко-славянского или космополитического, западного. В военном же отношении союз России с Ичкерией будет куда страшнее для Запада, чем любое расширение НАТО для нас (! – В.Т.)».

Мы вернемся к теме исламской идеи ниже, а сейчас приведем еще некоторые материалы на историко-антропологическую тему. Основанная в конце 1998 г. Союзом ветеранов “общественно-политическая газета духовно-воспитательного направления” “Великий Джихад” в одном из своих номеров продолжила тему “Чеченцы как основатели Руси”. Тот же автор Альберт Мачигов излагает, на его взгляд, неопровержимые аргументы в пользу концепции, которая становилась все более популярной среди чеченцев. Иначе радикально-исламистская газета Мовлади Удугова не стала бы перепечатывать этот материал. Помимо все тех же языковых параллелей, автор делает новые выводы:

“Здесь мы настаиваем на том, что проточеченские племена на разных этапах истории состояли в тесном родстве с предками различных этнических групп, а в средние века, уже не изменяя сложившегося этнического портрета славян и германцев, все-таки являлись господствующей группой среди них и, возможно, в тот период дополнительно навязали им часть своей лексики. Если вы помните, внешность русских князей, изображенная на древних иконах, напоминает кавказский тип или, как принято говорить в последние годы, они похожи на лиц кавказской национальности...”

...Это факт, а не проявление фашизма: европейские ученые-антропологи называли кавказской европеоидную (белую) расу потому, что чеченцы, ингуши и частично представители других групп кавказцев являлись классическими образцами указанной расы.

Антропология и характер захоронений в Древнем Киеве гораздо ближе к тому, что встречаются в Чечне в аналогичную эпоху, нежели чем к славянской. Даже сегодня заметна внешняя близость части украинцев к кавказскому типу больше, чем к общеславянскому...”

Особой темой в чеченских дебатах оставалась проблема родного языка. Как отмечалось выше, языковая ассимиляция чеченцев в пользу русского языка достаточно сильная, особенно среди городских чеченцев. Все документы чеченской революции, включая декларацию о суверенитете и конституцию, были сначала написаны на

русском языке. Военные приказы отдавались также на русском, не говоря уже о повседневном разговоре чеченских комбатантов. Даже баллотировочные бюллетени во время президентских выборов Дудаева и Масхадова печатались на русском языке. После войны он стал восприниматься как последнее наследие империи, с которым нужно было покончить, по крайней мере вернуть чеченскому языку достойный статус в новом независимом государстве. Однако это естественное желание обрело уродливые и даже комические формы в обществе, где уже и не осталось профессиональных лингвистов, в том числе и специалистов по чеченскому языку (до конфликта такие специалисты были и в Грозном, и в Москве). Как заметил местный этнограф Сайд-Магомед Хасиев, “сегодня мы впали в другую крайность. Любой, кто в состоянии связать два слова по-чеченски, объявляет себя лингвистом или этнографом”²³.

Газета “Чеченец” (1997. № 11, С. 16) объявила конкурс следующего содержания: кто докажет, что слова *клуб, сервис, френд, правда, родина* – чеченские слова, тому приз в 5000 долл. Вскоре в газете “Путь Джохара” появилась статья Харона Вастигова “Сначала было слово”:

“Чеченский язык (мати – мат) является родоначальником всех остальных языков. Автор неправильно поставил вопрос. Формулировка вопроса будет правильной, если выразить это так: “Относятся ли вышеуказанные слова к древнечеченской (арийской) цивилизации. Да. Без сомнения. Наш язык это ключ к языковой цивилизации остальных народов (далее следуют “доказательства” – В.Т.).

...Гонорар 5000 долларов это то, что я ищу. Зачем лукавить. Мне они необходимы, чтобы выпустить в свет газету “Ис–Тъери–аш”, посредством и при помощи которой я собираюсь доказать, что чеченский род – это род первочеловека, а чеченский язык (мат) – это язык языков (мати – мат). Но это можно доказать, только глубоко исследовав исторические корни чеченского народа на основе древнечеченской цивилизации. Каждый чеченец, который помогает мне в исследовании древнечеченской истории, будет стоять у истока закладывания краеугольного камня для прогрессивного развития в среде остального мира своих детей и внуков...

Пророк Иса (да будет мир над ним) также принес в мир мусульманскую религию Ислам (Ис-а, житие девяти древних народов) и был распят. Это иудеи и варвары распяли нашу древнюю цивилизацию. У нас и у остальных народов был отнят язык...

Чеченский язык – это шедевр общечеловеческой цивилизации, памятник человеческому разуму и культуре. Этим языком нельзя лгать и спекулировать. Его надо реставрировать и вернуть чеченскому народу. Язык, при помощи которого Великий Аллах (хвала Ему Всевышнему) сотворил мир. И язык при помощи Великого Аллаха призван спасти мир. Но чтобы реставрировать этот язык, нужен колоссальный труд и он под силу только историческим исследователям чеченского происхождения. Да поможет нам Аллах. Аминь”²⁴.

МИССИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ КАВКАЗА

Мотивы чеченского величия и исламского мессианизма сосуществовали в Чечне с экспансионистской идеей освобождения Кавказа от имперского господства России и создания единого “Кавказского дома” или “Кавказской конфедерации”. Основными идеологами таких проектов выступали Зелимхан Яндарбиев, Мовлади Удугов, Хож-Ахмед Нухаев и довольно большое число появившихся в Чечне писателей, публицистов, историков. Суть “освободительных” проектов излагалась многократно и в разных аудиториях, заполонив идеологическое пространство Чечни. У этой идеологии, столь близкой для советского доктринального наследия, на сей раз нашлись мощные спонсоры за пределами Чечни, ибо “освобождение от России” было, пожалуй, более важным приоритетом по сравнению с другими типа “исламской угрозы” или “мирового терроризма”. По крайней мере так можно говорить о некоторых странах Запада и бывшего СССР. Что касается государств Южного Кавказа (Азербайджана, Армении, Грузии), то никакого серьезного отношения к чеченским проектам у лидеров этих государств не было, хотя безусловные реверансы в сторону Чечни делались, особенно в Баку и в Тбилиси, вступивших в мировой клуб стран с регионами вооруженного сепаратизма раньше России. Причиной тому была не столько сама идея, сколько ее антироссийская направленность, а также желание играть на проблеме сепаратизма, отплачивая России за ее прошлую непоследовательность в карабахском и абхазском конфликтах.

Идея освобождения и объединения Кавказа внедрялась чеченскими лидерами на протяжении всех трех лет после войны, хотя ее некоторые элементы были высказаны еще раньше. В Грозном и в других местах на эту тему издавались книги и брошюры. Удуговская газета “Kavkazsky vestnik” перепечатывала главы из книги Фридриха Боденштедта “Народы Кавказа и их освободительные войны против русских”. Зелимхан Яндарбиев разъяснил идею и задачи создаваемого им общественно-политического движения “Кавказская Конфедерация” в статье “Кавказ – наш общий дом. Кавказ един. Кавказ свободен”:

“На протяжении многих веков Кавказ находится под игом Российской империи. Он не свободен. Мы не имеем права сидеть и притворяться, что вокруг нас ничего не происходит, довольствуясь, наконец-то, обретенной свободой и тем, что чеченскую землю не топчет российский сапог. Мы, проживающие на этой древней и прекрасной земле, – кавказцы. А это значит, что мы должны быть свободны. Поскольку созданы таковыми Всевышним, как и все люди на Земле, это значит, что мы обязаны помогать другим народам вырваться из кабалы и рабства...

Наша свобода не является свободой потому что несвободен Кавказ. Все народы Кавказа, будь то дагестанцы, азербайджанцы, ингуши, грузины,

черкесы или казаки, к какой бы религии они не относились, – они наши братья. Мы все – единый кавказский народ...

Ни Грузия, ни Азербайджан не считают себя свободными, несмотря на то, что они являются признанными многими государствами мира.

Сегодня начинается новая эра в истории строительства кавказского общего Дома, свободного от рабства. И в этом процессе главную роль играет Ичкерия, ибо за 5 лет Джихада мы показали, что мы более закаленные, более утвердившиеся в своих целях. И мы не имеем права быть в стороне. Все свободолюбивые народы Кавказа считают, что чеченский народ должен быть в авангарде освободительного движения на Кавказе.

В нас видят лидера, который поведет Кавказ к свободе. Нам Всевышним предоставлена уникальная возможность раз и навсегда скинуть рабские оковы Российской империи. И если мы не воспользуемся этим шансом, это будет преступлением и перед Всевышним, и перед всеми народами Кавказа”²⁵.

Наиболее радикальные чеченские лидеры использовали идею кавказского единства и освобождения для политических действий в регионе с целью формирования более широкой антироссийской коалиции и “фронта освобождения” (по выражению Яндарбиева). Учрежденный Общественно-политический союз (ОПС) Кавказской конфедерации начал издавать в Грозном газету “Кавказская конфедерация” под лозунгом гегелевской цитаты: “Прогресс мировой цивилизации начинается с пути кавказской расы”. Эта газета стала рупором наиболее радикальных северокавказских националистов не только Чечни, но и других республик региона. Состоялись два съезда ОПС: 7 августа 1997 г. и 24 мая 1998 г. Второй съезд прошел в Урус-Мартане и был посвящен 80-летию образования Северокавказской (Горской) республики. Председатель ОПС Яндарбиев написал “Обращение к народам и общественно-политическим организациям Кавказа”:

“Братья и сестры! Кавказцы! Национально-освободительная борьба наших народов на своем многовековом пути достигла сегодня решающего этапа. Самой жизнью перед нами со всей определенностью поставлен вопрос: быть или не быть – не только свободными, но и народами вообще. Это осознают все, кто мало-мальски разбирается в законах общественного развития, осведомлен о прошлом земных цивилизаций, так и исчезнувших с лица земли. Это чувствуют сердцем и кровью любой крестьянин или пастух и поэтому так встревожены души наших народов. И эта тревога не за сегодняшние трудности материального характера, хотя они довлеют над ними, а от предчувствия надвигающейся национально-этнической катастрофы, ускоряемой и ужесточаемой наступлением на нас так называемой эпохи рыночной экономики, культуры и идеологии. Не только сфера экономических отношений, но и культура, и идеология, и духовность наших народов выставлены жизнью на жестокий и бескомпромиссный рынок, где нет никаких иных правил, кроме рубля и доллара. И купцами на этой международной базахолке суждено быть не нам, а Западу и русским...

Кавказцы! Если мы и дальше собираемся жить по правилам, навязанным нам сильными мира сего, будь то русские, американцы, Запад, прочие,

то у нас перспектива – исчезнуть с географической и этнической карты мира, умереть, куда нам и указывают путь те, кому вы доверили свои судьбы.

Если же мы хотим развиваться на благо себе и всему миру, возродить то, что в нас загубили или утратили мы сами, мы в состоянии это сделать только освободившись от России, прежде всего, и от навязываемой нам игры без правил, называемой международным правом, являющимся правом сильного, создав свои правила, необходимые для честной жизни, для того, кто посмел стать свободным, каким его сотворил Всевышний! Даже самый малочисленный на сегодня народ Кавказа по величию духа, по потенциалу способен утвердить и защитить себя даже в этом всемирном беспределе. Все зависит от того, пойдем мы это и будем ли действовать! ОПС Кавказской конфедерации призывает вас к действию – освобождению. Да, это тяжело с утратой лучших из наших братьев и сестер! Да, это долгая борьба! Да! Но сделать это должны мы! Сами! Своими руками и жизнями! И мы это сделаем! И сделаем это мы, объединившись, этнически и религиозно, экономически и политически, забыв обиды, порожденные нашей неволей, отложив до полной вольности все наши внутренние проблемы. И только так! С помощью Всевышнего! Аминь!”²⁶.

Здесь же Яндарбиев заявил, что реально на Кавказе существуют только два независимых государства – Ичкерия и Азербайджан, но и их усилия по укреплению государственности разрушаются “идеологической политикой, подрывной, диверсионной деятельностью российских спецслужб и вообще, Русского государства”. Россия присутствует на Кавказе в качестве агрессора, “в качестве государства, которое оккупировало большую часть Кавказской территории”. По мнению Яндарбиева, между Кавказом и Россией существуют непримиримые противоречия и они разрешимы “только при условии полного освобождения Кавказа! Любые другие варианты работают против освобождения того или иного отдельно взятого кавказского народа, так и в целом против освобождения всего Кавказа”²⁷.

История некогда единой Горской республики, которая просуществовала один год (1921) и была реорганизована в пользу новых территориальных автономий, стала своего рода невыученным уроком для северокавказских “антиимпериалистов”. Основной докладчик на съезде Сайд-Хасан Абумуслимов так сформулировал новые задачи:

«Уже десять лет как сложилась благоприятная ситуация для освобождения и объединения Кавказа, но почти ничего не сделано для достижения этой цели. Чтобы вновь не упустить возможности, нам необходимо поставить борьбу за свободу и независимость северокавказских народов в качестве первоочередной задачи, не откладывая ее “на потом”, не допуская превращения борьбы за свободу от российского колониального ига в борьбу со своим соседом по несчастью и не превращая тем самым наши народы в пошмище в глазах всего мира.

Для этого нам необходимо прежде всего объявить мораторий на все территориальные претензии друг к другу и объяснить нашим народам, что мораторий не означает отказ от решений проблемы, а означает лишь соз-

дание благоприятных условий для ее решения и освобождения из-под российского ига совместными действиями. И создание Конфедерации Кавказских государств явится наилучшим решением этой проблемы.

Нам необходимо активно, всеми доступными средствами распространять среди наших народов освободительную идеологию, идеологию общности и взаимности судеб всех без исключения кавказских народов и приоритетности общекавказских интересов, принципиальной недопустимости между кавказскими народами конфликтов.

Нам необходимо издать массовым тиражом книги, содержащие идеологию общности судеб кавказских народов, идеологию освобождения и объединения Кавказа. В том числе мемуары, аналитические статьи участников борьбы за независимость Кавказа в 1917-1921 гг.

Для воспитания подрастающего поколения в духе свободы и единства Кавказа следовало бы разработать общий для всех кавказских народов учебник “Кавказоведение” и добиться введения его в качестве обязательно предмета в школах и учебных заведениях всего Кавказа»²⁸.

В итоговом заявлении съезда говорилось, что “коварная человеконенавистническая политика России на Кавказе принимает самые уродливые формы. Заявляя о приверженности к решению проблем взаимоотношений Ичкерии и России на основе принципов и норм международного права, Россия, с молчаливого согласия мирового сообщества государств, в том числе и мусульманских государств, продолжает гнусную политику геноцида кавказских народов, в частности Чеченской Республики Ичкерии”. А в резолюции съезда был следующий пункт: “Исходя из того, что Чеченская Республика Ичкерия является в настоящее время законным правопреемником имамата Шамиля и Северо-Кавказской республики и потому, считая, что день независимости Ичкерии является днем начала восстановления независимости всего Северного Кавказа, организовать празднование 6 сентября – Дня независимости Ичкерии – на всем Кавказе как день начала восстановления независимости Северного Кавказа”.

Это уже были явные претензии чеченских лидеров на общекавказскую гегемонию и на распространение борьбы против России “всеми доступными средствами” по всему Северному Кавказу. Фактически наиболее воинственная часть вооруженной Чечни начала готовить план “освобождения Кавказа”, попытка реализовать который была предпринята спустя год в Дагестане.

ИСЛАМ И НАЦИЯ

После тем о войне и России ислам и исламская идея в их политическом варианте стала ведущей в чеченском общественно-политическом дискурсе, в том числе в связи с так называемой русской национальной идеей, разработкой которой в то же самое время была увлечена российская (точнее “центральная” или московская) интел-

лектуальная элита. Число “теоретических” статей на тему ислама за период с 1996 г. трудно назвать, ибо все издания считали своим долгом служить исламизации республики после периода советского атеизма и идей прозападной либерализации, которая пришла с эпохой Горбачева. Как было показано в XI главе, накануне и в ходе войны религия играла скорее мобилизующую роль и роль фактора дистанцирования от России. После войны радикальные исламские группировки выбрали религию в качестве основы политического переустройства Чеченской республики. Популярным стал тезис, что на смену западному и российскому “оскверненному” и “агрессивному конституционализму” должна придти конституционная теократия или полная “исламизация” государства и общества. Как завещание часто цитировались слова Дудаева: “Власть шариата должна быть абсолютной, а не ограниченной”²⁹.

Несмотря на пустую риторику (никаких конкретных планов полной исламизации не было выдвинуто), в 1990-е годы реально в республике восстанавливались позиции традиционного тариката в рамках светского общества. Причем первоначально укреплялись преимущественно так называемые зикристы – название сторонников одного из суфийских тарикатов (братств) – учения кадирия, восходящего к шейху Кунта-Хаджи³⁰. Вахит Акаев пришел к выводу, что, расставив на все ключевые духовные посты “зикристов”, Дудаев и его окружение даже не скрывали свое стремление поделить власть между “своими”³¹. Это подтверждает и высказывание ректора исламского института М.-Х. Насуханова: “Раньше у власти в Чечне находились последователи накшбандия, теперь же власть находится у зикристов”³². Накануне войны, когда Руслан Хасбулатов организовывал свою миротворческую миссию (см. главу VII), к нему присоединился ряд известных накшбандийских деятелей. Последователи тариката накшбандия в период войны восстановили свое влияние. Причем они придерживались публичной позиции, что сопротивление чеченцев российской власти и армии нельзя назвать газаватом. Эту позицию всячески пытались скрыть от рядовых комбатантов их командиры, а симпатизирующие им журналисты предпочитали не писать о позиции чеченского муфтията в период войны.

Ситуация радикально поменялась после окончания войны и прихода к власти вооруженных группировок, часть которых поддерживалась и находилась под влиянием радикального исламизма, получившего условное название “ваххабизм”³³. Теперь на их пути не было серьезных препятствий, а пропаганду идей ваххабизма и введение шариатского порядка щедро поддерживали внешние источники от афганских талибов до саудовских ваххабитов. Исключительно важную роль сыграл личностный фактор, а именно выбор в пользу наиболее политизированной и экстремистской доктрины со стороны главного идеолога чеченской “национальной революции” Мовлади Удугова. Этот фактор никем из аналитиков не отмечался, но нам он

представляется ключевым, ибо деятельность Удугова, его внешние связи и незаурядные личные способности влияли на духовный климат в Чечне, в том числе обусловили поворот в сторону радикальной исламизации. Именно подконтрольные ему печатные органы излагали наиболее экстремистские религиозные позиции. Приведем только одну из многих статей на тему исламской идеи.

“В новом Завете, святом для всех христиан, Иисусу приписаны высокомерие сиониста и слова, что все неевреи – псы... Коран говорит, что евреи исказили учение Иисуса и что истинное учение Христа сохранено лишь в Исламе... Для кого Новый Завет священнее Корана, тот должен признать себя либо псом, или евреем. Ислам против сионизма и антисемитизма, крайностей, порождающих друг друга. И русский, и еврей могут принять Ислам, отказавшись от сионизма и шовинизма. Искажения от самых первых учеников Иисуса заложили зависимость христианского мира от сионизма и реакцию на него в виде фашизма. Внутри же исламских обществ евреи не имели ни сверх влияния, ни освенцимов с гулагами. Иисус не был иудаистом, но как мусульманин не ел свинину и был обрезан...

...Исламские народы России живут в тех же условиях, что и русские, но они не вырождаются от водки и разврата, т.к. исповедают истинную веру. Их число растет на фоне ежегодного сокращения русских на 1 млн человек! ... Но Запад знает, что 21 век все равно станет веком Ислама в России. Ислам на практике показывает свою истинность и божественность, укрепляя семьи мусульман согласием, сплоченностью даже в условиях рекламы западных и иных ценностей. Ислам воспитывает предприимчивость. В Коране и Сунне заложена уважение к рыночным отношениям, но помощь малообеспеченным является еще более значимой в Исламе.

По шариату налог с честных бизнесменов не превышает двух с половиной процентов, это быстро увеличивает средний класс, а главную тяжесть расходов бюджета исламских стран несут базовые, сырьевые и энергетические отрасли. Ислам ставит природные богатства на службу всего народа, вот почему арабы, имея только нефть, живут лучше россиян, у которых и кроме нефти всего много. Исламская модель экономики ближе России, нежели западная. 30 млн мусульман России и идея исламского законодательства дадут нам ввести в Государственную Думу свою одну из крупнейших фракций. Налог в 2 с лишним процента лучшая реклама, а ориентация на союз с арабами и Чечней – достойный ответ для России на расширение НАТО и ограбление ее Западом.

...Поиск истины либо приведет Русь к исламу, либо к вырождению. Нас в одной Москве около 3 млн (! – *В.Т.*) человек и многие среди нас – русские (! – *В.Т.*). Мы будем проводить законы Ислама в жизнь. Это не значит, что завтра не станет водки и все женщины будут в парандже (кстати, паранджа не является нормой Ислама). Главное, постепенное усвоение истин; ведь даже уголовная статистика говорит, что 99% изнасилований вызвано “легкой” одеждой девушек. Важна не паранджа, а определенная скромность в одежде и в поведении. Подумайте о своих дочерях. Ислам отучает от матерщины и хамства, которые изобилуют в западных фильмах. Разве счастливы французы, где 70% детей подвергаются домогательствам взрослых, а растлители детей на Западе издают свои журналы? Это ли путь для России? Либо через сознание, либо через рост рождаемости Ислам все равно победит...”³⁴.

Вахит Акаев сделал следующий вывод, анализируя ситуацию после августа 1996 г.

“К власти в очередной раз пришли дудаевцы. Зикристы вновь активизировали свою деятельность, пытаясь вернуть утраченные позиции в общественной жизни республики, пользуясь при этом поддержкой в правительстве Ичкерии. В этой связи началась жесткая конкуренция между зикристами и ваххабитами за влияние на население республики”³⁵.

Причем никакого компромисса между этими двумя группами не произошло, хотя обе выступали за полный суверенитет Чечни и борьбу против “российского колониализма”.

На основе исламской идеи в этот период формировались и политические проекты. Коран, государство и нация стали основными моментами религиозно-политических дебатов. С наиболее радикальным проектом обустройства послевоенной Чечни выступил Хож-Ахмед Нухаев – одна из наиболее известных фигур современной чеченской эмиграции. Нухаев учился в Москве в 1980-е годы, а затем стал крупным рэкетиrom, благодаря чему, также махинациям имел крупные деньги. Давая интервью Игорю Ротарю в своей лондонской квартире, он довольно откровенно сказал, что зарабатывал деньги рэкетом в Москве, но они шли на благородное дело чеченской независимости.

Кстати, Нухаев – только один из многих чеченцев, кто сделал большие деньги в России и уехал на Запад (по некоторым сведениям, в странах Европы сейчас проживает около 10 тыс. чеченцев). Известность Нухаеву принесло его сотрудничество с поляком Якимчиком, который стал своего рода интеллектуальным гуру и секретарем богатого чеченца. Якимчик принял ислам и был одним из наиболее последовательных сторонников чеченской независимости. Именно он создал Чеченский информационный центр в Кракове и занимался разного рода связями Чечни со странами Запада пока сам в 1998 г. не попал в чеченский плен в качестве заложника. Только “заслуги” Якимчика перед Чечней и вмешательство Нухаева помогли выволить поляка из плена. Именно эти два человека выдвинули вскоре после окончания войны план Кавказского Общего дома. Вполне возможно, что интеллектуальные наработки Якимчика в области ислама были использованы Нухаевым для проекта установления в Чечне так называемого Национального Порядка.

Основы этого плана наиболее полно изложены в первом номере газеты “Мехк-Кхел” – органе организованного Нухаевым движения Нохчи-Латт-Ислам. Следует отметить, что если Яндарбиев оперирует основным для его конструкций понятием “народ” (конечно, только в этническом смысле. – *В.Т.*), куда входят прежде всего “любой крестьянин или пастух” (но только чеченец!), душой понимающие “законы общественного развития”, то газета Нухаева проповедует отличное понимание категории “чеченский народ”. Это некий вари-

ант элитной версии “чеченства”, своего рода закрытой героической логи, когда под “чеченцами” понимаются только те, кто “сохранил сознание, что назвать себя чеченцем означает вступить в категорию людей, взявших обязательство выполнять всю жизнь нравственный кодекс, кодекс чести”. В редакционной статье первого номера нухаевской газеты читаем:

“Старейшины Мехк-Кхела были правы и искренни в своем вердикте – быть чеченцем и остаться им труднее всего на свете. Этот труд – предопределенность нашего сознания, код нашей крови. Мы все говорим об этом разными словами, но думаем одинаково. Иное решение разрушает нас и разносит обрывками по всему миру, но нигде не обретаем мы покоя, нигде не чувствуем душевного уюта и все равно возвращаемся – реально или в мечтах, на горьких волнах тоски. Компас наших сердец не знает иных направлений, кроме Отчего Края, Страны Чеченской. Это в нас непобедимо, это больше наших дрызг и разногласий, больше нас самих. И это единственная неизбежность, которой мы покоряемся, за которой идем.

...Чеченская мудрость растила героев, а не толпу. Толпа извергает потоки речей, но в сущности знает только два слова: “долой” и “да здравствует”.

Герой – к̆онах брезгует толпой и стоит в стороне от иступленного безумия безликой массы людей. И поэтому мы предназначаем свою газету не массовому читателю, не толпе, а чеченским к̆онахам, стоящим опорами на этой древней земле, не устремляющимися вслед за бесстыдным многоголым безумием. Мы знаем, что в конце концов они скажут свое слово, и Кодекс чеченца вновь станет основой нашего бытия, несокрушимой скрижалю тех заповедей, которые даровал нам Всемогущий Творец!”

Лема Вахаев справедливо связывает эти взгляды Нухаева с позицией тех, кто стал называть себя в Чечне “прогрессивными фашистами”. Их программную декларацию “Об основах организации государственной власти в Чеченской Республике Ичкерия” полностью опубликовал “Трозненский рабочий” (1999. № 4. С. 3). Одним из основных идеологов чеченского фашизма можно назвать Хасана Бакаева (Дени Биксана), который в своей книге изложил его постулаты, основанные на учении о крови, радикальном ислаимизме, русофобии и антисемитизме³⁶. Нухаев вместе с Яхимчиком не столь одиозны, но в своей основе их взгляды примерно такие же. Как пишет Лема Вахаев, чеченские “прогрессивные фашисты” считают, что сегодня в Чеченской республике сложились условия, необходимые для перехода к новой политической системе, суть которой сформулирована еще древними – “правление лучших”. Согласно этой системе демократические выборы оскорбительны для чеченцев, ибо приравнивают голоса и участие в политических процессах видных ученых мужей, глав семейств, авторитетных к̆онахи (соответствует русскому *молодец*, образец достойного поведения, соблюдения кодекса чести и правил этикета), отцов семейств с малолетними детьми к голосам больных стариков, домохозяек, беззаботных молодых парней и девушек. Вместо такой демократии должна быть создана система

доверительства и отбора лучших, как это в свое время предусматривал корпоративный фашизм Бенито Муссолини.

Однако чеченский фашизм причудливо сочетался с этническим национализмом, религиозным экстремизмом и мессианизмом. Искать некую последовательность и стройность в данных взглядах бессмысленно, ибо они имеют совсем не то значение, которое постулируется, будучи идеологически направленным и перегруженным фантазиями. Занимающее почти всю газету интервью Нухаева называется “Чеченцы скорее изменят мир, чем изменят свободе...” Здесь излагается еще одна из многих версий “чеченской свободы”, но на сей раз в варианте антиэтатистской утопии со случайными ссылками на Коран. Нухаев считает, что представление чеченцев о свободе неразрывно связано с их “древним национальным мировоззрением”: все общественные и межличностные отношения, протекающие в его русле, и есть воплощение свободы по-чеченски. Все, что искажает такой миропорядок и коверкает наши духовные ценности, есть ущемление чеченской свободы. А если чеченцы допустят эти искажения, то такое попустительство нельзя назвать иначе, как изменой самому себе, своей национальной сути, своей чеченской природе. До этого дело не дойдет, считает Нухаев, “а мир нам все равно придется менять”. Чеченцы уже начали менять этот мир к лучшему, показав, что “нация, ведомая праведной идеей, непобедима”.

Нухаев дает необычный ответ на вопрос о причинах послевоенного кризиса в Чечне. Он заключается, по его мнению, не в “российском факторе”, не в тяжелом материальном и финансовом положении народа, а в стремлении части людей и лидеров навязать чеченцам модель государственной иерархии. На самом деле, считает автор, пришло время понять, что можно и нужно построить н а ц и о н а л ь н ы й п о р я д о к на принципах Ислама и без государства.

“Ислам и нация прекрасно сочетаются между собой и в духовном единстве создают гармоничный, справедливый, дееспособный п о р я д о к. Непокоримая вера – это сильная нация, и сильная нация – это непокоримая вера. Если оторвать эти две категории друг от друга, то обе они слабеют и постепенно вырождаются, превращаясь в видимость, фикцию. История дает нам немало примеров, как сильные нации, не обладавшие истинной верой, вырождались и даже исчезали с лица земли. Например, ассирийцы, римляне, гунны. В то же время и истинная религия Единобожия может жить, не искажаясь, только в праведной нации. Иначе люди превращают религию в набор ритуалов и она теряет в них ту мощную сердцевину, тот энергетический потенциал, который в Исламе зовется Джихадом...”

Государственный порядок ставит общество перед неизбежной потерей национального духа и религиозности. А так как в основе нашего национального духа лежит религия Аллаха, то, уверен, именно поэтому чеченцы не принимают и, думаю, никогда не примут ту систему, которая не соответствует нашему национальному пониманию свободы и порядка Свободных Людей.

Хочу повторить: я противник государства только потому, что являюсь сторонником порядка. Но – порядка свободных людей! Такой порядок строится на законах, имеющих прочные и живительные корни в древних обычаях, сохраняющих в себе три качества, которые наш пророк Мухаммед (а.с.с) сделал основой, составленной им Медицинской Конституции: справедливость, здравый смысл и нравственная опора в Исламе. Обычай (адат) спрессовывает в себе тысячелетний опыт исторической жизни нации, ее мудрость и нравственность. Такие законы не могут меняться по прихоти отдельных лиц, охваченных реформаторским пылом. Чтобы изменить закон обычая, надо изменить нацию, весь спектр ее мировоззренческих ценностей³⁷.

Нухаев не противопоставляет адаты и Ислам. По его мнению, первые вытекают из сущности второго:

“Если мы признаем свои обычаи, живем по ним и не видим никакого душевного раздвоения между сознанием, что мы чеченцы, и сознанием, что мы мусульмане, то где во всем этом миропорядке можно найти место государству? Нам нужна сила закона, которую дает национальный порядок. А не закон силы, который несет в себе государство”.

Именно поэтому Нухаев считает, что чеченцы, строя свое государство, сооружают капкан, смертельно опасный для национального духа, для той совокупности нравственных качеств, которая составляет чеченскую природу, мировоззренческую сущность народа нохчи³⁸.

Послевоенный чеченский национализм остался этническим по своей сути. Но если раньше он был основан на идеологии приниженности – “исторической несправедливости”, коллективной травме депортации и дискриминации, – то теперь – на идеях превосходства, т.е. стал национализмом шовинистического толка. Он не утратил своей “антиимперской” формы, но дополнительно обрел идеи религиозного экстремизма и исключительности.

“Чеченцы, как нация, являются последним оплотом исламского миропорядка, глубоко чуждого идее государства, как сама исламская религия чужда сатанинским измышлениям, которыми люди засоряют ее ясную и стройную систему. У Ислама и нации, живущей в исламе, общий враг – государство, которое равным образом отторгает людей от религиозного и национального. Как, по каким законам, в какой общественной структуре должны жить нация, многонациональная умма, четко изложено в Медицинской Конституции нашего пророка (а.с.с). Любой чеченец обнаруживает в Медицинской Конституции поразительное сходство с тем общественным устройством, по которому традиционно, извечно жила чеченская нация. Чеченцы, чеченская нация представляют собой, возможно, последнее в мире общество, сохранившее в качестве законов жизни принципы Медицинской Конституции, сформулированные нашим пророком (а.с.с). Когда мы это глубоко осознаем, мы поймем, какая великая миссия возложена на нашу нацию Всемогущим Аллахом. Мы не имеем права игнорировать эту миссию, мы должны стать детонатором, пробуждающим исламские народы; мы обязаны показать пример всему миру и привести свою нацию в полное соответствие с ее традиционным мировоззрением, с принципами Конституции

нашего пророка (а.с.с). Для этого мы должны понять одну простую истину: нация – среда Ислама; государство – среда Сатаны”³⁹.

Предназначенные только для “героев-къонахов”, а не для толпы, идеи чеченского шовинизма и анархизма прежде всего воспринимались малообразованными и распропагандированными людьми, а также теми, кто был в оппозиции существовавшему правительству Масхадова или выражал недовольство его политикой. Среди них были прежде всего сторонники безоговорочного введения шариатского правления в Чечне. Газета “Мехк-Кхел” стала трибуной для пропаганды подобной позиции, хотя, казалось бы, главный идеолог Хож-Ахмед Нухаев сделал нужные реверансы в сторону адатов. Один из авторов газеты, историк С. Талхигов, изложил фантастическую версию того, “как пропал Ковчег Завета”:

“Когда был избран первый иудейский царь, в этот самый момент в Израиле был потерян Ковчег Завета и началась многовековая трагедия еврейского народа, ставшая трагедией всего человечества”.

Эта историческая фантастика заканчивалась вполне конкретным выводом:

“За последние десять лет Аллах дал нам возможность испытать все разновидности власти, кроме одной, наилучшей. И мы вышли из этих экспериментов, имея разрушенную страну, целые равнины могил, бедность, несправедливость и чудовищную преступность. Неужели мы ничего не поняли? Неужели не ясно, что выход один, и он у всех на устах – Ш а р и а т”⁴⁰.

Кстати, новые чеченские идеологи “справились” и с тем фактом, что ислам пришел в Чечню извне и довольно поздно. Правительственная газета “Ичкерия” разъясняла: “Издревне каждый истинный нохчо – мусульманин, ведь мы – потомки Ноха... Наши обычаи и традиции полностью соответствуют Корану”⁴¹.

ЧЕЧЕНСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ И ТЕОРИИ ЗАГОВОРА

Как части постсоветского населения, чеченцам был присущ антисемитизм в тех его проявлениях, которые существовали в бывшем СССР. Он сказывался как в бытовом менталитете, так и в официальных партийно-государственных установках. Однако все же среди многих советских меньшинств, особенно проживающих на Кавказе, бытовой антисемитизм был распространен меньше, чем среди русских, украинцев или прибалтов. Я поинтересовался мнением долго проживавшего в Чечне Е.Л. Гельмана и получил следующий ответ:

“Я прожил в Чечено-Ингушетии очень долго и работал на разных должностях в сфере образования, но если говорить откровенно, то до начала 1990-х годов я не ощущал в отношении себя лично каких-либо антисемитских проявлений. Откуда все это так быстро появилось?”

Это свидетельство еврея – жителя Чечни подтверждает и наблюдение чеченца Лемы Вахаева:

“Чеченскому менталитету свойственно убеждение о собственной непохожести на окружающие народы, но до недавнего времени уверенно можно было говорить об отсутствии в чеченской среде ксенофобии вообще и антисемитизма, в частности. Евреи были одним из окружающих народов, отношение к которым было не лучше и не хуже, чем к другим. И сегодня нет объективной почвы для возникновения антисемитских настроений. В конце концов, нелепо говорить о массовом антисемитизме в стране, где не осталось евреев! Антисемитизм сегодня привносится в чеченское общество правящей элитой, значительная часть которой находится под влиянием исламских радикалов-фундаменталистов. Именно поэтому на контролируемом движении ваххабитов телеканале “Кавказ” лейтмотив “Нам равных нет. Мы все сметем. Держись Россия – мы идем” неразрывно связан с призывом “Иерусалим будет наш!”⁴²

Следует отметить, что период “национально-освободительной революции” с ее финальной стадией – “русско-чеченской войной” – также не оставлял слишком много ментального пространства для антиеврейских настроений, а тем более для серьезных антисемитских конструкций. Среди чеченцев можно было встретить рассуждения по поводу еврейского происхождения некоторых чеченских тейпов, и в частности тейпа *тати-некьи*, из которого вышел и Джохар Дудаев. Обычно это становилось предметом публичных опровержений в пользу Дудаева и доказательств “чистоты” его рода. Новый постсоветский антисемитизм появился в Чечне в связи с идеологией исламского радикализма и новой проарабской ориентацией, включавших обязательным компонентом антиизраильскую и антиеврейскую позицию. Однако расцвет его пришелся на последние три года, когда после войны чеченское общество буквально погрязло в так называемых идеологических войнах и в разоблачениях различных внешних заговоров. Только такая внешне ориентированная идеология позволяла отвлечь общество от внутренних проблем и от внутренних причин, их вызвавших. Антисемитизм стал одним из “раздражителей” чеченского общества и внедрялся в значительной мере усилиями собственных чеченских идеологов. Хотя аргументацию эти идеологи часто заимствовали у своих заклятых врагов – русских националистов. Наиболее разительный пример – перепечатка в удуговской газете “Великий Джихад” (1998. № 5, С. 17) статьи “Катехизис еврея в СССР” – одной из наиболее одиозной подделок русских националистов.

Мовлади Удугов, президент центра стратегических исследований и политических технологий, в интервью армянскому агентству

“Медиамакс” сказал:

“Мы не настроены поддерживать декларативно-политические игры, маскирующие истинное положение вещей. А истина такова, к концу XX столетия проступают более четкие контуры христианско-языческого союза, ядром и активно конструирующим началом которого является сионизм. Этот альянс объявил войну всему исламскому миру. По существу со стороны этого альянса идет беззащитная оккупация исламских земель... Исламские военные подразделения, видимо, не будут ждать возобновления войны в Нагорном Карабахе. По некоторым данным, они планируют в 2000 г. начать компанию по восстановлению мусульманских территорий Закавказья”⁴³.

Чеченский антисемитизм проявился как в форме разоблачения всемирного сионистского заговора, так и в форме распространения примитивных антиеврейских подделок, заимствованных во многом из арсенала русского национализма. Удуговская “международная независимая” газета “Кавказский вестник”, орган Союза кавказских журналистов, печатала из номера в номер главы из “трактата” неизвестного автора под названием “Зловещий иудаизм”. Приведем только некоторые извлечения из него:

«Глава пятая. Еврейское засилье в современном мире

Благодаря своим особым талантам в области всяких финансовых операций и полнейшей беспринципности в деловых отношениях, евреям постепенно удалось завладеть главнейшими банками и биржами капиталистического мира. Обладая капиталом, евреям уже не трудно было захватить в свои руки мировую прессу, телевидение, телеграфные агентства, театр, кино и радио. Распоряжаясь банками и орудиями воздействия на общественное мнение, евреи постепенно добились полного равноправия во всех странах своего расселения, а затем фактически захватили в свои руки и всю политическую жизнь либерально-демократических государств.

Было бы глупой ошибкой думать, что поход мирового еврейства за власть проходил без упорного сопротивления со стороны “глупых гоев”. В первой части наших очерков мы привели большое число примеров, показывающих с какой настойчивостью предостерегали избранные умы арийского человечества от страшной опасности иудейского засилья. Узкие рамки наших очерков не позволяют нам останавливаться на исторической стороне многовекового похода мирового еврейства за власть. Укажем лишь, что так называемая эмансипация (т.е. освобождение от ограничительных законов) еврейства – явление, сравнительно весьма недавнее...»⁴⁴

Далее следуют различные исторические “факты”, в том числе и фальсифицированные цитаты из Бенджамина Франклина, французского историка Мишле, которые заканчиваются следующим выводом:

“Ошеломляющий успех этого еврейского похода за власть, ставший особенно очевидным после Великой войны 1914–1918 гг. и революции в России, был бы, конечно, невозможен, если бы рассеянным по всем странам еврейским народом не руководила сознательная воля и мощный племенной инстинкт, охранявший еврейство от смешения с другими народами и от растворения в их среде. Расовая проблема, проблема сохранения пле-

мени, издревле стояла перед духовным взором еврейства...Но эта сознательная расовая политика еврейства, соединенная со страстной мечтой об осуществлении мессианских воцелений, не могла быть достигнута очевидных сегодня успехов, если бы еврейство не сумело создать целую сеть мощных еврейских организаций, покрывающих весь земной шар. Исследователи еврейского вопроса слишком часто проходят мимо этого чрезвычайно важного факта. Поэтому мы позволим себе познакомить читателя несколько подробнее с организациями мирового еврейства, с этим гигантским аппаратом воинствующего иудейства»⁴⁵.

В следующем номере целая полоса посвящена описанию еврейских организаций, действующих в США, Великобритании, Франции. Приводимые данные взяты из каких-то устаревших (до второй мировой войны!) справочников и отчетов, а скорее всего из какой-то антисемитской книги или брошюры, в которой уже была готовая фальсификация. Полоса заканчивается сведениями об еврейском мировом конгрессе в Женеве (август 1936 г.), результаты которого оценены так, что евреи оказываются виновными в развязывании второй мировой войны:

«Конгресс провозгласил национал-социалистическую Германию “врагом № 1” мирового еврейства и формально объявил Германии войну, не дожидаясь того момента, когда поработанные еврейством “великие демократии” – Англия, Франция и Америка – и руководимое из-за кулис тем же еврейством правительство СССР бросят свои армии на убой в защиту чуждых им интересов Израиля»⁴⁶.

Антисемитские высказывания заполняли все чеченские газеты и были характерны даже в обыденных разговорах. Характерно, например, такое, напечатанное в газете “Великий Джихад”:

«Чтобы иметь иудейский метод мышления, необязательно являться евреем по крови или становиться таковым, сроднившись с “дочерью Сиона”. Достаточно быть лицемером, трусом, скрягой...Недолго осталось ждать...когда о Чечне скажут: “Очередная Иудея”»⁴⁷.

Наиболее скандальным проявлением антисемитизма стало публичное заявление летом 2000 г. Арби Барева о том, что он и его люди будут убивать всех евреев, которые попадут им в руки.

Не следует думать, что чеченский антисемитизм – это только характеристика радикальных исламистов – ваххабитов. Так получилось, что и высшее чеченское руководство разделяло данную идеологию, уверовав в то, что величайшее зло “внедряют и распространяют наши враги и евреи”⁴⁸. Подобные высказывания президент Масхадов делал неоднократно, особенно когда нужно было назвать виновных в таких зверских преступлениях на территории республики, как убийство трех англичан и новозеландца. Здесь обычно виновниками назывались спецслужбы России и Израиля.

Травмированное конфликтом чеченское общество как бы утратило необходимые идеологические фильтры, хотя, казалось

бы, простые люди меньше всего занимаются идеологическими дебатами. Однако в условиях, когда защита идей стала важнее защиты людей, многим в Чечне именно идеологические конструкции и лозунги стали представляться как самые важные в жизни. Причем речь идет не просто о политических фантазиях, которых более чем достаточно и в остальной России. Травма глубокого конфликта и разрушительной войны свела идеологию к радикальному упрощенчеству, а само общество оказалось уязвимым в отношении фобий и коллективной паранойи. В Чечне произошли инциденты, которые внешне напоминали средневековые “охоты на ведьм”. Об одном из таких случаев рассказала газета “Грозненский рабочий”:

«25 июля, ближе к вечеру, 6-е управление МГБ ЧРИ оказалось в осаде разгневанной толпы. Воинственно настроенные мужчины и женщины с камнями в руках, металлическими трубами и лопатами наперевес потребовали выдать им на расправу известную эстрадную певицу, которая, якобы, причастна к похищениям детей с целью трансплантации их органов и продажи за границу. Явившиеся не сомневались в том, что леденящие душу злодеяния имели место, и в том, что преступница содержится именно в 6-м управлении МГБ.

Сначала жаждущих крови поборников справедливости пытались усмирить по-хорошему. По предложению сотрудников Управления толпа выделила двух своих представительниц, и они в сопровождении силовиков осмотрели подвал осажденного ими здания. Никого, разумеется, не нашли. Но тщетность поисков только распалила явившихся. Они настаивали на своем, приписывая садистские преступления звезде местной эстрады, которая в это время безмятежно исполняла свои песни на гастролях в Тюменской области вместе с вокальным ансамблем “Джовхар”. Наконец, терпение блюстителей закона лопнуло, и они прибегли к простому и действенному средству: дали в воздух очередь из пулемета. Осада была снята.

Слухи о причастности к страшным преступлениям двух известных певиц циркулировали последние месяцы. Неслыханные измышления нагнетались до тех пор, пока не была запущена очередная “утка” – о намеченной на 24–26 июля публичной казни “преступниц”. В названные дни народ повалил на площадь Дружбы народов. А 25 июля, не дождавшись кровавого зрелища, с площади направились к МГБ»⁴⁹.

Не менее показательны, как газета представляет этот материал и объясняет случай массового психоза: “Если клевета возникает искусственно, на пустом месте, и приводит в движение народные массы, значит, это кому-нибудь нужно”. И здесь возможная причина видится в акциях “иностранных спецслужб”, а не в социально-психологической аспекте демодернизации. Чечня не насытилась насилием, демонстрация насилия и даже участие в нем стали потребностью значительного числа не только тех, кто продолжает жить с автоматом, но и части мирных граждан. Акты речи, выстроенные вокруг идей насилия, не только порожде-

ны его реальностью. Сама атмосфера вызывала потребность не только в публичных казнях, но и в созерцании их, в массовом производстве любительской видеопродукции с показом жестоко-стей и убийств. Она не позволяла завершиться войне в головах людей, откуда эта война и взяла начало*.

- ¹ Подробнее о чеченских СМИ см.: *Турпалов Л.* Средства массовой информации Чеченской Республики в условиях российско-чеченского противостояния // Чечня и Россия: общества и государства. Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 335–342.
- ² Там же. С. 337–338.
- ³ Импульс. 1997. № 7.
- ⁴ Голос Чеченской Республики. 1997. № 30.
- ⁵ Чечня: Право на культуру. М., 1999. С. 77.
- ⁶ Там же. С. 77–78.
- ⁷ Защитник отечества. 1998. № 8. Май. С. 3.
- ⁸ *Вахаев Л.* Политические фантазии в Чеченской республике // Чечня и Россия: Общества и государства. С. 324–334.
- ⁹ Там же. С. 325.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Об этнических мифах см.: Реальность этнических мифов / А. Малашенко и М. Олкотт. Московский Центр Карнеги. Аналитическая серия. Вып. 3. М., 2000; Об этноцентристских исторических версиях кавказских авторов см.: Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под ред. В.А. Тишкова. М., 1999. С. 113–118.
- ¹² *Салман М.* Кроманьонцы // Исламская нация. 1998. № 7. С. 15.
- ¹³ Путь Джохара. 1997. № 11. 17–23 авг.
- ¹⁴ *Биксан Д.* Язык – это откровение // Голос Чеченской республики. 1998. № 20. С. 3.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Акбулатов А.* Зачем чеченцам суверенность // Ичкерия. 1999. № 8 (534). С. 2.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Эсенбаева Р.* Национально-освободительное движение в современных условиях // Ичкерия. 1997. № 43 (455). С. 1–2.
- ¹⁹ *Вахаев Л.* Указ. соч. С. 326.
- ²⁰ *Ваишев М.* А кто постоянно угрожает Ичкерии? // Ичкерия. 1999. № 2 (528). С. 4.
- ²¹ Интервью с Х.-А. Нухаевым // Грозненский рабочий. 1999. № 15. С. 3.
- ²² Путь Джохара. 1997. № 11. 17–23 авг.

* По поводу заключительной фразы этой главы Хеда Абдуллаева сделала крайне важное для меня замечание: “Война взяла свое начало в головах НЕ ЭТИХ людей!”. Она имела в виду, что война была начата российскими политиками и генералами. После двух лет нашего совместного сотрудничества Хеда осталась на своей позиции, что российская армия незаконно вошла на территорию Чечни, а сопротивление ей было законным. “Не цветами же их должны были встречать”, – прокомментировала она упоминание в книге жестокого расстрела отрядом Хаттаба колонны федеральных вооруженных сил. Здесь разошлись наши фундаментальные оценки чеченской войны, подтверждая мысль о невозможности иметь единую версию вооруженного конфликта, о чем пойдет речь в заключительной главе.

- 23 Чечня. Право на культуру С. 77.
- 24 Путь Джохара. 1997. № 9. 28 июля–3 авг. С. 4.
- 25 Путь Джохара. 1997. № 11. 17–23 авг. С. 1.
- 26 Кавказская конфедерация. 1998. № 6. Июнь. С. 1.
- 27 Там же. С. 1–2.
- 28 Там же. С. 3.
- 29 *Дудаев Д.* Чеченское исламское государство // Великий Джихад. 1998. № 1. Ноябрь. С. 7.
- 30 О нем см.: *Акаев В.* Шейх Кунта-Хаджи: Жизнь и учение. Грозный, 1994.
- 31 *Акаев В.* Суфийские братства и ваххабиты. Религии, верования, культуры. С. 50.
- 32 Там же.
- 33 Об этом см.: *Акаев В.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1999. Документ № 127. *Ярлыканов А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной антропологии. М., 2000. Документ № 134.
- 34 Путь Джохара. 1997. № 11, 17–23 авг. С. 4.
- 35 *Акаев В.* Суфийские братства и ваххабиты... С. 54.
- 36 *Биксан Д.* След Сатаны на тайных тропах истории. Грозный, 1997.
- 37 Мехк-Кхел. 1999. № 1. Июль.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 *Наишоев М.* Я – нохчо // Ичкерия. 1999. № 8 (534). С. 2.
- 42 *Вахаев Л.* Указ. соч. С. 328.
- 43 *Kavkazsky vestnik.* 1999. № 11. авг. С. 3, 6.
- 44 Там же. № 10. Июль. С. 7.
- 45 Там же.
- 46 Там же. № 11. Авг. С. 7.
- 47 *Махмудов Р.* Очередная Иудея // Великий Джихад. 1998. Дек. С. 15.
- 48 *Масхадов А.* Ваххабизм в Чечне не пройдет // Северный Кавказ. 1998. № 39. С. 4.
- 49 Грозненский рабочий. 1999. № 28, 28 июля–3 авг. С. 2.

Глава XVI

ЧЕЧНЯ КАК СЦЕНА И КАК РОЛЬ

“И самая моя главная мечта: я хочу, чтобы в Грозный приехал режиссер, храбрый мужчина, который не побоится, что его украдут, которого не испугают наши сложности, который сумеет вдохнуть новую жизнь в наш жаждущий работы коллектив. Мы мечтаем о новых спектаклях и новых ролях”

Народная артистка Чеченской республики Зура Радуева

ИСТИНА И МОРАЛЬ В КОНФЛИКТЕ

Я начал писать эту заключительную главу вечером 8 августа 2000 г., вернувшись из здания Совета Федерации, где в кабинете губернатора Красноярского края А.И. Лебеда знакомился с документами о работе Миротворческой миссии на Северном Кавказе по освобождению заложников в Чечне. В момент, когда я проехал Пушкинскую площадь и повернул на Тверскую улицу, я услышал звук взрыва, прогремевшего в подземном переходе под площадью. Вечерние новости были заполнены ужасающими кадрами с места террористического акта и первыми комментариями. Среди них были два, которые потом уже не повторялись. Первый – высказывание мэра Москвы Ю.М. Лужкова о том, что виновником взрыва является “чеченский терроризм” (даже не “терроризм с территории Чечни”!). Второй – показ группы активистов из партии ЛДПР на Пушкинской площади с лозунгом “Мертвый чичик – хороший чичик!” (чичик – новая и откровенно уничижительная кличка чеченцев, которая в период второй войны стала приходиться на смену предыдущим кличкам, бытовавшим главным образом среди российских солдат: чехи, духи и другие).

Только спустя два дня тон СМИ стал меняться. Появились комментарии и официальные заявления, в том числе президента В.В. Путина, что клеймо террористов не должно распространяться на весь чеченский народ и что необходимо предотвратить какие-либо беззакония в отношении граждан чеченского происхождения.

Еще более примечательными стали слова представителей московских властей о том, что “мы живем в столице государства, ведущего войну”, и поэтому необходимы особые ответственность и бдительность как работников милиции, так и простых граждан-москвичей. Так чеченская война пришла в Москву уже не трагическими эпизодами взрывов, а осознанием, что “чеченская война – везде”. С этого момента можно говорить о российском обществе в целом как об обществе, ввергнутом в войну, а не только о территории Чечни и ее населении. Но этот новый аспект уже за пределами моего исследования.

В книге я избегал “лишней теории”, сделав основным принципом изложения метод “прямых голосов”. Частые и длинные извлечения из интервью и других документов могли показаться кому-то утомительным чтением, которому, казалось бы, не должно быть места в научном тексте. Однако мои ощущения и позиция были другими. По поводу войны в Чечне сказано и написано столько умных и глупых, а главное – вторичных слов, что за ними невозможно услышать, а тем более понять происходящее в Чечне в действительности *с точки зрения этнографии насильственного конфликта*.

Встает фундаментальный, если иметь в виду теорию и повседневность, вопрос об истине, т.е. о возможности существования точной и общеразделяемой версии чеченской войны. Ответ на него – задача не только для будущих историков, которым необходима временная дистанция для полноценного анализа, но и для участников современных дебатов, ибо драма войны и незаконченного конфликта диктует необходимость разговора о том, почему и как все произошло. Именно поэтому больше о прошлом, а не о будущем размышляет и современное чеченское общество. В такой ситуации этнологический анализ не может обойти проблему исторической оценки.

В воскресенье 20 августа 2000 г. в Чечне проходили выборы депутата в Государственную думу России. На одно место депутата претендовали 13 кандидатов. Все обещали “положить конец войне”, “начать платить заработную плату”, “объединить народ” и т.п. В программе наиболее вероятного претендента на парламентское место, чеченского генерала в отставке Асламбека Аслаханова один из основных пунктов звучал так: “Мобилизовать весь интеллектуальный потенциал... на разъяснение подлинных причин войны в Чечне”. По-видимому, вопрос о причинах войны – не просто выражение боли и озабоченности, а некая надежда, что у войны есть большая тайна и раскрытие ее принесет ожидаемые облегчение и даже примирение.

Аслаханов выиграл выборы, но он не сможет выполнить данного избирателям обещания. И не только потому, что этих “подлинных причин” в их единственном варианте не существует, но и потому, что он сам никогда не осознает и не признает, что будучи членом

Верховного Совета РСФСР еще при Хасбулатове, он активно вмешался в дело “декоммунизации” Чечни, т.е. в отстранение от власти Завгаева и в демонтаж действовавших в республике государственных институтов. Именно Аслаханов, возглавлявший Комитет по безопасности и организованной преступности Верховного Совета России, по поручению Хасбулатова, отправился в Чечню сразу же после августовского путча 1991 г. и находился там в августе и сентябре, когда другие московские лидеры антигорбачевской “революции” (Р.И. Хасбулатов, Г.Э. Бурбулис, М.Т. Полторанин, Г.В. Старовойтова) ограничились краткими визитами, чтобы выступить на митинге или провести совещание-инструктаж. Именно Аслаханов вместе с Дудаевым “держал митинг” и вел толпу на здание Верховного Совета республики. После того, как совет был разогнан и Завгаев смещен с должности, он, Асламбек Аслаханов, генерал и председатель парламентского комитета, обратился к Дудаеву: “Я твои условия выполнил. Теперь ты убери митинг с площади”. На что Дудаев ответил: “Я им сказал, но они меня не слушают”.

Так Дудаев переиграл московских политиков, которые планировали на выборах в Чечне, намеченных на 26 ноября 1991 г., сделать главой республики Саламбека Хаджиева. Безусловно, это был бы хороший вариант смены власти в Чечне в пользу либерального и умного академика-чеченца, ведущего в стране специалиста по нефтехимии и начинающего успешного бизнесмена. Дудаев и его сторонники переиграли Аслаханова и Хасбулатова, проведя выборы на один месяц раньше и избрав президентом Чечни Дудаева¹. Для многих последующих аналитиков и искателей причин войны этот состоявшийся вариант событий станет “подлинным национальным восстанием против иностранной оккупации”². Невольные соавторы, “национального восстания”^е конечно, так не думают, ибо сами были свидетелями и участниками происходивших событий, зачастую не подозревая о своей роли в конфликте. Некоторые, наоборот, убеждены в своей исключительно миротворческой миссии и считают, что им “не дали предотвратить войну в Чечне”³.

При всех стараниях сохранять исследовательскую дистанцию и собирать только надежную информацию, я пришел к выводу, что конфликт в форме войны, когда задействовано безумие партикулярного национализма и машины пропаганды западных и российских СМИ, не оставляет места для истины в смысле единой и общеразделяемой версии происходящего. Трудно поверить, что сейчас или в скором будущем жители Чечни, а тем более участники “русско-чеченской войны” и российское общество в целом смогут иметь общую историю конфликта. Не будут ее иметь и специалисты. Едва ли моя позиция может совпасть с версиями моих российских коллег – Дмитрий Фурман и Ян Чеснов или западных – Гейл Липидус (США), Тамара Драгадзе (Великобритания) и Мари Мендрас (Франция). И вопрос здесь даже не в степени информированности или в уровне

профессионализма пишущих о войне в Чечне. Вопрос в другом: что есть истина, когда речь идет о насильственном конфликте, невозможном без политических и эмоциональных разночтений? Если бы общеразделяемая версия прошлых и современных событий существовала вообще, то не было бы конфликта, ибо войны начинаются в головах людей и часто – с исторических аргументов и с разного понимания современных ситуаций.

Библейская банальность “что есть истина?” особенно обнажается в момент глубоких общественных потрясений и разрушительных конфликтов. Причем, этот вопрос встает как перед ученым, так и перед непосредственными участниками драмы. Поскольку конфликт – это грандиозное нарушение порядка вещей, включая массовые преступления против людей, то установление истины имеет еще и аспект, связанный с личной или групповой ответственностью, с оформлением послеконфликтного статуса, с восстановлением разрушенного и утраченного, с материальными компенсациями. Именно по этой причине в постконфликтных ситуациях возникают разного рода комиссии по установлению истины, а также предпринимаются и другие процедуры, включая парламентские расследования и международные трибуналы. Так было в Южной Африке после конца режима апартеида, в Чили и Аргентине после отстранения от власти военных хунт, в странах Восточной Европы в ходе процесса “декоммунизации”, в странах Балтии – в процессе “десоветизации” и т.д. В связи с первой войной в Чечне действовали две комиссии по расследованию ее причин: одна – комиссия Говорухина при Государственной думе, вторая – комиссия Совета безопасности при президенте России. Как известно, после второй мировой войны и после войны в Югославии были созданы международные суды-трибуналы, чтобы установить истину, а точнее – виновных в войне на уровне конкретных людей и наказать их. Наказать, чтобы наступил мир в смысле примирения, а не просто окончание военных действий.

Если такого внешнего (третейского) или внутреннего (между бывшими врагами) акта установления истины не происходит, то потребность в этой процедуре может стать всепоглощающей, как это имеет место, например, с признанием армянского геноцида. Уже сто лет несколько поколений армян настойчиво добиваются от Турции и от международного сообщества официального признания акта геноцида в отношении армян со стороны Турции в самом начале XX в. В чем смысл этой настойчивости и этой потребности? Видимо, в том, что “установление истины” есть не просто признание точности фактов или подлинной роли исторических акторов. Это есть ритуал, легитимирующий не для себя, а для всех жертвенность в отношении одной из сторон и виновность для другой. Причем, опять же – не на индивидуальном, а на коллективном уровне (“армяне и Турция”, “евреи и Германия”, “прибалты и русские”, “чеченцы и Россия”). Коллективность, как важный элемент идентичности и солидарности или

как аргумент в профессиональных карьере и дебатах, нужна, чтобы ею могли пользоваться все члены пострадавшей группы.

Я обратил внимание на одну деталь-аргумент, когда на ежегодном конгрессе Американской антропологической ассоциации в 1996 г., выступая в качестве комментатора по моему докладу, профессор Кэтрин Вердери сказала следующее: «Я не думаю, что профессор Тишков прав, осуждая, как он выразился, “ложные формы академической солидарности” и “эмоциональную заангажированность” среди американских антропологов. Если предки профессора Марджори Бэлзер были среди пострадавших от еврейских погромов и они были вынуждены эмигрировать в США, то особо чувствительную реакцию Бэлзер на антисемитизм в России можно более чем понять и объяснить, и солидарность в этом вопросе американских ученых не является ложной”. Таким образом, для Марджори Бэлзер всеобщее признание холокоста и еврейских погромов становится частью ее идентичности и личным капиталом, хотя сама Бэлзер, родившаяся в США, никогда в своей жизни ничего подобного не переживала. Признание или легитимация, в том числе даже на юридическом уровне (подвергать сомнению холокост является преступлением по некоторым национальным законам), коллективной жертвы дает особые права на эмоции и действия всем членам группы по сравнению с другими. Например, лично у меня – сына Александра Ивановича Тишкова, который провел пять лет в немецком концлагере, – аналогичного права на членство в виктимизированной группе нет, и я никогда в своей личной жизни к подобному аргументу не прибегал, так как немецкий концлагерь для советского офицера русской национальности никогда не был признан коллективным преступлением против членов этнической группы, к которой я себя отношу.

Именно поэтому попадание в категорию коллективной жертвы, т.е. жертвы “всегда и для всех” (“профессиональной жертвы” ради всей нации) имеет особое моральное и политическое значение в ходе глубоких этнических конфликтов, когда хотя бы одна из вовлеченных сторон мобилизована и действует (или страдает) по этнокультурному принципу. Германский этнолог Ина-Мария Греверус, критикуя хорватских этнологов за ангажированные усилия по конструированию комплекса виктимизации среди хорватов в период распада Югославии, справедливо заметила, что путь от состояния жертвы определенного врага до превращения в “профессиональную жертву” ради национального образа и национальных претензий может быть очень коротким⁴. Последовавший ответ хорватских коллег стал попыткой доказать, что их целью были “параллельные действия: с одной стороны, представить лишения, борьбу и сопротивление, а с другой – оставаться на современных теоретических позициях”. Однако выводы, основанные на этом опыте инсайдеров, пребывавших внутри пораженного войной общества, не выглядели доста-

точно убедительными. Некоторые аргументы “военных этнографов” курьезны: несмотря на то что, “никто из хорватских этнографов войны не подвергся виктимизации” (т.е., ни сами, ни их близкие не пострадали в ту войну. – *В.Т.*), “пуля, повредившая несколько книг в нашей институтской библиотеке в 1991 году служила прекрасной метафорой нашей включенной в реальность позиции”⁵.

Как можно понять из статьи Майи Поврзанович, группа женщин-этнографов из Института этнологии и фольклора в Загребе, находившаяся “внутри войны”, считала, что ее миссия состоит в раскрытии “видения войны с точки зрения малых миров и реальных жизней как корректирующий элемент доминирующей и формируемой масс-медиа национальной версии”. По свидетельству автора, западная аудитория плакала, когда хорватские этнографы цитировали детские рассказы о войне в Хорватии. Конечно же, это были истории хорватов (“защищающихся”), а не истории сербов (“нападающих”), потому что “у нас не было доступа к занятой сербами части территории Хорватии” (видимо, имеется в виду населенная сербами территория Словении, откуда последние были изгнаны в итоге войны. – *В.Т.*)⁶. Даже если эти свидетельства детских восприятий войны, признать достоверными, зафиксированные этнографами “жизненные истории” были призваны на службу основной миссии новой страны – национальному государство-строительству представителями группы этнических хорватов, чье бывшее гражданство “военные этнографы” презрительно заключают в кавычки как “экс-югославы”.

В равной мере и для части чеченцев конструирование мемориала страданий и принесенных жертв ради вызывающего к сочувствию группового образа также было крайне важно еще до начала войны. Это было важно не столько для установления истины, ибо в преступности сталинской депортации никто не сомневается – это признанный исторический факт. Образ жертвы был необходим как аргумент для выхода из правового пространства и для оправдания вооруженной борьбы тех, кто лично депортацию не переживал. Образ жертвы был нужен, чтобы освободиться от моральных и гражданских обязательств и во имя исторического реванша, а на самом деле – утвердить власть вооруженных групп и право на криминальное поведение. Желаящие подсказать чеченцам эту позицию и найти в ней обоснование для внешнего мира нашлись не только среди чеченских идеологов, но и среди внешних экспертов:

“Чеченцы обычно удивительно искренни и открыты с посторонними в рассказах о своей криминальной деятельности, и “признание” здесь было бы неподходящим словом, ибо в этих рассказах не содержится чувство вины и извинения... имеются три причины такого отношения: прежде всего, как отмечалось, это соответствующая часть их традиции (?! – *В.Т.*); во-вторых, чеченцам действительно все равно, что думают о них кто-то или какой-то другой народ (?! – *В.Т.*); и, в третьих и самое важное, после их опы-

та двух последних столетий у них присутствует глубинное чувство, что они не имеют моральных обязательств перед каким-либо другим народом, государством или законами (?! – *В.Т.*). А к русским, конечно, у них, наоборот, имеется длинный счет, по которому необходимо поквитаться”⁷.

На наш взгляд, наивно и с любой точки зрения неприемлемо обобщать, в какой мере история последних двух веков может освободить современных людей от моральных и других обязательств перед людьми, законом и государством. Во-первых, я не вижу радикальных отличий исторического опыта чеченцев от опыта других народов как Северного Кавказа, так и других регионов страны, а также франкоканадцев, североирландцев, курдов, новозеландских маори, американских индейцев или гавайцев и еще сотен других живущих на Земле народов. Во-вторых, мои данные не подтверждают, что чеченцы исповедуют подобную “традицию” и мораль вседозволенности. Это только бывший министр внутренних дел России Михаил Барсуков считал, что “все чеченцы воры или бандиты”, да и то он сослался на мнение какого-то крайне сомнительного авторитета. В-третьих, “длинный счет к русским” – это зловредная выдумка, ибо антирусскость, особенно в заявлениях Дудаева, Яндарбиева, Удугова по поводу “русизма”, стала явной аномалией и не получила распространения среди чеченцев даже в годы войны.

Сказанное не означает, что у них не было оснований для конструирования образа “наказанного народа” и народа-жертвы, причем более современных, чем 200-летняя история. Это в первую очередь касается периода сталинизма: депортация, осуществленная, кстати, под руководством грузинов Сталина и Берия, и последующие дискриминационные унижения были преступны и аморальны. Но столь же аморальным стало использование мифов о “народоубийстве”, “колониальном порядке” и “досовременном традиционализме” для разрушения государственности, основ (пост)советского общественного порядка и в целях осуществления насилия в отношении нечеченского населения, а точнее изгнания русских, которого удивительным образом никто не увидел.

Кстати, столь же незамеченным было выдворение азербайджанцев из Армении, начавшееся еще до погрома армян в Сумгаите. В обоих случаях примерно по 200 тыс. человек были вынуждены покинуть места своего постоянного проживания и переехать в другие регионы собственного государства – тогда еще существовавшего СССР. Власти и общество не смогли ответить этому вызову насилия. В международном сообществе не нашлось защитников азербайджанцев и русских. Так начинается спираль насилия, у которого потом оказываются запутанные аргументы-обвинения и взаимоисключающие версии со своими собственными моральными оправданиями.

Дебаты по поводу поиска подлинной правды о чеченской войне – это слабая исследовательская стратегия, которую мне бы хоте-

лось избежать. Как справедливо отметил Майкл Игнатъефф, “правда, которая имеет значение для людей, – это не фактическая или нарративная правда, а правда моральная или интерпретивная. И это всегда будет предметом споров на Балканах”⁸. Точно такая же судьба ожидает и конфликт в Чечне. Здесь есть и будет несколько моральных и интерпретивных правд и никогда не будет одной, как их до сих пор ее нет о Кавказской войне прошлого столетия. Поэтому для меня было важно дать возможность изложить свою версию правды тем, у кого нет собственного интернетовского сайта, как у чеченского идеолога Мовлади Удугова, или телекамер и газетных полос, как у профессиональных “глашатаев правды” – ресурсов, которыми больше располагают конфликтующие элиты и внешние акторы, чем те простые люди, которые ввергнуты в конфликт в качестве бойцов или жертв.

Подобно Майклу Игнатъеффу в его отношении к войне на Балканах, я также воспринимаю как иллюзию мысль о том, что может существовать беспристрастный и объективный взгляд аутсайдера на конфликт в Чечне. Носитель такого взгляда не способен предложить морального и интерпретивного заключения о конфликте, который может быть принят конфликтующими сторонами. Ибо сам факт аутсайдерства скорее подрывает, а не усиливает легитимность подобного взгляда со стороны. Поэтому я не верю, что с моей версией согласятся по обе стороны боевых линий в Чечне, даже если я смогу получить позитивные отзывы от участников событий или от коллег. Майкл Игнатъефф верно сказал:

“Поскольку всегда есть правда, которая может быть известна только инсайдерам. Или, если не правда – поскольку факты всегда есть факты, – то тогда хотя бы моральный смысл этих фактов, который только инсайдер способен в полной мере осознать и оценить. Правда, если только таковая возможна, должна принадлежать тем, кто пострадал от ее последствий. Но правда войны настолько болезненна, что те, кто воевал друг против друга, редко, если вообще когда-либо, садятся вместе для выработки совместной версии”⁹.

Эти близкие мне слова не есть апология беспределности относительной истины против надменности абсолютного знания. А всего лишь признание того, что о насильственном конфликте не может быть равноудаленной, промежуточной версии, ибо крайне трудно и даже невозможно достичь компромисса между двумя противоположными версиями. Или Россия, точнее федеральные власти, совершили агрессию против Чечни (такова версия части чеченцев и текстов резолюций Совета Европы по Чечне), или в Чечне имел место незаконный вооруженный переворот и утвердился паравоенный режим, бросивший вызов государству и его армии (версия российских властей, военных и большинства общества, включая многих чеченцев)? По этому вопросу едва ли возможно достичь согласия. И едва ли когда-нибудь будет существовать единая историческая версия

войны в Чечне, как ее никогда не было в отношении завоевания или вхождения Чечни в состав России или в оценке Кавказской войны и роли имама Шамиля. Одна версия одерживает верх над другой в зависимости от политической позиции или исследовательского ракурса того или иного автора. Максимум возможного согласия мне видится в признании хотя бы общих страданий и нанесенного ущерба конфликтующими силами.

Но и здесь есть проблема: чем больше ответственность тех, кто планировал и совершал насилие, тем слабее среди них желание признать эту ответственность. Только однажды я услышал во время выступления Бориса Ельцина во время выборной президентской кампании 1996 г. (это было в Екатеринбурге и произнесено с какого-то грузовика), что он считает своей главной ошибкой войну в Чечне. Еще было косвенное признание его дочери Татьяны Дьяченко, сказавшей, что ее отец признает ответственность за войну в Чечне. Затем этот момент полностью и надолго исчез из языка российского президента, а тем более отставного политика-пенсионера. Ничего подобного тем более не было высказано со стороны Дудаева, Яндарбиева или Масхадова. Опять приведу слова Майкла Игнатъеффа:

“Людам, которые считают себя жертвами агрессии, свойственна вполне понятная неспособность думать, что они тоже совершили жестокости. Мифы о невинности и жертвенности представляют собою серьезные препятствия на пути осознания ответственности, в равной мере как и мифы о жестокостях противоположной стороны”¹⁰.

Именно поэтому главной задачей моего исследования было в конечном итоге *наделение властью через выражение* индивидуальных видений со стороны тех, кто меньше всего слышен в конфликте, кто меньше всего в нем виновен и кто больше всего в нем страдает, но от имени кого больше всего говорят лидеры или специалисты. В этом вопросе моя позиция совпадает с позицией хорватских этнографов:

“Это наша (нарративных этнографов) задача зафиксировать свидетельства, показания о пережитых травмах, индивидуальные рассказы о повседневной жизни в довоенное и военное время с целью их интерпретации и оценки в качестве вклада в обогащение истории... Отечественным этнографам следует демонстрировать такой анализ, который мог бы задействовать безмолвное глубинное знание, необходимое для распознавания клише, цитатности, культурных и мифологических стереотипов, заготовленных заявлений в качестве средства познания многоликой социальной реальностью...”¹¹.

Пространные, хотя тоже неизбежно выборочные свидетельства моих информантов сохраняют возможность добывать “истину” и “теорию” из первичных текстов, даже если мне лично не удалось объяснить все, что за ними скрывается. Именно по этой причине в издание книги на русском языке включены полные тексты нескольких интервью, которые по разным причинам не были достаточно ис-

пользованы при анализе. Интервью или записи разговоров представляют интерес не только как дополнение к основному тексту, но и как этнографический источник для будущих исследователей.

ТЕКСТЫ И ОБРАЗЫ ВОЗЛЮБИВШИХ ВОЙНУ

К понятию “тексты” я отношу и визуальные образы, на которые мне пришлось обратить особое внимание на заключительной стадии работы, при отборе фотоматериалов для книги. На сделанных мною и Дэном Смитом, с которым мы вместе ездили в Чечню в октябре 1995 г., фотографиях отображены только разрушенный Грозный, мои партнеры по исследованию и информанты. Несколько снимков довоенной Чечни и чеченцев мне удалось извлечь из архивов и семейных альбомов. Я был поражен тем обстоятельством, что многие чеченцы не имели семейных альбомов или фотографий вообще: они были утрачены в результате войны! Это свидетельствует о том, что война и разрушения уничтожают вертикальную (временную) целостность общества на семейно-личностном уровне, лишают его запечатленной памяти. Отсутствие этих прошлых картинок создает пространство для воображаемого прошлого.

В то же самое время чеченский конфликт был и остается одним из наиболее “визуальных” с точки зрения объема и разнообразия фото- и видеоматериалов. Лиза Фактор – создатель интернетовского сайта *photographer.ru* выступила организатором большой фотовыставки работ почти десятка известных российских фотомастеров с материалами по Чечне, которая открылась в Москве осенью 2000 г. На ней было представлено несколько сот фотографий. Еще раньше, весной 2000 г., в здании Института “Открытое общество” в присутствии Джорджа Сороса демонстрировались работы фотомастера Олега Климова “Просто война”. Во время ее посещения у меня и родилась идея дополнить текст книги материалами профессиональных фотографов.

Познакомившись с тем, что американский фотограф Джейсон Ашкенази, также снимавший в Чечне, назвал “образами” (*images*), а не фотографиями, я столкнулся с двумя проблемами. Первая – довольно типичная коллизия визуальной антропологии: преобладание или первичность художественного начала над необходимой мне этнографичностью. Тематический кругозор фотомастеров (большинство приехали снимать в Чечню впервые в жизни, имея информационный багаж не более, чем телекартинки НТВ или СNN) оказался узким и идеологически запрограммированным. Почти все они снимали “джентльменский набор” доминирующих в “международном сообществе” политических клише: чеченских стариков в папах (конечно *старейшин*), танец *зикр* на площади в Грозном (он и держался благодаря многолетней череде снимающих на видео- и фо-

токамеры), молящихся или улыбчиво-позирующих красивых чеченцев-мужчин в “боевой окраске” (точно как американский художник XIX в. Джордж Кэтлин, создавший галерею североамериканских индейцев!), разрушенные части Грозного (я не нашел ни одного снимка уцелевших районов Грозного или отремонтированных до 1999 г. и действовавших около ста городских средних школ!), страдания беженцев – женщин и детей (ни одного снимка из жизни в неразрушенном чеченском доме!), и, наконец, грязных и жестоких российских солдат (по крайней мере до 1999 г.).

Во многих этих “имиджах”, отмеченных разными премиями и наградами, а до этого их авторы получали редакционные командирования или специальные субсидии (гранты на “фотографии из Чечни” предоставляли многие фонды, действующие в России и за рубежом), была своя доля правды, но только доля и не более того. Я считал возможным включить некоторые из фотографий в книгу. Хотя было бы правильнее написать отдельную главу о визуальной антропологии насильственного конфликта, но тогда не обойтись бы без изучения не только политических ориентаций, но эмоционально-психической стороны изучаемого “исходного материала”, т.е. самих фотографов. На сайте Лизы Фактор можно найти авторов, объектив которых наслаждается почти исключительно фиксацией крови и смерти. Это те самые “возлюбившие войну” (war lovers), о которых написал свой роман Джон Херси несколько десятилетий тому назад.

Фотографии о Чечне – это прежде всего авторизованные послания, и без политики их авторы не обходятся. То, что чаще всего преподносится как правда или реальность, заключает в себе безусловную одиозность и даже нечестные фальсификации. Не говоря уже о том, что многие фотообразы профессионалов не избежали постановочности: Чечня была для них сценой, но даже на этой большой сцене они сооружали еще одну маленькую, чтобы снять на пленку свои замыслы или идеи. Для иллюстрации данного тезиса я поместил в книгу некоторые парные фотографии одних и тех же сюжетов, но разных авторов. Первая такая пара образовалась спонтанно, когда я сопоставил сделанный в октябре 1995 г. снимок трех российских солдат, охранявших место моего, Дэна Смита и Павла Баева проживания в Грозном, и снимок российских солдат, взятый из книги Анатолия Ливена. Затем образовалась пара из чеченских боевиков, еще одна – чеченских детей под “опекой” воюющих друг против друга их “защитников”. И такой ряд можно было продолжать, чтобы показать насколько по-разному читается война в Чечне “беспристрастными объективами” (неудачное, а точнее несовременное слово в русском языке для англоязычного “линза”).

В целом мой общий вывод о чеченских “имиджах” следующий: можно получать удовлетворение от искусства фотографии, но нельзя верить визуальным образам войны, ибо они крайне селективны, политически мотивированы, а иногда просто лживы! Но данный вы-



“Аутсайдеры” Д. Смит и В.А. Тишков с российскими солдатами в Грозном. Октябрь 1995 г. (Фото П. Баев)

вод не решает проблему “имиджей” войны, ибо последние уже стали ее неотъемлемой частью и более того – без них война может просто не состояться или же получать перерыв в ожидании, когда подоспеет камера к очередному насильственному действию. По сведениям самих же журналистов, чеченские командиры не начинали некоторые операции пока рядом с ними не появится телекамера, которая могла бы зафиксировать их силу и дух, а заодно создать своего рода послание тем, кто поддерживает или даже оплачивает их борьбу и конкретные операции. На протяжении нескольких месяцев с осени 1999 г. из Чечни в большой внешний мир поступала телекартинка со ссылкой на единственное западное агентство “Франс пресс”. На самом деле это были съемки “стрингера” – жителя соседней Грузии, снимавшего для “Франс пресс”. Его работа никак не соответствовала профессиональным стандартам известного агентства, но зато он делал “нужную картинку” из лагерей беженцев или из окруженного федеральными войсками Грозного. Известнейшие профессионалы, как, например, защитница мусульманских меньшинств Кристиан Аманпур из СНН, активно использовали эти картинки (часто месячной давности) как сценические задники для произнесения своих политических заявлений в форме последних новостей.

Вероятно, в какой-то мере наиболее сильная антироссийская позиция в вопросе о Чечне, возникшая именно во Франции, может быть объяснена не столько особой эмоциональной чувствительностью французской общественности, сколько конкретными обстоя-

тельствами масс-медийного воздействия. Интересен пример французской журналистки Анн Нива – юной женщины из семьи профессора русской литературы, прочитавшей несколько книг о России и о Чечне (как это было видно с телеэкрана, на столе в ее парижском родительском доме лежала книга Анатоля Ливена). Она сочиняла драматические версии хода событий, проживая в ингушском доме и пользуясь гостеприимством тех, кого фактически призывала к войне (на политически корректном языке – к “сопротивлению”). Небольшая коллизия с российскими властями по поводу документов и аккредитации журналистки превратилась в громкий публичный скандал об ее исчезновении и о причастности к нему российских властей. Многие другие журналисты использовали подобные намеренные коллизии, чтобы получить паблисити и решить свои идеологические задачи. Если российские военные допускали неадекватно жесткие действия по отношению к мирному населению, а часто и журналистами, то профессиональные создатели “имиджей” войны терроризировали военных, российские власти и общество в целом. Возможно, что эта коллизия неразрешима, но трудно не согласиться с тем, что современные конфликты, включая чеченский, оказались узурпированы политизированным мифомедийным дискурсом.

“ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ”

В процессе эволюции конфликта от одной войны к другой был еще один момент, связанный с инерцией прочеченских симпатий, сложившихся в самом начале войны (и даже раньше) как часть антироссийской позиции, которая, в свою очередь, была рудиментом старого менталитета холодной войны. Западу не удалось демонтировать обеспечивавший долгую солидарность образ “главного” внешнего врага, поскольку его нечем было заменить: исламская угроза, коммунистический Китай или Северная Корея не дотягивали до этой заместительной роли – большого государства с мощным ядерным арсеналом. К инерции страха как средства консолидации западного сообщества и обеспечения ресурсов налогоплательщиков для военного бизнеса добавились новые соперничества и геополитические спешки. Они обусловлены стремлением западных и других (Турция, Саудовская Аравия) крупных государств утвердить свои влияния в образовавшейся своего рода “ничейной территории” (*terra nullis*) – новых государствах бывшего СССР по периметру России. За соперничествами стоит также мировой, особенно нефтегазовый и военно-промышленный бизнес.

Капитализация “ближнего зарубежья” и выталкивание России из этого пространства были столь интригующими и, казалось, легко осуществимыми, что радикальный национализм на Северном Кавказе, тем более вооруженная сецессия в Чечне, показались верным

сигналом и возможностью объявить Россию “распадающимся государством” (staggering nation). Именно так обозначил Россию редактор журнала “Форейн афферс” Э. Теппельман в своей статье по поводу окончания натовской операции в Косово. Смысл статьи сводился к тому, что независимость Косово – это уже не столь опасный прецедент, а следующим легитимным клиентом на образование независимого государства является Чечня¹². Вложенные в первую войну симпатии к режиму Дудаева и к “чеченскому сопротивлению”, завершившимся, как представлялось многим внешним акторам, бесповоротной победой (“Чечня – надгробный памятник российской мощи”, – так назвал свою книгу Анатолий Ливен), сделали почти невозможным принять вариант российского реванша и краха сепаратистского проекта. Вера в состоящуюся чеченскую независимость стала причиной во многом более жесткого тона со стороны “международного сообщества” во время второй войны. Что касается внешнего мира исламских радикалов, то ими был взят курс на прямую поддержку вооруженной борьбы против России поставками в Чечню оружия, денег и готовностью воевать за плату или за фанатичную идею “воинов джихада”.

Интеллектуальный “антивоенный террор”, который Игнатъефф называет более деликатно “либеральным интервенционизмом”, возглавили даже не журналисты, а писатели, философы и другие культурные герои современности. Международный ПЕН-клуб собрал в мае 2000 г. в Москве свой 67-й конгресс, на котором принял резолюцию о “последнем массовом преступлении XX века”. В ней содержится весь набор мобилизационной повестки для продолжения войны со стороны вооруженных формирований в Чечне. Есть жесткая квалификация воюющих сторон: Чеченской республики и России (последняя ведет “необъявленную войну на чужой территории”). Есть максимальная драматизация “происходящей на глазах у всего мира трагедии” и осуждение “вторичной попытки российских властей решать трагическую ситуацию военными средствами”. Есть “легитимная власть Масхадова, готовая к мирному выходу из конфликта” и с которой российские власти должны начать переговоры после прекращения войны. Наконец, есть “чеченский этнос” (теперь и писатели выучили жаргон советской этнографии!), “нормальное развитие” которого невозможно без утраченных культурных ценностей и институтов. Все это выдержано в моральных категориях человеческого гуманизма, принципов демократии, за которые борются члены ПЕН-клуба, включая и его “Русский центр”.

Невозможно выступать против справедливого осуждения насилия и разрушений, а также потерь, понесенных населением Чечни, но есть что-то в этой искренней озабоченности от надменности всезнания и безоговорочной правоты позиции интеллектуалов. Они, и только они – писатели и философы-гуманисты типа француза Андре Глюксманна призваны охранять эти принципы. Последний, на-

пример, без всяких рефлексий осуществлял моральный террор, призвав многочисленную аудиторию международной конференции по Чечне в декабре 1999 г. почтить вставанием память тех, кто погиб там за время его 5-минутного выступления в Москве! “Либеральные интервенционисты” не приемлют войну и насилие вообще как однозначное зло, представляя государство в духе западной антивоенной традиции как главного агента насилия и инициатора войны. Они дегуманизируют эту сторону, не замечая за ней людей, а только “власти”, и гуманизируют “этнос”, не видя в нем бандитов или лидеров, выбравших ошибочную и действительно трагичную стратегию “развития” того же самого этноса. Майкл Игнатъевф прав, когда пишет:

“Как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национально-го государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо нами были созданы, чтобы контролировать и противостоять крупномасштабному насилию”¹³.

В этой связи встает вопрос: насколько те, кто пребывают в условиях относительной безопасности, содействуют тем, кто попал в зону насилия, чтобы они могли воссоздать жизнеспособные и эффективные государства? Насколько наше внешнее вмешательство не приводит к ухудшению ситуации, когда в эти зоны поступает новое оружие, или проще говоря, когда оказывается содействие втянутым в конфликт силам продолжать его? Один из возможных ответов звучит следующим образом:

“Иногда, как бы ни было трудно, наилучшей является позиция невмешательства, чтобы дать проявиться победителю и затем оказать ему содействие в установлении и поддержании монополии на насилие, от чего зависит сохранение порядка. В другом случае, когда силы противников примерно равны и решающий исход недостижим, мы можем позволить вмешательство на стороне, которая выглядит как более правая, и оказать ей содействие в консолидации власти. Конечно, это означает исходное положение, что война может быть неизбежным решением этнического конфликта. Это означает своего рода заключение морального пакта с дьяволом войны с намерением с помощью его огня выжечь дорогу к миру”¹⁴.

Эта позиция отличается от западной версии “миронавязывания”, но и она не затрагивает важную проблему внешнего вмешательства на стадии мобилизации вокруг разного рода политических проектов, которые нарушают существующий местный баланс сил в обществе или разрушают проблемный государственный порядок, который может быть улучшен через мирные процедуры, переговоры и уступки в качестве всегда наличествующей альтернативы насильственному варианту.

Внешнее вмешательство, будь это ученые, политики или военные, не должно строиться на изначальном определении “сторон в конфликте” и делать выбор в чью-то пользу. Гораздо продуктивнее видеть в любом обществе прежде всего его современную сложность

и меняющуюся динамику диспозиций, прежде чем навязывать свои симпатии или осуждение, а тем более прямое вмешательство. Один из принципов профессиональной ответственности, одобренных Американской антропологической ассоциацией еще в 1971 г., гласит, что первичная ответственность ученого-антрополога – предвидеть в своей работе возможный конфликт ценностей и подходов и решать этическую дилемму таким образом, чтобы не нанести ущерба тем, кто является предметом исследования. А в целом “все эти принципы должны строиться на полном признании социального и культурного плюрализма изучаемого общества и соответственно плюрализма ценностей, интересов и требований, существующих в этом обществе”¹⁵.

Мораль сдержанности, уважения сложности обществ и возможных ситуаций вполне может распространяться и на другие категории аутсайдеров, осуществляющих вмешательство как через исследования, так и через общественно-политические акции. За последние годы своей вовлеченности в чеченские события я обратил внимание на одно обстоятельство психологического характера, которое присутствовало в поведении чеченцев – участников многих конференций и “круглых столов”, состоявшихся в Москве, на Северном Кавказе или за пределами России. Сталкиваясь с позицией, подобной той, которая выражена в резолюции ПЕН-клуба или на организованной газетой “Московские новости” международной конференции по Чечне в декабре 1999 г., они оказываются в сметении перед выражениями осуждения России и апологетикой вооруженного сепаратизма. В результате чеченцам трудно позволить себе другие позиции и слова, чем те, которые звучат с московских трибун от главных ораторов. Хотя в большинстве своем известные мне чеченцы осуждают режим Масхадова и войну за отделение от России, но сказать об этом в экзальтированных аудиториях у них часто нет сил. Они не способны преодолеть этот внутренний разлад и вынуждены повторять слова международных или московских “авторитетов”. Никто из них ни разу не сказал: “Прекратите говорить за нас или хотя бы дайте нам говорить в начале повестки ваших собраний, а не в конце, когда уже трудно говорить в несогласном ключе”.

Я заметил этот разительный контраст также и в книгах, изданных Фондом Сахарова, о которых уже шла речь ранее. Поразительно, но именно чеченские авторы, проявляя терпимость и сдержанность в отношении происхождения, включая и вопрос об отношениях Чечни и России. Более того, эти авторы – единственные, кто выражает общероссийскую гражданскую лояльность и рассматривает Россию как свою собственную страну и себя как часть российского сообщества, хотя редакторы и авторы предисловий книг жестко предписывают, что речь идет о двух государствах и о двух обществах. Осуждение войны и жестокости со стороны федеральных вооруженных сил не означает для них отчуждение от общего государст-

ва или отказ от чеченской идентичности и от местного патриотизма. Однако эти робкие демонстрации просто не замечаются, а в ряде случаев подвергаются цензуре московских “гуманистов” и “правозащитников”, чтобы не звучать диссонансом с работами зарубежных и российских авторов, пишущих свои версии чеченской войны.

Мне представляется, что принцип этического кодекса антрополога – не нарушай спокойствие и общественный баланс в местном сообществе, которое изучаешь или о котором пишешь – был жестоко нарушен в Чечне. Первичная вина лежит на тех, кто до этого ни разу в жизни не слышал слово “Чечня” и тем более не знал ее общества, но взял на себя миссию вмешательства и подстрекательства. Их просепаратистские симпатии были вызваны на самом деле застарелым и обновленным синдромом антироссийскости или же либеральной утопией этнического самоопределения “угнетаемых меньшинств”. Я не наблюдаю аналогичных симпатий в пользу вооруженного сепаратизма курдов в Турции (зато он есть в отношении иракских курдов!) или вооруженных сепаратистов в Стране Басков и в Северной Ирландии. Статус демократической страны, натовский зонтик и членство в Европейском сообществе оправдывают силовые действия соответствующих государств в аналогичных ситуациях. Зато члены того же самого клуба демократических государств вызвали дестабилизацию на многие десятилетия в китайском Тибете, поддержав в 1950-е годы выступление местных монахов против государства. Последними в этом списке жертв “международной озабоченности” стали косовские албанцы, получившие извне оружие, тренинг и политическую поддержку, чтобы разрушить (досоопределить) новую Югославию. Озабоченность двойными стандартами – не пустой разговор, а печальная реальность внешних манипуляций на местных сценах, избранных объектами геополитических соперничеств или идеалистических проектов. Чечня стала одной из таких сцен, на которой вершат спектакль внешние акторы.

Почему, где и когда появляются подобные сцены для насильственных конфликтов и жестоких войн? Было бы наивно утверждать, что для них нет внутренних обстоятельств и местных инициаторов. В мире очень много ситуаций, которые можно было бы охарактеризовать облегченной формулой “меньшинства в состоянии риска” (*minorities at risk*). Под риском имеются в виду разные факторы, но прежде всего неспособность государства обеспечить благоприятные условия жизни, сохранение культурной отличительности и групповой целостности части собственного населения, безопасность индивидов и местных сообществ. Тогда, как полагают сторонники этой концепции, появляются страх, озабоченность и даже желание выйти из общего политического пространства, которые чаще всего выражают политические активисты этих групп или сторонники непримиримой, в том числе вооруженной, оппозиции из числа радикальных элементов.

В какой мере эти воинствующие радикалы аккумулируют мнение или “волю народа”, является большим вопросом. Ибо ответ на него формирует мнение о “справедливости” или “несправедливости” избранной борьбы. Этот эвфемизм стал подлинным проклятием современного мира, включая и пространство бывшего СССР. Последний когда-то был главным поборником морального принципа справедливых и несправедливых войн, составлявших одну из основ марксистской идеологии революционного переустройства мира. Я хорошо помню, как на одном из университетских экзаменов отвечал на вопрос о “признаках” такого рода двух типов войн и, кажется, даже получил отличную оценку. Однако не только советские идеологи и теоретики-марксисты грешили данными категориями. Они имеют более давнюю историю и используются поныне как в политической антропологии, так и в реальной политике. В языке публицистов и писателей, пишущих о войнах и конфликтах, это один из самых распространенных трюизмов. Даже такой глубокий писатель-публицист, как Майкл Игнатъевф, не смог избежать реверанса в пользу очень скользкой дихотомии:

“В Афганистане и Чечне войны, которые начались как подлинные национальные восстания против иностранной оккупации, выродились в жестокие схватки за территорию, ресурсы, наркотики и оружие между вооруженными группами, которые часто ничем не отличаются от криминальных банд”¹⁶.

Почему Чечня оказалась в одном списке с Афганистаном, а не в компании с китайским Тибетом, шриланкийскими тамилами или иракскими и турецкими курдами? Ведь лозунги и внутренняя “интерпретивная правда” во всех этих случаях идентичны. Неужели потому, что только в этих двух случаях “иностранная оккупация” – это все еще главный враг СССР/Россия? Китай пока до этой роли не дотягивает. Шри-Ланка очень далеко от мировой политики. Ирак уже наказан, и воздушное пространство над землями местных курдов охраняют американские самолеты. Турция – натовский и европейский форпост в Азии, и нет смысла даже косвенно оправдывать осужденного на смерть курдского лидера Оджалана? Этот вопрос к Майклу Игнатъевфу у меня остается и хотелось бы услышать на него ответ.

В большинстве случаев с этнокультурными и этнополитическими проблемами справляются сами государства, используя разный политический арсенал: интеграцию, ассимиляцию, мультикультурализм, индивидуальную и коллективную автономию, аффирмативные акции, уступки и переговоры, общие и специальные законы и даже вооруженную силу. Этнический радикализм и этнические войны появляются не там, где их вызывает групповой страх, который некоторые ученые называют среди главных причин этнических войн, а там, где или само государство поощряет этнический парти-

куляризм и строит на нем систему управления, как это было в СССР и как это продолжает быть в постсоветских государствах, или где государство утрачивает способность поддерживать порядок и обеспечивать контроль над военными арсеналами, позволяя появление нерегулярных вооруженных групп во главе с этническими предпринимателями или безответственными авантюристами. Именно там и тогда внутренними и внешними усилиями конструируется образ “порабощенного народа”, борющегося за свободу и независимость.

Чтобы этот образ был радикально другим по отношению к остальному населению страны, на службу заступают наивно-романтическая этнография и мифологизированная история, превращающая носителей определенной этничности в “мусульманский народ” или в “гордых дикарей” – воинов наподобие древнего Антея, но только с гранатометами. Так помимо избранной сцены, появляется и предписанная роль. Какую роль обрели чеченцы под воздействием собственных и внешних сценаристов, многие из которых никогда не согласятся или даже не подозревают, что были среди постановщиков драмы войны?

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУСОРА

Это может показаться парадоксом, но не столько чеченцы (с участием собственного, российского государства и его армии!) породили глубокий конфликт в стране, сколько война породила чеченцев в том их образе и роли, в которых они предстали (точнее говоря, их представили) перед внешним миром, до этого никогда не слышавшим само слово “Чечня”. Как сербы и хорваты до войны в Югославии были прежде всего гражданами, представителями определенных профессий, членами местных общин, соседями, а уже потом – *сербами* и *хорватами*, так и чеченцы были до 1991 г. советскими людьми, коммунистами и беспартийными, верующими мусульманами и неверующими атеистами, профессорами и инженерами, студентами и учителями, членами семей и родственных коалиций. Даже их тайное и болезненное отличие как “бывших депортированных”, часто напоминавшее о *чеченстве* как одной из форм личной и групповой идентификации, не было столь довлеющим и чем-то исключительным.

Выходцев из “депортированных”, “репрессированных”, “раскулаченных”, “спецпереселенцев”, “пораженных в правах” и т.п. среди моего поколения (это также и поколение Хасбулатова, Дудаева, Масхадова) и более старших поколений в стране исчисляется миллионами. Это наследие сталинизма сохранялось своим редким, но назойливым напоминанием, особенно в служебных карьерах, когда, на-

пример, в кадровых анкетах нужно было заполнять графу “был ли кто-нибудь из Ваших ближайших родственников в немецком плену или интернирован, когда и кем был освобожден?”. Я, по совету “кадровички” академического института, в какой-то момент стал писать ложное “нет”, хотя мой отец был освобожден из немецкого плена американскими войсками и затем передан советским военным властям в Германии. Но никогда это обстоятельство моей личной истории не было важным элементом моего самосознания, так же как и принадлежность к русской национальности.

Имеющиеся у меня данные говорят, что для современного (довоенного) поколения чеченцев их этническая идентичность и принадлежность к депортированному народу не являлись главной формой их социальной идентификации и личностного поведения в повседневной жизни. Довоенная Чечено-Ингушетия была динамичным обществом, в котором люди были прежде всего озабочены материальным преуспеванием, получением образования и карьерным продвижением, профессиональными службами, включая военную и государственную. Они больше идентифицировали себя по профессиональным и поколенческим группам, по семейным и дружеским связям, а уже потом по этническим, религиозным, а тем более по клановым (племенным) коалициям, о которых мало кто слышал. Они были прежде всего людьми, потом советскими людьми, потом членами профессиональных коллективов, потом членами местных общин и родственного круга и только потом чеченцами. Подобная иерархия социальных идентификаций личности была схожей для всего населения страны¹⁷. Чеченцы не были радикальным исключением и по крайней мере мало чем отличались от ингушей, дагестанцев, кабардинцев, балкарцев и других “национализированных” этнических общностей Северного Кавказа и СССР в целом.

Реификация *чеченства* произошла в условиях конфликта и глубоких общественных трансформаций эпохи Горбачева–Ельцина. Она произошла в драматической и фантастической (мифологизированной) форме, сконструированной из доступного историко-этнографического материала (чаще всего мало достоверного), литературных и паранаучных фантазий и намеренных политических предписаний. *Чеченство* стало не просто первичной (примордиальной) идентичностью, но и особой ролью, замешанной на нескольких элементах: а) националистическом нарцисизме, б) комплексе жертвенности (виктимизации) и с) мессианской идее “гробовщиков империи”, “освободителей Кавказа” и “авангарда исламизма”.

Я допускаю, что в столь жестких суждениях возможны ошибки, продиктованной недостаточными знаниями внутреннего мира чеченцев, если таковой вообще существует как некая целостность. Это допущение возникло, когда я получил комментарий на первые две главы своей книги от автора одной из серьезных журналистских работ о чеченской войне Томаса де Ваала. Вот его содержание:

“...Вы говорите, что чеченцы использовали “драматическую презентацию прошлого” для легитимации вооруженной борьбы за независимость. Мое замечание состоит в том, что важно различать две категории мифов в подобных конфликтах. Есть ЧИСТЫЕ мифы, которые имеют очень слабое отношение к современным реалиям, подобно сербскому мифу о Косовской битве, армянским разговорам о древнем Арцахе, чеченском восхвалении шейха Мансура и имама Шамиля. И есть мифы, основанные на жизненной памяти, подобно тому, что пережили евреи в холокост, армяне в 1915 г. и чеченцы в 1944 г. Вокруг этих событий, конечно, есть политические манипуляции, но разговаривая с армянами, евреями и чеченцами, я понимаю, что они ощущают настоящие раны и настоящий гнев по поводу того, что произошло с членами их семей. Я думаю, что большинство русских жителей Грозного просто не понимали, что в их среде присутствовала эта рана и что она создавала много проблем. Это также объясняет, почему старшее поколение в Чечне часто более воинственно, чем поколение среднего возраста. Это способствует возникновению лозунга “Никогда снова!”, который можно услышать от чеченцев, как и от евреев, а также гораздо большую терпимость к насилию как политической форме “самозащиты”. Я полагаю, что именно это способствовало созданию гораздо более широкой базы для борьбы в 1994 г. Сейчас, конечно, эта база размывается, но это не означает, что сама боль прошла”¹⁸.

Снова *боль* и *страх* представлены в этом письме как иде-фикс чеченской идентичности, чеченского внутреннего мира, а *самозащита* как основа для вооруженной борьбы. Отдавая должное социально-психологическому моменту воздействия мифотворчества, мне трудно принять данную интерпретацию. Возможно, требуются дополнительные исследования и, вероятно, некоторые внутренние мироощущения недоступны для понимания внешних обозревателей, т.е. не чеченцев. В чем я достаточно уверен, так это в том, что мой анализ, построенный на современной рациональности или иррациональности, не слабее конструкций ученых и журналистов, исходящих из абсолютизации историко-этнографических аргументов как необходимых профессиональных стандартов. Ибо армянский геноцид 1915 г. и другие мифы “жизненной реальности” сначала необходимо объяснить, т.е. историческим травмам нужно обучиться, чтобы оказаться в поле их эмоционального воздействия. Калмыки тоже были поголовно депортированы, но эта травма не стала мобилизационной основой их групповой солидарности. Более того, как свидетельствует моя коллега, исследовательница из Калмыкии, Эльза Гучинова, ее родители и родственники никогда об этом ей не рассказывали, и она о депортации не знала долгое время.

Почему чеченские старики оказались более воинственны? Данный тезис также требует тонкого рассмотрения не только с точки зрения “реванша”, но и с позиции современной верификации. Как много в действительности было таких стариков – сторонников войны и насколько это был их собственный выбор? И если да, тогда нет ли за ним больше мотива укрепления слабеющего статуса старших

в чеченском обществе 1990-х годов? Я упоминал о реванше стариков через собственных внуков, когда писал о позиции чеченского ученого-эмигранта Абдурахмана Авторханова. Но и в данном случае не следует исключать в его роли борца против империи Кремля более утилитарную цель – желание известности и обеспеченного существования, вместо объяснения рефлексивным воздействием “боли” или “страха”.

Мною подвергается сомнению прежде всего своеобразный *культурный фундаментализм*, как абсолютизация культурного отличия и как некритическое использование историко-этнографического материала для объяснения современных реалий. Ниже следуют некоторые примеры того, как история и этнография способны принести не только пользу, но и ущерб обществу и его научному анализу; как некоторые историко-этнографические аргументы могут переходить из текста в текст и с одного уровня дискурса на другой и как в конечном итоге неточное или вымышленное чеченское прошлое формирует образ и идентичность современных чеченцев и предписывает им сегодняшние роли.

Конструируемая в условиях конфликта и глобальных воздействий чеченскость как культурный образ разрушает вокруг себя многие релевантные вещи, включая значимые повседневные регулярности, не вписывающиеся в создаваемый этнографический конструкт. Одержимость историко-культурным детерминизмом провоцирует взгляды и ожидания, которые превращают рутинное ментальное и поведенческое пространство в приглашающую пустоту. Человек, занятый прежде всего своими делами (семьей, здоровьем, работой, образованием, погодой и прочим), оказывается в атмосфере возбуждающих призывов и моральных принуждений. Ему начинают также повседневно напоминать, что он – чеченец, представитель древней и уникальной цивилизации, а ныне депортированный и угнетаемый, должен продолжить великое дело шейха Мансура и имама Шамиля. Эти смутные, но притягательные предписания становятся частью взглядов и эмоций, обретая довлеющее значение, порой, как мы видели, даже над успешным бизнесом в Москве, отодвигая повседневность на второй план перед притягательными проектами переиграть прошлое. В определенное время и в определенном месте эта разрушаемая идеологией значимая повседневность может быть заполнена сначала уличными лозунгами, а затем оружейным огнем.

Ответственность за это несут в том числе и прежде всего те, кто через поверхностные историзм и культурный фундаментализм низводят целый народ до уровня “досовременной нации” или общества “военной демократии” с уникальной воинской моралью, тем самым лишая его шанса на участие в мирных трансформациях с целью улучшения правления и обеспечения безопасной жизни. Это серьезный упрек в адрес коллег, многих из которых я лично знаю как вы-

соко моральных и преданных науке людей. Именно поэтому это скорее не личностное обвинение, а обвинение неадекватного состояния российской обществоведческой экспертизы и поспешных заимствований из этого саморазрушительного арсенала, которые делаются зарубежными специалистами.

В своей книге я проанализировал представления, ментальности, дебаты и политические фантазии среди чеченского народа. Поразительно то, что многое из рассматриваемого в качестве проявлений кризисного общества и феномена демодернизации можно обнаружить изначально в научных текстах историков, этнографов, политологов. Затем эти выводы заимствуются журналистами и политиками, а впоследствии отливаются в пули. Мы привыкли говорить о пользе истории, но редко напоминаем о злоупотреблениях историческими аргументами. В случае с Чечней наглядно проявляется неадекватное и амбициозное обращение с историей и этнографией. В этом плане у меня кардинальное расхождение с тезисом о “российской интервенции как об ошибке колониальной этнографии”¹⁹. Под ним Анатолий Ливен имеет в виду прежде всего незнание, непонимание или игнорирование культурной природы чеченского общества, которые продемонстрировали прежде всего эксперты ФСБ и армейских структур.

Для самого А. Ливена и для некоторых других авторов, претендующих на адекватную этнографию, отправными источниками информации послужили, по их признанию, “незаменимые труды о структуре чеченского традиционного общества” российского этнографа Я.В. Чеснова. Этот момент некритического заимствования и влияния заслуживает особого рассмотрения. Отдавая должное работам своего коллеги по институту, считаю, что Я.В. Чеснов внес решающий вклад в конструирование мифов об уникальной чеченской цивилизации, о природном чеченском эгалитаризме и о 400-летней борьбе чеченцев и русских, ставших основными элементами националистического нарциссизма.

Ниже пример научно уязвимого, но политически корректного суждения Я.В. Чеснова (обратный перевод с английского):

“Российский тоталитаризм всегда пытается подавить горскую демократию кавказских народов, прежде всего вайнахскую, самым варварским способом. Уже прошло 400 лет с тех пор, когда вайнахская цивилизация ликвидировала институты феодальной аристократии и наследованного неравенства среди людей. Естественная свобода личности составляет суть вайнахской демократии. Эта свобода нашла мощную поддержку в институтах исламской религии. Для тоталитарного, имперского режимов свободный народ в составе России представляет не просто занозу в теле, ибо самим своим примером он представляет опасность для поработенных сограждан всей страны... Мы должны признать, что предки этих людей когда-то жили на берегах Тигра и Ефрата, где берет начало духовная жизнь человечества. Эти народы являются создателями уникальной вайнахской цивилизации, о которой мы знаем, что она сохраняла свободу личности как самую важную ценность”²⁰.

Выдающийся российский этнолог С.А. Арутюнов также склонен принимать миф о традиционной вайнахской военной демократии и определяющей роли “исторической памяти” для объяснения высокой степени мобилизации чеченцев в конфликте (обратный перевод с английского):

“Чечня была и остается обществом военной демократии. В Чечне никогда не было королей, эмиров, князей или баронов. В отличие от других кавказских наций в Чечне никогда не было феодализма. Традиционно она управлялась советом старейшин на основе консенсуса, но подобно всем другим военным демократиям (как, например, ирокезы в Америке или зулу в южной Африке) чеченцы сохраняют институт военного вождя. В мирное время они не признают верховной власти и могут распадаться на сотню враждующих кланов. Однако в период опасности перед лицом агрессии враждующие кланы объединяются и избирают военного лидера. Этот лидер может быть известен каждому как не самый приятный человек, но он избирается за то, что “является хорошим генералом. Когда идет война, этому лидеру подчиняются все”²¹.

Научный авторитет Чеснова и Арутюнова и привлекательность самих объяснительных конструкций способствуют их некритическому восприятию другими (аналогичные вещи произошли с работами С. Старостина и И. Дьконова²²). Интересно, что западные специалисты по этническим проблемам и конфликтам в своих исследованиях вооруженных движений в зонах проживания аборигенных народов, их борьбы за суверенитет или сецессию никогда не пользуются аналогичными историко-этнографическими конструкциями времен Г. Моргана и Ф. Энгельса относительно обществ военной демократии. Ими выполнены обстоятельные этнографические разработки по Африканскому рогу, Руанде-Бурунди, Сомали, Бирме, Никарагуа, Гватемале. Почти везде инсургенты – это крестьянские сообщества зон лесных джунглей или высокогорья, слабо модернизированные, но хорошо вооруженные и успешно сопротивляющиеся иногда десятилетиями регулярным армиям соответствующих стран (в Сомали даже нанесли ощутимый урон американцам. Но все это не потому, что они не знали феодализма, капитализма или социализма).

Только в одном исследовании под названием “Ружья и дождь” я обнаружил привлекательную разработку темы о воздействии на ход вооруженной борьбы представителей народа шона за суверенную Зимбабве в 1960–1970 гг. не только идеологии национализма и кооперации участников вооруженной борьбы-геррилльяс с местным крестьянством, но и духовных посредников, медиумов-колдунов, которые обеспечивают мистическую связь нынешних людей с мертвыми предками, включая древнюю родовую знать – “носителей дождя”²³. Однако автор этой книги Дэвид Лэн является не только социальным антропологом. Он не менее известен как автор театральных пьес и телевизионных спектаклей, что, возможно, определило его более художественное восприятие одной из жестоких африканских



Занятия в старших классах средней школы г. Гудермеса. Декабрь 1999 г.
(Фото В. Бышовца)



Палаточный городок беженцев в с. Знаменское (Фото В. Бышовца)

войн современности. Книга не является строго научной, так как построена только на заявлениях информантов. Остальные наиболее крупные работы антропологов по данной проблематике не содержат столь явно довлеющих историко-этнографических мифологизаций. Общества рассматриваются в них прежде всего как современные, и нужно приложить большие усилия, чтобы доказать их типологизацию как “военных демократий”, не говоря уже о том, что сам по себе этот исторический тип не является общепризнанным и тем более универсальным.

Однако с Чечней оказалось возможным то, чего не позволяют себе профессиональные исследователи применительно к другим регионам и обществам. Высказывания и оценки российских обществоведов (включая чеченских авторов) не были просто заимствованы, но и развернуты в более детальные рассуждения о характере чеченского общества и о природе конфликта.

“Чеченцы представляют собою национальность, не идентифицирующую себя с государством и обществом, в котором они живут. У них вообще отсутствует мотивация подчиняться законам этого государства и общества. Они имеют свои древние традиции, которые противостоят “просвещенному”, “плюралистическому” и “прогрессивному” либерализму, и свои социальные нормы, которые делают чеченское общество непрозрачным для внешнего исследования. В стране, где существует смесь плохо институализированной “демократии”, социальной дезинтеграции, слабости государства и государственной коррупции, для них, внутренне сплоченных и исключительно эффективных и беспощадных в достижении своих целей, открылись невероятные возможности и пространство для организованной криминальной деятельности. Можно почти сказать, перефразируя фразу Роберта Мусила, что если бы западная буржуазия могла мечтать, это была бы мечта о чеченцах”²⁴.

Таким образом, “неколониальная этнография”, которая построена на знании “чеченской клановой системы”, предлагает нам образ чеченского общества как “традиционного, иррационального, разделенного, статичного и непоколебимого”²⁵. На самом деле есть противоположное ощущение: мы имеем дело с феноменом антропологического и неоколониального по своей глубокой сути редукционизма, когда по разным причинам культурно отличный, но современный народ квалифицируется как “древний племенной этнос” или как “досовременная этническая нация”. Логика такого изощенного академического неоколониализма ведет к заключению, что по причине фундаментальной отличительности от остального общества данная группа заслуживает безоговорочной симпатии, патронажа, поддержки и защиты. Ссылаясь на плохо доказуемые или воображаемые данные об этих фундаментальных культурных различиях и отторгая или игнорируя общие характеристики и схожести, такого рода антропология полагает, что тем самым она демонстрирует высокие дисциплинарные стандарты вместе с политической корректностью. «Я очень даже доволен, что Вы критикуете мою “симпатизи-

рующую этнографию»», – сказал мне Я.В. Чеснов. За этим как бы стоит непоколебимый постулат, что иной этнография и быть не может. “Я полюбил чеченский народ”, – пишет Анатолий Ливен.

Именно эти две распространенные сентенции мне представляются уязвимыми. Во-первых, симпатизирующая этнография не может идти дальше тезиса “народ всегда прав” и исключает возможность более дифференцированного анализа таких явлений, как ошибочные выборы и стратегии больших групп людей, как правило, под воздействием решений лидеров или массовых манипуляций. Во-вторых, она закрывает возможность говорить о массовой моральной деградации или о массовой вовлеченности в преступные действия. Если народ всегда прав и всегда заслуживает только симпатии, тогда почему на такое же отношение не могут рассчитывать сенегальцы, ханьцы, сербы или русские, у которых тоже могут быть свои страхи и озабоченности по поводу групповых потребностей? В-третьих, можно понять заявление о любви к определенной культуре, но что такое “любовь к народу” как категория анализа, а не как бытовая эмоция, понять достаточно сложно. Проживая в доме Басаева и выражая признательность некоторым известным лидерам чеченского вооруженного сопротивления, Анатолий Ливен демонстрирует свою любовь именно к этой части чеченского населения или к тому образу чеченцев, который им самим и создан. Работая над книгой, я также узнал и установил теплые отношения со многими десятками достойных и глубоко мне симпатичных чеченцев, но едва ли это дает мне основания на претенциозное заявление о любви к чеченцам. Подобная позиция предполагает возможность обратного варианта, т.е. “нелюбви к народу”. Едва ли нормальный человек, а тем более ученый-этнограф может занять такую позицию. Тогда остается “всеобщая любовь ко всем народам”, но это абсурдная и даже лицемерная позиция.

Неоколониальная по своей патерналистской сути симпатизирующая этнография помещает чеченцев как коллективное тело под названием “этнос” или “нация” (а значит, и всех членов группы) в железные этнографические клетки, предоставляя им карт-бланш на презрение закона, совершение преступления и безжалостную борьбу. Это на самом деле плохая услуга народу, который становится предметом демонстративной любви аутсайдеров. Когда я проводил полевые исследования среди ирокезов в США и Канаде, Большой вождь Джозеф Нортон из резервации Кахнаваке, расположенной недалеко от Монреаля на американо-канадской границе, сказал мне о своей главной заботе – соблюдение его людьми таможенных правил и законов США и Канады при занятии сигаретным бизнесом и при организации игорных казино. Почему же рецепты, выписанные чеченцам как членам общества “военной демократии”, не распространить на ирокезов, которые также имели сходные социальные системы в прошлом? Почему “военные вожди” североамериканских

индейцев Леонард Пелтиер и Джозеф Бэнкс, организовавшие вооруженное сопротивление властям на резервации сиу Пайн-Ридж, сегодня отбывают пожизненный срок в американской тюрьме за свой вызов государственному порядку?

Какой смысл заключался в призывах прибывших еще в 1990 г. на конференцию в Грозный некоторых ученых “продолжить дело шейха Мансура и имама Шамиля”, кроме как в подстрекательстве чеченцев к нереализуемому проекту вооруженного вызова государству и существовавшему порядку? Может быть есть смысл говорить об ответственности создателей образа “гордых дикарей”, когда никто из них, не пострадавших, остается в своей уверенности, что делал правое дело, выбирая “любимый народ” на роль разрушителя “новой империи” – Российской Федерации? У меня тоже есть мечта – мечта, чтобы чеченцы смогли избежать “мечтаний западной буржуазии о чеченцах”. Ибо это тяжелая миссия играть роль, навязанную внешними мечтателями. Тем более, что уже можно заметить, как та же самая неокOLONиальная этнография, восхвалявшая эффективность борцов за свободу сейчас используется, чтобы объяснить провальные итоги войны за независимость.

“Принцип крови – это все в Чечне... В 1994 г. все чеченцы были объединены по принципу *кам* (весь чеченский народ – *В.Т.*) в своей борьбе против России. Однако в ходе войны и последующих лет чеченские военные и социальные структуры постепенно вернулись к их племенным основаниям. Член одного тейпа отвергал подчинение командиру из другого тейпа, и в итоге все чеченские полевые командиры стали старшинами своих тейпов. После войны эта особенность стала главным препятствием созданию национальных политических институтов и государственной дисциплины. Поскольку только ислам стоял выше тейповых границ, религиозные призывы усилились по мере укоренения основанных на племенном принципе политических группировок... Чеченцам просто не хватает традиции надродственной политической организации, и в этом отношении их можно считать, как бы неприятно это ни звучало, досовременным обществом. Результатом стал катастрофический социальный импловиз (направленный внутрь взрыв – *В.Т.*), который охватил всю Чечню и в котором новая война есть просто его последняя стадия”²⁶.

Процитированные авторы Энвер Кисриев и Роберт Уэр называют несколько причин, почему не состоялся проект чеченской независимости, среди которых не только политика России и крах экономического, социального и политического развития Чечни, но и “чеченская беззаконность”, которая восходит к “традиционной социальной структуре чеченцев”²⁷.

Как можно заключить из наших данных, чеченцы не были едины в своей борьбе против Москвы, а российское общество также разделилось в своем отношении к этой разрушительной войне. Через три года после первой войны в Чечне еще больше обострилось соперничество политических и военных группировок. Оппозиция

Масхадову обратилась к воинственному экспансионизму и к политическому исламу в попытке обрести собственную легитимность. Раскол затронул только вооруженную часть общества. Все больше и больше чеченцев вставало в оппозицию к обоим вооруженным лагерям (правительству и ваххабитам). Конфликт в Чечне начался и продолжился как внутричеченский. Именно это стало основным водоразделом чеченского общества, члены которого отвергали экономический и политический хаос и отсутствие личной безопасности. Проблема была в том, что большинство без автомата Калашникова было неспособно возвысить свой голос без неминуемого наказания.

Простые чеченцы стали заложниками экстремистской идеологии и блюстителей законов шариата. Чеченское общество действительно потерпело неудачу в строительстве “своего” государства, но не из-за отсутствия традиции неродовой политической организации и некой прирожденной чуждости закону и праву. В конце концов чеченцы жили много десятилетий по советским законам, которые при всех их деформациях являлись европейскими правовыми нормами и ценностями. Наконец, чеченцы в Чечне и за ее пределами приняли российские законы и жили по ним, занимаясь многими мирными делами, в том числе и честным бизнесом. Я не думаю, что успешные чеченские бизнесмены (Бажаев, Джабраилов, Сайдуллаев, Хаджиев и другие) и сотни других чеченских предпринимателей по всей России строили и строят свою деятельность на отторжении государства и права. Скорее их конкуренты, ксенофобы из органов власти и некоторые ученые пытаются создать им образ беспощадных приверженцев вольности и криминала.

Причины краха чеченской независимости и возникновения хаоса разорванного войной общества кроются не в этнографии и истории, а прежде всего в современных факторах. Во-первых, слишком много чеченцев оказалось подвержено националистической идеологии, к которой добавилась романтика и логика вооруженной борьбы, а затем и “великой победы”. Героическая мифология сослужила свою мобилизационную службу в период военных действий, но оказалась беспомощной во время послевоенной реконструкции и бесполезной для налаживания отношений с конфликтующей стороной. По справедливому замечанию Кисриева и Уэра, “эта воинская мифология является саморазрушительной особенно потому, что она носит самовозвеличивающий характер”²⁸.

Во-вторых, попытка построить как бы заново концепцию чеченской идентичности на религиозной основе ислама столкнулась с непреодолимыми препятствиями. Активизация в Чечне традиционного ислама суффийских братств происходила среди населения, которое в итоге советского наследия стало в значительной мере атеистичным, или, точнее, плохо образованным в религиозном плане. Закрывающий в себе общегуманистическое и миротворческое начала тарикатистский ислам не смог проявить себя в должной мере.

Воинская мифология и враждующие вооруженные группы подмяли под себя слабый и разрозненный муфтият. Лидеры вооруженных групп взывали к исламу в целях обрести политическую легитимность и верховенство. Особый ущерб возвращению ислама в чеченское общество был нанесен исламским радикализмом, получившим название ваххабизм. На стороне последнего оказались существенные внешние ресурсы, поступавшие из стран Персидского залива, Пакистана и Афганистана.

Ваххабизм, пытавшийся взять на себя роль “чистого” или “пуританского ислама”, был чужд чеченскому обществу. Но он внес достаточно, чтобы внести сумятицу и еще одну линию раскола в разрушенное войной общество. Именно радикальный исламизм, а не только экономический хаос и изоляция, не позволили установить в послевоенной Чечне какие-либо основы гражданского правления, законности и порядка.

Немаловажно и часто не замечается аналитиками то, что “чеченская революция” стала революцией двойного отрицания. Разрушив советскую систему управления и ее идеологию, общество отторгло порядок и сложившиеся основы жизни вообще и начало строить нереализуемые проекты воссоздания воображаемого порядка на основе клановых структур или религии. Такого порядка скорее всего в Чечне никогда и не существовало, по меньшей мере с момента пребывания ее в составе российского государства. Возможно, наиболее реалистичным сценарием было бы восстановление ситуации до 1991 г. Однако существовавший тогда порядок рухнул во всем остальном пространстве бывшего СССР. В окружающем Чечню мире также произошло двойное отрицание, но только с меньшими последствиями. Вернуться в этот мир стало уже невозможным и по причине его тотального осуждения внутренними и внешними силами. Ввергнутое в войну общество оказалось в драматической ситуации поиска формулы общественной жизни на основе выдуманных образов прошлого или же согласно предписанным внешними силами рецептам, чуждым для Чечни и ее жителей*.

¹ Подробнее см.: *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век). М. С. 148–162.

² *Ignatieff M.* The Warrior's Honor. Ethnic war and the modern conscience. L., 1999. P. 125.

³ *Хасбулатов Р.И.* Мне не дали предотвратить войну в Чечне. М., 1996.

⁴ *Greverus I.-M.* Speak up or be silent? On an ethno-anthropological approach to war // *Anthropological Journal on European Cultures* 1995. Vol. 4. N 2. P. 92.

* Я решил оставить последнее слово в своей книге за одним из моих чеченских партнеров, хотя с его мнением не согласен. Именно на этой заключительной фразе Хеда Абдуллаева сделала замечание: “Почему Вы пришли к выводу, что идея чеченской независимости потерпела крах? Это лишь дело времени. Эта идея дискредитирована, над ней надругались, но она скорее жива, чем похоронена. И каждый день войны добавляет число ее сторонников”.

- ⁵ Povrzanovic M. The Imposed and the Imagined as Encountered by Croatian War Ethnographers // *Current Anthropology*. Vol. 41. N 2. April 2000. P. 152.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Lieven A. Chechnya. Tomstone of Russian Power. New Haven. 1998. P. 353.
- ⁸ Ignatieff M. Op. cit. P. 175.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid. P. 176.
- ¹¹ Jambresic Kirin. Testimonial discourse between national narrative and ethnography as social-cultural analysis // *Collegium Anthropologicum*. 1995. Vol. 19, N 1. P. 26.
- ¹² International Herald Tribune. 02.07.1999.
- ¹³ Ignatieff M. Op. cit. P. 160.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Professional ethics: Statements and procedures of the American Anthropological Association. Wash., DC, 1973. P. 1.
- ¹⁶ Ignatieff M. Op. cit. P. 125.
- ¹⁷ См.: Социальная идентификация личности / Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1993. С. 132–133.
- ¹⁸ Томас де Ваал – Валерию Тишкову, 11 августа 2000 г. / Архив автора.
- ¹⁹ Lieven A. Op. cit. P. 335–339.
- ²⁰ Chesnov Y. Civilization and the Chechen // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 1995–1996. Winter. Vol. 34. N 3. P. 32.
- ²¹ Arutiunov S. Ethnicity and Conflict in the Caucasus // Wehling F. Ethnic Conflict and Russian Intervention in the Caucasus. Policy Paper N 16. Institute on Global Conflict and Cooperation, University of California, San Diego, August 1995. P. 17.
- ²² См.: Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко. Московский Центр Карнеги. Аналитическая серия. Вып. 3. М., 2000. С. 13.
- ²³ Lan D. Guns and Rain. Guerrillas and Spirit Mediums in Zimbabwe. Berkeley; Los Angeles, 1985.
- ²⁴ Lieven A. Op. cit. P. 354.
- ²⁵ Ibid. P. 335–339.
- ²⁶ Kisriev E., Ware R. Chechnya report. Michigan, 2000. P. 6–7.
- ²⁷ Ibid. P. 36.
- ²⁸ Ibid.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТ № 1

Конфиденциально (только для В.С. Черномырдина)

*Предложения по мирному урегулированию кризиса
в Чеченской республике Российской Федерации*

Будучи по своей изначальной природе проявлением явочной (без процесса волеизъявления и переговоров) сецессии на основе нереализуемой доктрины этнического национализма, кризис в Чеченской республике после декабря 1994 г. перерос в крупномасштабный вооруженный конфликт, результаты которого по своим человеческим и материальным потерям представляют собой общенациональную трагедию. После событий в Кизляре–Первомайском, принятия России в Совет Европы и начала массовых антивоенных акций в стране необходимость прекращения войны в Чечне стала политическим императивом. Срочное прекращение военных действий и начало реализации четкого и согласованного плана мирного урегулирования и восстановления основ жизнедеятельности в республике может способствовать укреплению авторитета федеральной власти и стать основным условием участия в выборах и переизбрания президента Б.Н. Ельцина.

Для трансформации конфликта с насильственной в ненасильственную форму возможны следующие действия:

1. Публичное признание со стороны Б.Н. Ельцина, что решение применить вооруженную силу в Чечне и формы реализации этого решения были ошибочными, так как это привело к неприемлемым для страны последствиям. Президент признает в том числе и свою личную ответственность за войну в Чечне и обещает до истечения срока президентских полномочий достичь мирного урегулирования и обеспечения основ гражданской безопасности в Чечне и прилегающих районах, а также прекращения почти ежедневных потерь среди военнослужащих и мирных граждан.

2. Президент называет ряд высших должностных лиц, способствовавших принятию и реализации ошибочной силовой стратегии в отношении Чечни и принимает отчетливые меры по их наказанию или публичному осуждению, даже если они уже отстранены от занимаемых постов.

3. Президент инициирует срочное принятие федерального закона о порядке применения вооруженной силы во внутренних конфликтах и обеспечивает его исполнение применительно к ситуации в Чеченской республике.

4. Президент определяет в своем ежегодном послании Федеральному собранию РФ главную стратегию разрешения конфликта:

а) соблюдение и исполнение уже достигнутых договоренностей по блоку военных вопросов от 30 июля 1995 г. при активизации роли ОБСЕ в составе Специальной наблюдательной комиссии, а также продолжение переговоров по военным аспектам в рамках как общего переговорного процесса, так и отдельных соглашений и договоренностей.

б) срочное возобновление переговорного процесса на трехсторонней основе (федеральные органы власти, правительство Доку Завгаева, продудаевские силы) с учетом уже подписанного Соглашения о разграничении полномочий. Целесообразно местом переговоров избрать город Казань или Нальчик. Возможно образование статуса ОБСЕ с наблюдательного в посреднический, тем самым повысив ответственность и вовлеченность этой влиятельной международной организации в мирном урегулировании внутреннего конфликта;

в) осуществление эффективных мер по нейтрализации вооруженных формирований (что не означает их физического уничтожения), а также мер по их изоляции от гражданского населения. Изоляция, включая перекрытие доступа материальных ресурсов (прежде всего оружия и боеприпасов) и отказ в трансляции образом и позиции продудаевских сил по СМИ;

г) специальными акциями добиться реализации решений правоохранительных органов в отношении Дудаева и Радиева и их отрыва от наиболее влиятельных фигур, прежде всего Масхадова и, возможно, Басаева. Наладить канал контактов с Масхадовым и Басаевым между федеральными фигурами и Завгаевым, в том числе по неофициальным каналам;

д) продолжение сотрудничества с властями Чеченской республики по выполнению Соглашения о разграничении полномочий, федеральных и республиканских программ восстановления, договоренностей по блоку военных вопросов;

е) осуществление комплекса внешнеполитических акций, обеспечивающих понимание и поддержку РФ в разрешении внутреннего конфликта и исключающих материальную и другие формы внешней поддержки продудаевских сил.

5. Изменить тон пропаганды и официального языка в отношении граждан РФ чеченской национальности, и прежде всего прекратить деление на “наших” и “ненаших”, а также квалификацию действий до судебного определения как “преступных”.

6. Поддерживать чеченскую интеллигенцию и деловых людей, готовых работать на мирное обустройство республики. Лидеры, по-

добные Хасбулатову, Хаджиеву, Аслаханову, ответственные за привод Дудаева к власти, должны быть включены во внутричеченский диалог и конкретную деятельность по восстановлению мирной жизни в Чечне. Однако лидирующие позиции должны переходить к новому поколению чеченских политиков.

7. В Чеченской республике стратегия должна быть направлена на:

а) обеспечение основ жизнедеятельности и безопасности населения;

б) укрепление правопорядка на основе совместной деятельности органов республиканской и федеральной власти;

в) внедрение избираемой и контролируемой системы органов власти на уровне районов и отдельных населенных пунктов;

г) поддержку и выработку дополнительных механизмов соблюдения так называемых зон безопасности или зон, свободных от присутствия войск и дудаевских формирований, на основе уже достигнутых и новых соглашений;

д) создание стимулов к осуществлению восстановительных работ и обеспечение в них решающего участия самих чеченцев;

е) особые меры по “альтернативным” воюющим командирам и боевикам рядового состава, включая гарантии безопасности в случае прекращения военных действий, а также меры по оказанию материальной и медицинской помощи;

ж) реабилитационную работу с пострадавшими в конфликте, особенно с вдовами и с теми молодыми мужчинами, кто принимал участие в вооруженных действиях;

з) решительные и гласные меры против наемников по линии МИД России и внутренних ведомств.

13 февраля 1996 г.

Член комиссии В.А. Тишков

ДОКУМЕНТ № 2

Предложения к встрече Ельцина–Масхадова

Конфиденциально

Не отвергая договоренности предыдущей встречи в мае 1997 г. исходные позиции российского руководства и федеральной стороны в целом должны быть существенно другими. Они должны основываться на следующих принципах:

1. Период после окончания военных действий в Чечне показал, что федеральные власти выполнили основную договоренность. Все вопросы взаимоотношений с Чечней решались мирным путем и на основе международного права. Следуя конституции и международно-правовым принципам, Россия уважает чеченскую государствен-

ность (республику) в рамках Российской Федерации и готова к переговорам о возможных изменениях статуса Чечни и ее особых, в отличие от других субъектов федерации, отношениях с федеральными органами власти. Россия, как и все международное сообщество, не признает и не признает вооруженную сецессию и в этом вопросе РФ также следует принципам международного права. Конституция страны, международное право и важнейшие международные договоренности (например, договор Россия–НАТО) требуют соблюдения территориальной целостности России как государства, и нарушение этого положения не входит в компетенцию президента РФ.

2. Россия оказала огромную помощь населению, пострадавшему от конфликта в Чечне. Около половины населения республики ныне обустроены в других районах страны, начиная от ее столицы. Федеральная власть, власти регионов и общество в целом будут и впредь способствовать налаживанию нормальной жизни граждан любой национальности, выехавших из Чечни. Будут направляться ресурсы на дальнейшее обустройство, рабочую занятость, социальную помощь, образование и поддержку культурной жизни российских граждан – бывших жителей Чечни, включая самих чеченцев. Будут предприниматься меры по устранению негативных отношений в обществе и факты дискриминации в отношении отдельных чеченцев. В соответствии с Конституцией и международными обязательствами РФ гарантирует все основные права представителей чеченской национальности на территории страны. Ограниченные ресурсы Чечни и внутренняя ситуация не позволяют надеяться на возвращение половины населения, покинувшего республику, но его права и мнение должны учитываться.

3. Поскольку часть территории страны – Чеченская республика (Ичкерия) в настоящий момент не может контролироваться федеральными органами власти, вся основная ответственность за обеспечение правопорядка и основ социально-экономической жизни лежит на правительстве ЧРИ. Здесь РФ может оказывать только ограниченную поддержку по социально-экономическому восстановлению территории республики, а также ограниченно отвечать за соблюдение прав граждан и выполнение перед ними государственных обязательств. Это происходит в форме социальных выплат и поддержки таких сфер жизни, как здравоохранение и образование. Насколько позволяет обеспечиваемая правительством в Грозном безопасность граждан и система распределения и использования финансовых средств, настолько федеральные власти, представители частного предпринимательства и общественные силы оказывают сильную помощь пострадавшему населению в самой Чечне и в ее восстановлении.

4. После подписания соглашения в мае 1997 г. в Чечне не произошла общественно-политическая консолидация вокруг правительства Масхадова, большинство чеченцев настроены против пол-

ной независимости от России. Они хотят иметь российские паспорта, жить, работать и учиться в России: как в Чечне, так и в остальной части страны. Ни один президент и правительство РФ не могут не учитывать это и не имеют права вытаскивать часть территории и ее граждан из состава государства. Жестко сепаратистская позиция части политического руководства Чечни, которое не может обеспечить правопорядок, контроль вооруженной части населения и основы экономического жизнеобеспечения, не может считаться достаточной для предоставления независимости.

5. Самым серьезным нарушением договоренностей между двумя президентами было сохранения насилия в отношении граждан в самой Чечне, эскалация преступности и вооруженного терроризма за ее непосредственными пределами. Правительство ЧРИ позволило укрепиться базам вооруженного терроризма на территории республики и ничего не сделано для выполнения собственных же решений в этой области.

6. В свете последних международных событий, особенно войны в Югославии, где вооруженный сепаратизм был открыто использован для разрушения государства и его целостности и для навязывания нового мироустройства со стороны США и их партнеров по НАТО, Российская Федерация не может больше допускать существование региона вооруженной сепаратистской и его использования в геополитических целях других держав. На Северном Кавказе должен быть установлен мир и стабильность. Эту задачу федеральные власти готовы решать совместно с правительством Масхадова и с органами власти других республик.

7. Главная проблема в том, что восстановление мира и основ общественной жизни в Чечне возможно только силами самого чеченского общества и только при участии всей России и ее ресурсов. Никакой другой внешний порядок и никакие другие внешние силы решать эту проблему неспособны, и этого не может позволить и сама Россия. Значит необходимо искать совместно пути выхода из конфликта. Здесь обе стороны за истекшие почти три года после прекращения военных действий сделали недостаточно.

8. Прогресса не будет, если не будет решена проблема контроля за вооруженными формированиями в Чечне и не ограничены разрушительные внешние воздействия. Первую проблему должно решать прежде всего правительство Масхадова при содействии федеральных властей. Вторую проблему будут решать федеральные власти совместно с властями северокавказских субъектов федерации и в координации с государствами Закавказья.

9. Только при решении этой проблемы и проблемы обеспечения безопасности людей на территории Чечни возможно какое-либо серьезное экономическое восстановление, хотя совместную экономическую программу и общую программу преодоления последствий конфликта необходимо срочно выработать совместно.

10. В настоящий момент РФ будет предпринимать специальные меры по ограничению доступа оружия и боеприпасов в Чечню, решительному противодействию преступным действиям по периметру административной границы, а также по предотвращению разрушительных внешних воздействий. МИД и другие ведомства и службы приложат все возможные усилия, чтобы внешние силы не помешали разрешению конфликта усилиями прежде всего вовлеченных в конфликт сторон. Какие-либо прямые или косвенные формы признания Чечни как независимого государства будут жестоко пресекаться.

11. В российском обществе будет проведена особая работа по мобилизации ресурсов и симпатий населения по оказанию помощи пострадавшим в конфликте, в том числе и по оказанию помощи ЧРИ.

В основу совместной декларации Ельцина и Масхадова важно положить также следующие тезисы:

1. Мирные отношения сохраняются и должны сохраняться впредь. Президенты выступают гарантами этого. Они обращаются ко всем политикам, бизнесменам и рядовым гражданам включиться в работу по преодолению последствий конфликта. Конфликт нельзя оставлять в наследство 3 тысячелетию и другим поколениям.

2. Главная забота – это соблюдение прав граждан и обеспечение основ жизни простых людей, проживающих в Чечне или выехавших из нее в результате конфликта. Международные нормы и обязательства требуют положить конец насилию в отношении граждан и их собственности, практике заложничества и торговли людьми, вооруженным нападениям на представителей органов власти и на население.

3. Россия и Чечня будут сами искать пути разрешения конфликта и предпринимать меры по ликвидации его последствий. Они отвергают попытки внешних воздействий и вмешательство.

4. Немедленно начать обсуждение политико-правовых аспектов взаимоотношений федеральных органов власти РФ и органов власти ЧРИ с определением статуса Чечни в установленные договором сроки.

5. Оба президента предпримут усилия, чтобы изменить климат вражды, страха и нетерпимости в отношениях представителей чеченского народа с другими народами РФ. Мир, как и войны, начинается с голов людей. Особую примиряющую и конструктивную роль в восстановлении Чечни и ее отношений с остальной Россией должны сыграть выходцы из республики, проживающие в других регионах России.

Июль 1997 г.

Член коллегии Миннаца России В.А. Тишков

ДОКУМЕНТ № 3

Предложения по Чечне

Оценка ситуации

Положение в Чечне после масштабного и разрушительного вооруженного конфликта характеризуется глубоким кризисом этой части российской территории и общества. Контроль над территорией держит вооруженная и враждующая между собой группировка, которая терроризирует и грабит население Чечни и даже прилегающих территорий. Чеченское общество глубоко расколото и половина населения пребывает за пределами республики. Никто из чеченцев не желает уходить из российского гражданства и все большее их число обустроивается в других регионах России. Идеи полной независимости сохраняют свою приверженность только наиболее экстремистские лидеры и часть комбатантов-фундаменталистов.

В Чечне идет усиленная идеологическая обработка населения на предмет одержанной “грандиозной победы в русско-чеченской войне” и состоявшейся независимости. Эту же идеологию проповедует часть российских политиков и экспертов, выступая за признание независимости Чечни.

Российское общество расколото по вопросу о Чечне и все больше утверждает враждебность к российским гражданам чеченской национальности. В языке политиков и СМИ окончательно утвердился образ “наших” и “не наших”, а также фраза “Россия и Чечня”, которые означают, что чеченцы – это не россияне, а Чечня – это не Россия. Реакция на Косово показала, что страна и правительство больше переживают за граждан Югославии, чем за собственных граждан, неизмеримо больше пострадавших от разрушительной войны. Ничего подобного гуманитарному конвою МЧС или публичным проявлениям симпатии пострадавшие жители Чечни (как выехавшие, так и оставшиеся) никогда в отношении себя не испытывали, хотя имеют на это гораздо больше оснований.

Внешние силы поддержки чеченского сепаратизма не ослабли и действуют более подспудно. Важным ресурсом поддержки является позиция Азербайджана и Грузии, мстящих России за недостаточно решительное выступление против аналогичного вооруженного сепаратизма в их собственных странах. Финансовая и идеологическая подпитка сепаратистского режима Чечни обеспечивается из дальнего зарубежья, и ее источники достаточно хорошо известны.

Общая стратегия

Исходная позиция и политика должны состоять в том, что отделение Чечни в качестве самостоятельного государства исключено.

Это не решает ни одной существующей проблемы и создаст массу новых крайне разрушительных проблем, в том числе общий кризис государства из-за ситуации на Кавказе. Отделившаяся Чечня станет не только еще более враждебной и жаждущей отмщения разрушенной и вооруженной страной, но и плацдармом для деятельности многих враждебных России сил, от США и НАТО до экстремистских групп из стран Востока и бывшего СССР. Признание Чечни есть поощрение вооруженного сепаратизма не только на Северном Кавказе, но и в других регионах страны.

Вся стратегия должна строиться на том, что Чечня – это самый серьезный внутренний кризис, требующий больших ресурсов государства и усилий общества по его преодолению. Этот кризис будет решаться прежде всего собственными силами страны, и внешнее вмешательство (кроме гуманитарного и экспертного содействия (здесь недопустимо при любом последующем развитии ситуации). Преодоление кризиса – это постоянная и приоритетная ответственность и забота федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов федерации на Северном Кавказе. Основной ресурс и путь преодоления кризиса – это мобилизация прежде всего местного населения на послевоенную реконструкцию с помощью федеральных и других средств. Этот вариант достижим только при решении вопросов контроля над вооруженными формированиями, максимальном взаимодействии Москвы и Грозного и при жесткой внешней изоляции Чечни от деструктивных воздействий.

Меры

1. Провести дополнительный комплекс мероприятий по исключению каких-либо форм даже косвенного признания Чечни как государства со стороны внешнего мира. Причем это имеет отношение не только к государствам, но и к международным организациям и экспертным структурам. Даже нанесение на карту Чечни как государства каким-либо автором-издателем должно рассматриваться как недружественный акт и вмешательства в дела России, а тем более деятельность зарубежных представителей на уровне государственных (как, например, в Азербайджане).

2. Необходимы общеразделяемый и обязательный для всех стран СНГ подход отказа от поддержки вооруженного сепаратизма и общие принципы урегулирования постсоветских конфликтов. Сейчас, после дополнительных и важных уроков Косово, имеется новый шанс разрешить “в пакете” наиболее глубокие конфликты, в которых вооруженный сепаратизм одержал внешние силовые победы, но не достиг и не может достичь политических целей. Надежды, что каждые из государств (Грузия, Молдова, Азербайджан, Россия) смогут решить свои конфликты, не помогая решить на тех же принципах конфликты в других странах, являются напрасными. Необходи-

ма общая резолюция о недопустимости второго круга дезинтеграции постсоветских государств и строгие меры (возможно национальные законы и международные структуры) о борьбе с вооруженным сепаратизмом и терроризмом.

3. В России должна быть сделана обстоятельная и срочная экспертиза ситуации вокруг кризиса в Чечне. Ее суть не в определении суммы ущерба, а в мерах преодоления кризиса и реконструкции общества. Предметом анализа должны быть:

а) где находится население, каково его положение, чем оно занято и каковы его интересы и устремления;

б) что представляет собой вооруженная часть граждан, откуда она берет оружие и снаряжение (особенно боеприпасы), каковы методы рекрутирования и за счет каких ресурсов существуют вооруженные формирования;

в) состояние общественного правления и органов власти, запросы и планы действующего правительства и его возможности;

г) состояние ресурсов и среды обитания, возможности аграрного самообеспечения (особенно разминирование аграрных угодий и весенний сев (и промышленного производства на основе внутренних ресурсов);

д) хозяйственная и политическая роль части населения Чечни, находящегося за пределами республики;

е) политическая формула взаимоотношений федерального центра (России) и органов власти Чечни;

ж) информационно-пропагандистская поддержка.

4. Необходимо менять общий климат отношения к Чечне и к чеченцам и через информационные, политические и гуманитарные каналы донести до чеченцев как в Чечне, так и в остальной России, что не только Чечня, но и чеченцы – это часть страны и ее населения. Без этой перспективы чеченцы трудно воспринимают вариант “назад от независимости”, считая его предательством и уступкой достигнутого. Страна и чеченцы должны знать, кто оплачивает пенсии и школьные занятия в Чечне. Антироссийская риторика, даже в ритуальном варианте со стороны Масхадова, должна находить ответ и не оставаться без реакции.

5. Необходимо телепередачи и радиостанция для Чечни, вещающие из Москвы.

6. На базе Университета дружбы народов создать Вайнахское отделение, где будут готовиться нужные для реконструкции кадры (управленцы-менеджеры, социальные работники, правоведы, другие) и где будет занята часть чеченской вузовской интеллигенции, выехавшие из Грозного.

7. Оказание всяческой поддержки той части населения Чечни, которая находится за ее пределами, и мобилизация ее ресурсов и антисепаратистских позиций.

8. Жесткая изоляция доступа в Чечню оружия и амуниции и ограничение свободного перемещения за рубеж жителей Чечни (без российской процедуры).

9. Разъяснительные меры морального воздействия в отношении тех, кто поддерживает сепаратистский режим в Чечне и отделение Чечни от России. Особенно это касается открытых выступлений ряда депутатов Государственной думы и видных публицистов.

Февраль 1999 г. В.А. Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абазатов М.А.* О вреде пережитков шариата и адатов в Чечне-Ингушетии и путях их преодоления. Грозный, 1963.
- Абашидзе А.Х.* Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., 1996.
- Абубакаров Т.* Режим Джохара Дудаева: Правда и вымысел. Записки дудаевского министра экономики и финансов. М., 1998.
- Абумуслимов С.* Геноцид продолжается. Киев, 1995.
- Авксентьев А.В.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.
- Автандилян Р., Гериханов М.* О межэтнических отношениях и о конфликте в Чечне. М., 2000.
- Авторханов А.* Империя Кремля. М., 1991; *Он же.* Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М., 1991.
- Акаев В.Х.* Шейх Кунта-Хаджи: Жизнь и учение. Грозный, 1994; *Он же.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1999. № 127.
- Алироев И.Ю.* Нахские языки и культура. Грозный, 1978; *Он же.* Чеченский язык. М., 1999.
- Алироев И., Сайдуллаев М.* Чеченцы! Кто они? М., 1999.
- Арутюнов С.* Законы гор вне законов равнин // Итоги. 1999. 19 янв. С. 14–16.
- Археолого-этнографический сборник / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1968. Т. II.
- Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
- Аствацатурова М.А., Тэпс Д.* Чеченская диаспора в России // Социсс. 1999. № 2. С. 60–62.
- Атлас ЧИАССР. М., 1978.
- Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII веках. Грозный, 1988.
- Ахриев Ч.* Ингуши: (Их предания и верования). Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. VIII.
- Базоркин М.М.* Памятники средневековья в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963.
- Балканы: Между прошлым и будущим. М., 1995.
- Бальбуров Д.* Записки чеченского пленника // Новая Юность. 2000. № 41(2). С. 93–114.
- Беляев С.* Девять месяцев в плену у чеченцев. Грозный, 1991 (1-е изд. 1848 г.).

- Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
- Берсанова З.* Чеченский этикет: Феномен “нохчолла” (середина XIX – начало XX века): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Она же.* Система ценностей современных чеченцев: (по материалам опросов) // Чечня и Россия: Общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999. С. 223–249.
- Боков Х.* Не навреди (Мысли об управлении). М., 1999; *Он же.* Мы – вайнахи. М., 2000.
- Боков Ф.П., Чабиев Р.* Яд криминала. М., 1994.
- Бутрос-Гали Б.* Повестка для мира. Нью-Йорк, 1992.
- Вахаев Л.* Политические фантазии в Чеченской республике // Чечня и Россия. С. 324–334.
- Виноградов В.Б.* Тайны минувших времен. М., 1966.
- Война в Чечне: Международный трибунал: Материалы опроса свидетелей. Первая сессия.* М., 1996.
- Габисов Б.* Чеченцы и ингуши (проблемы происхождения). Грозный, 1991.
- Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. М., 1997; *Он же.* Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: (Политический аспект). М., 1999; *Он же.* Чеченский кризис: новая фаза развития и терроризм // Современный терроризм: состояние и перспективы / Отв. ред. Е.И. Степанов. М., 2000. С. 120–132.
- Гамер М.* Шамиль: Мусульманское сопротивление царизму: Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.
- Гецаев М.* Знаменитые чеченцы. Грозный, 1999. Кн. первая.
- Графова Л.* Беженцам из Чечни бежать некуда. М., 2000.
- Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- Гужин Г.С., Чугунова М.* Сельская местность Чечено-Ингушетии и проблемы развития. Грозный, 1987.
- Далгат Б.У.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
- Далха Х.* Великие сражения Чечни. Джахар, 1999.
- Дахкильгов И.А.* Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
- Дауев Х.* Чечня: Коварные таинства истории. М., 1999.
- Дерлугьян Г.* Чеченская революция и чеченская история // Чечня и Россия. С. 197–222.
- Дешериев Ю.* Бацбийский язык. М., 1953; *Он же.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
- Дмитриев А.В., Залыгин И.Ю.* Насилие: Социо-политический анализ. М., 2000.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. М., 1996.
- Дудаев Дж.* Тернистый путь к свободе. Грозный, 1992.
- Журналисты на Чеченской войне: Факты, документы, свидетельства / Сост. О. Панфилов.* М., 1995.

- Заринов И.Ю.* “Чеченский узел” в этнополитике России: (Анализ центральной и региональной прессы России и стран ближнего зарубежья). М., 1999.
- Заурбекова Г.В.* Основные тенденции изменений социально-классового состава населения Чечено-Ингушетии за годы Советской власти // Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 19–31; *Она же.* Сепаратизм в Чечне. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2000. № 135.
- Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
- Зорин В.Ю.* Дневник не для себя (1989–1999): В 2 кн. М., 1999.
- Исаев Э.* Вайнахская этика. Назрань, 1999.
- Искандарян А.* Чеченский кризис: Провал российской политики на Кавказе. М., 1995.
- Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 1998, 1999. Вып. 1, 2.
- История Чечено-Ингушетии. Учебное пособие / Ред. Х.А. Гакаев. Грозный, 1989.
- Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Чечни / Отв. ред. А. Робакидзе. Тбилиси, 1986. Вып. VI.
- Калоев Б.А.* Чеченцы / Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1; *Он же.* Вайнахи (рукопись). Каменная летопись страны вайнахов: Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии / Сост. М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев. Автор текста В.И. Марковин. М., 1994.
- Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 1997.
- Ковальская Г.* Между правом и обычаем // Итоги. 1999. 19 янв. С. 17–18.
- Коган-Ясный В.В.* Чеченские перекрестки: Статьи, очерки, документы. М., 1995.
- Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998.
- Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е.И. Степанова. М., 1999.
- Косовский кризис: Международный аспект / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. М., 2000.
- Криминальный режим: Чечня, 1991–1995 гг.: Факты, документы, свидетельства / Ред. А.Г. Горлов. М., 1995.
- Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971; *Он же.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 20–24.
- Кушева Е.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1962.
- Лаудаев У.* Чеченское племя / Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI.
- Лысенко В.Н.* От Татарстана до Чечни: Становление российского федерализма. М., 1995.

- Мадаева З.А.* Социально-культурные изменения в сельских районах Чечено-Ингушетии (на примере с-за “Шалинский”) // Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии / Отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный, 1986. С. 32–39; *Она же.* Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии / Отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный, 1985. С. 6–18; *Она же.* Новогодняя обрядность в семейном быту вайнахов // Семейно-бытовая обрядность вайнахов / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1982. С. 64–77.
- Максимов Е.* Чеченцы / Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.
- Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962.
- Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1969.
- Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: Народы и политика. М., 1998.
- Миллер В.Ф.* Терская область: Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Т. 1.
- Мужухоев М.Б.* Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1989; *Он же.* Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 125–150.
- Музаев Т., Тодуа З.* Новая Чечено-Ингушетия. М., 1992.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975.
- Насардинов С.М., Насардинов Д.С.* Технология функционирования власти (рукопись).
- Национальная политика в России: история и современность / Отв. ред. В.А. Михайлов. М., 1997.
- Национально-государственное строительство в СССР: В 2 т. / Под ред. Д.А. Чугаева. М., 1968–1970.
- Нунуев С.-Х.* Нахи и священная история. Ярославль, 1998.
- Нуйкин А.* С кем мы воюем в Чечне: (Только голые факты)? // Наш выбор. № 3. С. 16–17.
- Овхадов М.Р.* Чечено-русское двуязычие. Грозный. 1983.
- Одинокий волк на тропе независимости. М., 1996.
- Ошаев Х.Д.* В сердце Чечни. Грозный, 1928.
- Паскевич А.Б., Устаев А.Л.* Трудовые ресурсы Чечено-Ингушской республики: Потенциал, степень использования, пути решения проблемы безработицы в условиях перехода к рынку. М., 1992.
- Перепелкин Л.С.* Чеченская Республика: Современная социально-политическая ситуация // Этнографическое обозрение. 1992. № 1.
- Перишц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А.* Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994.
- Петров Н.В. и др.* Чеченский конфликт в этно- и политико-географическом измерении. Изд. 2-е, перераб. и доп. // Политический ландшафт России. Бюллетень. 1995. Янв.
- Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

- Полян П.М.* К вопросу о плановом переселении с гор на равнину // Проблемы социально-экономического развития горных территорий Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1989. С. 58–60.
- Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад под ред. В.А. Тишкова. М., 1999.
- Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996.
- Райс К.* Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2000. Весна. Т. 5. № 2. С. 103–120.
- Религиозные секты на территории ЧИАССР и актуальные проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1987.
- Релятивистская теория нации / Под ред. А.Г. Здравомыслова. М., 1996.
- Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии / Под ред. Н.Ф. Бугая. М., 1994.
- Романенко С.А.* Югославия: Кризис, распад, война: Образование независимых государств. М., 2000.
- Россия–Чечня: Цепь ошибок и преступлений. Общество “Мемориал”. М., 1998.
- Рыжиков В.В., Зоев С.О., Гребенщиков П.А.* Чечено-Ингушская АССР. 2-е изд. Грозный, 1980.
- Сабля рая: (Горское оружие в Кавказской войне). Грозный. 1992.
- Семейно-бытовая обрядность вайнахов: Сб. научных трудов Чечено-Ингушского института истории, социологии и философии // Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1982. *Скакунов Э.И.* с участием В.Ю. Зорина и С.Г. Туронока. Чеченский конфликт. Международные исследования. № 10. М., 1996.
- Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.
- Соколовский С.В.* Полемологические заметки // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. *Он же.* Права меньшинств: Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997.
- Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- Социальная идентификация личности / Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1993.
- Степанов Е.И.* Конфликтология переходного периода: Методологические, теоретические, технологические проблемы. М., 1996.
- Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1992.
- Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульмано-правовая культура. М., 1997.
- Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: В 3 т. / Под ред. С. Алиевой. М., 1993.
- Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; *Он же.* Феномен сепаратизма // Федерализм. 1999. № 3. С. 5–32; *Он же.* Слова и образы в чеченской войне // Независимая газета. 2000. 2 дек. С. 9, 14.
- Тишков В.А., Белыева Е.Б., Марченко Г.В.* Чеченский кризис: аналитическое обозрение. М., 1995.
- Тузмухамедов Р.А.* Права и свободы народов в современных источниках права (сборник документов). Казань, 1995.

- Умаров С.Ц.* Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
- Усманов Л.* Непокоренная Чечня. М., 1997.
- Хамидова З.* Борьба за язык: (Проблема становления и развития чеченского языка) // Чечня и Россия. С. 128–149.
- Харузин Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей / Сборник материалов по этнографии. М., 1888. Вып. 2.
- Хасбулатов Р.И.* Ситуация в Чеченской республике // Независимая газета. 2000. 29 дек.; *Он же.* Ситуация в Чеченской республике: Неадекватная политика. 2000 (ротапринт); *Он же.* Государство, политика и сепаратизм: Чеченская трагедия стала результатом деформации федеральной власти // Независимая газета. 2000. 14 дек.; *Он же.* Генезис чечено-российского конфликта. М., 2001 (ротапринт).
- Хасбулатова З.И.* Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 67–92; *Она же.* Отражение социально-культурных изменений в современной семье чеченцев и ингушей (50–80-е гг.) // Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 40–57; *Она же.* Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии / Отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный, 1985; *Она же.* Из опыта народной педагогики вайнахов XIX – начала XX в. // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Грозный, 1988.
- Хатаев А.* Эшелон бесправия. М., 1977; *Он же.* Враг народа. М.; СПб., 2000.
- Хоперская Л.Л.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1998.
- Чеснов Я.В.* Этнокультурный потенциал чеченской нации // Северный Кавказ: Этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков и С.В. Чешко. М., 1996; *Он же.* Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия. С. 63–101; *Чеснов Я.В.* Чеченцем быть трудно. Тейпы, их прошлое и роль в настоящем // Независимая газета. 1994. № 181. 22 сент.; *Он же.* Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994, № 5; *Он же.* Чеченская культура детства // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996.
- Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Вып. первый / Отв. ред. Н.П. Гриценко, А.А. Саламов. Грозный, 1971.
- Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Гуманитарные науки: Библиографический указатель, 1970–1982 гг. / Отв. ред. Н.П. Гриценко, А.Г. Попов. Грозный, 1985.
- Чеченцы и ингуши / Сост. М. Яндиев, ред. А. Мальсагов. Назрань; М., 1999.
- Чеченцы: история и современность / Ред. Ю.А. Айдаев. М., 1996.
- Чеченцы смеются / Сост. Н. Орехов. М., 1997.
- Чечня: Право на культуру. М., 1999.
- Чечня и Россия: Общество и государство / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999.

- Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Грозный, 1992.
- Шерматова С., Никитинский Л.* Генералы работоторговли // Московские новости. 2000. № 12. 28 марта.
- 60 лет ЧИАССР: Стат. сб. Грозный, 1982.
- Шиллинг Е.М.* Ингуши и чеченцы / Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931.
- Шнирельман В.* Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / Реальность этнических мифов. Московский Центр Карнеги. Аналитическая серия. Вып. 3 / Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малащенко. М., 2000.
- Юсупов М.* Орстхойцы: Кто они? / Бюллетень Сети этнологического мониторинга. 1999. № 26. Июль–авг. С. 60–61. *Он же.* Структура и движущие силы чеченского конфликта // Этнопанорама. 2000. № 1(3). С. 35–43.
- Яковлев Н.* Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927; *Он же.* Морфология чеченского языка. М., 1939; *Он же.* Синтаксис чеченского языка. М., 1941.
- Яндарбиев З.* Чечения – битва за свободу. Львов, 1996.
- Яндаров А.Д.* Суфизм и идеология национально-освободительного движения: (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20–70 гг. XIX в.). Алма-Ата, 1975.
- Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science / Ed. A. Gupta, J. Ferguson. Berkeley, 1997.
- Arutiunov S.* Ethnicity and Conflict in the Caucasus // Ethnic Conflict and Russian Intervention in the Caucasus. Institute on Global Conflict and Cooperation University of California. Policy Paper / Ed F. Wehling. San Diego, August 1995. № 16.
- Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. L., 1985.
- Bookman M.Z.* The Economics of Secession. N.Y., 1992.
- Bringa T.* Being Muslim. The Bosnian Way. Princeton, 1995.
- Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.
- Burton J.* Conflict: Resolution and Prevention. L., 1990.
- Carbonnier G.* Conflict, Postwar Rebuilding and the Economy. A. Critical Review of the Literature. The War-torn Societies Project Occasional Paper, № 1. 1998. Chechnia Report. International Alert. L., 1992.
- Chesnov Y.* Civilization and the Chechen // Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 34. № 3. Winter 1995–1996. P. 28–40.
- Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies / Ed. J.V. Montville. Lexington, 1990.
- Conflict: Human Needs Theory / Ed. J. Burton. L., 1990.
- Dunlop J.B.* Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. Cambridge, 1998.

- Ethnic Conflict and International Security / Ed. M. Brown. Princeton, 1993.
- Gall C., de Waal Th.* Chechnya: Calamity in the Caucasus. N.Y., 1998
- Gurr T.R.* Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Wash., 1993.
- Gurr T.R., Harff B.* Ethnic Conflict in World Politics. Boulder, 1994.
- Fear, Death and Resistance. An Ethnography of War: Croatia 1991–1992 / Ed. L.C. Feldman, I. Prica, R. Senjkovic. Zagreb, 1993.
- Ferguson B. with L.E. Farragher.* The Anthropology of War: A Bibliography. N.Y., 1990.
- Fieldwork under Fire. Contemporary Studies of Violence and Survival / Ed. C. Nordstrom, A. Robben. Berkeley, 1995.
- Fisher R.* Needs Theory, Social Identity and an Alectic Model of Conflict // Conflict: Human Needs Theory.
- Greverus I.-M.* Speak up or be silent? On an ethno-anthropological approach to war // Anthropological Journal on European Cultures. 1995. Vol. 4. № 2. P. 87–94.
- Hansen G., Seely R.* War and Humanitarian Action in Chechnya. Thomas J. Watson Jr. Institute for International Studies. Occasional Paper № 26. Providence, 1996.
- Hannum H.* Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. Philadelphia, 1990.
- Horowitz D.* The Deadly Ethnic Riot. Berkeley, 2001.
- Ignatieff M.* The Warrior's Honor. Ethnic war and the modern conscience. L., 1999.
- Jambresic Kirin R.* Testimonial discourse between national narrative and ethnography as social-cultural analysis // Collegium Anthropologicum. 1995. Vol. 19. № 1. P. 17–27.
- Kaldor M.* New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era. Stanford, 1999.
- Koch K.-F.* The Anthropology of Warfare. Reading, 1974.
- Kuzio T.* International Reaction to the Chechen Crisis / Central Asian Survey. 1995. 15(1). P. 97–109.
- Laitin D.* Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca; L., 1998.
- Lan D.* Guns and Rain. Guerrillas and Spirit Mediums in Zimbabwe. Berkeley; Los Angeles, 1985.
- Lavik N.J., Nygard M., Sveaass N. & Fannemel E.* Pain and Survival. Human Rights Violations and Mental Health. Oslo, 1994.
- Lieven A.* Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven; L., 1998.
- Liono A.* The Chechen Problem: Sources, Developments and Future Prospects. Danish Institute of International Affairs. Working Paper № 12. 1999.
- Lustick I.* Unsettled States, Disputed Lands: Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza. Ithaca; L., 1993.
- Malcolm N.* Bosnia. A Short History. L., 1994.
- Markakis J.* National and Class Conflict in the Horn of Africa. L., 1990.

- Milic A.* Women and Nationalism in the Former Yugoslavia // Gender, Politics and Post-Communism / Ed. N. Funk, M. Mueller. N.Y. 1993.
- Musgrave Th.D.* Self-Determination and National Minorities. Oxford, 1997.
- Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy / Ed. L. Diamond and M.F. Plattner. Baltimore; L., 1994.
- The North Caucasus Barrier: The Russian Advance Towards the Muslim World / Ed. M. Bennigsen Broxup. L., 1992.
- Peace and War: Cross-Cultural Perspectives / Ed. M.L. Foster, R.A. Rubinstein. New Brunswick, 1986.
- Pfaff W.* The Wrath of nations. Civilization and the Furies of Nationalism. N.Y.; L., 1993.
- Povzhanovich M.* War Experience and Ethnic Identities: Croatian Children in the Nineties // Collegium Anthropologica. 1995. Vol. 19. № 1; *Idem.* The Imposed and the Imagined as Encountered by Croatian War Ethnographers // Current Anthropology. 2000. Vol. 41. № 2.
- Preventing Deadly Conflicts. David Hamburg's commission report. N.Y., 1998.
- Prince R.* The Legacy of the Holocaust. Psychohistorical Themes in the Second Generation. Ann Arbor, 1985.
- Riches D.* The Anthropology of Violence. Oxford, 1986.
- Rubinstein R.A.* Collective Violence and Common Security // Companion Encyclopedia of Anthropology / Ed. T. Ingold. L.; N.Y., 1994. P. 983–1009.
- Sandole D.* Conflict Resolution in the Post-Cold War Era: Dealing With Ethnic Violence in the New Europe. Institute for Conflict Analysis and Resolution George Mason University. Working Paper № 6. Fairfax, 1992.
- Scheper-Hughes N.* Death Without Weeping. The Violence of Everyday Life in Brazil. Berkeley, 1992.
- Scott J.C.* Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven; L., 1998.
- Searching for Peace in Africa. An Overview of Conflict Prevention and Management Activities / Ed. M. Mekenkamp, P. van Tongeren and H. van de Veen. Utrecht, 1999.
- Searle J.R.* The Construction of Social Reality. Boston, 1995.
- Separatism – Culture Counts, Resources Decide / Ed. T. Andresen, B. Bull, K. Duvold. Bergen, 1997.
- Smith D.* The State of War and Peace. Atlas. Third edition. L., 1997.
- Sofos S.A.* Inter-ethnic Violence and Gendered Constructions of Ethnicity in former Yugoslavia // Social Identities. 1996. Vol. 2. № 1.
- Sorensen B.* Women and Post-conflict Reconstructions. Issues and Sources. The War-torn Societies Project Occasional Paper. № 3. Geneva, 1998.
- Starovoitova G.* National Self-Determination: Approaches and Case Studies. Thomas J. Watson Jr. Institute for International Studies. Occasional Paper № 27. Providence, 1997.
- Stavnhagen R.* Ethnic Conflicts and the Nation-State. L.; N.Y., 1996.
- Stern P.* Why do People Sacrifice for Their Nations? // Political Psychology. 1995. Vol. 16. № 2. P. 217–235.
- Stiefel M.* Rebuilding after war: A summary report of the war-torn societies project. United Nations Institute for Social Development. Geneva, 1998.

Suny R.G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collpase of the Soviet Union. Stanford, 1993.

Tambiah S.J. Leveling Crowds: Ethnonationalist Conflicts and Collective Violence in South Asia. Berkeley – Los Angeles, 1996.

The Social Dynamics of Peace and Conflict: Culture in International Security. Rubinstein, R.A. Foster, M.L. (eds) Boulder, 1988.

The Yugoslav War, Europe and the Balkans. How to Achive Security? Ravenna, 1995.

Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. L., 1997; *Idem.* Ethnic Conflicts in the Former USSR: The use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. № 5. P. 1–21; *Idem.* Understanding Violence for Post-Conflict Reconstrction in Chechnya. Centre for Applied Studies in International Negotiations. Geneva, Jan. 2001; *Idem.* The Culture of Hostage Taking in Chechnya // Countering Terrorism Through International Cooperation / Ed. A. Schmid. Milan, 2001. P. 341–364.

War, exile, everyday life: Cultural perspectives / Ed. R. Jambresic Kirin, M. Povrzanovic. Zagreb, 1996.

Why Bosnia? Writings on the Balkan War. Ed. Rabia Ali. Connecticut, 1993.

Williams T. Post-Traumatic Stress Disorders: A Handbook for Clinicians. Cincinnati, 1987.

Witmer B. The Violence Mythos. Albany, 1997.

Woodward S. Balkan Tragedy. Wash., 1996.

Научное издание

Тишков Валерий Александрович
ОБЩЕСТВО
В ВООРУЖЕННОМ
КОНФЛИКТЕ
(этнография чеченской войны)

Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.М. Черемных*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор

Верстка выполнена в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. Усл.кр.-отт. Уч.-изд.л.
Тираж экз. Тип. зак.

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12